H.
ерки.

Библіотека Н. П. Малютина

Отдѣлъ

Шкафъ

№ 1038

3 т.

- IIOH 1925

891
А. 68

ВОСПОМИНАНІЯ

и

КРИТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

СОБРАНІЕ СТАТЕЙ И ЗАМѢТОКЪ

П. В. Анненкова.

1849—1868 гг.

ПРОВЕ... ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Книжномъ Складѣ Типографіи М. Стасюлевича,
Вас. Остр. 2 л., 7.

1879

СОЧИНЕНІЯ П. В. АННЕНКОВА

Digitized by the Internet Archive
in 2019 with funding from
Getty Research Institute

https://archive.org/details/vospominaniiaikr02anne

ВОСПОМИНАНІЯ

и

КРИТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

СОБРАНІЕ СТАТЕЙ И ЗАМѢТОКЪ

П. В. Анненкова.

1849—1868 гг.

Московская Библиотека имени Н. С. Стеклова Красно-Просп.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр. 2 л., 7.

1879

(431)

Статьи, вошедшія во второй отдѣлъ, носятъ на себѣ преимущественно журнальный характеръ, и, какъ статьи чисто-критическія, выражаютъ потому собою вмѣстѣ и литературное направленіе тѣхъ органовъ, въ которыхъ онѣ помѣщались. Съ 1849 года, въ теченіи восьми лѣтъ, П. В. Анненковъ помѣщалъ свои статьи въ „Современникѣ" — это были первые годы существованія журнала, подъ новою редакціею; въ самомъ концѣ 50-хъ годовъ, его статьи встрѣчаются въ „Русскомъ Вѣстникѣ" и въ „Атенеѣ"; въ первой половинѣ 60-хъ годовъ, онъ принималъ участіе въ критическомъ отдѣлѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей"; во второй половинѣ 60-хъ годовъ, помѣщалъ свои критическія статьи въ „Вѣстникѣ Европы", въ самые первые годы его существованія.

Изъ всего, напечатаннаго П. В. Анненковымъ въ упомянутыхъ изданіяхъ, онъ избралъ только то, что̀ имѣло отношеніе къ болѣе крупнымъ фактамъ текущей литературы и къ главнымъ ея представителямъ. Такимъ образомъ, взятыя вмѣстѣ, его статьи представляютъ теперь довольно полный обзоръ нашей новѣйшей литературы за двадцатилѣтній ея періодъ (1849—1868), и могутъ до нѣкоторой степени возмѣщать собою отсутствіе именно этого отдѣла, какъ новѣйшаго, въ существующихъ исторіяхъ русской литературы, останавливающихся обыкновенно на тѣхъ самыхъ годахъ, которыми начинается настоящій сборникъ.

Пробѣгая содержаніе этого отдѣла, мы легко убѣждаемся, что двадцатилѣтіе 50-хъ и 60-хъ годовъ прошло не безслѣдно въ общей исторіи нашей литературы и оставило по себѣ не мало памятниковъ, къ которымъ долго еще будутъ возвращаться, какъ къ художественнымъ образцамъ. Критическія

статьи той эпохи въ свою очередь послужатъ свидѣтельствомъ того, какъ относились современники къ нарождавшимся тогда литературнымъ фактамъ. П. В. Анненковъ продолжалъ преданія критической школы предшествующаго ему времени; въ то время, когда онъ только-что начиналъ писать, скончался начинатель новѣйшей критики Бѣлинскій (1848 г.). Въ наше время чисто-литературная критика, по общему сознанію, ослабѣла, и причина того, безъ сомнѣнія, заключается не столько въ томъ, что со времени Бѣлинскаго и Добролюбова не является новаго сильнаго критическаго таланта, сколько именно по самому характеру новѣйшей литературы: въ тѣ времена, и позднѣе, чисто-литературная критика была дѣломъ необходимости, когда движущіе интересы были сосредоточены въ литературѣ художественной, съ нравственно-психологическимъ бытовымъ содержаніемъ, — но она неизбѣжно отступила на второй планъ, когда литературѣ въ извѣстной степени стали доступны прямо общественные вопросы, которыхъ прежде она могла коснуться робко въ беллетристическомъ матеріалѣ; область прежней критики ограничилась, когда изъ нея выдѣлились съ одной стороны критика литературно-историческая, съ другой— чистая публицистика. Но если въ наше время мы не можемъ повторять старую критическую школу, то, тѣмъ не менѣе, мы должны ее изучать и знать во всѣхъ теченіяхъ, какія связываютъ наше неопредѣлившееся настоящее съ нашимъ недавнимъ прошедшимъ. Всякое твердое прогрессивное развитіе требуетъ для себя непрерывности преданія.

Въ расположеніи статей мы держались хронологическаго порядка, и если на первомъ мѣстѣ помѣстили позднѣйшую статью, то единственно потому, что она представляетъ собою тэму общаго содержанія, и можетъ такимъ образомъ служитъ какъ-бы предисловіемъ ко всему второму отдѣлу.

С.-Петербургъ.—15 декабря, 1878.

С.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОГО ОТДѢЛА.

Стр.

I. — Старая и новая критика (1856 г.) 1

II. — Замѣтки о русской литературѣ 1848-го года (1849 г.) 23

III. — Романы и разсказы изъ простонароднаго быта, въ 1853-мъ году (1854 г.) 46

IV. — Характеристики: И. С. Тургеневъ и Л. Н. Толстой (1854 г.). 84

V. — С. Т. Аксаковъ и его „Семейная хроника“ (1856 г.) . 109

VI. — Сатира въ комедіи Н. Львова: „Свѣтъ не безъ добрыхъ людей“ (1858 г.) 132

VII. — Литературный типъ слабаго человѣка.—По поводу Тургеневской „Аси“ (1858 г.) 149

VIII. — Дѣловой романъ въ нашей литературѣ: „Тысяча душъ“, романъ А. Писемскаго (1859 г.) 173

IX. — Наше общество въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ Тургенева (1859 г.) 194

X. — „Гроза“ Островскаго и критическая буря (1860 г.) . . 222

XI. — Русская беллетристика въ 1863 году:

1) Помяловскій 244

2) Г. Успенскій. 257

3) Островскій 267

4) Н. Щедринъ. 276

5) Гр. Л. Н. Толстой. 286

6) Г-жа Кохановская 303

7) Писемскій. 313

Стр.

XII. — Чаевъ и гр. А. К. Толстой въ 1866 г.: „Дмитрій Самозванецъ“ и „Смерть Іоанна Грознаго“ (1866 г.) . . . 323

XIII. — Русская современная исторія въ романѣ И. С. Тургенева „Дымъ“ (1867 г.) 342

XIV. — Историческіе и эстетическіе вопросы въ романѣ гр. Л. Н. Толстого: „Война и миръ“ (1868 г.) 364

XV. — Послѣднее слово русской исторической драмы: „Царь Ѳедоръ Ивановичъ“, гр. А. К. Толстого (1868 г.). . . 387

СТАРАЯ И НОВАЯ КРИТИКА.

(1856 г.)

Несмотря на разнообразіе требованій и стремленій нашей современной критики изящнаго, можно, кажется, усмотрѣть два основныя начала въ ея оцѣнкѣ текущихъ произведеній словесности. Начала эти и прежде составляли предметъ дѣятельной полемики между литераторами, а въ послѣднія пять лѣтъ они обратились почти въ единственный серьезный вопросъ, возникавшій отъ времени до времени на шумномъ полѣ такъ-называемыхъ обозрѣній, замѣтокъ, журналистики. Начала, о которыхъ говоримъ, по существу своему еще такъ важны въ отношеніи къ отечественной литературѣ, еще такъ исполнены жизни и значенія для нея, что тамъ только и являлось дѣльное слово, гдѣ они были затронуты, тамъ только и пропадали личныя страсти и легка была работа присяжнаго браковщика литературы, гдѣ они выступали на первый планъ. Спѣшимъ сказать, что начала эти были: идея о *художественности* произведеній и идея о *народности*. Посильное опредѣленіе ихъ съ одной стороны, а съ другой стороны, сомнѣніе въ возможности и пользѣ опредѣленія ихъ составляли и составляютъ доселѣ спорный пунктъ въ критикѣ, имѣющій силу тотчасъ же изгонять изъ нея систему личныхъ, произвольныхъ мнѣній, объясняющихъ всегда болѣе темпераментъ и характеръ рецензента, чѣмъ самое дѣло. Безъ этого спорнаго пункта статьи рецензентовъ могли служить, съ рѣдкими исключеніями, только успѣшнымъ средствомъ для изученія ихъ самихъ, а совсѣмъ не предмета ихъ изслѣдованій. Само собою разумѣется, что и умы читателей вращались въ томъ же кругу, упадая тотчасъ, какъ выходили изъ него, въ сферу симпатій и антипатій критиковъ, въ сферу ихъ умственныхъ привычекъ, а иногда и въ сферу ихъ частныхъ дѣлъ...

Ограничимся вопросомъ о художественности. Почему считаемъ мы его жизненнымъ вопросомъ для отечественной литературы, предъ которымъ всѣ другія требованія, какъ, напримѣръ, нынѣшнее требо-

ваніе идеальнаго обращенія съ природой и обществомъ, кажутся намъ требованіями второстепенной важности? Отвѣтъ будетъ заключаться въ нашей статьѣ, и мы нисколько не скрываемъ отъ себя возраженій, какія могутъ быть сдѣланы заранѣе противъ цѣли и самой мысли ея. Развѣ понятіе о художественности въ произведеніяхъ искусства, съ самаго появленія своего въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, не было изслѣдовано, что́ называется до нитки, и не переродилось наконецъ въ бѣдную фразу, которая встрѣчается подъ перомъ перваго разбирателя литературы и глухо звучитъ тамъ единственно по качеству пустоты своей? Развѣ не пресыщены умы читателей нашихъ долголѣтнимъ опредѣленіемъ разнородныхъ принадлежностей художественности до того, что иногда мертвыя явленія словесности казались имъ живыми образами, по причинѣ недѣятельности сильно утомленнаго эстетическаго чувства? Развѣ, наоборотъ, та же причина не порождала отвращенія ихъ, по крайней мѣрѣ недовѣрія къ талантливымъ произведеніямъ, рѣзкость и сила которыхъ непріятно дѣйствовали на чувство, привыкшее къ діалектическому порядку, логической важности и тишинѣ? Развѣ толки о художественности не лишили подъ конецъ русскую публику живой, эстетической критики, которая въ блестящемъ видѣ существовала при самомъ появленіи идеи и терялась все болѣе, по мѣрѣ старости и одряхлѣнія ея? Гдѣ теперь всѣ прежнія достоинства рецензіи: опредѣленіе творческихъ способовъ писателя, разъясненіе его мысли, вся частная работа критика на данныхъ, представляемыхъ образцомъ, и открытіе новыхъ горизонтовъ, новыхъ перспективъ, съ той точки, на которую образецъ уже поставилъ себя? Гдѣ эта понудительная мысль, указывавшая автору еще множество переходовъ, оставленныхъ имъ въ сторонѣ, а иногда открывавшая ему неожиданную даль въ опредѣленной мѣстности? Гдѣ эти взаимныя и великія услуги автора критику и обратно, составлявшія настоящія, разумныя отношенія между ними? Тогда еще сильно чувствовалось, что критикъ обязанъ писателю высшею точкой созерцанія, которая достигается только творческимъ инстинктомъ, и до которой иногда не доходитъ рецензентъ, предоставленный однимъ собственнымъ средствамъ. Въ замѣнъ того, критикъ отдавалъ писателю зоркость глаза, изощреннаго наблюденіемъ, который, съ умѣньемъ подмѣчать всѣ тонкія черты картины, способенъ еще находить въ самомъ сцѣпленіи ея частей — зародышъ новыхъ соображеній и созданій. Гдѣ всѣ эти плодотворныя отношенія между авторомъ и критикомъ, существовавшія, напримѣръ, въ эпоху появленія Гоголя на литературномъ поприщѣ, и которыя, въ меньшей степени разумѣется, могли бы существовать и нынѣ? Вошла въ обыкновеніе какая-то игра

именами, какъ шашками, съ перестановкой ихъ, смотря по тому, какое имя въ данный часъ пришлось болѣе по вкусу критика. Писатели, вмѣсто оцѣнки ихъ стремленій и рода ихъ дѣятельности, сводятся поминутно, какъ школьники, съ одной скамейки на другую, понижаются съ первой на послѣднюю, и возвышаются съ послѣдней на ближайшую къ учителю и т. д. И тѣмъ страннѣе эта игра именами, эти сравненія одной головы съ другою, какъ будто головы должны быть схожи, что въ настоящее время (въ противоположность къ прошлому) самостоятельные наши писатели и даже тѣ, которые только въ нѣкоторой степени надѣлены талантомъ, рѣшительно выше всѣхъ нынѣшнихъ рецензій, написанныхъ на нихъ. Они выше уже потому, что имѣютъ свободный выборъ явленій, образовъ, характеровъ изъ всего Божьяго міра, что побужденіе *(инициатива)* для всѣхъ возможныхъ направленій представленій находится въ ихъ рукахъ, что только въ нихъ есть зародышъ жизни и преуспѣянія: критика, сведенная на двѣ или на три идеи, питается только крохами съ ихъ стола и еще не цѣнитъ дарового хлѣба. Таковы упреки, которые могутъ быть сдѣланы попыткѣ поднять старый, обветшалый, давно рѣшенный и въ послѣдствіяхъ своихъ не совсѣмъ благопріятный вопросъ.

Но въ томъ-то и дѣло, что, по особенности положенія русской литературы, вопросъ, какъ намъ кажется, нимало не обветшалъ, а главное совсѣмъ не виноватъ въ послѣдствіяхъ, которыя взводятъ на него. Уже одно то, что мыслящіе люди современности были постоянно заняты имъ, доказываетъ несомнѣнно его важность, а краткая исторія вопроса, которую мы намѣрены привести здѣсь, подтвердитъ свидѣтельство это, полагаемъ, съ достаточною силой и очевидностью.

Понятіе о художественности является у насъ въ половинѣ тридцатыхъ годовъ и вытѣсняетъ сперва прежнія эстетическія ученія о добромъ, трогательномъ, возвышенномъ и проч., а наконецъ и понятіе о романтизмѣ. Критика тогдашняго времени принялась съ жаромъ за разработку новой идеи. Нѣтъ сомнѣнія, что по чувству силы, прибывшей вмѣстѣ съ понятіемъ, она мало цѣнила старыя эстетическія положенія, которыя имѣли не меньшее право на вниманіе въ свое время и принесли не меньшую пользы, чѣмъ и новооткрытый взглядъ на искусство; но въ эпохи добытія свѣжей идеи первымъ дѣломъ всегда бываетъ преимущественное развитіе ея и забота отстранить отъ нея всякое соперничество. По излишеству самихъ силъ, употребленныхъ въ дѣло, теорія художественности выросла у старой критики до идеальнаго представленія, которое почти исключало писателей съ обыкновенными, человѣческими способностями и нуждалось въ геніяхъ, колоссальныхъ талантахъ для своего воопло-

щенія въ какомъ-либо произведеніи. Вспомнимъ тѣ неисполнимыя задачи, которыя тогда задавались писателямъ какъ въ отношеніи постройки произведенія, такъ и въ отношеніи характеровъ и лицъ, которыя должны были отличаться недосягаемою вѣрностію самимъ себѣ, жизни и произведенію въ каждую минуту своего развитія. Это былъ вѣкъ критическаго энтузіазма. Съ обрѣтеніемъ новаго понятія казалось, что уже весь міръ искусства освѣщенъ до самыхъ тайныхъ своихъ угловъ, и нѣтъ въ немъ болѣе ни задачь, ни явленій, мѣшающихъ приговору, ни вообще загадочныхъ созданій, требующихъ долгаго и осторожнаго осмотра. Начáла свои критика ставила твердо, безъ послабленія и безъ оговорокъ. Цѣлые народы выкидывались изъ исторіи искусства, какъ только усматривалось, что въ эстетическомъ своемъ развитіи они шли не тою дорогой, какая извѣстна была теоріи, и опрокидывались памятники, составлявшіе наслажденіе многихъ поколѣній, какъ только не находилось въ нихъ всего того, чтó было въ рецептѣ теоріи. Критика, впрочемъ, знала, что только такимъ образомъ крѣпко прививаются понятія, и говорила во всеуслышаніе: „если есть гдѣ-нибудь ошибка, то ошиблась исторія, а правила не ошибочны“. Но рядомъ съ этимъ теоретическимъ движеніемъ, исполненнымъ юношеской энергіи и мощи, жила тогда и чисто-эстетическая критика, столь много способствовавшая развитію у насъ чувства изящнаго и опредѣленію особеннаго положенія разныхъ частныхъ дѣятелей въ его области, да и въ самомъ жару своихъ стремленій къ теоретическому идеалу сколько было высказано тою же старою критикой тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ горячихъ и правдивыхъ словъ о важности искусства въ народной жизни, о значеніи его, какъ учителя, и вѣковѣчныхъ законахъ, ему присущихъ! Всѣ эти здравыя и одушевленныя слова, расточаемыя щедро, сопровождались неизбѣжнымъ паденіемъ въ общественномъ мнѣніи всего литературно-ложнаго, слабаго, искусственно-пронырливаго. Они сдѣлались теперь достояніемъ публики, обратились въ народный капиталъ идей, и частію этого общаго добра живутъ даже и тѣ, которые поставляютъ себѣ за честь ни отъ кого не происходить, чтó кажется имъ возможнымъ. Какъ свидѣтельство въ пользу благодѣтельнаго толчка, даннаго старою критикой мыслящей дѣятельности современниковъ, мы можемъ сказать, что, съ ея руки, теоретическимъ вопросомъ объ искусствѣ занимались лучшіе умы и даровитѣйшіе писатели. Пушкинъ, у котораго начала искусства захватывали вообще весьма большую долю мышленія, одобрялъ ея основныя положенія, а какъ глубоко вдумывался въ законы его Гоголь, показываютъ его „Разъѣздъ“ и нѣкоторыя страницы „Авторской Исповѣди“.

Но старая критика наша не могла оставаться долго слѣпою, даже и въ отношеніи къ самой себѣ. Она же первая и замѣтила, что теоретическія требованія ея оставляютъ въ сиротствѣ и неуваженіи многія явленія, принесшія свою долю нравственной пользы. Несправедливостью и важнымъ примѣромъ показалось ей на вѣкъ осудить и откинуть умное слово, потому только, что оно не могло сказаться въ настоящихъ формахъ искусства, не признать мѣткаго наблюденія и современной важности какого-либо дѣльнаго указанія, потому только, что они выражались не вполнѣ художественно. Критика сороковыхъ годовъ сама почувствовала несостоятельность своей теоріи творчества. Не весь горизонтъ искусства обнимала она и не всѣ явленія изящной письменности могли свободно держаться въ ней. Не покидая ни одного изъ своихъ основныхъ эстетическихъ убѣжденій, критика взялась пособить рѣзкой исключительности прежней теоріи и составила нѣчто въ родѣ пріемной залы, гдѣ съ надлежащимъ почетомъ могли быть собраны произведенія, лишенныя права на входъ въ самое святилище искусства. Такимъ образомъ она создала два отдѣльные міра для разрѣшенія противорѣчащихъ сторонъ собственной теоріи: во-первыхъ, міръ свѣтлаго искусства, непогрѣшительнаго, непричастнаго спорамъ, не подверженнаго измѣненіямъ, а за нимъ міръ необходимостей, болѣе или менѣе разумныхъ случайностей, всей спорной работы современности, которая не заботится о дипломѣ на существованіе, потому что сама есть жизнь. Критика была совершенно права, желая отдать должную справедливость всякому дѣлу, но въ приложеніи къ нашему частному быту она сообщила слишкомъ большое значеніе умному слову, мѣткому наблюденію и дѣльному указанію внѣ строгихъ формъ художественности. На поприщѣ науки, изслѣдованій и проч., они имѣютъ, конечно, обширные плодотворные результаты, но по особенному характеру нашего общества ни въ жизни, ни въ искусствѣ не производятъ у насъ, предоставленныя только самимъ себѣ, того вліянія, какимъ пользуются у другихъ національностей, о чемъ мы еще скажемъ нѣсколько словъ. Притомъ же, разъ оторвавшись отъ идеи чистаго искусства, какъ она представлялась ей, критика уже не знала, гдѣ остановиться, и сама подпадала всѣмъ условіямъ и невзгодамъ случайности. Правда, она внесла въ тотъ второстепенный міръ искусства, который созданъ былъ ею въ видѣ поправки ея исключительной теоріи, всѣ отличительныя качества свои: теплоту убѣжденія, неутомимый разборъ началъ и слѣдствій каждаго факта, зоркость въ отдѣленіи подложнаго отъ истиннаго; но по естественному ходу принятаго направленія, она принуждена была отворить двери въ область искусства даже неизвѣстному, будущему, которыхъ

опредѣлить не было ни въ ея, да и ни въ чьихъ силахъ. Въ пылу добросовѣстности, доведенной до крайнихъ границъ, она согласилась, что могутъ явиться произведенія, которыя потребуютъ новыхъ опредѣленій искусства и вытѣснятъ старыя, до нихъ существовавшія и разработанныя ею самой съ такимъ тщаніемъ. Мы, имѣющіе одно преимущество позднѣйшей жизни, знаемъ теперь неосновательность ожиданія: теорія старой критики, — несмотря на размѣры свои, слишкомъ колоссальные для содержанія, которому предназначалось въ ней жить, и которое все-таки было не что иное, какъ наша отечественная литература,—остается еще стройнымъ зданіемъ, не потрясеннымъ возраженіями и опроверженіями; значительная доля эстетическихъ положеній старой критики еще доселѣ составляетъ лучшее достояніе нашей науки объ изящномъ и останется истиной, какъ полагать слѣдуетъ, навсегда. Здѣсь кстати будетъ сказать, что въ старой критикѣ, несмотря на указанныя нами видоизмѣненія и на другія, еще упущенныя нами, не было никакого раздора внутри себя. Въ общемъ обозрѣніи всей ея дѣятельности нельзя найдти ничего капризнаго, легкомысленно допущеннаго, разсчетливо принятаго. Она развивалась правильно изъ началъ, поставленныхъ ею для себя, и нѣкоторыя уклоненія ея свидѣтельствуютъ только, что не всѣ начала ея соотвѣтствовали существу самаго дѣла; но въ то же время свидѣтельствуютъ и о другомъ важномъ качествѣ, именно, что она не отступала передъ слѣдствіями своими и высказывала ихъ прямо и откровенно. Вотъ почему такъ легко нынче, отдѣливъ какую-либо часть отъ нея, поставить въ противорѣчіе съ другою отдѣльною частію, но очень трудно упрекнуть въ непослѣдовательности и указать на какой-либо логическій перерывъ. Это — обыкновенное качество всякаго развитія, несходнаго на разныхъ точкахъ, и яснаго, стройнаго въ цѣломъ. Работа критики была, что называется, изъ одного куска.

Съ пятидесятыхъ годовъ начинается у насъ повѣрка всего сказаннаго прежде, и здѣсь является уже раздробленіе понятій и разнообразіе взглядовъ на искусство и художественность.

Съ начатіемъ этой работы надъ недавнимъ прошлымъ образовались тѣ споры, о которыхъ мы говорили въ началѣ статьи, и спѣшимъ прибавить, что трудъ переизслѣдованія старыхъ понятій, какъ всякій трудъ, принесъ уже существенную пользу. Въ безпристрастныхъ умахъ, понимавшихъ, что художественность, какъ цѣль всякаго созданія, не можетъ быть отстранена, появилось требованіе свести прежнее идеальное представленіе художественности на болѣе скромное и простое опредѣленіе, которое не нуждалось бы въ пристройкахъ и заключало бы довольно пространства для вмѣщенія

всѣхъ явленій словесности. Въ общемъ сознаніи (о чемъ можно судить по благосклонному пріему и единогласному одобренію разнородныхъ, въ сущности взаимно исключающихъ себя произведеній) художественность стала пониматься скромнѣе, а слѣдовательно и ближе къ истинѣ. Можно выразить въ немногихъ словахъ это предчувствіе дѣла, обнаруженное публикой прежде критиковъ. Литературное произведеніе, имѣющее жизненное содержаніе и исчерпавшее все свое содержаніе, уже обладаетъ правомъ на полное вниманіе общества, а о степени художественности его, о формахъ и законахъ, какими достигается художественность, общество предоставляетъ судить наукѣ. И дѣйствительно, благодаря этому опредѣленію, на которое возникшій споръ навелъ умъ читателей, всѣ частные недостатки формы, условливаемые временемъ и вкусами различныхъ эпохъ, уже не закроютъ многихъ неумирающихъ произведеній и не поставятъ общество въ горестное положеніе благоговѣть передъ ними съ явнымъ противорѣчіемъ лучшей современной теоріи. Съ чистою и спокойною совѣстію можетъ оно наслаждаться, напримѣръ, Жилблазомъ, несмотря на отсутствіе всякой народности въ произведеніи, полемическою сказкой, рожденной въ Фернеѣ, несмотря на совершенно исключительный характеръ ея; „Недорослемъ“ Фонъ-Визина, несмотря на резонерскій элементъ; трагедіей Корнеля, несмотря на ея перерывы въ цѣломъ, а тѣмъ паче историческою хроникой Шекспира, несмотря на каламбуры и пышное, реторическое изложеніе нѣкоторыхъ монологовъ. Споръ, какъ мы видимъ, былъ не безплоденъ для публики; но сами критики, въ жару опроверженія нѣкоторыхъ старыхъ мнѣній, и вмѣсто точнѣйшаго опредѣленія условій и пріемовъ художественныхъ, прежде всего заподозрили слово „художественность“ и понятіе, съ нимъ соединенное, и напали какъ на то, такъ и на другое съ разныхъ и совершенно противоположныхъ сторонъ.

Въ бѣгломъ обзорѣ нашемъ исторіи этого понятія, первое мѣсто должны занимать критики, которые еще нѣкоторымъ образомъ связаны со старыми преданіями объ искусствѣ, но которые, будучи черезъ мѣру устрашены ученіемъ о непосредственномъ творчествѣ, искусствѣ для самого себя, всесильномъ вдохновеніи, заключили, что художественность, въ мнѣніи ея приверженцевъ, можетъ быть достигнута и безъ познаній, безъ науки, безъ живого пониманія современности. Отъ одной гипотезы было уже не далеко до другой, еще болѣе рѣзкой, именно, что въ самомъ существѣ понятія о художественности скрыто отрицаніе опыта, размышленія и образованности. Съ жаромъ принялись они опровергать эту невыносимую претензію художественности, которая (будто бы) можетъ зря произво-

дить великія явленія, и всѣ нестерпимыя привилегіи, данныя одному таланту, который (будто бы) уже отъ рожденія способенъ понимать все на свѣтѣ. Критики были совершенно справедливы, когда не хотѣли признать за нимъ этого прозрѣнія во всѣ тайны жизни безъ самыхъ органовъ зрѣнія, и когда отыскивали въ великихъ писателяхъ слѣды глубокаго труда надъ современною наукой вообще и надъ идеями, бывшими въ ходу около нихъ. Но чтобъ быть справедливымъ при этомъ вполнѣ, слѣдовало бы обратить вниманіе на одно изъ первыхъ условій художественности, полноту и жизненность содержанія, которыя иначе и не пріобрѣтаются какъ посредствомъ соединенія творческаго таланта съ обширнымъ, многостороннимъ пониманіемъ выбранной тэмы: недостаетъ одной изъ этихъ частей, и предметъ не исчерпанъ, цѣль произведенія недостигнута, и погрѣшность его организма отражается въ самой формѣ. Намъ могутъ возразить, что въ исторіи всякой литературы есть произведенія, вполнѣ удовлетворяющія эстетическое чувство младенческою простотой своего содержанія, наивностію, добродушіемъ своего воззрѣнія, нисколько не искушеннаго опытомъ или знаніемъ. Но, во-первыхъ, произведенія эти и имъ подобныя вѣрны жизни и не лишены полнаго пониманія своего дѣла: такъ, дѣтство и отрочество знаютъ себя очень хорошо и почти всегда лучше тѣхъ, которые за ними наблюдаютъ, а во-вторыхъ, самый лепетъ ихъ со всѣми его перерывами и недомолвками *вполнѣ* выражаетъ одно мгновеніе жизни и, стало быть, имѣетъ первыя условія художественности. Съ развитіемъ человѣка и общества, законы искусства, конечно, не измѣняются, но они становятся сложны, болѣе случаевъ предвидятъ и болѣе взыскательны, подобно тому, какъ высшая алгебраическая задача труднѣе первоначальной, хотя и занимается тою же долею истины. При этомъ, требованія касательно соединенія таланта и *познанія* дѣлаются неотступнѣе, умы, жаждущіе существеннаго дѣла отъ искусства, ищутъ его даже въ небольшомъ, случайномъ настроеніи творчества, и уже тогда не воленъ избѣжать его или миновать какимъ-нибудь образомъ даже лирическій поэтъ, предпочтительно занимающійся мгновеніями душевнаго настроенія и вообще жизнію сердца: есть чувства, принадлежащія эпохѣ и ею порожденныя, есть волненія сердечныхъ думъ, извѣстныя только сильно развитому человѣку, и которыми пренебречь поэтъ можетъ только съ потерею лучшаго, важнѣйшаго значенія своего. Если не причастенъ онъ труду современности, мысли, ее оживляющей, если вообще онъ стоитъ ниже или внѣ ея,—ограниченность его побужденій отразится на произведеніяхъ его. Такимъ образомъ, по самой теоріи художественности, каждый художникъ, въ своей сферѣ, обязанъ находиться въ полномъ обла-

данія матеріалами, касающимися предмета его: задача не легкая—и отъ нея, сколько мы знаемъ, никто еще не отдѣлывался однимъ талантомъ! Не потому ли, когда задача разрѣшена добросовѣстно въ произведеніи, оно становится выраженіемъ своей эпохи, лучшимъ ея свидѣтельствомъ и важнымъ историческимъ документомъ? Никто изъ нашихъ читателей, полагаемъ, не смѣшаетъ высказанныхъ нами требованій съ требованіями отъ произведеній искусства чистой науки или отвлеченной мысли. Мы всегда отвергали это неестественное смѣшеніе разныхъ родовъ умственной дѣятельности. Истина природы, также какъ и жизненная истина, выражаются въ наукѣ *закономъ* и *мыслію*; тѣ же самыя истины въ искусствѣ являются въ видѣ *образа* и *чувствованія*. Тамъ изслѣдованіе, здѣсь созерцаніе, и какой бы анализъ и разборъ явленія ни былъ положенъ въ основаніе творчества, результатъ все долженъ быть одинъ и тотъ же—живой образъ, и ничего болѣе.

Переходимъ ко второму виду нападокъ на художественность, которыя производятся во имя другого понятія, понятія о народности. Осудивъ прежнюю теорію искусства, какъ исканіе условныхъ формъ безъ заботы о содержаніи, критики этого отдѣла противопоставили художественности идею народности, какъ начала, полнѣе охватывающаго жизнь и сильнѣе потрясающаго мысль и чувство наше. Но здѣсь съ перваго раза бросается въ глаза нѣкоторое смѣшеніе понятій. Художественность не можетъ быть противопоставлена народности, такъ какъ послѣдняя есть членъ второстепенный, подчиненный, и должна, при своемъ появленіи въ искусствѣ, находиться въ зависимости отъ первой. Отдѣльно, безъ опредѣляющей ее художественной формы, народность искусству не принадлежитъ, а принадлежитъ этнографіи. Этого мало: народность только и отыскивается, и уясняется, и становится очевиднымъ дѣломъ въ литературѣ, когда прошла черезъ какой-либо видъ искусства. Пѣсня, сказка, дума есть уже опредѣленіе народности посредствомъ условныхъ, эпическихъ формъ, составляющихъ первую и драгоцѣннѣйшую ступень искусства. Съ появленіемъ личнаго, свободнаго творчества повторяется то же самое: какъ только художникъ отстраненъ, какъ только понятіе народности переходитъ въ споръ или разсужденіе, оно теряетъ тотчасъ же всю свою ясность, опредѣленность, можно сказать—настоящее бытіе свое. Это не значитъ, чтобъ мы отвергали возможность ясно *чувствовать* въ себѣ характеръ и природу того народа, къ которому принадлежимъ; мы говоримъ только о способѣ ихъ проявленія въ литературѣ. Нѣтъ никакой другой формы, кромѣ чисто-художественной формы, для передачи или выраженія народности: разсужденіе или описаніе почти никогда не овладѣваютъ ею вполнѣ,

и мы знаемъ, что нѣкоторые добросовѣстные критики публично сознались въ невозможности опредѣлить народность способомъ изслѣдованія. И теперь мы еще видимъ, что для этой работы Тантала другіе мысленно покидаютъ отечество, переносятся фантазіей своей за границу и въ какомъ-нибудь углу Европы ищутъ явленій, аналогическихъ съ явленіями русской жизни, чтобъ какъ-нибудь уяснить себѣ смыслъ послѣднихъ. Причина всего этого заключается въ необычайной дробности, смѣемъ выразиться, въ безконечной растяжимости понятія и самаго факта. Народность, какъ воздухъ, проникаетъ во всѣ живые организмы общества, дробится на мельчайшіе оттѣнки, окрашиваетъ часто самымъ легкимъ цвѣтомъ мысли, побужденія, инстинкты человѣка; собрать механически всѣ ея проявленія, часть за частью, пожалуй, можно, но они собьютъ и спутаютъ человѣка, а не дадутъ ему стройнаго и свѣтлаго понятія. Не помогутъ даже и богатѣйшіе матеріалы народности, какъ-то: сборники пѣсенъ, пословицъ, реченій и проч., если изслѣдователь самъ не художникъ, по природѣ своей. Смыслъ одной какой-либо части такихъ матеріаловъ всегда противорѣчитъ другой: они представляютъ ту сложность, богатство, разнообразіе идей, чувствъ, понятій, которыя находятся въ существѣ народности. Изслѣдователь остается при одной выбранной имъ самимъ части, которая мало подтверждается, а иногда и совершенно опровергается всѣми другими, еще нетронутыми частями. Сосредоточить этотъ чрезвычайно подвижный элементъ, положить ему законныя границы и тѣмъ самымъ сообщить ему неизмѣримую силу, обративъ въ двигателя литературы и общества, можетъ только художникъ. И не на одномъ поприщѣ изящной словесности эти условія необходимы для уловленія народности, но также точно на поприщѣ исторіи и этнографіи. Мы имѣемъ нѣсколько замѣчательныхъ талантовъ, хорошо знакомыхъ съ художническимъ способомъ опредѣленія народности, и между ними почетное мѣсто занимаетъ г. Островскій. На него всего болѣе и ссылаются, когда говорятъ съ презрѣніемъ о старыхъ теоріяхъ: однакоже г. Островскій въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ есть прежде всего художникъ. Онъ уже, во-первыхъ, художникъ въ *языкѣ*, потому что не ограничился любимыми реченіями народа, и даже любимыми его оборотами рѣчи, а уразумѣлъ логическую связь понятій, живущую въ извѣстномъ классѣ общества и рождающую его *слово*. Во-вторыхъ, онъ художникъ по свойству находить границы и настоящія очертанія для своей мысли: часто двумя, тремя подробностями онъ передаетъ цѣлый характеръ, а иногда и цѣлую сцену, исполненные содержанія. Смѣло было бы утверждать, что все это дано ему самимъ предметомъ описанія, который, на-оборотъ,

отличается многосложностью и обиліемъ подробностей—все это дано ему только художническимъ обращеніемъ съ предметомъ. И надо замѣтить, что тамъ, гдѣ г. Островскій перестаетъ быть художникомъ, тамъ, гдѣ онъ является просто умнымъ человѣкомъ, имѣющимъ свои цѣли и особенныя убѣжденія, напримѣръ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ, покидая художническое обращеніе съ предметомъ, онъ круто поворачиваетъ на поученіе или моральный выводъ, тамъ пропадаетъ у него ясное выраженіе физіономій, мѣшается и путается представленіе самой народности и падаетъ она снова въ область споровъ, сомнѣній и противорѣчій. То же самое и по тѣмъ же причинамъ произошло съ нѣкоторыми описаніями и лицами второй части „Мертвыхъ Душъ“ Гоголя, и это мы считаемъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ всякаго представленія народности безъ художническихъ пріемовъ, какая бы, впрочемъ, идеальная или положительная сторона ея ни была затронута въ произведеніи.

Остается обозрѣть послѣдній родъ нападокъ на значеніе художническаго элемента въ искусствѣ. Онъ образовался скорѣе изъ намековъ, чѣмъ изъ полнаго развитія системы, но основныя начала этой критики тоже ясны. Исканіе художественности въ искусствѣ считаетъ она забавой людей, имѣющихъ досугъ на забавы, а проявленіе его—игрой формъ, потѣшающихъ ухо, глазъ, воображеніе, но не болѣе. Наравнѣ съ такимъ искусствомъ или даже выше его ставитъ она благородный поступокъ, полезную мысль, а наконецъ видимую природу и дѣйствительнаго человѣка. Предметы точно велики, и можно еще понять отрицаніе искусства въ пользу ихъ, но критика не хочетъ и слышать объ исключеніи искусства. Что бы она тогда стала дѣлать сама? Напротивъ, она призываетъ искусство заниматься своими великими предметами, но на условіи заниматься ими исключительно и притомъ такъ, чтобъ не выставлять себя вмѣсто нихъ, не заслонять ихъ собою и всегда помнить и сознаваться, что оно ниже тэмы, ею взятой. Но сдѣлать *такъ* весьма трудно, потому что искусство должно прежде всего поглотить предметъ, переработать его и затѣмъ представить въ новомъ видѣ, *параллельномъ*, если хотите, съ матеріалами, изъ которыхъ почерпнуло свою задачу, но нисколько съ ними несхожемъ. Однако же этого перерожденія, этого измѣненія данныхъ, критики и не признаютъ. Они называютъ ихъ маскарадомъ, а не жизнію. Слѣдовало бы опять отстранить искусство, какъ ложь, извращающую понятія и здравое пониманіе предметовъ, но нѣтъ: теорія только требуетъ, чтобъ искусство отказалось отъ свободнаго выбора, отъ созерцанія, отъ претензіи создавать безъ отчета, и посвятила себя преимущественно прямому служенію обществу, какъ должности.

Но и это требованіе опять противно самому существу дѣла. Опыты всѣхъ вѣковъ доказали, что въ униженномъ положеніи, на второмъ планѣ и въ подчиненности, искусство всегда теряло способность производительности. Ему надобно свободное, пространное поле для соображеній своихъ, и тогда оно легко встрѣчается съ потребностями общества: сжатое и ограниченное положительными указаніями, оно проходитъ мимо ихъ. Лермонтовъ и Гоголь явились у насъ (всѣ помнятъ это) именно изъ независимаго хода фантазіи, чему остались и убѣдительные признаки въ ихъ созданіяхъ, и только по праву ничѣмъ не стѣсненнаго выбора, переходя отъ явленія къ явленію, встрѣтились они съ такими, которыя окончательно опредѣлили ихъ направленіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и литературную ихъ физіономію. Да и покидая современную эпоху, мы видимъ одинъ и тотъ же законъ. Вездѣ, гдѣ предоставлялась искусству полная свобода дѣйствованія, оно не гнушалось никакою работой, никакимъ отвѣтомъ на нужды, брало въ свои руки домашнюю утварь точно такъ же, какъ и статую Юпитера; но тамъ, гдѣ ждутъ отъ него опредѣленныхъ, назначенныхъ услугъ, какъ у младенчествующихъ народовъ напримѣръ, оно отказываетъ въ нихъ упорно, а о чемъ-либо болѣе значительномъ и говорить нечего. При такомъ положеніи дѣла никакія блестящія тэмы не помогутъ, искусство останется нѣмо. Мы это видимъ въ новѣйшихъ стихотвореніяхъ и романахъ ближайшихъ нашихъ сосѣдей, нѣмцевъ. Блестящія тэмы, еще не ясныя вполнѣ самимъ современникамъ и насильно навязанныя искусству, разрѣшаются уродливыми, мертворожденными произведеніями, именно оттого, что искусство или не въ состояніи овладѣть ими, или съ намѣреніемъ подчинено имъ, а тогда одна только тэма и является въ произведеніи со всѣмъ безобразіемъ избитаго, измученнаго, но не покореннаго матеріала.

Изложивъ вкратцѣ и, какъ намъ кажется, добросовѣстно исторію вопроса, скажемъ еще нѣсколько словъ въ поясненіе его.

По нашему мнѣнію, стремленіе къ чистой художественности въ искусствѣ должно быть не только допущено у насъ, но сильно возбуждено и проповѣдуемо, какъ правило, безъ котораго вліяніе литературы на общество совершенно невозможно. Въ послѣднее время мы видѣли попытки заслонить, если не отодвинуть на второй планъ нашего художника по преимуществу, Пушкина, именно за его исключительное служеніе искусству. Критики, съ выраженіемъ глубокаго уваженія и горячихъ симпатій къ его дѣятельности, принуждены были однакожъ, ради послѣдовательности въ убѣжденіяхъ и во имя существеннаго содержанія и направленія, пожертвовать этимъ именемъ, столь *любезнымъ* еще нашей публикѣ. Явленіе печальное,

особенно потому, что слѣдствіемъ его, если бы мнѣніе укоренилось, было бы непремѣнно *загрубѣніе* литературы. Это даже начиналось уже однажды. Вспомнимъ ту длинную вереницу подражателей знаменитому романисту нашему, который создалъ направленіе, и согласимся, что мы были недалеки отъ литературной закоснѣлости, грубаго пониманія предметовъ и господства матеріальнаго взгляда на жизнь. Періодъ этотъ уже прожитъ нами и вѣроятно не возвратится. Въ этомъ убѣжденіи поддерживаютъ насъ всѣ лучшіе современные дѣятели на литературномъ поприщѣ, которые, безъ сомнѣнія, связываются съ Гоголемъ, открывшимъ имъ дорогу въ пространную область дѣйствительности, но которые сберегли себѣ право свободнаго обращенія съ нею, право независимыхъ къ ней отношеній. Мы убѣждены, что критика не собьетъ ихъ съ этой дороги, такъ точно, какъ убѣждены, что на зло всѣмъ толкованіямъ они причисляютъ къ дѣйствительности и всю задушевную повѣсть человѣка, движенія и мечты его сердца, игру и боренія нравственныхъ началъ его. Нынче вошло въ обыкновеніе осуждать цѣликомъ и поголовно подражателей Пушкина и стихотворцевъ его эпохи. Конечно, обвиненіе въ пошлости формы, занявшей у нихъ мѣсто всякаго представленія и содержанія, справедливо; но если бы мы потрудились разобрать дѣло поближе, мы нашли бы у самихъ этихъ подражателей нѣсколько отдѣльныхъ стихотвореній съ изяществами рисунка, свидѣтельствующаго о достоинствѣ самой школы, и съ выраженіемъ чувства, весьма далекаго отъ пошлости. Ничего подобнаго нельзя уже сказать о первыхъ подражателяхъ Гоголя: равно грубы ихъ произведенія, съ претензіей обнажать жизнь, причемъ обнажается только малое или одностороннее ея пониманіе, съ одною выставкой ея внѣшнихъ признаковъ, безъ того глубоко-поэтическаго элемента, которымъ обладалъ недосягаемый образецъ и основатель школы. Сличеніе и повѣрка обоихъ подражаній привели бы, кажется, къ весьма поучительнымъ выводамъ и не въ ущербъ мнѣнію, здѣсь излагаемому.

Мы пойдемъ далѣе. Мы перестановимся на самую точку зрѣнія критиковъ, которые не сочувствуютъ Пушкинской эпохѣ, и спросимъ вмѣстѣ съ ними, какую *практическую* пользу можно извлечь изъ неумирающихъ созданій ея представителя? Да, конечно не отыщешь въ нихъ указанія на нравственную бѣду, которой надо помочь всѣми силами своего разумѣнія и готовности къ добру, не встрѣтишь живого упрека, подымающаго со дна души жажду исправленія (все это было дано другому, потому что одному никогда не дается всего); но кто же не отнесетъ къ числу *практически* полезныхъ предметовъ науку *благородно* мыслить и *благо-*

родно чувствовать, въ которой Пушкинъ былъ учителемъ, не превзойденнымъ доселѣ? Не потому ли самъ Гоголь такъ пламенно любилъ поэта и не могъ произносить его имя безъ умиленія и постоянно называлъ его своимъ великимъ наставникомъ! Онъ получилъ отъ него, какъ и всѣ мы, вмѣстѣ съ наслаждительными образами его поэзіи, и даръ понимать изящество помысловъ, благородство ощущеній. Прежде всего надо имѣть въ самомъ себѣ норму благородства для мыслей и представленій, чтобъ ярко указывать другимъ отступленія отъ нея и даже чтобъ понимать отступленіе, и этою нормой Гоголь, по собственному сознанію, болѣе всего обязанъ былъ Пушкину. Затѣмъ естественно представляется другой вопросъ: исчерпана ли вполнѣ практическая задача Пушкинской поэзіи всею массой читающей публики, всѣмъ обществомъ? Тѣ, которые утверждаютъ, что общество уже пережило его направленіе и болѣе въ немъ не нуждается, говорятъ ли это съ полнымъ знаніемъ дѣла, съ полнымъ пониманіемъ всего, что́ ими сказано? При всякомъ теоретическомъ утвержденіи, не мѣшаетъ, прежде всего, оглядѣться вокругъ себя. Посредствомъ Пушкина русская публика ознакомилась съ изяществомъ не однихъ только стиховъ, какъ начинаютъ думать нѣкоторые критики, а съ изяществомъ образа мыслей. До него литераторы только *совѣтовали* ей запасаться дорогимъ качествомъ: онъ представилъ самые образцы, на немъ основанные, и осуществилъ надежды, вѣрованія и убѣжденія честныхъ своихъ предшественниковъ, менѣе его надѣленныхъ геніемъ. И теперь можно повторить вопросъ: вся ли сущность его поэзіи, или, держась практической стороны вопроса, все ли его жизненное дѣло поглощено и усвоено самимъ обществомъ? Изящество образа мыслей, благородство побужденій, пониманіе тончайшихъ душевныхъ ощущеній и уваженіе къ нимъ, сдѣлались ли уже такъ общи, до такой степени повсемѣстны, что литературный судья можетъ закрыть книгу, гдѣ заключались зерна этой богатой жатвы, поставить ее на полку и сказать: „спасибо великому сѣятелю, но дѣло его кончено?“ Но оно не только что не кончено, но и не скоро еще кончится. Тѣ люди, которые сомнѣваются въ возможности повторенія у насъ Пушкинскаго направленія, слѣдуютъ единственно теченію діалектики, принявшей извѣстный скатъ, по которому мысль ихъ уже бѣжитъ слѣпо и неудержимо, какъ волна; но въ этой діалектикѣ нѣтъ ни всего знанія потребностей общества, ни всего чувства къ истинѣ и къ жизни. Не только у насъ еще необходимо продолженіе чистой художественной поэзіи, по особенному состоянію общественныхъ идей, но оно необходимо каждому образованному обществу на землѣ и въ каждую эпоху его жизни. Это всегдашній идеалъ, который

чѣмъ чаще возносится надъ головами, тѣмъ яснѣе свидѣтельствуетъ о нравственныхъ потребностяхъ общества и тѣмъ плодотворнѣе дѣйствуетъ на всѣ моральныя стороны народа, обновляя ихъ безпрестанно. Художественное воспитаніе общества совершается именно этими идеалами: они подымаютъ уровень понятій, дѣлаютъ сердца доступными всему кроткому, и симпатическими откровеніями души, освѣжающею любовью къ человѣку обуздываютъ и умѣряютъ волю. Ни одно современное общество не можетъ сказать: „я въ этомъ болѣе не нуждаюсь“, да, полагаемъ, и ни одно частное лицо.

Правда, вліяніе чисто-художественнаго произведенія подмѣчается гораздо труднѣе, чѣмъ вліяніе художественнаго произведенія съ однимъ, энергическимъ направленіемъ. Совокупностію своихъ яркихъ представленій послѣднее иногда прямо вытѣсняетъ изъ жизни нѣкоторыя мрачныя стороны ея, и это, безъ сомнѣнія, его великое достоинство. Чисто-художественное произведеніе дѣйствуетъ на психическую сторону народа, и здѣсь, разумѣется, вліяніе его указать труднѣе, а подмѣтить минуту, когда явился первый цвѣтъ его, и совсѣмъ невозможно. Сѣмя, брошенное имъ, растетъ невидимо, глубокая, постоянная работа его въ нѣдрахъ общества не поддается статистической таблицѣ или параграфу въ описаніи и ускользаетъ отъ всякаго опредѣленія времени и хода развитія. Это дѣло души. Такъ точно нельзя уловить минуту, когда въ живомъ организмѣ наростаютъ и расширяются его части; но въ дѣлѣ искусства многіе, не видя тайной работы произведенія, сомнѣваются и въ самомъ существованіи ея. Однако же небольшая доля вниманія способна обнаружить ошибку. Не нужно ни чрезвычайно тонкой наблюдательности, ни особенныхъ усилій ума, чтобъ замѣтить въ обществѣ слѣды, оставленные художникомъ-поэтомъ. Тамъ и сямъ встрѣчаетесь вы съ ясными признаками его прохода по землѣ, его временнаго пребыванія между людьми: во многихъ рукахъ находите вы клочки его мантіи, на многихъ понятіяхъ видите вы родовую печать его, и много благородныхъ *поступковъ* носятъ фамильное сходство съ образами и представленіями его поэтической фантазіи. По самымъ привычкамъ общества можно даже угадать, производило ли оно художника или нѣтъ, и имѣло ли счастіе видѣть его въ средѣ своей. Кто встрѣчался съ разнородными національностями на вѣку своемъ, тотъ знаетъ, что въ каждой изъ нихъ чувствуется вліяніе художественныхъ образцовъ, подчиненность имъ и особенный взглядъ на предметы нравственнаго міра, ими установленный. И явленіе это способствуетъ къ уразумѣнію національностей не хуже всѣхъ другихъ. Тамъ, гдѣ много было художниковъ-учителей, наслѣдство, ими оставленное, несмотря ни на какіе противобор-

ствующіе элементы, разрѣшается разумностію частныхъ отношеній между людьми, серьёзною простотой нравовъ, почти общимъ сознаніемъ человѣческаго достоинства, которое ослабляетъ и сдерживаетъ напоръ всего тщеславнаго, предразсудочнаго, мелко-эгостическаго. Таково всегда дѣйствіе чистаго искусства. Изъ всего сказаннаго мы имѣемъ право заключить, что не только общество наше не пережило художественнаго направленія въ поэзіи и не стало выше его, а наоборотъ, что Пушкинская школа, какъ представительница этого направленія, возродится съ новымъ содержаніемъ и съ новою силой въ болѣе или менѣе близкой будущности, смотря по успѣхамъ въ сознаніи нравственныхъ нуждъ. Мы убѣждены, что много еще будетъ Пушкиныхъ на Руси, которые съ уваженіемъ станутъ произносить имя своего родоначальника, открывшаго впервые у насъ многостороннюю, неисчерпаемую область искусства, и въ этомъ намъ ручается, сверхъ поэтическаго инстинкта, свойственнаго народу, и здравый смыслъ его, и способность понимать духовную пользу свою.

Мы принуждены были обратить вниманіе на практическую сторону нашего предмета и будемъ продолжать изслѣдованіе. Каждый народъ, каждое общество имѣютъ свой особенный способъ выражать себя, свой исключительный, тому или другому принадлежащій характеръ дѣятельности. У однихъ общее выраженіе дѣятельности имѣетъ ясную печать живой воспріимчивости, быстраго исполненія плана, словомъ импровизаціи; у другихъ мысль и трудъ подчинены разсчету, преднамѣренной идеѣ, достиженію ближайшихъ цѣлей; у третьихъ творческая дѣятельность проявляется не иначе, какъ подъ условіемъ упорнаго, всесторонняго, долгаго труда, способнаго подъ конецъ овладѣть живымъ элементомъ импровизаціи и практическаго разсчета. Если не ошибаемся, выраженіе нашей собственной дѣятельности всего ближе подходитъ къ послѣднему изъ этихъ родовъ. Все, что мы видимъ у себя, въ литературѣ, наукѣ и по другимъ частямъ, утвержденнаго на крѣпкомъ основаніи, досталось намъ неусыпнымъ трудомъ, совсѣмъ не изъ перваго порыва и не изъ потребности удовлетворенія мгновенныхъ требованій. Поспѣшныхъ дѣлъ, въ строгомъ смыслѣ слова, у насъ нѣтъ: мы какъ будто обращены лицомъ къ будущему. Всѣ попытки ввести легкій способъ занятія предметами словесности, науки и проч. остались безуспѣшны и поражаютъ своимъ безобразіемъ, обличающимъ съ перваго раза природу выродка. Даже для популяризаціи ученаго предмета или понятія потребна у насъ своя строгая, глубоко-продуманная форма, безъ утайки трудныхъ сторонъ того или другого. Опытъ ясно показываетъ каждый день, что самыя отвлеченныя идеи принимаются у насъ только тогда, когда изложеніе ихъ требуетъ со

стороны читателя усилій ума и вниманія. Если произведеніе мысли или искусства не вызываетъ такого умственнаго труда, то оно скоро улетучивается, превращается въ явленіе эфемерное и пропадаетъ безъ слѣда въ жизни и въ обществѣ, хотя бы оно сопровождалось еще десятками и сотнями подобныхъ ему. Это особенный складъ народнаго ума. Все, что́ ему легко говорится, хотя бы говорилось ежечасно, въ немъ не задерживается настолько, насколько нужно, чтобъ онъ превратилъ понятіе въ свое неотъемлемое добро. Еще менѣе способенъ онъ подчиняться быстрому, мгновенному рѣшенію какого-либо вопроса, а если подчиняется, то не изъ довѣренности къ рѣшенію, а изъ предположенія, что другого лучшаго еще не отыскано. Общественный умъ настроенъ подозрительно на всякую вспышку въ литературѣ: вдохновенію, по существу своему, онъ плохо вѣритъ и всегда сомнѣвается въ словѣ, если оно не есть плодъ долгаго, предварительнаго искуса, долгаго изученія и труда. Словомъ, трудъ есть единственный источникъ нашей дѣятельности, всѣхъ успѣховъ въ прошедшемъ, всего замѣчательнаго въ настоящемъ: это наша нравственная сила. *Геніальничанья*, то-есть созданія на скорую руку чего-либо въ области литературы и искусства, мы почти и вообразить не можемъ у себя. Такому состоянію народнаго ума соотвѣтствуетъ какъ нельзя болѣе сущность художественности, которая предполагаетъ самый усиленный трудъ для разрѣшенія своей задачи. Мы видимъ даже въ исторіи нашей литературы примѣры, что одинъ голый трудъ, безъ участія таланта, производитъ сильное движеніе въ умахъ. Поэмы Хераскова и Шихматова, имѣвшія такое глубокое вліяніе на образованнѣйшихъ людей ихъ времени, свидѣтельствуютъ лучше всѣхъ нашихъ словъ о невольныхъ инстинктахъ общества, о настроеніи его духа, и это не пропало доселѣ, только устранена опасность принять тяжелую работу слагателя стиховъ, романовъ, исторій — за творческій трудъ, котораго общество ищетъ постоянно и которому только и довѣряетъ.

Вообще надо сказать, что исторія русской литературы весьма мало обработана съ одной стороны, именно: еще не было обращено достаточнаго вниманія на тайную связь литературы съ обществомъ и отношеній, возникавшихъ между ними. Слабый лучъ, вносимый, по временамъ, записками старожиловъ въ эту еще неизслѣдованную область, открываетъ много любопытныхъ фактовъ. О другихъ мы можемъ только догадываться. Такъ, недавно стали подозрѣвать у насъ, что порывы къ достиженію высоты творчества возникали у всѣхъ замѣчательныхъ дѣятелей нашихъ на поприщѣ словесности, начиная съ Ломоносова до Дмитріева включительно, преимущественно на самомъ тяжеломъ и упорномъ трудѣ. За то и вліяніе ихъ

на общество, настроенное совершенно подъ ихъ ладъ, было огромно. Внезапнаго и неудержимаго теченія производительной силы, какая встрѣчается у другихъ народовъ, мы почти и не знаемъ у себя, исключенія весьма незначительны, а иногда и весьма печальны. Со всѣмъ тѣмъ нельзя не замѣтить, что рядомъ съ великими дѣятелями были у насъ и такіе, которые изрѣдка отдавали публикѣ собственную мысль, безъ особеннаго осмотра, и многое было сказано умно и дѣльно этими второстепенными производителями, а многое даже и хорошо сказано. Однакоже дѣло ихъ не удержалось въ памяти современниковъ и становилось чуждымъ, незнакомымъ для ближайшаго поколѣнія. Причина одна и та же: неспособность общества удовлетворяться мимолетнымъ явленіемъ, вспышкой, случайностью, какъ бы умны, горячи, счастливы они ни были сами по себѣ. Кому не случалось находить въ старой литературѣ нашей одушевленныя строки и мысли, которыя и нынѣ были бы кстати, благодаря искренности и благородству своихъ намѣреній, и кто не задумывался надъ участію этихъ явленій, никѣмъ не замѣченныхъ и вскорѣ пропавшихъ безъ вѣсти въ пыли библіотекъ и книжныхъ лавокъ? Намъ могутъ возразить, что содержаніе этихъ литературныхъ метеоровъ было, вѣроятно, несвоевременно, понятно лишь малому числу людей и, къ сожалѣнію, пропало вмѣстѣ съ ними; но есть еще болѣе разительные примѣры упорнаго равнодушія публики къ *легкимъ* произведеніямъ: это сатирическіе журналы 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, являвшіеся тогда въ значительномъ количествѣ и недавно еще открытые вновь, какъ рѣдкость библіографіи и самой литературы. Сатирическіе журналы эти занимались предметами до того общеизвѣстными, что никакого сомнѣнія въ животрепещущемъ интересѣ ихъ, какъ говорятъ обыкновенно, допустить нельзя, а притомъ въ указаніяхъ, поученіяхъ, выходкахъ, анекдотахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ заключалось именно все то, что производитъ впечатлѣніе на современниковъ: много умныхъ словъ, счастливыхъ соображеній, существеннаго дѣла подъ покровомъ шутки и веселости. И однакожъ мы имѣемъ весьма побудительныя причины сомнѣваться во вліяніи ихъ на эпоху и умы тогдашнихъ читателей, а что сдѣлалось съ ними почти тотчасъ послѣ выхода—извѣстно: только люди спеціально-ученые, для пополненія историческихъ своихъ изслѣдованій, нечаянно напали на ихъ слѣдъ и открыли существованіе ихъ. Мы нисколько не отрицаемъ, просимъ замѣтить, словами нашими великой пользы, принесенной общимъ развитіемъ науки, образованія, нравственности, чему, безъ сомнѣнія, способствовали и второстепенные дѣятели; мы только указываемъ на относительную важность ролей въ этомъ воспитаніи общества. Но если уже доказано, что

оно мало способно увлекаться бойкостію ума, цѣпкостію замѣтокъ и всею игрой импровизаціи въ изложеніи предмета, то сама собой является мысль о неизмѣримой важности художническихъ пріемовъ въ искусствѣ, которые одни имѣютъ силу выводить общество изъ равнодушія. И дѣйствительно, начиная съ сатиръ Кантемира и до „Бѣдной Лизы“ Карамзина всякое произведеніе, имѣвшее какую-либо долю вліянія на общество, носило на себѣ отраженіе существовавшей тогда теоріи искусства и было художественнымъ, въ смыслѣ своего времени. Вѣдь „Бѣдная Лиза“, съ которой обыкновенно начинаютъ новый, легкій родъ словесности, была только оборотною стороной оды Ломоносова или Державина, и выросла на одномъ и томъ же корнѣ. Успѣхъ эпиграммъ и легкихъ произведеній Пушкина тоже не противорѣчитъ словамъ нашимъ: ими любовались втихомолку, какъ шалостію, что́ и прежде бывало съ подобнаго рода произведеніями, но они нисколько не измѣняли образа мыслей читателя и его отношеній къ окружающимъ предметамъ, какъ не измѣнялись они, послѣ произведенія, и у самого автора.

Если все сказанное вѣрно въ отношеніи къ предшественникамъ, то оно вѣрно и въ отношеніи къ намъ. Ихъ *правда* есть также правда и для насъ. Только въ облаченіи искусства и въ художественной формѣ умное слово и благородный порывъ находятъ доступъ къ сердцамъ. Условіе это необходимо даже просто для того, чтобъ они могли сдѣлаться достояніемъ литературы, явиться въ свѣтъ и найти себѣ кругъ слушателей. Сами по себѣ они не имѣютъ, по особеннымъ требованіямъ общества, достаточно силы, чтобы обнаружить себя. Въ простомъ, необдѣланномъ видѣ имъ по большей части загражденъ естественный путь въ сферу народнаго сознанія. Въ каждомъ такомъ заявленіи мысли подозрѣвается тотчасъ, хотя иногда и безъ малѣйшей причины, оскорбляющая односторонность, желаніе замѣнить полное опредѣленіе дѣла яркими частностями его, а боязнь общества увлечься блескомъ и жаромъ слова— ради самаго слова—довершаетъ остальное. Художественное изложеніе мысли устраняетъ всѣ эти препятствія, такъ какъ сущность его состоитъ въ полнѣйшемъ раскрытіи всѣхъ ея свойствъ. Художественное изложеніе прежде всего снимаетъ характеръ односторонности съ каждаго предмета, предупреждаетъ всѣ возраженія и наконецъ ставитъ истину въ то высшее отношеніе къ людямъ, когда частные ихъ интересы и воззрѣнія уже не могутъ ни потемнить, ни перетолковать ея. Тогда истина образа или представленія поселяется въ умахъ, наиболѣе упорныхъ къ принятію ея, и разработываетъ ихъ такъ, что изъ сопротивниковъ они дѣлаются сторонниками и слугами ея. Этотъ мѣстный законъ для проявленія мысли

дѣйствителенъ не въ одной только сферѣ изящной литературы, но и вообще обязателенъ у насъ для каждаго рода письменности: не обойдется безъ него никакой трактатъ, ни одинъ планъ частныхъ усовершенствованій. Эти виды дѣятельности должны тоже принимать способъ художническаго представленія своей задачи, если хотятъ вызвать убѣжденіе и наклонить теченіе общественной мысли къ своей сторонѣ. Конечно, люди, нападавшіе на исключительное прославленіе художественности въ искусствѣ, не предполагали, что они затрудняютъ одинъ изъ главныхъ путей, по которому сходятъ у насъ въ общество идеи чести, самопознанія и добра...

Приведемъ одинъ, послѣдній примѣръ. Съ нѣкоторыхъ поръ, какъ извѣстно, появилось у насъ стремленіе къ отысканію и обнаруженію *положительныхъ*, или идеальныхъ сторонъ жизни. Не только уже критика высказала эти требованія отъ имени публики, утомленной вообще сухостію нашего искусства, но и писатели, что́ гораздо важнѣе, видимо проникнуты тою же мыслію. Конечно, не было задачи благороднѣе этой, но подойти къ ней, разрѣшить ее можно, кажется намъ, опять не иначе, какъ съ помощію исключительно художественной обработки предмета. Въ чемъ состоитъ все дѣло? Не въ томъ, полагаемъ, чтобъ составить заранѣе идеалъ на основаніи какого-либо убѣжденія, ввести его въ произведеніе и затѣмъ сложить руки и любоваться его похожденіями тамъ. Задача была бы тогда слишкомъ легка. Дѣло въ томъ, чтобъ проникнуть поглубже въ жизнь, открыть и указать тѣ тайныя силы ея, которыя могутъ производить *героическія* явленія. Всѣмъ извѣстно, что не всякое геройство проявляется непремѣнно на полѣ битвы: можно возвести до героизма каждую самую простую добродѣтель, которая въ первоначальномъ видѣ, на низшей ступени своей, едва замѣтна и развѣ только способствуетъ *пріятностямъ общежитія*. Но это строгое, суровое, если хотите, пониманіе нравственнаго достоинства и вообще силы, рождающія его, и самыя проявленія этихъ силъ въ обществѣ открываются не легко. Все, что́ носитъ на себѣ печать *идеала*, застѣнчиво отъ природы и почти никогда не выступаетъ впередъ. Надо обладать особенною способностію чувствовать идеалъ, когда онъ возлѣ васъ, — это не всѣмъ дается, — а затѣмъ надо еще угадать поводы и причины его дѣйствій и не ошибиться въ нихъ. Одно это уже требуетъ не простой наблюдательности, а художническаго чутья жизни, такъ сказать. Искусство иногда очень долго не приступаетъ къ этому новому источнику творчества, и по причинамъ весьма уважительнымъ: прежде всего слѣдуетъ пояснить весь внѣшній міръ, въ средѣ котораго можетъ развиться идеальное лицо и событіе. Искусство занято тою общею жизнію, которая бро-

сается въ глаза первая, и искусство совершенно право, оставаясь при своемъ созерцаніи: неисчислимы миріады событій и явленій, носящихся на поверхности жизни, такъ какъ неисчислимы миріады сцѣпленій между событіями и лицами, и значеніе ихъ всѣхъ весьма важно для цѣлей искусства. Положительныя или идеальныя свойства жизни затрогиваются тутъ вскользь, потому что не о нихъ идетъ рѣчь. Со всѣмъ тѣмъ, несмотря на это временное и необходимое молчаніе искусства, въ обществѣ постоянно живетъ подозрѣніе или лучше — предчувствіе, что есть лица, не принимающія участія въ этомъ хороводѣ жизни, сосредоточенныя въ своемъ чувствѣ или въ своемъ понятіи и стойкія до того, что буйное теченіе обстоятельствъ способно ихъ опрокинуть, но не обработать въ какой-либо произвольный видъ. На чемъ основана эта стойкость, обществу неизвѣстно, да это и не его дѣло, а дѣло изслѣдователя. Она можетъ происходить отъ того, что идеальное лицо, слабое иногда многими моральными качествами, награждено однимъ изъ нихъ въ такой сильной степени, что съ помощію его пріобрѣтаетъ неимовѣрную нравственную крѣпость; можетъ происходить и отъ нѣкоторой ограниченности въ природѣ лица, доведенной до значительныхъ размѣровъ, до героизма, и т. п. Какъ бы то ни было, но простой разсказъ, по извѣстному свойству смѣло и скоро идти на встрѣчу всякому предчувствію и еще темному желанію общества, опережаетъ дѣло искусства и овладѣваетъ его задачей. Но тутъ-то, по большей части, и встрѣчаетъ его неудача. Идеальное происшествіе, романтическій или задушевный оттѣнокъ въ характерахъ выводитъ онъ какъ неожиданную, изумляющую новость: отъ этого краски произведенія бываютъ то слишкомъ густы, то нѣжны до безцвѣтности и почти всегда невѣрны. Съ появленіемъ идеальнаго лица простой разсказъ обыкновенно путается, теряетъ дорогу и цѣль свою, двоится отъ невозможности прилично помѣстить идеалъ между окружающими его людьми и скрыть пропасть, которая тотчасъ образовывается между нимъ и собесѣдниками его. Простой разсказъ всегда обращается съ идеаломъ, какъ съ рѣдкимъ экземпляромъ человѣчества, съ уродливостію или исключеніемъ; отъ этого самъ идеалъ производитъ на разсказъ дѣйствіе „тѣни Банко“, „статуи Командора“ и другихъ страшныхъ привидѣній: онъ поражаетъ и спутываетъ мысль. Совсѣмъ иначе бываетъ, когда въ основаніи произведенія лежитъ художническое наблюденіе міра и событій: самъ идеалъ и теплое настроеніе души къ природѣ и къ людямъ являются тутъ такъ же просто, какъ очень обыкновенное лицо и какъ всякое другое чувство. Вѣдь они принадлежатъ жизни, и никакихъ особенныхъ усилій фантазіи и творчества не надо дѣлать

для нихъ тамъ, гдѣ жизнь берется въ возможной полнотѣ... Развитіе этой мысли предоставляемъ читателю и спѣшимъ къ заключенію.

Намъ кажется, такимъ образомъ, что при требованіи идеальнаго пониманія предметовъ слѣдовало бы прежде всего замѣтить, что оно дается не иначе какъ привычкой къ художественному обсужденію и усвоенію явленій жизни: идеальная сторона ея окажется тотчасъ же сама собой, какъ необходимая и существенная ея часть. Если бы Гоголь ограничился одною ролью художника до конца, онъ нашелъ бы, въ средѣ своей работы, положительную сторону общества и вывелъ бы ее на свѣтъ такъ же свободно, какъ выведена имъ была другая, которая, по существу своему, всегда на показѣ и должна была первая попасться ему подъ руку. Геніальному человѣку недоставало только простоты взгляда на самого себя. Если бы онъ предоставилъ своему неизмѣримому художническому таланту естественный ходъ, подъ перомъ его явились бы, какъ мы убѣдились изъ его же созданій, эпизодическія картины, способныя утолить жажду свѣтлой, крѣпящей душу поэзіи, жажду, которою онъ такъ мучительно страдалъ подъ конецъ. Сбитый съ толку требованіями друзей и требованіями враговъ, онъ не выдержалъ призванія, усомнился въ возможности художественнымъ путемъ достичь примиренія съ самимъ собой, овладѣть обѣими сторонами искусства, и внесъ въ дѣло чисто *наставническій* элементъ, на которомъ въ искусствѣ ничего создать нельзя. Наставленіе есть отвлеченное опредѣленіе предмета, а не изображеніе его: у него другая дорога и другая цѣль. Не будемъ однакожъ останавливаться на ошибкѣ геніальнаго писателя, имѣвшей горестныя послѣдствія для него и для литературы. Заключимъ, наоборотъ, статью нашу удивительнымъ словомъ этого многосторонняго человѣка, обладавшаго самымъ высокимъ эстетическимъ смысломъ, какой рѣдко встрѣчается въ людяхъ. Въ одной изъ литературныхъ бесѣдъ своихъ, онъ сказалъ: „умное слово — никогда не доказываетъ себя; только художникъ доказываетъ умное слово“. Прибавимъ къ этому: умное слово, разъ сказанное художникомъ, дѣлается всеобщей истиной и остается ею уже навсегда.

„Русск. Вѣстн.“, 1856, февр. № 2.

ЗАМѢТКИ О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

1848-го года.

Мы думаемъ, что поступимъ весьма основательно, если не будемъ утомлять своихъ читателей полнымъ обозрѣніемъ небогатой литературной дѣятельности прошлаго 1848-го года,—однимъ изъ тѣхъ обозрѣній, которыя всегда неизбѣжно сбиваются на сухой перечень, а поговоримъ здѣсь только о журнальной беллетристикѣ, значеніе которой поймется легко тѣми, кто знаетъ, что журналы поглощаютъ дѣятельность всѣхъ еще пишущихъ нашихъ литераторовъ...

Начнемъ съ „Отечественныхъ Записокъ" (1848 г.), гдѣ образовался кругъ молодыхъ писателей, создавшій, уже довольно давно, какой-то фантастически-сантиментальный родъ повѣствованій, конечно, не новый въ исторіи словесности, но по-крайней-мѣрѣ новый въ той формѣ, какая теперь ему дается возобновителями его.

Всякій нѣсколько занимающійся отечественною словесностію, знаетъ напередъ, что изобрѣтатель этого рода былъ г. Ѳ. Достоевскій, авторъ „Бѣдныхъ Людей". Онъ положилъ ему основаніе повѣстями: „Двойникъ" и „Хозяйка", и, какъ видно, собирался дать ему важное значеніе, прерванное однакожъ всеобщимъ неодобреніемъ. Кому не казалось, при появленіи „Хозяйки", что повѣсть эта порождена душнымъ затворничествомъ, четырьмя стѣнами темной комнаты, въ которой заперлась отъ свѣта и людей болѣзненная до крайности фантазія? Отсюда выходитъ кругъ писателей, преимущественно занимающихся психологической исторіей помѣшательства. Они уже любятъ сумасшествіе не какъ катастрофу, въ которой разрѣшается всякая борьба, что́ было бы только невѣрно и противохудожественно; они любятъ сумасшествіе—для сумасшествія. Съ перваго появленія героя ихъ, движенія его странны, рѣчь безсвязна, и между нимъ и событіями, которыя вскорѣ начинаютъ развиваться около него, завязывается нѣчто въ родѣ препинанія: кто кого перещеголяетъ нелѣпостью. Надо сознаться, что основатель направленія—Ѳ. Достоевскій, остается до сихъ поръ неподражаемымъ мастеромъ въ изображеніи поединковъ такого рода. Но кто же не

согласится, что при этомъ случаѣ сумасшедшіе оказываютъ особенную услугу авторамъ? Они освобождаютъ ихъ отъ труда, наблюденія и дѣлаютъ совершенно излишнимъ то художническое чутье, которое указываетъ матеріалы годные и негодные для созданія. Зачѣмъ имъ это? Всякая мысль, первое попавшееся слово, самая произвольная выдумка,—все годно для сумасшедшаго: не чиниться же съ нимъ, въ-самомъ-дѣлѣ! Если бы мы хотѣли подтвердить выписками справедливость нашего осужденія, мы бы могли представить примѣры, которые были бы приняты, вѣроятно, за неудачную шутку. Разумѣется, что, разъ отдавшись безъ оглядки собственной фантазіи, отдѣленной отъ всякой дѣйствительности, авторы этого направленія уже и не думаютъ объ оттѣнкахъ характеровъ, о живописи, такъ сказать, лица, о нѣжной игрѣ свѣта и тѣни на картинѣ. Требованія эти замѣщаются туманнымъ стремленіемъ къ величію характеровъ, тяжелымъ поискомъ колоссальности въ образахъ и представленіяхъ. И дѣйствительно, къ концу разсказа главное лицо облекается въ нѣкоторый родъ величія, но величіе это весьма близко подходитъ къ тому, которымъ поражаетъ бѣднякъ съ картоннымъ вѣнцомъ на головѣ и деревяннымъ скипетромъ на страдальческомъ ложѣ своемъ.

Въ 1848 году однакожъ авторъ „Хозяйки“ какъ-будто вышелъ на свѣтъ послѣ долговременной болѣзни: фантастическій элементъ замѣтно ослабѣлъ въ новыхъ его произведеніяхъ, но за то съ вящшею силою выступилъ другой — сантиментальность. Г-нъ Ѳ. Достоевскій написалъ одну повѣсть: *Слабое сердце* и два разсказа: *Отставной* и *Честный воръ*. Снѣшимъ сказать, что въ повѣсти своей г. Достоевскій выказалъ несомнѣнный талантъ, въ которомъ смѣшно было бы и отказать автору „Бѣдныхъ Людей“. Правда, тутъ опять является сумасшедшій, но на этотъ разъ, по-крайней-мѣрѣ, помѣшательство имѣетъ ясную причину, и самый ходъ болѣзни выказанъ ловко. Дѣло вотъ въ чемъ. Два бѣдныхъ чиновника, Аркаша и Вася, нѣжно любящіе другъ друга, живутъ какъ голубки, на одной квартирѣ. Вася—существо любящее, нѣжное, признательное; Аркаша — собственно безличенъ, но всю жизнь его составляетъ одна безпредѣльная привязанность къ Васѣ. Почти въ одно время Вася влюбляется безъ памяти и взыскивается милостію начальника, который даетъ ему денегъ и вмѣстѣ большую работу— переписать къ сроку какое-то дѣло. Восторгъ пріятелей, при стеченіи такихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, невыразимъ; но голова Васи не выдерживаетъ. Чѣмъ сильнѣе кипитъ чувство радости въ душѣ его, тѣмъ менѣе способенъ онъ къ дѣлу, а срокъ работы приближается. Напрасно прилагаетъ онъ всѣ усилія, чтобы свалить

этотъ камень: онъ все падаетъ на плечи его. Отчаяніе начинаетъ пробираться въ душу Васи; ему мерещатся упреки, кары несчастія. Онъ обвиняетъ самого себя въ забвеніи долга, въ неблагодарности, и наконецъ мѣшается на сумасбродной мысли, что его отдадутъ въ солдаты: вѣдь онъ такой маленькій человѣкъ! Вотъ повѣсть. Она могла бы служить хорошимъ эпизодомъ въ романѣ. Литературная самостоятельность, данная случаю, хотя и возможному, но до крайности частному, какъ-то странно поражаетъ васъ; но и не тутъ еще настоящая слабая сторона повѣсти. Она именно въ любви Аркаши и Васи, расплывчатой, слезистой, преувеличенной до такой степени, что бо́льшею частію и не вѣрится ей, а кажется она скорѣе хитростью автора, который вздумалъ на этомъ сюжетѣ руку попробовать. Положимъ, что простые, недальніе люди всегда выражаютъ чувство чѣмъ-то въ родѣ междометій или отрывистыми словами; положимъ, что они до пресыщенія говорятъ другъ другу: милый ты мой, голубчикъ ты мой (даже въ одномъ мѣстѣ у автора: косолапый ты мой!), душка, Васюкъ, Лукаша; положимъ также, что они безпрестанно глядятъ другъ на друга, улыбаются и плачутъ, да на все же есть границы. Особенно для произведеній этого рода существуетъ черта, указываемая вкусомъ, за которой патетическое уже погибаетъ въ крайнемъ ничтожествѣ самихъ героевъ. Къ тому же мы осмѣливаемся, во имя русскаго человѣка, протестовать противъ этой болѣзненной говорливости сердца. Она составляетъ исключительное достояніе разслабленныхъ людей, врядъ ли и способныхъ къ сильному ощущенію; но простой человѣкъ молчаливъ при немъ. Онъ крѣпко бережетъ добро, цѣну котораго хорошо знаетъ, и тѣмъ непроницаемѣе, чѣмъ незамѣтнѣе мѣсто его на свѣтѣ. За нимъ надо подсматривать въ его хорошія минуты, а не заставлять болтать его. Сама манера автора, слогъ его, который такъ походитъ на продѣлку западныхъ пилигримовъ, ходившихъ на поклоненія, ступая одинъ шагъ впередъ и два назадъ, еще уменьшаетъ довѣріе къ его описаніямъ, сообщая имъ неестественную фальшивую тучность. Безпрестанное возвращеніе на собственныя фразы, вошедшее, кажется, уже въ привычку у почтеннаго автора, прилагается теперь въ равной степени къ бесѣдѣ двухъ друзей и къ самому разсказу. Вотъ какъ толкуютъ между собою нервые:

— Знаешь что? ты взволнованъ, ты много не наработаешь.... Постой, постой, постой—вижу, вижу—слушай!—заговорилъ Нефедевичъ вскочивъ въ восторгѣ съ постели и прерывая заговорившаго Васю, всѣми силами отстраняя возраженія:—прежде всего нужно успокоиться, нужно съ духомъ собраться: такъ ли?

— Аркаша! Аркаша! закричалъ Вася, вскочивъ съ креселъ. —Я просижу всю ночь, ей-Богу просижу!

— Ну да, да! ты къ утру только заснешь....
— Не засну, ни за что не засну...
— Нѣтъ, нельзя, нельзя; конечно, заснешь, въ пять часовъ заснешь и т. д.

И вотъ какъ говоритъ авторъ отъ себя, по случаю покупки Васей чепчика для своей невѣсты:—Ахъ, Боже мой, да гдѣ же вы найдете чепчикъ лучше? Это ужъ изъ рукъ вонъ! *Гдѣ же вы сыщете лучше?* Я говорю серьёзно! Меня наконецъ даже приводитъ въ нѣкоторое негодованіе, *даже огорчаетъ немного* такая неблагодарность влюбленныхъ. Ну, посмотрите сами, господа, посмотрите: что́ можетъ быть *лучше этого амурчика-чепчика. Ну, взгляните!* и т. д. Предоставляемъ судить каждому, какъ это все вѣрно природѣ, и походитъ ли на наивность и добродушіе, за которыми авторъ видимо гнался.

Изъ разсказовъ г. Достоевскаго пропускаемъ *Отставной*, какъ совершенно незначащій, и остановимся на второмъ: *Честный воръ*. Намъ кажется, если мы не ошибаемся, что оба эти разсказа порождены успѣхомъ „Записокъ Охотника" г. Тургенева. Лукавая простота и тонкая наблюдательность послѣднихъ видимо соблазнили г. Достоевскаго, который далъ своимъ разсказамъ одно общее заглавіе, именно: „Разсказы бывалаго человѣка". Тутъ предстояла опасность, что читатели спросятъ: да не сидитъ ли этотъ бывалый человѣкъ постоянно гдѣ-нибудь за письменнымъ столикомъ въ Петербургѣ? Вѣроятно въ предчувствіи подобнаго вопроса со стороны своихъ читателей, авторъ прибавилъ къ заглавію въ скобкахъ: изъ записокъ неизвѣстнаго, но внизу однакожъ подписалъ большими буквами свое имя. Мы находимся теперь въ недоумѣніи: кому же собственно принадлежатъ разсказы? Г-ну Достоевскому или неизвѣстному, котораго онъ сдѣлался только издателемъ. Всѣ эти маленькія хитрости, отзывающіяся наивной претензіей, нисколько не мѣшаютъ достоинству разсказовъ, если есть достоинство. Во второмъ изъ нихъ: „Честный воръ", намъ еще показалось, что въ глазахъ автора стояли неподражаемыя повѣсти иностраннаго романиста, написавшаго „La mare au diable" и „François-le-Champi". Простота содержанія, взятаго изъ народнаго быта, стараніе открыть тѣ свѣтлыя стороны души, которыя человѣкъ сохраняетъ на всякомъ мѣстѣ и даже въ сферѣ порока, какъ завлеченъ собственной виной или обстоятельствами, наконецъ мысль заставить говорить человѣка недальняго, по которому превосходное сердце замѣняетъ умъ и образованіе, — все это очень близко намекаетъ на родство русскаго разсказа съ иностранными, приведенными выше. Мы должны быть благодарны автору за подобную попытку *возстановленія* (rehabilitation) человѣческой природы, если бы даже не было нѣ-

сколькихъ мѣстъ въ его повѣсти, дѣйствительно прекрасныхъ, какъ напримѣръ то, гдѣ представлена картина нѣмого страданія бѣднаго пьянчушки Емели, послѣ совершённой имъ покражи рейтузъ у своего благодѣтеля портного, но тутъ мы и остановимся. Самому портному, разсказывающему этотъ случай, мы должны отказать въ нашемъ сочувствіи. Онъ болѣе походитъ на ритора, чѣмъ на простодушнаго разсказчика, и за нимъ безпрестанно выглядываетъ самъ авторъ, употребляющій его инструментомъ для совершенія чего-то въ родѣ повѣствовательнаго tour-de-force.

Да, разсказъ портного,—какъ поднялъ онъ въ какомъ-то кабачкѣ бѣднаго Емелю, зашибеннаго винцемъ, призрѣлъ его,—невѣренъ и мало трогаетъ насъ. Въ немъ недостаетъ главнаго: нравственнаго достоинства, такъ необходимаго человѣку, который повѣствуетъ о собственномъ великодушіи. Портной безпрестанно кокетничаетъ добротой своего сердца, а между тѣмъ онъ не такъ добръ, какъ съ перваго разу кажется. Посудите сами. Онъ говоритъ напримѣръ: „Обрадовался я возвращенію Емели (сбѣжавшаго съ квартиры отъ стыда послѣ покражи рейтузъ) да пуще прежняго тоска къ моей душѣ припаялась. Оно вотъ какъ, сударь, выходитъ: случилось, то-есть, надо мной такой грѣхъ человѣческій, такъ я, право-слово, говорю: скорѣй какъ собака *издохъ бы, а не пришелъ. А Емеля пришелъ! Ну, натурально,* тяжело человѣка въ такомъ положеніи видѣть“, и проч. Эта фальшивая нота обличаетъ въ портномъ человѣка развитаго, да и притомъ еще дурно развитаго. Старанія портного возвратить Емелю на путь истины, оставшіяся не только безуспѣшными, но подвигнувшія Емелю еще на воровство, высказаны кудряво, но задушевнаго голоса въ нихъ не слышится. Читатель постоянно занятъ не разсказчикомъ, а манерой автора, его пріемами, его условнымъ стилемъ, которые дѣйствительно, въ ущербъ внутреннему содержанію повѣсти, безпрестанно напрашиваются на ваше вниманіе, на оцѣнку вашу. Гораздо лучше высказаны очистительныя страданія бѣднаго Емели, когда, поностившись денёкъ, другой, онъ крадетъ рейтузы у своего учителя и пропиваетъ ихъ. Съ тѣхъ поръ грызущая совѣсть не даетъ покоя Емелѣ, и этотъ человѣкъ—этотъ пьяница!—умираетъ отъ сознанія своей вины и раскаянія. Но и здѣсь опять досадный портной все дѣло портитъ. Какъ неодолимое препятствіе, стоитъ онъ въ средѣ разсказа, словно нарочно для того, чтобы форма повѣсти не могла никакъ придти въ равновѣсіе съ содержаніемъ. Вотъ, напримѣръ, чѣмъ заключаетъ онъ повѣствованіе о смерти Емели: „Такъ вотъ, сударь, это я вамъ для того теперь разсказалъ и нравоученіе—*если ужъ нужно, чтобъ оно было тутъ*—для того вывожу, чтобъ

вы поняли, что если человѣкъ разъ вошелъ въ порокъ, какъ примѣромъ сказать, Емеля въ пьяную жизнь, такъ постыдное дѣло какое, хотя бы онъ прежде былъ и честный человѣкъ, для него ужъ возможнымъ становится,—то-есть, станетъ возможнымъ помыслить о немъ. А какъ у порочнаго человѣка *воли не можетъ быть мужественной*, да и обсужденіе-то не всегда здравое, такъ онъ и совершитъ это постыдное дѣло, и мысль *его нечистая тотчасъ дѣломъ становится*. А какъ совершитъ, да какъ, не смотря на свою порочную жизнь, все еще не загубилъ *въ себѣ всего человѣка* (!), какъ осталось въ немъ сердце хоть на сколько-нибудь, такъ оно тотчасъ ныть пріймется, кровью обливается, начнетъ раскаяніе, какъ змѣя его загрызетъ, и умретъ человѣкъ не отъ постыднаго дѣла, а съ тоски, потому-что *все свое самое лучшее* (!) что берегъ помимо всего и *во имя чего человѣкомъ еще звался* (!), за ничто загубилъ, какъ Емеля свою честность, что одна только и оставалась за нимъ,—за полштофа *глупой*, горькой сивухи...." Здѣсь уже чисто-на-чисто стоитъ самъ авторъ; портной нисколько не повиненъ въ этой пышной риторической рѣчи, старающейся поддѣлаться подъ народный говоръ. Съ помощію ея мы можемъ объяснить теперь, почему иностранныя произведенія этого рода такъ теплы и трогательны, и такъ хитры и холодны наши подражанія. Тамъ явились они отъ презрѣнія къ истертымъ пружинамъ беллетристики, отъ досады на ложный блескъ фразеологіи, скрывающей обманъ или пустоту, отъ жажды простого, истиннаго чувства, не удовлетворяемой литературной дѣятельностію общества, перешедшей почти въ ремесло. У насъ наоборотъ: они держатся на уловкѣ и имѣютъ въ основаніи авторскую изворотливость и условную манеру, съ помощью которыхъ сочинитель берется *поставить* вамъ что́ угодно. Немудрено, что произведеніе, такъ написанное, если и производитъ какое-нибудь дѣйствіе на читателя, то конечно совершенно противоположное тому, какое оно имѣло въ виду.

Мы съ намѣреніемъ остановились такъ долго на послѣднихъ трудахъ г. Достоевскаго, потому-что они служатъ ключомъ къ объясненію всего, что́ есть ложно-блестящаго и просто-ложнаго въ произведеніяхъ его подражателей. Какъ почти всегда случается, легкія погрѣшности оригинала обратились у списчиковъ въ крупныя черты; наклонности, осуждаемыя вкусомъ, чѣмъ глубже сходили внизъ, тѣмъ рѣшительнѣе дѣлались постоянными законами, и наконецъ все, что́ г. Достоевскій, по инстинкту таланта, еще закрывалъ оговоркой, выставилось у свиты его на-голо. Къ числу подражателей г. Достоевскаго мы относимъ, во-первыхъ, г. Буткова, а во-вторыхъ, г. Достоевскаго-брата (М. М.)

Мы съ любовью слѣдили за развитіемъ таланта г. Буткова. Старыя его повѣсти, никогда не отличавшіяся глубиной характеровъ, были живы и ясны. Лица его разсказовъ интересовали читателя сходствомъ съ природой, и если переданы были не всегда поэтической кистью, то по-крайней-мѣрѣ нельзя было отказать автору въ талантѣ замѣчательнаго портретиста. Мы думали, что со временемъ г. Бутковъ пріобрѣтетъ и разнообразіе, и широкое исполненіе, ему не достававшія; но г. Бутковъ обманулъ всѣ наши ожиданія. Онъ вдругъ нарушилъ ходъ собственнаго развитія, отдавшись фантастическому направленію. Съ тѣхъ поръ появилась у него тяжелая веселость, изложеніе обезобразилось претензіей на остроуміе и сдѣлалось многословно, и — что́ хуже — самая цѣль, которая такъ ясна была во всѣхъ его произведеніяхъ, теперь затемнилась отъ постояннаго желанія придать ей несвойственныя многозначительность и вѣрность. Г-нъ Бутковъ сдѣлался неузнаваемъ. Достаточно указать для подтвержденія нашихъ словъ на двѣ его повѣсти: „Невскій проспектъ“ и Темный „человѣкъ“.

Основа первой очень проста. Бѣдный человѣкъ, выгнанный изъ какой-то конторы за неисправность, неожиданно выигрываетъ въ лоттерею-аллегри великолѣпную карету работы Іоахима—и тотчасъ же сходитъ съ ума. Ему вздумалось, какъ нѣкогда пресловутому Монте-Кристо, отомстить всѣмъ своимъ недоброжелателямъ, но вмѣсто разнородныхъ казней, изобрѣтенныхъ злопамятнымъ графомъ, Залетаевъ рѣшился убить враговъ своихъ только—завистью. Онъ начинаетъ разъѣзжать въ своей каретѣ безостановочно по Невскому взадъ и впередъ, закидывать карточки въ дома по всему его протяженію и проч., а между тѣмъ продаетъ послѣднюю свою шубу въ квартирѣ, переночевываетъ отъ заимодавцевъ въ трактирахъ, и чѣмъ далѣе идетъ повѣсть, тѣмъ несообразнѣе и нелѣпѣе становится Залетаевъ. Съ перваго разу видно, что интрига повѣсти могла бы послужить основаніемъ небольшому нуточному разсказу; но какъ же упустить случай развить послѣдовательно и серьёзно процессъ сумасшествія? Убійственно долго дурачится Залетаевъ до тѣхъ поръ, пока пьяный кучеръ завозитъ его, соннаго, въ сарай ямщичьяго двора, гдѣ хозяинъ, давно не получавшій платы, запираетъ на ключъ и карету и владѣльца. Крѣпки натуры у героевъ нѣкоторыхъ повѣстей; только самый чудовищный случай можетъ возвратить ихъ къ уму и порядку, какъ дѣйствительно теперь и случилось съ Залетаевымъ.

Къ чести г. Буткова, должно сказать, что по-крайней-мѣрѣ въ повѣсти его незамѣтно стремленія къ надѣленію героя своего незаконной претензіей на великость души, *необъятность* чувства. На-

противъ, онъ постоянно смотритъ съ улыбкой на Залетаева; но вотъ бѣда: улыбка его искусственна, неблагообразна. Часто и очень часто смѣшиваютъ у насъ безобразную каррикатуру предметовъ съ *юморомъ*. Никогда настоящій юморъ не увѣчитъ окружающую дѣйствительность, чтобъ похохотать надъ ней: онъ только видитъ обѣ стороны ея. Другое дѣло ложный юморъ: этотъ создастъ искусственно горбы, угловатости, прибавляетъ темныя краски къ темнымъ краскамъ, выдумываетъ несообразности. Читатель недальновидный можетъ смѣшать оба рода и смѣяться надъ небывалымъ міромъ, представленнымъ ему за настоящій; читатель проницательный смѣется при такомъ случаѣ совсѣмъ надъ другимъ. Изъ многихъ примѣровъ ложнаго юмора, которымъ отличается повѣсть г. Буткова, представимъ хоть слѣдующій: „Изъ подъ длинной чуйки, совершенно закутывавшей человѣческую фигуру (дѣло идетъ о наемномъ слугѣ), выглядывали сапоги, которые Залетаевъ по своему совершенному знакомству со всѣми видами сапоговъ, различилъ съ перваго взгляда: одинъ сапогъ скромный, безъ всякаго внѣшняго блеска, былъ, однакожъ, сапогъ существенный, изъ прочнаго, первообразнаго типа сапоговъ выростковыхъ; онъ стоялъ съ твердостію и достоинствомъ на своемъ каблукѣ и только рѣзкимъ скрыпомъ проявлялъ свой жосткій, такъ сказать, *спартанскій* характеръ; другой сапогъ, повидимому случайно, по прихоти рока, сталъ товарищемъ перваго. Онъ былъ щегольскій, лакированный сапогъ, блисталъ какъ зеркало, но имѣлъ значительныя трещины и шлепалъ подозрительно, изъ чего и слѣдовало, что онъ — просто *безхарактерный промотавшійся франтикъ, покамѣстъ блещущій остаткомъ „блеска свѣтскости“*, но ужъ уничтоженный, доведенный до товарищества съ простымъ выростковымъ сапогомъ“. Удерживаемся отъ всякихъ комментаріевъ. Нельзя было употребить болѣе усилій, чтобъ произвести болѣе невѣрную и безобразную картину.

Какъ ни странна подобная выдача литературнаго безвкусія за веселость или шутку, но это еще ничего въ сравненіи съ тою распущенностію манеры, которая преобладаетъ въ другой повѣсти г. Буткова: „Темный человѣкъ“. На всей повѣсти лежитъ одинъ колоритъ — какой-то тупой насмѣшки, никогда не достигающей предмета, на которую устремлена. Въ одномъ изъ пристанищъ Петербурга, гдѣ отдаются въ наемъ *углы*, появляется, между бѣдными, ничтожными жильцами его, таинственный незнакомецъ, богатый, скрытный и злой. Это прежній бѣднякъ, вышедшій въ люди и отомщающій своимъ старымъ врагамъ (Залетаевъ тоже мститъ старымъ врагамъ, если помните) тѣмъ, что сажаетъ ихъ за долги въ тюрьму. Недоумѣніе бѣдняковъ и хладнокровіе богача состав-

ляютъ весь интересъ повѣсти, къ концу которой разсказывается эпизодъ о несчастномъ человѣкѣ, сошедшемъ съ ума послѣ потери послѣднихъ своихъ двадцати-пяти рублей серебромъ. Мы уже много говорили о фантастическомъ направленіи, но такъ какъ въ этомъ произведеніи г. Буткова замѣтно еще намѣреніе помирить его съ реализмомъ, дѣйствительнымъ бытомъ, то мы кстати скажемъ здѣсь нѣсколько словъ собственно о реализмѣ и о томъ, ка́къ его понимаютъ у насъ.

Появленіе *реализма* въ нашей литературѣ произвело сильное недоразумѣніе, которое уже пора объяснить. Нѣкоторая часть нашихъ писателей поняла реализмъ въ такомъ ограниченномъ смыслѣ, какой не заключала ни одна статья, писанная по этому предмету въ петербургскихъ журналахъ. Чувство справедливости и уваженія къ критическимъ статьямъ ихъ понуждаетъ насъ защитить ихъ отъ упрековъ, обыкновенно падающихъ на это направленіе. Кому могло придти въ голову, что литературная дѣятельность наша изберетъ преимущественно только два типа для своихъ представленій и, довольная находкой, выкинетъ за черту весь остальной міръ. Эти геркулесовы столбы, за которые уже не переходитъ поэтическая фантазія писателей, образуются изъ двухъ фигуръ — кто ихъ не знаетъ?— человѣка ничтожнаго, убитаго обстоятельствами, и человѣка разгульнаго, не понимающаго ихъ. Попытка продовольствовать ими весь читающій классъ русской публики, болѣе разнообразный, чѣмъ гдѣ-либо, доказываетъ въ одно время бѣдность изобрѣтенія и совершенное незнаніе требованій жизни и общества. Напрасно потомъ авторы величаютъ себя бывалыми людьми, заливаются хохотомъ, тѣмъ болѣе страннымъ, что никто его не раздѣляетъ, или въ фантастическихъ представленіяхъ противопоставляютъ человѣка сну, бреду, видѣнію или, наконецъ, въ окончательномъ безсиліи разливаются рѣкой слезъ надъ любимыми своими образами! Результатъ остается всегда одинъ и тотъ же: горизонтъ крайне узкій, отсутствіе житейской опытности и разнообразной подмѣтки явленій. Нѣтъ спора, что типы ихъ существуютъ въ дѣйствительности, и что они уже были художнически разработаны сильными талантами; дурно то, что съ тѣхъ поръ они окаменѣли въ нашей литературѣ, и между ними, какъ въ фамильномъ склепѣ, разгуливаютъ наши писатели, совсѣмъ не подозрѣвая жизни, которая бьется за порогомъ его. Чему же удивляться, если съ другой стороны вся жизнь проходитъ мимо, не замѣчая писателей.

При постоянномъ осуществленіи однихъ и тѣхъ же типовъ, мѣсто свободнаго творчества должна была заступить наконецъ работа чисто механическая; дѣйствительно, такъ и случилось. Мы

замѣтили, напримѣръ, что добрая часть повѣстей въ этомъ духѣ открывается описаніемъ найма квартиры—этого труднаго условія петербургской жизни—и потомъ переходитъ къ перечету жильцовъ, начиная съ дворника. Сырой дождикъ и мокрый снѣгъ, опись всего имущества героя и наконецъ изложеніе его неудачъ, происходящихъ столько же отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, сколько и отъ великаго нравственнаго его ничтожества,—вотъ почти всѣ пружины, которыя находятся въ распоряженіи писателя. Запасъ не великъ, но долженъ быть испытанной доброты, если судить по непрерывному его употребленію. Ясно, что при такихъ условіяхъ уже не можетъ быть и помина о зоркомъ осмотрѣ событій, объ изученіи разнородныхъ явленій нашей общественности, психологическомъ развитіи характера. Съ перваго взгляда читатель имѣетъ удовольствіе видѣть всю перспективу романа, знать, что́ будетъ говорить герой его, чѣмъ онъ кончитъ, какъ сложится вокругъ него происшествіе. Неисчерпаемый источникъ всѣхъ неожиданныхъ и поучительныхъ разсказовъ—душа человѣка опредѣлена здѣсь заранѣе и притомъ по одному образцу, словно столбъ большой дороги. Самый талантъ въ писателѣ дѣлается ненуженъ, и если встрѣчается (а встрѣчается онъ часто), то кажется читателю излишней роскошью. Можно сбить разсказъ, какъ фабрикуется карета изъ готовыхъ частей, и потомъ навести на составныя его принадлежности лакъ мыслей и замѣтокъ, болѣе или менѣе произвольныхъ... То ли думали замѣчательные люди, писавшіе у насъ о реализмѣ?

Нельзя кончить этого отступленія, не упомянувъ еще о страсти къ подробностямъ, на которой собственно и зиждутся всѣ требованія псевдо-реализма на основательность и значеніе. Мы видѣли изъ одного примѣра (описанія сапоговъ), до чего можетъ дойти это разложеніе вещей, этотъ анализъ безконечно-малыхъ, и могли бы привести множество другихъ, въ которыхъ не оставлено ни малѣйшаго сомнѣнія въ умѣ читателя, касательно цвѣта подошвъ у обуви, каждаго гвоздя въ стѣнѣ и каждой посудины въ комнатѣ. Другое дѣло, опредѣляетъ ли это насколько-нибудь личность самого владѣтеля вещей. Отвѣтъ извѣстенъ заранѣе всякому, кто наблюдалъ процессъ, которому слѣдуютъ великіе таланты, когда разъ осматриваютъ человѣка въ его внѣшней обстановкѣ. Не все цѣликомъ берутъ они отъ послѣдней, а только тѣ ея части, которыя проявили мысль человѣка и такимъ образомъ получили значеніе и право на замѣтку. Помимо этого коренного условія, чѣмъ болѣе станете вы увеличивать списки *принадлежностей*, тѣмъ досаднѣе становится впечатлѣніе, и тутъ уже никакой юморъ не поможетъ. Правда, что при основной бѣдности типовъ псевдо-реализма, подобныя из-

слѣдованія способствуютъ размноженію дѣйствующихъ лицъ, которыя начинаютъ уже отличаться другъ отъ друга чисто внѣшне, матеріально, напримѣръ цвѣтомъ фраковъ, суконными или мѣдными пуговицами на кафтанѣ и проч., но такъ создавать лица уже черезчуръ легко. Въ повѣсти „Темный человѣкъ“ четыре или пять жильцовъ въ квартирѣ нѣмки могутъ быть распознаемы единственно по покрою платья и по другимъ аксесуарамъ, весьма подробно переданнымъ авторомъ, потому-что внутренняго различія между ними не существуетъ. Всѣ они дѣти одного отца и списаны другъ съ друга: писатель ничего не потратилъ на созданіе.

Въ заключеніе мы осмѣливаемся предложить нѣсколько бѣглыхъ вопросовъ, пожалуй хоть самимъ себѣ. Насколько можетъ быть интересно апатическое лицо, не находящее въ себѣ никакихъ силъ для выхода изъ стѣсненнаго положенія? заслуживаетъ ли оно той примѣрной любви, какую питаютъ къ нему нѣкоторые писатели? не значитъ ли потворствовать крайнему нравственному безсилію безпрестаннымъ его осмотромъ, и какая польза можетъ произойти отъ этого въ эстетическомъ и всякомъ другомъ отношеніяхъ? Мы когда-нибудь вернемся къ этимъ вопросамъ, а теперь переходимъ къ г. Достоевскому-брату (М. М).

Лучшая повѣсть г. Достоевскаго: *Господинъ Свѣтелкинъ*, можетъ служить образцомъ того насильственнаго и механическаго распространенія сюжета, о которомъ было говорено. На семи печатныхъ листахъ разсказывается въ ней исторія дѣвушки, воспитывавшейся въ чужомъ домѣ и потерявшей непорочность свою въ любви къ молодому повѣсѣ, сыну своихъ лицемѣрныхъ благодѣтелей. Когда потомъ добрый и слабый г. Свѣтелкинъ присватывается къ ней, когда благодѣтели всѣми силами стараются устроить эту свадебку, чтобы сбыть съ рукъ воспитанницу, дѣвушка сопротивляется имъ, бѣжитъ изъ дому и открываетъ все дѣло жениху на его квартирѣ. Тутъ, вмѣсто ожидаемаго презрѣнія, она получаетъ болѣе чѣмъ прощеніе: она получаетъ отъ Свѣтелкина трогательную просьбу остаться безкорыстнымъ другомъ ея, если уже онъ не можетъ быть ея мужемъ. Наташа отдаетъ ему свою руку. „Я слышалъ, что они очень счастливы“, лаконически прибавляетъ авторъ въ заключеніе разсказа. Какъ въ произведеніяхъ старшаго (по появленію на литературномъ поприщѣ) Достоевскаго, здѣсь есть зародышъ повѣсти, который никакъ не выходитъ къ полной жизни, погибая преимущественно отъ недостатка въ живительныхъ лучахъ знанія и наблюденія. Изъ краткаго изложенія нашего можно уже видѣть, что тутъ опять встрѣчается добрый и ничтожный человѣкъ — Свѣтелкинъ, повѣса Уховерткинъ-сынъ. На перваго такъ много и неосторожно

наговорено вздорнаго, что его прекрасный, истинно человѣческій поступокъ кажется уже новымъ видомъ пошлости; по той же причинѣ, второй дѣлается чѣмъ-то въ родѣ аллегорическаго изображенія нелѣпости и перестаетъ быть лицомъ. Все семейство Уховерткиныхъ видимо придумано въ тиши кабинета, и члены его страхъ какъ походятъ на тщательно обдѣланныя игрушки. Умалчиваемъ о способѣ распространенія повѣсти, объ описаніи квартиръ, о разговорѣ героя съ кухаркой, кухарки съ гостями и т. п.; умалчиваемъ о юмористическихъ странностяхъ въ родѣ слѣдующихъ: „мантилья поспѣшила сама собою, безъ посторонней помощи, *взъерзнуть* на Наташины плечи“, или г. Пташкинъ „торопливо *разрѣзывалъ* всей своей особой несчастную бекешь съ отличнымъ, впрочемъ, бобромъ“; умалчиваемъ также о фантастическихъ картинахъ на подобіе той, которая представлена, когда г. Свѣтелкинъ, открывшій истину, убѣгаетъ съ дѣвичника: „Казалось, всѣ мысли, какія только были у него, даже самые *органы, на которыхъ зарождались эти мысли*, вышли изъ его тѣлеснаго состава и стали не подалеку отъ него, посылая ему, отъ времени до времени, какую-нибудь разрозненную мысль, половину, четверть мысли“. Все это можетъ наскучить читателю, несмотря на прелесть этихъ мыслей, посылающихъ четверть мысли и доказывающихъ, какъ недостатки оригинала выростаютъ до чудовищнаго у подражателей; но мы обязаны сказать нѣсколько словъ о самой героинѣ — о Наташѣ.

Лицо русской дѣвушки или женщины есть камень преткновенія для писателя, живущаго только съ самимъ собою. Мѣсто этого лица до сихъ поръ остается празднымъ въ нашей литературѣ, несмотря на нѣсколько старыхъ удачныхъ попытокъ гг. Лермонтова, Нестроева и новыхъ г. Дружинина. О Пушкинѣ не говоримъ: онъ всегда у насъ исключеніе, да и былъ бы недосягаемымъ исключеніемъ, гдѣ бы ни появился. Отсутствіе женскаго лица въ нашей изящной словесности сообщаетъ ей тотъ рѣзкій, холодный характеръ, который многихъ поражаетъ. Всякій согласится, что нельзя же назвать женщинами и живыми существами произвольныя фигуры, выставляемыя нашими авторами. Только герои самыхъ разсказовъ могутъ впадать въ такую грубую ошибку, но читатель, слава Богу, избавленъ отъ этой необходимости. Есть множество весьма *неучтивыхъ* объясненій по случаю этой незамѣнимой пустоты, но объясненія теряютъ свою жесткость тотчасъ, какъ строгій судья потрудится сблизиться съ подсудимымъ своимъ. По нашему крайнему разумѣнію, настоящая причина заключается въ слѣдующемъ. Общественныя явленія отражаются на женщинѣ вездѣ тонкими, весьма нѣжными чертами и потомъ еще распадаются на множество оттѣнковъ

въ душѣ ея. Рѣдко представляетъ женщина ту пошлую ясность, ту грубую очевидность характера, которая по-часту встрѣчается между мужчинами, особливо между мужчинами, поставленными въ кругъ дѣйствія, рѣзко очерченный. Для простого наблюденія женщины требуется уже нѣкотораго рода талантъ: ткань ея мыслей и чувствъ такъ многосложна, внутренній ея міръ, куда переноситъ она всѣ внѣшнія явленія, такъ богатъ и разнообразенъ! Лицо женщины никакъ нельзя создать цѣликомъ, на-обумъ, какъ напримѣръ слабаго человѣка, пустого человѣка, скрягу, честолюбца и проч. Увы! Писателю надо видѣть женщину, чтобъ сказать о ней нѣчто, а главное — *надо спуститься* до глубокаго, поэтическаго изученія ея. Вотъ почему вѣрно угаданный характеръ женщины въ какой-нибудь повѣсти есть первый дипломъ автору на артистическую способность наблюденія, на художническій талантъ его, и вотъ почему такихъ характеровъ не встрѣтишь въ псевдо-реальномъ направленіи. Скажемъ болѣе: врядъ ли можно признать даже существующимъ *дѣйствительно* такой родъ литературы, гдѣ женщина постоянно остается невидимкой.

Всѣ эти мысли пришли намъ въ голову по поводу „Наташи“ г. Достоевскаго. Драматическія мѣста, въ которыхъ выказываетъ она гордость, пробужденную оскорбленіемъ, такъ трескучи, что невольно рождается подозрѣніе: не обязана ли она существованіемъ театральнымъ впечатлѣніямъ автора. Подозрѣніе еще усиливается, когда замѣчаешь, что страданія бѣдной дѣвушки сопровождаются мимикой, заимствованной у перваго *серьёзнаго* балета. „Наташа часто ужасаетъ всѣхъ взглядомъ, руки ея колотятъ тревогу; она сохраняетъ безстрастный видъ, *хотя каждая жилка въ ней вывихнута изъ своего ложа*“. Душевныя муки Свѣтелкина поясняются тоже аппаратомъ, взятымъ со сцены: сердце его сравнивается съ резонансъ-боденомъ, въ который безпрестанно стучатъ претерпѣваемыя имъ оскорбленія. Рѣчь Наташи постоянно отличается густотой, напряженіемъ, какъ голосъ, идущій съ подмостокъ. „Скука, сказали вы? (отвѣчаетъ она соблазнителю своему). Да одна только скука могла такъ обмануть меня, что я на вашемъ лицѣ не прочла всей пустоты вашего сердца; одна только скука могла до того испортить мое воображеніе, что вы мнѣ показались совсѣмъ другимъ, не тѣмъ, что́ вы на самомъ дѣлѣ. Мнѣ стыдно — понимаете-ли? — стыдно признаться теперь передъ этимъ добрымъ и благороднымъ человѣкомъ (Свѣтелкинымъ), что я могла васъ любить. О, я помню этотъ длинный годъ, съ его скучными днями! — продолжала она *гораздо тише и какъ будто говоря сама съ собою:* помню эту вѣчную тишину, къ которой я не могла привыкнуть, этотъ органъ, кото-

рый тянулъ изъ меня душу, длинные вечера безъ книгъ, безъ занятій, и потомъ безконечныя ночи. Скука? да, вотъ мое единственное оправданіе". Краснорѣчивая тирада, сказать нечего — и даже со всѣми оттѣнками тирады въ полной формѣ. Наконецъ, когда самъ авторъ принимается за психологическій анализъ, онъ встрѣчаетъ невозможное, небывалое, что вдобавокъ вредитъ Наташѣ болѣе, чѣмъ всѣ гоненія ея ложныхъ благотворителей. Посудите сами: „Предубѣжденія ея къ нему (Свѣтелкину) еще болѣе увеличились, но нисколько не опечалили ея. Ея страстной, любящей крайности натурѣ было бы, кажется, *пріятно* найти въ немъ не одни только недостатки, мелкія погрѣшности, но *всевозможные пороки, чтобъ надеждой на будущія страданія возвратить себѣ утраченное право по-прежнему гордо смотрѣть на жалкую, всепорабощающую посредственность*". Мы находимся въ странной необходимости защитить Наташу отъ естественнаго покровителя ея, отразить поклепъ, взведенный на нее самимъ *виновникомъ ея дней*. Въ нравственномъ отношеніи ничего не можетъ быть безобразнѣе выписаннаго нами мѣста; къ счастію, оно столь же ложно, сколько оскорбительно для прямого чувства. Кто не видитъ, что родилось оно отъ неспособности подмѣтить настоящую особенность характера и отъ необходимости замѣстить неуловимую тайну чѣмъ-нибудь, хоть призракомъ... Но при этомъ случаѣ да позволятъ намъ взять сторону публики, такъ часто обвиняемой у насъ въ равнодушіи къ отечественнымъ писателямъ. Какъ же можно ожидать успѣха и требовать вниманія къ своимъ трудамъ, когда всякой образованный человѣкъ, нѣсколько поживший въ свѣтѣ и видѣвшій людей, развернувъ романъ или повѣсть, тотчасъ видитъ, что авторъ ничего ему дать не можетъ. Съ первой же страницы читатель сознаетъ, что собственный его взглядъ обширнѣе, и что вся опытность, настоящее знаніе дѣла, общежительная мудрость, такъ сказать, на его сторонѣ... Книга по-неволѣ выпадаетъ изъ рукъ его!

Сильно ошибается тотъ, кто подумаетъ, что мы вовсе не признаемъ дарованія въ разбираемыхъ нами писателяхъ или умножаемъ выписки и замѣтки наши изъ видовъ легкомысленной потѣхи. Единственная цѣль наша — открыть псевдо-реальному, фантастическому и сантиментальному направленіямъ глаза на собственныя ихъ ошибки и заблужденія, и достиженіе этой цѣли составляетъ все наше честолюбіе. Переходимъ теперь къ ряду писателей, помѣщавшихъ труды свои въ журналѣ, въ „Современникѣ".

Смѣшно было бы думать, что всякая критическая статья должна непремѣнно находиться въ зависимости отъ журнала, въ которомъ помѣщена. На этомъ основаніи каждая похвала должна казаться

публикѣ нестерпимымъ самохвальствомъ и малѣйшее осужденіе — великодушнымъ подвигомъ его редакціи. Не мудрено избѣжать этихъ нелѣпостей. Стóитъ только вспомнить, что если есть условія, необходимыя для существованія журнала, то вмѣстѣ съ тѣмъ есть еще другое, высшее условіе: уваженіе къ читателямъ. Оно-то должно понуждать всякаго высказать свое мнѣніе скромно, но безъ утайки: такъ мы и сдѣлаемъ.

Къ числу самыхъ важныхъ обязанностей журнализма принадлежитъ открытіе новыхъ талантовъ, ищущихъ простора и дѣятельности. Извѣстно, съ какими затрудненіями сопряжено всякое начинаніе; въ дѣлѣ литературы, прозорливая оцѣнка перваго труда иногда рѣшаетъ всю будущность молодого дарованія. Мы нисколько не убѣждены, чтобъ русская журналистика вообще исполняла эту обязанность по мѣрѣ силъ своихъ (это остается еще у насъ въ формѣ пріятной надежды), но по части изящной словесности „Современнику" посчастливилось встрѣтить два таланта въ лицѣ гг. Гончарова и Дружинина, которые съ перваго раза получили заслуженную и почетную извѣстность. Если прибавить къ нимъ груды писателей, уже и прежде замѣченныхъ публикою, гг. Тургенева, Григоровича, автора: „Кто виноватъ?" то изъ совокупной дѣятельности всѣхъ ихъ образуется то, чтó мы охотно назовемъ литературной физіономіей журнала. Мы постараемся уловить ее въ нашемъ разборѣ, а теперь покамѣстъ скажемъ, что существенная особенность ея состоитъ въ отсутствіи условныхъ типовъ, въ стремленіи пробить наружную оболочку жизни, на которой еще держится псевдо-реализмъ, и проникнуть въ извилины ея, откуда почти всѣ изъ поименованныхъ писателей уже успѣли вынесть образы живые и наводящіе на размышленіе.

Г. Гончаровъ, послѣ превосходнаго своего романа: „Обыкновенная Исторія", написалъ повѣсть: „Иванъ Савичъ Поджабринъ". Мы скажемъ откровенно г. Гончарову, что шуточный разсказъ находится въ противорѣчіи съ самымъ талантомъ его. Съ его многостороннимъ изслѣдованіемъ характеровъ, съ его глубокимъ и упорнымъ трудомъ въ разборѣ лицъ дурно вяжется легкій очеркъ, который весь долженъ состоять изъ намековъ и бѣглыхъ замѣтокъ. Повѣсть перешла у него тотчасъ же въ подробное описаніе поступковъ смѣшного Поджабрина и, потерявъ легкость шутки, не пріобрѣла дѣльности психологическаго анализа, въ которомъ онъ выказалъ себя такимъ мастеромъ. Къ слову пришлось сказать здѣсь, что не всякой, способный на важный трудъ, способенъ и на трудъ, такъ-сказать, беззаботный. Послѣдній требуетъ особеннаго дарованія. Только одна природная наклонность можетъ указать, напримѣръ, что въ основаніи шутки

должна непремѣнно лежать *серьёзная идея*, прикрытая тонкимъ покрываломъ блестящаго изложенія. Извѣстно, что это составляетъ одно изъ существенныхъ условій хорошей комедіи, и въ такомъ смыслѣ шуточный разсказъ еще ждетъ у насъ *творца своего*. Но едва шутка понимается какъ сборъ смѣшного безъ значенія, какъ публичная выставка нелѣпостей, она перестаетъ быть шуткой, а переходитъ къ псевдо-реализму, гдѣ явленія окружающаго міра берутся въ той безсмысленной, голой простотѣ, въ какой представляются неопытному глазу. Мы преслѣдовали этотъ родъ вездѣ, гдѣ онъ ни являлся, и тѣмъ болѣе должны осудить его въ г. Гончаровѣ. Впрочемъ, это единственная вещь, написанная авторомъ въ прошломъ году, и молчаніе его доказываетъ, если не ошибаемся, что онъ занятъ трудомъ, который лучше будетъ соотвѣтствовать высокому мнѣнію, которое передалъ онъ о своемъ талантѣ первымъ своимъ произведеніемъ.

По случаю повѣсти г. Дружинина: „Разсказъ Алексѣя Дмитрича", было уже сказано нѣсколько умныхъ словъ въ „Современникѣ" человѣкомъ, голосъ котораго болѣе не услышится въ литературѣ нашей.... Осмѣливаемся прибавить къ нимъ еще нѣсколько замѣчаній. Первая повѣсть г. Дружинина: „Полинька Саксъ", была принята почти какъ необыкновенное явленіе, почти съ такимъ же единодушнымъ одобреніемъ, съ какимъ принимались нѣкогда повѣсти и разсказы Гоголя. Чему обязана она этимъ успѣхомъ, превзошедшимъ, вѣроятно, всѣ ожиданія автора? По нашему мнѣнію,—слѣдующему. Она неожиданно перенесла читающую публику отъ пошлаго, ничтожнаго міра, въ сферу, гдѣ выражено нѣсколько благородныхъ стремленій, и гдѣ главное лицо получило нѣкоторую самостоятельность и значеніе. Герой повѣсти г. Саксъ, съ своими великодушными наклонностями, съ яснымъ взглядомъ вокругъ себя и съ жизненнымъ горемъ, которое несетъ онъ твердо и благородно, поразилъ всѣхъ. Многіе сочли за небывалую вещь извѣстіе, что человѣкъ можетъ стоять, въ домашнемъ и свѣтскомъ треволненіяхъ, крѣпко на своихъ ногахъ. Мелкая жизнь и превратное пониманіе жизни, съ которыми борется Саксъ, получили у автора весьма ясныя очертанія: онъ выказалъ ихъ не въ образѣ терамеповскаго чудовища, поглощающаго интересныхъ иполитовъ, а, напротивъ, въ ложномъ блескѣ, который ослѣпляетъ иногда и опытный глазъ, въ поверхностной граціи, увлекающей, подъ-часъ, головы и не совсѣмъ пустыя. Скажемъ болѣе: міръ этотъ даже добродушенъ и беззлобивъ у него и тѣмъ можетъ быть страшнѣе. Прибавьте увлеченіе и жаръ, неразлучные съ первымъ произведеніемъ и всегда составляющіе, если хотите, его *незаконную* прелесть, и тогда успѣхъ повѣсти объясняется вполнѣ. Вторая повѣсть: „Разсказъ Алексѣя Дмитрича"—гораздо сосредоточеннѣе, хотя, можетъ быть, представляетъ

менѣе полноты и обдѣлки въ цѣломъ. Здѣсь уже лицо Сакса распалось на два лица и переродилось, повидимому, въ два противоположные характера, угрюмаго и тяжелаго Алексѣя Дмитрича, блестящаго и ловкаго барона Рецеля. Несмотря на это, и Саксъ, и Алексѣй Дмитричъ и молодой полковникъ Рецель связаны одной общей родственной чертой, именно серьёзнымъ чувствомъ долга, пониманіемъ важности призванія въ жизни и глубокимъ оскорбленіемъ, какое наноситъ имъ превратное толкованіе того и другого. Въ свидѣтельство важнаго успѣха автора на пути творчества, должно особенно указать на то, что новыя его лица не надѣлены тѣмъ изобиліемъ героизма, какимъ отличается Саксъ. Напротивъ, сильное сопротивленіе порывамъ ихъ, встрѣченное въ окружающей средѣ, отчасти испортило, исказило ихъ. Такъ, Алексѣй Дмитричъ скрылся отъ міра въ какой-то ложной апатіи, сквозь которую безпрестанно свѣтится его неутихшая душевная боль, какъ, впрочемъ, ни смѣется онъ надъ самимъ собой, какъ, впрочемъ, ни валяется онъ по цѣлымъ днямъ на диванахъ. Такъ еще Рецель закрылся поддѣльнымъ хладнокровіемъ и отдался своимъ обязанностямъ, исполненіе которыхъ, однакожъ, у него не просто, а проникнуто аффектаціей, изысканно-спокойно. Апатія перваго и дѣятельность второго равно грустны. Это темныя стороны характеровъ, но эти темныя стороны и дѣлаютъ ихъ настоящими, живыми людьми, обличая мастерство автора и вѣрность его собственнымъ представленіямъ, какія рѣдко обнаруживалъ псевдо-реализмъ.

Продолжая разборъ нашъ, мы встрѣчаемъ въ самой драмѣ, которая развивается между упомянутыми лицами, еще лицо мальчика Кости, полное прелести и истины. Мы снова указываемъ на него псевдо-реализму, какъ на образецъ поэтическаго воспроизведенія дѣйствительности, достойный всего его изученія. Слогъ г. Дружинина заслуживаетъ не менѣе вниманія: онъ простъ, сжатъ, даже отрывистъ. Конечно, можно анализировать очарованіе, подъ которымъ постоянно вы находитесь за повѣстью автора, и сказать, напримѣръ, что крупныя черты, которыми рисуетъ онъ свои лица, сообщаютъ имъ особенную выпуклость, рельефность, но это еще не объяснитъ вполнѣ тайны занимательности, имъ свойственной: тутъ важную роль играютъ сами профили ихъ, сильно интересующіе васъ. Качество увлекательнаго разсказа распространяется даже на созданія, видимо слабѣйшія и менѣе обдуманныя, какъ напримѣръ на послѣднюю повѣсть г. Дружинина: „Фрейлейнъ Вильгельмина“. Мы почти рады появленію слабо выдержаннаго произведенія изъ-подъ пера автора „Полиньки Саксъ“. Оно дастъ намъ возможность указать ему на тѣ излишества, отъ которыхъ, по мнѣнію нашему,

онъ долженъ остерегаться. Въ новой повѣсти его, докторъ Армгольдъ, полный глубокаго расположенія къ людямъ и убѣгающій людей, изображенъ съ обычной ловкостью, но безграничная власть его надъ окружающими недовольно пояснена и кажется не собственнымъ его пріобрѣтеніемъ, а добродушнымъ подаркомъ автора. Въ подобныхъ характерахъ, горделиво и безстрастно стоящихъ въ средѣ всего житейскаго волненія, каждый поступокъ долженъ быть оправданъ болѣе чѣмъ въ комъ-либо другомъ. По справедливости любимая авторомъ самостоятельность въ герояхъ и ихъ уваженіе къ себѣ переходятъ иногда въ щегольство и преувеличенную, а стало быть и непріятную чистоту позъ. Такъ герой повѣсти Радденскій, проникнутый желаніемъ любви и чувствомъ долга (что́, сказать мимоходомъ, опять выражено прекрасно), не выдерживаетъ, по слабости натуры, собственныхъ стремленій и, измученный, умираетъ въ чахоткѣ, но умираетъ онъ какъ-то фальшиво-граціозно. Вокругъ него царствуетъ холодная опрятность пріемной комнаты, и смерть подходитъ къ нему осторожно и учтиво, какъ-будто знаетъ, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ comme il faut. Это уже недостатки самаго рода, разработываемаго авторомъ, и пусть онъ приметъ предостереженіе наше въ соображеніе при будущихъ трудахъ своихъ.

Мы могли бы уволить себя отъ разбора превосходныхъ разсказовъ изъ „Записокъ Охотника“ г. Тургенева, такъ какъ общія черты ихъ уже были указаны въ прошлогоднемъ обзорѣ русской литературы (Современникъ, кн. III), но съ именемъ автора соединяется у васъ нѣсколько мыслей, которыя мы намѣрены изложить здѣсь. Г. Тургеневъ первый, кажется, изъ нашихъ писателей понялъ важное значеніе того, что́ называется *беллетристикой*, и первый показалъ примѣры какъ замѣчательныхъ результатовъ, какіе она дать можетъ, такъ и рѣдкихъ качествъ, требуемыхъ ею отъ самого писателя. Съ этой точки зрѣнія разсказы его пріобрѣтаютъ для насъ двойное значеніе: во-первыхъ, по собственному содержанію, а во-вторыхъ, по эстетическому вопросу, который они порождаютъ. Новые разсказы г. Тургенева (Малиновая вода, Уѣздный лекарь, Бирюкъ, Лебедянь, Татьяна Борисовна, Смерть) сохраняютъ всѣ качества предшествовавшихъ имъ: разнообразіе, вѣрность картинъ и особенно какое-то уваженіе ко всѣмъ своимъ лицамъ. Гуманность эта, доказывающая, между прочимъ, уже окрѣпшую мысль въ авторѣ, да сильное чувство красоты природы, составляютъ, какъ и прежде, ихъ настоящій колоритъ и вполнѣ объясняютъ успѣхъ ихъ. Это *этюды* многоцвѣтнаго русскаго міра, исполненные тонкихъ замѣтокъ и ловко подмѣчен-

ныхъ чертъ. Истинно-художественныхъ разсказовъ въ „Запискахъ“ можетъ быть два-три (Хорь и Калиныч — первый изъ нихъ по появленію останется первымъ и по достоинству); всѣ остальные держатся на силѣ наблюденія, на литературной и житейской опытности автора. Изящная словесность цѣлаго народа не можетъ состоять изъ однихъ художественныхъ произведеній, и требовать отъ нея только созданій высокаго творчества значитъ впадать въ нѣкоторый фанатизмъ художественности, столь же ограниченный и не вѣрный, какъ и раболѣпные списки съ природы. Для полной литературной жизни такъ же необходима подмѣтка новой стороны предмета, еще невысказанная мысль и картина, порожденная долгимъ опытомъ, какъ и колоссальное произведеніе, на которомъ вполнѣ и глубоко успокоивается эстетическое чувство наше. Не признавать или отвергать это — весьма можно. Оно даже и легко при нынѣшнемъ развитіи наукъ объ изящномъ и благородномъ воодушевленіи, порожденномъ ими, да только тутъ грозитъ опасность обнаружить неимовѣрную глухоту къ законнымъ требованіямъ умственной жизни. Мы знаемъ, что можно не признавать и послѣднихъ, но при этомъ случаѣ мы тотчасъ же впадаемъ въ родъ драматической фантазіи, гдѣ, съ одной стороны, красуется толпа, а съ другой — уединенно стоящій умникъ. Нравственная усталость, еще остающаяся въ насъ послѣ этихъ фантазій, освобождаетъ насъ отъ желанія видѣть повтореніе ихъ на дѣлѣ.

Вѣроятно никто не подумаетъ, что мы проповѣдуемъ легкость и беззаботность, такъ сказать, въ литературѣ. Наоборотъ. Стóитъ только указать на произведенія г. Тургенева, чтобъ убѣдиться, какихъ важныхъ условій и какого мастерства требуетъ беллетристика вообще. Во-первыхъ, необходимо ей многостороннее знаніе жизни, зоркость взгляда, изощреннаго опытностію, всегдашнее присутствіе мысли, поясняющей наблюденія, и наконецъ еще талантъ разбора самыхъ явленій и вывода ихъ передъ читателемъ. Бóльшая часть разсказовъ охотника родилась изъ прямыхъ, личныхъ впечатлѣній автора. Онъ обращаетъ въ картину случай, ему представившійся; разбираетъ передъ вами характеръ, имъ встрѣченный, и даже передаетъ въ формѣ разсказа собственное свое воззрѣніе на какой-либо предметъ; но сколько искусства расточено у него при этой передачѣ разнородныхъ своихъ пріобрѣтеній! Любопытно наблюдать, какъ мѣняетъ онъ для каждаго новаго представленія краски и самый способъ изложенія, какъ вѣрно разсчитаны для нихъ свѣтъ и воздухъ, и въ какихъ нѣжныхъ оттѣнкахъ и умно разсѣянныхъ подробностяхъ выражаются у него люди и событія. Вѣрность окружающему, за которой такъ гоняется псевдо-реализмъ,

рѣдко достигая ея, является тутъ сама по себѣ и часто достигаетъ поэтическаго выраженія, по глубокому проникновенію въ жизнь, по изученію ея. Мы желаемъ отъ души русской литературѣ наиболѣе беллетристическихъ талантовъ, дающихъ подобные результаты. Недавно напечатана была въ „Современникѣ“ небольшая комедія г. Тургенева: „Гдѣ тонко, тамъ и рвется“, открывающая новую сторону его таланта, именно живопись лицъ въ извѣстномъ кругѣ дѣйствователей, гдѣ не можетъ быть ни сильныхъ страстей, ни рѣзкихъ порывовъ, ни запутанныхъ происшествій. Кто знаетъ, какъ великъ этотъ кругъ, тотъ пойметъ заслугу автора, умѣвшаго отыскать содержаніе и занимательность тамъ, гдѣ вошло въ обыкновеніе предполагать отсутствіе всѣхъ интересовъ. Тонкими чертами обрисовалъ онъ главное лицо комедіи, скептическое до того, что оно не вѣритъ собственному чувству, и запутанное такъ, что изъ ложнаго понятія о независимости оно отказывается отъ счастія, котораго само искало. Всякому случалось встрѣтить подобный характеръ, гораздо труднѣйшій для передачи, чѣмъ многіе великолѣнные герои трагедій или многіе нелѣные герои комедій. Интрига, простая до крайности, въ комедіи г. Тургенева не теряетъ ни на минуту своей живости, а комическія лица, которыми обставлена главная дѣйствующая чета, переданы, такъ сказать, съ артистическою умѣренностію... Вотъ такого-то рода вездѣ-присутствующая литература и можетъ принесть всю ту пользу, какую позволено ожидать вообще отъ литературы, и только на этихъ условіяхъ можетъ она сдѣлаться необходимостью для общества и его вѣрнымъ воспроизведеніемъ.

Г. Григоровичъ и авторъ романа „Кто виноватъ?“ напечатали въ прошломъ году по одному (*) легкому очерку, въ которыхъ особенно проявились качества и родъ мастерства, свойственные этимъ писателямъ, столь противоположнымъ другъ другу по таланту. При небольшомъ наблюденіи, легко опредѣлить процессъ, которому слѣдуетъ г. Григоровичъ въ созданіи. Ни на минуту не выпускаетъ онъ изъ виду главное лицо и постепенно собираетъ около него опредѣляющія его подробности. Твердымъ шагомъ, медленно и вѣрно идетъ онъ въ этой работѣ, и чѣмъ далѣе подвигается, тѣмъ рѣзче выставляется характеръ, образъ и наконецъ съ послѣдней чертой достигаетъ такой художественной полноты, которая дѣлаетъ его неизгладимымъ въ памяти и воображеніи читателя. Таковъ былъ его „Антонъ-Горемыка“, и въ недавней его повѣсти „Бо-

*) Эта статья писана прежде, чѣмъ появилась въ № 2 „Современника“ повѣсть г. Григоровича „Капельмейстеръ Сусликовъ“.

быль“ тѣмъ же способомъ воспроизвелъ онъ физіономію доброй помѣщицы... Мы отлагаемъ до другого времени сказать нѣсколько словъ о самомъ выраженіи этой и другихъ физіономій въ повѣстяхъ автора: разборъ ихъ можетъ быть еще болѣе уяснилъ бы наши мысли объ истинѣ и вѣрности окружающему въ литературѣ, но мы принуждены временемъ и мѣстомъ ограничиться на этотъ разъ только очеркомъ одной манеры автора.

Авторъ второго очерка, о которомъ мы говорили, уже извѣстный своимъ романомъ „Кто виноватъ“, составляетъ совершенную противоположность по манерѣ съ г. Григоровичемъ. Онъ не слѣдитъ, какъ тотъ, безъ устали за своимъ героемъ и даже не всегда остается ему вѣрнымъ до конца, какъ это случилось въ отношеніи Бельтова, одного изъ главныхъ лицъ въ его романѣ. Единственная цѣль его, единственная забота, видимо оковывающая все вниманіе его, состоитъ въ наивозможно болѣе яркомъ выраженіи основной идеи разсказа. Послѣдній эскизъ его (Сорока-воровка) легко могъ бы служить подтвержденіемъ всему, что̀ нами сказано объ условіяхъ беллетристики и ея значеніи. Какъ осторожно обойдено въ немъ все рѣзкое и угловатое, на чемъ непремѣнно споткнулся бы писатель, менѣе опытный; съ какимъ уваженіемъ къ эстетическому чувству читателя разсказано происшествіе, которое подъ другимъ перомъ легко могло бы оскорбить его! Если во всемъ этомъ нѣтъ чистаго художества, то есть художническая, такъ сказать, изворотливость, всего лучше доказывающая всегдашнее присутствіе мысли, безпрестанно отыскивающей для себя необходимый истокъ.

Если мы прибавимъ къ поименованнымъ нами писателямъ г. Даля, печатавшаго въ разныхъ журналахъ свои наблюденія надъ русскимъ бытомъ, занимательные разсказы г. А. Майкова о столкновеніи русскихъ туристовъ съ природой, людьми и искусствомъ Италіи, нѣсколько умныхъ замѣтокъ новаго писателя г. Станицкаго и нѣсколькихъ другихъ именъ, то мы получимъ почти полную лѣтопись всего, что̀ было сдѣлано замѣчательнаго по части изящной литературы, въ положительномъ или отрицательномъ значеніи.

Лѣтопись эта не велика, какъ мы видимъ.

Насъ спросятъ, вѣроятно, почему ограничились мы преимущественно трудами, появлявшимися въ двухъ петербургскихъ журналахъ, и оставляемъ безъ вниманія произведенія, печатавшіяся въ другихъ повременныхъ нашихъ изданіяхъ. Отвѣтъ на это не труденъ. Только въ двухъ упомянутыхъ нами журналахъ замѣтно какое-то единство мысли при разнородности литературныхъ произведеній и серьёзное стремленіе достичь задуманнаго идеала, каковъ бы онъ ни былъ. Вотъ почему одни они и могутъ подпасть дѣльному

обсужденію критики, которая не задала себѣ напередъ легкую работу глумиться надъ произведеніями, ничтожными во всѣхъ отношеніяхъ или не взяла бы на себя трудъ, крайне неблагодарный, но уже испытанный въ нашей литературѣ, именно — говорить по поводу слабыхъ попытокъ сочинительскаго тщеславія, о неумирающихъ законахъ искусства и науки. Только присутствіе какого бы то ни было труда и добросовѣстнаго убѣжденія можетъ доставить честь разбора произведенію, и только при этихъ условіяхъ полезны для публики и для отечественнаго просвѣщенія вообще опредѣленіе его недостатковъ, указаніе его ошибокъ и признаніе достоинствъ его. Литературная часть въ другихъ нашихъ журналахъ бо́льшею частію была дѣломъ случая, вызвана почти всегда необходимостію, во что́ бы то ни стало, повѣсти для новаго нумера, и нигдѣ не имѣла въ основаніи мысль или взглядъ на искусство. Кому какая нужда (а особенно, кому какая польза?) послѣ этого знать, что въ одномъ журналѣ красовалась рыцарская повѣсть, со стукотней конскихъ копытъ и безграничной женской страсти; что въ другомъ была повѣсть, имѣвшая претензію исчерпать весь бытъ русскаго дворянина посредствомъ какихъ-то темныхъ похожденій одной семьи; что печатались отдѣльно романы сатирическіе, сентиментальные, стихи и стишки съ правилами просодіи и безъ нихъ. Иногда на минуту критикъ можетъ войти въ это царство произвола, если замѣтитъ между тѣнями безъ облика и жизни настоящее живое существо. Такъ, въ „Библіотекѣ для Чтенія“ 1845 и 1846 гг. тянулся замѣчательный романъ г. Вельтмана („Приключенія, почерпнутыя изъ моря житейскаго“), который могъ бы быть вполнѣ хорошимъ произведеніемъ, если бы авторъ откинулъ несчастную мысль, что оригинальность достигается капризомъ и своеволіемъ. Право собственности въ литературѣ не простирается такъ далеко, чтобъ можно было смотрѣть безъ досады, какъ писатель съ умысломъ портитъ собственныя свои созданія; но все-таки романъ г. Вельтмана остается блистательнымъ исключеніемъ и по праву принадлежитъ критикѣ. Такимъ же исключеніемъ были въ прошломъ году небольшіе очерки нравовъ г. Кокорева, помѣщавшіеся въ журналѣ „Москвитянинъ“ и обличившіе въ авторѣ наблюдательность и талантъ, способный къ развитію. Но за этими исключеніями, которыя обязанъ усмотрѣть всякій добросовѣстный критикъ, работа его кончается. Было время, когда подвергали разбору каждые пять удавшихся стиховъ, каждую повѣстушку, съ двумя, тремя счастливыми сценами, забывъ, что для общественнаго просвѣщенія важны не стихи, не повѣсти, даже удачные, а только поэтъ съ яснымъ характеромъ и писатель, прокладывающій новую стезю въ области искусства или дающій какой-либо

полезный выводъ для общества. Въ послѣднія пятнадцать лѣтъ нашлись мыслящіе люди, которые отстранили эту безплодную перекличку всѣхъ литературныхъ явленій и тѣмъ самымъ много поубавили изъ фальшиваго, призрачнаго богатства нашей словесности, необходимо рождавшагося оттуда; но они впали въ ошибку другого рода. Проповѣдуя всю жизнь сочетаніе поэзіи и мысли, какъ необходимаго условія изящной литературы, они были увлечены образцами, въ которыхъ нашли его, и придали имъ неимовѣрное значеніе. Время уже показало преувеличенность надеждъ, возлагавшихся на нравственное и художническое вліяніе этихъ образцовъ, и оно же обмануло многія ожиданія, поданныя первыми трудами нашихъ прославленныхъ писателей. Воспользуемся же невольной и благородной ошибкой предшественниковъ; скажемъ, что мы присутствуемъ при начальныхъ усиліяхъ творчества въ нашемъ отечествѣ, обѣщающихъ, можетъ статься, богатую жатву въ будущемъ, если судить по нравственнымъ силамъ, употребленнымъ въ дѣйствіе, но требующихъ долгой, трудной и постоянной выдержки. Мы старались указать самый путь, какимъ, по нашему мнѣнію, должна проходить литературная дѣятельность, чтобъ быть помощницей общественнаго образованія, въ чемъ состоитъ ея главное призваніе, и не знаемъ, почему мы не могли бы сознаться, что она сдѣлала на немъ только робкіе шаги. Тутъ нѣтъ оскорбленія чьего бы то ни было самолюбія, а еще менѣе униженія народной гордости. Напротивъ, въ подобномъ сознаніи гораздо болѣе признаковъ зрѣлости и силы, гораздо болѣе симптомовъ приближающейся возмужалости, чѣмъ въ преувеличенномъ взглядѣ на вещи, юношеской запосчивости или самонадѣянности, которыя безпрестанно встрѣчаютъ на пути своемъ жизнь и время съ ихъ неумолимымъ опроверженіемъ, съ ихъ неизмѣннымъ приговоромъ....

„Современникъ“, 1849, № 1.

РОМАНЫ И РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ

ПРОСТОНАРОДНАГО БЫТА.

въ 1853 г.

I.

„Рыбаки“, романъ г. Григоровича, явившійся въ концѣ прошлаго (1852) года отдѣльной книжкой, невольно возбуждаетъ потребность отдать отчетъ о рядѣ литературныхъ произведеній съ тѣмъ же направленіемъ, какимъ онъ отличается. Созданія, въ основаніи которыхъ лежатъ жизнь и обычаи простого народа, замѣтно расплодились у насъ во всѣхъ формахъ, и уже начали составлять яркую и, скажемъ, утѣшительную черту современной литературы. Много новыхъ элементовъ для романа, повѣсти и комедіи открыли даровитые писатели на этомъ поприщѣ; много оригинальныхъ лицъ и физіономій, принадлежащихъ исключительно русскому міру, ввели они въ дѣло, и на многіе, доселѣ еще невѣдомые источники патетическаго, страстнаго и комическаго успѣли они указать намъ. Бодрость и сила, отличающія всегда плоды свѣжей, нетронутой почвы, сообщаются и этимъ народнымъ произведеніямъ и чувствуются даже тогда, когда, отстранивъ мысленно и съ усиліемъ, разумѣется, родовую привязанность къ лицамъ, выводимымъ ими, вы стараетесь взглянуть на нихъ, какъ чужой на чужого. Чувствуется присутствіе оригинальной мысли въ этихъ изображеніяхъ новаго міра, открытаго авторами, который по самой своей замкнутости и своеобычности представляетъ вмѣстѣ со многими затрудненіями (о чемъ будемъ сейчасъ говорить) и много выгодъ для писателя. Такъ, произведенія изъ

народнаго быта всегда сжатѣе, сосредоточеннѣе, чѣмъ тѣ, которыя захватываютъ разнородные круги общества, а потому и дѣйствуютъ сильнѣе послѣднихъ на воображеніе въ минуты самаго чтенія; они не имѣютъ причинъ заниматься анализомъ тонкихъ душевныхъ ощущеній, и потому кажутся здоровы на видъ; они наконецъ простѣе въ завязкѣ, которая не можетъ быть сложна по существу самаго дѣла — и потому кажутся особенно величавыми на первый взглядъ.

Отдавъ полную справедливость качествамъ, отличающимъ новое направленіе въ литературѣ, и всей душой желая еще бо́льшаго его развитія, мы, однакожъ, должны предостеречь публику отъ недоразумѣнія, которое легко можетъ возникнуть по поводу его. Многіе, и въ томъ числѣ, вѣроятно, нѣкоторые изъ писателей этого рода, думаютъ, что простонародная жизнь можетъ быть введена собственно въ литературу во всей своей подробности, безъ малѣйшаго ущерба для истины, цвѣта и значенія своего. По нашему крайнему разумѣнію, это весьма важная ошибка, способная породить (и порождающая) безплодныя стремленія къ такой цѣли, которая врядъ ли можетъ быть достигнута. Литературная передача всякаго явленія имѣетъ свои незыблемыя правила, пріемы, манеру, которымъ долженъ подчиниться матеріалъ самый непокорный, и которые налагаютъ клеймо свое на самый гордый и самостоятельный предметъ. Что́ бы ни дѣлалъ авторъ для тщательнаго сохраненія истины и оригинальности въ своихъ лицахъ, онъ принужденъ наложить краску искусственности на нихъ, какъ только принялся за литературное описаніе. Желаніе сохранить рядомъ другъ подлѣ друга требованія искусства съ настоящимъ, жосткимъ ходомъ жизни, произвесть эстетическій эффектъ и вмѣстѣ цѣликомъ выставить бытъ, мало подчиняющійся вообще эффекту,—желаніе это кажется намъ неисполнимымъ. Еще хуже бываетъ, когда коснется дѣло до выраженія нравственнаго достоинства, присущаго лицамъ простонародья. Здѣсь является опять литературное пониманіе его, почасту расходящееся съ простымъ, менѣе требовательнымъ пониманіемъ самаго круга. Есть, наконецъ, множество строгихъ представленій въ литературѣ, безспорно принимаемыхъ всѣми, какъ фундаментъ, на которомъ легко, прилично и удачно могутъ быть построены завязка и интересъ разсказа. Въ извѣстной степени представленія эти не чужды никакому классу; но они никакъ не составляютъ обязанности или несчастія для простого человѣка, и авторъ принужденъ иногда гнуть постороннее лицо подъ ними къ землѣ только силою своего произвола. Къ этому прибавить надо добрую часть книжныхъ истинъ, вмѣшивающуюся, разумѣется, невольно отъ самого автора, въ его сужденіе и сообщающую завязкѣ совсѣмъ другой цвѣтъ, чѣмъ тотъ, подъ которымъ является она нево-

оруженному глазу человѣка. Въ этомъ перечетѣ разныхъ литературныхъ условій нельзя забыть и того, что въ арсеналѣ беллетристическаго произведенія есть всегда множество поясненій, развязокъ и окончательныхъ соображеній, готовыхъ къ услугамъ писателя, который долженъ только владѣть талантомъ правильнаго выбора; но они, случается иногда, не составляютъ ни малѣйшаго поясненія, никакой развязки дѣлу въ глазахъ человѣка, знакомаго съ нимъ настоящимъ образомъ. Такъ, истина жизни и литературная истина въ смѣшеніи своемъ отнимаютъ другъ отъ друга цѣлыя, иногда весьма характерныя части. Этимъ даже можно объяснить отчасти явленіе, уже замѣченное многими. Грамотный, но еще не развитый простолюдинъ, читая грубыя изображенія самого себя, не читаетъ поясненій своей жизни, дѣлаемыхъ поэзіей и литературой. Дѣйствительно, они должны многое скрыть въ его глазахъ: такъ, очертанія крыльца и забора итальянской избы пропадаютъ въ гущѣ плюща и винограда, обвивающихъ ихъ со всѣхъ сторонъ.

Мы весьма далеки отъ мысли обвинять всѣхъ нашихъ разсказчиковъ въ тѣхъ погрѣшностяхъ, которыя перечислены нами теперь; напротивъ, мы видимъ во всѣхъ тщательное стараніе обойти ихъ. Но это самое и доказываетъ, что онѣ дѣйствительно существуютъ, и что не всегда могутъ быть обойдены. Простонародную такъ-называемую литературу никакъ нельзя сравнивать съ тѣми группами разсказовъ, какіе еще недавно существовали у насъ: ни съ разсказами объ идеальныхъ художникахъ, томящихся въ дѣйствительности, ни съ свѣтскими повѣстями, гдѣ калейдоскопически противопоставлено внѣшнее изящество благородству простого, робкаго чувства, и проч. Тѣ брали преимущественно свои типы изъ воображенія, распаленнаго ночной работой; простонародные разсказы берутъ свои типы изъ жизни и, какъ мы сказали, часто даютъ имъ выраженіе глубокое и сильно затрогивающее чувство читателя. Совсѣмъ тѣмъ общій характеръ разсказовъ послѣдняго рода заключается именно въ томъ столкновеніи искусства съ выбраннымъ предметомъ, о которомъ сейчасъ говорено было. Почти въ каждомъ разсказѣ видите вы тяжелую борьбу между литературной манерой и бытомъ, который подчиняется ей не совсѣмъ охотно. Есть напряженіе со стороны писателя и добрая цѣнь изворотовъ, которые не укрываются отъ глазъ читателя. Борьба писателя переходитъ и на чтеца его, и какое-то необъяснимое сомнѣніе идетъ объ руку съ невольнымъ увлеченіемъ отъ разсказа. По окончаніи чтенія, вы побѣждены авторомъ, благодаря многимъ превосходнымъ частностямъ, столь изобилующимъ въ новыхъ произведеніяхъ, благодаря мастерскимъ описаніямъ, яркимъ освѣщеніямъ картинъ, что́ составляетъ неотъемлемую принад-

лежность этой школы, благодаря, наконецъ, чертамъ глубоко и вѣрно подмѣченнымъ въ жизни; но когда возвращаетесь вы къ основной мысли произведенія, сужденіе ваше опять двоится. Въ душѣ вашей рождается смутное и неопредѣленное чувство. Вы знаете, что разсказъ превосходенъ; но вы спрашиваете: много ли въ немъ истины самой по себѣ, и такъ ли сказывается она въ извѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ?

Довольно замѣчательно, что, сличеніемъ разныхъ произведеній одного и того же рода, вопросъ, заданный вами себѣ самому, не разрѣшается, а напротивъ — еще болѣе запутывается. Кто не знаетъ изъ русскихъ читателей, что въ небольшихъ разсказахъ, гдѣ дѣло собственно въ подмѣткѣ внѣшней физіономіи простолюдина, въ описаніи обычая, привычекъ его, въ изложеніи *формальныхъ* его отношеній къ другимъ людямъ и, наконецъ, въ уловленіи характеристическихъ частностей его быта и природы, гдѣ онъ движется, школа произвела нѣсколько образцовыхъ вещей. Таковы нѣкоторые разсказы гг. Тургенева, Писемскаго, Кокорева и многіе эпизоды самого г. Григоровича и проч. То же самое можно сказать и о вводныхъ лицахъ у другихъ писателей, не занимавшихся преимущественно тѣмъ отдѣломъ, о которомъ говоримъ. Вѣрность подлинному типу и истина самаго представленія бросаются вездѣ въ глаза читателя. Наслажденіе это еще увеличивается отъ разнообразія средствъ, какія употребляются писателями для выраженія типовъ, встрѣченныхъ ими. Родъ таланта, свойственно каждому изъ авторовъ, его художническіе способы, освѣщеніе, какое преимущественно любитъ онъ давать своимъ представленіямъ, наконецъ уголъ зрѣнія, подъ которымъ онъ наблюдаетъ ихъ,—все это, вмѣстѣ съ живостью изображаемаго предмета, оставляетъ въ васъ вполнѣ цѣльное впечатлѣніе. Совсѣмъ другое бываетъ, когда писатель переходитъ къ идеализаціи быта, другими словами: къ открытію мысли, движущей его, къ скрытнымъ душевнымъ ощущеніямъ и къ поводамъ, опредѣляющимъ его убѣжденія, привязанности, отвращенія. Здѣсь писатель становится въ противорѣчіе почти съ каждымъ изъ своихъ читателей, имѣющимъ о томъ же предметѣ свои мысли, а также почти и съ каждымъ собратомъ своимъ по ремеслу. На этой общей почвѣ писатели, представляющіе такое множество точекъ соприкосновенія, уже не сходятся... То, что одному кажется естественнымъ выводомъ изъ всей жизни человѣка, то другому кажется искусственной прибавкой со стороны біографа; гдѣ одинъ видитъ органическую потребность, тамъ другой открываетъ только случайность, и т. д. Метода приложенія чувствъ и мыслей, имѣющихъ уже право гражданства въ образованномъ мірѣ, къ жизни на всѣхъ концахъ общества имѣетъ и защитниковъ и

противниковъ, сражающихся доводами одинаково сильными, т.-е. произведеніями, въ которыхъ искусно развито то или другое убѣжденіе. Изъ разногласія этого отдѣляется, однако же, для наблюдательнаго глаза, одна непреложная истина. Смущенный читатель начинаетъ догадываться, что настоящее существо дѣла, слово разгадки, которое должно примирить всѣхъ, какъ древняя рѣка Алфей, бѣжитъ подъ землею, а что вмѣсто дѣла наружу бросается только *литературное пониманіе его*, какъ свѣжая растительность, доказывающая несомнѣнное существованіе источника. Но литературное пониманіе уже не имѣетъ достаточной очевидности, чтобъ подчинить себѣ мысли, убѣжденія читателя. Будучи дѣломъ личнаго произвола, оно тѣмъ же личнымъ произволомъ и можетъ быть отстранено. Это не капиталъ, имѣющій одну установленную цѣнность, а фондъ, упадающій и возвышающійся, смотря по развитію и состоянію мысли въ обществѣ и по ея направленію. Такимъ образомъ литературное произведеніе является намъ какъ дерево висячихъ садовъ, поднятое на огромную высоту, выращенное на почвѣ, тщательно собранной тамъ, и, при всей пышности своей, не имѣющее того залога настоящей растительной жизни, какая свойственна дереву, самобытно поднявшемуся на родной землѣ и глубоко пустившему въ нее корни свои.

Г-нъ Григоровичъ создалъ романъ въ трехъ частяхъ изъ исторіи одного рыбацкаго семейства. Легко видѣть, какая тяжелая задача предстояла автору—развить въ формѣ художественнаго романа жизнь до того не сложную, что первое слово каждаго лица заключаетъ въ себѣ всѣ остальныя его рѣчи и первая мысль его отражаетъ уже цѣлый рядъ мыслей, какія будутъ приходить къ нему во все существованіе его. Однако же, авторъ исполнилъ свое дѣло съ замѣчательнымъ искусствомъ и твердой рукой. Ни разу не отрываетесь вы отъ романа съ усталостію или недоброжелательнымъ чувствомъ, благодаря мастерскимъ очеркамъ, посредствомъ которыхъ ярко представлены глазамъ вашимъ типическія лица, въ родѣ лѣниваго старика Акима, испорченнаго и кичливаго чада сельскихъ фабрикъ Захара, вялаго, но коварнаго цѣловальника Герасима, и проч. Эти ловкіе очерки, весьма похожіе на эскизы художниковъ, еще обставлены подробностями, которыя доканчиваютъ поражающую истинность и оригинальность ихъ. Дудочки Акима, которыми любитъ онъ забавлять дѣтей, притонъ Герасима, табачный кисетъ и фабричное общество Захара, гдѣ онъ играетъ роль дэнди,—все это исполнено жизни и природы. Рѣдкая изъ современныхъ нашихъ tableau de genre содержитъ столько характерныхъ подробностей, сколько ихъ собрано вокругъ каждаго лица въ романѣ. Авторъ даже не забылъ мелочей, уже дѣйствительно принадлежащихъ больше живописи, чѣмъ

собственно описанію,—какъ, напримѣръ, нѣкоторыя подробности въ фигурѣ молодой Дуни, моющей бѣлье на ручейкѣ, и проч. Съ инстинктомъ рисовальщика останавливается онъ также на эффектахъ, какіе имѣютъ, при извѣстномъ освѣщеніи дня или ночи, плетень, уголъ избы, рука, отбрасывающая тѣнь на лицо, и проч., и проч.; да тотъ же инстинктъ рисовальщика преобладаетъ и въ его описаніяхъ мѣстности и природы. Тутъ гораздо болѣе живописи, т.-е. старанія подмѣтить краски и формы предметовъ, чѣмъ поэтическаго созерцанія и передачи прямыхъ впечатлѣній. Въ такомъ духѣ представлены, впрочемъ, съ несомнѣннымъ искусствомъ, картины весны, бури на Окѣ и всего театра дѣйствія, а въ описаніи ярмарки села Комарёва, ночлега гуртовщиковъ подъ открытымъ небомъ и во многихъ другихъ описаніяхъ авторъ достигъ широты изложенія и кисти, не часто встрѣчающихся вообще въ его картинахъ. Совсѣмъ тѣмъ узелъ романическаго интереса составляютъ не эти превосходныя частности и не эти вводныя лица, а борьба стараго поколѣнія простолюдиновъ, представителями котораго являются всегда суровый рыбакъ Глѣбъ Савиновъ и всегда кроткій дѣдушка Кондратій, съ молодымъ поколѣніемъ, изображеннымъ въ лицахъ пріемыша и дѣтей Глѣба. Тутъ развивается настоящая драма, отъ столкновенія двухъ противоположныхъ настроеній,—драма, въ которой новое поколѣніе, за исключеніемъ только молодого Вани, обрисованнаго, впрочемъ, довольно слабо, пожертвовано въ нравственномъ отношеніи типамъ стараго времени. Авторъ на сторонѣ прошлаго и *бывалыхъ людей*. Они у него даже упорны, безпечны, гнѣвны съ достоинствомъ, между тѣмъ какъ страсти и наклонности потомковъ ихъ поставлены на низшую ступень, и по инстинкту, и по выраженію, и по цѣли своей. Такъ ли это въ самомъ дѣлѣ, мы не знаемъ, да, вѣроятно, и самъ авторъ, спрошенный добросовѣстно, не могъ бы отвѣчать на вопросъ съ полнымъ убѣжденіемъ. Для насъ ясно, что это только *литературная мысль*, имѣющая мало общаго съ настоящимъ бытомъ, но безъ которой уже не могъ бы существовать романъ. Что эта мысль счастливая—безспорно, что на ней движется весь механизмъ романа, со всѣми своими колесами и поршнями — тоже безспорно; но что она обязана существованіемъ только литературной необходимости, бросается въ глаза съ перваго раза. Это не существенная черта самой жизни, а только пружина автора, безъ которой нельзя было бы поднять и самую жизнь. Такъ, впрочемъ, всегда случается, лишь только вводится въ литературу и искусство простонародный бытъ. Онъ требуетъ помощи извнѣ, мысли, взятой со стороны, для оживленія своего. Это совсѣмъ не то, когда онъ самъ сочиняетъ про себя, какъ извѣстно. Съ минуты появленія сво-

его въ словесности простонародный бытъ требуетъ уже драгомана, а драгоманъ дѣлается при этомъ столь же значителенъ, какъ самъ довѣритель, и весьма часто важнѣе своего довѣрителя.

Чѣмъ ближе вглядываешься въ романъ г. Григоровича, тѣмъ яснѣе видишь, что *литературная выдумка* просачивается сквозь всѣ слои и толщи и проникаетъ почти во всѣ его представленія наравнѣ съ чертами изъ дѣйствительнаго быта. Извѣстно всякому, что романъ требуетъ строгой послѣдовательности и правильнаго развитія характеровъ. Для успѣха романа надобно, чтобъ каждое его лицо въ каждую минуту было вѣрно самому себѣ. Такъ создавались всѣ хорошіе романы въ Европѣ, и г. Григоровичъ не могъ измѣнить, разумѣется, существенныхъ условій этого рода произведеній. Глѣбъ Савиновъ на каждой страницѣ романа сохраняетъ у него постоянно свою суровую, дѣльную, взыскательную физіономію. Ни разу не расправляются добродушіемъ черты его лица, и ни разу онъ не забывается. Даже въ минуту смерти набѣгаютъ тѣ же самыя морщины на лобъ его, какія мы видѣли при нервомъ съ нимъ знакомствѣ, хотя, надо сказать, описаніе смерти Глѣба Савиныча и какого-то вдохновеннаго, усиленнаго труда передъ нею принадлежатъ къ лучшимъ страницамъ талантливаго разсказчика. То же самое видимъ мы и въ отношеніи добродушнаго, покорнаго судьбѣ Кондратія: онъ кротокъ во всякую минуту своей жизни, всегда говоритъ однѣ мягкія, успокоивающія рѣчи, и ни одной ноты не взялъ онъ во все свое существованіе ни выше, ни ниже надлежащаго. Та же система однообразнаго повторенія родовыхъ признаковъ лица, такъ сильно дѣйствующая на воображеніе читателя, прилагается и къ второстепеннымъ лицамъ романа. Между двумя сыновьями Глѣба, Петромъ и Василіемъ, установились особыя отношенія, въ которыхъ Петръ играетъ главную роль, а Василій находится подъ нравственнымъ вліяніемъ старшаго брата. Когда возвращаются они черезъ нѣсколько лѣтъ опять въ отцовскій домъ и на сцену романа, Петръ снова играетъ роль руководителя, Василій снова находится подъ тлетворнымъ господствомъ его. И мы нисколько не намѣрены ставить въ вину автору этого *творженія задовъ*, если смѣемъ такъ выразиться: оно принадлежитъ къ извѣстнымъ необходимостямъ, безъ которыхъ авторъ романа обойтись не можетъ, какъ мастеръ — безъ своего инструмента, и которыя способствуютъ ему для выраженія характера вынукло и для произведенія особеннаго впечатлѣнія на память читателя. Мы только спрашиваемъ: въ какомъ отношеніи необходимость эта находится къ жизни и къ истинѣ? Положительнаго отвѣта мы опять дать не можемъ, но можемъ заключить *a priori*, что лицо изъ простого быта чаще всякаго другого должно срываться съ голоса

и чаще переходить на другую сторону, потому что оно лишено тѣхъ искусственныхъ подпорокъ, которыя удерживаютъ человѣка весь вѣкъ на одномъ мѣстѣ и въ одномъ чувствѣ. Нѣтъ достаточныхъ причинъ, чтобъ онъ подпалъ дѣйствію моральнаго столбняка, изъ котораго составляются романистами типы, наиболѣе яркіе и наиболѣе живущіе въ воспоминаніи читателя. Онъ человѣкъ впечатлѣнія, а не принятой заранѣе мысли, которая, наконецъ, вростается въ плоть и кости; онъ не наблюдаетъ за собой со строгостью школьнаго учителя и не ведетъ счета ошибкамъ или проступкамъ своимъ. Какъ живое лицо, онъ, разумѣется, имѣетъ опредѣленныя черты и наклонности; но состояніе общественнаго мнѣнія въ его кругѣ не такъ сурово, чтобъ держать его постоянно въ одной позѣ и не позволять частыхъ отлучекъ по сторонамъ. Признаемся, все это кажется намъ очевиднымъ, и романъ г. Григоровича еще болѣе укрѣпляетъ въ насъ мнѣніе, что отъ передачи въ искусствѣ хода простонародной жизни можно ожидать много наслажденія, много картинъ, оригинальныхъ лицъ, превосходныхъ описаній, но врядъ ли настоящаго познанія ея, какъ предмета для обсужденія и заключенія. А между тѣмъ многіе изъ писателей и весьма большое число читателей имѣютъ въ виду именно эту послѣднюю цѣль; но это все равно, что по вышинѣ египетской пирамиды судить о ростѣ людей, построившихъ ее.

Съ благодарностію къ автору оставляемъ мы его романъ, доставившій намъ много прекрасныхъ минутъ, и не упоминаемъ даже о нѣкоторой искусственности языка, которая замѣчается въ рѣчахъ его дѣйствующихъ лицъ всякій разъ, какъ они начинаютъ разсуждать. По наружѣ это языкъ простонародья, со всѣми пріемами своими, и, однакожъ, вы чувствуете, что это языкъ не подслушанный, а сочиненный. Изрѣдка проглядываютъ въ немъ фразы, видимо придуманныя авторомъ для выраженія какой-либо отвлеченной мысли, влагаемой въ уста простолюдина. Фраза тогда по конструкціи и виду совершенно простонародна; но въ ней слышится рука автора и даже процессъ ея составленія, а въ отношеніи самого говорящаго лица она кажется скорѣе затверженною на память, чѣмъ такой, которая безъ вѣдома сорвалась съ его языка. При попыткѣ передать отвлеченныя мысли простонародья, и притомъ въ самомъ ходу дѣйствія, подобныя фразы должны являться, и разборомъ ихъ мы могли бы еще разъ подтвердить все теперь сказанное о неизбѣжномъ вмѣшательствѣ самого сочинителя въ повѣсть, разсказываемую имъ, о неизбѣжныхъ прорывахъ, гдѣ авторъ долженъ иногда говорить за свои лица, какъ скрытый подъ полотномъ комедіантъ—за свои куклы. Общее превосходное впечатлѣніе цѣлаго романа г. Григоро-

вича, конечно, скрываетъ эти недостатки; но они существуютъ, и въ менѣе обдуманныхъ, менѣе художественныхъ разсказахъ являются грубо и ярко. Вмѣстѣ съ публикой, мы ждемъ отъ г. Григоровича новыхъ произведеній въ томъ же родѣ, и ждемъ съ живымъ участіемъ. Кромѣ прямого удовольствія, каждое изъ нихъ возбуждаетъ еще много вопросовъ и мыслей по поводу своего содержанія — свидѣтельство почти несомнѣнное, что содержаніе взято изъ нѣдръ жизни и привязано къ намъ тонкими, неразрывными нитями. Переходимъ къ другому роману, появившемуся въ прошломъ году,—къ „Крестьянкѣ", г. Потѣхина. Романъ этотъ, конечно, менѣе важенъ въ эстетическомъ отношеніи „Рыбаковъ" г. Григоровича, но не менѣе ихъ можетъ подать поводъ къ соображеніямъ, подтверждающимъ основную мысль нашихъ замѣтокъ.

Въ одномъ изъ первыхъ своихъ произведеній—въ разсказѣ „Титъ Софроновъ Козопокъ", г. Потѣхинъ уже отличается особенной манерой, которая еще сильнѣе обнаруживается въ романѣ „Крестьянка". Онъ собственно не развиваетъ характеровъ художнически, какъ г. Григоровичъ, а скорѣе описываетъ ихъ со стороны, какъ дѣлаетъ, напримѣръ, составитель каталога въ картинной галереѣ или размышляющій библіографъ при реестрѣ книжныхъ драгоцѣнностей. Тонъ повѣсти г. Потѣхина идетъ подъ пару съ манерой: онъ не родился у автора самъ собой, изъ сущности повѣствованія, и не составляетъ естественнаго колорита повѣствованія, — напротивъ, тонъ этотъ заимствованъ у стихотворныхъ идиллій или у поэмъ съ сказочными замашками, какія еще не такъ давно писались у насъ. Читатель пойметъ насъ, если мы приведемъ только начало повѣсти г. Потѣхина: „Года два тому назадъ старика Онуфрія Кузмича посѣтило тяжкое горе: умеръ его единственный сынъ Григорій. Славный былъ этотъ мужикъ Григорій: умный, смышленый, зажиточный, хорошо велъ свои дѣла, отлично торговалъ. Главный промыселъ его было пчеловодство, и ужъ ни у кого нельзя было достать такого чудеснаго меда-самотека и прозрачнаго, какъ янтарь, и обсахареннаго, какъ крѣпкое мороженое. Какой хотите — спросите: цвѣточный ли, липовый или хлѣбный—ни одинъ изъ нихъ не уступитъ другому. Дѣлалъ онъ и воскъ превосходный: не то что красный или желтый—нѣтъ! а такой чистый, такой бѣлый, какъ слоновая кость"...

Подобные же пріемы мы еще помнимъ у Гоголя въ „Вечерахъ близъ Диканьки"; но тамъ они соотвѣтствовали и настроенію духа въ авторѣ, и фантастическому, легендарному содержанію многихъ разсказовъ, и наконецъ молодому, теплому созерцанію малороссійской природы и малороссійскаго быта. Не то у г. Потѣхина. Пріемы эти не имѣютъ корней въ самомъ разсказѣ его, а являются случайно,

только какъ способъ, какъ заемъ, какъ чужая нота, по которой авторъ настроиваетъ свой собственный голосъ. Они не оправдываются также и особеннымъ одушевленіемъ къ предмету описанія, потому что повѣсть г. Потѣхина, напротивъ, составлена какъ-то сухо и походитъ на изложеніе голаго факта. Титъ Софроновъ, сдѣлавшійся изъ наглаго мальчика дворецкимъ лихого и ограниченнаго барина, стеченіемъ обстоятельствъ обращается опять въ крестьянскій бытъ. Тутъ воспоминаніе о прежнемъ житьѣ, горе отъ злой жены, которую онъ самъ навязалъ себѣ, безпокойство униженнаго самолюбія тушатъ всякую искру нравственности въ немъ: онъ дѣлается нищимъ, пьяницей и, наконецъ, совершенно невзначай, убійцей. Небогатое содержаніе повѣсти передано еще въ духѣ строгаго изложенія, боящагося поясненій и разработки, ради вѣрности и истины повѣствованія, какъ должно полагать; но вѣрность и истина тутъ слишкомъ дешево куплены. Глазъ и умъ ищутъ красокъ, подробностей, сочетаній тѣней и оттѣнковъ въ литературномъ произведеніи, и разсказъ, ни на шагъ не отступающій только отъ завязки, не можетъ приковать ихъ къ себѣ. На лица и характеры свои г. Потѣхинъ смотритъ, какъ уже сказано, со стороны. Онъ заставляетъ, напримѣръ, лица свои говорить много и долго отъ самихъ себя, но не живетъ вмѣстѣ съ ними и не чувствуетъ ихъ глубокихъ, тонкихъ, душевныхъ особенностей. Всѣ они показаны только снаружи, и ни одно не продумано и не проникнуто вполнѣ. Такимъ образомъ мы встрѣчаемся здѣсь съ противорѣчіемъ, которое часто поражаетъ при анализѣ и сличеніи произведеній изъ простонароднаго быта. Тщательная психическая и художественная разработка, съ одной стороны, даетъ иногда больше того, что́ въ самихъ характерахъ заключается, или по крайней мѣрѣ не совсѣмъ то, что́ они должны бы заключать; одно прямое и вѣрное описаніе не даетъ уже ничего или покрайней мѣрѣ даетъ то, что́ почти не стóитъ пріобрѣтенія.

Совсѣмъ тѣмъ въ первой повѣсти г. Потѣхина легко усматриваются признаки настоящаго и не совсѣмъ обыкновеннаго таланта. Особенно ярко выступаютъ они, когда авторъ отдается своему добродушному, совершенно свободному и непринужденному юмору. Тогда являются у него и обиліе замѣтокъ, и искусство распредѣленія ихъ, и подробная разработка, которой онъ такъ чуждается въ другихъ случаяхъ. Разговоръ бабъ о причинахъ смерти Григорія, исторія его леченія домашними способами, глубокомысленный владѣтель и хозяинъ деревни Пунино и его переписка съ сыномъ, наконецъ отписка самого Тита изъ Москвы къ барину и къ родителямъ, — все это весело, свѣжо и оригинально.

Переходимъ къ роману г. Потѣхина.

Романъ „Крестьянка“, въ двухъ частяхъ, поражаетъ прежде всего сложностію своей развязки, и, притомъ, это единственный романъ, гдѣ простонародная жизнь выведена рядомъ со многими другими кругами и находится съ ними въ близкихъ отношеніяхъ. Мысль показать, какъ два разнородные отдѣла жизни взаимно дѣйствуютъ другъ на друга и какими сторонами при случаѣ становятся другъ къ другу, съ перваго раза кажется счастливой мыслію. При ближайшемъ разсмотрѣніи, однакожъ, и при нѣсколько тщательномъ переборѣ книжныхъ воспоминаній, оказывается, что все насильственное, искусственное и невѣрное въ литературѣ порождено, бо́льшею частію, этой счастливой мыслію. Дѣйствительно, для осуществленія ея въ литературномъ произведеніи, надо, прежде всего, свести два противоположные круга на одну общую почву, а выборъ такой почвы и есть камень преткновенія. Съ нимъ открывается самое обширное поприще для литературнаго произвола, переталкиваній и выдумокъ, въ которыхъ дѣйствительная жизнь перестанавливается изъ стороны въ сторону или вдавливается въ раму, заготовленную прежде, но не совсѣмъ по ея росту. Впечатлѣніе, оставляемое такимъ самоуправствомъ литературнаго произведенія, дѣлается еще тяжелѣе, когда вы видите, что авторъ обращается къ одному изъ паціентовъ своихъ, менѣе значительному, съ учтивостію, даже съ любовью, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, старается перехватить всякое возраженіе съ его стороны и не допустить громкой жалобы. То и другое предоставляется уже читателю, если онъ догадливъ. Выборъ общей почвы, для двухъ разнообразныхъ круговъ, породилъ много ложныхъ произведеній. Онъ есть настоящій источникъ сантиментальныхъ разсказовъ, гдѣ авторъ замазывалъ разнообразное и своеобычное теченіе жизни одной бѣлой краской, какъ тупой и завистливый маляръ покрываетъ мѣломъ старую стѣнную живопись; онъ же долженъ считаться и отцомъ нѣкоторыхъ мелодраматическихъ разсказовъ, гдѣ авторъ ищетъ живости и эффекта въ грубомъ противопоставленіи двухъ рѣзкихъ красокъ, исключающихъ себя взаимно. То и другое одинаково ложно; но есть третій способъ быть ложнымъ, не столь очевидный, какъ первые два. Авторъ отнимаетъ сперва всѣ выходящіе углы у противоположныхъ сторонъ, сглаживаетъ оконечности и края ихъ, по которымъ не могутъ они плотно сойтись, и потомъ сводитъ ихъ, къ удивленію читателя, не ожидавшаго подобнаго результата. Такъ старый левъ, съ подрѣзанными жилами, поднимается въ клѣткѣ по одному приказанію хозяина. Тутъ, однакожъ, со стороны автора все дѣло въ томъ, чтобы *заговорить* читателя, вынудить у него согласіе на предлагаемую сдѣлку такъ или иначе. Онъ разыгрываетъ съ нимъ нѣчто въ родѣ заискивающей и хитрой Церлины

изъ „Донъ-Жуана“, когда та старается смягчить и успокоить ревниваго своего любовника. Онъ отводитъ ему глаза и особенными литературными изворотами и ухищреніями, хорошо извѣстными, впрочемъ, составителямъ простонародныхъ разсказовъ, приводитъ исподоволь къ своей цѣли. Литературный обманъ бо́льшею частію удается; но случается также, что чѣмъ болѣе хлопочетъ авторъ, тѣмъ болѣе расходится съ нимъ читатель опытный и прозорливый.

Мы, конечно, не прилагаемъ цѣликомъ всего теперь сказаннаго къ роману г. Потѣхина, но многое изъ того, что́ сказано, въ немъ дѣйствительно находится. При этой системѣ искусственнаго примиренія и насильственныхъ уступокъ, предписанныхъ авторомъ двумъ сторонамъ, случается, что онъ прибѣгаетъ къ способу, который значительно облегчаетъ его задачу. Онъ выбираетъ именно посредствующее лицо между двумя проявленіями общественной жизни, но такое, которое бы принадлежало обоимъ какой либо частію своего существованія, одному—рожденіемъ напримѣръ, другому—воспитаніемъ, или наоборотъ. Вокругъ этого лица, составляющаго электрическій проводникъ между крайними точками, собираетъ авторъ всѣ остальныя лица и развиваетъ самое происшествіе. Но такъ какъ это подставное лицо есть лицо воображаемое, сочиненное, не имѣющее образца въ жизни, потому что въ жизни только одна дорога для человѣка, и нельзя вообразить, чтобъ человѣкъ могъ идти одинаковымъ шагомъ по двумъ дорогамъ вмѣстѣ, то лицо и носитъ всѣ признаки чистой *литературной выдумки*. Оно безцвѣтно и не имѣетъ признаковъ, по которымъ можно было бы сказать, что родилось какъ органическое существо съ плотію и кровью; оно составлено изъ противоположныхъ ощущеній, между которыми шатается изъ стороны въ сторону, какъ извѣстная кукла, надѣленная одной только половиной туловища; оно, наконецъ, не способно возбуждать ни участія, ни состраданія, ни гнѣва, ни презрѣнія въ читателѣ, потому что всего этого нельзя чувствовать къ литературному призраку, который ничего не выражаетъ. Къ сожалѣнію, и особенно имѣя въ виду многія прекрасныя части романа г. Потѣхина, свидѣтельствующія о талантѣ автора, мы должны сказать, что, съ нѣкоторыми ограниченіями, такова именно героиня его, крестьянка Аннушка.

Трудно и вообразить, сколько хитрости и сноровки употреблено авторомъ, чтобъ накинуть на голову читателя своего *литературную сѣть*, подъ защитой которой романистъ могъ бы вывесть исподоволь на свѣтъ происшествіе, невозможное само по себѣ или, по крайней мѣрѣ, въ высшей степени особенное и исключительное. Въ простонародныхъ разсказахъ, болѣе чѣмъ въ какомъ либо другомъ родѣ, требуется, чтобъ происшествіе было старымъ знакомымъ для всѣхъ,

а не походило на анекдотъ, родившійся гдѣ-то въ углу провинціи и оставшійся подъ страшнымъ секретомъ до дня появленія своего въ печати. Въ романѣ г. Потѣхина мы видимъ крестьянскую дѣвочку, взятую на воспитаніе, управляющимъ, добрымъ нѣмцемъ Кнабе, его сантиментальной супругой и дочкой, въ которой сильное романтическое направленіе разрѣшается, наконецъ, чахоткой. Дѣвочка воспитывается по нѣмецкому, посреди завистливой дворни, которая ее ненавидитъ, и подъ недовѣрчивымъ наблюденіемъ своего настоящаго отца и своей настоящей матери; но она въ одно время и прекрасно развивается, какъ барышня, и прекрасно чувствуетъ обязанности свои, какъ крестьянка. Послѣ смерти юной Кнабе, она дѣлается совершенно членомъ нѣмецкаго семейства и вмѣстѣ граціознымъ существомъ, съ благородными привычками и понятіями, типомъ деревенской барышни. При этомъ она ни на мигъ не забываетъ своего двойственнаго положенія, но чѣмъ болѣе выказываетъ благородства сердца, рѣшимости и подчиненности особеннымъ условіямъ, въ которыхъ находится, тѣмъ невозможнѣе становится въ глазахъ читателя, тѣмъ болѣе спутываются черты ея, тѣмъ все *книжнѣе,* смѣю выразиться, дѣлается она. Пропускаемъ ея безграничную и несчастную страсть къ молодому петербургскому франту, заѣхавшему въ тѣ стороны, и скажемъ, что по кончинѣ своей благодѣтельницы, старой Кнабе, она, измученная клеветой, подавленная обманомъ любовника, возвращается въ избу отца, съ намѣреніемъ сдѣлаться крестьянкой, и разсуждая, что семейство Кнабе ошиблось, взявъ ее на воспитаніе. Въ этой части своего романа авторъ видимо разсчитывалъ на интересъ положенія, въ какомъ будетъ находиться его героиня; но вмѣсто интереса начинается тотъ оптическій обманъ, то литературное *навожденіе,* о которыхъ мы сейчасъ говорили. Лица поставлены другъ противъ друга, но они такъ скромно дѣйствуютъ, какъ будто стыдятся своего положенія. Отъ нихъ отобрано оружіе и только мотаются крючья и портупеи, на которыхъ оно висѣло. Иначе и быть не могло; но это уже не поэтическое изображеніе лицъ, въ которомъ пропадаетъ все рѣзкое дѣйствительности, а только простая мѣра предосторожности, полицейское распоряженіе автора. Особенность, натянутость и странность положенія ихъ привели романиста къ уставу и регламенту, придуманнымъ на одинъ только этотъ случай. Нельзя было показать дѣйствій и поступковъ героевъ напрямикъ, по законамъ искусства, и по тѣмъ же законамъ искусства нельзя было возвести рѣзкій случай до поэтической картины. Оставалось стесать неровности и механически приложить двѣ разныя части другъ къ другу: такъ и сдѣлалъ авторъ. Образованная и уже изнѣженная Аннушка, съ кипой отвлеченныхъ понятій въ головѣ,

помѣщается добровольно въ свѣтелкѣ, между добрыми, конечно, но грубыми людьми, оскорбляющими ее каждую минуту и съ намѣреніемъ и безъ намѣренія, что́ врядъ ли еще не хуже. Однако же, для соблюденія простого литературнаго приличія, люди эти оскорбляютъ ее въ романѣ съ нѣкоторою уклончивостью, а Аннушка, для соблюденія того же самаго приличія, страдаетъ съ нѣкоторою умѣренностью. На концѣ всего этого — смутное и тяжелое впечатлѣніе, потому что нѣтъ жизненной истины, а есть только литературная фантазія. Когда, наконецъ, авторъ, сжалившись надъ героиней своей, столь же внезапно и произвольно доставляетъ ей мѣсто гувернантки, какъ внезапно и произвольно помѣстилъ ее въ избѣ, читатель на этотъ разъ радуется отъ души литературному извороту. Онъ освобождаетъ его отъ страннаго нравственнаго состоянія и производитъ чувство удовольствія, какое испытываетъ человѣкъ, благополучно проѣхавшій черезъ ветхій и опасный мостъ какого-нибудь проселка.

Замѣчательно, что, несмотря на разнообразіе мотивовъ, введенныхъ въ дѣло авторомъ, обработка романа столь же поверхностна, какъ и въ разсказѣ „Титъ Софроновъ". Романъ походитъ скорѣе на программу, чѣмъ на обдуманное литературное произведеніе. Такъ же мало, какъ и прежде, всматривается писатель въ лица и характеры свои, заставляя ихъ почасту отступать безъ всякой причины въ рѣшительныя минуты дѣйствія (примѣромъ тому можетъ служить безпрестанная вспыльчивость и безпрестанная уступчивость отца Аннушки, Ивана Прохорыча) и весьма часто замѣщая психическую обработку лирическими мѣстами, которыя иногда звенятъ довольно пусто. Выставка лицъ съ одной внѣшней стороны замѣчается и въ романѣ. Вообще намъ кажется, что онъ написанъ чрезвычайно поспѣшно; нѣтъ мѣры и стройности въ частяхъ его, и переходы отъ предмета къ предмету опредѣляются бо́льшей или меньшей степенью усталости или каприза въ авторѣ. Быстрота исполненія бываетъ иногда признакомъ геніальности, но тогда она и не чувствуется никѣмъ; та же быстрота исполненія служитъ иногда признакомъ лѣности мысли и отвращенія къ труду. Въ послѣднемъ случаѣ, талантъ, даже не совсѣмъ обыкновенный, легко приходитъ къ поверхностному пониманію собственной своей сферы, самыхъ предметовъ описанія и жизни, его окружающей. Горизонтъ съуживается въ его глазахъ, все болѣе изсыхаютъ каналы, по которымъ должна бѣжать животворная мысль литературнаго произведенія, — и тутъ уже не помогутъ ни яркія вспышки, ни богатое собраніе происшествій, завязокъ, случаевъ... Талантъ изнѣживается и привыкаетъ къ легкому, сибаритическому добыванію образовъ и картинъ; а такіе образы и картины ровно столько же и стоятъ, сколько на нихъ потрачено. Сохрани Богъ,

чтобъ мы примѣнили все сказанное къ г. Потѣхину! Дарованіе его, намъ кажется, напротивъ, чрезвычайно замѣчательно по природнымъ средствамъ своимъ; но мы обращаемъ вниманіе автора на необходимость его серьёзной обработки. Въ самомъ пылу своего безостановочнаго повѣствовательнаго слѣдованія, гдѣ нѣтъ почти никакой оглядки на пройденный путь, и гдѣ мелькаютъ фигуры и люди съ рѣзкими, но не поясненными чертами, г. Потѣхинъ еще оставляетъ абрисы характеровъ чрезвычайно замѣчательные. Таковъ характеръ молодого практическаго человѣка Дмитрія Петровича, который практиченъ только по бѣдности и ничтожеству своей натуры. Онъ, съ перваго свиданія, несмотря на свои заносчивыя претензіи, влюбляется въ Аннушку страстно; но любовь его тотчасъ же охладѣваетъ, какъ только встрѣчается съ препятствіемъ и требованіями, выходящими изъ обыкновеннаго круга. Она дѣлается съ этой минуты настоящей практической любовію, т.-е. переходитъ въ сухое, эгоистическое волокитство. Еще болѣе, можетъ быть, показалъ дарованія г. Потѣхинъ въ характерѣ крестьянина Захара, брата Аннушки, котораго всѣ считаютъ глупымъ мужикомъ, который почасту зашибается хмѣлемъ ни съ того, ни съ другого, и потомъ съ дѣтской покорностію переноситъ брань и побои. Авторъ представилъ въ немъ человѣка, несправедливо униженнаго съ самаго начала, оскорбленнаго въ чувствѣ своемъ, и показалъ нравственныя и умственныя качества, проснувшіяся въ немъ, когда оживилъ ихъ первый упавшій лучъ сочувствія и дружбы. Не скажемъ, чтобъ оба характера были вполнѣ выдержаны или вполнѣ исчерпаны авторомъ. Этому мѣшало особенно отсутствіе наблюденія за самимъ собой, довольство собственнымъ дѣломъ, насколько сдѣлалось—двѣ отличительныя черты произведеній г. Потѣхина; но оба очерка—лучшіе свидѣтели, что въ его распоряженіи есть многое, что̀ заставляетъ ожидать въ будущемъ писателя замѣчательнаго, а въ настоящемъ—говорить съ уваженіемъ, но откровенно, какъ мы сдѣлали.

Покидая критическій разборъ романа г. Потѣхина, не можемъ умолчать о поученіи, которое само собою отдѣляется отъ него и принадлежитъ къ существеннымъ причинамъ, почему мы такъ долго остановились на немъ. „Крестьянка“ г. Потѣхина открываетъ намъ именно, что богатство фантазіи въ простонародныхъ разсказахъ есть богатство, по бо̀льшей части, не дѣйствительное, а только кажущееся. Это—алмазъ поддѣльный, и самая легкая проба обнаруживаетъ его малую цѣнность, въ какой бы, впрочемъ, великолѣпной оправѣ онъ ни находился. Если внимательно посмотрѣть, на чемъ основывается обыкновенно запутанная и многосложная интрига простонароднаго разсказа, то въ глаза прежде всего бросается одна

очень простая вещь: игра автора въ яркія противоположности. Игра эта чрезвычайно заманчива для молодыхъ писателей, какъ показываетъ намъ ежедневный опытъ; но вести ее долго невозможно безъ разстройства самаго таланта. Простой, естественный бытъ только тогда доступенъ искусству, когда берется въ обыкновенномъ своемъ состояніи и самъ стоитъ на первомъ планѣ безраздѣльно. Съ той минуты, когда примѣшаны къ нему посторонніе элементы, физіономія его тускнѣетъ, и на ней выступаютъ черты болѣе или менѣе произвольныя, источника которыхъ уже должно искать въ нуждахъ автора, въ особенной цѣли его, въ любимыхъ его мысляхъ. Простонародный бытъ становится просто или служителемъ чужихъ намѣреній, ему неизвѣстныхъ, или инструментомъ, на которомъ писатель показываетъ бѣглость своей руки, не заботясь о настоящихъ свойствахъ его. Въ обоихъ случаяхъ насиліе, дѣлаемое предмету, и униженная роль, которую заставляютъ его разыгрывать безъ всякаго права, отзываются непремѣнно на самомъ произведеніи: оно получаетъ фальшивый оттѣнокъ, поддѣльный голосъ и кокетливую походку, которыя ясно обнаруживаютъ первородный грѣхъ его. Нельзя даже сказать, чтобъ въ великолѣпныхъ выдумкахъ, которыми возмущаютъ ровное, глубокое теченіе простонародной жизни, была большая доля изобрѣтательности. Есть безчисленное множество готовыхъ соображеній и, такъ-сказать, ходячихъ образовъ въ образованномъ мірѣ, которые могутъ быть употреблены на это дѣло съ успѣхомъ и безъ особеннаго труда выбора. Стоитъ только протянуть руку, и богатая развязка является къ услугамъ писателя. Возьмите геніальнаго человѣка, родившагося въ кругу, не имѣющемъ понятія ни о чемъ, кромѣ ближайшихъ нуждъ своихъ, и заставьте такого человѣка испытать муку нравственныхъ требованій, не обрѣтающихъ удовлетворенія: это будетъ богатая завязка, и на ней уже пробовали свои силы многіе изъ нашихъ писателей. Возьмите умнаго простолюдина, поставленнаго между людьми другихъ обычаевъ и мнѣній, или, наоборотъ, образованнаго человѣка, низведеннаго въ чуждый ему кругъ: богатая завязка опять въ рукахъ вашихъ,—и такихъ тысячи. Кто-же не видитъ, однакожъ, что отъ этихъ образовъ или фигуръ, взятыхъ цѣликомъ изъ магазина книжныхъ представленій, никогда не взволнуется море простонародной жизни, хотя бы ихъ бросила въ него самая сильная рука. Море просто разступится и поглотитъ ихъ безъ малѣйшаго волненія, потому что оно движется, волнуется, играетъ только въ силу собственныхъ своихъ законовъ, а не въ силу толчка извнѣ, придуманнаго на досугѣ. Одно изъ самыхъ печальныхъ зрѣлищъ представляютъ усилія автора расшевелить ту сферу, въ которой помѣстилъ онъ свое представленіе,

чуждое или враждебное ей. Онъ напрягаетъ всѣ силы свои, старается раздуть каждую искру въ пожаръ, поясняетъ читателю причины, отчего не состоялся опытъ, или въ совершенномъ отчаяніи прибѣгаетъ къ послѣднему средству — къ *ultima ratio* неудачнаго замысла: къ обмѣну истинной сферы на другую — подложную. Изъ всѣхъ его усилій остается въ результатѣ только одно: рѣзкій контрастъ, который иногда правится еще неопытнымъ читателямъ своей грубой игрой свѣта и тѣни, дня и ночи, и проч. Читатель болѣе опытный знаетъ, однакожъ, хорошо, что существуетъ непреложный эстетическій законъ на самыя противоположности, или контрасты. Дѣйствительно, они могутъ быть допущены въ литературномъ произведеніи, но съ условіемъ, чтобъ въ сущности ихъ не заключалось упорной и непримиримой вражды. Только тогда могутъ они сдѣлаться достояніемъ искусства и подлежать его вѣдѣнію, когда между ними есть возможность примиренія, хотя бы случайнаго, мгновеннаго и непредвидѣннаго. Напротивъ, голое противопоставленіе несоединимыхъ вещей, какъ добра и зла, чернаго съ бѣлымъ, развитой образованности и грубаго отрицанія ея, и проч., искусству не принадлежитъ, отпадая въ область наукообразнаго наблюденія, съ которой оно ничего общаго не имѣетъ. Притомъ же, въ самыхъ противоположностяхъ, доступныхъ искусству, живетъ еще законъ математической пропорціи. По этому закону, глазъ, развитый наглядкой художественныхъ произведеній, никогда не вытерпитъ соединенія слишкомъ великаго съ необычайно малымъ, ослѣпительно-великолѣпнаго съ уродливо-простымъ, хотя бы они родились на одинаковой почвѣ, родственной обѣимъ крайностямъ. Есть требованія мѣры постепенности, есть простое чувство гармоническихъ отношеній, которыя воспретятъ опытному писателю сводить подобныя противоположности. Такъ, мы знаемъ, что Аполлонъ былъ пастухомъ у Адмета, но не можемъ представить его въ роли слуги или паразита. Все сказанное нами, конечно, не ново для всякаго, кто нѣсколько размышлялъ о сущности изящныхъ произведеній, но особенно кстати теперь, когда дѣло идетъ о предостереженіи молодыхъ писателей отъ исканія по сторонамъ богатаго содержанія для основы простонародныхъ разсказовъ. Стараніе произвесть драматическое положеніе съ помощью сближенія и выпуска разныхъ направленій другъ на друга, какъ выпускаются на бой задорныя птицы въ нѣкоторыхъ охотахъ, не можетъ разрѣшиться чѣмъ-либо дѣйствительно замѣчательнымъ. Никогда не произведетъ оно драмы въ особенности: будетъ сшибка въ романѣ или повѣсти, но драмы не будетъ. Приглядитесь, наоборотъ, къ ходу простой жизни, вникните добросовѣстно, насколько позволятъ силы, въ ея особенности и въ ея *вседневный* характеръ:

драматическое положеніе явится въ романѣ или повѣсти само собою, какъ награда за трудъ и серьёзное пониманіе своей задачи.

II.

Два разсказа г. Писемскаго: „Питерщикъ“ и „Лѣшій“, мы можемъ назвать двумя семейными драмами изъ простого быта. Оставляя роману оптическій обманъ перспективы, такъ необходимый ему, эпизоды и пристройки, составляющіе важную часть обольщенія, которое онъ производитъ на глазъ читателя, г. Писемскій ограничился простыми очерками, какъ онъ называетъ свои разсказы, скромной, одночленной постройкой. По нашему мнѣнію, онъ показалъ этимъ вѣрность эстетическаго чувства своего, потому что народная драма дѣйствительно должна сосредоточиваться въ полусвѣтѣ простого жилища, доступнаго не всякому глазу. Если она пышно выносится на свѣтъ, передъ всѣми, если роскошно зацвѣтаетъ на удивленіе каждому зрителю, то уже можно почти навѣрное сказать, что для нѣжнаго растенія этого употреблены искусственныя средства, какъ, говорятъ, употребляется электричество, чтобъ возбудить ростъ и производительность нѣкоторыхъ фруктовыхъ деревьевъ. Вспомнимъ, что всякое глубокое чувство въ народѣ неговорливо и стремится скорѣе внутрь, въ темную глубь души, чѣмъ наверхъ, къ свѣту, къ похвальбѣ самимъ собою или къ заявленію самого себя. Въ нѣдрахъ человѣческаго сердца и должно его отыскивать. Отсюда необходимость для народной драмы самой простой обстановки, чтобъ дать возможность писателю собрать все свое вниманіе на одномъ, много—на двухъ лицахъ. Это ему особенно необходимо, если вспомнимъ, какъ легко опознаться и принять собственныя свои предположенія за дѣйствительныя чувства выводимыхъ лицъ. Простота созданія въ разсказахъ г. Писемскаго доказываетъ, что онъ, какъ опытный писатель и какъ художникъ, знающій предметъ свой, понялъ всѣ эти требованія. Оттого и разсказы г. Писемскаго имѣютъ *задушевный* характеръ, смѣемъ такъ выразиться, отличающій ихъ отъ другихъ произведеній изъ народнаго быта. Драма лежитъ въ естественныхъ своихъ границахъ, и оттого чувство, одушевляющее ея героевъ, кажется вѣрнѣе и истиннѣе. Разсказы г. Писемскаго исполнены жизненной теплоты, и онъ блистательно опровергъ ими упрекъ въ холодной наблюдательности, въ равнодушіи къ своимъ лицамъ, или, лучше, въ неприличномъ благоволеніи ко всѣмъ имъ безразлично, какой часто дѣлали ему за другія, болѣе молодыя его произведенія.

Чрезвычайно любопытно дѣлается послѣ этого ближе узнать составъ драмы и присмотрѣться, на чемъ именно эта драма основана. Авторъ встрѣчаетъ въ одномъ промышленномъ уѣздѣ Костромской губерніи разореннаго, скучающаго самимъ собой крестьянина, который прежде велъ большой торгъ въ Питерѣ. Исподоволь Клементій Матвѣичъ разсказываетъ нежданному гостю свою питерскую исторію, которая проста. Въ одинъ разгульный часъ (послѣ смерти любимой его жены) завезли его къ двумъ барышнямъ, изъ которыхъ вторая, большая мастерица на гитарѣ, застѣнчивая и печальная съ виду, съ перваго раза отняла у Клементія разсудокъ. Какъ только узнала объ этомъ барышня Пелагея Ивановна, черезъ старую торговку-сплетницу, у ней появилась какая то тетушка, сама она оказалась офицерской дочерью, а Клементій, уже слѣпой сначала, пропустилъ слухъ о себѣ, чтобъ не отставать отъ пріятельницъ, будто онъ купецъ. Отсюда начинается выжиманіе сока у названнаго купца барышней Пелагеей Ивановной и ея тетушкой. Клементій, изъ ложнаго стыда, изъ непонятной страсти, поддается всѣмъ требованіямъ ихъ до тѣхъ поръ, пока, отнявъ послѣдній рубль, тетушка указываетъ ему двери и притомъ еще съ упреками. Но борьба чувства чести, не совсѣмъ погибшаго въ Пелагеѣ Ивановнѣ, съ несчастнымъ своимъ положеніемъ прошла для нея не даромъ. При разставаньи она выбрасываетъ одно за другимъ всѣ платья и наряды, подаренные ей Клементіемъ, закашливается и харкаетъ кровью. Клементій возвращается въ деревню свою разоренный, униженный, съ дурной славой и, что́ всего хуже, съ надорваннымъ и обманутымъ сердцемъ. Черезъ нѣсколько времени, авторъ встрѣчаетъ его опять въ Питерѣ и опять богатаго; но онъ сухъ, мало говорливъ и сильно смахиваетъ на кулака. Изъ этого бѣглаго изложенія читатель легко увидитъ, что основная мысль разсказа чрезвычайно счастливо придумана. Другими словами, ее можно выразить такъ: авторъ старался показать, что огненная, слѣпая страсть, приходящая безъ вѣдома человѣка и наперекоръ его разсудку, такъ же способна завладѣть и простолюдиномъ, какъ человѣкомъ высшаго развитія, и что въ сущности она производитъ явленія одинаковыя въ обоихъ, за исключеніемъ, разумѣется, только внѣшней формы. Онъ создаетъ на этой мысли разсказъ, отъ котораго съ трудомъ можно оторваться.

Но здѣсь мы должны остановиться, понуждаемые къ тому весьма важнымъ вопросомъ. Дѣйствительно, всякая страсть, всякое чувство есть общее достояніе человѣчества, и во многихъ случаяхъ еще болѣе достояніе свѣжей, неиспорченной натуры, какова натура Клементія, чѣмъ изнѣженной и пресыщенной какого-либо льва. Совсѣмъ тѣмъ ослѣпленіе страсти не можетъ выразиться въ обоихъ

одинаково, какъ бы страсть ни казалась однородна съ перваго взгляда: праздный, изнѣженный господинъ всегда будетъ находиться подъ гнетомъ ея долѣе, доведетъ ее скорѣе до крайней, мучительной степени выраженія, чѣмъ простолюдинъ, хотя чувство послѣдняго можетъ и глубже, и сильнѣе, и въ первыя минуты порывистѣе обнаруживаться во вредъ себѣ и другимъ. Есть много отрезвляющихъ вліяній на простолюдина и, наоборотъ, есть много причинъ у любого образованнаго человѣка, поддерживающихъ чувство его даже и тогда, когда оно начинаетъ пропадать. Когда страсть упорна и выходитъ изъ глубокихъ нѣдръ сердца, продолжительность ея и степень самаго развитія опредѣляются положеніемъ въ обществѣ человѣка, испытывающаго ее. Для одного — обязанности и условія жизни слагаются такъ, чтобъ скорѣе возвратить его къ долгу, бодрости и настоящему дѣлу; у другого—они идутъ рядомъ съ его личнымъ настроеніемъ духа и не мѣшаютъ ему предаваться всему, что питаетъ страсть, начиная съ возможности анализировать ее въ подробности до живительныхъ обольщеній искусства. Такимъ образомъ, мы можемъ полагать, что одно лицо, именно первое изъ двухъ, скорѣе будетъ приведено къ ошибкѣ, къ самозабвенію, даже къ пороку или преступленію, чѣмъ другое; но за то искушеніе его короче и не такъ долго опредѣлено оно лежать въ сѣтяхъ безъ возможности движенія. Если роли иногда перемѣняются, то это ничего не доказываетъ. Подобныя измѣненія существенныхъ условій жизни принадлежатъ къ анекдотамъ и случаямъ, не имѣющимъ никакого значенія для искусства. Только въ безцвѣтныя эпохи его позволительно автору брать ихъ предметами разсказовъ и описаній, какъ мы видѣли и у себя въ то молодое время, когда эпитетъ: „истинное происшествіе“, избавлялъ повѣствователя не только отъ художническихъ требованій, но отъ необходимости соблюдать какое либо правдоподобіе, смыслъ и мѣру въ фантазіи. Все это говоримъ мы изъ необходимости показать, что смѣшеніе двухъ сферъ, опредѣляющихъ дѣйствія лицъ, легко прокрадывается даже въ весьма замѣчательныя литературныя произведенія изъ простонароднаго быта. Такъ, мы отчасти находимъ подобное смѣшеніе въ превосходномъ разсказѣ г. Писемскаго. Клементій его, намъ кажется, именно слишкомъ долго обманывается, слишкомъ долго позволяетъ себя держать на привязи и въ потемкахъ.

Онъ нанимаетъ для барышни съ ея тетушкой домъ, отдѣлываетъ его своими мастеровыми и самъ живетъ *полтора года* на одномъ дворѣ съ ними. Въ эти полтора года Клементій постоянно старается играть роль купца, и не видно, чтобъ хоть разъ вышелъ изъ себя, когда Пелагея Ивановна и тетушка ея, грабя покровителя своего безъ милости, силятся держать его постоянно подъ ногами своими,

прикидываясь благородными. Чтó въ первую минуту страсти понятно безъ объясненій, то уже теряетъ ясность и правдоподобіе, когда страсть раскидывается на время, не вполнѣ правильно разсчитанное. Надо много постороннихъ причинъ, тонкаго, неусыпнаго кокетства съ одной стороны, самообольщенія и игры мелкихъ микроскопическихъ ощущеній, чтобъ два лица черезъ полтора года очутились на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ были сначала. Предполагать существованіе подобныхъ условій въ низшемъ быту и на нихъ созидать происшествіе, значитъ выводить слѣдствія изъ того, чтó надо доказать еще и чтó врядъ ли можетъ быть доказано. Какъ мастерски ни вывертывается авторъ изъ сомнительнаго положенія (а надо сказать, мастерство г. Писемскаго при этомъ случаѣ дѣйствительно изумитъ всякаго, способнаго видѣть его), но читатель все остается съ своимъ подозрѣніемъ насчетъ истинной родословной Клементія. Если онъ простолюдинъ въ самомъ дѣлѣ, то долженъ поспѣшить развязкой, а продолжительная игра и баловство своими ощущеніями отнимаютъ у него, въ глазахъ нашихъ, всѣ права состоянія и лишаютъ его чести принадлежать кругу, въ который записался. Кто не знаетъ, что въ увлеченіи истинной страсти простой человѣкъ добивается тотчасъ же, безъ дальнихъ околичностей, послѣдняго слова, которое ему нужно, чтобъ опредѣлить свое собственное положеніе, потому что никто не имѣетъ такого полнаго отвращенія къ неопредѣленности, какъ простолюдинъ. Это уже давно и справедливо замѣчено. Кто не знаетъ также, что если простой человѣкъ покупаетъ вниманіе и ласки, то онъ требуетъ прямой выдачи своей покупки, какъ всякаго другого товара, потому что онъ, въ сильной степени обладая деликатностію сердца, понятія не имѣетъ о ложной изысканной деликатности, которая искусственно покрываетъ неблаговидный предметъ для бóльшей удобности торгующихся? Стоять и смотрѣть полтора года на собственную свою муку, на собственное свое нравственное разложеніе—не въ натурѣ и не въ духѣ его. Страннѣе становится еще для мысли положеніе Клементія, когда мы замѣчаемъ, что авторъ не далъ своему герою даже и минуты на объясненіе съ Пелагеей Ивановной, которая тоже страдаетъ, какъ извѣстно, отъ ложнаго положенія своего. И тотъ, и другая томятся въ сѣтяхъ и разыгрываютъ роли свои, ведущія въ пропасть, усиленно и инстиктивно, такъ точно, какъ, говорятъ, птица стремится въ отверстую пасть змѣи. Полтора года живутъ они на одномъ дворѣ, обманываютъ другъ друга каждодневно и только при разрывѣ обнаруживаютъ себя и настоящія свои мысли. Авторъ можетъ сказать въ оправданіе свое: „тетушка мѣшала“, — но тутъ является новое затрудненіе. Герои его — оба несчастливы глубоко, и боль сердца, ѣдкая горечь чувства,

неизбѣжность гибели не даютъ имъ столько энергіи, чтобъ миновать названную тетушку, обойти ее и положить конецъ продолжительной игрѣ, въ которой обѣ стороны проигрываются. Тетушка тутъ препятствіе слишкомъ малое. Это соломинка, которая не должна считаться при скачкѣ съ препятствіями, и странно было бы видѣть ѣздока, перепрыгивавшаго овраги и стѣны, въ раздумьи и въ перѣшимости передъ нею. Гораздо проще можетъ быть объяснено все дѣло. Въ разсказѣ г. Писемскаго мы видимъ ту же самую *литературную выдумку*, которая мелькаетъ во всѣхъ произведеніяхъ изъ простонароднаго быта. Ею всегда разрѣшается то невольное и почти неизбѣжное участіе собственной мысли автора, воспитанной и образованной на другого рода представленіяхъ, въ мысляхъ и чувствахъ героевъ, о которомъ мы говорили. Правда, литературная выдумка скрыта у г. Писемскаго весьма глубоко въ нѣдрахъ самаго произведенія и отыскать ее не совсѣмъ-то легко, но присутствіе-ея чувствуется уже невольно. Такъ, по одному запаху догадываетесь вы, въ чащѣ лѣса, о присутствіи растенія, котораго глазъ вашъ еще открыть не можетъ. Однако же, самое благоуханіе его и особенное свойство душистости приводятъ, наконецъ, человѣка къ цвѣтку, притаившемуся въ гущѣ обыкновенной зелени и избѣгающему общаго вниманія.

Не скроемъ отъ читателя,—мы были обрадованы, увидѣвъ въ самомъ авторѣ разсказа подтвержденіе нашей мысли. Отъ зоркаго, испытаннаго глаза г. Писемскаго, разумѣется, не могло укрыться нѣкоторое родство Клементія съ романтическими типами совершенно другого рода, и вотъ какія слова влагаетъ онъ своему герою: „Даже, по сей день, сударь, я самому себѣ удивляюсь: кажись, этакими пустыми словами, какъ разсуждать со стороны, такъ малаго ребенка провести нельзя, а тутъ всему вѣру давалъ. *У господъ справедливая поговорка есть, что любовь слѣпа: коли она овладѣла человѣкомъ, такъ онъ ничего не видитъ и не понимаетъ, какъ слѣдуетъ*, а можетъ быть и то — вы, конечно, этому не повѣрите — а можетъ быть, онѣ и привороту какого-нибудь мнѣ дали — прахъ ихъ знаетъ“. Если отнять послѣднюю прибавку, составляющую красную нитку или узорчатую бахраму ткани, пришиваемую обыкновенно для красоты, то рѣчь Клементія обнаруживаетъ намъ довольно ясно, что *господская поговорка* чуть ли не была первой причиной всѣхъ испытанныхъ имъ бѣдствій. Господская поговорка дала и необыкновенные размѣры его страсти, и долгое колебаніе воли, и ту степень праздной тупости, которыя такъ эффектно развиваются повѣствованіемъ г. Писемскаго. Многаго бы не случилось съ Клементіемъ безъ господской поговорки; да если правду сказать,

то подобныя господскія поговорки извѣстны почти всѣмъ героямъ простонародныхъ разсказовъ, — только они не высказываютъ ихъ такъ откровенно, какъ Клементій.

При всемъ томъ, драма, выведенная г. Писемскимъ, еще производитъ на читателя сильное впечатлѣніе даже и тогда, когда онъ знаетъ, что для спаянія частей ея въ одно цѣлое употреблены постороннія вещества. Рубецъ едва замѣчается: такъ много искусства употреблено авторомъ для скрытія его. Дѣйствительно, кто умѣетъ любоваться пріемами художника и наслаждаться ими, помимо даже самаго существа дѣла („для нихъ самихъ", какъ сказалъ бы ученый теоретикъ), тотъ найдетъ обильную пищу эстетическому наблюденію въ разсказѣ г. Писемскаго. Исторія его знакомства съ Клементіемъ, способъ, какимъ онъ догадывается о характерѣ и обстоятельствахъ его по нѣкоторымъ внѣшнимъ, весьма тонкимъ признакамъ, наконецъ постепенность интереса, растущаго вмѣстѣ съ развитіемъ событія, — все это свидѣтельствуетъ о рукѣ, уже навыкшей держать руль повѣствованія и направлять его, по своему усмотрѣнію, вѣрно, правильно и прямо къ цѣли. Человѣку, который въ современномъ произведеніи ищетъ прежде всего современной истины, надо остерегаться г. Писемскаго больше, чѣмъ кого-либо. Ни одинъ писатель, сколько намъ извѣстно, такъ не умѣетъ закрыть сомнительный товаръ и пропустить его подъ вашими глазами, какъ онъ; ни одинъ не завлекаетъ васъ такъ точностію и естественностію простонароднаго языка, какъ онъ, и не съумѣетъ подъ благовиднымъ предлогомъ дать ходъ образу и представленію, для которыхъ нужно особенное снисхожденіе читателя. Въ самомъ еще искусствѣ расположенія разсказовъ и воспроизведенія мысли своей таится у него часто замыселъ на вводъ многихъ частностей, которыя, будучи взяты отдѣльно, уже не выдерживаютъ повѣрки. И часто также случается, что при разсказахъ г. Писемскаго вы наслаждаетесь собственно не сущностію жизни, о которой идетъ дѣло, а мастерскимъ способомъ автора говорить о ней, извлекаете поученіе и выводъ не касательно быта, который описывается, а касательно искусства, съ какимъ подступаетъ къ нему авторъ и имъ овладѣваетъ. Искусство здѣсь обманъ, какъ нерѣдко случается въ отношеніи народныхъ повѣствованій, и читателю должно беречься отъ опасной ошибки: принять авторскія силы, измѣняющія и подчиняющія себѣ предметъ, за настоящій видъ, за настоящую фигуру предмета. Осторожность нужна болѣе всего при второмъ разсказѣ г. Писемскаго. Обольщеніе, какое производитъ „Лѣшій" г. Писемскаго, должно быть строго провѣрено читателемъ, если онъ не хочетъ получить о весьма важномъ предметѣ понятіе

автора, увлекательное и теплое, разумѣется, но, по нашему мнѣнію, тоже не совсѣмъ согласное съ истиной.

„Лѣшій“ показываетъ намъ именно заблужденіе страсти и преступное увлеченіе въ женскомъ сердцѣ. Это наоборотъ съ „Питерщикомъ“. Дѣвушка Марфа живетъ съ умной, по-крестьянски, и строгой матерью Устиньею въ страшномъ захолустьѣ Кокинскаго уѣзда. Соблазнитель ея — плутоватый, старый и безобразный управитель имѣнія изъ дворовыхъ. Строгость матери, общее состояніе нравовъ, еще не растлѣнныхъ въ дикомъ уголку провинціи, наконецъ неспящій надзоръ исправника заставляютъ любовниковъ прибѣгнуть къ хитрости. Управитель похищаетъ дѣвушку и распускаетъ слухъ, что ее лѣшій таскалъ. Никто и не сомнѣвается въ справедливости слуха, который поддерживаетъ и сама дѣвушка послѣ того, какъ рѣшилась возвратиться къ матери. Однакожъ, стыдъ и раскаяніе разрѣшаются въ ней истерической болѣзнью: она дѣлается кликушей. Между тѣмъ вниманіе исправника обращено уже на все происшествіе, и тогда управитель, подъ собственными его глазами, съ крикомъ, гамомъ, вихремъ, какъ настоящій лѣшій, похищаетъ опять дѣвушку и скрываетъ ее въ лѣсу. Мука стыда снова возвращаетъ Марфу въ родимый домъ, продѣлки управителя открываются, и дѣвушка, снѣдаемая горестью, раскаяніемъ и упреками совѣсти, съ согласія начальства, посвящаетъ себя богомольческой жизни, странствованію и наконецъ поселяется жить при пустынькѣ.

Столько-то народныхъ мотивовъ собрано въ этомъ небольшомъ разсказѣ! Не будемъ говорить о приступѣ къ повѣствованію, который превосходенъ въ „Лѣшемъ“ не менѣе того, какимъ открывается „Питерщикъ“, о твердой постановкѣ разсказа и прекрасной, почти поэтической рамѣ, въ которой онъ движется; о правильномъ, органическомъ возрастаніи его, о лицѣ управителя Егора Парменыча, этомъ соединеніи плутовства и трусости, о лицѣ исправника Ивана Семеныча — лицѣ идеальномъ, но въ которое такъ ловко введены жизненныя черты, рожденныя долгой опытностью, умомъ, смышленостью и вмѣстѣ простосердечной добротою, что оно получаетъ ясный и привлекательный обликъ: все это не ниже таланта г. Писемскаго и стоитъ наравнѣ съ другими его разсказами, заслужившими почетную извѣстность. Замѣтимъ только, что Иванъ Семенычъ, изустно передающій автору весь разсказъ, принужденъ сдѣлать оговорку, которая на минуту затемняетъ его физіономію. „Я ужъ нарочно — говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ — представляю вамъ все въ лицахъ, какъ они (т.-е. крестьяне), знаете, по-своему говорятъ“. Эта маленькая гримаса, вынужденная положеніемъ разсказчика, отзывается нѣсколько неловко на читателѣ; да не въ томъ дѣло. Какъ въ „Пи-

терщикѣ“ главное дѣйствующее лицо — Клементій, такъ въ „Лѣшемъ“ главное дѣйствующее лицо—Марфуша. Вглядимся же въ нее попристальнѣе.

Марфуша не насильно увлечена старымъ и злымъ приказчикомъ, а влюбляется въ него на работахъ. Она только оскорблена и опорочена насильно, да и тутъ, впрочемъ, принимаетъ свое положеніе хотя и съ сопротивленіемъ, но не имѣющимъ нисколько характера отчаянной рѣшимости. Вѣрный историкъ ея любви, Иванъ Семенычъ объясняетъ себѣ дѣло такъ (при сознаніи Марфуши, что чувствовала пристрастку къ жирному и сальному приказчику): „Я только, знаете, пожалъ плечами, — впрочемъ, тутъ же вспомнилъ Пушкина.... вѣроятно, и вы знаете.... „Полтава“—прекрасное сочиненіе: тамъ тоже молодая дѣвушка влюбилась въ старика Мазепу. Когда я еще читалъ это, такъ думалъ: правда ли это, не фантазія ли одна и бываетъ ли на бѣломъ свѣтѣ? а тутъ и самъ на практикѣ вижу“. Не во гнѣвъ Ивану Семенычу, объясненіе это, какъ и объясненіе Клементія, приведенное выше, нельзя принять въ уваженіе. Мазепа имѣлъ за себя величіе сана, таинственность своихъ замысловъ, волненіе суровыхъ мыслей, отражавшееся на внѣшнемъ его существѣ, что́ все и объяснено *сочиненіемъ* Пушкина, а здѣсь дѣйствуетъ прижимистый и не совсѣмъ симпатичный общинѣ приказчикъ. „Полтавой“ никакъ нельзя объяснить Марфушу. Она рѣшительно становится въ противорѣчіе съ духомъ даже всей настоящей народной литературы, гдѣ, если не ошибаемся, нѣтъ ни одной пѣсни, прославляющей любовь молодой красавицы къ старику, и гдѣ, наоборотъ, есть множество пѣсенъ, въ которыхъ участь дѣвушки, связанной со старикомъ какими-либо узами, уподобляется горькому и самому худшему изъ всѣхъ несчастій. Въ простомъ, здоровомъ пониманіи вещей такъ, кажется, и должно быть. Еще въ бо́льшее противорѣчіе становится Марфуша со всей своей общиной, которая, при тихомъ и замѣчательномъ нравственномъ характерѣ своемъ, не можетъ быть настроена очень дружелюбно къ своеобычному и распущенному приказчику. Чтобъ имѣть къ нему *пристрастку*, Марфуша должна уже быть отчасти выродкомъ. Ей слѣдуетъ отдѣлиться отъ своей семьи, переработать свое воспитаніе, выкинуть изъ головы обычныя свои понятія, побѣдить боязнь и инстинктивное отвращеніе къ предмету, т.-е. отобрать съ дороги вещи, которыя не такъ-то легко и скоро передвигаются. „*Все можетъ страсть истинная*“, скажутъ намъ; да, уже не говоря о томъ, что страсть имѣетъ границы дѣйствія, какъ порохъ и электричество и все, что́ вамъ угодно на свѣтѣ, но сама страсть кажется въ разсказѣ невозможностію. Суевѣрные защитники *страсти*, порожденные у насъ, впрочемъ, чуж-

дымъ, иностраннымъ вліяніемъ, полагаютъ, кажется, что страсть есть феноменъ, которому нѣтъ причинъ, нѣтъ конца, нѣтъ повода и никакого человѣческаго объясненія. Особенно сживаются у насъ съ такимъ ложнымъ представленіемъ *страсти* стихотворцы и романисты; но подобныя заблужденія всегда бываютъ у людей, привыкшихъ пѣть и говорить съ чужого голоса. Не входя въ дальнѣйшее развитіе этой мысли, которая бы далеко завлекла насъ, ограничимся замѣткой. Если бы и дѣйствительно явился на свѣтъ фактъ страстнаго увлеченія, помимо всѣхъ нравственныхъ и жизненныхъ препятствій (чего, признаться сказать, мы и вообразить не можемъ), то, конечно, для такого любопытнаго феномена нужно было бы написать особенный разсказъ, ему одному и посвященный.

Марфуша послѣ перваго возвращенія въ родительскій домъ прикидывается нѣмой, потомъ, мучимая раскаяніемъ, подпадаетъ истерическимъ припадкамъ. Иванъ Семенычъ объясняетъ существованіе кликушъ тѣмъ разстройствомъ нервовъ, которое кончается истерикой. Не опровергая физіологическаго объясненія его, скажемъ только, что исторія порчъ, суевѣрій и проч. имѣетъ корень еще болѣе въ воображеніи, чѣмъ въ душевныхъ болѣзняхъ. Воображеніе, настроенное на одинъ ладъ, можетъ производить дѣйствительныхъ кликушъ и безъ всякихъ сантиментальныхъ поводовъ, такъ что романическое объясненіе Ивана Семеныча касается только Марфуши и сдѣлано имъ въ виду сообщенія ей нѣкотораго рода интересности. Впрочемъ, важнѣе этого для насъ другое обстоятельство. Послѣ вторичнаго похищенія своего, Марфуша, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и жизни, увидѣвъ, наконецъ, всю великость своего паденія, предается странической жизни и поселяется при пустынѣ. На этомъ обстоятельствѣ мы и остановимся.

Съ перваго взгляда чувство, побуждающее Марфушу на такой подвигъ, кажется чувствомъ общечеловѣческимъ, которое можетъ испытать точно такъ же герцогиня де-ла-Вальеръ, какъ и простая крестьянка. Совсѣмъ тѣмъ общечеловѣческія чувства подчиняются, во-первыхъ, условіямъ развитія, а во-вторыхъ, условіямъ народности. То, что́ у пышной дамы, воспитанной на понятіяхъ о высокомъ значеніи собственнаго лица, объ отвѣтственности за оскорбленіе и униженіе его, кажется естественной и трогательной развязкой жизни, то́, навязанное скромному быту, имѣющему совсѣмъ другія нравственныя основанія, кажется уже развязкой насильственной, произвольной и потому холодной. Сознаніе своей вины, упреки сердца и совѣсти чувствуются всѣми одинаково, да на разную дѣятельность вызываютъ они людей. Такъ, при странничествѣ и затѣмъ при духовномъ успокоеніи Марфуши могъ быть только одинъ поводъ —

благочестіе, и никакой другой. Тысячи другихъ сложныхъ, тонкихъ, метафизическихъ поводовъ, которыми такъ обильны свѣтскіе романы, не существуютъ въ понятіяхъ народнаго быта, какъ намъ кажется. Аскетическое направленіе вызывается у него только одной ближайшей причиной—потребностію духовной пищи. Затѣмъ обратить это направленіе въ способъ развязки своихъ страстей, въ новую игру чувствъ и мыслей, въ продолженіе жизненныхъ треволненій, только на другой почвѣ, въ поправку своихъ ошибокъ, въ тонкую бесѣду съ самимъ собою,—все это значитъ перенести понятія изъ чуждой сферы въ такую, которая обращаетъ всегда вниманіе только на одну существенную сторону всякаго дѣла. Когда авторъ отсылаетъ къ уединенію простонароднаго героя, послѣ цѣпи бѣдствій и паденій въ видѣ отдыха, онъ только отдѣлывается отъ него на скорую руку, а совсѣмъ не доканчиваетъ его исторіи. Герою или героинѣ подсказываются тогда мысли и понятія, которыхъ они пріобрѣсти не могли, и которыя лишаютъ ихъ послѣдняго достоянія — своей собственной самостоятельной физіономіи. Отсылка Марфуши къ уединенной жизни принадлежитъ къ этому роду литературнаго самоуправства. Она произошла отъ приспособленія романическихъ, всѣмъ извѣстныхъ представленій къ быту, которому они совсѣмъ чужды, или который ихъ понимаетъ съ одной стороны гораздо легче, а съ другой стороны гораздо строже. Немногихъ словъ, сказанныхъ нами, кажется, достаточно, чтобъ оправдать въ нѣкоторой степени такое заключеніе. На лицѣ Марфуши, какъ и на лицѣ Клементія, играетъ тѣнь литературной выдумки, существованія которой даже и не подозрѣваетъ талантливый и справедливо увѣренный въ своихъ силахъ авторъ обоихъ превосходныхъ очерковъ.

Такъ мы видимъ, что въ народную русскую драму вплетаются незамѣтно красивые цвѣтки чуждой флоры, и это еще тогда, какъ ею занимается талантъ многообразный, знакомый, по всему видимому, съ своимъ предметомъ на столько, сколько это было возможно ему, и владѣющій средствами выше обыкновенныхъ. Спрашивается: къ какимъ заимствованіямъ долженъ прибѣгнуть простой, менѣе надѣленный разсказчикъ, и сколько экзотическихъ, или тепличныхъ растеній вплететъ онъ въ простонародную драму, если вздумаетъ заниматься ею? Дѣйствительно, еще тяжело создать вполнѣ удовлетворительную картину задушевныхъ мыслей деревни, понять тѣ малыя вещи, которыя горько ложатся на сердцѣ простолюдина, и исключить изъ списка драматическихъ двигателей и рычаговъ многія высокія чувства, носящія эти титла между нами. Даже и въ то время, когда авторъ попадетъ на мотивъ, дѣйствительно принадлежащій выбранному имъ міру, сколько труда стóитъ ему, чтобъ провесть его

до конца въ надлежащей чистотѣ. Какъ часто, видимъ мы, дрожитъ его рука, спутывается мысль и накладываются узлы за узлами на веревку, которую онъ началъ плесть еще недавно такъ чисто и, казалось, такъ ловко. Замѣчаніе наше также относится къ повѣствовательной драмѣ, какъ и къ настоящимъ драматическимъ произведеніямъ изъ простонароднаго быта. Причина ихъ относительной слабости одна. Типъ, который мелькаетъ передъ глазами автора, не выдается самъ добровольно впередъ и не выдвинутъ другими на первый планъ посредствомъ многосторонняго изученія. Объясненіе его началось, можно сказать, на нашихъ глазахъ, и, если принять въ соображеніе необыкновенное разнообразіе подробностей и жизненныхъ чертъ, которыя входятъ въ него, своеобычность его понятій, обманывающую всѣ предположенія и заготовленные выводы, трудъ объясненія долженъ продолжаться еще долго. До тѣхъ поръ каждый изъ писателей довольствуется большей или меньшей степенью собственной *наглядки*, которая, однакожъ, никогда не можетъ обнять предмета вполнѣ. Само собой разумѣется, что тутъ являются пробѣлы и возстаютъ неожиданно вопросы, приводящіе въ замѣшательство самаго опытнаго мастера въ литературномъ дѣлѣ. Наполненіе первыхъ и разрѣшеніе вторыхъ составляетъ ту великолѣпную литературную игру, которую старались мы уловить. На нее уже потрачено много силъ и еще болѣе потрачено будетъ, вѣроятно, впослѣдствіи. И сохрани Богъ, чтобъ мы мѣшали этому направленію творческихъ способностей или считали его безплоднымъ! Мы знаемъ, что многимъ обязаны ему, что, напримѣръ, оно освѣтило нѣкоторыя стороны русской жизни, остававшіяся доселѣ въ темнотѣ или даже въ обидномъ подозрѣніи насчетъ возможности ихъ представленія и поясненія. Еще болѣе ожидаетъ отъ него образованная публика въ будущемъ, потому что именно въ средѣ такой игры нападаетъ иногда авторъ на характерную частность, а иногда на животворную мысль, которыя составляютъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе въ общемъ дѣлѣ *уясненія самихъ себя*, что мы полагаемъ лучшимъ, высокимъ призваніемъ литературы вообще. Обязанность наша ограничивается скромнымъ указаніемъ, что игру эту не всегда должно принимать за дѣло, и что если она неизбѣжна покамѣстъ, по состоянію изслѣдованій нашихъ о темномъ предметѣ, находящемся теперь *на очереди* литературнаго воспроизведенія, то ей должно предаваться по крайней мѣрѣ съ бо́льшею осторожностью и безъ излишняго, самодовольнаго увлеченія....

Одинъ изъ видовъ этой игры, рожденной не совсѣмъ яснымъ представленіемъ міра, на который обращено вниманіе писателя, есть *идиллія*. Со времени паденія псевдо-реальной школы, т.-е. въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ, сельская идиллія сдѣлалась господ-

ствующимъ направленіемъ въ нашей словесности, и рѣдкій изъ писателей не прибѣгалъ къ ней, да присутствіе ея слышится еще и теперь во многихъ новѣйшихъ произведеніяхъ. Преобладаніе идиллическаго тона объясняется многими весьма важными причинами, которыхъ долго было бы разбирать здѣсь. Между прочимъ развитію ея сильно способствовало недоумѣніе, въ которомъ очутились писатели послѣ явной несостоятельности предшествующаго направленія. Не каждый изъ нихъ могъ обречь себя на спасительное молчаніе, въ которомъ тихо копились бы зрѣлыя литературныя идеи, а идиллія представляла готовый выходъ для дѣятельности. Никто не будетъ, полагаемъ, отвергать пользы, принесенной ею тогда. По милости идилліи, научились и публика и сами писатели уважать лица и характеры, мимо которыхъ проходили они прежде или съ пустой гордостію, или съ напраснымъ соболѣзнованіемъ, понимать, что движенія сердца, душевное горе, нравственное веселіе и даже мысль ни у кого не отобраны и никому не даны въ исключительное владѣніе, видѣть, наконецъ, что природная обстановка, въ которой живутъ тысячи людей, отлично выдерживаетъ описаніе, не хуже мебельныхъ, бронзовыхъ и другихъ принадлежностей комфорта. Совсѣмъ тѣмъ идиллія не есть изображеніе всякаго предмета съ его поэтической стороны, а наоборотъ—есть усиліе достичь поэзіи безъ дѣйствительнаго предмета въ основаніи. Это труженикъ, производящій всѣ земныя работы на мимолетномъ облакѣ, если только можно допустить подобное сравненіе. Ближайшее знакомство съ дѣломъ и развитіе творческихъ силъ вытѣсняютъ мало-по-малу идиллію, замѣщая ея безплодную фантазію, летающую въ пространствѣ безъ возможности спуститься внизъ и остановиться на чемъ либо, той поэтической идеализаціей, которая не выдумываетъ предметовъ, а только обнаруживаетъ ихъ настоящій смыслъ, ихъ настоящее значеніе. Идеализація, правильно понятая и художественно выполненная, совпадаетъ такимъ образомъ съ реализмомъ, потому что тайный смыслъ, скрытое значеніе вещей и составляютъ сущность ихъ; но она ничего не имѣетъ общаго съ псевдо-реализмомъ, который занимается одной внѣшней стороной предметовъ и минуетъ все, что только не подпадаетъ прямо глазу.

Идиллія, однако же, не исчезаетъ даже и съ появленіемъ художественной идеализаціи. Всякій разъ, какъ встрѣчаются у автора пробѣлъ, сомнѣніе, темный вопросъ, показывается идиллія и вступаетъ опять во всѣ права свои. Она служитъ готовымъ балластомъ для наполненія тѣхъ пустыхъ мѣстъ, которыя остаются отъ недостаточности положительныхъ свѣдѣній, отъ невозможности отыскать истинную причину событія и истинныя послѣдствія его, а наконецъ отъ стремленія къ поэтическому освѣщенію предмета, когда еще не най-

дено ему вѣрнаго освѣщенія подъ рукой. Въ послѣднемъ случаѣ выдумки идилліи, всѣ ея опыты увеселительной физики, разноцвѣтные огни и фосфорическія сіянія пригодны какъ нельзя болѣе. Все хорошо, что только нѣсколько освѣщаетъ потёмки. И мы видимъ, что въ самыхъ замѣчательныхъ произведеніяхъ изъ простонароднаго быта еще не обходится безъ идилліи, и что она присутствуетъ тамъ, какъ ясное свидѣтельство неполнаго знанія дѣла и неполнаго обладанія предметомъ.

Есть, однакожъ, идиллистъ по преимуществу, къ которому невольно стремятся симпатіи читателя. Мы говоримъ о г. Кокоревѣ, такъ рано похищенномъ смертію у русской литературы Разсказъ его: „Саввушка", появившійся еще въ 1852 году, выражаетъ вполнѣ этого замѣчательнаго писателя, не успѣвшаго сдѣлать всего, что̀ онъ могъ сдѣлать. Въ разсказѣ есть мѣста, показывающія такое близкое знакомство съ русской жизнію, какое не часто встрѣчается. Всего замѣчательнѣе, что подобныя мѣста у г. Кокорева являются уже почти безъ примѣси искусства, безъ ученой, систематической постановки, безъ преднамѣреннаго литературнаго разсчета, чѣмъ писатель этотъ и отличается отъ всѣхъ своихъ собратовъ. Мѣста эти выдались сами по себѣ, развитіе получили отъ собственныхъ силъ, на сколько достало ихъ, изъ себя почерпнули весь свой эффектъ, и не видно, чтобъ авторъ заботился о томъ, какъ бы ловчѣе показать ихъ людямъ. Изъ многихъ такихъ мѣстъ, упомянемъ объ одномъ, но, можетъ быть, лучшемъ изъ всѣхъ: о сценахъ въ заведеніи „Старая Изба", распивочной близъ Сухаревой башни, на Самотекѣ. Пусть читатель провѣритъ наши слова, пробѣжавъ эту оживленную картину, которая можетъ служить даже отчасти историческимъ матеріаломъ впослѣдствіи. Изъ нея, напримѣръ, будущій описатель нравовъ замѣтитъ, что въ извѣстную эпоху городскіе романсы и цыганскія пѣсни начали спускаться въ народъ, отпѣтые и забытые въ другихъ кругахъ. Онъ увидитъ также, какимъ образомъ они начинаютъ мѣшаться съ чисто-національными произведеніями въ столицахъ, а оттуда, вѣроятно, идти и еще далѣе; да и многое другое можетъ онъ еще замѣтить какъ въ этомъ мѣстѣ, такъ и въ другихъ. Если въ каждомъ изъ лучшихъ современныхъ нашихъ писателей есть любопытныя этнографическія данныя, на которыя не мѣшаетъ иногда взглянуть и строгой наукѣ, то, конечно, ни у кого покамѣстъ ихъ нѣтъ болѣе г. Кокорева. Къ несчастію, писатель этотъ совершенно былъ подавленъ идиллією. Саввушка его, сперва разгульный ученикъ портного, потомъ не совсѣмъ счастливый мужъ, а потомъ еще менѣе счастливый портной, служитъ провидѣніемъ для одного бѣднаго семейства, гдѣ пьяный мужъ сводитъ жену въ мо-

гилу и самъ пропадаетъ. Отъ нихъ остается дочка Саша, порученная ему, Саввушкѣ, которую онъ и пристроиваетъ къ какой-то тетушкѣ; но дѣвушка сманена шарманщикомъ и скрывается. Саввушка ноетъ и горюетъ до тѣхъ поръ, пока въ Старой Избѣ, о которой упоминали, встрѣчаетъ Сашу, въ костюмѣ мальчишки, пляшущую и распѣвающую для гостей Избы. Тутъ поднимается Саввушка, выхлопатываетъ у разныхъ людей деньги—на заплату долговъ Саши, преодолѣваетъ ея собственныя дурныя наклонности, заманивъ ее разъ на могилу матери и тамъ усовѣстивъ ее, потомъ беретъ ее на воспитаніе, воспитываетъ тщательно, добивается своей любимицѣ шереметьевской преміи для бѣдныхъ невѣстъ и наконецъ выдаетъ ее замужъ за молодого, прекраснаго часовщика Петра Васильевича....

Все это теченіе разсказа въ яркомъ, радужномъ и однообразномъ колоритѣ, конечно, утомляетъ глазъ читателя, который весьма радъ, когда отъ времени до времени прорывается эта черезчуръ свѣтлая, неестественная атмосфера, и показываетъ вдали клочокъ земли съ настоящими людьми и съ настоящей природой: но у г. Кокорева есть неоцѣненное качество, спасающее его даже и тогда, какъ онъ плыветъ въ водахъ идилліи, мимо фантастическихъ береговъ, къ которымъ пристать нельзя. Идиллія у него не щегольство, не маперный показъ своихъ авторскихъ пріемовъ и даже не способъ вывернуться изъ труднаго обстоятельства, что́ такъ часто бываетъ. Идиллія у него есть дѣло сердца, и онъ самъ вѣритъ въ нее. Вы ясно видите, что авторъ вмѣстѣ съ героемъ своимъ Саввушкою бѣгаетъ по чужимъ домамъ, отыскивая способъ выручить Сашу изъ порочной атмосферы, вы видите, что онъ вмѣстѣ съ нимъ плачетъ надъ неудачей и переживаетъ съ нимъ каждую его радость и каждую его печаль. Когда приводитъ онъ Саввушку и его питомицу къ пристанищу, или, лучше, въ какой-то сказочный Храмъ Славы, онъ весьма далекъ отъ мысли устроить имъ эффектное помѣщеніе на удивленіе другимъ. Въ немъ живетъ только глубокая потребность видѣть ихъ безмѣрно счастливыми, выразить собственное свое чувство любви къ нимъ и найти успокоеніе сильно взволнованному сердцу. Въ этомъ семейномъ торжествѣ автора едва-едва замѣтно участіе искусства: такъ сильно поглощены всѣ другія требованія однимъ главнымъ, которое всегда и стоитъ на первомъ планѣ. Конечно, идиллія остается по прежнему идилліей и не переходитъ отъ этого въ поэтическую идеализацію происшествія, но за ней все-таки свѣтится жизненная истина, выражаемая душевнымъ настроеніемъ автора, и теплота чувства, разлитая по ней изъ этого источника, сообщаетъ ей силу впечатлѣнія, которой она безъ этого никогда бы не имѣла.

Совсѣмъ иные поводы бываютъ у нѣкоторыхъ другихъ идиллій. Вотъ передъ нами сельская идиллія г. Авдѣева: „Огненный Змѣй". Мы называемъ разсказъ г. Авдѣева идилліей потому, что онъ рисуетъ именно явленія фата-моргана авторскаго воображенія, хотя въ немъ есть и *сильныя* страсти, и *душевныя* бури, и замѣтная претензія на *драму*. „Огненный Змѣй" любопытенъ во многихъ отношеніяхъ, особенно какъ свидѣтельство, чѣмъ можетъ сдѣлаться простонародная литература, когда переходитъ въ достояніе записного разсказчика, который не остановится за словомъ, лишь бы мысль была заготовлена прежде и обнаружилось требованіе на нее въ публикѣ. Въ идилліяхъ г. Кокорева первый поводъ есть симпатія автора къ предмету; у г. Авдѣева первый поводъ къ идилліи есть пресыщеніе отъ удовольствій петербургской жизни и отъ работы въ фельетонахъ, какъ онъ объясняетъ на первой страницѣ своей повѣсти. Несмотря на странность побужденія, а можетъ статься и по причинѣ странности побужденія, онъ въ восторгѣ отъ глухой деревни, въ которую нечаянно заѣхалъ; но восторгъ — плохой руководитель. Деревня г. Авдѣева уже такъ глуха, какъ гвіанскій лѣсъ: въ ней не знаютъ ни дней, ни мѣсяцевъ, ни годовъ, и кажется даже, по нѣкоторымъ намекамъ, что въ ней не вѣдаютъ, обрѣтается ли она въ губерніи, въ воеводствѣ или въ намѣстничествѣ. Это значитъ уже простирать *вольность* описанія до крайнихъ границъ; авторъ позабылъ намъ сказать только — есть ли въ этой деревнѣ какой-нибудь приказчикъ или какая либо контора управленія?

Впрочемъ, легко догадаться, что излишняя густота красокъ произошла отъ намѣренія автора показать собственныя свои свѣдѣнія въ деревенскомъ календарѣ, въ народныхъ примѣтахъ, въ тайной наукѣ простолюдина, которая будто бы позволяетъ ему обходиться безъ всякихъ гражданскихъ и вообще образованныхъ дѣленій и указаній. Дѣйствительно, авторъ, какъ записной разсказчикъ и настоящій сынъ своего вѣка, знаетъ всю мудрость деревни, всю подноготную ея науки. Ему извѣстно, что на Варвару зима мосты намостила, а на Савву гвозди заострила, а на Васильевъ вечеръ день прибылъ на куриный носъ, такъ же точно, какъ онъ хорошо ознакомленъ съ Петромъ-полукормомъ, Тимофеемъ-полузимникомъ и проч. Всѣ эти свѣдѣнія, однако же, и многія еще другія почти ни къ чему не служатъ у него: какъ только высчиталъ ихъ авторъ или закрасилъ, случайно, рѣчь простолюдина, такъ все и кончилось. Они не даютъ никому никакого значенія. Это все равно, что встрѣтить въ обществѣ образованнаго и веселаго господина, который, Богъ знаетъ съ чего, вѣритъ въ домового и разсказываетъ о немъ анекдоты. Въ голову вашу непремѣнно приходитъ мысль, что господинъ тутъ самъ

по себѣ, а домовой — самъ по себѣ. Странно, что при этомъ повторяется всегда одно и то же явленіе. Чѣмъ дальше разсказчикъ стоитъ отъ своей тэмы, чѣмъ недоступнѣе она ему съ каждымъ шагомъ впередъ, тѣмъ все изысканнѣе, наряднѣе, эффектнѣе старается онъ ее сдѣлать. Онъ изукрашаетъ бытъ простонародья на подобіе того, какъ разбогатѣвшій спекулянтъ покрываетъ золотомъ всю домашнюю утварь свою. Каждое лицо разсказа въ такомъ случаѣ поетъ лучшую поэтическую пѣсню изъ всего сборника русскихъ пѣсенъ; въ каждомъ углѣ избы слышится замѣчательное повѣрье или трогательное преданье, за каждымъ плетнемъ разсказывается легенда, а ужъ о самихъ лицахъ, бытѣ ихъ и о природѣ, ихъ окружающей — говорить нечего. Тутъ смѣшиваются всѣ тоны, всѣ тѣни и всѣ цвѣта, начиная отъ ярко-солнечнаго до прозрачно-туманнаго и т. д. Во всемъ этомъ богатствѣ недостаетъ только одного — живой мысли, близкаго родства съ предметомъ и вѣрнаго колорита, который дается настоящимъ пониманіемъ перваго. Взгляните на основную мысль „Огненнаго Змѣя“ и на весь составъ его. Какая картина въ разныхъ вкусахъ, или, лучше, какая турніеровская скачка на пяти лошадяхъ въ одно время! Въ уединенной избушкѣ, изукрашенной по стѣнамъ пучками сухихъ травъ, живетъ старая ворожея-знахарка съ молодой внучкой своей — Васёной. Косо смотритъ на нихъ вся деревня, но еще принимаетъ въ свой кругъ внучку, за красоту и молодость ея. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока разъ весь міръ, возвращаясь съ работы, видитъ огненнаго змѣя, который летитъ черезъ всю деревню и разсыпается надъ избушкой ворожеи, гдѣ тогда была одна внучка ея — Васёна. Съ этой минуты вся деревня отстраняется отъ Васёны, а гордая Васёна, съ своей стороны, разрываетъ не только обычныя дружескія связи молодости, но и отталкиваетъ Ѳедюшу — своего испытаннаго любовника. Она уходитъ въ самоё себя, начинаетъ блѣднѣть и сохнуть, а огненный змѣй чаще и чаще посѣщаетъ ее, но уже въ образѣ управительскаго сынка, живущаго неподалеку. Не совсѣмъ же глуха была деревня Ознобиха, какъ хотѣли насъ увѣрить. Ѳедюша рѣшается подстеречь, съ помощью чаръ нечистаго, который водится съ его возлюбленной, и на третью ночь видитъ его. Несчастный любовникъ съ тѣхъ поръ заматывается, идетъ въ солдаты, управительскій сынокъ тоже, какъ водится, отъѣзжаетъ, и разсказъ кончается сценой, въ которой Васёна, подъ руководствомъ своей бабушки-ворожеи, выходитъ ночью на улицу, проникается вдохновеньемъ и напускаетъ на измѣнника страшный приворотъ и заклятіе.... Послѣдствія того и другого неизвѣстны. Таковъ этотъ пестрый разсказъ, и въ краткомъ очеркѣ, который мы представили, читатель еще найдетъ, если захочетъ,

сборъ фантастическихъ мотивовъ, выдуманный для прикрытія бѣдности настоящаго содержанія, и содержаніе съ трудомъ добытое — для ввода обветшалыхъ фантастическихъ подробностей. Дѣйствительно, все какъ-то идетъ врозь у автора, и каждая отдѣльная часть еще не по своей дорогѣ. Самыя интересныя лица разсказа: героиня Васёна, подруга ея Дуня и проч., говорятъ грубымъ языкомъ, формы котораго не смягчены внутренней граціей мысли или чувствами, что́ такъ умѣютъ дѣлать гг. Григоровичъ, Писемскій и Тургеневъ.

Напротивъ, нашъ авторъ какъ будто съ намѣреніемъ останавливается на внѣшней жосткости крестьянскаго языка и пишетъ: ра-ѣ, те-я, матри: — вмѣсто развѣ, тебя, смотри, — точно боится, какъ бы не проговорились его лица по книжному. Въ замѣнъ, когда переходитъ онъ къ описанію нарядовъ ихъ, то уже является изысканность и щегольство, напоминающія скорѣе искуснаго маскараднаго или театральнаго костюмёра, чѣмъ деревенское кокетство, а въ изображеніи ихъ физіономій вводятся въ дѣло такія тонкія замѣтки, какія не всякому дилеттанту въ живописи придутъ въ голову и тогда, какъ онъ смотритъ (выписываемъ слова автора) на портреты *новой итальянской живописи, осѣщенные и согрѣтые такъ, что на нихъ, несмотря на неподвижность линій и непрозрачность кожи, можно, по какому-то переливу тѣней, ясно читать внутреннее настроеніе.* Этими словами авторъ рисуетъ особенности васённой физіономіи. И пусть не подумаетъ читатель, что разсказъ „Огненный Змѣй“ не имѣетъ занимательности. Мы увѣрены, наоборотъ, что онъ многими прочтенъ съ наслажденіемъ и особенно за эффектное смѣшеніе воображаемаго и дѣйствительнаго міра, убаюкивающее всякую мысль и всякое взысканіе. Это и заставило насъ остановиться на немъ. Цѣль наша была — указать, какимъ путемъ идетъ, обыкновенно, писатель, взявшійся за простонародный бытъ отъ скуки, отъ пресыщенія, отъ нечего дѣлать или отъ увѣренности въ мастерствѣ своемъ. Тяжело дѣлается смотрѣть тогда на обоихъ: на автора, выбравшаго предметъ, который вызываетъ добросовѣстный трудъ, а не прихотливую шалость, на самый предметъ, который дичится и уходитъ изъ рукъ человѣка, приступившаго къ нему безъ уваженія и серьёзной мысли. Если простонародному быту суждено перейти у насъ въ область вседневной литературы, или, сказать иначе, въ область той болтовни, которая составляетъ насущный хлѣбъ всякой современности (по нѣкоторымъ признакамъ видно, что ему не миновать судьбы этой) то безобразіе отношеній между авторомъ и предметомъ обнаружится при этомъ случаѣ яснѣе для всѣхъ глазъ. Мы указываемъ теперь на первые, еще легкіе проблески его, и желаніе отстранить одно извѣстное имя въ лите-

ратурѣ нашей отъ явленія, мало утѣшительнаго по себѣ самому, вынудило насъ сказать всю правду. Пусть г. Авдѣевъ держится того полусвѣтскаго круга, въ которомъ почерпнулъ онъ свои лучшія повѣсти. На этой почвѣ онъ всегда останется умнымъ, пріятнымъ, а иногда и проницательнымъ разсказчикомъ.

Говорить ли о разсказѣ г. Александра Мартынова: „Рыбакъ", который состоитъ изъ нѣсколькихъ страничекъ, наполненныхъ необычайными странностями. Разсказъ этотъ намъ кажется пародіей на простонародныя повѣсти съ мужицкимъ языкомъ и съ сантиментальнымъ направленіемъ, и въ такомъ случаѣ это одна изъ самыхъ забавныхъ шутокъ послѣднихъ годовъ, которые такъ обильны были шутками. Авторъ видитъ въ рѣкѣ В—ни купающагося парня, который далъ болѣе 150 поросенковъ, т.-е. болѣе 150 нырковъ, не переводя духа, и пораженъ отъ этой удали *благоговѣніемъ*. Прямо отъ парня переходитъ онъ къ старому рыбаку, который небывалымъ языкомъ, состоящимъ изъ смѣшенія деревенской грубости и городской пошловатости, разсказываетъ, какъ была у него дочка Наташенька, да молодой баринъ подмѣтилъ ее на базарѣ, пришелъ уху ѣсть и (новаго рода Алеко!) поселился между рыбаками въ шалашѣ, за тѣмъ, *ишь ты*,—прибавляетъ рыбакъ—*воздухи здѣся хороши—спится ловко*. Открылъ, однако же, старикъ продѣлки своей дочки, напустился на нее, побилъ шибко, да и отправился въ слободу, куда уѣхалъ волокита, чтобъ опять его *пагубника привести къ дѣвонкѣ, роднаго дѣтища жалѣючи*. Въ слободѣ онъ его уже не отыскалъ, какъ легко догадаться, и возвратился назадъ съ пустыми руками. Дочка, услыхавъ это, бросилась въ воду, а потомъ въ *разумѣ помутилася*, а старикъ отвезъ ее въ больницу, гдѣ *ихъ пользируютъ*, и съ тѣхъ поръ сдѣлался несчастнымъ на весь вѣкъ. Уморительная простота разсказа, слезливость старика и комизмъ всѣхъ положеній, наконецъ необычайный языкъ его, невольно вызывающій смѣхъ у читателя, и драматическое содержаніе, которое призванъ онъ выражать, составляютъ особенности этой пародіи. Мы знаемъ, что многіе совсѣмъ не считаютъ преднамѣренной шуткой разсказъ г. Мартынова, а повѣстью, написанной весьма серьёзно; но тогда явленіе дѣлается совершенно необъяснимымъ, и мы, для чести автора, хотимъ лучше принимать его за пародію. Вотъ на выдержку одно мѣсто изъ повѣствованія стараго рыбака: „Прошло эдакъ съ добрыхъ недѣлю. Сидимъ мы съ Наташей по-вечеру у котелка; поснѣдать собралися, прежде чѣмъ ей-ту на сонъ идти, а мнѣ къ удамъ: хороши по-вечеру клевы живутъ. Солнышко садилося; вечеръ былъ важный такой, и рыбѣ надо бы ходко идти. Ну, и сидимъ мы-то: ложкѣ, чай, по первой не успѣли во рту помарать,—глядь....

отколѣ ни возьмись, позапрошлой. Меня индо морозомъ по спинѣ дернуло (знать чуяло сердчишко); а Наташа—гдѣ *петь!*.. Какъ держала у рта ложку, такъ и не смигнётъ, словно-те *бахмуръ* какой нашелъ.—„Хлѣбъ-соль—молвилъ—добрые люди?"—Хлѣба-соли кушать, молъ, батюшка—будто путному молвилъ и я въ та-поры.... Да кто его зналъ; въ душу людскую не влѣзешь вѣдь!... „Пустите, баитъ, меня съ вами ухи похлебать: голодъ уморилъ, а я за все про все заплачу". — Ужъ и стать ли, говорю, вамъ съ нами изъ одного корыта снѣдать.... Буде вашей милости въ угоду—мы тебѣ другую ушицу доспѣемъ, ужъ такую, чтó въ ротъ, то спасибо! Рыбки не занимать-стать — и *седни* Богъ не обидѣлъ. Волишь: *утренничка* сварганю—стерлядокъ тамъ, али *малимовъ* (налимовъ), аль иной прочей—всякой вволюшку.—„Ладно, говоритъ, старикъ—сварганъ, а тебѣ обиды не будетъ".—Какая, молъ, обида! обидишь меня — тебя Господь обидитъ.... „Но пережъ дай, баитъ, вашей проотвѣдать: умаялся добре!..." Силкóмъ, почитай, отнялъ ложку у Наташи моей,—ну, и *швыркнулъ* разъ, другой... Чтó ему загорѣлося больно—Богъ его вѣдаетъ! аль и вправду *петитъ* пронялъ." Неужели это не пародія, неужели разсказъ г. Александра Мартынова долженъ служить примѣромъ и доказательствомъ того, что простонародныя повѣсти, спускаясь все болѣе въ низшіе слои литературной дѣятельности и въ руки бездарныхъ писателей, могутъ перерождиться въ чудовищный сбродъ нелѣпостей, оскорбляющій вкусъ и всѣ понятія объ искусствѣ?...

Просмотрѣвъ всѣ наиболѣе замѣчательныя произведенія, явившіяся въ прошломъ году по особому отдѣлу нашей литературы, спѣшимъ къ заключенію. Ясно дѣлается, по крайней мѣрѣ для насъ, что въ настоящую минуту предметъ описанія—простонародный бытъ—стоитъ еще враждебно къ самому способу описанія его въ романахъ и разсказахъ. Въ манерѣ представленія его, словно отъ примѣси какого-то ядовитаго вещества, есть краски, поѣдающія характерныя черты его облика или въ крайнемъ случаѣ значительно ослабляющія ихъ. Истина жизни и искусство рѣдко бываютъ примирены, а бóльшею частію находятся въ обратной ариѳметической пропорціи другъ къ другу, и законъ правильнаго соотношенія между ними еще не найденъ. Простонародный бытъ гораздо лучше подчиняется кисти, когда онъ составляетъ содержаніе миніатюры, абриса, эскиза, когда онъ умаленъ и введенъ въ скромную раму, которую уже надо опредѣлять дюймами и линіями. Тутъ одна яркая особенность его, одна отдѣльная черта, подмѣченная вѣрно и выработанная со тщаніемъ, вообще свойственнымъ живописи малыхъ размѣровъ, удовлетворяетъ читателя, знающаго чего требовать отъ картины. Гдѣ не было пре-

тензіи на поясненіе всѣхъ сторонъ предмета, тамъ не можетъ быть и запроса на него. Совсѣмъ другое дѣло, когда предметъ выведенъ изъ скромнаго угла и поставленъ въ той самостоятельности, въ той особенности, которая предъявляетъ права на честь строгой и многосторонней оцѣнки. Тогда происходитъ явленіе, уже замѣченное нами. Несмотря на силу средствъ, на богатую долю таланта и наблюденія, даже на обиліе мыслей, писатель не въ состояніи показать всѣ необходимыя нравственныя стороны предмета, ка́къ обѣщался и ка́къ хотѣлъ.

Прежде всего, мѣшаетъ этому неполное знаніе его, а потомъ противорѣчащія подробности, которыми такъ обиленъ всякій характеръ изъ простого быта. Примирить ихъ въ художественномъ образѣ, разумѣется, можно, но представляетъ значительныя трудности, даже по обилію неразработанныхъ матеріаловъ. „Поэтическое прозрѣніе“ тутъ ничего не можетъ сдѣлать, потому что и оно должно имѣть какую-нибудь уже добытую частицу кости, чтобъ построить весь остовъ невѣдомаго организма. Безъ этой существенной частицы и „поэтическое прозрѣніе“ будетъ точно такая же литературная игра, какъ идиллія или другія уловки литературнаго ремесла. При такомъ состояніи дѣла, писателю остается выборъ изъ противорѣчащихъ подробностей, очистка ихъ и уже потомъ созданіе характера на основаніи кристалловъ, очутившихся въ ретортѣ послѣ этого процесса.

Мы уже видѣли, что на подобную работу употребляются всѣ творческія силы писателей, и что она производится иногда съ искусствомъ, заслуживающимъ вниманіе и полную признательность нашу. Къ несчастію, ни одна черта въ родномъ обликѣ, знакомомъ по инстинкту и наглядкѣ каждому, не можетъ быть вынущена и не можетъ пропасть. Если она отстранена авторомъ по какой-либо причинѣ, то тотчасъ же воскресаетъ у котораго-нибудь изъ читателей его, но уже въ видѣ возраженія, сомнѣнія, противорѣчія. Какъ ни мала, какъ ни ничтожна пренебреженная или опущенная черта, но въ рукахъ читателя она уже составляетъ орудіе весьма разрушительнаго свойства. Ею онъ подкапываетъ основаніе разсказа, снимаетъ съ него краски, разлагаетъ его въ частяхъ и въ цѣломъ. Ни одинъ еще разсказъ, сколько намъ извѣстно, не сосредоточилъ на себѣ единогласнаго убѣжденія въ непогрѣшительности всѣхъ своихъ данныхъ и всѣхъ своихъ выводовъ, а напротивъ — каждый изъ нихъ порождалъ и порождаетъ столкновеніе личныхъ и совершенно противоположныхъ мнѣній, взаимно исключающихъ себя. Ясно, что какъ авторъ, такъ и читатели его имѣютъ различныя понятія о предметѣ, еще не сведенныя опытомъ, наукой, трудомъ въ одно общее и полное представленіе его. Есть ли возможность, при такомъ положеніи

дѣла, окончательнаго и полнаго проявленія его въ искусствѣ? Сомнѣніе тутъ, кажется намъ, позволительно, особенно если вспомнимъ, что самые лучшіе, самые вѣрные пріемы современнаго искусства скорѣе запутываютъ пониманіе быта, чѣмъ объясняютъ его. Значитъ, кромѣ всѣхъ другихъ препятствій, есть даже помѣха для представленія его въ надлежащей ясности и со стороны обыкновенныхъ условій искусства.

Ограничимся при этомъ однимъ замѣчаніемъ: естественный бытъ врядъ ли можетъ быть воспроизведенъ чисто, вѣрно и съ поэзіей, ему присущной, въ установленныхъ формахъ нынѣшняго искусства, выработанныхъ съ другой цѣлью и при другихъ поводахъ. Первыя, основныя правила изящнаго здѣсь не находятъ приложенія цѣлостнаго, а только допускается приложеніе ихъ урывками, по кускамъ и случайное; хитрыя подготовки, обычныя иллюзіи искусства, принятыя всѣми по общему соглашенію и не возбуждающія при другихъ случаяхъ ни малѣйшаго возраженія, здѣсь становятся ложью, обманомъ, иногда чудовищностію. Была попытка выдти изъ этого враждебнаго отношенія искусства къ предмету въ драматической литературѣ нашей, но это одна успѣшная попытка, гдѣ драматическая форма подчинилась требованіямъ новаго рода, осталась уединенной попыткой и феноменомъ безъ ясной причины и безъ видимыхъ послѣдствій. Какой видъ будетъ имѣть свѣжая, оригинальная форма простонароднаго разсказа—мы не знаемъ. Это уже настоящее дѣло и тайна тѣхъ самыхъ даровитыхъ писателей, которые возбудили своими произведеніями вопросъ этотъ въ публикѣ, и на которыхъ лежитъ посильная обязанность если не разрѣшить его, то по крайней мѣрѣ указать дорогу къ его разрѣшенію. Статься можетъ, что вмѣстѣ съ новой формой появится и содержаніе, которое не станетъ нуждаться въ поясненіяхъ со стороны, потому что всѣ поясненія уже будутъ находиться въ немъ самомъ, которое разовьется на перекоръ обычному, ходячему между нами пониманію идей и предметовъ, и въ яркой особенности, свидѣтельствующей о законности его происхожденія, обманетъ догадки, правила и кодексы какъ записного цеха читателей, такъ и вообще публики, привыкнувшей къ извѣстному и однообразному изложенію въ литературныхъ произведеніяхъ....

„Современникъ“, 1854, №№ 2 и 3.

ХАРАКТЕРИСТИКИ

И. С. ТУРГЕНЕВЪ и гр. Л. Н. ТОЛСТОЙ.

1854 г.

Изъ всѣхъ формъ повѣствованія, разсказъ отъ собственнаго лица автора или отъ подставного лица, исправляющаго его должность, предпочитается писателями бо́льшею частію въ первыя эпохи дѣятельности ихъ — въ эпохи свѣжихъ впечатлѣній и силъ. Несмотря на относительную бѣдность этой формы, она представляетъ ту выгоду, что поле для картины и канва для мысли, по милости ея, всегда заготовлены напередъ и избавляютъ писателя отъ труда искать благонадежный поводъ къ разсказу. Съ нея началъ г. Тургеневъ и на ней еще стоитъ гр. Л. Н. Толстой, два повѣствователя, весьма различные по качествамъ своимъ и по направленію, но сходные тѣмъ, что у обоихъ чувствуется присутствіе мысли въ разсказахъ, и оба могутъ подать случай къ соображеніямъ о роли мысли вообще въ изящной словесности.

Разсказъ отъ собственнаго лица освобождаетъ автора отъ многихъ условій повѣствованія и значительно облегчаетъ ему путь. Съ первыхъ пріемовъ писатель уже становится въ положеніе человѣка, не слишкомъ озабоченнаго достиженіемъ предположенной цѣли, что́ позволяетъ ему иногда рѣзвиться передъ своимъ читателемъ, на просторѣ, а иногда даже кончить вояжъ на полдорогѣ. При разсказѣ отъ собственнаго лица немаловажное удобство состоитъ еще и въ томъ, что писатель самъ себѣ назначаетъ границы и можетъ избавиться отъ необходимости сообщить предмету описанія настоящій его объемъ, истинныя его очертанія. Отъ каждаго предмета онъ свободно беретъ только ту часть, которая или удачно освѣщена, или живописно выдалась впередъ. Задача писателя, разумѣется, на половину облегчена всѣми этими привилегіями, но и это еще не все.

Писатель, разсказывающій отъ себя, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и адвокатъ своего дѣла. Онъ искусно оправдывается передъ читателемъ въ своихъ недоговорахъ и, если успѣлъ возбудить его симпатію, легко получаетъ согласіе даже на сдѣлки съ лицами и характерами, которые въ строгомъ, художественномъ повѣствованіи никогда бы не могли явиться. Онъ вполнѣ пользуется правомъ человѣка, состоящаго на лицо: съ нимъ всегда поступаютъ снисходительнѣе, чѣмъ съ отсутствующимъ. Однакожъ, по закону равновѣсія, существующему вездѣ, даже въ отношеніяхъ между авторомъ и читателемъ его, выгоды, перечисленныя нами, не даются даромъ. Выкупъ за нихъ весьма значителенъ—и не всѣмъ бываетъ подъ силу. Если съ одной стороны ослабѣваютъ требованія и взысканія критики, то они дѣлаются строже и придирчивѣе—съ другой. И, во-первыхъ, разсказчикъ обязанъ выразить личное мнѣніе свое о каждомъ предметѣ, встрѣчающемся на пути его, чего никогда не требуется отъ правильнаго повѣствованія, гдѣ только важно общее впечатлѣніе; затѣмъ примѣры и наблюденія его должны отличаться самостоятельностью, зоркостью и умомъ въ степени, какой другого рода произведенія не обязаны достигать; наконецъ, по участію живой личности автора во всѣхъ, такъ сказать, обстоятельствахъ повѣствованія, она сама должна обладать качествами, способными остановить вниманіе читателя.... Только на этихъ условіяхъ предоставляется право разсказчику свободно отдаться теченію и даже капризу своей мысли и своего вдохновенія. Случалось и, вѣроятно, еще много разъ будетъ случаться, что писатели, прельщенные выгодами формы личнаго повѣствованія, принимались за нее, не взвѣсивъ предварительно важности условій, съ ней сопряженныхъ. Послѣдствія извѣстны. Кто не знаетъ, что разсказы наиболѣе вялые, ничтожные и пошло-притязательные, какъ въ нашей, такъ и въ другихъ литературахъ, обыкновенно начинаются съ „Я....“

Нельзя сказать, что г. Тургеневъ въ прежнихъ своихъ разсказахъ не зналъ выгодъ избранной имъ формы или невполнѣ воспользовался ими. Скорѣе можно сказать наоборотъ, что онъ извлекъ изъ нея все, что́ она могла дать, и это поставляемъ мы въ немаловажную заслугу автору. Правда, тутъ являются и неизбѣжныя погрѣшности нѣкотораго рода. Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ не многихъ, мѣстахъ встрѣчается у него довольство, такъ сказать, лицами своего воображенія и при случаѣ своимъ способомъ описанія ихъ. Отсюда, излишнее накопленіе яркихъ подробностей, наваленныхъ грудами на одно лицо, или на одинъ предметъ, и отсюда иногда щегольство фразой, тщательно выставляемой впередъ, на показъ. Вообще, стремленіе къ *выразительности* составляетъ отличительный характеръ первыхъ произ-

веденій нашего автора. Мы хорошо знаемъ, что публика обязана этому тѣми блистательными картинами, которыя у всѣхъ въ памяти; но мы знаемъ также, что оно же породило нѣсколько частностей, конечно не въ большомъ числѣ, гдѣ ясно видны слѣды *переработки*, если позволено намъ будетъ употребить терминъ, хорошо извѣстный художникамъ. Переработкой называется слѣдствіе той усиленной работы, которая придаетъ какой-либо подробности вѣрность математическую, но лишаетъ ее жизненнаго выраженія. Впрочемъ, не надо забывать, что жажда выразительности, свойственная вообще молодымъ писателямъ, есть признакъ силы, если порождена способностью глубоко чувствовать значеніе предмета въ цѣпи другихъ предметовъ, окружающихъ его. Тогда, несмотря на нѣкоторыя рѣзкія черты, почти неизбѣжныя въ пылу созданія, она дѣлается источникомъ того блеска, той свѣжести и энергіи, которые отличаютъ первыя произведенія замѣчательныхъ талантовъ. Вмѣстѣ съ примѣромъ г. Тургенева, мы имѣемъ еще другой рѣшительный примѣръ для подтвержденія нашихъ словъ въ этомъ случаѣ, именно примѣръ „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“.

Всякій, кто слѣдилъ за развитіемъ нашего автора, вѣроятно, помнитъ небольшія повѣствовательныя драмы его, какъ „Уѣздный Лекарь“ и др.; нигдѣ, можетъ быть, столько не помогла ему избранная форма разсказа и нигдѣ не пользовался онъ ею (кажется намъ) съ бо́льшимъ сознаніемъ выгодъ ея. По существу своему, основная мысль каждаго изъ этихъ разсказовъ требовала бы весьма сложнаго и подробнаго развитія для того, чтобъ выступить со всею ясностію и обнаружить вполнѣ свое значеніе. Но въ извѣстныя эпохи писатель цѣнитъ счастливую мысль болѣе, чѣмъ трудъ, потребный на ея изложеніе, чѣмъ наблюденіе всѣхъ отростковъ и вѣтвей, которые могутъ исходить у нея по силѣ ея производительности, чѣмъ, наконецъ, великое искусство предоставить идеѣ достиженіе природнаго, натуральнаго роста ея. Счастливая мысль является тогда у писателя почти на-голо, требуя вниманія читателя только ради самой себя. Истинно-разумная критика никогда не позволитъ себѣ суроваго взгляда на подобное заявленіе одного плана, потому что тутъ самый планъ есть уже признакъ свѣжаго и живого дарованія. Однако же не можетъ она и пропустить безъ вниманія, что въ передачѣ мысли, не вполнѣ подчиненной труду, заключается скорѣе ловкое и блестящее отстраненіе задачи, чѣмъ разрѣшеніе ея. Форма разсказа отъ собственнаго лица пригодна тутъ какъ нельзя болѣе. Она дозволяетъ сжать событіе въ анекдотъ и обратить въ простой случай многосложную исторію, которая имѣла бы права на болѣе широкое развитіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ та же форма даетъ и способы

къ подобному ослабленію содержанія и сущности предмета; она позволяетъ вращать дѣйствующія лица повѣствовательныхъ драмъ по благоусмотрѣнію, показывать ихъ съ той стороны, какая наиболѣе извѣстна автору, и даже при случаѣ говорить за нихъ.

Спѣшимъ, однако же, прибавить, что въ разбираемомъ нами авторѣ есть качество, съ избыткомъ вознаграждающее отсутствіе нѣкоторыхъ условій строгаго, удовлетворительнаго повѣствованія: это врожденная способность мѣткаго наблюденія. Соединеніе мастерства и въ то же время поэтическаго чувства, при описаніи характерныхъ особенностей каждаго дѣйствующаго лица, дѣлаетъ изъ его разсказовъ небольшія картины, яркость и истина которыхъ подчиняютъ воображеніе читателя. Само собою разумѣется, что авторъ только этими качествами и могъ выкупить все, чтó утратилъ въ размѣрахъ и въ полнотѣ содержанія. Тутъ уже нѣтъ ни одной подробности лишней или приведенной какъ поясненіе и дополненіе предыдущихъ, чтó такъ часто вредитъ литературнымъ произведеніямъ, сообщая имъ болѣзненный, лимфатическій видъ. Наоборотъ, каждая подробность тщательно обдумана и притомъ еще, можно сказать, переполнена содержаніемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ является она почти какъ нѣчто самостоятельное, какъ отдѣльная мысль, способная выразиться и внѣ той сферы, гдѣ заключена, принять особенное, своеобычное развитіе. Такъ справедливо положеніе, уже приведенное нами: все, чтó авторъ отнялъ отъ цѣлаго, перешло въ частности, надѣливъ ихъ полнотой жизни, на какую они врядъ ли имѣли право, если смотрѣть на дѣло съ эстетической точки зрѣнія. Это не спокойная, величавая рѣка, а потокъ, остановленный въ своемъ теченіи. Мы очень хорошо знаемъ разительный эффектъ, производимый искусственнымъ оплотомъ, противопоставленнымъ предмету, отъ чего предметъ получаетъ необычайное движеніе и особенную выразительность, но это еще далеко не составляетъ высшей степени искусства и обладанія предметомъ. Произведенія въ этомъ родѣ можно сравнить съ фигурами итальянской живописи первыхъ вѣковъ ея: онѣ поставлены рядомъ другъ съ другомъ, отдѣланы изумительно, проникнуты иногда мыслію и глубокимъ чувствомъ, но имъ недостаетъ группировки и перспективы.

Читатель, вѣроятно, уже замѣтилъ, что мы преимущественно обсуждаемъ внѣшнюю сторону авторскаго таланта, его пріемы и способы созданія, оставляя въ сторонѣ сущность произведеній, такъ какъ настоящая цѣль этой статьи заключается въ одномъ: открыть и уяснить себѣ, сколько позволяютъ намъ силы, художническія привычки писателя, его сноровку и своеобычный образъ исполненія тэмъ. Намъ всегда казалось, что это самая поучительная и самая важная часть во всякомъ человѣкѣ, посвятившемъ себя искусству, по край-

ней мѣрѣ нисколько не уступающая всѣмъ остальнымъ. Стóитъ только подумать, что именно эта часть составляетъ литературную физіономію его, которой онъ разнится отъ всѣхъ другихъ людей и подъ которую никто поддѣлаться не можетъ.

Наибольшимъ успѣхомъ пользуются въ публикѣ юмористическіе разсказы нашего автора. И дѣйствительно, веселость ихъ сообщительна, какъ, вѣроятно, испыталъ каждый читатель на самомъ себѣ; портреты, рисуемые авторомъ, отличаются истиной, которая нисколько не исключаетъ особеннаго рода граціи, безъ чего даже и вѣрный портретъ лишается въ искусствѣ всей своей привлекательности, а стало быть и значенія своего. Типы, наиболѣе располагающіе къ смѣху, обдѣланы у него съ участіемъ, со всѣми мелкими подробностями, доказывающими весьма прилежное изученіе. Видно, что онъ самъ забавлялся ими гораздо прежде своего читателя. Можно назвать даже преслѣдованіемъ его безотвязчивую, неугомонную повѣрку всякой оригинальной или странной физіономіи, которую встрѣтилъ; такому же точно-изученію подвергнуты и предметы наравнѣ съ лицами. Онъ даже умалчиваетъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ особеннымъ способомъ, равняющимся описанію. Въ одномъ разсказѣ мы нашли забавную фразу: „Экипажъ, правда, у Хвалынскаго формы довольно старинной; на лакеяхъ ливрея довольно потерта *(о томъ, что она сѣрая съ красными выпушками, кажется, едва ли нужно упоминать)*...“ Вся эта усиленная ревизія лицъ и вещей, порождающая иногда сцены истиннаго комизма, должна при случаѣ увеличивать ничтожные предметы въ нѣсколько тысячъ разъ противъ настоящаго ихъ объема и слишкомъ долго ими заниматься, чтó дѣйствительно, кое-гдѣ и замѣтно въ повѣстяхъ автора. Съ другой стороны, свободная форма разсказа отъ собственнаго лица позволяетъ автору предаться вполнѣ удовольствію говорить о типахъ, имъ подмѣченныхъ, съ игривостію, которая переходитъ иногда въ капризъ и уже обращается нѣсколько своевольно съ предметомъ описанія. Наконецъ, излишняя любовь къ мѣткому выраженію и лаконической замѣткѣ приводитъ автора, по временамъ, къ бойкой, но совершенно неопредѣленной фразѣ. Всѣ эти случайныя пятна искупаются однакожъ и съ лихвой разнообразіемъ созданныхъ имъ типовъ, психически-вѣрнымъ поясненіемъ характеровъ, чертами, подмѣченными, такъ сказать, въ самомъ ходу жизни, и, наконецъ, достоинствомъ первыхъ побужденій, не оставляющимъ автора ни въ какомъ случаѣ.

Мы обязаны сказать нѣсколько словъ о существѣ самаго юмора, свойственнаго г. Тургеневу, и начнемъ съ характеристической, лучшей его черты. Юморъ у нашего автора идетъ почти всегда объ руку съ поэзіей, и часто веселая сцена переходитъ мало-по-малу въ ти-

хое, поэтическое созерцаніе и тамъ пропадаетъ, какъ облако въ небѣ. Надо замѣтить, что авторъ не принадлежитъ, судя по первымъ его произведеніямъ, въ школѣ чистыхъ юмористовъ, веселость которыхъ уживается со всѣми явленіями нравственнаго міра, каковы бы они ни были. Юмористы этого рода весьма мало заботятся о томъ: хороши ли, добры, благовидны или безобразны лица, представляющіяся ихъ воображенію. Подмѣтка жизненныхъ противорѣчій, въ которыхъ замѣшаны всѣ эти лица безъ исключенія, даетъ и право на одинаковое обхожденіе со всѣми ими. Не то у нашего автора. На лица своего воображенія онъ смотритъ съ особенной точки — можно сказать, съ точки зрѣнія порядочнаго человѣка. Иногда кажется, что еслибъ смѣшные типы его позанялись своимъ образованіемъ и исправились, то и перестали бы казаться смѣшными.

У чистыхъ юмористовъ смѣшная сторона есть родовая принадлежность лицъ, съ которой они сойдутъ въ гробъ и которая ихъ не покинетъ, какъ бы ни поставили они себя въ отношеніи общества и различныхъ требованій его. Вотъ почему, при необычайно развитой наблюдательности, въ первыхъ произведеніяхъ автора нашего чувствуется болѣе насмѣшливости, чѣмъ настоящаго юмора, болѣе пересуда, чѣмъ описанія, и болѣе остроумія, чѣмъ истинной юмористической веселости. Нѣтъ сомнѣнія, что наблюдательность, остроуміе и способность сближенія разнокачественныхъ предметовъ часто достигаютъ изображенія и вѣрнаго, и занимательнаго, и представляющаго любопытные выводы, но, безъ участія поэзіи, разсказъ, основанный на нихъ однихъ, всегда будетъ отличаться нѣкоторой сухостію. Авторъ нашъ не могъ избѣгнуть вполнѣ этого недостатка: у него есть одинъ или два разсказа такого рода, но ихъ не стóитъ указывать. Зато въ тѣхъ повѣствованіяхъ, гдѣ поэзія участвуетъ вмѣстѣ съ передачей жизненныхъ явленій, онъ достигаетъ результатовъ истинно замѣчательныхъ. Жесткость наблюденія исчезаетъ тогда въ тепломъ поэтическомъ одушевленіи, и сама форма разсказа отъ собственнаго лица является счастливой помощницей дѣлу. Личное настроеніе автора облекаетъ особеннымъ кроткимъ свѣтомъ фигуры и предметы, исправляя и превосходно дополняя все то, чего недостаетъ юмору его. Не станемъ указывать на маленькія образцовыя произведенія въ этомъ родѣ, потому что они извѣстны читателямъ, но скажемъ, что часто въ серединѣ разсказа неожиданно мелькаетъ у автора поэтическая картина, распространяя далеко кругомъ себя удивительно нѣжный и отрадный блескъ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что поэтическій элементъ повѣстей исправляетъ всѣ черезчуръ крупныя линіи ихъ и значительно ослабляетъ дѣйствіе энергическаго выраженія, сообщеннаго физіономіямъ и ча-

стностямъ. Это полупрозрачная атмосфера, которая приводитъ въ гармонію краски и очертанія предметовъ, и это транспаранъ, укрощающій излишнюю яркость цвѣтовъ и самаго грунта картины.

Слѣдовало бы сказать о важной части поэтическаго элемента, которымъ занимаемся теперь, именно о способѣ описанія природы и мѣстностей, свойственномъ нашему автору и ему одному принадлежащемъ, но мы опасаемся вдаться въ излишнія подробности. Ограничимся нѣсколькими замѣтками. Чувство природы въ немъ врожденное, неподдѣльное, независимое отъ чужого примѣра или отъ литературныхъ требованій, какъ у многихъ другихъ — потому и выражающееся оригинально. Г-нъ Тургеневъ не столько заботится о передачѣ общаго впечатлѣнія, производимаго явленіемъ, сколько объ уловленіи его характерной черты, его особенности, но этотъ анализъ и приводитъ его къ подробностямъ, исполненнымъ увлекательной истины. Со стороны искусства гораздо труднѣе оправдать то, что краски автора иногда собраны слишкомъ густо на одномъ мѣстѣ, а не ложатся ровно на всей поверхности ландшафта. Отличительную черту автора составляетъ однакожъ его врожденная наклонность къ свѣтлымъ и роскошнымъ явленіямъ; онъ нѣмъ передъ суровыми красотами сѣвера и даже какъ будто боится печальнаго чувства, возбуждаемаго тишиной поблекшей природы. Онъ поэтъ солнца, лѣта и только отчасти осени, точно такъ какъ г. Тютчевъ, съ которымъ имѣетъ много общаго во взглядѣ на природу и въ пониманіи ея. За всѣмъ тѣмъ внѣшняя обстановка, которую онъ даетъ своимъ представленіямъ, вѣрна и притомъ замѣчательно изящна. Она составляетъ превосходную раму, находящуюся въ полномъ гармоническомъ отношеніи съ тѣмъ, что́ въ ней заключено.

Между прежними и послѣдними разсказами г. Тургенева, къ которымъ теперь и переходимъ, есть одна общая черта, связывающая ихъ и сообщающая имъ сильное родовое сходство. Черта эта, по нашему мнѣнію, состоитъ въ томъ, что каждая изъ повѣстей его имѣетъ видъ небольшого психическаго факта, представленнаго на изслѣдованіе и разрѣшеніе читателя. Намъ хорошо извѣстно, что въ сущности всякій романъ и повѣсть вообще, если только не совсѣмъ лишены литературнаго достоинства, непремѣнно заключаютъ въ себѣ психическій вопросъ. Нѣкоторые романисты прямо и начинаютъ съ него, такъ-что разсказъ ихъ есть только математическое, послѣдовательное разрѣшеніе тэмы, заданной при началѣ. Событія и столкновенія характеровъ играютъ тутъ роль алгебраическихъ формулъ и уравненій. Другіе, наоборотъ, выводятъ обыкновенно одинъ и тотъ же любимый свой образъ, одинъ и тотъ же взглядъ на предметы, ожидая, что психическій вопросъ явится самъ

собою на концѣ, изъ поясненія ихъ. Невыгода этого рода состоитъ преимущественно въ томъ, что большею частію послѣдній выводъ заставляетъ расходиться съ авторомъ въ мнѣніи его насчетъ лицъ своего романа и, случается, уничтожаетъ самый взглядъ его на предметы. Тутъ развитіе романа идетъ на перекоръ цѣлямъ и намѣреніямъ автора. Гораздо большее число писателей предоставляютъ явиться психическому вопросу какъ онъ можетъ, занимаясь единственно обрисовкой характеровъ и изложеніемъ обстоятельствъ, вызвавшихъ ихъ на сцену. Тутъ дѣйствительно мысль есть уже случайность, которая можетъ находиться и можетъ не находиться въ разсказѣ. Г-нъ Тургеневъ принадлежитъ къ тому отдѣлу писателей, которые не лишены преднамѣренной цѣли, но мысль которыхъ всегда скрыта въ нѣдрахъ произведенія и развивается вмѣстѣ съ нимъ, какъ красная нитка, пущенная въ ткань. Психическій вопросъ онъ проводитъ безъ предварительнаго увѣдомленія, да и оставляетъ разсказъ безъ притязаній на разрѣшеніе его, предоставляя это вниманію читателей. Въ сдержанности его заключается не одинъ простой разсчетъ на возбужденіе любопытства, а вѣрное эстетическое чувство. Произведеніе должно носить въ самомъ себѣ все, что́ нужно, и не допускать вмѣшательства автора. Указанія послѣдняго всегда дѣлаютъ непріятное впечатлѣніе, напоминая вывѣску съ изображеніемъ вытянутаго перста.

Вотъ почему замѣтна у нашего автора боязнь опредѣлить то или другое психическое положеніе внѣшнимъ, неправильнымъ образомъ, т.-е. разсужденіями отъ самого себя. Онъ тщательно избѣгаетъ роли повѣствователя, состоящаго на жалованьѣ у ходячей діорамы и машинально исполняющаго свою обязанность съ боку ея. Еще въ первыхъ произведеніяхъ, по излишнему простору, который вообще даетъ форма личнаго разсказа, кое-гдѣ встрѣчаются подсказы автора, какъ мы уже и замѣтили, но они совсѣмъ пропадаютъ въ послѣднихъ его произведеніяхъ. Способъ, какимъ представляетъ онъ теперь психическій фактъ и объясняетъ моральный вопросъ, неразрывно соединенный съ нимъ, показываетъ значительную зрѣлость въ пониманіи искусства. Съ перемѣной формы разсказа отъ своего лица на разсказъ другого рода (объективный) онъ избѣгъ недостатковъ, часто являющихся у писателей отъ неумѣнья подчиниться строгимъ правиламъ послѣдняго. Авторъ нашъ не забѣгаетъ впередъ, чтобъ предварительно увѣдомить о выходѣ героя, о его способностяхъ и о мысли, которую призванъ олицетворить; еще менѣе позволяетъ онъ себѣ слѣдить за лицами своими, какъ нянька, наблюдая, чтобъ каждое шло прямо по начертанной дорогѣ и по сторонамъ не зѣвало. Въ новыхъ его произведеніяхъ нѣтъ ни узды, ни помочей—

этихъ почти видимыхъ инструментовъ бо́льшей части нашихъ повѣствованій. Ни на одномъ изъ его лицъ не замѣтите вы того досадпаго значка, который показываетъ, чего искать въ человѣкѣ, и который повѣшенъ ему на шею, почти какъ аптекарскій этикетъ. Свободно движется его герой, сохраняя безъ примѣси родовую физіономію свою, и мысль автора очень ясно живетъ въ разнообразной игрѣ человѣческихъ страстей, въ естественномъ колебаніи характеровъ (потому что рѣшительно неподвижныхъ и опредѣленныхъ характеровъ нѣтъ на свѣтѣ) и въ случайной путаницѣ житейскихъ событій. Вотъ почему охотно займемся мы послѣдними разсказами г. Тургенева и по поводу ихъ скажемъ нѣсколько словъ о значеніи мысли въ литературныхъ произведеніяхъ вообще.

Прежде всего слѣдуетъ устранить изъ разбора повѣсть: „Три встрѣчи“, которая, по нашему мнѣнію, можетъ служить любопытнымъ памятникомъ несостоятельности разсказовъ отъ собственнаго лица. Г-нъ Тургеневъ, такъ мастерски пользовавшійся формою личнаго повѣствованія, долженъ былъ и показать всю слабую сторону ея вполнѣ. Она выступила у него въ „Трехъ встрѣчахъ“ съ такой гордостію, самостоятельностью и отчасти съ такимъ кокетствомъ, что поглотила содержаніе. Въ разсказѣ есть нѣсколько блестящихъ страницъ, но фантастическое, эффектное содержаніе его къ тому только, кажется, и направлено, чтобъ освѣтить лицо разсказчика наиболѣе благопріятнымъ образомъ. Такъ нѣкоторые портретисты опускаютъ на окна свои пурпуровыя занавѣсы, чтобы получить отблескъ необычайнаго колорита для физіономій, списывающихся у нихъ. Послѣ повѣсти: „Три встрѣчи“ форма личнаго разсказа уже была вполнѣ исчерпана авторомъ, и возвратиться къ ней уже врядъ ли онъ могъ. Переходомъ къ новому роду произведеній была повѣсть: „Муму“, а за ней появились: „Два пріятеля“ и „Затишье“, на которыхъ и останавливаемся.

Съ измѣненіемъ взгляда на значеніе, достоинство и сущность повѣствованія должна была измѣниться у автора, разумѣется, и манера изложенія. Если мы скажемъ, что теченіе разсказа сдѣлалось у него гораздо ровнѣе и глубже, то мы скажемъ нѣчто уже замѣченное, вѣроятно, всѣми читателями. Мы хотимъ, однакоже, обратить вниманіе ихъ не столько на качества изложенія, уже добытыя авторомъ, сколько на то, что́ они предвѣщаютъ впослѣдствіи и какъ способны развиться. Это зачатокъ истинной, плодотворной дѣятельности. Еще болѣе чѣмъ на полученную долю эстетическаго наслажденія, смотримъ мы на стремленія автора, на цѣль, поставленную имъ самому себѣ. Мы видимъ, какъ расширяется у него пониманіе искусства и какую строгую задачу имѣетъ онъ передъ глазами. Раз-

рѣшеніе ея еще впереди, но первыя основанія для разрѣшенія ея находятся теперь на лицо. Уже ровнѣе и постепеннѣе начинаютъ ложиться подробности, не скопляясь въ одну массу и не разражаясь вдругъ передъ вами, на подобіе шумнаго и блестящаго фейерверка. Вмѣстѣ съ тѣмъ и характеры начинаютъ развиваться послѣдовательнѣе, выясняясь все болѣе и болѣе съ теченіемъ времени, какъ это и бываетъ въ жизни, а не вставая съ перваго раза совсѣмъ цѣльные и обдѣланные, какъ статуя, съ которой сдернули покрывало. Сущность самыхъ характеровъ дѣлается уже не такъ очевидна: вмѣсто рѣзкихъ фигуръ, требующихъ остроумія и наблюдательности, являются сложныя, нѣсколько запутанныя физіономіи, требующія уже мысли и творчества. Юморъ старается, по возможности, избѣжать передразниванья и гримасы (гримаса можетъ быть и граціозна, но она все—гримаса) и обращенъ на представленіе той оборотной стороны человѣка, которая присущна ему вмѣстѣ съ лицевой стороной и нисколько не унижаетъ его въ нравственномъ значеніи. Наконецъ и поэтическій элементъ уже не собирается въ однѣ извѣстныя точки и не бьетъ оттуда яркимъ огнемъ, какъ съ острія электрическаго аппарата, а болѣе ровно разлитъ по всему произведенію и способенъ принять множество оттѣнковъ. Таковы данныя, заключающіяся въ новыхъ разсказахъ г. Тургенева, и хотя полное развитіе ихъ еще впереди, но они уже принесли существенный плодъ. Читатель уже съ трудомъ можетъ найти теперь рѣзкую забавную фразу, которая годилась бы въ поговорку и едва на нѣсколько минутъ можетъ остановить глазъ свой на особенно выпуклыхъ мѣстахъ разсказа, которыя скоро и пропадаютъ изъ вида, но за то онъ легко находитъ мысль, поясняющую ему множество лицъ, существующихъ вокругъ него.

Понятно, что такое упрощеніе способовъ повѣствованія есть естественное послѣдствіе упрощеннаго взгляда автора на искусство и награда за него. Авторъ стоитъ уже хорошо вооруженный передъ явленіями жизни. Онъ обращенъ къ нимъ прямо лицомъ, и выборъ его падаетъ смѣло на многочисленныя группы ихъ, не ограничиваясь особенными привязанностями и предпочтеніями. Отсюда и разнообразіе содержанія, такъ какъ никакое явленіе не забраковано предварительными соображеніями, и отсутствіе рутины, такъ какъ всякое явленіе порождаетъ и особенный способъ передачи. Кстати будетъ замѣтить, что произведенія, основанныя на другихъ началахъ, никогда не достигнутъ той степени крѣпости, которая отличаетъ произведенія, явившіяся просто изъ созерцанія жизни безъ всякихъ посредниковъ. Первымъ всегда будетъ недоставать свободы: они живутъ въ узахъ, сплетенныхъ и скованныхъ для

нихъ еще раньше самаго рожденія ихъ. Не говоримъ о произведеніяхъ, порожденныхъ однимъ какимъ-либо литературнымъ направленіемъ, разъ навсегда укоренившимся въ умѣ писателя: предпочтеніе, оказываемое тогда какому-либо роду явленій, уже не допускаетъ повѣрки его всѣми другими и даетъ содержанію пьесы видъ рѣдкаго животнаго, хорошо сбереженнаго послѣ смерти его и хранимаго за стекломъ.

Опредѣливъ общій характеръ произведеній автора и способъ изложенія ихъ, любопытно посмотрѣть на самую сущность тѣхъ психическихъ фактовъ, которые послужили основаніемъ для послѣднихъ разсказовъ его. Здѣсь встрѣчаемся мы съ довольно замѣчательнымъ явленіемъ. Въ обѣихъ повѣстяхъ своихъ: „Два пріятеля“ и „Затишье“ г. Тургеневъ еще занимается типомъ, весьма хорошо извѣстнымъ въ литературѣ нашей. Въ теченіи послѣдняго десятилѣтія литература наша постоянно и во всѣхъ видахъ старалась передать нравственную физіономію человѣка съ развитой мыслію, но съ неопредѣленной волей и ничтожнымъ характеромъ, съ громкими задачами для жизни и большими требованіями отъ нея, но съ безсиліемъ къ исполненію самой малой доли житейскихъ обязанностей. Подмѣчено было въ этомъ существѣ и господство фразы не въ однихъ только словахъ, но и въ поступкахъ, потому что дѣйствіе, основанное на пустой вспышкѣ, на вздорномъ подражаніи, есть та же фраза, перенесенная только въ другую сферу. Существо это имѣло и другіе ясные родовые признаки. Такъ замѣтно въ немъ было отвращеніе отъ всякой ограниченной, то-есть истинно полезной дѣятельности, и требованіе какого-то безмѣрнаго круга, который оно никогда и опредѣлить не могло, да и въ которомъ непремѣнно потерялось бы, если бы даже возможно было его существованіе. Жизнь такого характера, несмотря на всѣ его возгласы, течетъ обыкновенно въ самой пошлой, обыденной колеѣ и самъ онъ отличается еще рѣзкой неполнотой: онъ добръ и золъ, образованъ и грубъ — всегда въ половину. Почти всѣ наши лучшіе повѣствователи, за исключеніемъ, можетъ быть, г. Григоровича, пробовали уяснить этотъ сложный характеръ, и даже у второстепенныхъ писателей, при каждомъ появленіи героя, встрѣчаете вы знакомыя черты, несомнѣнно отнятыя отъ первообраза, который господствуетъ надъ общей фантазіей. Такъ въ нѣкоторыхъ портретныхъ галереяхъ всѣ лица одной извѣстной эпохи, несмотря на особенности каждаго, имѣютъ одно общее выраженіе.

Однако же постоянное участіе какого бы то ни было типа въ цѣлой массѣ литературной производительности уже почти несомнѣнно доказываетъ его дѣйствительное существованіе между нами или можетъ быть въ насъ самихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ его способность

дробиться на множество частей и принимать многоразличные оттѣнки свидѣтельствуетъ также и о сложномъ составѣ самой идеи, обиліи ея содержанія, о множествѣ родниковъ, бѣгущихъ къ ней и способныхъ на особое, частное изслѣдованіе. Вотъ почему узнаете вы одно и то же лицо въ формахъ совершенно противоположныхъ, въ одеждѣ свѣтскаго чиновника господина и въ вѣчномъ халатѣ бурша, въ пустомъ резонерѣ, имѣющемъ претензію на идеализмъ, и въ праздномъ храбрецѣ, затѣявшемъ для себя роль практическаго человѣка, и т. д. Замѣчательно, что любимый типъ пропадаетъ въ искусствѣ только тогда, когда сильный талантъ внезапно или рядомъ послѣдовательныхъ очерковъ изобразитъ его во всей полнотѣ и самую идею, съ нимъ соединенную, исчерпаетъ до основанія. Съ этой поры прилежная работа писателей къ уясненію типа кончается, а начинается блѣдное подражаніе образу, данному сильнымъ талантомъ— кисть и созданіе покинуты, является работа, такъ-сказать, по трафарету. Несравненно важнѣе этого являнія тѣ послѣдствія для общества, которыя рождаетъ характеръ, вполнѣ доконченный, совершенно развитый въ искусствѣ: онъ начинаетъ пропадать мало-помалу въ средѣ самой жизни. Мы имѣемъ нѣсколько примѣровъ для потвержденія нашей мысли. Такъ, намъ кажется, что нѣкоторые типы „Горе отъ ума“ исчезли постепенно въ дѣйствительности, послѣ того, какъ показаны были во всей ясности общему сознанію. Намъ кажется также, что съ послѣдней главой „Евгенія Онѣгина“ наступило время преобразованія для всѣхъ тѣхъ въ сущности грубыхъ натуръ, которыя выставляли свой эгоизмъ какъ доблесть, спокойное, безотчетное презрѣніе къ другимъ какъ превосходство надъ ними и скуку въ праздности какъ почетное занятіе. Въ этомъ обратномъ дѣйствіи искусства на жизнь, особенно замѣтномъ у насъ, состоитъ его положительная связь съ нею и его моральное значеніе, въ которомъ могутъ сомнѣваться только поверхностные эстетики. Нѣтъ сомнѣнія, что и типъ, теперь занимающій насъ, получилъ бы художническую жизнь въ литературѣ нашей со всѣми тѣми послѣдствіями, о которыхъ говорено, если бы мы имѣли вполнѣ лицо Тентетникова. По нѣкоторымъ сохраненнымъ чертамъ мы можемъ заключить, что, не ограничиваясь однимъ комизмомъ характера, глубокомысленный писатель хотѣлъ еще возвысить его до идеала, показать его въ соединеніи съ несомнѣннымъ благородствомъ стремленій и объяснить вообще серьёзную сторону, свойственную ему. Тогда дѣйствительно типъ былъ бы завершенъ и оконченъ въ искусствѣ.

Но такъ какъ этого не случилось, то характеръ естественнымъ образомъ распадается отъ раздѣла между производителями на множество кусковъ и грозитъ со временемъ измельчаться и обѣднѣть.

Уже по одному природному сочувствію къ жизненнымъ явленіямъ, г. Тургеневъ не могъ оставить типъ этотъ безъ вниманія. Онъ является и въ прежнихъ его сочиненіяхъ, не забытъ и въ новыхъ. Въ повѣсти: „Два пріятеля"—еще одинъ герой ея Борисъ Андреичъ Вязовнинъ принадлежитъ къ семейству характеровъ, нами описанныхъ; въ повѣсти „Затишье" уже встрѣчаемъ два лица такого рода — самого героя Владиміра Сергѣича Астахова и удалого, поэтическаго Веретьева. Здѣсь любопытно наблюдать, какъ авторъ выразилъ одну и ту же мысль посредствомъ разныхъ лицъ, повидимому нисколько не схожихъ между собою.

Борисъ Андреичъ Вязовнинъ повѣсти „Два пріятеля", заѣхавшій въ деревню по домашнимъ обстоятельствамъ, знакомится съ сосѣдомъ, который гораздо ниже его по состоянію, уму, образованности и всѣмъ привычкамъ жизни, по которому онъ однакоже подчиняется отчасти добровольно, отчасти нехотя. Сосѣдъ по-просту сбирается женить Бориса Андреича и везетъ его сперва къ провинціальной львицѣ, потомъ въ почтенное семейство съ двумя образованными барышнями. Ни одна изъ этихъ знакомыхъ не получаетъ одобренія Вязовнина, потому что всѣ ужъ очень ясны своими забавными сторонами, но, къ великому изумленію сосѣда, Вязовнинъ останавливаетъ вниманіе свое на простой, бѣдной, не очень умной, но хорошенькой дѣвушкѣ. Она же притомъ и хозяйка отличная. Сосѣдъ сбитъ съ толку: онъ не понимаетъ, что господамъ, въ родѣ Вязовниныхъ, необходимы сильные нравственные удары для пробужденія ихъ чувствительности и что они склоняются обыкновенно или передъ старымъ опытнымъ кокетствомъ, или передъ рѣзкой идилліей. Вязовнинъ женился не по любви собственно, а по тому странному обману самого себя, который тоже свойственъ Вязовнинымъ. Въ извѣстныя эпохи (бо́льшею частію на поворотѣ къ старости) они насильственно сводятъ на землю и прикладываютъ къ текучимъ обстоятельствамъ свои прежнія грезы, то, что́ видѣли иногда въ неопредѣленныхъ надеждахъ и мечтаніяхъ. Женившись, Вязовнинъ открываетъ всю бѣдность нравственнаго существа своего. Онъ не въ состояніи подчиниться новому своему положенію; онъ хотѣлъ бы соединить двѣ противоположныя вещи — опредѣленность, благоразумную правильность женатой жизни съ колебаніями и порывами человѣка, отыскивающаго себѣ еще точку опоры. Самъ не зная, чего требовать отъ настоящаго, чего ожидать отъ будущаго, онъ составляетъ несчастіе жены, которая не можетъ и понять въ чемъ дѣло; наконецъ, просто въ одно утро убѣгаетъ изъ дома, который по наружности кажется такимъ тихимъ и счастливымъ. Онъ отправляется за границу, думая набрать моральной силы однимъ процессомъ дви-

женія и перемѣны мѣстъ, и случайно, отъ неосторожности, погибаетъ на переѣздѣ, освобождая жену свою, которая выходитъ замужъ за сосѣда. Такова мысль, заключенная въ этомъ небольшомъ разсказѣ: она развита безъ претензій и скромно таится въ обстановкѣ изъ провинціальнаго быта, между сценами и людьми, списанными очень вѣрно и ловко съ натуры.

Владиміръ Сергѣичъ Астаховъ, въ повѣсти „Затишье", тоже пріѣзжаетъ въ деревню и тоже по первому приглашенію добраго сосѣда отправляется знакомиться со всѣмъ околоткомъ. Скажемъ кстати, что изображеніе этого безцвѣтнаго характера сдѣлано авторомъ спокойно, неторопливо, безъ наговоровъ и съ большою умѣренностію. Кто знаетъ, какъ трудно изображать совершенно пустыхъ и вмѣстѣ совершенно приличныхъ людей, тотъ пойметъ, что въ передачѣ такого характера обнаруживается степень зрѣлости и силы авторскаго таланта. Астаховъ весь состоитъ изъ однихъ поползновеній къ чему-либо и называетъ себя практическимъ человѣкомъ, прикрывая титломъ этимъ неспособность къ пониманію благороднаго въ жизни и мысли. Онъ мягокъ до безсилія, но всегда сохраняетъ строгую физіономію, которая служитъ ему защитой отъ насмѣшекъ и, при случаѣ, спасаетъ даже отъ шутовскихъ промаховъ. При первомъ появленіи дикой, энергической барышни, Маши, въ домѣ Ипатова, онъ предается уже поползновенію любви, а когда показывается подруга ея, блестящая и рѣзвая Надежда Алексѣевна, онъ и къ ней начинаетъ питать нѣчто подобное. Но Астаховъ, на подобіе Сатурна, глотаетъ свои чувства или, лучше, свои поползновенія къ чувству, потому что люди, подобные ему, рѣдко находятъ взаимность и привѣтъ у мало-мальски порядочной женщины. Ощущенія ихъ слишкомъ чахлы, да притомъ успѣху мѣшаетъ и постоянная ихъ забота — смотрѣть за собою, беречь себя, стоять вѣчно на сторожѣ противъ чужого глаза и посягательства на ихъ достоинство. За этой тупой работой уже нѣтъ возможности предаться чему-либо другому, а еще менѣе такому чувству, которое именно подобную работу и исключаетъ. Рядомъ съ Астаховымъ, авторъ нарисовалъ широкими чертами портретъ Веретьева, который составляетъ, повидимому, совершенную противоположность съ первымъ. Веретьевъ исполненъ огня, удали, откровенной смѣлости. Онъ не боится выдать себя, потому что на себя надѣется, бодро смотритъ всѣмъ въ глаза, заливается цыганскими пѣснями, отдается теченію своихъ мыслей безъ оглядки и всегда сохраняетъ свою оригинальную красоту. Кажется, ничего не можетъ быть противоположнѣе съ Астаховымъ, а между тѣмъ это одно и то же лицо, одинъ и тотъ же человѣкъ, только при разницѣ темпераментовъ. Они родня, и братское сходство ихъ

заключается въ томъ, что оба они не имѣютъ истиннаго, нравственнаго основанія въ характерахъ. Они лишены содержанія. Сила и блескъ Веретьева суть явленія чисто-физическія, условливаемыя молодостью, свойствомъ раздражительности органовъ и обращенія крови. За ними нѣтъ ничего болѣе важнаго, никакой настоящей поэтической или моральной подкладки. Это обманъ, производимый накопленіемъ матеріальныхъ силъ и пропадающій вмѣстѣ съ растратой ихъ. Въ послѣднемъ случаѣ, съ наступленіемъ зрѣлыхъ годовъ, Веретьевы предаются искусственнымъ возбужденіямъ и въ непрерывномъ чаду донашиваютъ свою репутацію любезныхъ людей, какъ разорившійся богачь донашиваетъ старое платье, начинающее падать лохмотьями. Обезображенные излишествами всякаго рода, Веретьевы тѣмъ только и разнятся отъ Астаховыхъ, что, будучи почти всегда умнѣе ихъ, сознаютъ свое паденіе, но въ сущности конецъ ихъ одинаковъ. Оба влачатъ печальную, апатическую жизнь: тотъ, который по-степеннѣе, въ комфортѣ и окруженный приличными, серьёзными людьми; другой, который по-распущеннѣе,— на разныхъ перекресткахъ и окруженный точно такими же юношами, къ числу какихъ онъ самъ принадлежалъ нѣкогда. Онъ играетъ теперь роль старосты передъ ними... Такова мысль послѣдняго произведенія г. Тургенева.

Мы приведены къ необходимости сказать нѣсколько словъ о сущности мыслей, доступныхъ разсказу вообще, и это не потому, чтобы хотѣли отвѣчать на какія-либо системы и теоріи, а потому, что запросъ на мысль постоянно слышится въ самомъ обществѣ, какъ мы имѣли много случаевъ убѣдиться. При всякомъ появленіи замѣчательнаго произведенія раздаются въ публикѣ восклицанія въ родѣ: это хорошо но какая тутъ мысль и сколько тутъ мысли? Отыскивать причину такого упорнаго требованія мысли въ дѣлѣ искусства было бы слишкомъ долго, но замѣтимъ, что отъ молодыхъ, начинающихъ литераторовъ, общество, которое, по годамъ, ровесникъ литературы, ждетъ преимущественно *поученія*, а эстетическая форма, обиліе фантазіи и красота образовъ стоятъ уже на второмъ планѣ при оцѣнкѣ произведеній. Постоянныя хлопоты о мысли, которыми занята не одна публика, но и критика, сообщаютъ педагогическій характеръ изящной литературѣ вообще, какъ это мы видимъ не только въ нашемъ прошломъ, но и въ нашемъ настоящемъ. Съ одной стороны, кругъ дѣйствія литературы отъ этого, можетъ быть, и расширяется, но съ другой—онъ утрачиваетъ бо́льшую часть самыхъ дорогихъ и существенныхъ качествъ своихъ — свѣжесть пониманія явленій, простодушіе во взглядѣ на предметы, смѣлость обращенія съ ними. Тамъ, гдѣ опредѣляется относитель-

ное достоинство произведенія по количеству мысли и цѣнность его по вѣсу и качеству идеи, тамъ рѣдко является близкое созерцаніе природы и характеровъ, а всегда почти философствованіе и нѣкоторое лукавство. Не говоримъ уже о томъ, что на основаніи *мысли* легко быть судьею литературнаго произведенія всякому, кто признаетъ въ себѣ мысли (кто же не признаетъ ихъ въ себѣ), а на основаніи эстетическихъ условій это тяжелѣе. Не говоримъ также, что по существу критикъ, ищущихъ предпочтительно мысли, вся лучшая сторона произведенія, именно его постройка, остается почти всегда безъ оцѣнки и опредѣленія, но скажемъ, что обыкновенно и не тѣхъ мыслей требуютъ отъ искусства, какія оно призвано и способно распространять въ своей сферѣ. Подъ видомъ наблюденія за значеніемъ и внутреннимъ достоинствомъ произведенія, большею частію предъявляютъ требованія не на художническую мысль, а на мысль или философскую, или педагогическую. Съ такого рода мыслями искусство никогда имѣть дѣла не можетъ, да онѣ же много способствуютъ и къ смѣшенію всѣхъ понятій о немъ.

Извѣстно, что каждый изъ отдѣловъ изящнаго имѣетъ свой кругъ, свой циклъ идей, нисколько не сходныхъ съ идеями, какія можетъ производить до безконечности способность разсужденія вообще. Такъ есть музыкальная, скульптурная, архитектурная, а также и литературная мысль. Всѣ онѣ обладаютъ качествами полной самостоятельности и не могутъ быть перенесены изъ одного отдѣла въ другой безъ того, чтобъ, въ ту же минуту перемѣщенная мысль не сдѣлалась, вмѣсто истины, какою была на своемъ мѣстѣ, парадоксомъ и чудовищностію на другомъ. Даже подраздѣленіе родовъ еще обладаетъ своимъ особеннымъ кругомъ идей, равно неспособныхъ къ передвиженію и подмѣну. Вотъ почему никогда нельзя составить изъ хорошей повѣсти какую-либо, порядочную драму и, наоборотъ, переложить хорошую драму въ изящную повѣсть, чему поучительный примѣръ мы имѣемъ въ „Анжело“ Пушкина. Само собой разумѣется, что полный замѣнъ идеи какого-либо отдѣла идеей посторонней, чуждой ему, какъ бы она въ сущности ни была глубока и почтенна, уже ничего произвести не можетъ, кромѣ умствованія безъ цѣли въ критикѣ и ложнаго произведенія безъ жизни въ созданіи.

Насъ спросятъ: какого же рода циклъ идей принадлежитъ повѣствованію и въ чемъ состоитъ самая сущность его? Отвѣтъ не затруднителенъ. Развитіе психологическихъ сторонъ лица или многихъ лицъ составляетъ основную идею всякаго повѣствованія, которое почерпаетъ жизнь и силу въ наблюденіи душевныхъ оттѣнковъ, тонкихъ характерныхъ отличій, игры безчисленныхъ волне-

ній человѣческаго нравственнаго существа въ соприкосновеніи его съ другими людьми. Никакой другой „мысли“ не можетъ дать повѣствованіе и не обязано къ тому, будь сказано не во гнѣвъ фантастическимъ искателямъ мыслей. Гдѣ есть въ разсказѣ присутствіе психическаго факта и вѣрное развитіе его, тамъ уже есть настоящая и глубокая мысль. Всякому, разумѣется, дозволено находить, при случаѣ, что психическое положеніе разсказа или малозначительно, или избито, или, наконецъ, объяснено слишкомъ поверхностно (это часто такъ и бываетъ), но врядъ ли дозволено дѣлать разсказъ проводникомъ эфическихъ или иныхъ соображеній и по важности послѣднихъ судить о немъ. Ошибка тѣмъ страннѣе, что по связи всякаго лица съ эпохой, въ которой оно живетъ, хорошій разсказъ, не покидая своей скромной сферы, уже самъ по себѣ способенъ имѣть и совершенно художественное и совершенно современное достоинство, отвѣчать всѣмъ требованіямъ творчества и требованіямъ образованности, но эта сторона его не можетъ имѣть ясности математической и нуженъ взглядъ критика, чтобы открыть ее. Взамѣнъ, если повѣствованіе основано на чистой мысли, но выраженной, какъ всегда выражается такая мысль, посредствомъ невозможнаго или противу-эстетическаго душевнаго настроенія, то мысль уже не спасетъ разсказа, какъ бы сама по себѣ ни была свѣтла и благородна. Произведеніе останется все-таки плохимъ, впечатлѣніе, производимое имъ, будетъ слабо, и вліяніе совершенно ничтожно. Все это, повторяемъ, рѣшились мы сказать, имѣя въ виду нѣкоторую часть публики нашей, которая безпрестанно занята вопросомъ: есть ли тутъ мысль и насколько тутъ мысли?

И мы особенно благодарны автору за отсутствіе подобной отвлеченной мысли въ его произведеніяхъ, за предпочтеніе психическаго наблюденія и ясной передачи событія изложенію своего опыта или своихъ жизненныхъ идеаловъ, въ формѣ повѣствованія. Мы уже сказали, кажется, что въ новыхъ его произведеніяхъ качество, наиболѣе привлекающее читателя, есть дружеское, радушное отношеніе къ жизненнымъ явленіямъ вообще. Какъ выборъ, такъ и простое, здравое пониманіе ихъ показываютъ человѣка, способнаго найдти поэзію и художественную мысль на всѣхъ точкахъ горизонта, представляющагося глазу. Занимательность произведенія тутъ уже нисколько не зависитъ отъ педагогической идеи или отъ противоположности нравственнаго развитія и общественнаго положенія лицъ. Въ такой помощи авторъ уже не нуждается, занимательность у него рождается вмѣстѣ съ предметами и отъ способа представленія предметовъ. Вотъ почему настоящее достоинство разсказовъ совсѣмъ не въ описаніи типа, о которомъ мы сейчасъ говорили,

болѣе для показанія способа, ка́къ выражается истинная литературная мысль въ изящномъ произведеніи,—чѣмъ для утвержденія за авторомъ права на какое-либо важное открытіе и на особенную похвалу. Типъ этотъ слишкомъ общъ и вмѣстѣ слишкомъ раздробился: онъ безпрестанно просится въ дѣло и, вѣроятно, будетъ еще нѣсколько разъ являться у автора, но по самому свойству этому, врядъ ли найдетъ у него полное, совершенно законченное выраженіе для себя. Настоящее достоинство разсказовъ, по нашему мнѣнію, состоитъ именно въ обиліи прекрасныхъ мотивовъ, разсѣянныхъ по нимъ, во множествѣ картинъ, рождающихся безъ усилія и подготовки, въ легкой дѣятельности фантазіи, что́ уже почти всегда показываетъ полноту содержанія и зрѣлость таланта. По прочтеніи разсказовъ г. Тургенева, убѣждаешься невольно какъ въ богатствѣ предметовъ для описанія, находящемся подъ рукою автора, такъ и во внимательной жизни его между разнородными явленіями общества, которыя, по мѣрѣ разумнаго снисхожденія, оказываемаго имъ, всегда удесятеряются, множатся передъ глазами наблюдателя. Это залогъ дѣятельности, имѣющей обширное поле для разработки, и залогъ того, что она не будетъ стѣснена самимъ авторомъ, какъ это иногда случается у насъ.

Въ разборѣ нашемъ мы не говорили о женскихъ лицахъ послѣднихъ разсказовъ г. Тургенева, но они особенно подтверждаютъ все сказанное нами, такъ какъ въ женскихъ лицахъ примѣсь абстрактной, посторонней мысли является всего ощутительнѣе и, скажемъ, всего безобразнѣе. Пусть вспомнитъ читатель провинціальную львицу, развязную барышню, сосредоточенную въ себѣ Машу, эффектную Наталью Алексѣевну—всѣ онѣ имѣютъ полную самостоятельность и не нуждаются въ помощи идеи, какъ хромой въ помощи костыля, всѣ онѣ переданы въ разсказѣ почти какъ свѣжее воспоминанье и хранятъ на себѣ черты, унесенныя изъ жизни. Такъ всегда выражается прямое наблюденіе послѣдней, безъ помощи тусклой педагогической призмы и безъ умствованія, которое непремѣнно углубляетъ черты каждаго образа и дѣлаетъ его образомъ отчасти вѣрнымъ и отчасти сочиненнымъ. Точно такой же свободной передачей отличаются и нѣкоторыя сцены, исполненныя поэтическаго блеска: пусть вспомнитъ читатель пѣсню, распѣваемую на террасѣ Ипатова дома всѣмъ обществомъ его, подъ руководствомъ Веретьева, и лѣтнюю грозу, которая идетъ какъ-будто на встрѣчу удалой пѣснѣ и замыкаетъ ее. Все это носитъ признаки естественной поэтической воспріимчивости автора, а на ней только и созидаются произведенія истинно изящныя. Горькій, болѣзненный опытъ, воображеніе, распаленное уединенной мыслію, размышленіе, доведенное до состоянія экстаза или вос-

торженности, разрѣшаются обыкновенно произведеніями, имѣющими свое относительное достоинство, но по бо́льшей части неудачными отъ разнородной смѣси, которую представляютъ. Отъ нихъ уже нельзя ожидать полноты эстетическаго наслажденія, которое поминутно прерывается и безпрестанно возмущено грубостію первыхъ поводовъ. Они имѣютъ видъ тѣхъ малорослыхъ и кривыхъ растеній, которыя поражаютъ иногда пышной зеленью на одной вѣтви, между тѣмъ какъ всѣ другія остаются голыми и безобразными.

Здѣсь обязаны мы сдѣлать нѣсколько замѣчаній, и ими заключимъ нашъ бѣглый обзоръ литературной дѣятельности г. Тургенева. Замѣчанія не будутъ относиться къ формѣ изложенія, потому что нѣкоторые легкіе недостатки его есть послѣдняя дань автора старому направленію, отыскивавшему преимущественно частной, мѣстной выразительности, и, вѣроятно, пропадутъ сами собой, подобно тому, какъ потокъ, нашедшій правильный выходъ, быстро очищается отъ постороннихъ веществъ. Гораздо важнѣе этого нѣкоторые существенные недостатки, уже требующіе вниманія и творческихъ усилій со стороны автора. Прежде всего замѣтимъ, что онъ еще не вполнѣ дописываетъ свои лица и образы, отчего имъ и не достаетъ совершенной очевидности и слишкомъ много въ нихъ предоставлено отгадкѣ читателя. Тутъ осторожность созданія повредила ясности его. Между картиной, рѣзко передающей очертанія предметовъ, и бѣглымъ абрисомъ, не чисто обозначающимъ тѣ же очертанія, есть еще середина, на которой мы и желали бы видѣть автора. Большая часть его лицъ написана не во весь ростъ, а только въ половину и даже менѣе: представленъ одинъ только бюстъ ихъ; большая часть его лицъ также взята въ профиль; полнаго облика ихъ мы не имѣемъ, а для замѣчательнаго произведенія, какого читатели въ правѣ ожидать отъ г. Тургенева, необходимы прежде всего удовлетворительные размѣры и затѣмъ смѣлость высказать все свое содержаніе. Далѣе мы находимъ, что еще не всѣ лица и характеры автора совершенно оторваны отъ дѣйствительности и перенесены въ искусство. Многіе и очень многіе еще сохраняютъ видъ портретовъ и не очищены отъ неразумныхъ случайностей, отъ подробностей, не имѣющихъ смысла, какія съ перваго взгляда встрѣчаются на самомъ дѣлѣ въ жизни, но какія не могутъ быть приняты въ искусствѣ. Очищеніе и поясненіе ихъ составляетъ сущность изящнаго вообще, какъ извѣстно. Правда, что цѣликомъ переносить изъ дѣйствительности образы легче, чѣмъ вдумываться въ нихъ, чѣмъ отыскивать слово, оправдывающее какую-либо загадочную пустоту или странность, чѣмъ приводить въ порядокъ нравственныя черты характеровъ, всегда нѣсколько спутанныя въ природѣ; но безъ этого

труда нѣтъ созданія, а стало быть и того полнаго впечатлѣнія, какое оставляетъ по себѣ всякое созданіе.

Если бы кто нашелъ противорѣчіе въ нашихъ словахъ съ тѣмъ, что́ мы говорили о прямомъ отношеніи въ жизненнымъ явленіямъ, тотъ ошибся бы. Именно, изъ соединенія художественнаго труда съ простымъ взглядомъ на предметы, терпимостію и поэтическимъ пониманіемъ жизни являются тѣ стройныя, ясныя и вмѣстѣ мудрыя въ простотѣ своей созданія, которыя остаются памятниками въ литературѣ. Мы не знаемъ чѣмъ завершитъ свою дѣятельность г. Тургеневъ, но уже довольно ясно видимъ его стремленія къ высшему роду повѣствованія, въ которомъ событія и характеры, выставленные спокойно, безъ всякой утайки и вмѣстѣ безъ наговора, сами въ себѣ носятъ свой судъ, приговоръ и мысль, присущую имъ. Что за дѣло, что нѣкоторымъ избраннымъ дѣятелямъ этотъ способъ созданья, такъ сказать, врожденъ и что они съ него именно и начинаютъ, между тѣмъ какъ другіе завладѣваютъ имъ только послѣ ряда предварительныхъ опытовъ и постояннаго размышленія объ условіяхъ искусства. Заслуга отъ того не становится меньше, потому что истина не измѣняется, смотря по тому, какъ была отыскана, внезапно или постепенно. Она все останется истиной, а сущность самаго таланта автора, всегда обращеннаго къ живой сторонѣ предметовъ, уже не допуститъ ни старческой вялости, ни болѣзненной блѣдности, иногда поражающихъ плоды, рожденные однимъ опытомъ и размышленьемъ.

Отъ г. Тургенева переходимъ къ писателю, который особенно отличается твердой отдѣлкой своихъ произведеній и который всего болѣе можетъ подкрѣпить своимъ примѣромъ замѣчанія наши о роли, какую призвана играть „мысль“ въ искусствѣ.

Авторъ „Исторіи четырехъ эпохъ“ далъ публикѣ еще только описаніе двухъ первыхъ эпохъ своихъ, именно: „Дѣтство“ и „Отрочество“, но уже способъ созданья его достаточно уяснился и можетъ быть оцѣненъ критикой. Онъ, разумѣется, говоритъ отъ себя и про себя, но здѣсь обыкновенные недостатки формы личнаго разсказа могли быть отстранены съ успѣхомъ по существу дѣла. Авторъ передаетъ намъ дѣйствительное развитіе собственнаго нравственнаго существа съ той минуты, когда мысль, какъ синій огонекъ разгорающагося газоваго проводника, едва-едва теплится, не освѣщая еще вокругъ себя ничего, до тѣхъ поръ пока, съ развитіемъ организма, она все болѣе и болѣе крѣпнетъ и начинаетъ ярко озарять предметы и лица. Само собой разумѣется, что строгость психическаго

наблюденія, необходимаго при этомъ, уже должна была исключить произволъ, развязность въ пріемахъ и игру съ предметомъ описанія. Разсказы гр. Л. Н. Толстого имѣютъ строгое выраженіе и отсюда тайна впечатлѣнія, производимаго ими на читателя. Съ необычайнымъ вниманіемъ слѣдитъ онъ за нарождающимися впечатлѣніями сперва ребенка, а потомъ отрока, и каждое слово его проникнуто уваженіемъ какъ къ задачѣ, принятой имъ на себя, такъ и къ возрасту, который столько же имѣетъ неразрѣшимыхъ вопросовъ, нравственныхъ паденій и переворотовъ, сколько и всякой другой возрастъ. Все это не могло остаться безъ послѣдствій. Полнота выраженія въ лицахъ и предметахъ, глубокія психическія разъясненія и, наконецъ, картина нравовъ извѣстнаго свѣтскаго и строго приличнаго круга, картина, написанная такой тонкой кистью, какой мы уже давно не видѣли у себя при описаніяхъ высшаго общества, были плодомъ серьёзнаго пониманія авторомъ своего предмета. Вмѣстѣ съ тѣмъ изображеніе первыхъ колебаній воли, сознанія, мысли у ребенка, благодаря тому же качеству, возвышается у автора до исторіи всѣхъ дѣтей извѣстнаго мѣста и извѣстной эпохи, и какъ исторія, написанная поэтомъ, она уже заключаетъ, рядомъ съ поводами къ эстетическому наслажденію, и обильную пищу для всякаго мыслящаго человѣка.

Замѣчательная дѣятельность мысли была уже необходима, разумѣется, автору для представленія молодого существа, жизнь котораго есть только развитіе идей, въ чемъ, между прочимъ, дѣти сходятся со многими писателями — разница только въ значеніи и качествѣ идей. Но при участіи мысли въ созданіи — первый вопросъ, представляющійся обсужденію, всегда одинъ: какъ проявляется мысль у автора? Повѣствованіе гр. Л. Н. Толстого имѣетъ многія существенныя качества *изслѣдованія*, не имѣя ни малѣйшихъ внѣшнихъ признаковъ его и оставаясь, по преимуществу, произведеніемъ изящной словесности. Искусство здѣсь находится въ дружномъ отношеніи къ мысли, постоянно присутствующей въ разсказѣ, и указать способъ, какимъ образомъ совершилось это примиреніе — значитъ подтвердить живымъ примѣромъ основныя положенія нашей статьи.

Прежде всего должно замѣтить, что авторъ всегда держится перваго жизненнаго условія всякаго художественнаго повѣствованія: онъ не пытается извлечь изъ предмета описанія то, чего онъ дать не можетъ, и поэтому не отступаетъ ни на шагъ отъ простого психическаго изслѣдованія его. Нѣтъ признаковъ противоэстетическаго смѣшенія цѣлей въ разсказахъ гр. Л. Н. Толстого—ничего не приноситъ онъ имъ извнѣ, заготовленнаго другими, такъ же какъ отстраняетъ

отъ нихъ вліяніе какихъ-либо любимыхъ идей, почерпнутыхъ въ особенномъ представленіи общества и человѣка, болѣе или менѣе благородномъ, болѣе или менѣе имѣющемъ похвальную цѣль. Онъ избѣгнулъ этихъ пятенъ современной литературы: оттого и содержаніе произведеній его имѣетъ здоровый видъ, убѣдительность и ясность почти физическихъ предметовъ. Онъ зорко смотритъ на себя и вокругъ себя, и мысль его въ обоихъ случаяхъ устремлена только на то, чтобъ показать сущность характеровъ и происшествій за внѣшними подробностями, затемняющими ихъ значеніе для менѣе проницательныхъ глазъ. Когда достигаетъ онъ поясненія ихъ ихъ же природными свойствами, онъ останавливается, не заботясь о томъ, какой видъ начинаютъ они принимать послѣ того: работа его кончилась, и это мы называемъ художнической работой.

Затѣмъ любопытно посмотрѣть на самое приложеніе его психическаго анализа къ дѣлу. Едва вспоминаетъ онъ какое-либо дѣтское ощущеніе, какую-либо раннюю попытку ребяческой мысли, какъ въ то же время представляется ему давленіе этой мысли на самый характеръ молодого человѣка и цѣпь случаевъ, происшествій, вызванныхъ ею; другими словами, онъ облекаетъ ее въ форму искусства, даетъ ей плоть и настоящее бытіе въ области изящнаго. Въ какомъ вѣрномъ отношеніи находятся эти результаты съ первымъ поводомъ, родившимъ ихъ, читатель можетъ убѣдиться самъ въ разсказахъ гр. Л. Н. Толстого. Рѣдкіе писатели такъ логически послѣдовательны, такъ строго вѣрны своимъ идеямъ и рѣдкіе такъ сильно убѣждены въ единствѣ мысли и поступка, какъ онъ. Все это показываетъ, во-первыхъ, истинное пониманіе сущности автобіографіи, а во-вторыхъ, глубокое его познаніе самой природы того возраста, котораго онъ сдѣлался историкомъ. При этомъ живомъ, художественномъ объясненіи дѣтства есть одна черта у автора, которая обнаруживаетъ его способность пониманія предметовъ чисто поэтически, именно: онъ вѣруетъ въ жизненное дѣйствіе организма и съ настоящимъ чувствомъ поэта уловляетъ ту минуту, когда природа сама по себѣ, безъ всякаго пособія со стороны, даетъ искру мысли, первый признакъ чувства и первую наклонность. Онъ слѣдитъ потомъ за ходомъ ихъ во всемъ ихъ извилистомъ полетѣ черезъ множество ощущеній и случаевъ, которые они окрашиваютъ своимъ цвѣтомъ. Какъ поступаетъ авторъ въ отношеніи самого себя, своей внутренней исторіи, такъ поступаетъ онъ и въ отношеніи внѣшней обстановки, гдѣ судьба опредѣлила ему находиться. Онъ не обсуждаетъ тотъ кругъ, куда былъ поставленъ, и который, не очень глубоко и серьёзно понимая вещи, бережетъ только внѣшній видъ достоинства

и благородства: онъ его описываетъ. Кругъ этотъ служитъ рамой для автора, гдѣ вращается повѣствованіе его о странствіяхъ дѣтской мысли, безпрестанно возникающей по закону собственной производительности. Отношенія между кругомъ и юнымъ наблюденіемъ, старающимся разгадать его и испытывающимъ на себѣ его вліяніе, составляетъ хронику, исполненную занимательности, перипетій и катастрофъ, которыя, къ удивленію читателя, оковываютъ его вниманіе, какъ перипетіи и катастрофы драматическихъ героевъ. И такимъ образомъ, изъ представленія параллельнаго хода жизненныхъ явленій и психическихъ движеній образуется у него разсказъ, исполненный мысли и вполнѣ художественный.

Само собой разумѣется, что если таково общее впечатлѣніе его разсказовъ, то и всѣ подробности ихъ отличаются тѣмъ же характеромъ. У повѣствователя нашего уже почти нѣтъ малозначительныхъ внѣшнихъ признаковъ для лица, ничтожныхъ подробностей для событія. Наоборотъ, каждая черта въ тѣхъ и другихъ доведена до значенія, иногда до разумности, смѣемъ выразиться, поражающей даже и такіе глаза, которые отъ привычки къ темнотѣ мало способны къ различенію предметовъ. Отсюда рождается замѣчательная выпуклость какъ лицъ, такъ и происшествій. Авторъ доводитъ читателя, неослабной провѣркой всего встрѣчающагося ему, до убѣжденія, что въ одномъ жестѣ, въ незначительной привычкѣ, въ необдуманномъ словѣ человѣка скрывается иногда душа его, и что они часто опредѣляютъ характеръ лица такъ же вѣрно и несомнѣнно, какъ самые яркіе, очевидные поступки его. Обѣ части разсказа наполнены подобными изображеніями роли второстепенныхъ и третьестепенныхъ признаковъ въ жизни человѣка, но особенно выказалось это присутствіемъ мысли, наполняющей содержаніемъ все, до чего она коснулась, въ главахъ второго разсказа: „Отрочество“. Въ одной изъ нихъ, напримѣръ, авторъ рисуетъ способъ держаться двухъ подругъ, Любоньки и Катеньки, и не говоря ни слова о разницѣ ихъ характеровъ, открываетъ нравственную сущность обѣихъ дѣвушекъ — въ манерѣ ходить, носить голову, складывать руки, говорить съ людьми и смотрѣть на подходящаго — возвышая такимъ образомъ незначительные внѣшніе признаки до вѣрныхъ, глубокихъ психическихъ свидѣтельствъ. Происшествія въ разсказѣ имѣютъ точно такое же значеніе: вездѣ это переводъ мысли на дѣло, на существенность. Каждая дробная часть душевной, нравственной жизни отражается у автора въ такомъ же дробномъ, мелкомъ, но граціозномъ и вѣрномъ случаѣ. Истина обоихъ, какъ перваго повода, такъ и результата, особенно подтверждается тѣмъ, что въ разсказѣ гр. Л. Н.

Толстого нѣтъ признака анахронизмовъ или хронологическаго смѣшенія происшествій. Впечатлѣнія и событія дѣтства простѣе, наивнѣе, граціознѣе впечатлѣній и событій отрочества, которыя становятся сложнѣе, запутаннѣе, разсудочнѣе и потому драматичнѣе. Вотъ почему мысль и оболочка ея въ области искусства, т.-е. характеры, образъ и событія слиты у автора и представляютъ одно цѣлое, дѣйствующее сильно и благодѣтельно на читателя.

Мы возстали противъ авторскаго вмѣшательства вообще въ разсказъ, но, конечно, подобное изложеніе двухъ первоначальныхъ эпохъ жизни не могло быть сдѣлано иначе, какъ возмужалой рукой, которая вездѣ и проглядываетъ. Вмѣшательство автора тутъ, однако же, отходитъ въ общую систему, которая, какъ можно замѣтить, присутствовала при сочиненіи разсказовъ. Оно допущено какъ поясненіе того, чтó смутно лежитъ въ представленіи ребенка, но чтó уже лежитъ въ немъ — несомнѣнно. Авторъ дѣлается только толмачемъ дѣтскихъ впечатлѣній. Такъ буря на дорогѣ во второмъ разсказѣ, столь превосходно описанная, конечно, не такъ полно и подробно могла отразиться въ воображеніи ребенка, но она отразилась въ немъ цѣликомъ, грудой, уже заключавшей всѣ подробности, уловленныя и опредѣленныя впослѣдствіи. Возмужалый авторъ только ихъ развилъ, извлекъ изъ темнаго представленія для ясной, поэтической картины и ею пояснилъ себѣ то, чтó въ первые годы только чувствовалъ. Таково и вездѣ его вмѣшательство.

Оставляемъ нѣкоторыя критическія замѣчанія до полнаго выхода произведенія гр. Л. Н. Толстого, но скажемъ теперь же, что если послѣднія двѣ части его разсказа, которыхъ ожидаемъ съ нетерпѣніемъ, будутъ надѣлены такой же дѣльной мыслію и такимъ же изложеніемъ многоразличныхъ ея проявленій въ жизни, то мы можемъ теперь же поздравить себя съ замѣчательнымъ литературнымъ явленіемъ. Конечно, послѣдующая работа автора гораздо труднѣе, чѣмъ та, которую онъ уже представилъ публикѣ: дѣтство и отрочество имѣютъ въ самомъ себѣ много такого, чтó подкупаетъ и привлекаетъ читателя: эпохи юношества и возмужалости уже требуютъ изображенія характера, который по сущности своей, по своимъ стремленіямъ и даже по своимъ паденіямъ достоинъ былъ бы усилій и изысканій мысли. Тутъ предстоитъ опасность—встрѣтить разнорѣчивыя мнѣнія о человѣкѣ, чего вполнѣ можетъ избѣгнуть эпоха дѣтства, имѣющая въ себѣ и полное свое оправданіе. Не будемъ, однако же, загадывать напередъ, а скорѣе полагаться на природную силу таланта въ авторѣ, которую онъ особенно показалъ въ сферѣ искренняго и глубокаго разъясненія душевныхъ оттѣнковъ. Судя даже по

тому, что́ теперь имѣемъ отъ него, мы уже съ полнымъ убѣжденіемъ причисляемъ гр. Л. Н. Толстого къ лучшимъ нашимъ разсказчикамъ и ставимъ его имя на ряду съ именами гг. Гончарова, Григоровича, Писемскаго и Тургенева, именами, которыя, конечно, останутся въ памяти читателей и на страницахъ исторіи русской словесности и будутъ почтены добрымъ словомъ какъ тамъ, такъ и здѣсь.

„Современникъ.“ 1855, № 1.

С. Т. АКСАКОВЪ

и его

„СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА“.

Авторъ „Записокъ ружейнаго охотника“, „Разсказовъ и воспоминаній охотника“, книги „Объ уженьѣ“ и превосходной біографіи М. П. Загоскина выступилъ въ нынѣшнемъ 1856 году съ новымъ произведеніемъ, которое, по достоинству изложенія, нисколько не уступаетъ поименованнымъ нами и уже справедливо оцѣненнымъ публикою, а по обилію, разнообразію и интересу своего содержанія далеко оставляетъ ихъ за собой и есть, конечно, одно изъ самыхъ важныхъ пріобрѣтеній отечественной литературы.

Книга С. Т. Аксакова дѣлится, какъ извѣстно, на „Семейную Хронику“ фамиліи Багровыхъ и на собственныя воспоминанія автора. Принявъ за правило уважать всякое намѣреніе писателя, мы оставимъ это дѣленіе во всей его силѣ, но только скажемъ, что въ „Семейной Хроникѣ“ С. Т. Аксаковъ оказывается, по бóльшей части, совсѣмъ не лѣтописцемъ, а полнымъ и совершеннымъ творцомъ типовъ и характеровъ, какъ любой повѣствователь или романистъ. Въ „Воспоминаніяхъ“ совсѣмъ другое дѣло; тамъ выступаетъ впередъ очевидецъ, и разсказы его имѣютъ вѣрность и занимательность настоящихъ „Записокъ“, между тѣмъ какъ въ „Семейной Хроникѣ“ на первомъ планѣ стоятъ авторъ и то, чтó мы называемъ *свободнымъ творчествомъ*. Нужды нѣтъ, если характеры и лица, выведенныя въ ней, составлены по живымъ преданіямъ и воспоминаніямъ семейства Багровыхъ: они все-таки *составлены* авторомъ. Такъ точно составляются иногда лица многихъ чисто художественныхъ произведеній, принадлежащія, конечно, обществу, но не принадлежащія никому исключительно въ обществѣ. Слѣды обработки характера и предмета по законамъ художественности и свободнаго творчества видны на каждомъ шагу въ „Семейной Хроникѣ“, и если лишаютъ ее достоинствъ лѣтописи и современной записки, то взамѣнъ сообща-

ютъ ей дорогія качества превосходнаго литературнаго созданія. Одно другого стоитъ. Во всей „Семейной Хроникѣ“ только лицо скрытнаго, свирѣпаго и развратнаго Куролесова не обработано художнически и носитъ на себѣ печать *голаго преданія;* да оно и не могло быть обработано. Конечно, можно поспорить съ почтеннымъ авторомъ въ томъ, будто полное изображеніе такихъ лицъ невозможно потому, что представило бы повѣсть слишкомъ отвратительную (стр. 72). Гнусное и отвратительное въ этомъ случаѣ превращаются въ способъ для достиженія высшихъ цѣлей: они образуютъ путь къ назиданію, къ строгому нравственному поученію: но дѣло въ томъ, что описаніе такого лица возможно лишь человѣку, бывшему очевидцемъ его поступковъ и наблюдателемъ его душевнаго состоянія. Дапиловъ и Болотовъ могли бы изобразить его во всей подробности, не оскорбляя читателя, а, напротивъ, поучая картиной нравственнаго паденія человѣка, когда нѣтъ силы и мѣръ для обузданія его дикой воли. Препятствіе состоитъ единственно въ томъ, что современному художнику невозможно *угадать* психическаго состоянія подобнаго существа, ясно сложить въ умѣ своемъ звѣрскія качества души его и указать ходъ развитія и самую сущность ихъ. Куролесовы дѣйствительно нуждаются только въ лѣтописяхъ: они внѣ искусства и художнику недоступны: а С. Т. Аксаковъ, какъ мы сказали, началъ и остался художникомъ въ „Семейной Хроникѣ“ Багровыхъ. За исключеніемъ Куролесова, всѣ остальныя лица „Хроники“ обдѣланы имъ въ смыслѣ собственной своей творческой мысли, приноровлены къ главному понятію, которое составилъ о нихъ самъ авторъ, очищены отъ всѣхъ случайностей, которыя въ жизни такъ часто путаютъ характеръ и насилуютъ его до измѣны самому себѣ. Вотъ почему „Семейную Хронику“ считаемъ мы чисто литературнымъ произведеніемъ, несмотря на огромную долю настоящихъ, жизненныхъ чертъ, какія вошли въ составъ ея, и положительную истину всѣхъ событій, въ ней разсказываемыхъ. Съ этой точки зрѣнія мы будемъ смотрѣть на характеры и лица, выводимыя передъ нами художникомъ, и теперь же скажемъ, что онъ успѣлъ создать два типа, останавливающіе преимущественно вниманіе читателя и затемняющіе всѣ остальные въ его повѣствованіи — типъ Степана Михайловича Багрова и типъ Софьи Николаевны Зубиной (Женитьба молодого Багрова, стр. 97—164), дѣда и матери того Багрова, отъ имени котораго С. Т. Аксаковъ ведетъ самую хронику.

Конечно, въ русской литературѣ немного найдется типовъ, болѣе ясныхъ, исполненныхъ съ бо́льшею художественностью и болѣе благородныхъ. „Хроника“ открывается картиной переселенія Степана Михайловича Багрова, съ семействомъ и крестьянами, изъ

Симбирской въ Оренбургскую губернію. Не будемъ останавливаться на описаніи роскоши и приволья новыхъ мѣстъ, отысканныхъ помѣщикомъ, на мастерскомъ изложеніи перваго поселенія крестьянъ въ благодатномъ краѣ, тогда еще пустынномъ. Все это сдѣлано съ тѣмъ чувствомъ истины и поэзіи, которымъ авторъ обладаетъ въ высшей степени. Видно, что онъ съ дѣтства жилъ охваченный всѣми явленіями мѣстной природы, долго питался ея крѣпительными ощущеніями и принялъ въ себя мысль и душу ея. Это природный сынъ русской степи, и, когда заговоритъ онъ о ней, возстаютъ чудныя картины передъ читателемъ: вся груда впечатлѣній, накопленныхъ авторомъ долгимъ наблюденіемъ, выходитъ прозрачной, свѣтлой рѣкой въ его изложеніи, и рѣка эта катитъ безпрестанно свои чистыя волны, несетъ поминутно новыя подробности, новыя соображенія для картины и увлекаетъ за собой неудержимо сердце и воображеніе читателя. Нѣтъ возможности противиться теченію ея, когда разъ уже попала туда мысль ваша, и, замѣтьте, въ превосходныхъ описаніяхъ автора не встрѣтишь рѣзкой черты, вырванной у природы чрезвычайно напряженнымъ вниманіемъ, случайной подробности, радостно и торопливо схваченной наблюденіемъ: все полно, просто и взято въ обыкновенную минуту. Природа выказывается у автора только своими вѣчными сторонами и никогда не является въ видѣ куртизанки, разукрашенной на славу. Она поэтически обыкновенна и качествомъ этимъ подчиняетъ своему вліянію одинаково и грубый глазъ городского жителя и сердце, уже настроенное на любовь и сочувствіе къ ней. Въ нынѣшнемъ описаніи оренбургской мѣстности присоединилось ко всѣмъ другимъ качествамъ обыкновеннаго г. Аксакову изложенія еще новое: теплая и какая-то радостная благодарность природѣ за неисчислимыя наслажденія, открытыя ею нашему автору почти съ самаго дня его рожденія. Описаніе пріобрѣтаетъ чудный лирическій оттѣнокъ, и дѣйствіе его на душу читателя удвоется.

Но спѣшимъ къ Степану Михайловичу Багрову. Онъ поселился въ новой своей деревнѣ, выросшей словно изъ земли по его мановенію, и авторъ приступаетъ къ разбору его характера. Чудное лицо возстаетъ тогда подъ перомъ его. По нашему мнѣнію, это типъ, имѣющій сильное родовое сходство съ типами Вальтеръ-Скотта, и вотъ когда только является въ литературѣ нашей нѣчто подобное съ способомъ воззрѣнія на міръ знаменитаго шотландца и съ его способомъ передавать образы и лица. Степанъ Михайловичъ — это олицетвореніе доблести стараго поколѣнія, пропадающаго съ каждымъ днемъ, выраженіе той нравственной высоты, которая была ему доступна, а вмѣстѣ и выраженіе его недостатковъ. Степанъ Михай-

ловичъ — патріархъ въ своемъ семействѣ и въ своемъ помѣстьѣ, предъ волей его трепещутъ всѣ, отъ мала до велика; но онъ патріархъ не по одной только власти родоначальника, главы дома, хозяина. Онъ выше всѣхъ окружающихъ его и по строгимъ понятіямъ о чести, правдѣ, прямотѣ, за которыми неусыпно слѣдитъ кругомъ себя; онъ строго наказываетъ малѣйшее отступленіе отъ той нравственной идеи, которой можетъ считаться живымъ и единственнымъ представителемъ въ семействѣ. Мы сказали единственнымъ потому, что новое поколѣніе, какъ видно изъ разсказовъ С. Т. Аксакова, уже плохо понимаетъ нравственную идею отца, тяготится ею и сильно нуждается во внѣшнихъ, матеріальныхъ, физическихъ побужденіяхъ для сохраненія ея въ цѣлости. Не будемъ говорить, въ какихъ формахъ производятся эти ограниченія произвола, эти спасительныя наказанія отступниковъ, возвращающія ихъ опять, хотя и не на долгое время, подъ власть нравственной идеи и того, кто состоитъ единственнымъ ея обладателемъ. Формы эти принадлежатъ духу вѣка и времени. С. Т. Аксаковъ имѣетъ еще то сходство съ Вальтеръ-Скоттомъ, что нисколько не робокъ передъ обычаями, даже отжившими, хорошо понимаетъ ихъ историческую необходимость и ни на кого не слагаетъ отвѣтственности за нихъ. На первыхъ страницахъ своего повѣствованія онъ говоритъ:

„Дѣдушка, сообразно духу времени, разсуждалъ по своему: наказать виноватаго мужика тѣмъ, что отнять у него собственные дни, — значитъ, вредить его благосостоянію, т.-е. своему собственному; наказать денежнымъ взысканіемъ—тоже... прибѣгнуть къ полиціи. Боже, помилуй! да это казалось такимъ срамомъ и стыдомъ, что вся деревня принялась бы выть по виноватомъ, какъ по мертвомъ, а наказанный счелъ бы себя опозореннымъ, погибшимъ“ (Стр. 14).

Слѣдствіе, которое вытекаетъ изъ такого правила, было понятно и другимъ подсудимымъ ему, кромѣ мужика. Какимъ же образомъ явилось то раздвоеніе въ семьѣ Багрова, которое лучше всѣхъ чиселъ и этнографическихъ соображеній возвѣщаетъ, что Степанъ Михайловичъ принадлежитъ уже къ послѣднимъ родоначальникамъ въ его духѣ? Всѣ окружающіе выросли подъ его мощной рукой и зоркимъ глазомъ; тѣ, которые пришли извнѣ, подчинились его вліянію до потери всякаго самостоятельнаго чувства; понудительныхъ средствъ тоже не мало находилось въ его рукахъ, и не скупъ былъ онъ на нихъ, повидимому, и, совсѣмъ тѣмъ, какъ власть его, такъ и нравственное направленіе безпрестанно нарушаются, и даже, судя по нѣкоторымъ намекамъ, еще смѣлѣе въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они сильнѣе требовали подчиненности и уваженія. Съ замѣчатель-

нымъ художническимъ инстинктомъ, С. Т. Аксаковъ разсказываетъ шалости домашнихъ съ человѣкомъ, который шутокъ не любилъ вообще, а, наконецъ, въ статьѣ: Михайло Максимовичъ Куролесовъ— явное и страшное нарушеніе со стороны семейства основныхъ правилъ главы дома. Воспользовавшись отлучкой его, семейство Степана Михайловича рядомъ мелкихъ хитростей, основанныхъ на мелкотѣ побужденій и отсутствіи всякаго нравственнаго начала, выдаетъ молодую Багрову, двоюродную сестру старика, замужъ за человѣка, ужаснаго по душевнымъ качествамъ, и приводитъ ее на край гибели, которую прямой и чрезвычайно прозорливый Степанъ Михайловичъ уже ясно видѣлъ и старался отклонить. Въ третьемъ разсказѣ, Женитьба молодого Багрова, обнаруживается съ меньшимъ успѣхомъ, конечно, но не съ меньшимъ упорствомъ злое и коварное себялюбіе домочадцевъ старика Багрова въ отношеніи невѣсты и потомъ жены его сына; потребна была вся твердость главы семейства, вся относительно неизмѣримая, нравственная высота его, чтобъ не поддаться ничтожной интригѣ, опутавшей его со всѣхъ сторонъ, и увидать за ней настоящее дѣло. Какъ изъяснить мелкоту всѣхъ нравственныхъ свойствъ, душевную ограниченность людей передъ такимъ примѣромъ, подъ такой дисциплиной и при такомъ неутомимомъ требованіи истины и благородства въ чувствахъ? Дѣло только отчасти поясняется тѣмъ, что глава не всегда былъ вѣренъ самому себѣ и не всегда могъ служить образцомъ для другихъ. На этого почтеннаго и, въ сущности, добросердечнаго человѣка нападали, при случаѣ, такія вспышки гнѣва и бѣшенства, что онъ превращался въ звѣря, и только долгій, глубокій сонъ возвращалъ ему потерянный умъ (стр. 31). Конечно, подобныя явленія способны ослабить нравственное впечатлѣніе; но они, во-первыхъ, были въ духѣ вѣка, съ котораго еще не сошла дикая энергія, признакъ силы безъ разумнаго употребленія ея; а во-вторыхъ, за этими явленіями оставалось непомраченное поле всѣхъ другихъ высокихъ качествъ. Степанъ Михайловичъ былъ благодѣтелемъ околотка, и притомъ благодѣтелемъ, не считавшимъ своихъ пожертвованій; удивительная чуткость къ добру и достоинству рѣдко оставляла его; онъ умѣлъ чувствовать свои недостатки и косвенно просить въ нихъ извиненія, какъ въ той превосходной сценѣ, когда, послѣ ужаснаго пароксизма бѣшенства, онъ со слезами на глазахъ встрѣчаетъ смѣлую невѣстку и говоритъ:

„Вотъ и больная невѣстка себя не пожалѣла, встала, одѣлась и пришла развеселить старика“...

Причины, стало быть, надо искать въ другомъ мѣстѣ, и, по нашему мнѣнію, онѣ открываются сами собой въ разсказѣ, хотя ав-

торъ не намекнулъ на нихъ ни однимъ словомъ. Степанъ Михайловичъ есть олицетвореніе одной власти въ семействѣ и ею только связывается съ членами его, за исключеніемъ кровной любви, не всегда достаточной для правильнаго воспитанія людей, какъ мы знаемъ изъ обыденныхъ примѣровъ слѣпой любви отцовъ и матерей къ дѣтямъ. Нравственныхъ началъ онъ не дѣлилъ съ ними благодушно, изъ глубины сердца, а думалъ вызвать ихъ и укрѣпить одной властью. Глава дома въ этомъ духѣ уже носитъ въ самомъ себѣ свое осужденіе и начало неуспѣха въ благихъ намѣреніяхъ. Онъ также самъ собой доказываетъ невозможность продолженія системы въ будущемъ, въ наслѣдникахъ. Форма, внѣшній уставъ благонравія были для него важнѣйшимъ дѣломъ воспитанія, и дѣйствительно случается иногда, что форма, подчиняя молодую душу, вызываетъ подъ конецъ и самое содержаніе; но это совершается чрезвычайно медленно, и притомъ съ опасностію чего-либо не досмотрѣть въ формѣ, сдѣлать послабленіе въ требованіяхъ, — и тогда прощай вся долгая работа образованія ума и сердца! Кто же можетъ сдѣлаться всегдашнимъ и повсемѣстнымъ сторожемъ впечатлѣній человѣка, особенно такого, который спѣшитъ набрать впечатлѣнія отовсюду? Бо́льшею частію, наружная форма признается тогда подвластнымъ, какъ необходимость, соблюдается какъ уставъ, а мысль и сердце гуляютъ по проселочнымъ дорогамъ, колючимъ и бойкимъ, что́ именно и случилось съ женской частію семейства Багрова. Вотъ почему нравственное распаденіе въ нѣдрахъ его насъ не удивляетъ: оно совершенно естественно; вотъ почему также нисколько не огорчаетъ насъ и постепенное уничтоженіе въ жизни типовъ, подобныхъ Степану Михайловичу, несмотря на нравственное достоинство ихъ. Они отходятъ къ прошлому, къ исторіи, конечно, съ сочувствіемъ нашимъ, но безъ малѣйшаго сожалѣнія. Мѣсто ихъ должны занять другіе люди, которые отыщутъ лучшій способъ для семейнаго устройства — въ убѣжденіи, что нравственныя начала, внушенныя открытымъ сердцемъ главы дома, развиваются потомъ вообще всѣми членами его. Багровъ все-таки существо эгоистическое: онъ вѣруетъ въ одно дѣйствіе своей власти, наслаждается ею и ею испорченъ.

Не нужно повторять, что мы беремъ на свою отвѣтственность мысли и выводы, здѣсь изложенные: С. Т. Аксаковъ держится вообще въ новомъ произведеніи своемъ только своей задачи — художественнаго разсказа, и далекъ отъ выводовъ; но въ томъ-то и великое значеніе всякаго строгаго и вѣрнаго повѣствованія, что заключенія, которыхъ оно совсѣмъ не искало, и о которыхъ никогда не думало, являются неизбѣжно сами собой въ умѣ читателя.

Мы будемъ еще говорить о нѣкоторыхъ помѣхахъ, встрѣченныхъ авторомъ на пути исключительно художественной обработки своего предмета, а теперь повторимъ только, что типъ стараго Багрова, съ его физической и душевной крѣпостію, съ какой-то полнотой достоинствъ и недостатковъ, выраженъ имъ удивительно ярко и цѣльно. Въ хроникѣ каждаго семейства, вѣроятно, отыщется лицо, какъ двѣ капли воды схожее съ тѣмъ, которое представилъ намъ С. Т. Аксаковъ. Типъ этотъ даже знакомъ нѣкоторымъ изъ насъ по воспоминаніямъ дѣтства, по опыту, и если до сихъ поръ литература наша не обратила на него вниманія, то оплошность эта можетъ быть изъяснена только однимъ предположеніемъ: литература наша занята преимущественно настоящимъ, у нея слишкомъ много дѣла подъ рукой, и еще некогда ей оглядываться назадъ и разбирать прошлое.

Рядомъ со старикомъ Багровымъ, авторъ выводитъ лицо женщины, Софьи Николаевны, которая дополняетъ картину прежняго общества, и ка́къ дополняетъ! Новый характеръ можетъ служить и соотвѣтственнымъ изображеніемъ, pendant, къ характеру Степана Михайловича: та же энергія, то же строгое пониманіе долга и чести, но уже съ болѣе развитой головой и съ женской потребностію славы, свѣтскаго успѣха и поклоненія, даже съ примѣсью нѣкоторой хитрости. Нравственныя основанія у обоихъ тѣ же, но одинъ — степной, малограмотный помѣщикъ, пользующійся властію съ рожденія; а другая — горожанка, добившаяся власти надъ обществомъ умомъ и волей. Испытавъ въ первой молодости своей горькія и унизительныя гоненія, чуть-чуть не приведшіе ее къ грѣху самоубійства, она выходитъ изъ нихъ, закаленная на борьбу, но уже съ высокимъ уваженіемъ къ самой себѣ. Необычайнымъ усиліемъ воли, она возвращаетъ время, потерянное для образованія, становится почти ученой женщиной, замѣченной вскорѣ весьма дѣльными умами обѣихъ столицъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ пристроиваетъ дѣтей прежней своей попечительницы, воспитываетъ меньшихъ братьевъ и ведетъ за отца, разбитаго параличомъ, всю административную переписку по его должности товарища уфимскаго намѣстника. Есть какое-то торжество и наслажденіе самимъ собой во всѣхъ ея работахъ, семейныхъ занятіяхъ, даже въ дѣвичьей скромности. Торжество увеличивается, когда она является въ свѣтъ, гдѣ ея красота, ловкость въ танцахъ, а главное умъ и способность держать въ почтеніи зависть и злобу женщинъ, болѣе ея достаточныхъ и болѣе знатныхъ по происхожденію, отстраняютъ возможность всякаго соперничества. При изображеніи этого замѣчательнаго характера, С. Т. Аксаковъ предоставилъ полную волю своему творческому таланту; но онъ списывалъ обра-

зецъ прямо съ лица, такъ сказать, и едва-едва только намекалъ на другія, боковыя стороны его, оставляя ихъ почти всегда въ полусвѣтѣ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, въ разсказѣ его двѣ ясныя струи: полное созданіе, когда дѣло идетъ о положительныхъ качествахъ образца, и удивительную сдержанность, когда становится необходимо присутствіе и вводъ тѣней. Обработывая лицо въ смыслѣ изъясненія высокихъ свойствъ его души, авторъ пользуется всѣми правами художника, и пользуется ими безгранично. Жизнь, преданіе, изустный разсказъ видимо дали ему только первый, простой очеркъ, которому онъ уже сообщилъ всю полноту жизни и всю теплоту красокъ. Для этого онъ на каждомъ шагу *угадываетъ* тончайшіе оттѣнки мыслей своего образца, подмѣчаетъ нѣжнѣйшія движенія его сердца, разоблачаетъ глубокія тайны его души, не всегда ясныя ему самому въ минуты дѣйствованія, — словомъ, *созидаетъ* характеръ, какъ настоящій художникъ. Лѣтопись, фактическая истина преданія, жизнь, воспоминаніе являются здѣсь только матеріалами для творческаго таланта его. Лицо взято изъ нашего прежняго быта; но оно поставлено и освѣщено не съ простодушной вѣрностію „современной записки“, а съ искусствомъ, жаромъ и сноровкой знатока въ постановкѣ и въ освѣщеніи. Превосходная психическая разработка характера еще увеличивается у автора съ появленіемъ молодого Багрова—будущаго мужа Софьи Николаевны. Алексѣй Степановичъ Багровъ представляется здѣсь типомъ барскаго сынка прежняго столѣтія, мало образованнымъ, ограниченнымъ, робкимъ — и отъ домашняго, строгаго воспитанія и отъ неслыханныхъ продѣлокъ, какія испыталъ онъ въ первой военной службѣ своей. Какой-то нѣмецкій генералъ совершенно безвинно приказалъ отсчитать молодому дворянину триста палокъ и положилъ его замертво. И этотъ человѣкъ, добрый, небогатый, слабый по характеру и понимающій свое бѣдное, нравственное и матеріальное положеніе, влюбляется до безумія въ блестящую Софью Николаевну, смиряетъ козни сестеръ противъ невѣсты своей, вынуждаетъ согласіе старика Багрова на свадьбу (который, между прочимъ, играетъ тутъ роль истинно трогательную, благородную), а что главное и что предшествовало послѣднему — склоняетъ къ своей отчаянной и молчаливой любви гордую и самолюбивую дѣвушку. Какъ могло это сдѣлаться? Здѣсь является намъ опять авторъ во всей силѣ художническаго своего таланта, снова творцомъ, разработывающимъ лѣтопись и преданіе по собственнымъ соображеніямъ. Софья Николаевна нисколько не влюблена въ искателя ея руки, и первою мыслью ея было испытать свойство и крѣпость его страсти. Долго борется она съ собой и наконецъ согла-

шается на свадьбу, когда уже не остается сомнѣнія въ истинѣ чувства, одушевляющаго молодого человѣка; но согласіе свое выдаетъ она капля по каплѣ, такъ сказать, а послѣднее рѣшеніе держитъ до минуты отъѣзда въ церковь.

Въ срединѣ разсказа являются впервые у автора бѣглые, тонкіе намеки на дополнительныя черты ея характера, который мы видѣли только съ лицевой стороны доселѣ. Это доброе и благородное сердце сдѣлалось властолюбивымъ отъ постояннаго торжества въ свѣтѣ; презрѣніе къ окружающимъ развило въ немъ увѣренность въ себѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ породило отчасти рѣзкость мысли, слова и вспыльчивость; сознаніе своего превосходства, своей нравственной высоты ослабило, въ нѣкоторой степени, мягкое, примиряющее начало, столь свойственное природѣ женщины: она выходитъ за Багрова, чтобъ облагородить и возвысить мужа и семью, но возвысить и облагородить посредствомъ власти и господства. Съ удивительной глубиной, но вмѣстѣ какъ-то просто и осторожно, рисуетъ авторъ психическое состояніе этого твердаго, нравственнаго и вообще сильно привлекательнаго существа передъ минутами неравнаго брака, и мы можемъ считать разсказъ его примѣромъ тонкаго и почтительнаго обращенія съ предметомъ описанія, которое нисколько не исключаетъ, однако же, истины. Подобное сочетаніе правды и снисхожденія возможно только художнику. Тѣмъ досаднѣе становится читателю, когда художникъ вдругъ покидаетъ предметъ свой на полъ-дорогѣ. Онъ именно вводитъ Софью Николаевну въ новую семью ея, въ ту сферу, гдѣ она должна дѣйствовать и которая должна обнаруживать успѣхъ и несостоятельность ея притязаній на власть въ семействѣ, но при встрѣчѣ съ старикомъ Багровымъ оканчиваетъ статью и задергиваетъ завѣсу. Читатель лишенъ существенной части ея біографіи, той именно, которая бы открыла великую моральную сторону ея жизни; онъ только предчувствуетъ, что нарушеніе законнаго равенства въ семействѣ не обходится для женщины безъ сильной борьбы, тяжелыхъ ударовъ и страданій сердца, даже при успѣхѣ. Не видя, какими послѣдствіями сопровождался бракъ, заключенный подъ вліяніемъ весьма сложныхъ причинъ, онъ не можетъ удержаться отъ нѣкотораго тяжелаго чувства, рождаемаго обыкновенно всякой неполнотой произведенія. Дѣйствительно, характеръ, образъ и самая мысль разсказа не доросли до настоящаго своего предѣла. Художникъ остановился тутъ передъ лѣтописью и не захотѣлъ продолжать той мастерской борьбы съ нею, или, лучше, того преобразованія ея въ художественный разсказъ, какое составляетъ отличительную и самую назидательную сторону „Семейной Хроники Багровыхъ“. Нельзя никакъ подумать, чтобы онъ истощилъ уже всю свою силу на предшествовавшихъ описаніяхъ;

гораздо основательнѣе полагать, что онъ встрѣтилъ или въ самой лѣтописи, или въ побочныхъ обстоятельствахъ достаточные поводы для прекращенія поэтической работы своей, черты которой старались мы уловить. Черезъ нѣсколько времени и уже въ другихъ разсказахъ, не касающихся семейства Багровыхъ, мы встрѣчаемъ, если не ошибаемся, Софью Николаевну, какъ нѣжнѣйшую и даже героическую мать: значитъ, она нисколько не утеряла перваго облика, показаннаго намъ авторомъ въ „Женитьбѣ Багрова",—вотъ все, что остается теперь отъ второй половины ея жизни, отъ замужства. Затѣмъ мы не только не отвергаемъ у автора права остановиться тамъ, гдѣ онъ пожелалъ и гдѣ ему казалось необходимо, но готовы благодарить его отъ души и за ту часть пути, которая имъ пройдена. Вспомнимъ, что значитъ обдѣлка и переработка лѣтописи, еще столь живой и близкой къ людямъ, что самыя простыя и беззлобивыя ея указанія могутъ быть принимаемы за нареканіе и осужденіе, и подивимся у автора какъ мастерскому труду надъ лѣтописью, такъ и нравственной смѣлости, которая поддерживала его въ этомъ трудѣ.

Намъ остается изъ „Семейной Хроники" еще одинъ только разсказъ: Михайло Максимовичъ Куролесовъ. Мы замѣтили прежде, что характеръ этотъ не могъ быть обдѣланъ художнически по существу своему. Онъ слишкомъ нагъ, односложенъ и простъ въ свирѣпыхъ своихъ наклонностяхъ. Обработка этого лица съ помощью искусства могла бы только испортить его, ослабить выраженіе, замѣнить грубыя черты чѣмъ-либо другимъ и перетолковать вообще его физіономію. Куролесовъ есть полное достояніе лѣтописи: чѣмъ больше станешь пояснять его художническимъ способомъ, тѣмъ непонятнѣе и темнѣе будетъ онъ дѣлаться. Это страшный сумасшедшій, для изображенія котораго достаточенъ одинъ журналъ его дѣйствій. Но въ простой лѣтописи онъ имѣетъ значеніе необъятное и глубоко поучительное. С. Т. Аксаковъ выбиралъ сказанія лѣтописи или преданія съ осмотрительностію и осторожностію опытнаго литератора; но изъ немногихъ и, по собственному его сознанію, не самыхъ крупныхъ чертъ вышло лицо, способное поразить благодѣтельнымъ ужасомъ читателя и заставить призадуматься всякаго мыслящаго человѣка не объ одномъ Куролесовѣ. Что было бы, если бы мы могли имѣть полную лѣтопись? Совсѣмъ тѣмъ, еще и тутъ, при исключительномъ господствѣ преданія, встрѣчаются у автора нашего яркіе проблески художническаго поясненія и дополненія лицъ, тамъ, гдѣ возможно было ихъ ввести; таковы, напримѣръ, весь разсказъ о долгихъ отлучкахъ Куролесова изъ семейства и стараніе его сохранить въ тайнѣ отъ жены и родныхъ ея исторію своихъ преступленій и т. д.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что обстановка Куролесова уже опять имѣетъ всѣ качества и всю свободу художественной кисти. Его женитьба на молодой сиротѣ, вкрадчивость его и постепенный ходъ примиренія съ старикомъ Багровымъ, полная, слѣпая довѣренность жены къ его качествамъ и ужасъ ея, когда она узнаетъ его характеръ, наконецъ безпредѣльная любовь ея къ недостойному мужу, устоявшая даже послѣ варварскаго обращенія, посягательство на ея жизнь и свободу — все это изложено такъ правильно, постепенно и разумно, какъ никогда не бываетъ въ жизни. Жизнь, конечно, должна имѣть въ общности тотъ же самый смыслъ; но въ ходѣ своемъ и въ подробностяхъ она не такъ послѣдовательна, не такъ ясна и отличается бо́льшей разнообразностію, весьма часто произволомъ, капризами, яркими, временными противорѣчіями своей собственной цѣли. Примѣръ находится въ той же самой статьѣ С. Т. Аксакова. Окончаніе ея имѣетъ у автора опять совершенно лѣтописный характеръ. Старикъ Багровъ собираетъ слугъ и крестьянъ своихъ и ѣдетъ выручать свою родственницу, жену Куролесова, избитую и заключенную имъ въ тюрьму. Онъ является въ логовище злодѣя, какъ земная кара его преступленіямъ, и мысль читателя, художническій инстинктъ его налагаютъ на Багрова обязанность закончить эту повѣсть темныхъ жестокостей и быть орудіемъ, если не возмездія преступнику, то, по крайней мѣрѣ, наказанія его посредствомъ отнятія власти, униженія и ограниченія его. На дѣлѣ выходитъ, однако же, совсѣмъ иначе. Лѣтопись говоритъ, что Багровъ удовольствовался освобожденіемъ родственницы и оставилъ преслѣдователя ея въ покоѣ. Мало того: когда хотѣлъ онъ приступить къ законнымъ мѣрамъ для уничтоженія его гибельной дѣятельности, то нашелъ неодолимое препятствіе въ родственницѣ, только-что спасенной имъ: у нея вдругъ пробудилась безграничная страсть къ мужу.... Наказаніе вышло изъ другого событія и, въ смыслѣ художническаго воззрѣнія, неправильнымъ образомъ... Онъ умеръ, когда никто не ожидалъ. Мы не говоримъ, чтобы художническое разрѣшеніе всей этой повѣсти могло быть лучше, полнѣе, удовлетворительнѣе того, которое постаралось ей дать само теченіе жизни: мы не любимъ сравнивать достоинства и силы искусства съ достоинствами и силами жизни, потому что это совершенно безплодно, такъ какъ у нихъ различное происхожденіе и различныя дороги, — мы только стараемся показать, какимъ образомъ склонна художническая мысль направлять событіе, и какимъ образомъ ведетъ и управляется съ нимъ настоящая жизнь.

Прежде чѣмъ оставимъ „Семейную Хронику“ и перейдемъ къ личнымъ воспоминаніямъ автора, мы позволимъ себѣ заключеніе,

которое имѣли въ виду при самомъ началѣ разбора. Нѣтъ сомнѣнія, С. Т. Аксаковъ оказалъ немаловажную услугу русской публикѣ новой книгой своей. Онъ представилъ картину стараго, хотя еще не очень давняго быта нашего въ поразительныхъ чертахъ, ознакомилъ насъ съ понятіями и нравами эпохи наглядно и наконецъ отдалъ на оцѣнку и общій приговоръ всѣ эти энергическіе характеры, которые издали представляются воображенію величавыми, а вблизи теряютъ многое изъ своего значенія, особенно когда въ нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣтно природное отсутствіе нравственныхъ началъ, врожденная глухота къ первымъ, основнымъ правиламъ человѣческаго общежитія. Но все это онъ могъ сдѣлать только на одномъ условіи — на условіи художническаго пониманія предмета и на условіи художническаго обращенія съ предметомъ описанія. Способъ изложенія, порожденный правильнымъ душевнымъ настроеніемъ, какимъ всегда бываетъ настроеніе художественное, позволилъ ему смѣло прикоснуться къ весьма чувствительнымъ мѣстамъ нравственнаго состоянія человѣка и общества. Вооруженный всѣми средствами настоящаго, *чистаго* искусства, онъ исцѣляетъ рану въ то время, какъ раскрываетъ ее: искусство играетъ тутъ всегдашнюю свою роль ахиллова копья, имѣвшаго силу врачевать удары, имъ же нанесенные. Въ полнотѣ и спокойствіи описаній С. Т. Аксакова подробности картины не имѣютъ своего особеннаго смысла: умъ, разумѣется, правильно употребляемый, ничего другого въ нихъ не отыщетъ, ничего не заподозритъ, кромѣ существенныхъ частей самаго созданія, которое въ цѣломъ является глубокимъ поученіемъ, мудростію, изложенной посредствомъ живыхъ образовъ и характеровъ. Такъ выходятъ на свѣтъ художественныя произведенія, до того сильныя красотой, гармоніей внутренняго своего устройства, что передъ ними умолкаютъ всѣ притязанія и невольно успокоиваются какъ праздное исканіе намековъ, сближеній, такъ и болѣзненная недовѣрчивость къ истинѣ и откровенности. „Семейная Хроника“ Багровыхъ путемъ искусства миновала щекотливость семейныхъ понятій о приличіи, не подавъ имъ повода жаловаться на пристрастное развитіе одной какой-либо стороны въ ущербъ другой, а главное — тѣмъ, что авторъ не сдѣлалъ изъ фамильныхъ преданій средства для заявленія своей собственной страсти, своихъ личныхъ наклонностей, хотя бы въ сущности и заслуживающихъ уваженія. Онъ обошелся съ преданіемъ почтительно, не какъ со своимъ дѣломъ, а какъ съ дѣломъ общимъ. И не только успокоена имъ, такимъ образомъ, робость фамильнаго благоговѣнія (піэтета) къ предкамъ, но, твердымъ осмотромъ предмета со всѣхъ сторонъ, глубокимъ пониманіемъ его во всѣхъ видахъ и при всѣхъ освѣщеніяхъ, успокоена еще другая,

сильнѣйшая робость — робость, которую вообще чувствуетъ всякая публика передъ быстрымъ рѣшеніемъ вопросовъ, передъ яркой выставкой одной какой-либо части представленія, вмѣсто цѣлаго представленія. Само собой разумѣется, что содержаніе произведенія можетъ быть обширно, можетъ быть и мало, смотря по выбору и склонностямъ автора; но если содержаніе имѣетъ эстетическій характеръ, и если произведеніе высказало все свое содержаніе вполнѣ, то оно уже неспособно породить соблазнъ.

Цѣлость мысли, образа и картины есть уже вѣрный залогъ ихъ истины, благородства и пользы; только обломки и оторванныя части предмета, которые самовольно стараются выдать себя за полный предметъ и всегда отличаются пестрымъ цвѣтомъ и яркими несогласованными красками (гдѣ же сообщить настоящій видъ обломку, когда не знаешь истиннаго выраженія цѣлаго!), только эти необсуженные клочки картины и могутъ смущать воображеніе читателя. Какой бы суровый, обличительный характеръ ни имѣло содержаніе, какихъ бы чувствительныхъ мѣстъ человѣческой души ни касалось, художественная полнота изображенія обращаетъ его тотчасъ же въ предметъ эстетическаго наслажденія для ума и сердца. Тутъ нѣтъ мѣста сомнѣнію, а большое мѣсто поученію, жаждѣ добра и усовершенствованія. Только неполнота, отрывчатость, вспышка имѣютъ видъ внезапнаго нападенія, дикій, вооруженный характеръ, угловато становятся передъ читателемъ, заявляя свое грубое происхожденіе и удаляя тѣмъ самымъ его довѣріе и способность эстетической воспріимчивости явленій. Вотъ почему толки о разныхъ видахъ искусства, чисто художественномъ и художественно-общественномъ, кажутся намъ не совсѣмъ основательными: есть только одинъ путь для искусства, и этимъ путемъ оно высказываетъ все, что́ можетъ, и все, что́ должно высказать. Особенно въ нашей литературѣ неизмѣримо важно значеніе художническаго способа представленія жизни; отъ примѣненія или отъ устраненія его писателями зависитъ бо́льшая или ме́ньшая важность литературы, какъ воспитателя современнаго общества, бо́льшее или ме́ньшее обиліе затронутыхъ и разрѣшенныхъ вопросовъ, бо́льшая или ме́ньшая полнота въ содержаніи. Книга С. Т. Аксакова имѣетъ для насъ важное значеніе, какъ живая свидѣтельница всего того, что́ можно обратить въ достояніе публики, на основаніи художественной обработки предмета. Значеніе ея увеличивается, когда вспомнимъ то ровное состояніе духа, ту зоркость глаза во всѣ стороны, такъ-сказать, строгость обсужденія нравственныхъ уклоненій и теплоту чувства, при изображеніи человѣка вообще, которыя замѣтны въ ней на каждой страницѣ, и которыя уже совершенно необходимы для объясненія предмета посредствомъ искус-

ства. Художественное настроеніе души есть и первый источникъ художественнаго созданія. Мало того, что особенное настроеніе души помогло С. Т. Аксакову легко перестунить такія препятствія, въ которыхъ запутался бы менѣе серьёзный писатель, но оно еще отразилось въ самой формѣ его повѣствованія, въ его слогѣ. Съ послѣднихъ произведеній С. Т. Аксакова, слогъ его и вообще изложеніе признаны были образцовыми, по правильности, чисто-русскому складу, народному ритму и музыкальности ихъ. Спрашивается: откуда взялась эта сладостная рѣчь у С. Т. Аксакова, о которой не имѣютъ понятія наши грамматики и самозванные блюстители чистоты языка? Слогъ писателя, какъ и стихъ поэта, рождается изъ художническаго настроенія души. Безцвѣтная правильность языка въ писателѣ есть признакъ пустоты его душевнаго состоянія, подобно тому, какъ неуклюжесть языка есть признакъ негармоническаго, нехудожественнаго образованія его мысли. Писатель рѣдко отличается достоинствомъ слога, когда развлеченъ воспоминаніями чужихъ образцовъ или когда мало сосредоточенъ въ себѣ, въ собственной мысли. Ему можетъ вредить даже излишнее стараніе достичь точности выраженія и часто вредитъ суетливая бѣготня за предметами, которые у настоящаго художника всѣ спокойно лежатъ внутри его, въ сознаніи. Изложеніе пріобрѣтаетъ качества неуловимой прелести съ той минуты, когда писатель обращается къ самому себѣ, къ собственной мысли и находитъ ее въ полномъ художническомъ настроеніи, въ должной ясности, твердости и простотѣ. Если мысль его проникнута еще вдобавокъ, какъ у С. Т. Аксакова, чисто національными качествами, то правильное состояніе души его обнаруживается магическою рѣчью, обворажающей сердце, даже иногда при незначительномъ содержаніи произведенія; а при важности его такая рѣчь уже навсегда приковываетъ сущность произведенія къ уму, воображенію и памяти читателя. Таково происхожденіе чуднаго русскаго слога, какимъ отличалась, напримѣръ, „Капитанская Дочка“ Пушкина, таково также происхожденіе удивительнаго языка разсказовъ С. Т. Аксакова, и, по нашему мнѣнію, языкъ этотъ имѣетъ много общаго и родственнаго съ языкомъ знаменитаго романа Пушкина, какъ по отвращенію къ роскоши и нарядности, такъ и по способности обнимать каждое явленіе, каждую черту мысли и душевнаго движенія самымъ обыкновеннымъ, всеобщимъ и естественнымъ оборотомъ русской рѣчи.

Переходимъ къ личнымъ „Воспоминаніямъ“ автора. Они открываются четырьмя большими статьями, занимающимися описаніемъ двукратнаго поступленія молодого автора въ к — ую гимназію, занятій и впечатлѣній его тамъ и наконецъ принятія его въ университетъ, только-что образованный тогда изъ высшихъ классовъ гим-

назіи. Картина общественнаго воспитанія въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія еще никѣмъ не была тронута у насъ, сколько мы знаемъ. Нѣсколько чрезвычайно любопытныхъ и чрезвычайно важныхъ подробностей для составленія ея находятся въ книгѣ С. Т. Аксакова, но полнаго понятія о тогдашнемъ состояніи преподаванія и вообще о духѣ воспитанія она не даетъ. Многихъ можетъ удивить подобное отсутствіе существеннаго дѣла въ авторѣ, который особенно замѣчателенъ способностію видѣть и отыскивать его вездѣ, и, однакожъ, самая неполнота содержанія, въ этомъ случаѣ, есть великое доказательство добросовѣстности „Воспоминаній“ и — скажемъ болѣе — она-то и составляетъ прелесть ихъ. „Воспоминанія“ суть не что иное, какъ автобіографія. Искренность и правда автобіографіи всегда выражаются тѣмъ, что писатель сохраняетъ тотъ самый уровень мысли, который былъ ему свойственъ въ извѣстное время его развитія, и не поднимаетъ его насильно соображеніями, взятыми изъ другой эпохи жизни. Простота, нѣкоторая ограниченность автобіографіи въ извѣстное время сообщаютъ ей благородство, неразлучное съ прямотой.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что, можетъ быть, ни въ какой біографіи хронологія не имѣетъ такого важнаго значенія, какъ въ біографіи нашего автора. Онъ былъ слабымъ, нѣжнымъ, чувствительнымъ и сосредоточеннымъ въ себѣ ребенкомъ и былъ имъ весьма долгое время. Характеръ первой юности онъ сохраняетъ даже при вступленіи въ свѣтъ, и черты простодушія, развитой фантазіи и сердечной доброты, какъ намъ кажется, весьма ясно видны и тогда, какъ онъ уже знакомится съ Шушеринымъ, Державинымъ и Шишковымъ. Опытность, познаніе людей и глубокіе выводы жизни пришли къ нему гораздо позднѣе и почти такъ, какъ наростаютъ одинъ за другимъ слои многолѣтняго дерева: они пришли вмѣстѣ съ временемъ; онъ не гонялся за ними. Въ гимназіи молодой авторъ былъ весь погруженъ въ свои ощущенія, въ болѣзни и страданія своего маленькаго, внутренняго міра и только прислушивался къ работѣ сердца и чувства. Кромѣ природы, съ которой уже и тогда онъ сросся почти въ одну сущность, онъ отдавалъ требованіямъ внѣшняго міра свое прилежаніе, память, природныя способности, но не осматривалъ его съ зоркостію, къ какой иногда бываютъ способны дѣти другихъ наклонностей и съ умомъ болѣе пытливымъ. Надо читать въ книгѣ С. Т. Аксакова описаніе тоски перваго его поступленія въ гимназію, развившейся до страшной, нервической болѣзни, возвращенія его къ полямъ, лѣсамъ и прудамъ своей родины, наконецъ, яснаго зародыша наблюдательности, которая горько дѣйствуетъ на него и снова гонитъ въ гимназію,

гдѣ онъ опять связывается тонкими, живыми нитями съ отсутствующимъ и страстно любящимъ его семействомъ: все это такой задушевный романъ, какихъ немного и въ самыхъ богатыхъ литературахъ. Онъ дѣлаетъ читателя причастнымъ умиленію, горестямъ и торжествамъ юности. Но въ романѣ этомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, давленіе внѣшняго міра на умъ молодого человѣка уже чувствуется весьма слабо или, по крайней мѣрѣ, тутъ видно *общее* дѣйствіе окружающаго на его фантазію, а не частныя, характерныя его подробности, по которымъ оно только и становится ясно для посторонняго. Потребны были весьма важныя и, такъ-сказать, необыкновенныя событія, чтобъ въ эту эпоху жизни вывести молодого человѣка изъ его созерцанія, изъ его внутренняго ограниченнаго міра и обратить къ наблюдательности, къ живому пріему внѣшнихъ явленій. Такими событіями были для него происшествіе въ гимназіи, весьма хорошо обрисовывающее мягкій, снисходительный характеръ времени (стр. 311 — 315), открытіе университета, первый домашній спектакль въ стѣнахъ его, разрывъ съ наставникомъ своимъ, благороднымъ Григоріемъ Ивановичемъ, и т. д. Тутъ является у автора обыкновенное мастерство крупно и ясно выставлять происшествіе, не употребляя для того никакихъ чрезвычайныхъ мѣръ и усилій и только слѣдя за простымъ, естественнымъ ходомъ его развитія. Если не было толчка его мысли, она оставалась спокойной; если событіе не имѣло особенной цѣпкости, событіе проходило, не затрогивая въ немъ наблюдательности и стремленія разобрать его внутренній смыслъ. Общество, городъ, его театръ, гимназическая жизнь ложились на душу молодого человѣка и отражались въ мыслящей способности его, какъ видно изъ описаній автора, легко и почти никогда не имѣли для него яркихъ, выпуклыхъ сторонъ, невольно останавливающихъ на себѣ иной юношескій взглядъ. Вотъ почему всѣ эти предметы явились у автора, добросовѣстнаго въ высокой степени и вѣрнаго своему дѣлу, какъ нѣчто общее, безъ сильныхъ оттѣнковъ, безъ игры свѣта и тѣни, болѣе какъ простое созерцаніе, чѣмъ какъ живая, поразительная картина, и это имѣетъ своего рода прелесть. Такими они были дѣйствительно для молодого человѣка и такъ отражались на нравственномъ его существѣ, если не ошибаемся, еще долгое время и въ другихъ сферахъ, куда онъ былъ закинутъ. Дальнѣйшее теченіе жизни уже объяснило ихъ потомъ, гораздо позднѣе, открыло ихъ смыслъ, значеніе, и воспоминаніе додѣлало ту работу мысли, которой недоставало при началѣ.

Само собой разумѣется, что у юноши, глубоко сосредоточеннаго въ себѣ, не могли остаться въ памяти характерныя черты тогдаш-

няго преподаванія, какъ мы уже сказали, и что первый возрастъ далъ нашему автору мало существенныхъ воспоминаній о состояніи разныхъ частей науки и общаго ихъ пониманія со стороны воспитателей. По крайней мѣрѣ, мы не находимъ въ книгѣ картины тогдашняго воспитанія: однѣ легкія, разбросанныя черты ея и намеки заставляютъ скорѣе догадываться, чѣмъ видѣть, что гораздо болѣе встрѣчалось притязаній на преподаваніе и науку, чѣмъ самаго преподаванія и самой науки. Лица, занимавшіяся этой важной отраслью общественной службы, впечатлѣлись на воображеніи созерцательнаго юноши тоже однимъ общимъ выраженіемъ своимъ: въ нихъ мало своеобразія, исключительныхъ примѣтъ, характерныхъ признаковъ, потому что, въ свое время, они не были подмѣчены авторомъ, а сберегались у него только ходячія изображенія лицъ, составляемыя обыкновенно дѣтскимъ *міромъ*, общиной, какъ эпопея. Робкая, свѣтлая и застѣнчивая душа ребенка чуждалась даже подробнаго осмотра товарищей, и, несмотря на удачное изображеніе нѣкоторыхъ типовъ, слишкомъ выдавшихся впередъ и бывшихъ въ личныхъ столкновеніяхъ съ нимъ, каково, напримѣръ, изображеніе талантливаго и мрачнаго студента Дмитріева, въ цѣломъ весьма мало тронутъ весь этотъ разнообразный міръ характеровъ съ его насмѣшливостію, самобытностію и частыми каррикатурными феноменами. О подмѣткѣ тонкихъ психическихъ явленій въ себѣ и другихъ тоже не могло быть и рѣчи, потому что все нравственное существо молодого человѣка представляется намъ, какъ невозмутимо свѣтлая, тихая и прозрачная рѣка, дно которой открыто для всякаго глаза. И какъ понятно становится, что юноша, погруженный исключительно въ самого себя, начинаетъ мало-помалу пристращаться къ декламаціи, къ чтенію и развиваетъ страсть свою до пламенной любви къ театру. Чтеніе или декламація доставляютъ ему готовыя и уже совсѣмъ обдѣланныя мысли и ощущенія, за которыми такъ трудно было ему слѣдить на сторонѣ и проблеска которыхъ не давала ему ясная, спокойная душа его. Онъ погружается въ науку чтенія образцовъ всѣми способностями ума, сердца своего, изучаетъ въ нихъ тончайшіе оттѣнки чувства, идеи, и присвояетъ себѣ: наука чтенія или декламаціи дѣлается задачей его жизни, его призваніемъ и поглощаетъ всѣ его стремленія.

Здѣсь надо подивиться одной характеристической чертѣ тогдашняго общества. Говорятъ, обыкновенно, что публика стала наслаждаться складомъ русскаго стиха только съ Пушкина. Можетъ быть, это и справедливо въ отношеніи публики, массы читателей, но образованные люди наслаждались русскимъ стихомъ и до Пушкина, какъ доказывается несомнѣнно „Воспоминаніями“. Одной способностію

чтенія, правильной и умной декламаціи, молодой человѣкъ, при самомъ вступленіи въ свѣтъ, открываетъ себѣ двери въ дома почти всѣхъ литературныхъ знаменитостей, а наконецъ и литераторовъ-сановниковъ, какими были А. С. Шишковъ и Державинъ. Всѣ они дорожатъ звукомъ и оборотомъ русской рѣчи, каждый посвоему, съ изумительной горячностію, и любятъ ее до ревности, педантства, исключительности. Кой-гдѣ еще и теперь встрѣчаются почтенные остатки этого времени, которое такъ сильно было занято успѣхами языка и литературы. Правда и то, что понятіе о литературѣ, какъ о сильномъ средствѣ образованія и преуспѣянія, было общимъ въ молодости нашего автора и встрѣчалось на всѣхъ ступеняхъ общественной іерархіи. Правда еще и то, что авторъ нашъ засталъ борьбу между Шишковымъ и Карамзинымъ, между старымъ и новымъ слогомъ, если не въ полномъ разгарѣ, то еще далеко не на исходѣ; по влеченіямъ своего вкуса и своихъ наклонностей онъ пристроился къ противникамъ нововведеній и тѣмъ самымъ открылъ себѣ свободный доступъ въ ихъ дома и семейства: такъ еще неразрывно связаны были общественныя отношенія и общественныя добродѣтели съ литературными убѣжденіями; но мы остановимся на этой, тоже важной біографической подробности, показывающей намъ молодого человѣка, съ первымъ шагомъ пробуждающагося сознанія, приверженцемъ старыхъ понятій и хладнокровнымъ зрителемъ новаго литературнаго движенія, открывающаго столѣтіе.

Можно полагать, что изъ юнаго поколѣнія, родившагося почти наканунѣ великаго спора, не было и десятка молодыхъ людей, которые бы оказались ревнителями старыхъ образцовъ, ихъ способа изложенія и любимыхъ ими тэмъ. С. Т. Аксаковъ самъ разсказываетъ, какъ одинъ разъ товарищи напали на него всей гурьбой, подозрѣвая въ немъ сочувствіе къ врагамъ новаго движенія, которыхъ называли тогда *клеветниками*, и чуть не приколотили его *въ честь Карамзина*, о которомъ онъ ничего дурного и не помышлялъ (стр. 458). Однакожъ, онъ принадлежалъ изъ-дѣтства къ малому числу ровесниковъ, устранившихся отъ общаго дѣла эпохи и не сочувствовавшихъ ему. Конечно, тутъ немалую роль играло вліяніе чрезвычайно умнаго наставника, Григорія Ивановича Кар., который возставалъ противъ пичканія молодыхъ людей „Бѣдной Лизой“, „Натальей, боярской дочерью“, и пр., основательно думая, что чуть ли содержаніе этихъ произведеній не мѣшаетъ строгому развитію умовъ; но тутъ была и другая причина. Сердце молодого человѣка сильно было наклонно къ принятію отвлеченныхъ представленій великаго, высокаго, даже громкаго и питалось ими съ

наслажденіемъ. Недостатокъ живого наблюденія и отсутствіе страстности въ природѣ его, чистой, благородной и ясной, какъ кристаллъ, должны были породить холодность къ дѣйствительной жизни, и первыя произведенія, гдѣ она являлась, хотя и принаряженная нѣсколько, нашли его глухимъ и нечувствительнымъ. Какъ вообще декламаторы и чтецы по преимуществу, онъ могъ оторваться отъ пошлости и скуки обыденнаго существованія только посредствомъ сильнаго раздраженія, производимаго необыкновенными, высокими или мистическими представленіями. Въ нихъ обрѣталъ онъ только поэзію, подобно тому, какъ въ правильной французской комедіи находилъ достаточное изображеніе настоящаго, будничнаго хода дѣйствительности. Отсюда, по нашему мнѣнію, ранній, *охранительный* оттѣнокъ, проявившійся въ его литературныхъ мнѣніяхъ, который удивляетъ читателя и кажется признакомъ необычайной нравственной стойкости, особенно въ такихъ лѣтахъ. Но стойкость эта, если разсмотрѣть поближе, не заключаетъ въ себѣ ничего достойнаго подражанія и, вдобавокъ, весьма много способна мѣшать развитію человѣка.

Намъ кажется, что въ признаніи и изслѣдованіи новаго литературнаго явленія, завладѣвшаго умами современниковъ, проявляется гораздо болѣе твердости духа, чѣмъ въ отрицаніи его и спокойномъ житьѣ на старыхъ, совсѣмъ готовыхъ началахъ, освобождающихъ мысль отъ всякой дѣятельности. Подчиниться новому явленію, когда оно уже глубоко начинаетъ пускать корни въ убѣжденіяхъ, и подчиниться ему даже съ нѣкоторымъ насиліемъ своей природы есть, конечно, нравственная доблесть, стоющая упорства въ любимыхъ мнѣніяхъ и вкусахъ. Къ тому же, благородное усиліе надъ самимъ собой вознаграждается при этомъ случаѣ сторицею и немедленно. Оно открываетъ тотчасъ значеніе и будущность новаго явленія, слабыя его стороны, которыя нужно еще разработать, и съ разу обращаетъ человѣка въ живого дѣятеля, имѣющаго передъ собой широкое поприще, гдѣ онъ можетъ трудиться съ полнымъ сознаніемъ всего, что́ есть въ направленіи, и всего, чего ему недостаетъ. Есть великая мудрость въ подчиненности новымъ зародышамъ духовной дѣятельности. Невольная или умышленная остановка, при старыхъ формахъ и представленіяхъ, неизбѣжно связана съ ограниченіемъ мысли, со стѣсненіемъ воли и выбора, съ бѣдностію путей, уже ясно означенныхъ напередъ, и наконецъ съ нѣкоторой узкостію взгляда на искусство, природу и человѣка: новое направленіе всегда можетъ понять и усвоить себѣ хорошую сторону прежняго, изъ котораго вышло, между тѣмъ какъ направленіе, уже обойденное, чуждается, обык-

новенно, всякой мировой сдѣлки и лишено поэтому цѣлаго круга возникшихъ идей, со всѣми ихъ выводами. Ранній охранительный характеръ, родившійся, какъ мы видѣли, изъ самыхъ потребностей нравственной природы автора, опредѣлилъ потомъ и цвѣтъ всей литературной его дѣятельности. Онъ долго держалъ его въ ограниченной сферѣ любимыхъ предпочтеній, избранныхъ образцовъ, — словомъ, установленныхъ мнѣній, и, несмотря на глубокое чувство жизни и истины, мѣшалъ его развитію и пробужденію въ немъ самостоятельнаго творческаго таланта. Съ годами только отходила мало-по-малу односторонность воззрѣнія на людей и предметы; сущность тѣхъ и другихъ становилась яснѣй, и открылось богатое содержаніе для независимой мысли, вступившей во всѣ права свои. Мы видимъ теперь въ книгѣ С. Т. Аксакова, кромѣ ея содержанія, овладѣвающаго всѣмъ вниманіемъ читателя, еще другое, не менѣе важное и поучительное качество. Она показываетъ намъ, какъ жизнь однимъ теченіемъ своимъ, однимъ процессомъ своего развитія освобождаетъ человѣка, надѣленнаго прямотой сердца и жаждой истины, отъ случайныхъ помѣхъ воспитанія, укрѣпляетъ и совершенствуетъ природу его, сообщаетъ зоркость взгляда и широту мысли до того, что человѣкъ свободно исполняетъ обязанность историческаго судіи, и, наконецъ, даже поднимаетъ талантъ, долго затаенный въ немъ, до поразительной высоты. Но всѣ дары эти могутъ быть только удѣломъ человѣка, смотрѣвшаго весьма строго на самую жизнь, на всѣ ея явленія, на обязанности, возлагаемыя ею: никогда не приходятъ они къ тому, кто сидѣлъ сложа руки или употреблялъ ее для своихъ эгоистическихъ, корыстныхъ цѣлей... И когда послѣ долгаго искуса наступаютъ для подобнаго человѣка минуты творчества, созданія его поражаютъ соединеніемъ мудрости старца въ выводахъ съ жаромъ и увлеченіемъ юноши въ представленіяхъ. Вся книга С. Т. Аксакова носитъ этотъ характеръ, и имъ же преимущественно отличается послѣдній отдѣлъ „Воспоминаній“ — описаніе его знакомствъ съ Шушеринымъ, Шишковымъ и Карамзинымъ.

Здѣсь авторъ нашъ собралъ все, что́ удержала его память отъ молодыхъ годовъ, но привелъ въ порядокъ и сообщилъ выраженіе подробностямъ уже въ эпоху полнаго обладанія самимъ собой, при совершенномъ развитіи спокойной, здравой и многосторонней мысли. Разсказъ о Шушеринѣ написанъ въ 1852 году; немного ранѣе или позднѣе, вѣроятно, произведены и остальные. Изъ соединенія драгоцѣннѣйшихъ извѣстій о прошломъ времени съ ясностію ума, обсуживающаго былое, произошли эти повѣствованія, равно поражающія и того, кто ищетъ одной живой картины прежняго быта,

и того, кто ищетъ въ немъ объясненій и плодотворныхъ выводовъ для настоящаго. Предѣлы нашей статьи не позволяютъ намъ углубиться въ характеры и въ значеніе явленій, выведенныхъ передъ нами авторомъ: разобрать тѣ и другіе, по мѣрѣ силъ, значило бы просто писать монографіи, чего, конечно, журнальная статья не можетъ имѣть въ виду.

Скажемъ одно: въ разсказахъ С. Т. Аксакова заключено русское образованное общество первой четверти настоящаго столѣтія. Когда наступитъ время судить о немъ и о важнѣйшихъ его дѣятеляхъ на полныхъ правахъ историка, разсказы С. Т. Аксакова сдѣлаются предметомъ подробнаго изученія. Они и теперь вызываютъ историческій трудъ почти каждой страницей своей, каждымъ превосходнымъ описаніемъ, назначеннымъ, повидимому, только для обновленія картины прошлаго въ памяти самого автора. Имя С. Т. Аксакова будетъ произноситься часто въ нашей литературѣ, когда склонится она къ строгому и серьёзному обслѣдованію пройденнаго и прожитаго. За непрерывнымъ, поглощающимъ интересомъ его описаній свѣтится ясно физіономія самого общества той эпохи, его требованія, страсти, предразсудки. „Воспоминаніямъ“ С. Т. Аксакова суждено породить комментаторовъ и изыскателей. Съ окончаніемъ ихъ еще не все дѣло кончено; въ нихъ заключаются матеріалы для дальнѣйшаго развитія: обыкновенное свойство созданій, исполненныхъ жизни и мысли. Они оставляютъ по себѣ блестящую струю, подобно тому, какъ въ южныхъ моряхъ образуется огненная полоса за кораблемъ: на эту струю идей, рождаемую ходомъ полнаго творческаго произведенія, и будетъ обращена анализирующая способность изыскателей, когда придутъ изыскатели. Въ разсказѣ о Шушеринѣ, напримѣръ, имѣющемъ въ виду только театральный бытъ эпохи, характеры актеровъ и авторовъ, подробности ихъ жизни и отношеній между собою, сколько находится указаній на духовное состояніе общества, на степень его развитія и воспитанія!

Въ „Воспоминаніяхъ“ С. Т. Аксакова о литературныхъ дѣятеляхъ начала нынѣшняго столѣтія встрѣчаются поминутно черты, оброненныя авторомъ вскользь, почти невольно, какъ вырывается иногда мѣткое словцо у человѣка, и эти самородки повѣствованія, такъ-сказать, образуютъ драгоцѣннѣйшее пріобрѣтеніе для историка. Бо́льшею частію они относятся къ такимъ сторонамъ изображаемаго лица, которыя именно составляютъ часть его организма, живой нервъ въ его физическомъ и нравственномъ существѣ. Глазъ изыскателя усматриваетъ ихъ въ тысячѣ другихъ подробностей, болѣе крупныхъ по наружности, но менѣе связанныхъ съ природой человѣка. При помощи этихъ драгоцѣнныхъ замѣтокъ,

онъ можетъ различить въ человѣкѣ то, что́ нанесено на него духомъ времени, обстоятельствами, и то, что́ составляетъ зерно и основу его нравственнаго бытія. Мало того: этими же драгоцѣнными чертами можно провѣрить истину самаго повѣствованія во всѣхъ его изгибахъ; да онѣ также даютъ и матеріалы для пристроекъ къ нему по указаніямъ, въ немъ же отысканнымъ. Такъ разростается обыкновенно глубоко истинное и мудрое повѣствованіе, и не надо быть большимъ пророкомъ, чтобъ предсказать эту участь и „Воспоминаніямъ“ С. Т. Аксакова.

Читатель замѣтитъ, что мы не дѣлаемъ почти никакихъ выписокъ изъ книги нашего автора, полагая, что каждый изъ нихъ теперь уже знако́мъ съ ея содержаніемъ и способомъ изложенія. Ограничиваемся и въ настоящемъ случаѣ, для подтвержденія нашихъ словъ, самой незначительной цитатой изъ нея. Извѣстно, что С. Т. Аксаковъ показалъ намъ въ лицѣ А. С. Шишкова, этого мужа двойной славы, политической и литературной, типъ благороднаго ревнителя просвѣщенія, съ младенчески-доброй душой, съ разсѣянностями и странностями, къ какимъ способна только чистая человѣческая натура; но, благодаря всему этому, роль историка русской литературы въ отношеніи къ автору „О старомъ и новомъ слогѣ“ становится совершенно не та, какой она была доселѣ. Непремѣнной задачей историка уже дѣлается разрѣшеніе вопроса: что́ принадлежитъ въ филологическихъ и историческихъ его изысканіяхъ стремленію къ ясной, вполнѣ сознанной цѣли, и что́ принадлежитъ дѣйствію обыкновеннаго, свойственнаго ему *чудачества*, безъ отношенія къ истинѣ, призванію и поставленной имъ цѣли. Мы знаемъ также, по темнымъ слухамъ и смутнымъ преданіямъ, что къ спору о старомъ и новомъ слогѣ примѣшивались обѣими воюющими сторонами вопросы, чуждые изящной литературѣ или, по крайней мѣрѣ, не прямо къ ней относящіеся, и что этими посторонними соображеніями должно объяснять какъ необычайный жаръ полемики, такъ и продолжительное ея существованіе, когда торжество новыхъ формъ было уже почти упрочено. Въ книгѣ С. Т. Аксакова встрѣчается, по этому вопросу, одна черта, брошенная имъ вскользь и принадлежащая къ семьѣ тѣхъ жизненныхъ подробностей, о которыхъ сейчасъ говорено было. „Въ 1836 г. я опять ѣздилъ въ Петербургъ. Здоровье А. С. Шишкова и особенно зрѣніе очень ослабѣли; но я нашелъ его бодрымъ духовно и даже иногда веселымъ. Онъ почти ощупью отыскивалъ въ шкафѣ нужную ему книгу, доставалъ ее и заставлялъ меня кое-что прочесть вслухъ. Въ одной рукопиеной его книгѣ (не помню, какъ она называлась) читалъ я, признаюсь, съ предубѣжденіемъ и недовѣрчивостію, пред-

сказаніе о будущей судьбѣ Европы.... Увы! все исполнилось и исполняется съ поразительною вѣрностью. Шишковъ говорилъ мнѣ, что онъ, одиннадцать лѣтъ тому назадъ, письменно предсказалъ за годъ одно важное событіе, но что тогда только смѣялись надъ нимъ, да и послѣ, когда предсказаніе исполнилось, никто не обратилъ на него вниманія" (стр. 512—513).

Черта эта уже позволяетъ намъ предполагать съ достовѣрностію, что и прежде существовала наклонность вводить въ литературную сферу занятій постороннія ей соображенія, противъ чего, какъ мы знаемъ, сильно ратовали лучшіе умы той эпохи. Такими жизненными чертами книга С. Т. Аксакова изобилуетъ. Онѣ являются даже въ чудномъ описаніи старца Державина, пережившаго громадный талантъ свой и почти ребячески потѣшающагося трагедіями своими. Повторяемъ, мы не могли принять на себя многосложный трудъ представить всѣ выводы и заключенія, какіе способна дать книга автора; но онъ уже неизбѣженъ послѣ ея появленія, и, притомъ, трудъ этотъ будетъ заключать въ себѣ преимущественно исторію образованности нашего общества. Какъ можетъ быть иначе? „Воспоминанія" даютъ средство объяснить сценическую или литературную дѣятельность человѣка его жизнію; а жизнь, подъ перомъ такого автора, какъ С. Т. Аксаковъ, является всегда, какой бы части ея онъ ни коснулся, съ отростками и нитями, глубоко уходящими въ нѣдра общества. Къ этимъ животрепещущимъ нитямъ и отросткамъ позднѣйшій историкъ, работающій по указаніямъ современниковъ, и привязываетъ дѣло собственныхъ рукъ, свою собственную задачу.

Кончаемъ статью нашу однимъ замѣчаніемъ. Если послѣдняя и высшая цѣль всякой литературы состоитъ въ томъ, чтобы привести общество къ *самопознанію*, къ открытію нравственныхъ силъ, дѣйствовавшихъ въ немъ прежде, и тѣхъ, какія еще могутъ дѣйствовать въ немъ, то книга С. Т. Аксакова принадлежитъ къ тѣмъ утѣшительнымъ явленіямъ, которыя способствуютъ этому великому назначенію литературы. Она именно возникла изъ потребности осмотрѣть себя и своихъ. Съ другой стороны, мы также не ошибемся, причисливъ ее къ произведеніямъ нашей изящной словесности, способнымъ не только поддержать возникающее сочувствіе публики къ литературѣ, но вызвать его, если бы оно было обращено на другіе предметы, и укрѣпить, если бы первыя проявленія его еще не совсѣмъ были свободны отъ предубѣжденія. Счастливъ авторъ, который можетъ поставить имя свое на трудѣ, имѣющемъ въ виду эту двойную цѣль и достигающемъ ея по мѣрѣ своихъ силъ и способностей.

„Современникъ" 1856, № 3.

САТИРА

въ

комедіи Н. Львова: „Свѣтъ не безъ добрыхъ людей“.

Мы не можемъ пропустить безъ вниманія комедіи г. Львова. Огромный успѣхъ, какой она имѣла на сценѣ, не принудилъ бы насъ прервать молчаніе, потому что сценическій успѣхъ еще не есть у насъ вѣрное ручательство за литературное достоинство произведенія, а часто, наоборотъ, свидѣтельствуетъ совсѣмъ другое; но комедія г. Львова есть произведеніе серьёзное по мысли и серьёзное по направленію. Это ея настоящія права на всеобщее вниманіе. Она отличается отъ сатирическихъ произведеній послѣдняго времени еще и тѣмъ, что въ ней нѣтъ и признаковъ сухой ироніи, пересмѣшки и поддразниванья, что́ такъ непріятно дѣйствуетъ въ статьяхъ нѣкоторыхъ нашихъ исправителей нравовъ, и чѣмъ грѣшатъ отчасти, напримѣръ, разсказы изъ современнаго быта, извѣстнаго г. Печерскаго, несмотря на занимательность, относительную истину и достоинство ихъ. Въ комедіи, гдѣ такъ легко было бы дать просторъ личному чувству презрѣнія къ окружающему міру, г. Львовъ ни разу не поддался тому сдержанному хохоту, который французы называютъ „ricanement“, и который такъ непріятно отзывается въ нѣкоторыхъ повѣствованіяхъ, имѣвшихъ значительный успѣхъ. Онъ принялся за обдѣлку выбраннаго имъ предмета для комедіи съ жаромъ, участіемъ и гораздо высшею цѣлью, чѣмъ потѣха надъ безобразіемъ характеровъ и ничтожностью быта, гдѣ они вращаются. Одно это уже выдвигаетъ его первый сценическій опытъ изъ ряда обыкновенныхъ сатирическихъ произведеній. Прибавимъ еще, что въ пылу самыхъ строгихъ обличеній, у г. Львова не замѣчается ни малѣйшаго разсчета на *успѣхъ посредствомъ скандала*, что́ также по временамъ сквозитъ въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ, однородныхъ съ комедіей автора по своему направленію.

Послѣ этого мы поймемъ какъ радушный пріемъ, сдѣланный комедіи публикою, такъ и общее убѣжденіе въ достоинствѣ нрав-

ственныхъ поводовъ, вложившихъ перо въ руки автора. Г-нъ Львовъ самъ болитъ и скорбѣетъ за міръ, представленный имъ на судъ публики и, по сущности своего направленія, имѣетъ нѣкоторое сходство съ талантливѣйшимъ изъ нашихъ сатирическихъ писателей — г. Щедринымъ. Подобно ему, онъ приведенъ на литературную арену глубокою, внутреннею потребностію выразить свой взглядъ на важные вопросы, занимающіе общественную мысль. Это совсѣмъ не похоже на работу умнаго, споровистаго и бывалаго человѣка, пользующагося господствующимъ настроеніемъ публики, это совсѣмъ не способность ловкаго писателя заготовлять наскоро продуктъ, соотвѣтственно требованіямъ извѣстнаго „мѣста", это не игра своимъ талантомъ и изворотливостью, ослѣпляющая извѣстные круги общества, преимущественно *нелитературные*, и способная, при измѣнившихся требованіяхъ, и разыгрываться иначе... Для г. Львова, какъ и для г. Щедрина, сатира есть дѣло призванія, и съ сатирой они обращаются вполнѣ честно, что́ не совсѣмъ легко, какъ оказывается.

Но въ отношеніи г. Львова мы покамѣстъ и должны ограничиться этой похвалой, потому что сама комедія его не можетъ выдержать не только эстетической критики, но и простой повѣрки собственныхъ своихъ положеній. Она бѣдна основаніемъ, да и не всегда вѣрна ему. Мы нарочно отдѣлили общее направленіе комедіи, господствующій въ ней тонъ, честность и добросовѣстность всѣхъ намѣреній автора, отъ самаго труда его. Кажется, наступила пора различать трудъ отъ побужденій, вызвавшихъ его, и, помимо послѣднихъ, относиться къ первому прямо и свободно. Жалка та критика, которая принуждена хитрить съ предметомъ своего обсужденія и прибѣгать къ уловкамъ своекорыстнаго педагога, который таитъ правду отъ богатыхъ воспитанниковъ и высказываетъ ее только бѣднякамъ. Еще жалче то произведеніе, которое, для существованія своего, нуждается въ подобной снисходительности. Говорятъ, что, при такомъ отдѣленіи труда отъ побужденій къ труду, представляется опасность ослабить достоинство хорошей мысли разборомъ неловкой или слабой формы, въ которую она вылилась, и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ молчаніе есть обязанность. Эта дипломатія критики, которую, мы знаемъ, проповѣдуютъ многіе, называя ее „тактомъ жизни" и другими именами, можетъ быть и дѣйствительно хороша тамъ, гдѣ нужно всѣми силами, а въ томъ числѣ и дипломатіей, спасать какое-либо плохое, отжившее, или сомнительное дѣло; но мы не въ этомъ положеніи. Намъ не нужно скрывать своихъ убѣжденій: мы знаемъ навѣрное, что усилія наши возвратить той почвѣ, на которой стоимъ, плодо-

родіе, утраченное ею за размноженіемъ сорныхъ травъ, рано или поздно, но непремѣнно увѣнчаются успѣхомъ. Для насъ существуетъ поэтому только одна опасность, именно: потерять привычку къ истинѣ, что́ легко можетъ случиться при хитромъ, разсчетистомъ обращеніи съ прошлыми и современными дѣятелями, которое у насъ заводится съ нѣкоторыхъ поръ. Надо остерегаться, чтобы отъ долгаго наблюденія правды только сквозь пальцы, при извѣстныхъ случаяхъ, не утратить способности смотрѣть на нее во всѣ глаза, и при всѣхъ другихъ.

Комедія г. Львова рождена полемическою мыслію и носитъ печать своего происхожденія. Извѣстно, что гр. Сологубъ въ „Чиновникѣ" своемъ высказалъ, устами пресловутаго Надимова, довольно софистическое положеніе о необходимости замѣстить на службѣ (для вящшей ея пользы и искорененія злоупотребленій) бѣдныхъ и незначительныхъ чиновниковъ богатыми и знатными людьми. На софизмъ гр. Сологуба г. Львовъ отвѣчаетъ нынѣ другой комедіей, или, лучше, другимъ софизмомъ, который странную идею гр. Сологуба выворачиваетъ на изнанку, не дѣлаясь отъ этого лучше и правдоподобнѣе самъ по себѣ. Вмѣсто аристократическаго Надимова, возмущающагося предложенной ему взяткой, является бѣдный, истомленный труженикъ канцеляріи, уступающій плоды своей работы другимъ, никогда не награждаемый и тоже возмущающійся предложенной ему взяткой. Если спросить, кто изъ нихъ болѣе достоинъ уваженія, то, разумѣется, преимущество окажется на сторонѣ г. Волкова; авторъ, конечно, перещеголялъ гр. Сологуба въ изображеніи и изобрѣтеніи идеальнаго характера. Что́ за идеалъ, въ самомъ дѣлѣ, разругать окружающихъ людей за подарокъ, въ которомъ нисколько не нуждаешься? Гораздо идеальнѣе воздвигнуть на нихъ бурю, когда предложеніе совпадаетъ съ тѣснымъ и затруднительнымъ положеніемъ искушаемаго. Полемическая мысль автора свѣтится во всемъ, такъ сказать, составѣ комедіи. Надимовъ, какъ извѣстно, призываетъ своихъ собратій, туристовъ по Европѣ и Африкѣ, молодыхъ помѣщиковъ, занимающихся науками по деревнямъ, и свѣтскихъ людей, знающихъ приличія, на спасеніе службы, запятнанной корыстными цѣлями записныхъ служакъ. Нашъ авторъ указываетъ на подобныхъ избранниковъ, какъ на людей, которые отъ службы ждутъ средствъ покрыть со временемъ изъянъ, нанесенный ихъ карману ростовщиками и разорительнымъ обществомъ устарѣлыхъ Матильдъ, Клемантинъ, и т. п. Таковъ у него чиновникъ особыхъ порученій Лисицкій, весьма искусно очерченный. Въ крайнемъ случаѣ, избранники эти, занимая значительныя должности, освобождены отъ всякаго труда и отвѣтственности, благодаря род-

ству съ дядюшкой-начальникомъ: таковъ не менѣе ловко обрисованный столоначальникъ, баронъ Лихтенталь, молодой вертопрахъ, всѣ обязанности котораго состоятъ въ отысканіи еще неизвѣстныхъ Матильдъ, Клемантинъ и т. п. Настоящую опору для службы долженъ представлять герой комедіи, г. Волковъ, изъ разряда бѣдныхъ, образованныхъ канцелярскихъ чиновниковъ, вдвойнѣ истомленныхъ работой за другихъ и нищетой. Оба автора, можетъ быть, правы въ оцѣнкѣ людей, занимающихъ мѣста, и только разнятся, какъ мы видимъ, въ воззрѣніяхъ касательно исправленія существующаго порядка дѣлъ. Г. Волковъ есть перевернутый типъ Надимова, но спѣшимъ прибавить, что мы все-таки скорѣе на сторонѣ г. Волкова, чѣмъ г. Надимова, потому что страданія безвѣстнаго, но честнаго труженика, какъ бы ложно ни глядѣлъ онъ на самого себя, гораздо ближе къ сердцу всякаго человѣка, чѣмъ выдумки празднаго ума, не знающаго куда обратиться и вздумавшаго, наконецъ, предложить себя къ услугамъ и на обновленіе общества.

Существенный недостатокъ комедіи г. Львова состоитъ именно въ томъ, что, несмотря на трагическое положеніе главнаго дѣйствующаго лица, мы никакъ не можемъ вполнѣ ему сочувствовать: усилія зрителя — прожить съ нимъ нѣсколько мгновеній совершенно одной жизнью, безпрестанно обманываются, несмотря на все доброе желаніе наше. Происходитъ это не столько отъ разсужденій и патетическихъ возгласовъ труженика, не всегда дѣльныхъ, сколько отъ образа его дѣйствій, которыя допускаютъ не совсѣмъ благопріятныя толкованія. Послѣднее обстоятельство всего лучше доказываетъ, что самый образъ героя не вполнѣ былъ ясенъ автору, когда онъ принялся за созданіе. Человѣку, какъ г. Волковъ, защищающему въ собственной особѣ многочисленный классъ безвѣстныхъ работниковъ, на плечахъ которыхъ выходятъ въ люди смышленые господа, не удостоивающіе и взглядомъ свою подпору — такому человѣку позволительно обмолвиться нѣсколькими пустыми, риторическими фразами, но гораздо менѣе позволительны ему излишняя снисходительность и податливость, вызывающія презрѣніе. Образованный г. Волковъ принужденъ былъ домашними обстоятельствами покинуть университетъ прежде окончанія курса. Онъ горько сожалѣетъ о томъ и съ презрѣніемъ отзывается о почетномъ листѣ бумаги, въ который люди завертываются, словно въ коверъ-самолетъ, при самомъ вступленіи своемъ въ свѣтъ, и скачутъ, благодаря ему, впередъ, безъ труда и опыта. Положимъ, что такъ; но г. Волковъ намекаетъ въ то же время своему сопернику, распутному помѣщику Лисицкому, гордящемуся дипломомъ на службѣ, объ одномъ странномъ обстоя-

тельствѣ. Лисицкій именно обязанъ званіемъ кандидата диссертаціи, написанной не имъ, а другимъ, т.-е. самимъ г. Волковымъ, и это— по чувству дружбы и товарищества. Дѣйствительно, дружба и товарищество — весьма хорошія вещи, но врядъ-ли имѣютъ право требовать подобнаго рода услугъ. Отсутствіе гордости и самостоятельности въ Волковѣ, склонившемся на такое предложеніе, съ-разу показываетъ, что въ представители работающаго класса и въ идеальные герои онъ совсѣмъ не годится. Этимъ еще не ограничиваются странныя снисхожденія г. Волкова. Нѣсколько позже, тому же Лисицкому поручено было составить какой-то трудный проектъ, превышающій его способность: онъ нанимаетъ за 500 р. стараго товарища и будущаго героя нашего, г. Волкова, для исполненія обязанности, по окончаніи которой г. Волковъ имѣетъ двойное удовольствіе — видѣть г. Лисицкаго съ орденомъ за примѣрное исполненіе дѣла и видѣть, какъ онъ отказывается отъ платежа должной суммы. Насколько справедливы краснорѣчивые упреки г. Волкова за то и другое, предоставляемъ судить читателямъ; но намъ кажется, что при этомъ случаѣ онъ сходитъ изъ идеальныхъ героевъ въ скромную сферу неудовлетвореннаго наемника. Скажутъ: къ чему не приводитъ насъ бѣдность? Правда — и если бѣдность безъ претензіи, то чѣмъ болѣе дѣлаетъ она жертвъ, чѣмъ болѣе отяготѣло на ней эгоистическихъ разсчетовъ, тѣмъ она почтеннѣе и благороднѣе. Но отъ гордой сознательной бѣдности, выступающей съ поученіемъ и мыслію поразить сердца высокимъ примѣромъ твердости и самоотверженія — что́, конечно, имѣлъ въ виду самъ авторъ комедіи — требуется поболѣе нравственной силы. Она, пожалуй, и броситъ кровавый трудъ свой на разживу спекулянта, но завидовать ему не станетъ, и если была сдѣлка, то по врожденной откровенности будетъ называть сдѣлку сдѣлкой, а не говорить: „Дорого мнѣ стоило согласиться на ваше предложеніе, продать вамъ мысль мою. . . мое дѣтище... но я отдалъ вамъ его не за деньги ваши — не думайте, а за тѣмъ, чтобъ хоть подъ вашимъ именемъ принесъ онъ пользу, которой я отъ него ждалъ...“

Та же самая неясность творческаго представленія отразилась у г. Львова и на созданіи интриги, особенно, когда распутный Лисицкій, украшенный орденомъ и начальническимъ благоволеніемъ, начинаетъ даже волочиться за молодой женой своего несмышленаго товарища, стараясь лишить его и послѣдняго, лучшаго блага на землѣ. Но тутъ вдругъ оказывается, что г. Лисицкій не зналъ, за кѣмъ волочится, что онъ расточалъ деньги и подарки неизвѣстному лицу, которое встрѣтилъ случайно у старой своей пріятельницы, какой-то Аспазіи низшаго разряда, заботящейся о *благополучіи* ближнихъ.

Это дѣло возможное. Бываютъ ребяческія невѣдѣнія и посильнѣе этого. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ комедіи, напримѣръ, вскользь поминаетъ о добромъ, мягкомъ, благородномъ и благонамѣренномъ начальникѣ, который не вполнѣ зналъ, кто у него служитъ. Но допустимъ это условіе,—проступокъ Лисицкаго, какъ ни безнравственъ въ самомъ себѣ, не можетъ однако же служить драматической завязкой; это — qui-proquo водевиля, а не источникъ трагическаго положенія. Можно извинить отчасти Лисицкаго аристократическимъ равнодушіемъ, которое даже не имѣетъ надобности знать имени и званія своихъ жертвъ; но, съ другой стороны, кажется намъ, не будетъ излишней смѣлостью предположить, что аристократъ, нанимающій товарища своего для совершенія подлога, обязанъ по крайней мѣрѣ освѣдомиться, кто этотъ товарищъ и каковы обстоятельства его жизни. Или онъ убѣжденъ, что стóитъ только показать деньги первому встрѣчному, и тотъ пойдетъ за нимъ на какое угодно дѣло (поступки Волкова могли пріучить его къ этой мысли); но тутъ опять встрѣчается затрудненіе. Человѣкъ, все благосостояніе котораго зиждется на интригѣ и употребленіи людей въ свою пользу, не можетъ отличаться наивнымъ отсутствіемъ всякаго любопытства, пренебреженіемъ къ справкѣ и добродушной беззаботностью въ отношеніи ближнихъ.

Образъ жизни г. Волкова въ этихъ обстоятельствахъ, признаемся, поражаетъ насъ столько же, сколько и поступки его соперника, аристократическаго Лисицкаго. Образованный, честный и умный Волковъ, будучи женатъ, нанимаетъ квартиру въ домѣ отжившей барыни веселаго характера, по фамиліи „Декъ“, которой и задолжалъ за три мѣсяца найма. Скажутъ опять — бѣдность! Но вѣдь въ томъ и дѣло, чтобъ показать зрителю, съ какимъ достоинствомъ и съ какой разсудительностію можетъ быть носима бѣдность иными людьми, а бѣдность, хватающуюся за что ни попало, не стоило и показывать. Она, конечно, достойна состраданія, но любви и удивленія, на которыя напрашивается г. Волковъ, заслужить не можетъ. Мало того: поселившись въ домѣ „Декъ“, онъ такъ же ничего не видитъ, какъ и Лисицкій, и свободно позволяетъ молодой и образованной женѣ своей дружескія сношенія съ хозяйкой, дверь которой всегда отперта для нея. Да и не одна эта дверь отперта, но и всѣ двери дома, какъ и слѣдуетъ быть въ жилищѣ г-жи Декъ, отперты настежъ. Изъ комнаты трудолюбиваго, добропорядочнаго Волкова, которому особенно нужно уединеніе для усиленной его работы, образуется нѣчто въ родѣ сквозного двора. Въ эту комнату, и даже въ спальню его, входятъ безъ церемоніи и Лисицкій, и баронъ Лихтенталь, вертопрахъ, имѣющій дядюшку, и г-жа Декъ, указывающая дорогу

обоимъ. Странно и грустно видѣть это торжище, образовавшееся на томъ мѣстѣ, гдѣ мы видѣли поутру г. Волкова за столомъ, съ лампой, доканчивающаго въ томительной работѣ свою безсонную ночь, на томъ самомъ мѣстѣ, куда трудолюбивая бѣдность уходитъ отъ волненія жизни и гдѣ обрѣтаетъ, можетъ статься, силу и способность бороться съ ними. Такую комнату имѣютъ самобѣднѣйшіе, но нѣсколько мыслящіе и соображающіе люди. Мало разсудительности выказываетъ г. Волковъ вообще, а еще менѣе заботливости и попеченія о единственномъ сокровищѣ въ жизни, женѣ своей, которую онъ отдаетъ въ руки г-жи Декъ. И добро бы—тяжело было угадать свойство этой женщины, но она, надо сознаться, выступаетъ у автора съ поразительной вѣрностью своему характеру, такъ что сомнѣваться и недоумѣвать могъ только человѣкъ, лишенный самой крошечной доли житейскаго опыта. Покуда всѣ, кому нужно, разгуливаютъ, такимъ образомъ, по квартирѣ г. Волкова, отставной исправникъ, негодяй, дѣло о которомъ находится въ рукахъ нашего героя, влѣзаетъ туда уже въ окно, и притомъ среди бѣлаго дня. Трудъ напрасный. Онъ могъ бы избавить себя отъ необходимости карабкаться по стѣнамъ, въ виду народа, и имѣлъ вѣрное средство достичь кабинета г. Волкова, какъ и всѣ другіе, гораздо проще. Негодяй крадетъ со стола дѣло, за уничтоженіе котораго еще недавно предлагалъ г. Волкову десять тысячъ рублей, и эта покража наноситъ послѣдній ударъ бѣдному труженику, оскорбленному въ самолюбіи, пораженному въ достоинствѣ семьянина и теперь опозоренному въ глазахъ начальства и всего общества.

Мы обращаемъ вниманіе г. Львова на одно обстоятельство, которое онъ, можетъ быть, приметъ въ соображеніе при дальнѣйшей своей литературной дѣятельности, продолженія которой желаемъ отъ всей души. Послѣдняя, рѣшительная катастрофа, подавляющая лицо подъ тяжестью незаслуженнаго страданія и предназначенная возбудить глубокое сочувствіе зрителя, никакъ не должна принадлежать къ разряду непредвидимыхъ, тупыхъ, ничего не выражающихъ случаевъ, какъ пожаръ, покража, выстрѣлъ изъ пистолета и проч. Мы знаемъ очень хорошо, что послѣдствія ихъ бываютъ весьма горестны, но въ литературномъ произведеніи зритель и читатель приготовлены совсѣмъ не къ того рода горести, на которую единственный, возможный отвѣтъ находится въ мѣрахъ благотворительности или въ отысканіи и наказаніи преступника. Катастрофа должна быть результатомъ всего предшествующаго развитія драмы и всѣхъ обстоятельствъ, сложившихся вокругъ главнаго лица, а потому имѣть какой-либо нравственный смыслъ для него и для зрителя. Простое насиліе, какъ и внезапный случай, никогда не заслужатъ чести быть дѣльной ката-

строфой: въ нихъ нѣтъ смысла, и они не допускаютъ нравственнаго вывода. Съ насилія или случая нельзя даже начинать драмы, а тѣмъ менѣе представляется возможности оканчивать ими драматическое развитіе. Правда, любимыя пьесы французскаго репертуара всѣ исполнены подобнаго рода катастрофъ, но, кажется, нѣтъ никакой надобности переносить взглядъ *бульварныхъ* французскихъ драматурговъ на нашу сцену, еще не имѣющую фальшивыхъ привычекъ и ложныхъ укоренившихся пріемовъ.

Если мы позволяемъ себѣ подробный разборъ характеровъ, выведенныхъ комедіей, и отношеній, существующихъ между лицами ея, то совсѣмъ не изъ желанія поставить самихъ себя на мѣсто автора и похвастаться лучшимъ пониманіемъ сущности его типовъ и связей, которые должны образоваться между ними. Мы стараемся только прослѣдить мысль автора, уловить, по мѣрѣ силъ, всѣ ея движенія, бывшія поводомъ къ созданію той или другой подробности, къ допущенію и вводу извѣстной черты или оттѣнка. Въ этомъ смыслѣ, характеръ молодой жены г. Волкова особенно любопытенъ для изслѣдованія. Авторъ комедіи не рѣшился показать своей публикѣ простую, умную и любящую женщину, взятую изъ тѣхъ же слоевъ общества, къ которымъ причисляетъ онъ ея мужа, и сохраняющую тотъ же честный, здравый взглядъ на жизнь, какой послѣдній вынесъ оттуда самъ. — Вѣроятно, созданіе подобнаго лица показалось автору слишкомъ смѣло: на судъ „избранной“ публики явилась бы тогда супружеская чета, изъ одного и того же малоизвѣстнаго, но почтеннаго класса. Богъ знаетъ, расположена ли была бы публика считать за достоинство тó, что въ этомъ обществѣ признается достоинствомъ, поняла ли бы она такое явленіе и не смѣялась ли бы „мѣщанскимъ затѣямъ“ писателя. Въ мужчинѣ твердость правилъ, прямота сужденія, независимость и самостоятельность еще кой-какъ идутъ; но отъ женщины, и особенно отъ женщины, выведенной на сцену, требуется у насъ совсѣмъ другое. Любви и ума еще мало: надобно, чтобъ она была *интересна;* естественной граціи, порождаемой ясностію мысли и чистотой души — тоже мало: надобны извѣстные пріемы, пріобрѣтаемые только воспитаніемъ въ хорошемъ домѣ... Наконецъ, надобно даже, чтобъ самая бѣдность служила какъ-бы нарядомъ для женщины, а этого добиться иначе нельзя, какъ показавъ бѣдность одной только случайностью, къ которой она никогда не готовилась прежде... При такомъ требованіи театральной публики, „уступки“ со стороны автора были необходимы. Жена Волкова — дочь бѣдныхъ родителей, но она воспитывалась въ домѣ графини Рославской, считавшей ее своею дочерью, приготовлявшей ей отличное положеніе въ свѣтѣ и умершей, не исполнивъ своего намѣренія.

Послѣ этого извѣстія, бѣдность ея достаточно облагорожена, и всякій изъ присутствующихъ въ залѣ очень хорошо понимаетъ, что героиня, несмотря на ситцевое платье свое, стоитъ вровень съ нимъ и что съ ней можно имѣть дѣло. Кажется, то же самое думаетъ и она про себя, да, судя по нѣкоторымъ фразамъ, и мужъ расположенъ цѣнить это обстоятельство съ надлежащей точки зрѣнія. Во всѣхъ важныхъ случаяхъ жизни г-жа Волкова ссылается на свое воспитаніе и на графиню: они не выходятъ изъ ума ея и тогда, когда голодная нищета стучится въ ея двери. Вотъ окончаніе одного ея монолога: «Сегодня намъ нечего ѣсть, поймите вы это... Послѣднее, чтó оставалось отъ жалованья, мы отдали доктору, купили лекарства для нашихъ дѣтей; вещи, которыя дала мнѣ графиня, мы продали пока мужъ искалъ себѣ службы; да и кстати ли было бы мести самой комнаты, готовить обѣдъ — и въ шелковыхъ платьяхъ, въ собольемъ салопѣ на рынокъ ходить? Теперь ничего не осталось; сегодня отнимутъ послѣднее... Но я просить не могу!.. Какъ?.. Я?.. дочь заслуженнаго полковника, воспитанница графини Рославской, которая звала меня своей дочерью, я протяну руку... никогда, никогда!“ (Комедіи стр. 51). Послѣ этого г-жа Волкова можетъ прибѣгать къ пространнымъ разсужденіямъ о настоящихъ обязанностяхъ жены; все ей прощается умиленнымъ зрителемъ. Правда, эти черты и многія другія доказываютъ, что авторъ списалъ женское лицо своей комедіи не изъ жизни, а изъ романовъ и театральныхъ воспоминаній, но за то лицо всѣми принято и понято безъ малѣйшаго возраженія, какъ давно знакомое, родное каждому и не возбуждающее никакой мысли, вопроса и сомнѣнія о собственномъ нашемъ воззрѣніи на достоинство людей вообще и женщинъ въ частности.

Нужно ли говорить, какимъ способомъ разрѣшаются запутанныя дѣла г. Волкова? Мы встрѣчаемъ въ комедіи лицо, напоминающее намъ „Дѣвочкина“ и старые типы г. Достоевскаго, только съ меньшимъ оттѣнкомъ поэзіи и съ меньшимъ психическимъ анализомъ. Добрый, мягкосердый, Павелъ Виссаріоновичъ Простота, невинный и незлобивый какъ дитя, принадлежитъ тоже къ разряду второстепенныхъ пренебрегаемыхъ чиновниковъ, которые нашли въ авторѣ краснорѣчиваго и талантливаго адвоката. Простота ухаживаетъ за семействомъ Волкова, какъ нянька, и это — столько же по внушеніямъ своего сердца, сколько и по чувству благодарности. Онъ былъ спасенъ г. Волковымъ отъ бѣды, но бѣда эта имѣетъ такой частный канцелярскій характеръ, что не всякій можетъ и понять ее надлежащимъ образомъ. Она отчасти похожа на страданіе отъ малаго чина, мѣшающаго занять приличное мѣсто, чѣмъ такъ томится самъ г. Волковъ. Дѣло въ томъ, что трезвый и вообще приличный г. Простота од-

нажды охмѣлѣлъ на вечеринкѣ пріятеля, вышелъ зимой на улицу и заснулъ на тротуарѣ. Онъ рисковалъ жизнью, но это еще не самая большая напасть въ такомъ случаѣ: онъ рисковалъ, что его подберетъ полиція и представитъ начальству. Изъ всѣхъ товарищей пиршества никто не позаботился о бѣдномъ, растерявшемся собесѣдникѣ: одинъ г. Волковъ поднялъ его, уложилъ въ сани, привезъ домой и далъ выспаться. Не нужно прибавлять, что Простота, который смотритъ съ этихъ поръ на г. Волкова не иначе, какъ на героя добродѣтели, при первомъ извѣстіи о пропажѣ дѣла бросается за негодяемъ-исправникомъ, отыскиваетъ его слѣды, догоняетъ на дорогѣ, отнимаетъ похищенныя бумаги и, что̀ не менѣе важно, оканчиваетъ тѣмъ самымъ комедію. Чести быть рѣшителемъ судебъ и провидѣніемъ для всѣхъ окружающихъ онъ никакъ не ожидалъ, но это происходило у него, полагаемъ, отъ незнанія обыкновенныхъ пріемовъ литературы, пренебрегающей условіями художественности. Тутъ никто не можетъ быть увѣренъ, на что̀ онъ годенъ, что̀ онъ сдѣлаетъ и куда попадется. Да и притомъ покража была сдѣлана нечаянно и нежданно, — возвращеніе покражи должно быть также нечаянно и нежданно: это ясно какъ отношеніе съ вопросомъ, за которымъ слѣдуетъ тотчасъ же отношеніе съ отвѣтомъ.

Здѣсь мы должны однакоже обратить вниманіе читателей на лицевую сторону комедіи и, сверхъ достоинства честнаго сатирика, признать за авторомъ и ту долю таланта, которую онъ показалъ въ созданіи второстепенныхъ лицъ. Главныя дѣйствующія лица ему не удались, отъ смутнаго представленія ихъ характеровъ; постройка комедіи не выдерживаетъ критики, отъ легкаго пониманія самой задачи, какую предложилъ себѣ авторъ; но лица, стоящія на второмъ планѣ и списанныя прямо съ натуры, свидѣтельствуютъ какъ о развитой его наблюдательности, такъ и способности схватывать родовыя черты физіономій. Лисицкій, баронъ Лихтенталь, экзекуторъ Евлампій Ермолаевичъ, исправникъ Иванчиковъ, г-жа Декъ — это живые образы, выросшіе каждый на своей особенной, ядовитой почвѣ. Дѣйствіе ихъ на публику удвоивается отъ искусства, съ какимъ авторъ заставляетъ ихъ часто однимъ словомъ, одной незначительной фразой открывать все безпомощное состояніе ихъ души, всю бездну испорченности, которая вдругъ кидается цѣликомъ въ глаза ваши. Такихъ намековъ, такихъ мгновенныхъ и страшныхъ разоблаченій много въ этой комедіи, и мы не станемъ подбирать ихъ: публика съ горькимъ хохотомъ исполнила эту обязанность прежде насъ и, надо сказать, не пропустила ни одного безъ вниманія. Притомъ же г. Львовъ получилъ счастливую возможность громко сказать то, что молчаливо лежало въ книгахъ и журналахъ. Живое

слово общительно: оно долѣе держится въ памяти, легче принимается и понимается. Эта выгода, которой г. Львовъ обязанъ и значительною долей успѣха, имѣетъ однакоже и своего рода отвѣтственность. Судя по первому опыту г. Львова, намъ кажется, что путь, на которомъ онъ встрѣтилъ столько рукоплесканій и на которомъ подражатели его найдутъ, конечно, не менѣе цвѣтовъ и похвалъ, уже слишкомъ легокъ. Мы предвидимъ съ его счастливой руки цѣлый рядъ комедій, гдѣ механически связанные и противопоставленные характеры будутъ только говорить о внутреннемъ безобразіи своемъ и затѣмъ весьма мало заботиться объ относительной разумности и естественности своихъ поступковъ, какъ будто первое совершенно освобождаетъ отъ послѣдняго. Замѣтки наши клонились именно къ тому, чтобъ напомнить почтенному автору и будущимъ его подражателямъ о существованіи артистическихъ или художническихъ требованій, не отстраняемыхъ никакимъ направленіемъ, если только направленіе не вздумаетъ объявить уничтоженіе, на извѣстный срокъ, всѣхъ доселѣ дѣйствовавшихъ законовъ творчества и самой мысли. Правда, тогда это походило бы на что-то въ родѣ литературнаго coup d'état, и послѣдствія мѣры не замедлили бы оказаться: мы получили бы простое царство каприза въ словесности, копировку случайностей, пониженіе горизонта идей, причемъ погибла бы безъ дѣйствія и вліянія даже и та благотворная мысль, которая вызвала и подняла существующее направленіе. Спасеніе отъ горькой бѣды этой заключается единственно въ артистическомъ обсужденіи всѣхъ сторонъ предмета, выбраннаго для представленія, и въ утвержденіи его на прочномъ основаніи мысли. Мы уже видѣли, въ какой незначительной степени проявилась у г. Львова способность соображенія различныхъ частей и подробностей созданія, а мысль комедіи — это г. Волковъ.

Мы никакъ не можемъ разстаться съ этимъ *оборотнемъ,* въ котораго преобразился Надимовъ, не упомянувъ о знаменитыхъ монологахъ его. Всѣ обстоятельства жизни разрѣшаются у канцелярскаго чиновника нашего монологами. Что они совершенно трагическіе, и притомъ въ классическомъ вкусѣ, доказалъ намъ и талантливый артистъ, котораго мы видѣли въ этой роли. Мало того, что онъ велъ ее съ жаромъ, какимъ не погнушался бы и человѣкъ въ красной тогѣ и котурнахъ, но случалось, что по окончаніи монолога онъ складывалъ руки и разсѣянно смотрѣлъ на ложи и кресла. Это уже несомнѣнный признакъ трагическаго свойства монологовъ, въ которомъ убѣждаетъ насъ и риторическая постройка ихъ. Взглядъ г. Волкова на жизнь узокъ въ рѣдкой степени. Канцелярскій чиновникъ несчастливъ въ умозаключеніяхъ. Съ глубо-

кимъ участіемъ слушаемъ мы его, когда онъ повѣствуетъ о разныхъ способахъ, какими люди достигаютъ богатства и почестей, или когда уличаетъ сотоварищей въ поползновеніяхъ, одинъ намекъ на которыя производитъ болѣзненное чувство въ постороннемъ; но когда доходитъ онъ до вывода и выраженія собственнаго сужденія, то бѣдность взгляда и нравственнаго содержанія его поражаетъ наблюдателя, несмотря на громъ и трескъ его рѣчей. Онъ никакъ не можетъ понять, что для человѣка его умственныхъ и душевныхъ качествъ предстоитъ одинъ только возможный конецъ: пробиться наружу, къ свѣту и жизни, на другомъ поприщѣ, если успѣху его дѣлъ въ нынѣшнемъ положеніи мѣшаютъ даже собственныя его достоинства. Въ персонѣ г. Волкова заключенъ какой-то непріятный софизмъ, будто въ Россіи такъ много образованныхъ людей, что ихъ и не замѣчаютъ, что они лишніе люди. Для образованныхъ, въ родѣ Гамлета Щигровскаго уѣзда, это такъ, но для трудолюбивыхъ людей, сознающихъ свои силы и поставленныхъ въ необходимость проявить ихъ даже просто ради возможности существованія, спасаться отъ голода за канцелярскимъ столомъ — вещь совершенно нелѣпая. Однакоже г. Волковъ все стоитъ на одномъ мѣстѣ и сражается оттуда какъ неловкій боецъ, допустившій связать себѣ ноги. Мысль его горестнѣйшимъ образомъ прикована только къ одной цѣли, къ цѣли повышенія, и ничтожество идеала, къ которому онъ стремится, открываетъ ничтожество его натуры. Весь его ропотъ, всѣ его упреки въ ожиданіи повышенія имѣютъ, противъ воли его, характеръ зависти, мелкой канцелярской обидчивости, потому что въ скудномъ источникѣ и рыба встрѣчается не крупнѣе червяка. Бѣднякъ, за второстепеннымъ штатнымъ мѣстомъ, котораго добивается (другого же и дать ему нельзя), не видитъ ничего въ остальномъ Божьемъ мірѣ и не предчувствуетъ даже его существованія, потому что ни разу не упоминаетъ о немъ. Вся его жизнь поглощена ожиданіемъ чина, да безплоднымъ сознаніемъ, что онъ способенъ съ честью занимать всѣ мѣста, которые получаютъ счастливые его сотоварищи. Ему и въ голову не приходитъ подумать о плодотворной общественной дѣятельности вообще; глаза его прикованы неизмѣнно къ однимъ ранговымъ преимуществамъ, и онъ не подозрѣваетъ, что образованность, честность, трудолюбіе и предпріимчивость — капиталъ, который требуется, по крайней мѣрѣ нынѣ, со всѣхъ концовъ Россіи и котораго цѣнность поэтому весьма значительна. Намъ кажется даже, что по образу своихъ мыслей онъ не воспользовался бы и первымъ открывшимся случаемъ употребить въ дѣло этотъ капиталъ внѣ несчастнаго поприща, гдѣ такъ страшно томится: Г. Волковъ при-

надлежитъ къ разряду людей съ убѣжденіемъ, что общественная польза достигается только въ мѣстахъ, оффиціально предназначенныхъ къ этому. Можетъ быть, отъ этого происходитъ и горячая его филиппика противъ злоупотребленій, вкравшихся туда. Это своего рода dépit amoureux — ревность любовника. Онъ свыкся съ мыслію ожидать устройства своей судьбы не отъ самого себя, какъ это бываетъ во многихъ другихъ сферахъ жизни, а отъ благоволенія командировъ, и глубоко оскорбленъ, когда оно неправильно раздается. Волковъ смотритъ на самого себя точно такъ, какъ смотрятъ на него товарищи и начальники. Въ сценѣ съ Лисицкимъ, по поводу оскорбленія, нанесеннаго женѣ, г. Волковъ соглашается, вмѣстѣ съ оскорбителемъ и, вѣроятно, вмѣстѣ съ командирами своими, признать себя ничтожностью потому только, что онъ канцелярскій чиновникъ. Всѣ страданія его сводятся на страданія своимъ чиномъ — этимъ никуда не годнымъ, мелкимъ и неблагодарнымъ родомъ страданій. Волковъ болѣе чиновникъ, чѣмъ человѣкъ и гражданинъ, и вотъ почему намъ кажется, что если нужно обновленіе тому классу людей, о которыхъ такъ часто упоминается въ комедіи, то произойдетъ оно отъ прилива свѣжихъ силъ, открытыхъ гдѣ-нибудь на сторонѣ въ народныхъ группахъ, а совсѣмъ не отъ испорченныхъ и надорванныхъ господъ, въ родѣ Волкова. Мудрено ли послѣ того, что погруженный въ одни канцелярскіе интересы, г. Волковъ пышнымъ складомъ ораторствуетъ противъ глупости и сумасбродства людей, которые, при услугѣ, оказанной служащимъ человѣкомъ, тотчасъ хватаются за карманъ (см. стр. 27 комедіи). То же самое говорилъ и Надимовъ: г. Волкову, обязанному составлять совершенную противоположность съ первымъ, не слѣдовало бы подражать ему; но Надимовъ говорилъ это, движимый сознаніемъ своего аристократическаго достоинства; а г. Волковъ говоритъ это, движимый сознаніемъ своего чиновничьяго достоинства. Разница большая, хотя слова ихъ и приняли одну общую форму, именно риторическую, лучшую изъ всѣхъ для выраженія безсмыслицы. Въ другомъ случаѣ, Волковъ старается образумить стараго взяточника-экзекутора пророческимъ изображеніемъ участи, ожидающей богача, неправильно разжившагося. Онъ грозитъ ему параличомъ, по милости котораго старый грѣшникъ будетъ гдѣ-нибудь въ отдаленной комнатѣ своихъ раззолоченныхъ палатъ валяться какъ полѣно, между тѣмъ какъ жена и дѣти и прислуга заведутъ оргію на другомъ концѣ дома (см. стр. 76 комедіи). Экзекуторъ могъ бы отвѣчать ему другимъ и равносильнымъ предсказаніемъ, именно: что параличъ можетъ точно такъ же посѣтить и честнаго бѣдняка, точно такъ же бросить его, какъ

полѣно въ одной комнатѣ дома, между тѣмъ какъ въ другой соберется голодная семья, преданная на жертву нищетѣ и отчаянію. Еще неизвѣстно, чья-бы картина тогда перещеголяла другую въ эффектѣ красокъ и перспективѣ. Но отчего умный г. Волковъ употребилъ такое странное средство увѣщанія? Именно потому, что онъ привыкъ все понимать чисто внѣшнимъ образомъ и ждать какъ награжденія, такъ и наказанія въ жизни не отъ самого себя, не въ дѣйствіи удовлетвореннаго или разстроеннаго сознанія, а отъ случая, улыбки командировъ, удара паралича и т. п. Это человѣкъ, безкорыстно и страстно любящій опеку.

Надо сознаться, что попытки русской литературы къ созданію идеальныхъ лицъ въ сферѣ служебной жизни до сихъ поръ не совсѣмъ удачны. Эти герои канцелярій, эти типы, предназначаемые въ устроители и поправители нашихъ дѣлъ, важны только тѣмъ, что возникновеніе ихъ изъ среды благородной сатиры и патріотическаго обличенія злоупотребленій свидѣтельствуетъ о потребности перейти къ положительному дѣлу исправленія нравовъ и понятій. Они являются какъ проекты, облеченные только въ живое тѣло, награжденные полнымъ человѣческимъ образомъ, и сохраняютъ разсудочное выраженіе, свойственное проектамъ. Признаковъ жизни, силы, правды и поэзіи, какіе всегда кладетъ чисто-творческая способность на свои произведенія, въ нихъ не встрѣтишь. Таковъ типъ Надимова, какъ мы видѣли, призванный выражать идею о передачѣ власти и вліянія въ богатыя руки, которыя не всегда самыя независимыя и не всегда самыя способныя; таковъ типъ его соперника, Волкова, защищающаго права на власть и вліяніе бѣднаго трудящагося класса чиновниковъ, который не всегда понимаетъ свое человѣческое достоинство такъ, какъ бы слѣдовало. Выборъ между этими двумя типами литература наша предоставляетъ благосклонному читателю, остающемуся въ недоумѣніи, какъ сказочный герой новаго рода, встрѣтившій на распутіи столбъ съ надписью: пойдешь направо — положишь душу, повернешь налѣво — разставайся съ головой. Къ этимъ типамъ можетъ быть присоединенъ еще третій, именно — „Жадова“, изъ комедіи г. Островскаго — „Доходное мѣсто“, которая, спѣшимъ оговориться, по мысли и созданію представляетъ совсѣмъ другое и высшее явленіе, чѣмъ произведеніе теперь нами разбираемое. „Жадовъ“ Островскаго, вступающій въ свѣтъ послѣ университетскаго курса, съ самыми счастливыми убѣжденіями, изнемогаетъ подъ тяжестью нищеты и нелѣпыхъ требованій любимой, безпутной жены своей. Онъ уже готовъ подпасть искушенію и согласиться на сдѣлку съ своею совѣстью, если-бы не психическое чудо, обратившее внезапно и не-

ожиданно капризную и легкомысленную жену его на правый путь и къ чувству долга. Нравственный выводъ изъ семейной исторіи Жадова, весьма живо и художнически изображенный г. Островскимъ, тотъ, намъ кажется, что порядочному чиновнику слѣдуетъ даже быть на сторожѣ противъ соблазновъ домашняго очага и самыхъ естественныхъ слабостей сердца. Для бѣднаго работника канцеляріи — все въ мірѣ есть искушеніе. Но такъ какъ г. Жадовъ еще далеко не достигъ степени стоика, нужной для безпорочнаго прохожденія выбраннаго имъ поприща, то онъ такъ же не годится въ примѣръ и поученіе, какъ и первые два типа; да къ счастію, скажемъ мы, общество мало нуждается и вообще въ типахъ этого рода.

Въ самомъ дѣлѣ, намъ кажется, что мысль, породившая ихъ, не имѣетъ достаточно вѣрныхъ основаній, лишена возможности какого-либо дѣльнаго приложенія къ жизни и, при дальнѣйшемъ развитіи своемъ, даетъ результаты совершенно безплодные, или не даетъ никакихъ результатовъ. Инстинктивное предчувствіе несостоятельности и бѣдности этой мысли заставляетъ публику отвращаться съ пренебреженіемъ отъ различныхъ типовъ, выражающихъ ее; общество не распознаетъ въ нихъ примѣтъ, по которымъ отгадываютъ настоящихъ преобразователей. Для честнаго охраненія важнѣйшихъ интересовъ своихъ и для разумнаго направленія ихъ, ему нужны другіе люди: оно пропускаетъ безъ вниманія всѣхъ этихъ кандидатовъ въ свои спасители, потому что цѣль его — не та, что у доблестныхъ мужей, выказывающихъ передъ нами красоту душевныхъ качествъ и ожидающихъ за то должной награды. Оно стремится къ такому порядку вещей, гдѣ ни одинъ человѣкъ, богатый или бѣдный, образованный по-европейски, или необразованный по-европейски, съ присутствіемъ или съ отсутствіемъ правилъ, не могъ бы дозволить себѣ нарушенія закона и служебной нравственности безъ наказанія судомъ общественнаго мнѣнія и судомъ установленныхъ властей. Какое дѣло обществу до темпераментовъ, привычекъ и наклонностей человѣка? Позволительно труженику, приговоренному къ обязательной работѣ на всю жизнь, разспрашивать со страхомъ о вкусахъ, образѣ мыслей, нравственныхъ воззрѣніяхъ своего господина, потому что отъ нихъ дѣйствительно зависитъ въ сильной степени его собственная участь; но общество совсѣмъ не въ томъ положеніи. Ему нѣтъ никакой надобности справляться — имѣетъ ли человѣкъ, облеченный должностію, львиное сердце Отелло, или кротость агнца; корыстолюбивъ ли онъ какъ Шейлокъ, или безкорыстенъ какъ Баярдъ: оно должно быть укрыто отъ произвола всѣхъ этихъ личностей своими установленіями. (Баярды служебные, какъ извѣстно, тоже

не гнушаются произволомъ, иногда для похвальныхъ цѣлей). Ожидать спасенія для общественнаго порядка и служебной честности единственно отъ хорошаго направленія частнаго лица, отъ его благородства души, твердости добытыхъ имъ правилъ — значитъ основывать порядокъ и служебную честность на случайностяхъ, которыя могутъ быть и могутъ не быть, или быть въ разной степени, иногда недостаточной, иногда превышающей нужды. Всѣ эти понятія, приложенныя къ служебной дѣятельности, нисколько не лучше понятія нашихъ предковъ, ожидавшихъ хорошихъ для себя послѣдствій отъ того, съ какой ноги всталъ поутру значительный человѣкъ съ постели: понятія, перечисленныя нами, составляютъ только первое звено той логической цѣпи, которая приводитъ, наконецъ, человѣка къ мысли о важности того, какова привычка служебнаго лица, и чего требуютъ его голова, сердце и желудокъ. Благородные характеры, возвышенныя души всегда будутъ надежнѣйшей опорой общества, но не менѣе того важенъ и порядокъ вещей, гдѣ отсутствіе ихъ и даже паденіе, вольное или невольное, не составляли бы полнаго, неисцѣлимаго бѣдствія. Обрѣтеніе такого порядка вещей и есть именно „идеалъ“ всякаго общества, руководимаго, какъ наше, мудрою и патріотическою волей. Если бы дѣйствительно, какъ насъ хотятъ увѣрить, въ похвальномъ поведеніи отдѣльныхъ служебныхъ единицъ заключалось и единственное условіе общественнаго развитія и успѣха, то, конечно, идеальные типы чиновниковъ, представленные намъ авторами разныхъ комедій, заслуживали бы весьма серьёзнаго изученія. Каждое слово, каждое движеніе и даже каждое мимолетное восклицаніе ихъ должны бы цѣниться на подобіе буквы Алкорана: вѣдь отъ нихъ зависитъ въ будущемъ судьба правды на землѣ, но—увы!—въ сущности отъ нихъ ничего не зависитъ, даже ихъ собственная жизнь и одинаковое направленіе... Мы можемъ смѣло отнять отъ нихъ роль Буддъ, если бы они и имѣли на нее претензію, чего мы не думаемъ однакожъ. Намъ скажутъ, что въ изображеніи этихъ идеальныхъ лицъ все-таки представлена современная жизнь со всѣми условіями ея борьбы, страданій, паденій и исканій. Это такъ: картина борьбы этой имѣетъ даже у насъ почти всегда полезный нравоучительный характеръ: лицо ведетъ борьбу или съ самимъ собою, или съ глубокой испорченностію торжествующаго невѣжества; но, какъ всѣ произведенія переходныхъ эпохъ, она весьма мало способствуетъ общему дѣлу замѣненія ложныхъ понятій болѣе здравыми и свѣтлыми понятіями. Это—печальный туманъ, въ которомъ отражается множество не совсѣмъ зрѣлыхъ идей, фантастическихъ и отчасти легкомысленныхъ

представленій. Благо намъ, что туманы вообще непродолжительны. Едва только взойдетъ солнце и мало-мальски освѣтитъ край горизонта, — и нашъ литературный туманъ, со всей его игрой свѣто-тѣни и разныхъ переливовъ, долженъ неизбѣжно разсѣяться и очистить землю для настоящаго труда и должнаго обсужденія вопросовъ. Это уже и начинается.

„Атеней“, 1858 г.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТИПЪ

СЛАБАГО ЧЕЛОВѢКА.

По поводу Тургеневской „Аси“.

Мнѣ случилось весьма поздно прочесть замѣчательную статью въ № 18 „Атенея“: „Русскій человѣкъ на rendez-vous“; но мысли, возбуждаемыя ею, кажется, могутъ быть еще своевременны и спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ея выхода въ свѣтъ. Вѣроятно рѣдкій изъ нашихъ читателей пропустилъ безъ вниманія статью, въ которой такъ очевидно показана связь литературныхъ типовъ съ живыми людьми и характерами эпохи и въ которой слабость, безхарактерность любовника, представленнаго намъ авторомъ „Аси“, такъ искусно и ярко объяснены сомнительнымъ нравственнымъ состояніемъ этого лица и того класса, къ которому оно принадлежитъ. Этотъ любовникъ или „Ромео“, какъ его называетъ авторъ, оказался несостоятельнымъ и ничтожнымъ человѣкомъ тотчасъ, какъ только былъ поставленъ лицомъ къ лицу съ истинной страстью, какъ только пришло время замѣнить размышленіе чѣмъ-нибудь похожимъ на поступокъ, словомъ — какъ только приведенъ онъ былъ неожиданно къ *дѣлу*. Дѣло застаетъ этого бѣднаго человѣка, точно одну изъ неразумныхъ женщинъ притчи, съ погашеннымъ свѣтильникомъ ума и воли. Мы считаемъ самой блестящей стороною критики у автора развитіе той мысли, что, по законамъ неопровержимой аналогіи, люди, подобные нашему Ромео, покажутъ одинаковое отсутствіе энергіи и способности дѣйствовать всюду, куда бы они ни были призваны, и убѣгутъ со всякаго честнаго поля труда, какое представитъ имъ неожиданное сочетаніе обстоятельствъ или счастливый случай. При предполагаемомъ большинствѣ людей этого рода, общій выводъ, конечно, не имѣетъ въ себѣ ничего очень утѣшительнаго.

Несмотря на живое впечатлѣніе, оставляемое упомянутой статьей,

никому, вѣроятно, не придетъ въ голову отвергать существованіе между образованнымъ классомъ общества, о которомъ только и рѣчь идетъ, смѣлыхъ, рѣшительныхъ людей и такъ-называемыхъ *„цѣльныхъ* характеровъ". Мы разумѣемъ подъ „цѣльными характерами" тѣхъ людей, которые слѣдуютъ невольно и неуклонно, въ большихъ и малыхъ вещахъ, однѣмъ потребностямъ собственной природы, мало подчиняясь всему, что́ лежитъ внѣ ея, начиная съ понятій, пріобрѣтенныхъ изъ книгъ, до мыслей, полученныхъ процессомъ собственнаго мозгового развитія. Такіе люди иногда скрываютъ, по разсчету, животные инстинкты, сильно живущіе и преимущественно дѣйствующіе въ ихъ нравственномъ организмѣ, но большею частью бываютъ увлечены ими и возвращены къ основной чертѣ своего характера — откровенности. Они рѣдко колеблются въ выборѣ образа дѣйствій: онъ уже подсказанъ имъ заранѣе собственной ихъ натурой. Что подобные люди, вмѣстѣ съ смѣлыми и рѣшительными характерами, должны существовать въ каждомъ обществѣ, я думаю не можетъ быть сомнѣнія; иначе пришлось бы, съ равной основательностью, допустить гипотезу, что цѣлая страна, и безъ помощи Альпъ, можетъ быть населена однимъ поколѣніемъ кретиновъ, или что, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, она можетъ цѣликомъ состоять изъ людей съ разстроенными первами и не имѣть ни одного лица, награжденнаго здоровымъ позвоночнымъ столбомъ. Логическая необходимость, также какъ и правда жизни, одинаково требуютъ согласиться на нѣкотораго рода уступку и признать возможность дѣйствительнаго существованія твердыхъ, стойкихъ и предпріимчивыхъ характеровъ, хотя бы то было въ такомъ маломъ количествѣ, въ какомъ только угодно или можно себѣ вообразить.

Если положеніе наше справедливо, то значеніе упомянутой статьи можетъ быть еще расширено, или — лучше — задача, которую она имѣла въ виду, дополняется новой и отчасти родственной ей задачей. Каждый читатель именно можетъ предложить себѣ вопросъ навыворотъ, такимъ образомъ: „Каковъ русскій *смѣлый* человѣкъ на rendez-vous и при другихъ обстоятельствахъ?" Намъ кажется, что типъ безхарактернаго человѣка только тогда вполнѣ и уяснится, когда рядомъ съ нимъ будетъ поставленъ противоположный ему типъ „цѣльнаго" современнаго характера и когда оба будутъ провѣрены одинъ другимъ. Здѣсь однакожъ, на первыхъ шагахъ къ изслѣдованію, останавливаетъ насъ довольно замѣчательное явленіе: русская литература послѣднихъ годовъ питаетъ видимо необычайное отвращеніе къ *„смѣлому"* человѣку! Мало того что, по какому-то непонятному пренебреженію собственныхъ выгодъ, она тщательно разработываетъ все одинъ и тотъ же типъ, весьма мало

эффектный и въ сущности чрезвычайно сбивчивый, благодаря его слабымъ, неопредѣленнымъ и часто мѣняющимся чертамъ, но когда она нисходитъ къ противоположному характеру смѣлаго лица, то представляетъ его, большею частью, въ комическомъ видѣ хвастуна, фразёра, ужаса большихъ дорогъ и всякаго разумнаго порядка. Литература нисколько не обольщена великолѣпнымъ типомъ самостоятельнаго человѣка, открывающимъ, повидимому, средства для заявленія свѣжести, мощи и поэзіи таланта, а напротивъ, предоставила его вполнѣ составителямъ трагедій изъ древней нашей жизни, гдѣ онъ и царствуетъ въ не менѣе комическомъ видѣ Ляпуновыхъ, Курбскихъ, Скопиныхъ, и т. п., едва ли понимающихъ и сами, что́ говорятъ. Отвѣтъ на это странное явленіе, которое, пожалуй, посторонній приметъ за извращеніе эстетическаго вкуса и за пагубный примѣръ ложныхъ симпатій, можетъ дать только изслѣдованіе нравственныхъ качествъ *„современнаго“* цѣльнаго характера, да то же изслѣдованіе вмѣстѣ съ тѣмъ и покажетъ окончательно: заслуживаетъ ли смѣлый человѣкъ *„нашего времени“* лучшей участи, чѣмъ та, которая постигла его въ литературѣ.

Мы съ намѣреніемъ сообщили вопросительной фразѣ нашей оговорку, прикрѣпляющую предметъ нашего разсужденія къ современности, къ настоящей минутѣ и къ извѣстному, опредѣленному порядку явленій. Всякое изслѣдованіе должно быть необходимо ограничено условіями времени и мѣстности, чѣмъ оно и отличается отъ литературнаго поученія, которое не имѣетъ надобности останавливаться передъ ними. Поученіе литературное дѣйствуетъ свободнѣе и независимѣе изслѣдованія: оно часто смотритъ поверхъ жизненныхъ явленій и далеко за ними, на дальнемъ и еще пустомъ горизонтѣ, чертитъ пророческія слова свои. И сохрани насъ Богъ сомнѣваться въ великой пользѣ этой работы поученія, открывающей медленному, всегда тяжелому ходу событій его настоящую цѣль и единственную вѣрную дорогу къ ней. Оно опережаетъ жизнь, но для того, чтобъ обогатить ее сводомъ опытовъ и истинъ, почерпнутыхъ въ изученіи самыхъ законовъ, по которымъ развивается всякая жизнь. Никакому виду дѣятельности не предстоитъ, можетъ-быть, бо́льшей доли участія и труда въ созданіи здравыхъ идей о гражданской и жизненной самостоятельности (за идеями придутъ и люди), какъ поученію. Оно должно убѣдить наиболѣе легкомысленныхъ, что горы свѣдѣній и всѣ сокровища цивилизаціи суть только сырой матеріалъ, изъ котораго самъ человѣкъ прядетъ ткань своей жизни съ красивымъ или безобразнымъ рисункомъ, на пользу или на позоръ себѣ; поученію также предстоитъ объяснить, что познанія, которыми человѣкъ гордится, условія

общественной жизни, которыми наслаждается, и даже удовольствіе созидать мысли до безконечности даны ему благотворнымъ дѣйствіемъ общества, государства, и если въ немъ нѣтъ воли, энергіи и потребности возвратить обществу трудомъ своимъ хоть часть того, что́ имъ взято задаромъ — человѣкъ не заслуживаетъ даже названія честнаго существа, на которое имѣетъ бо́льшее право первое домашнее животное его задняго двора, лошадь или собака. Задачъ для поученія у насъ множество. Чего сто́итъ укоренить въ общемъ сознаніи ту непреложную и старую истину, напримѣръ, что дѣятельность на какомъ-либо поприщѣ есть и единственное средство понять свое время, свое положеніе между людьми, то-есть единственное средство пріобрѣсть человѣческій смыслъ. Въ сильной поддержкѣ наставленія нуждается у насъ особенно всякій, кто захотѣлъ бы устроить собственную жизнь на какихъ-либо разумныхъ основаніяхъ, привести ее въ нѣкоторый порядокъ и снять съ нея печать грубой случайности, жалкаго изнеможенія. Извѣстно, что цѣль эта достигается не начитанностью, не познаніями, не путешествіями и салонными бесѣдами, а тоже развитіемъ воли и характера. Да и можно ли заранѣе перечислить всю благодѣтельную работу поученія? Пять лѣтъ тому назадъ одинъ изъ основателей новой школы естествоиспытателей въ Германіи высказалъ слѣдующее замѣчаніе, которое намъ кажется крайне дѣльнымъ: „При всѣхъ вопросахъ, не касающихся ежедневныхъ нуждъ народа, развитіе его посредствомъ общихъ идей просвѣщенія, которыя только и дѣлаютъ насъ людьми, составляетъ необходимѣйшую и можетъ быть важнѣйшую задачу, чѣмъ самое удовлетворительное, отдѣльное изслѣдованіе“ *). Бо́льшей чести (и вполнѣ заслуженной, прибавимъ) невозможно, кажется, отдать поученію, но и оно также имѣетъ свои границы, какъ всякая сила на землѣ. Бываютъ случаи, когда поученіе должно стоять на второмъ планѣ или, по крайней мѣрѣ, выходить изъ другого источника, чѣмъ система или теорія, безъ которыхъ никакого поученія себѣ и вообразить нельзя. Случаи эти обыкновенно являются, когда общему обсужденію предстоитъ вопросъ историческаго рода, будь то фактъ древней нашей жизни, біографическое розысканіе или неизслѣдованная еще часть народной этнографіи. Здѣсь поученіе должно уступить мѣсто простому, мало эффектному, иногда даже мелочному разбору дѣла, подчиниться ему и покорно слѣдовать за нимъ. Всякій разъ, когда поученіе измѣняетъ этотъ порядокъ вещей, забѣгаетъ впередъ, и досадуя на помѣху, дѣлаемую его гордому, самостоятельному развитію, ми-

*) Der Kreislauf des Lebens. Vorwort.

нуетъ изслѣдованіе или пренебрегаетъ какой-либо частью его — оно еще сохраняетъ вліяніе на умы (такъ велико бываетъ дѣйствіе общихъ идей просвѣщенья!), но уже лишается достоинства всесторонней истины. Къ числу предметовъ, вызывающихъ преимущественно изслѣдованіе, относится, по нашему мнѣнію, и вопросъ о литературныхъ типахъ, за которыми неизбѣжно свѣтятся лица и характеры данной эпохи и которые неизбѣжно заключаютъ въ себѣ матеріалы для исторіи ея нравственнаго развитія. Общество, имѣющее литературу и взятое цѣликомъ, даже думаетъ литературными типами, а совсѣмъ не статьями и лекціями, такъ что любимый публикой образъ можетъ служить барометромъ, по которому легко узнается состояніе мысли у многихъ тысячъ людей, никогда ее не высказывавшихъ. Вотъ почему къ живымъ, увлекательнымъ изслѣдованіямъ нашего автора хотимъ мы присоединить еще нѣсколько строкъ съ единственной цѣлью узнать, насколько намъ это возможно: такъ ли слабъ и ничтоженъ безхарактерный человѣкъ эпохи, какъ о немъ говорятъ, и гдѣ искать противоположный ему типъ, который по высшимъ нравственнымъ качествамъ своимъ достоинъ былъ бы придти ему на смѣну?

Сохрани насъ Богъ отъ мысли сдѣлаться защитниками людей неяснаго сознанія, колеблющихся и обсуждающихъ свои планы, вмѣсто рѣшительнаго дѣйствія, сомнѣвающихся безпрестанно въ достоинствѣ собственныхъ побужденій, безпрестанно мѣшающихъ самимъ себѣ изъ недовѣрія къ нравственной своей основѣ, изъ ужаса провиниться въ грубости, скрытномъ эгоизмѣ и посягательствѣ на чужую личность — преступленіяхъ, которымъ они однакожъ всетаки подвергаются на каждомъ шагу. Нѣтъ; мы вполнѣ сочувствуемъ осужденію, какое изрекается мыслящими людьми на характеры подобнаго рода, и послѣ этого искренняго объясненія считаемъ себя въ правѣ всякій упрекъ въ расположеніи къ нимъ заранѣе причислять къ разряду печальныхъ недоразумѣній. Превосходное изображеніе относительной бѣдности содержанія этихъ характеровъ, сдѣланное авторомъ, нашло въ насъ глубокое сочувствіе. Мы признаемъ вѣрность всѣхъ положеній его статьи, раздѣляемъ мнѣніе почтеннаго автора, какъ въ цѣломъ, такъ и въ подробностяхъ; мы только говоримъ, что „покамѣстъ“ такой характеръ (взятый отвлеченно, со всѣми свойственными ему по натурѣ принадлежностями) есть единственный нравственный типъ, какъ въ современной намъ жизни, такъ и въ отраженіи ея — текущей литературѣ.

Исторія русскихъ „цѣльныхъ“ характеровъ была бы, кажется намъ, очень занимательна. Не нужно, полагаемъ, восходить до „Опричины“ или даже до эпохи преобразованія, чтобъ положить

начало ея. Петръ I употреблялъ для достиженія своихъ цѣлей точно такихъ же людей, какіе враждовали противъ нихъ. Кто не согласится, что бо́льшая часть приближенныхъ его тѣ же бояре, только выведенные изъ Думы, подчиненные новому уставу и крѣпкой волѣ, сдерживающей ихъ всѣхъ въ границахъ едва только пріисканной формы. Они ѣздятъ въ Сенатъ, отправляются къ войску бригадирами и генералами, бесѣдуютъ безцеремонно за столомъ Государя, наконецъ являются съ женами и дочерьми, куда имъ укажутъ, — на корабль, въ Лѣтній садъ, на ассамблею, но живутъ они и думаютъ совершенно такъ же, какъ отцы ихъ. То же презрѣніе ко всему, что́ ниже или что́ подчинено имъ, тотъ же произволъ въ семействѣ и та же единственная мысль о себѣ и своемъ родѣ. Челядь у нихъ въ новомъ платьѣ, и совершенно по-прежнему, если не болѣе, трепещетъ передъ господиномъ; жена и дочь въ робронахъ и мушкахъ, сынъ при шпагѣ, и точно такъ же нѣмѣютъ при одномъ взглядѣ на главу семейства. Самъ чиновный бояринъ думаетъ, что служить значитъ наживаться и знатнѣть, а знатнѣть значитъ умножать вокругъ себя число завидующихъ и раболѣпствующихъ. Теченіе мыслей не измѣнилось съ новой обстановкой, и даже лѣность и сластолюбіе, несмотря на исправительныя мѣры преобразователя, только-что притаились, но живутъ, вмѣстѣ съ поползновеніемъ ко взяточничеству, во всѣхъ сердцахъ, прорываются тамъ и здѣсь и вскорѣ разовьются на полной свободѣ. Это—цѣльные характеры, отдавшіеся новому порядку только внѣшнимъ образомъ, но сохранившіе самихъ себя, душу свою вполнѣ, даже и подъ гнетомъ такого человѣка, каковъ былъ Петръ I. О тѣхъ, которые вышли изъ народа и, пристроившись къ реформѣ, нашли въ ней свое счастье, говорить ничего: близкое ихъ родство съ людьми междоусобныхъ нашихъ смутъ оказывается поминутно. Крамольный стрѣлецъ, который умираетъ на плахѣ, изрыгая проклятія, и молодой преображенецъ, застрѣливающій его изъ пищали, — развѣ это не одинъ и тотъ же характеръ?

Правда, что время крутыхъ историческихъ поворотовъ всегда бываетъ временемъ броженія страстей и сильныхъ личностей, съ рѣзкой нравственной физіономіей. Оно никакъ не можетъ служить примѣромъ для эпохъ, когда общество нашло прочное основаніе и установилось вполнѣ. Со второй половины прошлаго столѣтія начинается для нашего общества это спокойное развитіе природныхъ своихъ силъ, которыя, по свидѣтельству Вольтера, еще и въ развитіи своемъ подчинялись указаніямъ самой здравой философіи; въ то же время составлялся великолѣпный музей и

покупалась не менѣе великолѣпная библіотека. Новыя свидѣтельства великаго успѣха: мы находимся, такимъ образомъ, въ полномъ блескѣ цивилизаціи и яснѣе можемъ различать на этомъ грунтѣ людей и характеры. Самый поверхностный взглядъ на нихъ уже достаточно открываетъ, что мы очутились въ наиболѣе цвѣтущей эпохѣ „цѣльныхъ" характеровъ. Каждая сфера общественной дѣятельности изобилуетъ ими, и — что́ всего вѣрнѣе — бо́льшая часть этихъ смѣлыхъ личностей, руководившихъ событіями, пріобрѣла удивленіе и восторженныя похвалы, не только отъ современниковъ, но и отъ ближайшаго потомства. Въ составленіи этой народной славы участвовали, понемногу, всѣ, начиная съ того класса, къ которому герои принадлежали, до учебной братьи, которая, несмотря на скромные вкусы свои, на сидячую, трудовую жизнь и болѣзни, оттуда происходящія, точно такъ же увлекалась размашистой жизнью героевъ, какъ и молодежь, слушавшая или читавшая ее. Это вѣрный знакъ, что въ самихъ личностяхъ была національная черта, всѣмъ понятная и для всѣхъ увлекательная. Честный и добродѣтельный Сергѣй Глинка способенъ былъ, говоря о нихъ, предаться восторгу Богъ вѣсть отъ чего; мы видѣли, что великолѣпный князь Тавриды, послѣ оды Державина, ублаженъ былъ и ласковой біографической статьей Н. И. Надеждина, и т. д. Впрочемъ, это единодушіе писателей имѣло ту немаловажную пользу, что привело къ полной, многосторонней оцѣнкѣ великихъ заслугъ, оказанныхъ обществу лучшими дѣятелями, какъ этой эпохи, такъ и предшествовавшаго ей петровскаго періода. Выраженіе признательности и удивленія тутъ было совершенно на мѣстѣ, но мы здѣсь занимаемся совсѣмъ не этимъ. Здѣсь только говорится о моральной основѣ характеровъ даннаго времени, заслуживающихъ, по преимуществу, названія „цѣльныхъ" характеровъ. Насколько они обладали простою способностью различать нравственныя средства успѣха отъ безнравственныхъ, умѣньемъ сдерживать себя въ виду исключительной свободы, предоставленной имъ и страстямъ ихъ, и наконецъ чувствомъ справедливости, мѣшающей считать весь міръ игрушкой своего эгоизма — въ томъ только и вопросъ. Правда, что образованное общество всѣхъ странъ тогдашней Европы не отличалось особенной строгостью своихъ правилъ, но формы его, по крайней мѣрѣ, испытывали уже вліяніе человѣколюбивыхъ идей вѣка и начинали отбрасывать понемногу всю ту суровость, какая имъ дана была, съ незапамятныхъ временъ, содержаніемъ самой жизни. Новый духъ уже проникалъ въ сношенія между людьми, и при случаѣ заставлялъ людей отказываться отъ употребленія всѣхъ своихъ правъ надъ окружающими. Тотъ же самый путь ука-

зывался и русскимъ людямъ съ высоты трона, но умы, неподчиненные нравственной идеѣ, идутъ по такимъ путямъ не иначе, какъ вслѣдствіе обязательнаго устава. Эпохѣ этой предоставлено было показать, на что̀ можетъ быть способенъ русскій „цѣльный“ характеръ, освобожденный отъ присмотра, и до чего можетъ онъ достичь, когда нашелъ благопріятную почву и развивается только по законамъ грубой своей природы. Здѣсь національныя свойства удали и мощи еще усиливаютъ колоритъ и безъ того нестерпимо-рѣзкой картины, и здѣсь-то оказывается, что чѣмъ болѣе энергіи въ человѣкѣ, лишенномъ моральной основы, чѣмъ полнѣе обладаетъ онъ высокими качествами духа, тѣмъ скорѣе достигаетъ предѣловъ чудовищнаго, безобразнаго и нелѣпаго въ своихъ дѣйствіяхъ.

Противодѣйствіе такому, ужъ черезъ-чуръ простому и своеобычному пониманію жизни явилось само собой въ концѣ прошлаго столѣтія. О значеніи „Типографическаго Общества“ и лицъ, его составлявшихъ, мы получили нѣкоторое понятіе, благодаря послѣднимъ изысканіямъ нашихъ библіографовъ, но и не дожидаясь дальнѣйшей необходимой разработки предмета, можно уже причислить само явленіе къ важнѣйшимъ историческимъ фактамъ новой исторіи. Видоизмѣненія дѣятельности Новикова, а всего болѣе „Записки“, оставшіяся послѣ И. Лопухина, показываютъ намъ, если не ошибаемся, что люди эти имѣли ясное сознаніе своего призванія — быть живымъ отрицаніемъ доблестей вѣка и кумировъ, которымъ онъ покланялся, но сами держались еще на шаткихъ основаніяхъ. Мистическое созерцаніе жизни, положенное ими въ основу своихъ убѣжденій, можетъ быть объяснено, какъ потребность души, не удовлетворяемой вседневной пищей интригъ, веселій и суеты того времени, какъ орудіе для борьбы съ злоупотребленіями и какъ опора противъ сомнѣній господствовавшей тогда философіи, но отъ объясненія до оправданія разстояніе еще велико. Они сражались чужимъ оружіемъ и не вполнѣ владѣли имъ. Во всякомъ случаѣ, какъ по ученію своему, такъ и по личнымъ свойствамъ, это были, кажется, люди медленныхъ путей, расположенные скорѣе къ обходу препятствій, чѣмъ къ борьбѣ съ ними, осторожные и полагавшіе успѣхъ своего дѣла (распространеніе идей образованности и человѣколюбія) въ долгой, постепенной и упорной работѣ. Трудно отыскать въ нихъ что-либо героическое, крупное по психическимъ чертамъ, — качества, которыя прежде всего бросаются въ глаза толпѣ и которыхъ такъ любитъ внѣшняя, политическая исторія вообще. Намъ остались отъ нихъ самыя простыя, повидимому обыкновенныя и теперь уже обветшавшія слова, но потомство, знающее, какъ важны бываютъ подобныя слова въ началѣ, съ глубо-

кимъ сочувствіемъ вспоминаетъ о людяхъ, которые впервые подали голосъ за великое значеніе мысли, убѣжденія и нравственныхъ правилъ въ человѣкѣ, возбудивъ однимъ этимъ ужасъ всего окружавшаго ихъ міра. Замѣчательно, что когда другія системы и обстоятельства пизлагали этого рода противодѣйствія и вырывали ихъ, не щадя и здоровыхъ корней, оказывалось всегда одно и то же: наружу выступалъ голый, каменистый грунтъ, который образуется изъ массы „цѣльныхъ" характеровъ, который не способенъ возрастить никакого вѣрованія и который, несмотря на мѣняющуюся поверхность, остается въ сущности тѣмъ же, чѣмъ застала его вторая половина прошлаго столѣтія.

Но возвратимся къ новому и современному человѣку. Ромео (мы уже привыкли такъ называть героя повѣсти: „Ася") принадлежитъ къ семьѣ слабыхъ, нерѣшительныхъ характеровъ, но, конечно, ни мало не составляетъ гордости и украшенья ея. Надо отдать справедливость автору: онъ чрезвычайно искусно и тонко разбросалъ по физіономіи любовника, съ виду еще полной жизни и блеска, черты серьёзной нравственной болѣзни. Одинъ признакъ въ характерѣ Ромео особенно поражаетъ читателя. Это — сластолюбецъ весьма значительныхъ размѣровъ: онъ потѣшается людьми, бросаетъ тѣхъ, кого изучилъ, привязывается къ тѣмъ, кого еще не знаетъ, и въ промежуткахъ своихъ частыхъ переходовъ отъ лица къ лицу не забываетъ наслажденій природой, которыя „освѣжаютъ" вкусъ его. Дознано опытомъ, что ѣсть и пить можно только въ опредѣленное время и опредѣленное количество ѣды и питья, но *пробовать* можно постоянно, ежечасно: мѣра и разборъ тутъ уже не существуютъ. Ромео нашъ пробуетъ рѣшительно ото всего, что̀ попадается ему на пути: еще по вечерамъ мечтаетъ онъ о какомъ-то женскомъ образѣ, мелькнувшемъ гдѣ-то передъ глазами его, а проснувшись — простираетъ мысли къ загадочному существу, усмотрѣнному нѣсколько часовъ тому назадъ. Онъ лѣниво отдается новымъ ощущеніямъ своимъ, какъ рыбакъ, который сложилъ весла и пустилъ лодку по волнамъ. Ни малѣйшаго признака, чтобъ онъ занятъ былъ истиной, правдой отношеній своихъ къ неожиданной Жюльетѣ, попавшейся ему на дорогѣ: онъ только занятъ изученіемъ ея характера, да изученіемъ своихъ впечатлѣній. Но въ натурѣ этого человѣка есть одно важное качество: онъ способенъ понимать себя и при случаѣ сознавать бѣдность нравственнаго существа своего. Вотъ почему онъ останавливается иногда у самой цѣли, къ которой стремился безоглядно, слабѣетъ въ виду послѣдней тропинки ложнаго пути, куда зашелъ, и падаетъ въ негодованіи передъ безобразіемъ собственнаго дѣла. Такой любовникъ есть, безъ

сомнѣнія, великое несчастіе для женщины, и однакожъ, если бы намъ тоже позволено было обратиться къ Жюльетѣ, мы бы сказали ей: „Да, человѣкъ этотъ унесъ безъ всякаго права первое, свѣжее, молодое чувство ваше и обманулъ всѣ самыя глубокія, задушевныя мечты ваши, но не сожалѣйте о томъ, что́ произошло между вами. Вы не могли бы быть счастливы съ такимъ человѣкомъ даже и тогда, когда бы случайно нашли его въ восторженномъ состояніи и готовымъ отвѣчать на вашъ призывъ: искренняя, глубокая страсть и сибаритическая потѣха жизнью вмѣстѣ не уживаются. Нѣтъ сомнѣнія, что вы найдете еще великодушныя привязанности, способныя на самопожертвованіе, если будетъ нужно, на искреннюю признательность, если дозволено будетъ имъ развиться; въ этихъ привязанностяхъ вы увидите отраженіе собственнаго сердца и души своей. Но вспоминая о человѣкѣ, который такъ грубо оттолкнулъ васъ въ минуту благороднѣйшаго порыва, — благословляйте судьбу, что встрѣтились съ слабымъ характеромъ, который, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, сберегаетъ одно сокровище — пониманіе нравственной своей бѣдности и того, что́ требуетъ правда и откровенность въ иныхъ случаяхъ. Какой огромный, ужасающій урокъ могли бы вы получить, если бы той же судьбѣ вздумалось васъ натолкнуть на русскій „цѣльный“ характеръ, не останавливающійся уже ни передъ чѣмъ, а еще менѣе тогда, когда онъ имѣетъ въ виду легкое удовлетвореніе эгоизма, тщеславія и страстей! При тѣхъ же самыхъ условіяхъ слѣпой любви съ одной стороны и мертваго чувства съ другой — нашъ смѣлый человѣкъ пошелъ бы навстрѣчу къ вамъ при первыхъ словахъ, мало заботясь о состояніи своего сердца. Тутъ была для него побѣда, а побѣда, въ чемъ бы она ни заключалась, составляетъ непреодолимую страсть грубыхъ натуръ. Можетъ-статься, что въ пылу увлеченья вы почли бы за счастье даже лицемѣрную подчиненность тогдашнему вашему настроенію, даже фальшивую игру съ вашимъ чувствомъ и поддѣльную взаимность... Но если, по природѣ своей, вы не въ состояніи помириться ни съ какимъ счастьемъ, какъ только досталось оно обманомъ, ни съ какимъ наслажденьемъ, какъ только вышло оно изъ мутнаго источника лжи, притворства и низости, — то „слабый“ любовникъ спасъ васъ отъ большой бѣды. Съ разбитымъ и оскорбленнымъ чувствомъ еще можно жить (тутъ помогутъ сознаніе своего достоинства и гордость женщины), но какъ жить съ чувствомъ опозореннымъ? Вспомните притомъ, что смѣлому вору вашего сердца вы не могли бы даже сдѣлать упрека, не смѣли бы принести даже жалобы... У него всегда готовъ былъ бы вопросъ: „Кто первый началъ игру?“ — И будьте увѣрены, у „цѣльныхъ“ характеровъ вопросы

подобнаго рода свободно вылетаютъ изъ груди, потому что какъ оскорбленья, такъ и оправданья ихъ просты, голы до цинизма. Мысль ихъ является въ наготѣ еще болѣе оскорбительной, чѣмъ самая сущность мысли. Въ переносномъ смыслѣ это Ирокезы, хотя они почти всегда прикрываются самымъ изящнымъ и расшитымъ платьемъ".

Новый Онѣгинъ, который продержалъ бы такую рѣчь бѣдной дѣвушкѣ, былъ бы такъ же правъ, какъ и старый — съ тою только разницей, что честный поступокъ пушкинскаго героя выходилъ изъ притупленнаго и ослабѣвшаго чувства, а поступокъ его подражателя навѣянъ былъ бы искреннимъ желаніемъ сдѣлать психическое наблюденіе мѣриломъ для нравственной оцѣнки людей.

Постараемся ближе подойдти къ образу, который занималъ и занимаетъ еще воображеніе нашихъ писателей, который составляетъ любимую тэму современной литературы и выросъ, наконецъ, до типа, опредѣляющаго все направленіе изящной словесности послѣдняго времени — что́ онъ такое? Извѣстно, что всякое ироническое или отрицательное изображеніе имѣетъ непремѣнно свою лицевую или идеальную сторону: вотъ почему за фигурой слабаго, ничтожнаго человѣка, выводимой обыкновенно нашими писателями, мелькаетъ для насъ весьма важное и серьёзное явленіе современной жизни. Благодаря вліянію общей европейской цивилизаціи, которая, въ теченіе столѣтія съ основанья Московскаго университета, должна же была что-нибудь сдѣлать, образовался классъ людей, понявшій науку, какъ живое и нескончаемое воспитаніе. Съ него начинается у насъ разумная жизнь общества, хотя, надо замѣтить, обстоятельства способствовали еще болѣе къ доставленію ему видной роли, чѣмъ самыя его достоинства. Попытки прямо вступить въ обладаніе всѣми результатами образованія, которые даются только долгимъ воспитаніемъ, оказались во многихъ случаяхъ безплодными. Оставалось пустое мѣсто. Новый классъ дѣятелей занялъ его, переворотивъ совершенно задачу общественнаго воспитанья и сдѣлавъ ее изъ блестящей, бойкой внѣшней задачи — тихой, скромной внутренней задачею. Начавъ путь съ того мѣста, гдѣ остановились предшественники, онъ пошелъ однако-жъ своей, единственно возможной дорогой и прежде всего разбудилъ въ себѣ и другихъ стремленіе поставить науку и мысль законами для собственнаго существованья. Люди этого направленія уже не могли быть просты, цѣльны и, такъ-сказать, прозрачны, на подобіе юнкера, знающаго напередъ весь свой день: задача жизни тутъ была весьма сложна, нравственныя требованья весьма разнообразны, да и всѣ вопросы ихъ были еще очень темны даже для лицъ, уже вышедшихъ изъ толпы. Притомъ, люди эти уже не могли

жить, какъ случайно сложилась или застала жизнь, и нести за плечами котомку мыслей и познаній для одного удовольствія имѣть ее при себѣ. Оставалось одно — создать себѣ отдѣльный міръ разумности, понятій о правомъ и неправомъ, объ истинѣ и призракѣ, который по-часту занимаетъ ея мѣсто. На этомъ устройствѣ особеннаго міра нравственныхъ, руководящихъ правилъ и на усиліяхъ найдти въ немъ полное удовлетвореніе своимъ духовнымъ потребностямъ — истощилась вся энергія ихъ, а энергіи было у нихъ много.

Можетъ ли подобный замкнутый міръ, рядомъ съ живымъ и дѣйствительнымъ міромъ, доставить человѣку не только счастіе, но просто спокойствіе — это другой вопросъ. Тѣмъ не менѣе вражда этого класса людей къ непосредственности, легкому, естественному образу жизни и дѣйствій становится очень понятна: за этой легкостью и свободой они только видѣли игру животныхъ инстинктовъ, угадывали одну грубую силу природныхъ, можетъ-быть, даже національныхъ элементовъ, но уже лишенныхъ поэзіи и смысла; понятно также и отвращеніе ихъ къ простотѣ, цѣльности характеровъ: чѣмъ ограниченнѣе кругъ понятій человѣка, тѣмъ менѣе для него путей въ жизни, тѣмъ легче выборъ дороги. Это даже и не выборъ, а почтовое слѣдованіе однимъ опредѣленнымъ трактомъ, каковъ бы онъ ни былъ, и во всякомъ случаѣ это — свойство духовной нищеты, а не богатства природы. Вѣдь и господинъ, который, для сокращенія пути своего нѣсколькими минутами, отправляется прямо черезъ засѣянное полѣ земледѣльца, гораздо простѣе и цѣльнѣе по характеру другого господина, который могъ бы сдѣлать то же, но задумывается и объѣзжаетъ поле. Вмѣстѣ съ строгимъ взглядомъ на самихъ себя, необходимо должно было явиться и нѣсколько чуждое отношеніе къ окружавшей ихъ средѣ. Они требовали отъ каждаго факта — причинъ его появленья, отъ каждаго поступка — смысла, отъ каждаго дѣйствія — мысли, служившей ему поводомъ и основаніемъ. То, что́ называлось разрывомъ съ дѣйствительностью, отвлеченнымъ пониманіемъ жизни, безплоднымъ одиночествомъ, была совершенная невозможность жить, дышать и двигаться въ стихіи неразумности, случайности, каприза или такихъ мелкихъ разсчетовъ, что они боятся всякихъ, даже выгодныхъ для себя объясненій. Въ этой стихіи они были дѣти, и безоружны до того, что наименѣе просвѣтленныя натуры, не стоившія, такъ-сказать, одного часа ихъ жизни, могли уловить и опрокинуть ихъ на каждомъ шагу. Впрочемъ и то сказать — много ли вообще героевъ, способныхъ владѣть всевозможнымъ оружіемъ? Лессингъ тоже былъ ограниченъ извѣстной сферой дѣйствованія, что́ не помѣшало ему однакожъ сдѣлаться однимъ изъ тѣхъ, которые способствовали возрожденію своей стра-

ны. Такимъ образомъ, самый ходъ обстоятельствъ привелъ людей описываемаго нами класса къ единственной практической роли — руководителей мнѣнія. Они всюду вносили за собой отвлеченную, но провѣряющую мысль, не боялись своего одиночества, не предпринимали никакихъ мѣръ освободиться отъ него и терпѣливо стояли каждый на своемъ мѣстѣ, зная, что, рано-поздно ли, люди придутъ къ нимъ сами. Предчувствіе ихъ оправдалось. Что они падали, увлекались, были болѣе правы въ однихъ случаяхъ, менѣе правы въ другихъ — о томъ говорить нечего: важенъ былъ первый примѣръ образованья, понятаго не какъ новый видъ щегольства, а въ смыслѣ дѣятеля, устанавливающаго и созидающаго внутренній міръ человѣка, къ которому потянется необходимо и вся окружающая его сфера. Но все это еще далеко отстоитъ отъ типа рѣшительнаго и смѣлаго человѣка, созидаемаго нами по образцамъ чужой жизни. Какъ бы твердо ни выражались ихъ различныя убѣжденія, но они никогда не могли быть сами исполнителями своихъ совѣтовъ и идеаловъ. Тому мѣшала даже многосторонность ихъ образованья. Отъ обширнаго пониманія личностей и противоположныхъ системъ никогда нельзя ждать полнаго, безотмѣннаго осужденья тѣхъ и другихъ, что́ для скораго, практическаго успѣха въ дѣлѣ такъ необходимо. Отъ добросовѣстности и чистоты мысли никогда нельзя ждать умышленнаго пренебреженія какой-либо замѣтки, имѣющей видъ справедливости, но задерживающей ходъ дѣла. Какъ бы мала ни была замѣтка, но рѣшимостью перескочить черезъ нее они уже не обладали, тутъ нужны были для нихъ новыя обсужденія и новая побѣда. Затѣмъ еще привычка къ правильному, логическому разрѣшенію задачъ дѣлала ихъ совершенно неспособными участвовать въ жизненномъ разрѣшеніи ихъ, которое всегда грубѣе, насильственнѣе и произвольнѣе перваго. Да имъ не доставало и особенной организаціи, не легко воспламеняющейся, но крѣпко сберегающей впечатлѣнія, какая должна отличать мужей практической борьбы. Они сложились иначе. Основаніемъ всѣхъ ихъ поступковъ было болѣе всего размышленіе. Примѣры стойкости, показанные ими въ виду непріязненныхъ обстоятельствъ, самые порывы ихъ и даже минуты вдохновенія и страсти обязаны были своимъ происхожденіемъ одной силѣ — размышленію, слѣдовали за нимъ, а не предшествовали ему, и оно же отразилось даже во внѣшнемъ обликѣ ихъ, переработавъ его точно такъ же, какъ и душу... И несмотря на всѣ перечисленные нами недостатки, мы видѣли на глазахъ нашихъ, что лучшіе люди круга, къ какой бы литературной партіи ни принадлежали, какимъ бы убѣжденіямъ ни слѣдовали и какъ бы ни назывались, умѣли создать вокругъ себя цѣлительную атмосферу,

освѣжавшую всякаго, кто подходилъ къ нимъ: гдѣ они показывались, тамъ уже непремѣнно завязывалась жизнь мысли, тамъ уже непремѣнно падало и оставалось въ душахъ сѣмя русскаго образованья, которое, между прочимъ сказать, только съ этихъ людей въ сущности и начинается. Таковъ былъ у насъ первообразъ «слабаго» характера.

Но что же представляетъ намъ литературный типъ безполезнаго, мало-дѣятельнаго человѣка? По нашему мнѣнію, это тотъ же самый характеръ, какой мы старались изобразить, но съ чертами загрубѣнья и паденья, которыя долженъ онъ былъ получить при переходѣ своемъ въ толпу, при раздробленіи своемъ на множество лицъ, менѣе серьёзныхъ или менѣе счастливо-надменныхъ живой, упругой и плодотворной мыслью. Писатели наши завладѣли этимъ характеромъ, когда уже онъ сдѣлался общимъ и, такъ-сказать, будничнымъ явленіемъ жизни, потерявъ свою идеальную сторону и свое оправданіе. И писатели наши сдѣлали хорошо, потому что исключительныя и одинокія явленья принадлежатъ исторіи, біографіи, анекдоту и только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ изящной литературѣ. Они передали намъ мелочной, выродившійся характеръ, такъ какъ встрѣчали его на каждомъ шагу. И Боже мой! кого мы тутъ не видѣли, кого мы не узнали въ немъ, и подъ-часъ не приходилось ли намъ разглядѣть черту собственнаго нашего образа въ этомъ поэтическомъ обличеніи жизни, черезъ эту призму выдумки и свободнаго созданья?

Весьма справедливо замѣчаніе, что всѣ лица длиннаго разсказа, который ведетъ наша литература объ одномъ психическомъ выродкѣ, всѣ близкая родня между собой, всѣ принадлежатъ къ одной фамиліи. Они тоже ознакомились съ міромъ нравственныхъ идей и очень хорошо поняли, чего требуетъ разумная, сознательная жизнь отъ человѣка. Бѣдностью природы мы ихъ не коримъ. Богатая или бѣдная природа не даются человѣку по желанію или по выбору, и подвергать суду за это почти несправедливо (позорно только гордиться нравственнымъ безобразіемъ и любоваться имъ), но есть возможность возвысить природный уровень духовнаго своего существа. Они пали передъ трудомъ самовоспитанія. Общественная дѣятельность, конечно, могла бы собрать скудныя силы этихъ людей, надѣливъ ихъ спасительнымъ чувствомъ долга и обязанностей, но они не взялись за нее — обстоятельство, возбудившее особенное негодованіе моралистовъ. Признаемся, мы опять не имѣемъ духа упрекать ихъ за это упущеніе; надо же понять наконецъ, что можно подчиниться всему на свѣтѣ, но на одномъ только условіи — имѣть нѣчто общее со сферой, куда вступаешь. Оставалось начать общественную дѣятельность прямо отъ собственнаго лица, другими сло-

вами — найдти свое призваніе, но для этого потребна добровольная дисциплина построже той, какая налагается извнѣ, необходимъ вѣрный внутренній сторожъ, который не даетъ засыпать человѣку, хотя бы никто не назначалъ ему часа для отправленія къ должности, а прежде всего необходимы твердыя убѣжденья. Но объ убѣжденіяхъ и вѣрованіяхъ его скажемъ нѣсколько словъ далѣе.

Правда, образованіе сильно потрясло бѣдную природу этихъ типовъ, расшевелило ее отчасти, чѣмъ они и отличаются отъ отцовъ своихъ, по которымъ тоже образованіе скользнуло, не проточивъ и перваго пласта грубой оболочки, но въ броженіи мыслей испарились и все творчество, и вся дѣятельность, къ какимъ они были способны. Что-жъ мудренаго послѣ этого встрѣтить человѣка съ весьма огромными требованьями отъ жизни, спокойно плывущаго по ея теченію, какъ и всѣ. Иногда ему приходитъ въ голову, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, поворотить лодку назадъ или поставить ее поперекъ, но поработавъ лѣниво, онъ скоро уступаетъ силѣ вещей и падаетъ въ изнеможеніи. Есть одно качество въ такомъ человѣкѣ, оказавшееся, между прочимъ, цѣлительнымъ бальзамомъ для его совѣсти: онъ очень легко признается въ своихъ недостаткахъ и способенъ очень зло смѣяться какъ надъ собой, такъ и надъ чужой жизнью, которая его увлекаетъ. Но человѣкъ, по законамъ собственной природы, не можетъ оставаться совсѣмъ безъ занятій. Отыскалось и занятіе для подобныхъ характеровъ — именно: остроумный разборъ своей души, вѣрная подмѣтка мельчайшихъ зыбей, проходящихъ по ея поверхности, когда внѣшнее обстоятельство ударомъ своимъ нарушаетъ ея апатическое безмолвіе: — вѣдь овладѣть предметомъ наяву тяжелѣе, чѣмъ слѣдить за его отраженіемъ въ мысли. Нѣкоторые изъ нихъ приняли даже тщательный осмотръ своихъ впечатлѣній за серьёзную работу, и лишенные моральнаго чувства и высокой цѣли, необходимыхъ для душевныхъ анализовъ, дошли до рѣдкаго и тончайшаго эгоизма. Продолжая посмѣиваться надъ собой, они мало-по-малу полюбили себя и незамѣтно выродились въ безграничныхъ сибаритовъ нравственнаго міра, готовыхъ помириться со всякимъ явленіемъ, которое приноситъ новое ощущеніе въ ихъ сердце и порождаетъ новый, еще неиспытанный психическій процессъ... Это, конечно, уже свидѣтельство близкой, духовной смерти лица, и прибавимъ, что такихъ сибаритическихъ натуръ немного.

Читатель согласится, вѣроятно, что всѣ подробности мрачной картины, представленной здѣсь, взяты нами изъ современныхъ литературныхъ произведеній и потому заслуживаютъ полной вѣры его. Со всѣмъ тѣмъ и несмотря на темныя краски, употребленныя нами, вслѣдъ за нашими писателями, при передачѣ основныхъ ка-

чествъ характера, мы все-таки продолжаемъ думать, что между людьми, которые зачисляются и сами себя зачисляютъ въ разрядъ мнительныхъ, будто-бы лишенныхъ способности долго и сильно желать, только и сберегается еще настоящая, живая мысль, отвѣчающая нуждамъ современнаго образованія. У нихъ есть доля стойкости, упорства и рѣшимости въ способѣ относиться къ нѣкоторымъ важнѣйшимъ вопросамъ и нѣкоторымъ нравственнымъ положеніямъ, которую строгіе ихъ порицатели напрасно выпускаютъ изъ вида. Какъ ни мала доля эта въ глазахъ жаркаго ревнителя просвѣщенія, но она еще превосходитъ все, что́ могутъ намъ представить люди иного свойства, взятые всѣ вмѣстѣ. Согласимся, что у лучшаго человѣка изъ общаго рода „безхарактерныхъ“ замѣтна еще робость передъ явленіями, которыя онъ самъ считаетъ за призраки, но пребываніе въ области мысли и знанія, съ чего онъ началъ, не могло пройдти ему даромъ. Есть для него въ жизни черты, за которыя онъ никогда не переступитъ, что́-бъ ни манило его на другую сторону. Множество фактовъ тутъ на-лицо и способны подтвердить нашу замѣтку. Согласимся, что даже общее дѣло, когда онъ приступаетъ къ нему, еще не имѣетъ силы поглотить всѣ его способности вполнѣ, отстранить всякую мысль о своей личности и уничтожить поползновенія къ заявленію ея съ блестящей стороны, но у него есть нѣсколько убѣжденій, выработанныхъ наукой, которыя съ нимъ, такъ-сказать, срослись. Онъ не можетъ ихъ уступить никому, и это по такой же простой причинѣ, по какой, напримѣръ, нельзя уступить своего тѣла и подѣлиться имъ съ сосѣдомъ. Не онъ ли, между прочимъ, былъ раннимъ, заподозрѣннымъ ревнителемъ многихъ идей добра, признаваемыхъ теперь добрыми безпрекословно. Согласимся также, что онъ не умѣетъ управлять обстоятельствами, что шаги его не тверды, какъ у засидѣвшагося ребенка, котораго никогда не посылали въ школу гимнастики, но онъ не совсѣмъ безоруженъ. Образованіе наградило его способностью живо понимать страданія во всѣхъ его видахъ и чувствовать на самомъ себѣ бѣды и несчастія другого. Отсюда его роль представителя обиженныхъ, несправедливо оскорбленныхъ или угнетаемыхъ, которая требуетъ даже болѣе чѣмъ простого чувства состраданія, требуетъ зоркой, человѣколюбивой догадки. Да и самые упреки въ „недѣятельности“, столь обильно расточаемые „слабому“ человѣку, справедливы только съ одной стороны и, можно сказать, изумительно странны съ другой.

Оставляемъ въ тѣни предпріятія изъ видовъ улучшенія матеріальнаго быта страны, общества, съ опредѣленной коммерческой цѣлью, и даже всѣ частныя пожертвованія и усилія на другого рода по-

требности (все это составляется и приносится не одними же твердыми, высокими характерами), и обращаемся преимущественно къ духовной дѣятельности. Кто же возбуждаетъ всѣ запросы, поднимаетъ пренія, затрогиваетъ предметы съ разныхъ сторонъ, копошится въ изысканіяхъ для подтвержденія какой-либо обще-благодѣтельной мысли, силится устроить жизнь наукой и наконецъ представляетъ въ свободномъ творчествѣ повѣрку настоящаго и стремленія къ поэтическому идеалу существованія? Не мужи крѣпкаго закала и особенно не „цѣльные“ же характеры возбудили всю современную работу мысли, дѣйствительное существованіе которой узнается даже по жаркимъ страстямъ, вызваннымъ ею... Конечно, умный парадоксъ найдетъ сказать много кое-чего противъ достоинства и относительной пользы всей этой работы, но самъ умный парадоксъ есть произведеніе осмѣиваемой имъ образованности. Къ нему можетъ быть приложено замѣчаніе Паскаля, обращенное къ скептикамъ другого и могущественнѣйшаго рода: „Они отвергаютъ круговращеніе земли, а сами вертятся вмѣстѣ съ нею“. Не признавая дѣятельности, нами перечисленной, за послѣднюю конечную цѣль жизни и за *все*, къ чему только должна стремиться человѣческая мысль, позволительно думать, что она при случаѣ великая замѣна всего недостающаго, и особенно позволительно думать, что „слабый“ современный человѣкъ, преданный ей, какъ бы малъ ни былъ въ сущности, еще выше всѣхъ другихъ собратій, перебивающихъ ему дорогу: онъ несетъ въ рукахъ своихъ образованіе, гуманность и наконецъ пониманіе народности.

Лучшее средство убѣдиться въ значеніи „слабаго“ человѣка состоитъ въ томъ, чтобъ на минуту отвернуться отъ него и посмотрѣть, нѣтъ ли чего другого въ образованномъ обществѣ, за нимъ или около него. Мы предлагаемъ сдѣлать этотъ опытъ всякому добросовѣстному изыскателю. Какъ бы велико ни было у него желаніе открыть новые зародыши будущаго, намъ кажется, онъ не найдетъ ничего, кромѣ совершенной нравственной пустоты и тѣхъ характеровъ, которые мы называемъ „цѣльными“. Середины между двумя явленіями нѣтъ. Какъ исключеніе, ничего не доказывающее или, наоборотъ, даже подтверждающее нашу замѣтку, могутъ встрѣтиться двѣ-три личности, стоящія поодаль другихъ, съ одной строгой мыслью своей, впрочемъ страдающей уже отъ нѣкоторой, неизбѣжной примѣси чужихъ, враждебныхъ элементовъ, но затѣмъ, умалчивая о ничтожествѣ нравственномъ, наблюдатель очутится неизбѣжно въ многолюдномъ обществѣ однихъ „цѣльныхъ“ характеровъ. Подтвержденіе нашимъ словамъ мы находимъ опять въ текущей литературѣ, которая, по чутью истины, ей свойственному,

не забывала поставить рядомъ съ „слабымъ“ человѣкомъ и человѣка „сильнаго“. Сколько образцовъ этой силы мы уже имѣемъ отъ нея. Г-нъ Тургеневъ показалъ намъ въ „Запискахъ Охотника“ образцы цѣльныхъ характеровъ, получившихъ хорошее модное воспитаніе; г. Аксаковъ представилъ ихъ намъ въ свѣтѣ патріархальнаго величія и еще не тронутыхъ образованіемъ; г. Островскій вывелъ рядъ цѣльныхъ характеровъ изъ купеческаго званія, гдѣ на живописномъ языкѣ сословія они извѣстны подъ именемъ: „самодуровъ“; г. Щедринъ, наконецъ, собралъ въ многочисленную группу изображенія „сильныхъ“ людей, выработанныхъ провинціальнымъ чиновничествомъ въ нѣдрахъ своихъ. При разныхъ оттѣнкахъ таланта, писатели эти внесли каждый по лептѣ въ исторію современныхъ нравовъ, и если другіе классы или подраздѣленія образованнаго общества еще не имѣютъ своихъ исторіографовъ, то совсѣмъ не по счастливому отсутствію „сильныхъ“ лицъ, а, какъ говорится, по независящимъ отъ наблюденія обстоятельствамъ. На которомъ изъ выведенныхъ передъ нами типовъ можно остановиться и сказать: тутъ есть будущность, или который изъ нихъ способенъ чѣмъ-либо дополнить пробѣлы въ противоположномъ ему характерѣ слабаго человѣка? Правда, типъ жителя большихъ городовъ, кажется намъ, еще не вполнѣ разработанъ литературой, и вѣроятно потому, что физіономія людей въ большихъ центрахъ населенія какъ-то сглаживается и принимаетъ одно общее выраженіе. Цѣльный характеръ, живущій, служащій и процвѣтающій въ большомъ городѣ, уже утерялъ свою героическую осанку, твердое, монументальное выраженіе и величавую поступь; онъ, увы, ослабъ до того, что можетъ раздѣлять съ толпой ея вкусы и страсти. На повѣрку выходитъ однакоже все одно: физіономія принадлежитъ городу и обстановкѣ, а характеръ сберегаетъ оттѣнокъ дальней дебри и нравовъ, образуемыхъ старой, родной дворней. Не рѣдкость встрѣтить въ городѣ „цѣльный“ характеръ, отличающійся влюбчивостью, страстно привязанный къ итальянской оперѣ, весьма чувствительный къ хорошей поэзіи, но положите передъ нимъ какое-угодно пустое, незначительное дѣло (хоть ссору товарищей, напримѣръ), гдѣ бы только съ одной стороны была разумность, а съ другой— сила, и вы увидите, куда онъ пристроится. Облако приличій и господствующаго тона далеко не похоже на густое облако Юпитера, сквозь которое глазъ человѣческій никогда не проникалъ. Оно не скроетъ отъ васъ испытующаго взгляда какого-нибудь грамотѣя и ученаго писателя, который подходитъ къ вамъ съ словами добра и жаркаго одушевленія, и вдругъ заставляетъ васъ быть чрезвычайно осторожнымъ: такъ чувствуется во всемъ существѣ его

неблагородный разсчетъ, задняя мысль, позорное соображеніе. Оно не помѣшаетъ вамъ разглядѣть, что съ переходомъ изъ степени въ степень лицо или особа, понемногу, освобождаются отъ человѣческаго образа своего и сбрасываютъ, какъ лохмотья износившейся одежды, послѣднія идеи, доказывавшія ихъ происхожденіе отъ людей. Оно не возбранитъ вамъ подмѣтить въ водоворотѣ столичной жизни тѣ удивительныя существа, которыя умѣли помирить въ себѣ двѣ противоположныя крайности, соединивъ покорный, терпѣливый видъ пса съ огнемъ и бойкостью хищной птицы. Мы не хотимъ идти далѣе по пути, который намъ не принадлежитъ, составляя достояніе психическаго разсказа. Скажемъ только, что когда насмотришься на „сильные“ характеры современной жизни, потребность возвратиться, для освѣженія мысли и чувства, въ кругъ „слабыхъ“, становится ничѣмъ неудержимой, страстной потребностью.

Вотъ почему всякій разъ, когда къ этому классу людей публично обращены краснорѣчивыя слова упрека и поученія, мы ихъ встрѣчаемъ съ глубокимъ сочувствіемъ, потому что только къ нему и можно обращать ихъ. Одни живые люди нуждаются въ совѣтѣ и выговорѣ, а мертвые имѣютъ право на безпристрастный судъ и оцѣнку: наставленіе для нихъ безполезно. Многое остается сдѣлать „слабому“ человѣку нашего времени, и поученіе, которое является, какъ саперъ, очищающій ему дорогу, тутъ совершенно на мѣстѣ, благодѣтельно и необходимо. Кто не присоединится къ голосу, вызывающему малочисленный отрядъ людей, носящихъ въ себѣ залоги нравственнаго образованія, обратить вниманіе на тѣ пороки внутренняго его устройства, которые мѣшаютъ каждому изъ его членовъ войти въ полный кругъ дѣятельности. Пусть „слабый“ человѣкъ откажется отъ удовольствія чувствовать себя справедливымъ во многихъ случаяхъ и наслаждаться однимъ этимъ чувствомъ; пусть сойдетъ онъ въ гражданскую, общественную жизнь толпы, пробивая въ ней новые каналы и тропинки, никогда не заростающіе, если такъ вѣрно проложены, что люди устремляются по нимъ тотчасъ же; пусть, наконецъ, сознаетъ онъ важность своего призванія, откуда являются всегда и силы исполнить его по мѣрѣ возможности. Всѣ эти требованія очень скромны, да мы думаемъ, что задавать людямъ необыкновенные уроки, предполагающіе въ нихъ огромныя способности, врядъ ли благоразумно, даже съ педагогической точки зрѣнія. Въ свойствахъ нашего характера и складѣ нашей жизни нѣтъ ничего похожаго на *героическій* элементъ. Задачи, которыя предстоитъ разрѣшить современности, кажется намъ, всѣ такого свойства, что могутъ быть хорошо разрѣшены однимъ

честнымъ, постояннымъ, упорнымъ трудомъ сообща и нисколько не нуждаются въ появленіи чрезвычайныхъ, исключительныхъ, огромныхъ личностей, такъ высоко цѣнимыхъ западной Европой, гдѣ на нихъ возлагаются и всѣ надежды общества. Правда, есть особеннаго рода доблести, безъ которыхъ нельзя себѣ представить существованіе государства, которыя должны быть тщательно сберегаемы и воспитываемы. Къ этому роду доблестей относятся всѣ примѣры хладнокровной встрѣчи внезапной и злонамѣренно подготовленной бѣды, поучительные примѣры людей, смѣло выдерживающихъ бремя нищеты и преслѣдованія, которыя посланы на нихъ и на семейства ихъ какимъ-нибудь противодѣйствіемъ беззаконному разсчету корыстолюбія, произвола и испорченности, наконецъ примѣры сбереженія нравственнаго достоинства посреди всеобщаго растлѣнія окружающихъ и несмотря на озлобленныя нападки со всѣхъ сторонъ, и множество другихъ еще примѣровъ. Это тоже героизмъ своего рода, заслуживающій полнаго нашего признанія и особенно заслуживающій, чтобъ онъ былъ повсемѣстно укореняемъ совокупнымъ дѣйствіемъ воспитанія, печати и наставленія, но это, вмѣстѣ съ тѣмъ, героизмъ второстепенный, домашній, если смѣемъ такъ выразиться, который относится къ европейски понимаемому героизму, какъ мѣщанская драма къ трагедіи или какъ страдательное лицо къ лицу дѣйствующему. Онъ лежитъ преимущественно въ благородныхъ основахъ человѣческой природы, не требуетъ особенныхъ даровъ духа,—и потому доступенъ не только всевозможнымъ характерамъ (за исключеніемъ совершенно ничтожныхъ, разумѣется), но и всѣмъ націямъ, турку и японцу, точно такъ же англичанину и французу. Доказательствъ на это можно представить много. Къ нему способенъ также и всякій русскій, если только предварительно духъ его не загубленъ еще со школьной скамьи или не подавленъ въ конецъ обстоятельствами, примѣрами и невѣжествомъ. Совсѣмъ другое представленіе связываемъ мы съ идеей доблести, увлекающей за собой весь свой вѣкъ неудержимо: для этой у насъ нѣтъ достойныхъ занятій, нѣтъ вопросовъ, которые были бы только ей въ пору и по плечу, да и призывать ее мы считаемъ совершенно безполезнымъ, какъ уже сказали. Нужды наши весьма просты, очевидны, общепонятны, а по нуждамъ, какъ извѣстно, образуются и люди.

Самыя сложныя занятія наши, задачи, признанныя единогласно трудными, не превышаютъ однакожъ ни на волосъ обыкновенныхъ человѣческихъ способностей, а такихъ дѣлъ, которыя потребовали бы огромнаго, необычайнаго развитія характера и воли у частнаго лица, мы не видимъ вокругъ себя нигдѣ. Напротивъ, нѣтъ та-

кого дѣла, къ которому, при извѣстной долѣ опытности, не могъ бы приступить всякій образованный человѣкъ, надѣленный талантомъ въ обыкновенной мѣрѣ: пусть только онъ прежде подумаетъ о себѣ и воспитаетъ себя къ упорному труду, къ ясному пониманію своихъ обязанностей. Не отъ героевъ, не отъ доблестныхъ мужей, которыхъ надо еще создать, ждемъ мы помощи и содѣйствія, а отъ возможно бо́льшаго количества добрыхъ примѣровъ. Взятые всѣ вмѣстѣ, въ ихъ общей суммѣ, они, конечно, могутъ составить поученіе, превосходящее своими размѣрами все, что́ способенъ дать отдѣльный человѣкъ, какими бы страшными силами ни обладалъ онъ. Мы даже весьма легко готовы помириться съ мыслью, что на почвѣ нашей не выростетъ нѣсколько величавыхъ дубовъ, способныхъ приковать удивленіе многихъ поколѣній (предположеніе, разумѣется, несбыточное),—лишь бы только вся остальная растительность цвѣла одинаково здорово и никто бы не мѣшалъ ей свободно развиваться и приносить свои плоды!

Нельзя, однакоже, отвергать права каждаго искать доблестныхъ мужей по душѣ своей и выражать удивленіе къ великимъ подвигамъ прошлаго и чужого, если не отыскиваются они въ настоящемъ и у себя дома. Положимъ, что единственный подвигъ нашей современности есть честный трудъ, основанный на нравственныхъ убѣжденіяхъ; положимъ, что единственная доблесть ея состоитъ въ воспитаніи человѣка и укрѣпленіи его въ идеяхъ долга; положимъ, что самыя жертвы, какія отъ нея требуются, нисколько не похожи на жертвы, а скорѣе на простой коммерческій разсчетъ, но указывать мимоходомъ на великіе примѣры рѣшимости и самоотверженія хорошо даже для поддержанія благородныхъ стремленій минуты и для вызова ихъ, если они медлятъ появленіемъ своимъ. Это правда, и въ этомъ состоитъ важное достоинство всякаго наставленія, но не слѣдуетъ въ то же время забывать и очередной, такъ-сказать, работы жизни, которая всегда производится средствами, какія находятся у насъ, что́ называется, подъ рукой. Взвѣшивать эти средства, принимать ихъ въ соображеніе и управлять ими, по крайней мѣрѣ, столько же полезно, сколько думать и о недостаткахъ, въ нихъ замѣчаемыхъ. Говорятъ, что геніи создаютъ средства, а на повѣрку выходитъ, что геніи только мастерски употребляютъ уже заранѣе подготовленныя средства. Орудіемъ современной работы мы считаемъ того „слабаго“ человѣка, характеристику котораго старались представить здѣсь, и въ этомъ убѣжденіи укореняютъ насъ даже кое-какія попытки на яркую самостоятельность, возбудившія, какъ наше, такъ и общее вниманіе. Несмотря на величавую роль самостоятельности, принятую писате-

лемъ или журналистомъ (мы стараемся не выходить изъ области литературы для своихъ примѣровъ и заключеній), въ ней постоянно оказывалось что-то неспокойное, судорожное, переходящее иногда за предѣлы нужнаго, и свидѣтельствовавшее о большихъ усиліяхъ актера, вмѣсто большой увѣренности въ себѣ. Настоящая самостоятельность дѣйствуетъ иначе. Она не спѣшитъ заявить поскорѣй свое мнѣніе; какъ-будто слагая тяжелое бремя съ совѣсти, а высказываетъ его ровно и хладнокровно, она не скрывается отъ глазъ, но и не выставляетъ себя на показъ, не навязывается никому, но заставляетъ признать себя невольно; наконецъ, она всегда готова на борьбу, но не вызываетъ ее торопливо и всѣми силами своими. Однимъ изъ самыхъ несправедливыхъ упрековъ мы считаемъ тотъ, который дѣлается „слабому“ человѣку за предполагаемое его равнодушіе къ нѣкоторымъ вопросамъ, занимающимъ умы общества. Если бы это было основательно, то всѣ наши доводы уничтожены были бы этимъ возраженіемъ; но оно весьма далеко отъ правды. Классъ людей, описываемый нами, не можетъ быть равнодушенъ къ большей части мыслей, которыя самъ же и чуть ли не первый старался укоренить въ общемъ сознаніи, и сдѣлать изъ него нѣчто въ родѣ *père dénaturé*, безчеловѣчнаго отца, нѣтъ никакой возможности. Напротивъ, мы думаемъ, что ему именно суждено привести къ концу силою мысли, соображенія и изысканій труднѣйшія изъ задачъ современности и особенно тѣ, которыя при самомъ ихъ появленіи на свѣтъ напередъ разрѣшены были „цѣльными“ характерами какъ нельзя просще и спокойнѣе. Гдѣ есть работа чувству разумности и справедливости, тамъ онъ всегда будетъ первый дѣятель; ему надобно только не покидать обычной своей работы...

Не маловажное значеніе въ исторіи „слабаго“ человѣка представляетъ и другое обстоятельство; онъ положилъ начало тому повсемѣстному общенію образованныхъ и благонамѣренныхъ людей, которое составляетъ нравственный кругъ, гдѣ не имѣютъ понятія о сословныхъ различіяхъ и гдѣ всякій честный человѣкъ, откуда бы ни выходилъ, цѣнится только по добросовѣстности и пользѣ своего жизненнаго труда. Никому изъ грамотныхъ и серьёзныхъ дѣятелей просвѣщенія нельзя выдѣлиться изъ этого круга безъ того, чтобъ не очутиться въ тяжелой, отчаянной пустотѣ. Ни одно изъ такъ-называемыхъ образованныхъ обществъ, то-есть политически устроенныхъ и полноправныхъ, не дастъ успокоенія его совѣсти, а еще менѣе поводовъ къ гордости и самодовольству, и духовныя потребности возвратятъ его самымъ естественнымъ путемъ опять въ нравственный кругъ, не знающій никакихъ оффиціальныхъ подраздѣленій общества и образовавшій чистую связь между людьми, по

которой дѣятель самаго отдаленнаго географическаго пункта, кто бы онъ ни былъ, можетъ считать себя коротко знакомымъ и близкимъ человѣкомъ со всякимъ другимъ работникомъ науки и успѣха, съ тѣмъ, кого онъ никогда не видалъ и кого, можетъ-статься, никогда не увидитъ. Это почва нейтральная, но твердая, и одна, представляющая настоящую опору для разнородныхъ стремленій и трудовъ нашихъ.

Заключеніе изъ всего изложеннаго здѣсь слѣдуетъ само собою. Когда, по временамъ, раздается въ обществѣ легкомысленный приговоръ о единственномъ кругѣ частныхъ людей, не занятыхъ исключительно эгоистическими, узкими интересами, а преслѣдующихъ болѣе важные интересы, то это несомнѣннымъ образомъ свидѣтельствуетъ печальную истину, что общество не знаетъ еще, гдѣ находятся его надежнѣйшіе слуги. Отвергать этотъ классъ людей или бесѣдовать съ нимъ горделиво, смѣняя оттѣнокъ презрѣнья легкимъ оттѣнкомъ состраданія — значитъ не понимать, гдѣ скрывается истинное зерно многихъ событій настоящаго и многихъ явленій будущаго. Ходъ современной литературы, напримѣръ, необъяснимъ безъ яснаго представленья качествъ и физіономіи того круга, который занимается ею исключительно. Гораздо лучше, и въ практическомъ смыслѣ гораздо плодотворнѣе, было бы помогать этому классу людей въ трудахъ и болѣзняхъ, всегда сопровождающихъ переходъ отъ дѣтства къ совершеннолѣтію, отъ предчувствій и догадокъ къ дѣйствительной, творческой жизни. Мы знаемъ, что между разнородными характерами нашего класса есть много лицъ, которыя нисколько не нуждаются въ этой помощи и во всѣхъ возможныхъ совѣтахъ, которыя давно предупредили ихъ и вполнѣ обладаютъ качествами, составляющими первое условіе выбраннаго ими положенія, но мы говоримъ о цѣломъ составѣ его. Доказательствомъ, что время совершеннолѣтія его приближается, служитъ намъ одно обстоятельство—совершенное отсутствіе какой-либо „*трескучей*“ фразы во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Если подумать, что у людей, не успѣвшихъ или не хотѣвшихъ заимствовать въ этомъ классѣ способности пониманья идей и проникновенья въ ихъ смыслъ, все разрѣшается „трескучей“ фразой — лучшія наши мысли, добросовѣстнѣйшія изысканья и глубоко-продуманные выводы, — то необходимость беречь единственныхъ судей и цѣнителей нашихъ идей и поступковъ становится еще яснѣе. Безъ нихъ всегда образуется какое-то странное, колоссальное недоразумѣніе. Напрасно собираете вы множество свидѣтельствъ для подтвержденья каждой изъ вашихъ тэмъ, напрасно тратите вы время, здоровье и жизнь для созданія прочнаго фундамента каждой изъ вашихъ идей, самомалѣй-

шей части логической или исторической постройки — работа ваша пропала втунѣ или обращена въ игрушку, на подобіе летучаго змѣя, тѣми людьми, которые не знали и не хотятъ знать, чтó такое дѣльный трудъ, наука и размышленіе. Тутъ вся существеннѣйшая часть работы вашей — именно та, гдѣ заключаются основанья и доказательства — уничтожается безвозвратно, и послѣднее разумное слово ваше, не понятое въ его внутреннемъ смыслѣ, отдѣленное отъ всѣхъ подпоръ своихъ, обращается въ грубѣйшую „трескучую“ фразу. Иначе и быть не можетъ у людей, которые всю мудрость жизни хотятъ начать съ самихъ себя, а отъ мудрости требуютъ, прежде всего, чтобъ она какъ можно легче, скорѣе и простѣе давалась въ руки. „*Трескучая*“ фраза замѣняетъ у подобныхъ людей не только одни познанья, но и всѣ добродѣтели, всѣ нравственныя требованія: это средневѣковая индульгенція, съ которой можно пройти весь міръ и дѣлать чтó угодно. Немудрено, что она выглядываетъ преимущественно съ тѣхъ сторонъ, гдѣ нѣтъ серьёзнаго труда, и чтó ею закрашивается обыкновенно бѣдность, ничтожество мысли, а иногда и своекорыстный разсчетъ, какъ въ плохихъ трактирахъ особенно украшается не совсѣмъ свѣжее блюдо. Мы уже пережили много фразъ на вѣку нашемъ — фразу равнодушія, фразу отчаянія, фразу изящнаго эгоизма съ Печоринымъ, и проч. Нѣтъ сомнѣнья, что мы также переживемъ и „трескучую“ фразу, и что она не уступитъ другимъ въ свойствѣ возбуждать общее сожалѣніе и насмѣшку, но покуда единственное противоядіе ей есть дѣятельность и направленіе того класса людей, о которомъ такъ много говорено здѣсь. Это, между прочимъ, составляетъ послѣднее наше доказательство въ пользу глубокаго нашего убѣжденія, что кругъ, такъ-называемыхъ, *слабыхъ* характеровъ есть *историческій* матеріалъ, изъ котораго творится самая жизнь современности. Онъ уже образовалъ какъ лучшихъ писателей нашихъ, такъ и лучшихъ гражданскихъ дѣятелей, и онъ же въ будущемъ дастъ основу для всего дѣльнаго, полезнаго и благороднаго.

„Атеней“ 1858, № 32.

ДѢЛОВОЙ РОМАНЪ

ВЪ

НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

„Тысяча душъ", романъ А. Писемскаго. Спб. 1858.

Новый замѣчательный романъ г. Писемскаго не есть собственно, какъ знаютъ теперь вѣроятно всѣ русскіе читатели, — исторія тысячи душъ одной небольшой части нашего православнаго міра, столь хорошо извѣстнаго автору, а исторія ложнаго исправителя нравовъ и гражданскихъ злоупотребленій нашихъ, поддѣльнаго государственнаго человѣка, г. Калиновича. Авторъ превосходныхъ разсказовъ изъ народной и провинціальной нашей жизни покинулъ на время обычную почву своей дѣятельности, перенесся въ кругъ высшаго петербургскаго чиновничества, и съ своимъ неизмѣннымъ талантомъ воспроизведенія лицъ, крупныхъ оригинальныхъ характеровъ и явленій жизни попробовалъ кисть на сложномъ психическомъ анализѣ, на изображеніи тѣхъ искусственныхъ, темныхъ и противоположныхъ элементовъ, изъ которыхъ требованіями времени и обстоятельствъ вызываются люди, подобные Калиновичу.

Авторъ не измѣнилъ своей манерѣ притомъ: отличительное качество его таланта — выражать мысль свою посредствомъ *дѣла*, — и одного дѣла, не прибѣгать къ помощи описанія характеровъ, а прямо возлагать на точное изображеніе ихъ всѣ свои авторскія надежды, выдавая публикѣ цѣликомъ образы и фигуры, безъ всякаго косвеннаго ходатайства или хитрой рекомендаціи, — всѣ эти качества въ бо́льшей части случаевъ остались за нимъ и теперь. Разница только въ томъ, что по самой глубинѣ, разнообразію, *смѣшанному* свойству побужденій, одушевляющихъ новый міръ, куда вступилъ авторъ, природныя качества его таланта уже не могли дѣйствовать съ той свободой, полнотой и увѣренностью въ себѣ, какими отличались прежде. Въ бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ при какомъ-либо

созданіи изъ простой, цѣльной (хотя бы и грубой) жизни, тутъ требовались выборъ, долгія соображенія, мучительная работа отысканія вѣрной и выразительной ноты для главнаго пѣвца, къ которой способенъ бы былъ пристроиться и весь хоръ остальныхъ голосовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что авторъ вышелъ побѣдителемъ изъ тяжелой задачи, имъ себѣ заданной, и новый романъ, можетъ статься, болѣе всѣхъ прежнихъ произведеній его свидѣтельствуетъ о силѣ его таланта, одолѣвающей при случаѣ весьма значительныя препятствія; но нѣтъ сомнѣнія также, что упорный трудъ, предшествовавшій и сопутствующій роману, неизбѣжно отразился на самомъ созданіи и лишилъ его того полета, той увлекающей силы, которые едва допускаютъ замѣтку или возраженіе со стороны читателя, оставляя ему послѣ себя только удовольствіе разбирать произведенное ими впечатлѣніе и дополнять его новыми соображеніями, возникающими въ душѣ, какъ благодатныя послѣдствія представленнаго ей зрѣлища.

Не будемъ требовать, однакожъ, отъ писателя тѣхъ свойствъ, которыя уничтожаются самимъ содержаніемъ выбраннаго имъ предмета. Какая же исторія преобразователя совершается спокойно, не возбуждая горькихъ сомнѣній въ умѣ самого историка и подъ-часъ не запутывая его сужденія до того, что изъ-подъ пера его исходитъ нетвердый и двусмысленный приговоръ. Вѣдь преобразователи малые и великіе, а равно и исторія ихъ, стоятъ всегда между двумя противоположными воззрѣніями, взаимно исключающими другъ друга, и сохранить тутъ золотую середину, а особенно свободу и развязность изображенія, бываетъ весьма трудно, иногда невозможно. Намъ достаточно, что авторъ заключилъ фалангу мыслящихъ и бездѣйствующихъ героевъ повѣствовательной литературы нашей выводомъ на сцену лица, по преимуществу дѣятельнаго и, притомъ, трижды дѣятельнаго на литературномъ, жизненномъ и гражданскомъ поприщѣ. Вотъ наконецъ и Геркулесъ, готовый на всѣ двѣнадцать подвиговъ, и не только что готовый, но и совершающій ихъ. Для насъ очень важно знать, какъ смотритъ на него самъ авторъ, потому что отъ воззрѣнія автора зависитъ въ сильной степени и душевное настроеніе читателя. Если писатель съ ироніей обращается къ выведенному лицу — на долю послѣдняго выпадаетъ горькая участь. Какъ онъ ни старайся показать себя затѣмъ съ хорошей стороны, какъ ни моли о снисхожденіи и о правахъ своихъ, — ничто не поможетъ: характеръ запятнанъ ироніей автора, словно клеймомъ, и, подъ какимъ бы платьемъ ни явился, клеймо неотвязчиво мелькаетъ передъ глазами читателя. То же и наоборотъ: если писатель отличилъ героя своей симпатіей, то уже много надобно

неосторожныхъ поступковъ, вертопрашества и легкомыслія, чтобъ погубить дѣйствующее лицо во мнѣніи читателя, да и тогда еще все-таки остается кое-что, все-таки вырвется иногда ласковое и задобривающее слово. Въ новомъ произведеніи А. Ѳ. Писемскаго не видно ни большой симпатіи, ни явной ироніи къ главному персонажу романа, г. Калиновичу, однако-же пустить его гулять по свѣту безъ всякаго аттестата съ своей стороны, авторъ, разумѣется, не могъ. Калиновичъ прежде всего публичный человѣкъ, а публичный человѣкъ вызываетъ необходимо сужденіе и толки; ихъ надо, по крайней мѣрѣ, предупредить и направить. Исполняя обязанность эту, авторъ нашъ уже принужденъ былъ отступиться отъ роли отца, который можетъ только одно изъ двухъ: или любить, или ненавидѣть свое дѣтище, и принялъ роль безстрастнаго судьи, который, пожалуй, не затруднится разложить на двѣ разныя кучки достоинства и недостатки подсудимаго и, соображаясь съ величиной той или другой изъ нихъ, составить свое сужденіе. Въ первой части романа Калиновичъ, по ненасытному, но мелкому честолюбію, по сухости сердца, способнаго на отвратительное лицемѣріе, по эгоизму, приносящему въ жертву доброе имя и честь его любовницы, Настеньки, и неотступающему даже передъ самой безобразной ложью,—Калиновичъ является намъ гораздо ниже того грубаго, но добродушнаго общества, которое его окружаетъ и передъ которымъ онъ гордится своей приличной физіономіей. Въ послѣдней, четвертой части, когда, миновавъ лабиринтъ темныхъ и бо́льшей частью позорныхъ интригъ, Калиновичъ достигаетъ своего жизненнаго идеала, становится славенъ, богатъ, силенъ и дѣятеленъ, является у автора нѣчто похожее на сочувствіе къ нему и на увлеченіе. Онъ горячо и по обыкновенію мастерски описываетъ намъ подвиги этого человѣка, ополчившагося на злоупотребленія и начинающаго истреблять ихъ направо и налѣво въ кругу своей власти, помимо всѣхъ мѣстныхъ соображеній, иногда помимо приличія и необходимости, иногда даже помимо закона и установленій. Со всѣмъ тѣмъ (и это великое достоинство романа!) сужденіе читателя о Калиновичѣ нисколько не задерживается проблесками мѣняющихся отношеній автора къ герою: истина всѣхъ изображеній такъ велика у автора, характеръ лица такъ полонъ жизни и правды, типъ такъ ясно обрисованъ, что настоящая мысль романа является сама собой. Калиновичъ есть произведеніе той самой почвы, отъ которой онъ хочетъ отдѣлиться, которую онъ хочетъ исправить, которую попираетъ съ презрѣньемъ и изъ которой, при дѣйствительной обработкѣ ея, онъ, вѣроятно, будетъ первый вырванъ и отброшенъ, какъ сорная трава. — Здѣсь изобразительный талантъ автора одержалъ побѣду надъ запутан-

ностью предмета, сложностью психической задачи и, какъ намъ кажется, надъ нетвердостью и колебаніемъ собственной мысли его.

Странно однако же покажется читателю, что мы постоянно говоримъ о Калиновичѣ, какъ будто онъ одинъ, въ ложномъ своемъ величіи, наполняетъ весь романъ. У такого писателя, какъ г. Писемскій, должны же быть тѣ живыя, чрезвычайно выпуклыя и оригинальныя физіономіи, которыя онъ вырываетъ изъ толпы удивительно легко и смѣло, ставитъ передъ глаза читателя на нѣсколько мгновеній, ослѣпляя ихъ поразительной вѣрностью изображенія, и возвращаетъ снова въ толпу; должны быть, наконецъ, и мастерскія описанія провинціальнаго быта, отличающіяся теплымъ колоритомъ, свободой и широтой кисти. Дѣйствительно, и того и другого очень много въ новомъ романѣ. Начиная перечетъ нашъ съ лицъ—стóитъ только вспомнить наставниковъ Эн—го училища, лѣниваго, мрачнаго сторожа Терку, мистическаго ростовщика почтмейстера, суроваго настоятеля Эн—го монастыря, самого отца Настеньки, добродушнаго до ребячества Годнева, параличную старуху высшаго общества, у которой вся жизнь ушла въ желудокъ, блестящаго князя Раменскаго, такого развязнаго и свободнаго по наружности, но существованіе котораго держится позорной связью и виситъ постоянно на одномъ волоскѣ, удивительнаго подрядчика Папушкина, этого великаго практическаго философа, инстинктомъ угадывающаго, гдѣ настоящая сила и гдѣ подлогъ, и множество другихъ лицъ еще. А въ описаніяхъ, сколько страницъ, не оставляющихъ воображенію почти никакого дѣла: такъ съ перваго разу рисуютъ они предметы во всей ихъ неотъемлемой цѣлости, и притомъ не съ помощью дагеротипнаго перечисленія и свода подробностей, а съ помощью двухъ-трехъ крупныхъ чертъ, схваченныхъ, такъ-сказать, на-лету. Можно ли забыть, прочитавъ разъ, изображеніе уѣзднаго городка, которое послѣ такихъ же изображеній въ „Мертвыхъ Душахъ“ и романѣ „Кто виноватъ“, еще поражаетъ свѣжестью и оригинальностью; а далѣе разсказъ о путешествіи Калиновича съ купцомъ изъ Эн—ка въ Петербургъ, разсказъ о впечатлѣніяхъ, испытанныхъ героемъ, затерянныхъ посреди холоднаго, малопривѣтливаго города; наконецъ, можно ли забыть великолѣпное описаніе его представленія директору департамента, сценъ въ пріемной послѣдняго и множества другихъ подробностей. Все это обличаетъ такую степень творческой наблюдательности, которая не нуждается въ усиліи и, вполнѣ надѣясь на себя, передаетъ свои пріобрѣтенія просто и легко, окрашивая ихъ при случаѣ особеннымъ юмористическимъ цвѣтомъ: ничего переговореннаго, ничего недосказаннаго тутъ, конечно, уже не встрѣтится. Недостатки эти являются у автора только тогда, когда, нарушая

естественный, природный ходъ своей наблюдательности, онъ вздумаетъ насиловать ее, искусственно изощрять и направлять къ тому, мимо чего она прошла безъ вниманія. Недостатками этими страдаетъ бо́льшая часть второстепенныхъ лицъ второй и третьей части романа, описывающаго судьбу и приключенія Калиновича въ Петербургѣ. Для второстепенныхъ лицъ существуютъ своего рода законы: лица эти не имѣютъ права составлять явленія, столь же или еще болѣе значительныя, чѣмъ главные дѣйствующіе характеры, такъ какъ они не могутъ надѣяться на достаточно полное, внимательное изображеніе, а между тѣмъ физіономія журнальнаго труженика, Зыкова, и физіономія нравственнаго сибарита, Белавина, именно таковы, что просятъ настоящей кисти художника. Все, что́ о нихъ не договорено, есть преступленіе передъ ними, и это особенно вѣрно въ отношеніи Зыкова: портретъ его искаженъ, потому что едва набросанъ, и каждая бѣглая черта, посредствомъ которой авторъ старается уловить его выраженіе, только увеличиваетъ несходство и распространяетъ недоразумѣніе. Произвольно и не всегда ловко выведены также нѣкоторыя подробности аристократической, свѣтской жизни, хотя всѣ основныя мысли и мотивы ея замѣчательно вѣрны. Всего болѣе труда стоилъ воображенію автора идеальный типъ любовницы Калиновича, оригинальной Настеньки Годневой: но о немъ мы скажемъ нѣсколько словъ впослѣдствіи.

Совсѣмъ тѣмъ, оставляя въ тѣни многія блестящія стороны романа, мы считаемъ себя въ правѣ говорить преимущественно о Калиновичѣ — и вотъ на какихъ основаніяхъ. Съ первыхъ страницъ является онъ намъ какъ публичный дѣятель, и постоянно, затѣмъ, въ продолженіи всего романа мы заняты исторіей развитія его „карьеры". Говоря прямо — другого содержанія романъ не имѣетъ. Мы видимъ, какъ зарождается будущій важный чиновникъ, какъ усиливается онъ пробить себѣ дорогу, какъ, по ошибкѣ, свойственной молодости, пробуетъ онъ иной, литературный путь, къ которому нисколько не предназначенъ судьбой, какъ покупаетъ видное мѣсто и положеніе цѣной собственной чести и человѣческаго достоинства, и какъ, отбрасывая всѣ другія стремленія, дѣлается, наконецъ, чистѣйшимъ экстрактомъ дѣлового человѣка. Исторія возникновенія публичнаго дѣятеля составляетъ настоящую интригу романа: бѣдная Настенька, богатая Полина, коварный князь, и петля, смѣемъ выразиться, которую стараются набросить всѣ три лица эти, каждое съ своей стороны, на героя нашего, имѣютъ для насъ второстепенное значеніе, потому что истинный смыслъ романа заключается не въ нихъ. Онъ весь въ служебномъ значеніи Калиновича. Общественная важность новыхъ чиновничьихъ идей, приносимыхъ

имъ съ собой, оцѣнка ихъ и изображеніе неспособности ихъ возвысить характеръ, лишенный отъ природы нравственнаго достоинства, а затѣмъ описаніе способовъ, какими непризванные реформаторы стараются доставить торжество своимъ воззрѣніямъ, скрывая за ними бѣдность и моральное ничтожество своей натуры, — вотъ гдѣ истинный смыслъ романа и его исходная точка: тутъ и настоящее содержаніе его, тутъ и единственная его „интрига". Все прочее имѣетъ только обманчивый видъ дѣла и, при внимательномъ разсмотрѣніи, оказывается тотчасъ же простымъ орудіемъ для развитія главной мысли, а потому легко и естественно заслоняется фигурой Калиновича. Всѣ другія лица романа существуютъ по милости его — онъ одинъ существуетъ независимо и свободно. Мы знаемъ, что этому выводу на первый планъ общественнаго вопроса въ формѣ Калиновича романъ обязанъ огромной занимательностью и огромнымъ успѣхомъ; мы знаемъ также, что никто еще не олицетворялъ съ такой смѣлостью и съ такимъ мастерствомъ, какъ авторъ нашъ, одно изъ явленій современнаго бюрократическаго міра, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшаемся сдѣлать и нѣсколько чисто-эстетическихъ замѣчаній по этому поводу. Въ глазахъ многихъ эстетическія замѣчанія уже потеряли всю свою цѣну и стали похожи на линейки, по которымъ пишутъ обыкновенно люди, не умѣющіе писать или передающіе чужое слово,—но обойдтись совершенно безъ эстетическихъ замѣчаній при разборѣ художественнаго романа, согласитесь, тоже не совсѣмъ возможно. Необходимость должна служить намъ оправданіемъ.

Замѣчено, что современная наука съ любовью обращается къ частной жизни и высоко цѣнитъ ея интересы. То же самое, только въ большей мѣрѣ, чѣмъ про исторію, этнографію и статистику, можно сказать и объ искусствѣ: частная жизнь есть настоящее достояніе его. Ни пышные титулы, ни важныя оффиціальныя должности и занятія не вызовутъ искусство на дѣятельную работу, — вызываютъ ее только одни частныя дѣла человѣка, хотя бы онъ владѣлъ двумя Индіями, или не владѣлъ и пяденью земли, потому что въ частныхъ дѣлахъ, отношеніяхъ, связяхъ и во взаимной ихъ игрѣ всего лучше обнажается душа человѣка и душа лицъ, сопряженныхъ съ нимъ любовью или ненавистью. Эта наклонность искусства инстинктивно понималась извѣстнѣйшими творцами такъ-называемыхъ общественныхъ романовъ, французскими и англійскими: вопросы административнаго и политическаго свойства не составляютъ у нихъ самаго зерна произведенія, а только хвостъ его, который, пожалуй, какъ у кометъ, можетъ раскидываться на необъятное пространство и занимать половину видимаго горизонта. Стороной и бокомъ около частнаго дѣла идутъ всѣ эти вопросы до тѣхъ поръ, пока, обле-

ченные въ форму явленій, катастрофъ и событій, они не вторгаются въ середину домашней, замкнутой частной исторіи и не нарушаютъ ея теченія. Отсюда начинается ихъ исторія. Чѣмъ естественнѣе, правильнѣе, разумнѣе были всѣ отношенія между людьми до появленія этихъ постороннихъ дѣятелей, тѣмъ безобразнѣе являются уму читателя враждебныя силы, обезобразившія частное дѣло, возбуждая желаніе одолѣть ихъ или измѣнить ихъ свойство. То же и наоборотъ. Если только съ помощью этихъ побочныхъ дѣятелей можно внести какой-либо порядокъ въ своевольное, неразумное теченіе жизни, то это становится лучшимъ доказательствомъ несостоятельности частнаго быта и необходимости обновить его посредствомъ высшихъ нравственныхъ началъ. Иногда и то, и другое вмѣстѣ является слѣдствіемъ вмѣшательства общественныхъ вопросовъ: они въ одно время обнаруживаютъ и собственные свои недостатки, и недостатки той жизни, на которую имѣютъ вліяніе. Случается, однакожъ, что авторы выводятъ ихъ изъ скромной роли побочныхъ дѣятелей, ставятъ на первое мѣсто и подвергаютъ ихъ прямо, непосредственно допросу, обличенію, призывая уже какую-либо частную исторію, гдѣ они замѣшаны, какъ обвинительный актъ, какъ упрекъ, или тяжелое показаніе. Тогда уже начинается нѣчто въ родѣ тяжбы, которая можетъ имѣть свою высокую, глубоко-полезную цѣль, но къ области искусства не принадлежитъ. Замѣтьте: мы не говоримъ, что область, къ которой относятся произведенія этого рода, ниже или менѣе важна и почетна, чѣмъ область искусства. Нѣтъ ничего неважнаго въ мірѣ нравственныхъ явленій, какъ нѣтъ въ немъ предпочтеній, мѣстничества и привилегій; мы только говоримъ, что это двѣ разныя области. Можетъ-статься, что русскому искусству суждено измѣнить эту программу и создать новую, по которой частное событіе и сфера отвлеченныхъ вопросовъ права, психическая исторія лица и дѣловые интересы могутъ быть примирены и безразлично попадать въ главныя пружины романа, не нарушая тѣмъ законовъ свободнаго творчества. Вѣдь была же эпоха, гдѣ дѣйствительно отдѣльный человѣкъ и исторія народа шли дружно обнявшись, гдѣ мысли перваго составляли содержаніе послѣдней, гдѣ послѣдняя говорила только то, что̀ говорилъ первый, — эпоха эпическая, оставившая намъ образцы своихъ безукоризненныхъ произведеній. Не попытаться ли воскресить ее? Конечно, для достиженія нынѣ подобнаго родственнаго единства и безразличія между частнымъ лицомъ и оффиціальнымъ бытомъ слѣдовало бы прежде всего значительно упростить весь бытъ нашъ, чего, кажется, ожидать нельзя,—но зачѣмъ же отчаяваться? По-крайней-мѣрѣ не замѣтно, чтобъ такого рода опасенія имѣли вліяніе на производительность нашихъ писателей.

Въ послѣднее время множество попытокъ было сдѣлано начинать психическій и поэтическій разсказъ о человѣкѣ — не съ человѣка, образуемаго, разумѣется, формальнымъ бытомъ, въ которомъ онъ вращается, а съ исторіи, повѣрки и оцѣнки самого формальнаго быта, его породившаго: человѣкъ идетъ тогда уже какъ-бы въ придачу къ нему. Ничего такого нѣтъ, разумѣется, въ новомъ романѣ г. Писемскаго; сильно и обильно вращается тамъ дѣйствительная жизнь, но изображеніе публичнаго дѣятеля захватываетъ и въ немъ все пространство картины, между тѣмъ какъ остальной міръ кружится около того дѣятеля, словно на оси своей. Романъ, поэтому, можетъ быть причисленъ къ ряду тѣхъ же попытокъ, но произведенныхъ съ такою силой и творческою мыслью, что становится вдвойнѣ замѣчателенъ и вдвойнѣ опасенъ для подражателей и для самой теоріи, сейчасъ нами изложенной.

Однако, посмотримъ, что́ даетъ намъ въ сущности романъ, построенный на этомъ основаніи и притомъ съ такой расточительностью таланта, съ такимъ обиліемъ средствъ, находившихся въ рукахъ художника и знатока дѣла, которому въ искусствѣ крѣпко держать бразды всѣхъ событій разсказа и направлять ихъ прямо къ одной опредѣленной цѣли, можетъ быть, и нѣтъ равнаго въ литературѣ нашей. Онъ даетъ намъ въ простомъ и, можно сказать, голомъ видѣ исторію честолюбца, пробивающаго себѣ дорогу — именно Калиновича, и этотъ характеръ тлетворно дѣйствуетъ на всю постройку произведенія, какъ старательно и искусно ни сложена она. Узелъ происшествій, повидимому, крѣпко и ловко затянутый авторомъ, рвется тотчасъ съ приближеніемъ героя. Оно и понятно: герой стремится на первый планъ, гдѣ ему заранѣе указано мѣсто, и по необходимости все должно сторониться передъ нимъ — сперва любовница, Настенька, потомъ жена, Полина (эта, Богъ знаетъ, почему), потомъ влюбленный баронъ, располагающій мѣстами, потомъ хитрый, опытный князь, а наконецъ весь провинціальный городъ и цѣлая область. Какая „интрига", какое содержаніе, какъ бы богато оно ни было, выдержатъ напоръ человѣка, которому опредѣлено стоять на высокомъ пьедесталѣ coûte qui coûte, потому что безъ этого все пропало — мысль произведенія и оно само. Какъ тріумфаторъ расхаживаетъ герой вдоль и поперекъ всей завязки романа, которую авторъ старается всѣми силами спасти изъ-подъ ногъ этого нечистаго духа, имъ же самимъ вызваннаго: ходомъ романа уже владѣетъ не авторъ, не внутренняя необходимость жизни, а этотъ человѣкъ. Авторъ у него въ рукахъ и принужденъ употреблять въ дѣйствіе всю силу ума и таланта, чтобы приличнымъ образомъ, съ наружнымъ видомъ самостоятельности слѣ-

довать за нимъ по пятамъ. Это тиранническое обращеніе съ жизнью, со всѣми окружающими, герой Калиновичъ пріобрѣлъ совсѣмъ не тогда, когда, продавъ себя богатой и вліятельной невѣстѣ, купилъ право неприкосновенности для себя и своеволія надъ другими, а гораздо ранѣе. Онъ пріобрѣлъ его еще до начала самаго романа, именно тогда, когда авторъ рѣшился сдѣлать въ фантазіи своей уступку ложному блеску и поставить Калиновича съ идеей, имъ выражаемой, не въ ряду всей другой жизни, какъ одну изъ ея подробностей, а въ центрѣ жизни, какъ рычагъ и начало ея. Калиновичъ скоро высвободился отъ повиновенія обыкновеннымъ ея законамъ.

Отличительное качество романа, гдѣ гражданское дѣло составляетъ главную пружину событія, есть нѣкотораго рода сухость. Онъ способенъ возбуждать самыя разнородныя ощущенія, кромѣ одного, чувства поэзіи. Негодованіе, смѣхъ, благородныя стремленія къ высшей нравственной идеѣ, состраданіе, ужасъ, — всѣ эти и множество другихъ психическихъ ощущеній легко пробуждаются въ человѣкѣ дѣловымъ романомъ, но до поэзіи и поэтическаго обаянія достигаетъ онъ рѣдко. Этого также вполнѣ нельзя сказать о произведеніи нашего автора, но и у него поэзія обнаруживается только по закраинамъ романа, въ какомъ-нибудь Годневѣ, въ какой-нибудь Пелагеѣ Евграфовнѣ, заявляющей свою безпредѣльную благодарность къ семейству Годневыхъ особеннымъ манеромъ, — въ мрачномъ капитанѣ, страдающемъ за другихъ молчаливо, но выразительно, — наконецъ, въ пьяномъ Экзархатовѣ и проч.; но она блѣднѣетъ и пропадаетъ въ центрѣ, на первомъ планѣ, гдѣ безпредѣльно господствуетъ, въ образѣ Калиновича, одно гражданское дѣло. Краски жизни, игра ея и живописные мотивы бѣгутъ отъ него, какъ легко понять, въ дальніе углы романа и, притаившись тамъ, робко горятъ въ чащѣ переплетающихся событій, какъ свѣтящіеся червячки въ зелени. Передъ глазами читателя прямо разстилается одна безплодная, сухая степь, гдѣ, поднимая ѣдкую пыль, свирѣпо сталкиваются животныя страсти человѣка — корысть, злоба, эгоистическій разсчетъ: таково неизбѣжное условіе всякаго романа, занимающагося судьбой дѣлового человѣка, а не жизненной исторіей, которую онъ долженъ болѣзненно возмутить или разстроить окончательно. „Что-жъ за бѣда? — скажутъ намъ: — лишь бы вышла поучительная картина, лишь бы добыть на концѣ разсказа спасительный выводъ, лишь бы открылъ намъ авторъ глаза на болѣзнь общества и способствовалъ къ отысканію лѣкарства отъ недуга! Нѣтъ, или очень мало поэзіи въ главныхъ событіяхъ, — ну, и Богъ съ ней! Она еще, пожалуй, перепортила бы все дѣло, лишивъ его необходимой яркости, раздѣ-

ливъ вниманіе читателя и ослабивъ впечатлѣніе". Разсчетъ основательный, но отъ него уже не далеко до заключенія, что чѣмъ грубѣе средства, тѣмъ сильнѣй и успѣшней они дѣйствуютъ...

На дѣлѣ, однакожъ, то-есть въ сферѣ свободнаго созданія, существуютъ другого рода соображенія. Приведемъ, напримѣръ, одну чрезвычайно замѣчательную черту, которая почти неизмѣнно повторяется всѣми лучшими, такъ-называемыми соціальными романами, когда они построены на частномъ интересѣ и не подчинились рабски философскимъ или политическимъ теоріямъ. Черезъ всю, часто весьма сложную, постройку ихъ проходитъ одно существо (мужчина или женщина — все равно), исполненное достоинства и обладающее замѣчательною силой нравственнаго вліянія. Роль подобнаго благороднаго существа постоянно одна и та же: оно вездѣ становится посереди столкновеній двухъ различныхъ міровъ, представляемыхъ романомъ — міра отвлеченныхъ требованій общества и міра дѣйствительныхъ потребностей человѣка, умѣряя присутствіемъ своимъ энергію ихъ ошибокъ, обезоруживая побѣдителя, утѣшая и подкрѣпляя побѣжденныхъ. Намъ пришлось бы перечислить множество героевъ и героинь лучшихъ романовъ Дикенса, Жоржъ-Санда и другихъ, если бы мы хотѣли подтвердить примѣрами справедливость нашего замѣчанія. Всѣ эти избранныя существа возникали въ фантазіи авторовъ изъ потребности указать чувству читателя искупительную жертву несправедливости и ободрить его при торжествѣ неразумныхъ, темныхъ или порочныхъ началъ.

Что-жъ выходитъ далѣе?—Далѣе выходитъ, что только посредствомъ этихъ избранныхъ существъ, а не посредствомъ грубой расправы и кроваваго мщенія оканчивается судъ надъ людьми. Дикія побужденія, или мрачныя силы невѣжества и притѣсненія падаютъ передъ ними, съ высоты ихъ величія, въ прахъ, разумѣется, не формально, не физически, а пораженныя въ своемъ значеніи. Пусть на концѣ романа всѣ элементы, враждебно дѣйствовавшіе на истину и разумность, стоятъ еще въ полномъ блескѣ и въ полной своей цѣлости, не тронутые и не ослабленные происходившей борьбой, пусть даже являются они побѣдителями и еще грозятъ будущему развитію человѣка, но одно присутствіе этихъ избранныхъ, нѣсколько мгновеній ихъ жизни, составляютъ уже отрицаніе и осужденіе противоположныхъ имъ началъ. Скажутъ — „*этого мало*"; но вѣдь задача романа не въ томъ, чтобы произносить или свершать судебные приговоры, а въ томъ, чтобы показать читателю, куда должны обращаться его симпатіи. И когда искупительная жертва подобнаго рода, сообщающая нравственный смыслъ всему грубому ходу борьбы и всѣмъ ея орудіямъ, сама падаетъ въ серединѣ бит-

вы, защищая правую сторону и дѣло своего сердца,—какія безконечныя симпатіи читателя сопровождаютъ ее и какую длинную, блестящую полосу отрадныхъ воспоминаній оставляетъ она за собой! Такъ обыкновенно строятся общественные романы, которые берутъ первый матерьялъ изъ среды народной жизни и за которыми не могутъ слѣдовать повѣствованія, начинающія не съ живого матеріала, а прямо съ орудій, обдѣлывающихъ или искажающихъ его. На долю ихъ выпадаетъ тяжелая, томительная, почти аскетическая робота—собирать вокругъ себя безотвѣтныя страданія и плакать надъ ними. Само собой разумѣется, что и авторъ нашъ, будучи опытнымъ художникомъ, не могъ обойдтись безъ поэтическаго образа, смягчающаго темныя краски дѣйствительности, и повторилъ его въ лицѣ Настеньки,—любящей и страстной Настеньки; но ее постигла горькая судьба. Такъ какъ все, что́ попадаетъ въ сферу Калиновича, принимаетъ особенный, угловатый и непривлекательный характеръ, то и она подверглась той же участи. Избранная на великое призваніе — стать отрадой для нравственнаго чувства читателя, она оказывается ниже своей задачи, весьма легко и скоро оттирается дѣловыми интересами на задній планъ, потомъ свыкается съ своимъ положеніемъ и, наконецъ, утрачиваетъ совсѣмъ первоначальный свой характеръ, перерождаясь почти въ искательницу приключеній, правда, еще живущую воспоминаніями, но уже безъ страсти, безъ вѣры и безъ убѣжденій. Скажутъ: „такъ часто бываетъ на свѣтѣ". Правда, но бываетъ и иначе, а потомъ — что́ это за открытіе!... Мало ли что́ часто бываетъ въ свѣтѣ!

Можетъ-статься, однакожъ, что само нравственное положеніе общества нашего не представляетъ всѣхъ тѣхъ данныхъ, изъ которыхъ обыкновенно возникаютъ въ романахъ трагическія положенія и рождается настоящій гражданскій интересъ ихъ содержанія. Частная жизнь наша, съ идеями и стремленіями, живущими въ ней, можетъ-статься, еще очень тоща и хила въ сравненіи съ могучими дѣятелями, окружающими ее; можетъ-статься, она не представляетъ достаточной упругости для того, чтобъ выдержать напоръ какого-либо вліянія извнѣ? Можетъ-быть, она слишкомъ скоро отступаетъ передъ всякимъ заявленіемъ права, какъ бы произвольно, незаконно и даже малосильно ни было оно? Часто ли обнаруживалась въ ней та доля нравственнаго вліянія, которая при случаѣ можетъ одна остановить неправильное развитіе силы, переступившей за черту закона, за положенія и за понятія о порядкѣ и справедливости? Много ли знаемъ мы примѣровъ, гдѣ бы она собственными моральными способами, благородной, честной и законной борьбой переработала человѣка, не дожидаясь спасительной руки извнѣ, которой одной

предоставлена у насъ тяжелая работа дѣлать и раздѣлывать людей, какъ говорится, безъ участія общественнаго мнѣнія? Можно даже спросить: признаетъ ли въ себѣ частная наша жизнь твердыя, моральныя основы, которыя бы могла предъявить, за которыя могла бы ходатайствовать и которыми открыто могла бы воодушевляться? До спора можетъ дойдти всякій, до осужденія чего-либо также, но до борьбы съ злоупотребленіями и испорченностью еще далека дорога: тутъ надобно прежде всего выработать себѣ самому разумную жизнь, серьёзное пониманіе ея и нравственныя убѣжденія.

При отсутствіи ихъ, а стало-быть при несовершеннолѣтіи частной жизни, лишенной силы и настоящей самостоятельности, весьма естественно, что оффиціальная сторона общества пріобрѣтаетъ необычайную важность. Рано или поздно она постарается затмить всѣ другія стороны, выдвинуться впередъ на Божій свѣтъ, и будетъ отвѣчать одна за цѣлую жизнь. Предположимъ, что явленіе уже совершилось, и мы имѣемъ этого единственнаго представителя частныхъ интересовъ, тогда становится понятно, что всѣ умы будутъ исключительно обращены къ тому представителю и всѣ дѣловые вопросы будутъ неизбѣжно вращаться въ одной только сферѣ этого представителя. При такомъ порядкѣ вещей и литературный вопросъ о дѣловомъ романѣ измѣняется совершенно въ своемъ значеніи. Скажемъ болѣе: тогда возникаетъ просто сомнѣніе, можетъ ли существовать на такой почвѣ истинный дѣловой, общественный романъ, и не должна ли всякая попытка этого рода, по сущности самыхъ обстоятельствъ, перерождиться, невольно и неизбѣжно, въ простой изобличительный романъ, какая бы, впрочемъ, искусная рука ни занималась ею. Разрѣшенію этого сомнѣнія или, по-крайней-мѣрѣ, нѣкоторое приблизительное уясненіе его равнялось бы изслѣдованію самыхъ данныхъ, его породившихъ, чего совсѣмъ не было въ нашихъ намѣреніяхъ; поэтому, ограничимся только однимъ, впрочемъ весьма знаменательнымъ, указаніемъ. Даровитѣйшій изъ современныхъ писателей нашихъ, надѣленный замѣчательными творческими способностями, при полномъ обладаніи художническихъ средствъ, при мастерствѣ употреблять ихъ въ дѣло и при замѣтномъ, глубокомъ обсужденіи предмета, выбраннаго имъ для повѣствованія, все-таки истиннаго дѣлового, общественнаго романа, какъ мы его понимаемъ, создать не могъ. О безплодныхъ попыткахъ новѣйшей драмы и комедіи на томъ же поприщѣ и говорить не стóитъ.

Взамѣнъ, авторъ „Тысячи душъ“ далъ намъ все, чтó только способна была дать почва, на которой онъ установился — и, между прочимъ, Калиновича, замѣчательный типъ, стóящій всего нашего

вниманія. Лицо это есть порожденіе нашего времени, образовавшееся, что-называется, на самыхъ глазахъ нашихъ.

Мы сказали прежде, что Калиновичъ деспотически увлекаетъ за собой всѣ событія вокругъ него, но надо прибавить, что каждое отдѣльное мгновеніе его существованія пояснено съ замѣчательнымъ искусствомъ и превосходно обстановлено дѣйствующими лицами. Вотъ онъ въ провинціи, между простыми добрыми людьми, которые предчувствуютъ въ немъ зарождающуюся знаменитость, ошибаясь только насчетъ будущей ея дѣятельности Всѣ они, не исключая Настеньки, читаютъ на его холодномъ лбу, часто омраченномъ эгоистическими движеніями сердца и суровымъ исполненіемъ должности, предзнаменованія великой авторской славы: повѣсть, написанная Калиновичемъ и отвергнутая редакторами петербургскихъ журналовъ, даетъ къ тому первый поводъ. Старый Годневъ представляетъ его даже, подъ именемъ автора, суровому, прозорливому настоятелю Эн—го монастыря, который долженъ былъ странно посмотрѣть на этого молодого, безстрастнаго человѣка, посвятившаго себя такому призванію. Никому въ голову не приходитъ усомниться съ своихъ заключеніяхъ, хотя безпрестанныя доказательства холоднаго разсчета, отсутствія всякой фантазіи и порыва у Калиновича могли бы, кажется, поколебать убѣжденіе семейства Годневыхъ: черта наивнаго добродушія, проведенная, кажется намъ, уже немножко рѣзко. Исповѣдь Калиновича передъ Годневыми не открываетъ имъ глаза на его характеръ. Изъ нея видно, что нравственныя оскорбленія, претерпѣнныя героемъ въ дѣтствѣ, и бѣдность, послѣдовавшая за тѣмъ, вмѣстѣ съ несправедливостью людей, отказывавшихъ ему въ признаніи правъ, имъ заслуженныхъ, развили въ сердцѣ его хроническую злость. Ослѣпленная Настенька даже одобряетъ мысль Калиновича, когда въ концѣ исповѣди своей онъ восклицаетъ: „Я хочу и буду вымещать на порочныхъ людяхъ то, что̀ самъ несу безвинно“. Великое слово, обнажающее всю душу Калиновича... Итакъ, порочные люди призваны къ отвѣту за преступленія, свершенныя не ими. Порочные люди должны валиться сотнями и тысячами, чтобы насытить его мщеніе противъ другихъ людей, съ которыми онъ не могъ справиться. Порочнымъ людямъ уже нѣтъ другого назначенія въ жизни, какъ смиренно ложиться подъ удары г. Калиновича и переносить ихъ сколь можно терпѣливѣе. Дѣло не въ исправленіи порочныхъ людей, не въ отнятіи у нихъ возможности вредить, не въ сообщеніи имъ моральныхъ правилъ, такъ какъ, слышали мы, множество пороковъ происходитъ на свѣтѣ отъ невѣдѣнія преступниками началъ нравственности и порядка,—дѣло въ томъ, чтобъ порочные люди какъ можно болѣе страдали въ силу

одной разумной причины; самъ г. Калиновичъ страдалъ прежде, да и теперь еще страдаетъ. Сколько у насъ такихъ Калиновичей во всѣхъ сферахъ жизни! На основаніи своей теоріи возмездія, узаконивъ, такъ сказать, врожденную хроническую злость свою и поднявъ ее на степень политическаго и гражданскаго дѣятеля, Калиновичъ выступаетъ уже раннимъ гонителемъ и карателемъ злоупотребленій. Но, странное дѣло! Читая повѣсть его неутомимыхъ преслѣдованій порока, все кажется, будто злоупотребленія ему нужны, потому-что безъ нихъ ему нéчего было бы дѣлать, потому-что, карая ихъ, онъ слѣдуетъ вліянію своей страсти, и находитъ наслажденіе въ работѣ этой, какъ игрокъ за ломбернымъ ремесломъ. Исключая злоупотребленій, все остальное въ Божьемъ мірѣ волнуетъ и тѣшитъ его, какъ самаго простого изъ самыхъ простыхъ смертныхъ. Онъ выработалъ для себя только формальную, внѣшнюю, такъ сказать, честность, и не имѣетъ глубокой, внутренней честности. Онъ не беретъ взятокъ изъ рукъ въ руки, уничтожилъ до основанія заднее крыльцо, но расположенъ брать хорошія взятки съ самой жизни, чиномъ, мѣстомъ, значительнымъ содержаніемъ, женитьбой, прикрывая это какимъ-то строгимъ, пуританскимъ видомъ, которому православный людъ нашъ всего болѣе дивится: тáкъ онъ непонятенъ ему и чуждъ его природѣ. Калиновичъ съ юныхъ лѣтъ томится жаждой богатства, блестящаго положенія въ свѣтѣ и власти. Едва замѣтилъ онъ на провинціальномъ горизонтѣ призракъ щеголеватаго существованія въ образѣ Полины и призракъ богатой, блестящей свѣтской невѣсты въ образѣ княжны Раменской, какъ всѣ его мысли и стремленія потянулись къ нимъ неудержимо. Съ перваго же раза видно, что призраками этими суровый гонитель пороковъ можетъ быть купленъ такъ же легко, какъ любой приказный засаленной ассигнаціей, съ тою только разницей, что приказный продаетъ незаконную услугу или обѣщаніе покривить совѣстью, а Калиновичъ продаетъ всего себя цѣликомъ — и физически, и нравственно. Герой нашъ способенъ даже поподличать, но только съ глазу на глазъ, какъ, напримѣръ, у почтмейстера, при выручкѣ нужнаго пакета. Когда ругательство безопасно, онъ и ругается, какъ, напримѣръ, съ извозчиками и лакеями; да онъ и золъ только въ отношеніи людей, которые отдаются ему въ руки. Человѣкъ этотъ, безжалостно наказывающій влюбленную Настеньку холодностью и презрѣніемъ, когда она старается спасти отъ него послѣднее чувство стыда и приличія, — человѣкъ этотъ очень мягокъ, необычайно искателенъ, вкрадчивъ и уступчивъ передъ княземъ, семействомъ Полины, княжной. Правда, у него есть еще кое-какія угрызенія совѣсти, кое-какіе порывы, заставляющіе

его подчасъ обращаться назадъ, къ покинутой и презрѣнной любви, но эти угрызенія и эти порывы являются, къ сожалѣнію, только тогда, когда онъ несчастливъ, когда осмѣянъ людьми или измученъ жизнью: порожденіе эгоизма, какъ всѣ мысли Калиновича, они не примиряютъ съ нимъ, а только ярче освѣщаютъ нравственное его безобразіе. Страшную картину рисуетъ намъ авторъ, представляя Калиновича въ минуту отъѣзда его въ Петербургъ, за богатствомъ, счастіемъ и славой. Блѣдный, трепещущій и страдающій, онъ предлагаетъ Настенькѣ руку свою для того, чтобы отдѣлаться навсегда отъ любовницы, приноситъ ложную клятву, чтобъ избѣжать огласки и покончить связь, обманываетъ всѣхъ и уѣзжаетъ. Этимъ завершается первая, мастерски написанная часть романа, который тутъ и обрывается. Привязанный къ Калиновичу неразрывными узами, романъ слѣдуетъ за нимъ въ Петербургъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ опять возвращается съ героемъ своимъ, почти на прежнія мѣста; но Калиновичъ уже достигъ своей цѣли: онъ начальникъ и важный человѣкъ, занятый искорененіемъ злоупотребленій и преобразованіями.

Пропускаемъ вторую и третью части романа, которыя похожи на біографическій разсказъ о Калиновичѣ, прерываемый, по временамъ, очерками и картинами съ творческимъ характеромъ. Къ числу такихъ очерковъ принадлежатъ великолѣпное изображеніе пріемной въ квартирѣ директора, уже упомянутое нами, фигура добродушнаго нѣмецкаго юноши, невыносимо скучнаго даже и тогда, когда онъ свершаетъ подвигъ самоотверженія, разсказъ о петербургскомъ житьѣ-бытьѣ и описаніе томительной атмосферы, въ которой изнывалъ Калиновичъ безъ связей, безъ дѣла и будущности. Разъ, послѣ сытнаго обѣда у Дюссо, Калиновичъ не выдержалъ болѣе, склонился на предложенія князя, и вскорѣ затѣмъ, женившись на его любовницѣ, знатной Полинѣ, сдѣлался богатъ и вышелъ въ люди. Оставляемъ безъ разрѣшенія множество вопросовъ, возникающихъ невольно при чтеніи всей темной исторіи этой: зачѣмъ такъ силится князь Раменскій навязать богатую блестящую Полину ничтожному и притомъ еще строптивому Калиновичу? Будто бы съ ея средствами долго пришлось ей ожидать въ Петербургѣ жениховъ, расположенныхъ молчать объ ея позорѣ и бросить пятьдесятъ тысячъ Раменскому за сватовство? Зачѣмъ опять такъ рабски подчиняется Калиновичу несчастная Полина, сдѣлавшись женой его? Какимъ нравственнымъ преимуществомъ обладаетъ онъ передъ нею? Если мужъ сглаживаетъ и уничтожаетъ ошибки прошлой ея жизни, то она, распорядительница большого имѣнья и большихъ связей, упрочиваетъ взамѣнъ настоящее и будущее существованіе его на землѣ: они могутъ очень самостоятельно презирать другъ друга, и ни ко-

торому изъ нихъ нѣтъ надобности унижаться передъ другимъ. Въ рукахъ Полины судьба Калиновича, такъ точно, какъ въ рукахъ послѣдняго участь ея добраго имени; но у Полины оружіе сильнѣе: она можетъ обратить его, по прежнему, въ завистливаго, но безпомощнаго бѣдняка. Гдѣ же тутъ право на кичливое, тиранническое обхожденіе? И здѣсь Калиновичъ не отступаетъ отъ своей роли героя дѣлового романа: онъ повсюду давитъ собой естественное, логическое развитіе жизни и событій. Посвящаемъ нѣсколько словъ только новому оттѣнку въ характерѣ Настеньки, съ которымъ она является изъ провинціи въ Петербургъ къ Калиновичу, покинувъ и обманувъ параличнаго отца, вскорѣ затѣмъ и умирающаго на чужихъ рукахъ. Оттѣнокъ этотъ выражается преимущественно какимъ-то правильнымъ, обдуманнымъ, нѣсколько книжнымъ языкомъ, вложеннымъ въ уста ея и способностью, пріобрѣтенною ею, развивать свои мысли очень стройно, логично и даже красиво. Черта эта, общая многимъ провинціальнымъ дѣвушкамъ, употребляющимъ свои досуги на прилежное и многостороннее чтеніе, весьма ловко подмѣчена авторомъ и весьма искусно употреблена имъ въ дѣло. Намъ бы хотѣлось только, чтобъ она примирялась съ женской граціей, съ поэтическимъ элементомъ, которые должны преобладать въ образѣ любящей, страстной, благородной женщины: иначе зачѣмъ же ей быть героиней. Не то, чтобъ поэтическаго элемента вовсе недоставало ей, но она въ одно и то же время умѣетъ сильно чувствовать и хорошо выражаться о чувствѣ, а эта способность какъ-то двоитъ ея изображеніе въ умѣ читателя. Вскорѣ по прибытіи въ Петербургъ она получаетъ страсть къ театру, которая отъ бесѣдъ съ сумасшедшимъ театраломъ, студентомъ Иволгинымъ, укореняется въ ней на всю жизнь. Что это такое — учтивый ли подарокъ самого автора, старающагося оправдать высокія стремленія героини, или дѣйствительная потребность ея природы — мы хорошенько не разберемъ. Впрочемъ, она дѣлается замѣчательной актрисой, и подобно тому, какъ Калиновичъ нѣсколько позднѣе забылъ весь міръ, предавшись службѣ, такъ она забываетъ горе жизни, обманъ и измѣну любовника на подмосткахъ провинціальной сцены. Мы этому вѣримъ, хотя и смущены нѣсколько внезапнымъ переворотомъ въ ея судьбѣ, потому что прежде не видали никакихъ признаковъ того особеннаго настроенія, которымъ отличаются художники, съ которымъ Миньоны, Рашели и вообще великіе артисты, слышали мы, даже родятся и которое заявляютъ гораздо ранѣе сознательной жизни, ранѣе опыта и размышленія. Оставляемъ все это въ сторонѣ и спѣшимъ къ четвертой части романа, можетъ быть еще болѣе замѣчательной, чѣмъ первая. Страшный, пред-

варительный искусъ Калиновича съ цѣпью интригъ, страданій и позорныхъ стачекъ остался уже позади насъ: передъ нами является теперь Калиновичъ значительнымъ публичнымъ дѣятелемъ и выказываетъ все, что̀ жизнь, обстоятельства и свойства его природы развили въ немъ хорошаго и дурного.

Мы застаемъ его на дѣлѣ. Съ перваго раза глубокія симпатіи читателя окружаютъ Калиновича, объявляющаго безпощадную войну лихоимству, злоупотребленію и служебной испорченности. По мѣрѣ того, какъ рѣшительнѣе и крѣпче захватываетъ онъ бразды управленія въ свои руки, образъ его растетъ все болѣе въ глазахъ нашихъ и симпатіи читателя увеличиваются. Калиновичъ влюбленъ въ службу, и по весьма простой причинѣ; вмѣстѣ съ трудами и гнетущими обязанностями ея, онъ находитъ въ ней и неисчерпаемый источникъ наслажденія: она сдѣлалась единственной нравственною идеей, которая осталась ему въ жизни. Служба для него болѣе, чѣмъ жизненное поприще: это его священное убѣжище, одно мѣсто на землѣ, гдѣ онъ чувствуетъ себя моральнымъ существомъ, способнымъ къ добру, подвигу и самоотверженію. Мы ему вѣримъ вполнѣ, когда, измученный страшными битвами своей оффиціальной жизни, онъ съ увлеченіемъ говоритъ Настенькѣ, въ минуту отдыха, послѣ одного спектакля, превосходно описаннаго авторомъ: „Говорятъ, что я подбираю себѣ шайку, тогда какъ я сыну бы родному, умирай онъ съ голоду въ моихъ глазахъ, гроша бы жалованья не прибавилъ, еслибъ не зналъ, что онъ полезенъ для службы, въ которой я хочу быть, какъ голубь, святъ и чистъ отъ всякаго лицемѣрія“ (т. II, стр. 509).

Понятно, что малѣйшее нечистое прикосновеніе къ тому, что̀ сдѣлалось теперь святыней для Калиновича, вызываетъ гнѣвъ и безпощадное преслѣдованіе его. Надо читать въ романѣ, какъ ничто не укрывается отъ рысьихъ глазъ его, въ какія извилины и тайники преступленія проникаетъ онъ, чтобъ исхитить оттуда виновнаго въ оскорбленіи закона! Волненіе общества при одномъ взглядѣ на этого молодого человѣка, покрытаго преждевременными сѣдинами, описано удивительно ярко авторомъ романа. Никогда еще общество не было потрясено такъ сильно въ своей вѣрѣ, что все существующее вѣчно будетъ существовать въ одинаковой формѣ и не найдется руки, способной нарушить обычный ходъ дѣлъ, до того укоренившійся, что онъ кажется естественнымъ. Рука нашлась, и притомъ такая, которая равно опрокидываетъ и малыя и большія постройки неправильнаго дѣлопроизводства, и малыя и большія существованія, запятнанныя преступленіемъ. Гораздо менѣе согласны мы съ Калиновичемъ, когда онъ говоритъ Настенькѣ въ той же

сценѣ свиданія: „...Я никогда не былъ подлецомъ и никогда ни передъ кѣмъ не сгибалъ головы... Я по натурѣ большой корабль, и мнѣ всегда было надобно большое плаваніе...“ (т. II, стр. 506). Мнѣніе это, кажется, раздѣляетъ и авторъ, но оно не выдерживаетъ повѣрки. Вся прошедшая жизнь Калиновича и три части романа противорѣчатъ ему: развѣ можно продать себя и на вырученныя деньги *купить* мѣсто безъ склоненія головы — понимая это не въ буквальномъ, а въ переносномъ смыслѣ; развѣ большой корабль можетъ плавать безъ большого груза—безъ идеи, напримѣръ, продолжая аллегорію Калиновича. Какую же основную, руководящую идею добылъ онъ въ жизни? Калиновичъ отличается на службѣ полезнѣйшею, почти героическою дѣятельностью, но основаніе этой дѣятельности имѣетъ чисто физіологическую причину, именно потребность излить на что-либо природную энергію свою. Бѣдное понятіе о призваніи чиновника, какъ о карателѣ злоупотребленій, есть единственная мораль, ему доступная: но много ли это? За дѣятельностью его нѣтъ мысли, нѣтъ глубокаго представленія современныхъ нуждъ, нѣтъ живого взгляда на общество; оттого она вскорѣ сама переродится въ злоупотребленіе, какъ сейчасъ увидимъ. Отсутствіе идеи, высшаго пониманія своей роли, оказало вскорѣ плоды свои. Калиновичъ точно такъ же поступаетъ съ безсовѣстнымъ откупщикомъ, какъ откупщикъ поступалъ съ народомъ: онъ беззаконно отнимаетъ у него деньги подъ предлогомъ общественной пользы. Кому уберечь Калиновича отъ искушеній власти, отъ произвольнаго употребленія врученныхъ ему средствъ, если нѣтъ у него мысли и нѣтъ другихъ убѣжденій, кромѣ убѣжденія въ необходимости преслѣдованія? Бороться за порядокъ и чистоту службы — дѣло великое, но бороться механически, уничтожая преступниковъ и не думая ни о чемъ болѣе, развѣ не значитъ это слѣдовать правилу того мудреца фонъ-Визинской комедіи, который гордился тѣмъ, что у него въ хозяйствѣ „всякая вина виновата“. Боже мой! развѣ все дѣло только въ жертвахъ, хотя бы и заслужившихъ постигшую ихъ кару? Такого рода пониманіе служебной доблести, вѣроятно, было свойственно и великимъ визирямъ старой Турецкой имперіи, которые съ объѣзда провинцій тащили цѣлые мѣшки, набитые головами преступниковъ, къ великой радости встрѣчавшаго ихъ народа: но лучше ли было оттого?

При отсутствіи какой-нибудь животворной идеи, самые поводы служебныхъ дѣйствій, какъ бы ни казались благовидны и святы по наружности, уже не могутъ сохранить до конца первоначальную чистоту свою. Въ преслѣдованіи составителя фальшиваго акта, прежняго своего сообщника, князя Раменскаго, Калиновичъ видимо увле-

кается личной страстью и становится мстителемъ столько же за оскорбленный законъ, сколько и за себя. Подъ лицемѣрнымъ прикрытіемъ служебнаго долга онъ даетъ просторъ, можетъ быть и невѣдомо для себя, темному побужденію наказать того человѣка, который такъ долго попиралъ его, управляя его судьбой и волей. Кто спасетъ Калиновича отъ страсти, вооруженной благовиднымъ предлогомъ, когда въ душѣ его не отразился высшій идеалъ правды и порядка, одинъ способный руководить поступками нашими? Безъ этого страсть и нечистыя движенія сердца всегда успѣютъ одолѣть человѣка, и мы видимъ дѣйствительно, что Калиновичъ изъ опасенія, какъ бы не ускользнула изъ рукъ его обреченная жертва, приказываетъ закласть стѣной дверь темницы, въ которой содержался обвиненный, но еще не уличенный князь, и подавать ему пищу въ отверстіе. Спрашиваемъ опять — кто могъ подсказать ему подобное рѣшеніе, кромѣ одного чувства власти, не просвѣтленнаго идеей, не руководимаго истинными началами общественной нравственности? Онъ прикрывается закономъ, но уже дѣйствуетъ во имя личныхъ побужденій, принимая ихъ за единственное мѣрило справедливости и пользы. Судьба общества поставлена, такимъ образомъ, на карту, и дѣйствительно Калиновичъ приведенъ къ тому, что уничтожаетъ злоупотребленія водвореніемъ новыхъ злоупотребленій и искореняетъ пороки, замѣщая ихъ пороками другого вида и свойства. Впрочемъ, чего же и ожидать было отъ человѣка, который спасеніе общества полагалъ, съ самаго начала, только въ энергіи карательныхъ мѣръ, который не обнаружилъ ни одной здравой политической мысли и который ни разу не прислушался къ жалобамъ народа, если онѣ касались чего-либо другого, кромѣ людей. Отъ этого грубая дѣятельность его, лишенная мысли, представляется какъ читателю, такъ и обществу, чѣмъ-то въ родѣ необыкновеннаго феномена, котораго предусмотрѣть и отъ котораго защититься нѣтъ возможности. Онъ проходитъ, какъ землетрясеніе, каменный дождь, потопъ, разрушительная буря, и т. п.; существованіе его посреди людей не приноситъ съ собой предчувствія благой мысли, свѣтлаго общественнаго идеала, способнаго покорять сердца, а потому очень естественно, что люди отвращаются отъ него и оставляютъ его одного въ добычу врагамъ и возрастающей его злости, которая только случайно отыскала почетное чиновничье ложе для проявленія себя.

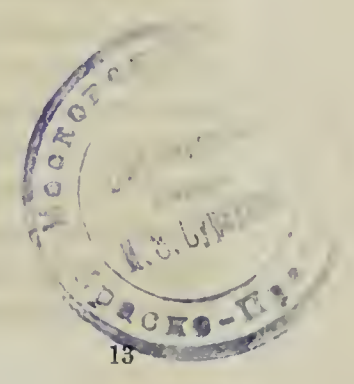
И съ какимъ неподражаемымъ искусствомъ авторъ романа показываетъ затѣмъ противодѣйствіе общества этому заклятому врагу гнилого покоя, съ которымъ оно свыклось? Стоя на одной ступени политическаго воспитанія съ неожиданнымъ преобразователемъ, явившимся посреди его, общество безсильно ограничить его порывы, если

они выступаютъ за предѣлы установленій, и равно безсильно подать ему руку помощи, если онъ дѣйствуетъ въ границахъ блага, порядка и разумности. Калиновичъ не находитъ тутъ ни началъ, въ которыхъ видимо нуждается, ни спасительнаго предостереженія, когда онъ попадаетъ на ложную дорогу: словомъ, онъ лишенъ точно такъ же опоры, какъ и совѣта. Предоставленный самому себѣ, Калиновичъ рано или поздно долженъ будетъ убѣдиться, что дѣло только въ немъ и что онъ можетъ спокойно поставить самого себя на мѣсто разумной системы, принциповъ и правилъ. Чѣмъ же защищается общество отъ ненавистнаго лица, одинаково возмущающаго его и своими достоинствами, и своими недостатками? Оно собирается втайнѣ для обсужденія и изобрѣтенія средствъ къ его погибели, посредствомъ скрытой интриги и доноса. Тайный подкопъ есть единственное оружіе общества и единственная его надежда. За исключеніемъ одного молодого человѣка, лишеннаго политическихъ правъ, не нашлось никого, кто бы заявилъ открыто свою мысль и свои убѣжденія, потому что всѣ мысли и убѣжденія круга стыдятся самихъ себя и боятся свѣта. Говоря прямѣе, ихъ собственно и нѣтъ у обѣихъ сторонъ, а есть только вражда положеній. Грубо и безотчетно дѣйствуетъ Калиновичъ, коварно и малодушно работаетъ общество, чтобъ подорвать Калиновича. Въ борьбѣ этой нѣтъ ни достоинства, ни поучительности, ни содержанія, и по существу своему она уже лишена возможности произвести какія-либо благотворныя слѣдствія. Побѣдитъ ли Калиновичъ—общество нисколько не исправится, а только глубже уйдетъ въ свои происки и прилежнѣй займется ими; подорветъ ли оно врага своего — Калиновичъ уступитъ мѣсто тысячѣ другимъ, ему подобнымъ, которые ждутъ своей очереди. Случилось послѣднее. Калиновичъ былъ отстраненъ, и жизнь потекла опять своимъ обычнымъ порядкомъ, со всѣми тѣми явленіями, которыя такъ сильно возмущали душу рьянаго реформатора, и потекла съ такимъ спокойствіемъ, какъ будто его никогда и не было на свѣтѣ,—только великій практическій мудрецъ, подрядчикъ Панушкинъ, произнесъ ему надгробное слово въ видѣ глубокомысленной фразы: „Заврался очень, оченно заврался“. На этомъ и кончается романъ, дѣйствительно обнаружившій теперь всю свою мысль сполна...

Съ благодарностью за характеръ Калиновича, за множество живыхъ, превосходныхъ сценъ и подробностей, а еще болѣе за то количество мыслей, которое возбуждаетъ романъ, какъ своимъ содержаніемъ, такъ и самой постройкой своей, покидаемъ мы нашего автора. Еще полные отрадныхъ впечатлѣній, мы осмѣливаемся однакожъ выразить желаніе, чтобъ за огромнымъ, вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ романа, авторъ не забылъ другого вида своей дѣятель-

ности, тѣхъ простыхъ разсказовъ, гдѣ многообразная жизнь нашего народа, съ ея свѣжими, оригинальными, симпатическими явленіями выступаетъ рядомъ художественныхъ, непогрѣшительныхъ картинъ, надолго привязывающихъ къ себѣ фантазію, чувство и воспоминаніе читателя. Сфера Калиновичей душна и туманна, но сфера, въ которой движутся люди безподобнаго „Питерщика", „Старой барыни" и проч., всегда будетъ производить обаятельное дѣйствіе. Она тепла и отрадна, какъ домашній очагъ, гдѣ мы свободно можемъ любить всѣхъ безъ различія, даже и погибшихъ членовъ семьи, случайно отдѣленныхъ отъ нея порокомъ или заблужденіемъ.

„Атеней", 1859, № 2.



НАШЕ ОБЩЕСТВО

ВЪ

„ДВОРЯНСКОМЪ ГНѢЗДѢ“, ТУРГЕНЕВА.

1859.

Трудно сказать, начиная разборъ новаго произведенія г. Тургенева, что́ болѣе заслуживаетъ вниманія, само ли оно со всѣми своими достоинствами, или необычайный успѣхъ, который встрѣтилъ его во всѣхъ слояхъ нашего общества. Во всякомъ случаѣ, стоитъ серьёзно подумать о причинахъ того единогласнаго сочувствія и одобренія, того восторга и увлеченія, которые вызваны были появленіемъ *Дворянскаго Гнѣзда*. На новомъ романѣ автора сошлись люди противоположныхъ партій въ одномъ общемъ приговорѣ; представители разнородныхъ системъ и воззрѣній подали другъ другу руку и выразили одно и то же мнѣніе. Романъ былъ сигналомъ повсемѣстнаго примиренія и образовалъ родъ какого-то литературнаго *trève de Dieu*, гдѣ каждый позабылъ на время свои любимыя мнѣнія, чтобы вмѣстѣ съ другими спокойно насладиться произведеніемъ и присоединить голосъ свой къ общей и единодушной похвалѣ. Конечно, тутъ можно видѣть торжество поэзіи и художническаго таланта, самовластно подчиняющихъ себѣ разнороднѣйшіе оттѣнки общественной мысли, но съ нѣкоторою основательностію тутъ можно предполагать также, что не каждая изъ рукоплещущихъ сторонъ одинаково понимаетъ внутреннее значеніе произведенія, и не каждая въ приговорѣ своемъ подразумѣваетъ именно то, что́ другая.

Разбирать причины и, такъ-сказать, составныя части громаднаго успѣха, встрѣченнаго романомъ г. Тургенева—не наше дѣло. Скажемъ только, что явленіе это, по нашему мнѣнію, принадлежитъ къ числу очень замѣчательныхъ явленій послѣдняго времени. Мы хорошо понимаемъ единодушіе въ приговорѣ, когда дѣло заходитъ объ общей идеѣ, въ которой каждый человѣкъ порознь или цѣлый народъ вмѣстѣ узнаютъ свою неотъемлемую собствен-

ность, свое отраженіе и цѣль для своихъ стремленій; но единодушіе передъ свободнымъ проявленіемъ авторской фантазіи, передъ вопросомъ искусства, передъ фигурами и образами, которые вызваны потребностію отдѣльнаго, частнаго лица или его художническою прихотью — такое единодушіе представляетъ уже хорошую тэму для изслѣдованія. Достаточно вспомнить, что для образованія подобнаго факта нужно было каждому изъ многочисленныхъ судей позабыть на время всѣ нажитыя имъ теоретическія отношенія къ другимъ людямъ (иначе онъ бы никогда съ ними не сошелся), а это вообще довольно рѣдко случается во всѣхъ литературахъ. При подобныхъ явленіяхъ уму наблюдателя неизбѣжно представляется одно изъ двухъ: или счастливое произведеніе вдругъ отвѣтило эстетическимъ и моральнымъ потребностямъ, жившимъ скрытною, затаенною жизнію въ умахъ бо́льшей части современниковъ, или при оцѣнкѣ произведенія существуетъ какого-либо рода недоразумѣніе, имѣющее право на раскрытіе и объясненіе.

Мы можемъ сказать откровенно, что, по искреннему нашему убѣжденію, въ составленіи успѣха новому произведенію г. Тургенева участвовали въ извѣстной мѣрѣ и то и другое изъ этихъ условій.

Когда-то, довольно давно, печатно было замѣчено, что для автора *Записокъ Охотника* періодъ поэтическихъ анекдотовъ съ тонкими чертами изъ народнаго быта, съ мастерски-заостреннымъ юмористическимъ словомъ, съ легкими, повидимому, но глубоко задуманными и сильно выработанными картинами и положеніями, прошелъ безвозвратно. Послѣ *Записокъ Охотника* автору не оставалось ничего болѣе, какъ пуститься въ открытое море полной, многосторонней народной жизни, если онъ не хотѣлъ укорениться въ одномъ родѣ и вѣчно плавать у береговъ народнаго быта, въ этихъ анекдотахъ, похожихъ на изящныя, щеголеватыя лодочки, неоцѣнимыя для прогулокъ, для полусерьёзныхъ и полушутливыхъ бесѣдъ, но мало пригодныя къ большому, долгому и серьёзному плаванію за богатствами русскаго духа и русской поэзіи. Кромѣ сельскихъ подробностей, помѣщичьихъ и чиновничьихъ нравовъ, на очереди художническаго воспроизведенія стояло еще тогда цѣлое, такъ-называемое образованное общество наше со всѣми разнообразными своими явленіями, которыя возникали, двигались, цвѣли и умирали безъ всякаго свидѣтеля, наподобіе невидимокъ, рѣдко-рѣдко оскорбляемыя любопытнымъ взоромъ наблюдателя. Изъ этого страннаго терема, созданнаго, какъ и всѣ терема, пренебреженіемъ, лѣностію мысли и самодовольствомъ писателей, г. Тургеневъ пытался съ самаго начала освободить нѣсколько образовъ, но онъ

относился еще къ новому міру, куда вступалъ, очень горделиво; онъ какъ-бы сомнѣвался, способенъ ли этотъ міръ къ независимой жизни въ искусствѣ, съумѣетъ ли онъ держать себя какъ слѣдуетъ и принесетъ ли онъ честь и похвалу своему покровителю. Вмѣсто того, чтобы попытаться уразумѣть черты открывшагося ему міра, авторъ сталъ *выбирать* между ними и, какъ бываетъ всегда въ такихъ случаяхъ, выносилъ на свѣтъ не то, что дѣйствительно имѣло силу и значеніе въ обществѣ, а то, что́ походило на самого искателя, на собственные его идеалы. Но явленія жизни неумолимы, какъ древніе боги. Ихъ не вызовешь презрѣніемъ или укоромъ, ихъ не дождешься, сложа горделиво руки на груди, и въ добавокъ ничѣмъ ихъ не замѣнишь: ими надо овладѣть открыто и честно, какъ овладѣваютъ сердцемъ гордой и благородной женщины, для чего очищаютъ и исправляютъ собственную свою мысль и собственную свою жизнь. Не всякій способенъ къ такому смѣлому приступу, который одинъ даетъ побѣду и обладаніе: вотъ почему большая часть изящныхъ произведеній, содержаніе которыхъ касалось исторіи нашего общества, отличалась въ то время выдумываніемъ явленій, подлогомъ и подставкой изобрѣтенныхъ мотивовъ, вмѣсто настоящихъ и жизненныхъ. Покуда само общество хранило суровое, равнодушное молчаніе, — ложные слухи, произвольныя догадки и сплетни ходили о немъ по литературѣ безъ малѣйшаго препятствія. Даже Гоголь не могъ измѣнить литературную привычку къ выдумкѣ, лишь только основная интрига произведенія помѣщалась въ средѣ тѣхъ слоевъ общества, которые непосредственно слѣдуютъ за мелкимъ чиновничествомъ, сельскимъ дворянствомъ и городскимъ провинціальнымъ населеніемъ. Самые странные литературные букеты, не имѣвшіе ни формы, ни цвѣта, ни запаха, набирались именно на той почвѣ, которая принадлежала классамъ, заявляющимъ претензію на образованность, на умѣніе лучше понимать жизнь, и разумнѣе, богаче и художественнѣе устроивать ее. Великій примѣръ Гоголя принесъ одну только пользу: онъ обратилъ писателей въ чуткихъ сторожей, которые на порогѣ этого особеннаго и разнообразнѣйшаго общества проводили дни и ночи, ожидая, не покажется ли кто случайно изъ вѣчно-замкнутыхъ и недоступныхъ дверей. Когда сама тѣснота и обиліе жизни, тамъ царствующей, выбрасывали какое-либо явленіе наружу, подобно тому, какъ нѣкоторыя многолюдныя страны выбрасываютъ излишекъ своего населенія въ Америку, неусыпные стражи устремлялись на жертву съ поспѣшностію и рвеніемъ людей, прожившихъ многія сутки безъ сна и дѣла или съ пустымъ дѣломъ въ рукахъ. Такимъ образомъ получили мы нѣсколько настоящихъ типовъ, разработанныхъ, надо признаться,

очень удовлетворительно и множествомъ несомнѣнныхъ талантовъ, потому что таланты у насъ находятся въ обратной пропорціи со *знаніемъ:* знанія мало, дарованій много. Впрочемъ, мы все-таки должны быть благодарны этого рода литературному захвату, какъ ни мало требовалъ онъ доблести, усилій мысли и наблюденія. По милости его, мы пріобрѣли, какъ уже сказали, нѣсколько законченныхъ типовъ, напримѣръ типъ *широкой натуры*, освободившей себя отъ всякой отвѣтственности передъ совѣстію, типъ *ничтожнаго характера* съ сильными претензіями и развитою головой, типъ *благонамѣреннаго бюрократа*, загоняющаго людей къ порядку и добродѣтели, какъ стадо, и т. д. Мы подстерегали жизненныя явленія изъ-за угла не даромъ!

Немного ранѣе *Рудина*, и особенно съ этого романа, мы видимъ г. Тургенева уже въ серединѣ того круга, по внѣшней окраинѣ котораго ходила вся наша литература, и не только въ серединѣ, но въ прямомъ, открытомъ и свободномъ общеніи со всѣмъ его поэтическимъ, комическимъ и подъ-часъ трагическимъ населеніемъ. Нажитыя понятія, предубѣжденія и предразсудки остались у него за порогомъ новаго міра, да и въ этомъ новомъ мірѣ онъ уже ищетъ не *исключительныхъ* явленій, которыми можно было бы поразить простыхъ людей, а ищетъ человѣка съ отношеніями, опредѣляющими и направляющими его. Какъ ни отрывчаты его разсказы, какъ ни слышится въ нихъ еще тайная робость за себя и за внутреннее достоинство выводимыхъ имъ лицъ, говоръ публики вокругъ новыхъ его произведеній показалъ, что онъ уже близокъ къ настоящему дѣлу, что ему остается превратить свои намеки въ ясные, положительные факты, договорить свои полуоткровенія, додѣлать фигуры, брошенныя на половинѣ, и получить затѣмъ право на названіе лѣтописца современной жизни. Черезъ рядъ болѣе или менѣе удачныхъ опытовъ, г. Тургеневъ дошелъ, наконецъ, до простой, многозначительной драмы, какая является въ *Дворянскомъ Гнѣздѣ*, и какихъ тысячи втихомолку разыгрываются по разнымъ угламъ нашего отечества, дошелъ до лицъ и характеровъ, нисколько не запятнанныхъ грубымъ авторскимъ произволомъ, а взятыхъ изъ неисчислимой движущейся толпы такъ-называемаго образованнаго общества, гдѣ они укрываются отъ лѣниваго наблюденія; словомъ, онъ изобразилъ такое событіе, которое оказалось связаннымъ тончайшими нитями съ нашею современностію, съ сердцами всего настоящаго, или, лучше, всего *отживающаго* поколѣнія. Таковъ былъ результатъ смѣлаго и вмѣстѣ дружелюбнаго отношенія къ жизни. Мудрено ли, что общество, узнавъ наконецъ въ яркой картинѣ одну изъ тайнъ собственнаго существованія, встрѣтило кар-

тину съ увлеченіемъ и восторгомъ, которыми оно обыкновенно награждаетъ людей, открывающихъ ему дорогу къ самосознанію, къ оцѣпкѣ себя и къ суду надъ собою?

Но мы сказали также, что въ составленіи огромнаго большинства хвалителей новаго произведенія г. Тургенева участвовало и участвуетъ, почти равною частію съ основательными и вполнѣ законными причинами, простое недоразумѣніе. Не трудно будетъ доказать это, если потрудимся разобрать, хотя отчасти, толки и сужденія публики по поводу главныхъ дѣйствующихъ лицъ романа, и особенно по поводу самаго поэтическаго и самаго привлекательнаго изъ нихъ — барышни провинціальнаго города, благородной Лизаветы Михайловны.

Дѣло вотъ въ чемъ. Изъ среды патріархальнаго, но уже суетнаго и испорченнаго семейнаго быта, г. Тургеневъ вывелъ образъ молодого существа, которое съ первыхъ шаговъ на поприщѣ жизни замѣчаетъ, что оно не вторитъ общимъ интересамъ окружающихъ, ихъ понятіямъ, радостямъ и заботамъ. Въ душѣ Лизаветы Михайловны созрѣлъ и выросъ религіозно-нравственный идеалъ существованія, который не можетъ сдружиться съ тѣмъ, что представляется дѣвушкѣ въ настоящемъ и чего можетъ она ожидать въ будущемъ. Послѣ первыхъ неудачныхъ усилій помириться на чемъ-нибудь въ текущей жизни, она быстро разрываетъ съ ней всѣ связи и заключается въ монастырь.

Общее выраженіе участія и умиленія со стороны публики проводило ее въ это послѣднее убѣжище; но нельзя сказать, чтобы характеръ дѣвушки и сущность ея жизни были оцѣнены и поняты удовлетворительно большинствомъ ея поклонниковъ: иначе послѣдніе не стали бы такъ много соболѣзновать о судьбѣ ея и, можетъ-статься, вмѣстѣ со слезами состраданія явилось бы у нихъ и какое-либо другое чувство. Намъ кажется, что внѣшняя сторона ея существованія много участвовала въ привлеченіи къ ней тѣхъ симпатій, которыми она теперь пользуется. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ дѣвушка, мечтающая исключительно о моральныхъ обязанностяхъ своихъ, когда въ ея годы и въ ея положеніи думается о свѣтлой поэзіи и радостяхъ жизни: вотъ первые проблески любви и счастія, падающіе на ея сердце не живительною росой, а каплями яда и огорченій; вотъ отступаетъ она передъ грубою дѣйствительностію, начинаетъ чувствовать святое отвращеніе къ земнымъ искушеніямъ и торопится унести дѣвственную чистоту ума и сердца въ суровую монастырскую келью. Не для жизни даны ей были молодость, красота, высокія предчувствія истины и блага, все погибло въ цвѣтѣ, застигнутое неожиданнымъ морозомъ среди весны, и притомъ той чудной

весны, какая возстаетъ всегда подъ перомъ г. Тургенева. Inde... отсюда слезы! Но если бы судить о лицѣ этомъ только по выраженію горя и жалобъ, возбужденныхъ имъ въ читателяхъ, то пришлось бы отнести его къ числу тѣхъ слабыхъ, хотя и интересныхъ организмовъ, которые страдаютъ потому, что неспособны къ здоровому человѣческому существованію. Кто изъ поклонниковъ Лизаветы Михайловны замѣтилъ, что въ нѣжную, граціозную и обаятельную форму ея облеклась такая строгая идея, какая часто бываетъ не подъ силу и болѣе развитымъ и болѣе крѣпкимъ мышцамъ? Лизавета Михайловна способна тронуть и вызвать слезу у самаго хладнокровнаго читателя, это правда, но одною слезой и сожалѣніемъ она не можетъ довольствоваться: она имѣетъ право на нѣчто бо́льшее, нежели слеза и сожалѣніе, чѣмъ, какъ извѣстно, вполнѣ оцѣниваются и достаточно вознаграждаются многія героини трогательныхъ романовъ, испытавшія горе и несчастія.

А затѣмъ еще въ общемъ хорѣ поклонниковъ нашей повѣсти сильную долю голосовъ образуетъ новая и особенная раса „искателей идеаловъ“. Удивительно иногда становится, когда подумаешь, къ какому употребленію и къ какому злоупотребленію способны бываютъ *слова!* Чего не вводится иногда подъ покрышку слова, весьма опредѣленнаго сначала, но затѣмъ потерявшаго, отъ общаго употребленія, какъ старая монета, первоначальный штемпель и надпись свою? Чего не стараются тогда схоронить въ его нѣдрахъ, и подчасъ какимъ страннымъ требованіямъ и цѣлямъ принуждено оно бываетъ служить и отвѣчать? Идеаломъ, на языкѣ эстетики, означается всякій образъ, соединяющій въ себѣ всю ту сумму нравственныхъ и поэтическихъ чертъ, какая ему свойственна по природѣ его. Это очень просто и, пожалуй, можетъ быть выражено еще въ другой формулѣ, именно: всякій нравственный и поэтическій образъ, вѣрный дѣйствительности и самому себѣ, есть идеалъ. На основаніи этого опредѣленія, и комическое лицо, подъ перомъ художника-писателя, можетъ оказаться идеаломъ, такъ же точно, какъ, на основаніи того же опредѣленія, самая благонамѣренная фигура, снабженная многими добродѣтелями и прекрасными мнѣніями, но безъ жизненной и поэтической правды, не въ состояніи будетъ добиться до желаемаго повышенія въ идеалъ. Съ этою азбукой эстетики благоразумное меньшинство новѣйшихъ искателей идеаловъ, пожалуй, и согласится отвлеченно, но вотъ гдѣ вся партія цѣликомъ расходится съ эстетикой. Настоящій идеалъ можетъ иногда казаться осужденіемъ и отрицаніемъ того низшаго порядка вещей, гдѣ онъ явился и призванъ дѣйствовать, а у ложныхъ идеалистовъ онъ обязанъ узаконять его и мирить съ нимъ. На языкѣ новѣйшихъ иска-

телей идеаловъ, всякая попытка облагородить будничныя, такъ сказать, подробности жизни, пошлый ходъ ея, грубыя и закоренѣлыя ея привычки, называется стремленіемъ къ идеализаціи, и чѣмъ труднѣе задача—сообщить пошлому какое-либо значеніе и достоинство, тѣмъ выше цѣнятъ они усилія писателя и тѣмъ сильнѣе приходятъ отъ него въ восторгъ. Съ ужасомъ и отвращеніемъ бѣгутъ они, въ ремеслѣ, отъ замазки первоначальнаго матеріала красками и лакомъ, какая почасту дѣлается для прикрытія его трещинъ и пороковъ; замазка и лакъ, наоборотъ, составляютъ для нихъ желанную цѣль и послѣднее слово въ искусствѣ. Они отличаются отъ всѣхъ другихъ искателей тѣмъ, что непричастны ихъ волненіямъ, а, напротивъ, любятъ покой, умственную и физическую нѣгу: идеалъ для нихъ почти то же, что праздникъ для школьника, освобождающій его отъ всѣхъ обязанностей и отъ всякой заботы. Они бы желали праздника на круглый годъ, и если можно, навсегда. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ умѣ ихъ таится невысказанное желаніе, чтобъ идеалы служили щегольскими ширмами для прикрытія непріятныхъ житейскихъ случаевъ, требующихъ скорой и дѣятельной помощи,— для устраненія отъ глазъ явленій и событій, волнующихъ общественную совѣсть и нарушающихъ безмятежное состояніе души, которое имъ такъ дорого. Они даже судятъ объ относительномъ достоинствѣ идеаловъ по матеріальному употребленію, какое можно сдѣлать изъ того или другого. Сквозь запутанныя опредѣленія идеалъ ихъ часто выглядываетъ не въ образѣ эстетическаго понятія, а въ формѣ полезной мѣры благочинія. Завидѣвъ въ лицѣ Лизаветы Михайловны безропотную покорность судьбѣ, убѣдясь, что впечатлѣніе, производимое ею, тихо и отрадно, и особенно не найдя въ ней никакого протеста противъ людей и обстоятельствъ, отъ которыхъ она, безъ жалобы, скрывается въ монастырской кельѣ, вся эта раса новѣйшихъ искателей идеаловъ въ одинъ голосъ причислила ее къ сонму своихъ любимцевъ и увѣнчала автора за созданіе такого безкорыстнаго, скромнаго и похвальнаго существа.

Но такъ ли все это?

Есть афоризмъ, не подлежащій сомнѣнію: „поэты родятся“, но можно прибавить къ нему, что и высоко-нравственные характеры тоже „родятся“, по крайней мѣрѣ, возникновеніе ихъ часто бываетъ необъяснимо. Они образуются иногда безъ помощи воспитанія, примѣра, правилъ и указаній, сохраняемыхъ семействомъ отъ старины или отъ господствующаго ученія; они могутъ явиться (и часто являются) въ годины полной духовной тьмы, въ нѣдрахъ самаго испорченнаго круга, при совершенномъ отсутствіи моральныхъ убѣжденій, еще не добытыхъ или уже потерянныхъ окружающимъ

ихъ міромъ. Этими характерами доказывается только высокое достоинство человѣческой природы, способной всегда творить нравственные типы, ее выражающіе. Иногда нѣтъ никакой возможности указать, гдѣ началась работа ихъ благодатной мысли, когда и чѣмъ пробудилась ихъ душа, по какому поводу они разошлись съ общими понятіями и создали себѣ особенную мѣрку для опредѣленія добра и правды. Достовѣрно одно, что иногда достаточно самой скудной духовной пищи для развитія ихъ моральнаго существованія въ изумительномъ блескѣ; какая-нибудь книжка, какое-нибудь ничтожное событіе въ домашнемъ быту дѣлаются неожиданно крѣпкими основами ихъ будущаго развитія. Для Лизаветы Михайловны достаточно было няни Агаѳьи съ ея пламеннымъ разсказомъ о мученикахъ и подвижникахъ, съ ея народно-мистическимъ настроеніемъ, чтобъ обратить молодой умъ совсѣмъ въ противоположную сторону, именно къ строгому *пониманію* моральной идеи, заключающейся въ религіи. Часто даже глубоко нравственные характеры обходятся и безъ этихъ толчковъ, безъ этой подмоги на первыхъ шагахъ своихъ въ жизни. Учителями ихъ дѣлаются просто всѣ безобразныя, темныя, неразумныя и тупыя проявленія страстей и обычаевъ окружающаго ихъ быта: они учатся правдѣ въ виду господствующаго произвола, сознанію обязанностей своихъ — на духовномъ и тѣлесномъ растлѣніи близкихъ людей, порядку, справедливости и снисхожденію на общей распущенности и на дикихъ порывахъ животнаго существованія. Можно сказать даже, что чѣмъ заразительнѣе всѣ примѣры, окружающіе ихъ, тѣмъ они тверже укореняются и смѣлѣе идутъ въ правомъ пути. Кто впервые указалъ его, кому обязаны они первымъ извѣстіемъ объ его существованіи, — неизвѣстно. Можетъ-быть, это — неизбѣжное дѣйствіе приспѣвшаго времени обновленія для всѣхъ, или, можетъ-быть, это — дѣйствіе точно такой же благодати, какъ, напримѣръ, поэтическій даръ: какъ бы то ни было, Лизавета Михайловна принадлежитъ къ семьѣ этихъ самородныхъ нравственныхъ характеровъ.

Великое достоинство этого лица состоитъ особенно въ томъ, что авторъ не лишилъ его вмѣстѣ съ тѣмъ существенныхъ правъ и качествъ молодости. Этого и надо было ожидать. Не такой писатель г. Тургеневъ, чтобы могъ остановиться на отвлеченномъ образѣ, заняться сухимъ или одностороннимъ педантическимъ идеаломъ. Лизавета Михайловна является намъ въ полной красѣ дѣвичьяго развитія; дѣло только въ томъ, что фантазія дѣвушки, работа ея головы и ея сердца, самая игра жизненныхъ силъ, все уже окрашено врожденнымъ нравственнымъ чувствомъ, отъ котораго она ни убѣжать, ни освободиться не можетъ, которое составляетъ ея вели-

чіе и ея кару посреди людей. Да и проявляется оно особеннымъ, весьма тонкимъ образомъ. Ни разу не встрѣтишь у нея рѣзкаго слова, крикливаго осужденія или враждебнаго поступка противъ опредѣленій и понятій большинства (а вѣдь подобные грубые порывы мысли и нужны многимъ людямъ для уразумѣнія характера); нравственное чувство ея выражается только постоянною боязнію жизни, постояннымъ къ ней недовѣріемъ и какимъ-то испугомъ передъ новыми, еще незнакомыми ей явленіями, точно въ молодой душѣ Лизаветы Михайловны уже поселилось убѣжденіе, что оттуда ждать нечего. Никто изъ самыхъ близкихъ людей не владѣетъ ея сердцемъ, ея довѣренностію: привязанностію племянницы не можетъ даже похвастаться сама Марѳа Тимоѳеевна, превосходный типъ умной, добросердечной старухи, по природѣ любящей въ человѣкѣ молодость и достоинство. Марѳа Тимоѳеевна однакоже слишкомъ бойка. У Марѳы Тимоѳеевны сохраняется еще оттѣнокъ барскаго своеволія, даже въ самомъ добрѣ, которое она дѣлаетъ: этого уже достаточно, чтобъ испугать ея племянницу, Лизу, на которой всякій оттѣнокъ, лишенный нравственнаго смысла, отражается болѣзненно, замыкая ей уста и сердце. Еще тоньше, можетъ-быть, поступилъ авторъ, выбравъ Паншина, пустого свѣтскаго болтуна, первымъ предметомъ, на которомъ сосредоточиваются у Лизы пробужденныя ея наклонности къ любви и взаимности. Тутъ выказываетъ она очень мало проницательности, знанія и пониманія людей: нравственное чувство остается единственнымъ руководителемъ и единственнымъ оберегателемъ молодой дѣвушки. Отношеніями Лизы къ Паншину начинается и самая повѣсть г. Тургенева.

Паншинъ этотъ, по выдѣлкѣ, по обилію и роскоши второстепенныхъ подробностей, можетъ-быть, уступаетъ въ романѣ только изображенію „львицы“ Варвары Павловны, обработанному авторомъ съ изумительною тщательностію. Паншинъ вступаетъ въ семейство Лизы почти какъ побѣдитель, еще прежде какой-нибудь побѣды. Пустѣйшая мать героини — бывшая институтка — за него горой. Удивительный представитель русской полуобразованности и русскаго фальшиваго развитія, которыя такъ изумляютъ иностранцевъ, онъ надѣленъ всѣми возможными талантами: талантомъ живописца, музыкальнымъ, чиновничьимъ, но въ той степени, какая нужна, чтобы занимать, тѣшить людей, и никогда не приносить имъ ни духовной, ни вещественной пользы. Онъ и ораторъ, и берейторъ, и свѣтскій человѣкъ — и все это въ мѣру, такъ, чтобы ничто не походило на настоящее дѣло или призваніе. Всякое дѣло или призваніе требуютъ участія души и мысли, а душа и мысль Паншина обращены только къ самому себѣ. Лизавета Михайловна находитъ,

что онъ и *добрый человѣкъ:* онъ можетъ играть, пожалуй, и добраго человѣка очень натурально, покуда мелкія страсти, единственно доступныя ему, спятъ спокойно въ нѣдрахъ его пустой груди. Это совершеннѣйшій типъ *выправки*, которымъ наполнены канцеляріи и салоны Петербурга, смѣшной и позорный въ одно время, если разсмотрѣть его ближе, но очень годный на выставку, когда нужно обмануть глаза образованнаго міра, чего, какъ извѣстно, всѣ мы крѣпко добиваемся. Въ провинціи онъ еще и представитель столичнаго *прогресса*, высокаго моральнаго и общественнаго развитія, которое тамъ совершилось или совершается.

Такой-то человѣкъ принялся со всѣмъ усердіемъ и со всѣмъ кокетствомъ, къ какому только способенъ, разработывать сердце Лизаветы Михайловны въ свою пользу, и это не изъ одной потѣхи: она успѣла тронуть даже его черствую душу. Мы застаемъ ее въ ту минуту, когда она начинаетъ поддаваться его усиліямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ читатель пораженъ въ ней признаками какого-то невольнаго страха, подозрѣнія и нерѣшительности: это и есть именно обычная работа нравственнаго чувства, замѣняющаго ей опытность и бодрствующаго надъ нею во всякое время. За блестящею наружностію Паншина, за радужною игрой его артистическихъ притязаній, свѣтскихъ пріемовъ и полупризнаній, не видится благородной дѣвушкѣ моральнаго образа, смутно живущаго въ ея душѣ, не слышится голоса, отвѣчающаго ея предчувствіямъ и вопросамъ.... Подъ конецъ она даже расположена считать свои неопредѣленныя требованія, неумолкающіе призывы сердца и нравственной природы, за особенность или за уродство своей организаціи, которыя должно таить отъ людей, потому что они никѣмъ не признаются, никѣмъ не угадываются, равно чужды матери, Паншину, Марѳѣ Тимоѳеевнѣ и всему семейству. Она рѣшается отдать свою руку Паншину на одномъ условіи — лишь бы не мѣшалъ онъ ей сдѣлаться доброю женой, лишь бы позволилъ прожить вѣкъ наединѣ съ собственною ея мыслію. Почти передъ самымъ совершеніемъ этой безразсудной жертвы является изъ-за границы усталый и сильно пораженный домашнимъ несчастіемъ Лаврецкій. Онъ обращаетъ на себя вниманія Лизы и окончательно отводитъ ее отъ соперника своего, Паншина.

Чѣмъ же дѣлается для нея Лаврецкій? Спустя немного, она опять стоитъ и передъ нимъ въ недоумѣніи, въ раздумьи, опять съ ношей неразрѣшимыхъ вопросовъ и неисполнимыхъ требованій своихъ!

Многимъ показалось страннымъ одно мѣсто въ романѣ. Вскорѣ послѣ того, какъ между Лаврецкимъ и Лизой завязались тихія, дружелюбныя отношенія, начинавшія перерождаться, подъ покровомъ

взаимной передачи чувствъ и мыслей, въ настоящую любовь, Лизавета Михайловна сказала ему разъ въ неописанномъ волненіи: „вы должны простить вашу жену“. Восклицаніе Лизы было такъ ново для слуха публики, что многіе приняли его за грубую ошибку, за случайную гримасу, исказившую ея физіономію. Для насъ откровенное слово Лизаветы Михайловны имѣетъ другое значеніе: имъ высказала она ясное пониманіе своего собственнаго положенія, имъ выразила ужасъ къ своей любви, зарождающейся на краю пропасти, и положила ей предѣлъ, да имъ же намѣтила и все, что̀ остается еще дѣлать Лаврецкому въ теченіи его жизни, какъ мы сейчасъ же разберемъ подробнѣе.

Во всемъ этомъ, кажется намъ, трудно усмотрѣть какое-либо потворство быту или извѣстной средѣ жизни, которое оправдывало бы надежды, возложенныя новѣйшими искателями идеаловъ на лицо Лизаветы Михайловны. Совсѣмъ наоборотъ: глубокая, поучительная, но нисколько не сентиментальная драма связана, такъ-сказать, со всѣмъ ея существованіемъ. Драма есть уже въ ея появленіи между людьми того круга, которые намъ представлены авторомъ, драма сопровождаетъ затѣмъ каждый шагъ ея, не кончаясь даже и тамъ, гдѣ авторъ кончаетъ повѣсть. Куда скроется Лизавета Михайловна отъ требованій своей мысли? Гдѣ она найдетъ тотъ кровъ, подъ которымъ пугливая совѣсть уже не можетъ быть потревожена? Есть ли, въ самомъ дѣлѣ, убѣжище для нея?... Не выдумана ли тутъ келья, какъ старый, романтическій мотивъ, пригодный къ тому, чтобы завершить романъ чѣмъ-нибудь поприличнѣе?...

Постараемся однакожъ уяснить самую мысль, которая теплится въ безсвязныхъ словахъ Лизаветы Михайловны, когда она вызываетъ Лаврецкаго на примиреніе съ женой фразами: „Надо будетъ покориться.... Я не умѣю говорить, но если мы не будемъ покоряться...“ и проч. Слѣдуетъ замѣтить вообще, что Лиза никогда не выражается у автора полною и опредѣленною мыслью, но вся состоитъ только изъ побужденій, предчувствій и намековъ, и это по причинамъ, о которыхъ скажемъ послѣ. Мысль ея оставляется на разборъ и догадку читателя, и мы съ своей стороны разбираемъ ее такъ: въ бо̀льшей части семейныхъ бурь и катастрофъ люди столько же наказываются неизмѣнными опредѣленіями закона, установленія, сколько и тайною моралью, которая неизмѣнно присутствуетъ въ самой жизни. Это сбылось именно на Лаврецкомъ. Чего искалъ онъ въ женѣ своей? Онъ плѣнился, разсказываетъ намъ авторъ, красотой ея формъ, роскошными линіями тѣла, свободой и граціей ея движеній, наконецъ умомъ, способнымъ чувствовать и понимать разнообразныя эстетическія наслажденія. Самою обаятель-

ною чертой въ ея характерѣ была именно эта наклонность искать эстетическія наслажденія всюду вокругъ себя, въ обстановкѣ жизни и въ обязанностяхъ, налагаемыхъ ею. Въ эпоху молодости Лаврецкаго, лицо, отличенное подобными стремленіями, пріобрѣтало общее уваженіе и подчасъ общее удивленіе, какъ за особенный даръ, ниспосланный ему небомъ. Чувство изящнаго, а иногда просто навыкъ въ щегольствѣ и нѣкоторые признаки *вкуса*, при внѣшнихъ преимуществахъ, ставили лицо или избранницу на недосягаемый пьедесталъ въ общественномъ мнѣніи. Говорить тутъ о необходимости какихъ-либо жизненныхъ правилъ и основаній считалось пошлостью, педантизмомъ, „нестерпимою рефлексіей"; пониманіе красоты и эстетическихъ приличій казалось символомъ пониманія всего остального на свѣтѣ. Но чувство изящнаго, особенно у поверхностныхъ, неглубокихъ натуръ, къ числу которыхъ принадлежитъ бо́льшая часть нашихъ любителей и любительницъ изящнаго, служитъ только чѣмъ-то въ родѣ красиваго, кокетливаго мостика, сокращающаго и облегчающаго имъ дорогу къ страстямъ и чисто-животнымъ упражненіямъ. Надо, впрочемъ, сказать, что Варвара Павловна щедро заплатила мужу за выборъ его. „Не даромъ, говоритъ авторъ, вѣяло прелестью отъ всего существа его молодой жены; не даромъ сулила она чувству тайную роскошь неизвѣданныхъ наслажденій: она сдержала больше, чѣмъ сулила". Оставалось удержать Варвару Павловну при себѣ навсегда, но удержать ее иначе нельзя было, какъ исчерпавъ до послѣдняго обола все то добро, которое она принесла съ собою въ домъ, именно красоту и способность наслаждаться; съ послѣднимъ оболомъ она уже становилась безпомощною нищей и ничѣмъ не могла замѣнить потерь своихъ. Но Лаврецкій поступаетъ не такъ. Покуда роскошная, парижская жизнь гремитъ въ собственномъ его салонѣ, подъ руководствомъ жены, онъ сидитъ у себя въ кабинетѣ и страстно, лихорадочно, неусыпно *учится*. Чему именно, зачѣмъ, для какой опредѣленной цѣли — это ему самому неизвѣстно, это только характеристическая черта его эпохи. Безвыходное занятіе, судорожная любознательность, бросающаяся во всѣ стороны, плаваніе въ морѣ науки безъ компаса, безъ пристани въ виду, — вотъ его дѣло, какъ и любимое дѣло всего поколѣнія современниковъ его. А между тѣмъ Варвара Павловна не ждетъ. Въ характерѣ ея нѣтъ нисколько нравственной бережливости: она скучаетъ богатствомъ красоты, когда нѣтъ возможности тратить его. Не видя близкой руки помогающей, она весело проживаетъ достояніе свое, она принимается бросать его по сторонамъ. Варвара Павловна дѣлаетъ только то, на что́ призвана, для чего воспитывалась дома и въ казенномъ заведеніи, чего ожидала отъ своей красоты

и своего ума. Лаврецкій вывелъ ее на сцену дѣйствія, открылъ ей арену для подвиговъ и за то своевременно получилъ узаконенную плату. Чего онъ могъ ожидать болѣе, выбирая такую жену, что́ онъ сдѣлалъ для укрѣпленія связи своей, кромѣ предоставленія женѣ полной свободы располагать собою? Онъ виноватъ передъ ней и передъ своею совѣстію почти столько же, сколько преступная жена его виновата передъ закономъ, и приговоръ, изреченный Лизой, по вдохновенію нравственнаго чувства, становится неотразимъ: „надо покориться... надо простить". Больше ничего не остается дѣлать!

Авторъ не оставилъ безъ разрѣшенія и вопроса, почему умный, серьёзный Лаврецкій могъ такъ ошибиться въ выборѣ жены. Для поясненія этого обстоятельства, г. Тургеневъ разсказываетъ намъ исторію всего семейства Лаврецкихъ, начиная отъ прадѣда ихъ, разбойника, грабящаго и злодѣйствующаго съ вѣдома, почти съ позволенія общества, до отца, англомана, преобразователя, женившагося случайно на крѣпостной дѣвушкѣ и сдѣлавшагося трусомъ и тряпкой, по выраженію Гоголя, какъ только жизнь немножно серьёзнѣе заглянула ему въ лицо. Первый билъ сосѣдей, вѣшалъ „мужиковъ за ребра", послѣдній заводилъ англійское хозяйство и старался образовать изъ сына своего *Спартанца*, незнакомаго со слабостями человѣческой природы. Такъ было до 1825 года, когда „близкіе знакомые и пріятели Ивана Петровича (отца нашего героя, подверглись тяжкимъ испытаніямъ", и самъ онъ вдругъ притихъ и сжался до глубочайшаго ничтожества, до невыразимой пошлости. Всѣ эти страницы у г. Тургенева, съ ихъ быстрыми, но крупными очерками лицъ, гдѣ проходятъ, почти какъ видѣнія, разоренныя и истасканныя графини о-бокъ съ любовниками своими, бѣдныя дворовыя дѣвушки, попавшія въ госпожи, дикіе помѣщики, подъ взглядомъ которыхъ замираетъ всякая жизнь въ нѣмомъ трепетѣ и безъ сопротивленія, принадлежатъ къ числу мастерскихъ страницъ романа. Это вѣрная, оживленная картина русскихъ образованныхъ поколѣній въ XVIII столѣтіи и въ первой четверти настоящаго. Нужно ли говорить, что она далеко оставляетъ за собой недавнія безобразныя попытки изобразить близкую намъ старину посредствомъ голыхъ выписокъ изъ „записокъ" и „памфлетовъ", скрѣпляя ихъ только циническими намеками? Нѣтъ ничего общаго въ картинѣ г. Тургенева съ этою возмутительною игрой на почвѣ исторіи, игрой, которую еще въ-добавокъ хотѣли намъ выдать за свободное, творческое созданіе, какъ будто изъ подобранныхъ цитатъ, изъ коллекціи скандалёзныхъ анекдотовъ, можетъ выйдти что-либо, кромѣ смѣшенія, поясняющаго только малую совѣстливость писателя передъ собой и передъ публикой. Изъ картины г. Тургенева оказывается,

что нашъ Лаврецкій нѣсколько разъ уже былъ *надорванъ* въ жизни, прежде чѣмъ послѣдняя штука жены подкосила его существованіе. Такъ или иначе, но и тутъ все поколѣніе, къ которому онъ принадлежитъ, раздѣляетъ его участь. Почти каждый изъ его членовъ и разными способами былъ обезсиленъ, прежде чѣмъ являлся къ жизни и дѣятельности; жизнь и дѣятельность валили его только окончательно съ ногъ на землю. На школьныхъ скамьяхъ, на первыхъ порывахъ молодости, или дома передъ требованіями воспитателей, начиналась для каждаго нравственная діэта, направленная къ укрощенію, извращенію или къ отмѣнѣ природныхъ силъ человѣка. Двадцати-трехъ лѣтъ *Спартанецъ* былъ круглый невѣжда въ наукахъ, а еще болѣе въ жизни. Варвара Павловна явилась первымъ существомъ, которое приняло съ улыбкой и доброжелательствомъ этого юнаго „Алкида", какъ называетъ его авторъ, описывая его мужественную наружность, скрывавшую младенческое сердце и невѣдѣніе. Алкидъ ничего не разбиралъ. Въ одномъ имени женщины, въ одномъ ея образѣ заключалось для него полное представленіе всего нравственнаго, благороднаго и чистаго въ мірѣ. Когда Варвара Павловна разрушила это представленіе, то она разрушила не одну идею, а цѣликомъ всю жизнь человѣка. Несчастіе, однакожъ, было полезно Лаврецкому. Оно смягчило и обработало его душу, надѣливъ ее тѣмъ мудрымъ снисхожденіемъ, о которомъ говоритъ поэтъ, дало пониманіе русской жизни и, подобно спасительному балласту, привлекло его изъ обширныхъ, но неопредѣленныхъ стремленій, къ землѣ, къ роднымъ степямъ, къ нуждамъ, печалямъ и волненіямъ ближнихъ. Все существо его сдѣлалось чрезвычайно добрымъ, симпатическимъ: сердца окружающихъ покоряются ему невольно, увлеченныя его общимъ благорасположеніемъ. Онъ радуется успѣхамъ людей, ихъ радостямъ, какъ собственному счастію, и только, обращаясь на себя, желалъ бы себѣ еще разъ молодости, еще разъ любви и еще разъ жизни. Какъ ни странны и мало разумны подобныя желанія, но они почти сбываются, когда сильный ударъ жениной руки разрушаетъ его воздушный замокъ... Таковъ Лаврецкій, замѣнившій Паншина въ сердцѣ Лизаветы Михайловны.

Послѣ этого длиннаго комментарія читатель нашъ можетъ подумать, что затѣмъ все просто и очевидно въ романѣ, что всѣ цѣли и намѣренія его открыты, что завязка его должна быстро развиться въ яркую картину и быстро склониться къ неизбѣжной катастрофѣ, уже предугадываемой всѣми. Нѣсколько иначе однакожъ происходитъ дѣло въ самой повѣсти, показывая еще разъ, что ясность комментарія бываетъ, большею частію, кажущаяся, фальшивая ясность, и что онъ рѣдко можетъ дать понятіе о тайной,

невидимой сторонѣ, какую имѣетъ всякое замѣчательное произведеніе искусства, и какую сухая, критическая передача никогда не исчерпаетъ съ-разу. Благодаря этому свойству, многое выходитъ иначе, чѣмъ мы ожидаемъ; напримѣръ: образы главныхъ дѣйствующихъ лицъ написаны авторомъ далеко не съ тою грубою выразительностью, которая совершенно освобождаетъ зрителя отъ труда составлять о нихъ мнѣніе, на чтó мѣтитъ обыкновенно комментарій; отношенія между лицами далеко не такъ просты, чтобы достаточно было нѣсколькихъ размышленій и намековъ для полнаго опредѣленія ихъ, и, наконецъ, интрига романа, задержанная въ своемъ теченіи созерцательнымъ настроеніемъ и автора, и героевъ, возникшимъ изъ самаго хода повѣствованія, совсѣмъ не такъ бурно несется къ концу, какъ можно было бы предполагать, а, напротивъ, задумчиво и роскошно тянется, прежде чѣмъ повернуть ей къ естественному и уже давно открывшемуся истоку. Займемся комментаріемъ и этой второй, оборотной стороны романа, какъ сдѣлали уже для наиболѣе очевидной и яркой его стороны. Особенный смыслъ, о которомъ мы говорили, кажется намъ, сообщенъ роману слѣдующимъ, весьма важнымъ обстоятельствомъ: герои его, Лиза и Лаврецкій, лишены всякой возможности существовать въ мірѣ на тѣхъ основаніяхъ, какія выпали имъ на долю, или какія они избрали себѣ. Бѣдственная, роковая невозможность эта оказывается съ перваго появленія ихъ на сцену отсутствіемъ свободнаго движенія, мертвенностью воли и безсиліемъ передъ гнетомъ внѣшняго міра, то-есть всѣми признаками зловѣщей агоніи, поэтическій характеръ которой не спасаетъ однакожъ человѣка отъ гибели. Они стоятъ передъ читателемъ, открытые для всѣхъ житейскихъ бурь и не имѣя ничего въ рукахъ, чѣмъ бы защититься. Со всѣми ихъ качествами, какъ нельзя болѣе походятъ они на тѣхъ страдальцевъ романической школы живописи, которыхъ мы видимъ на картинахъ о-бокъ съ орудіями ихъ страданій, покорно принимающихъ всѣ удары враговъ, посылая только угасающій взоръ къ звѣздамъ и ласковому небу. Все ихъ значеніе заключается въ достоинствѣ характера и въ удивительно-глубокомъ выраженіи физіономій, но существенный признакъ жизни — движеніе — такъ чуждъ имъ, что, кажется, съ первымъ шагомъ на встрѣчу обстоятельствъ или на борьбу съ ними они лишились бы всего своего величія. Вотъ почему и фигуры Лизы и Лаврецкаго написаны авторомъ въ легкомъ полупрозрачномъ тонѣ, который не даетъ усмотрѣть и распознать тотчасъ же ихъ лица и свойственное имъ выраженіе. Мѣсто сильныхъ красокъ жизни замѣнено тутъ безчисленными и тончайшими чертами; каждая изъ нихъ отвѣчаетъ какой-либо тайной сторонѣ ихъ существованія, и каждая будитъ въ ду-

шѣ читателя множество личныхъ воспоминаній, множество знакомыхъ и родныхъ уму ощущеній. Удивительное обаяніе, производимое героями, зиждется именно на обиліи, выразительности и значеніи этихъ подробностей, бросающихся въ глаза съ перваго же раза, между тѣмъ какъ полный образъ героевъ возстаетъ уже гораздо позднѣе и требуетъ уже нѣкотораго размышленія. Оно и понятно. Единственная сила, сосредоточивающая человѣка, мгновенно объясняющая его для всѣхъ взоровъ, опредѣляющая и обнажающая его, есть опять-таки движеніе или, другими словами, употребленіе воли, борьба за себя и свои основанія. Но Лиза и Лаврецкій не борются, не отстаиваютъ своей жизни, а только заняты мыслію, какъ бы благороднѣе, достойнѣе и великодушнѣе подчиниться всему, чего потребуютъ и къ чему принудятъ ихъ обстоятельства. Страдательное положеніе есть ихъ удѣлъ на землѣ, и притомъ удѣлъ, столько же данный имъ извнѣ, сколько и взятый на себя по охотѣ, несмотря на нѣкоторыя попытки Лизы и Лаврецкаго освободиться отъ него, противорѣчащія основному ихъ характеру и потому всегда неудачныя, какъ бываетъ безслѣдна всякая вспышка. Гдѣ же причина, спрашивается, этого нравственнаго паралича, поразившаго ихъ въ серединѣ жизни? Прежде чѣмъ дѣйствовать на внѣшній міръ, всякому человѣку необходимо позаботиться объ устройствѣ и организаціи своего собственнаго личнаго и внутренняго міра. Для того, чтобы вести какую-либо борьбу, необходима твердая точка опоры, которая нигдѣ не найдется, кромѣ насъ же самихъ. У иныхъ, болѣе счастливыхъ поколѣній, первые зачатки нравственнаго капитала, столь нужнаго для развитія природныхъ силъ въ человѣкѣ, достаются, такъ-сказать, по наслѣдству и даромъ. Лизѣ и Лаврецкому ничего не было оставлено. Вдохновеніе часто приходило на помощь первой, но не освобождало ея совершенно отъ необходимости внутренней работы, а еще менѣе освобожденъ былъ отъ нея Лаврецкій. Они должны были сами наживать всякую общечеловѣческую мысль, всякое свѣтлое, коренное правило жизни, и притомъ еще безпрестанно повѣрять на самихъ себѣ всякій моральный принципъ, чтобъ удостовѣриться, не фальшиваго ли онъ чекана и достоинства. Такъ мало достовѣрности представляли имъ тѣ признанные и законные авторитеты, которымъ другіе народы слѣпо и охотно подчиняются. Но заниматься устроеніемъ своихъ домашнихъ, такъ сказать, душевныхъ дѣлъ и въ то же время принимать всѣ вызовы обстоятельствъ и храбро выдерживать безконечныя дуэли съ случайностями жизни — работа вообще очень тяжелая. Лиза и Лаврецкій ограничились одною половиной ея и обратили всю энергію воли исключительно на самихъ себя. Можетъ-быть, покажется страннымъ, что мы говоримъ

объ энергіи и волѣ нашей четы послѣ того, какъ признали удѣломъ ихъ на землѣ страдательное положеніе по преимуществу. Оно и точно странно, если глядѣть на нихъ со стороны дѣйствующаго или, по крайней мѣрѣ, волнующагося міра, гдѣ обыкновенно стоитъ читатель, и гдѣ они неохотно, да и весьма неловко, показываются; но если посмотрѣть на нихъ въ ихъ душевномъ ульѣ, въ тайной ихъ работѣ надъ собою, дѣло принимаетъ совсѣмъ другой оборотъ. Въ царствѣ растеній есть роды, обозначаемые названіемъ *тайнобрачныхъ;* между русскими людьми есть многочисленный классъ, который можно бы назвать *тайнорабочимъ:* онъ неутомимо, упорно трудится надъ собой, подъ покровомъ глубочайшаго молчанія, въ глухомъ, незримомъ тайникѣ собственнаго духа. Отсюда и явленіе, часто повторяющееся въ нашей жизни. Внѣшній міръ, напримѣръ, по прежнему стоитъ, какъ стоялъ, каждый и всѣ оставляютъ его жить въ покоѣ, какъ живетъ, но взглядъ на него уже измѣнился, опередилъ его и даже покинулъ. Со словъ нашего автора мы сказали, что Лаврецкій былъ обезсиленъ, прежде чѣмъ наступила пора обнаруженія силъ, и это, кажется намъ, несомнѣнно въ отношеніи той стороны его существованія, которая соприкасается съ живымъ и дѣйствующимъ міромъ; со словъ же нашего автора можемъ сказать наоборотъ, что Лаврецкій потратилъ огромное количество труда и силы на другую, нравственную сторону своего существованія. Между нимъ и отцомъ его, англоманомъ, лежитъ, напримѣръ, цѣлая бездна развитія, но кто же вырылъ ее, какъ не Лаврецкій-сынъ? Въ превосходныхъ сценахъ, изображающихъ намъ психическое состояніе Лаврецкаго, по полученіи въ Парижѣ несомнѣннаго доказательства измѣны жены и собственнаго позора, мы видимъ, какъ пробуждаются въ немъ мрачныя силы его родоначальниковъ, отцовъ и дѣдовъ его, и какъ твердо побѣждаетъ онъ ихъ въ себѣ. Страшныя испытанія, какимъ подвергаетъ его Варвара Павловна, по возвращеніи въ Россію, никогда не застаютъ его врасплохъ, а находятъ его также насторожѣ противъ грубыхъ инстинктовъ и увлеченія: онъ страстно бережетъ человѣческое, гуманное чувство свое, добытое съ такимъ трудомъ, даже передъ коварствомъ и низостью. Плебейская кровь, которая отчасти течетъ въ его жилахъ, помогаетъ его усиліямъ, но не создала ихъ, какъ намекаетъ авторъ не вполнѣ основательно, по нашему мнѣнію: плебейская кровь также нуждается въ обузданіи ея духовнымъ началомъ, можетъ-быть, даже болѣе, чѣмъ какая-либо другая. Энергическое управленіе своимъ внутреннимъ міромъ — вотъ гдѣ единственная доблесть Лаврецкаго, не имѣющаго иной доблести. Этимъ онъ отличается отъ всѣхъ литературныхъ типовъ 20-хъ и 30-хъ годовъ нашего столѣтія, отъ

Чацкихъ, Онѣгиныхъ и Печориныхъ. Чацкій, Онѣгинъ, Печоринъ, свободно презираютъ всю окружающую ихъ современность, совсѣмъ и не подозрѣвая, что презрѣніе надо бы начать съ самихъ себя, и что они составляютъ первое звено той самой современности, которую такъ охотно осмѣиваютъ. Они выдѣляютъ себя изъ толпы безъ малѣйшаго права на то или по праву въ родѣ „вольности дворянской", и ни разу не пришлось имъ подумать, что измѣненіе порядка вещей, который тяготитъ ихъ, должно не предшествовать измѣненію ихъ собственной жизни, а слѣдовать за нимъ. Лаврецкій менѣе заносчивъ и развязенъ, но онъ серьёзнѣе ихъ. Не нужно прибавлять, кажется, что мы отдаемъ ему преимущество только за обиліе содержанія, произведенное самимъ ходомъ жизни и времени, а не за выразительность и яркость образа, чѣмъ первые, конечно, далеко превосходятъ его.

Всѣ замѣчанія эти еще въ большей степени прилагаются къ Лизаветѣ Михайловнѣ. Мы сейчасъ говорили о ея врожденномъ нравственномъ чувствѣ, которое есть тоже произведеніе естественнаго хода времени и развитія самой жизни. Лиза постоянно отступаетъ передъ событіями и требованіями дѣйствительнаго міра, ее окружающаго, это правда; но также правда и то, что безъ особенной внутренней энергіи она никогда не могла бы защитить себя такъ полно отъ его условій, притязаній и понятій! Съ своимъ врожденнымъ даромъ пониманія или, лучше, предчувствія высшаго порядка вещей, она проходитъ между людьми удивительно строго и твердо, между тѣмъ какъ внѣшнее ея существованіе колеблется, безъ малѣйшаго сопротивленія, дуновеніемъ всѣхъ случайностей жизни. Сила ея только въ ея мысли. Но характеръ Лизы, какъ тина современной образованной дѣвушки, лучше всего объясняется сравненіемъ его съ другимъ типомъ того же рода, первымъ по времени и по достоинству, именно съ Татьяной Пушкина.

Между Татьяной Пушкина и вторымъ типомъ русской провинціальной барышни, достойнымъ этого названія, Лизой г. Тургенева, лежитъ промежутокъ тридцати годовъ, но онъ еще ничего не значитъ въ сравненіи съ бездной, которая раздѣляетъ ихъ въ нравственномъ смыслѣ. Можно ли было въ тридцатыхъ годахъ нашихъ вообразить себѣ русскую дѣвушку съ тѣми чертами и свойствами, какія замѣчаемъ нынѣ у героини новаго романа г. Тургенева? Необычайно длинное путешествіе совершилъ этотъ образъ съ того времени, какъ впервые показался въ литературѣ нашей. Для того, чтобы Татьяна Пушкина могла превратиться въ знакомую намъ Лизу, ей нужно было убѣдиться въ бѣдности и тщетѣ всего, что̀ прежде такъ томило, волновало и занимало ее. Прежняя Татьяна занята

исключительно исторіей своей любви и ни о чемъ другомъ, кромѣ орудія и проводника этой любви, Онѣгина, понятія не имѣетъ, да еще и о немъ понятія ея весьма ограниченны и скудны. За то она исполнена женственности, граціи и страсти, которыя заступаютъ ей мѣсто всѣхъ правилъ и образа мыслей. Еще и до сихъ поръ, по остатку стараго романтизма, любовь понимается многими какъ идея, исключающая всѣ другія идеи, и съ появленіемъ которой человѣкъ освобождается отъ всѣхъ обязанностей, житейскихъ и нравственныхъ. Влюбленная женщина, по одному тому, что она влюбленная женщина, представляется и теперь существомъ, исполнившимъ на землѣ все, что слѣдовало ему исполнить, изъятымъ отъ суда и мелкихъ ожиданій своихъ собратій по крови и отечеству. Что же было въ тридцатыхъ годахъ? Любовь, какъ священная отмѣтка, положенная на избранника или избранницу чьею-то невидимою рукой, тотчасъ же выводила ихъ изъ толпы, каковы бы впрочемъ ни были ихъ душевныя качества и умственное настроеніе, и вѣчно-свѣжая поэзія Пушкина воплотила это понятіе общества въ живомъ типѣ, который останется перломъ его творческой дѣятельности. Блестящая, ослѣпительная красота этого типа не можетъ, однако-же, помѣшать намъ всмотрѣться пристально во всѣ черты его. Татьяна подъ конецъ обнаруживаетъ еще и способность къ сдѣлкамъ съ своею совѣстію, какія обыкновенно зарождаются въ обществѣ, еще не имѣющемъ твердыхъ основаній, когда нужно обойти препятствіе или установленіе, слишкомъ строго повелѣвающее. Тогда является тайный кодексъ самовольныхъ правилъ и исключеній, который и дѣйствуетъ рядомъ съ нравственными законами, въ ущербъ имъ и оскорбляя ихъ однимъ своимъ присутствіемъ. Татьяна замужемъ за генераломъ, къ которому ласковъ дворъ и которому она остается, безъ любви, вѣрна на вѣкъ. Это уже способно возбудить подозрѣніе, но она еще любитъ втайнѣ Онѣгина и находится замужемъ — вотъ что положительно дурно, если не съ точки зрѣнія тѣхъ годовъ, когда творилъ поэтъ, то съ точки зрѣнія нашей современности, когда многое уразумѣлось проще и правильнѣе. Вѣдь Татьяна обманываетъ тутъ не только свою совѣсть, но и *вѣру* другого человѣка, хотя все чисто и безукоризненно въ ней по наружности. Далеко не такъ полно и ослѣпительно, какъ Татьяна, выразила себя Лиза въ романѣ г. Тургенева (да и кому же у насъ подъ силу мѣряться съ Пушкинымъ въ выраженіи!), но она сдѣлала огромное пріобрѣтеніе съ тѣхъ поръ, какъ показалась впервые Татьяной. Лиза имѣетъ строгія нравственныя основанія; сдѣлки съ совѣстію ей противны; благоговѣніе къ свѣту и къ условнымъ приличіямъ замѣнилось неудержимымъ стремленіемъ направить все свое

домашнее, обыденное существованіе въ смыслѣ одной религіозно-моральной идеи, врожденной ей или пріобрѣтенной ею. Это уже своего рода героизмъ, а понятіе о необходимости возводить до героизма благородныя побужденія и такъ-называемыя добродѣтели не существовало еще во времена Пушкина, да и теперь оно далеко не привычный и далеко не вполнѣ знакомый намъ гость.

Какъ бы то ни было, но покамѣстъ Лизавета Михайловна и Лаврецкій покорно выжидаютъ приговора жизни и обстоятельствъ, не дѣлая ничего, чтобъ обратить его въ свою пользу, смягчить или избѣжать его. Это круглые сироты извѣстнаго общественнаго быта, и выраженіе тихой, грустной поэзіи, свойственной людямъ, обреченнымъ на жертву съ самаго рожденія, принадлежитъ имъ по праву. Поэзія этого рода создала вокругъ нихъ ровный, свѣтозарный ореолъ, и отъ нихъ разошлась по всему роману. Въ ея кроткой, задумчивой атмосферѣ движется даже бо́льшая часть второстепенныхъ лицъ, какъ напримѣръ, дворовый человѣкъ, старикъ Антонъ, дошедшій, путемъ привычки, до благоговѣнія къ удручавшей его власти, приживалка въ комнатѣ Марѳы Тимоѳеевны, музыкантъ Леммъ съ его постоянною благодарностію и вспышками вдохновенія (лицо, впрочемъ, сильно отзывающееся воспоминаніями стараго романтизма) и проч. Всего болѣе присутствуетъ она въ описаніяхъ, и кто ѣхалъ вмѣстѣ въ Лаврецкимъ въ деревню, послѣ его долгой заграничной жизни, кто жилъ съ нимъ въ глуши его помѣстья передъ степями, получившими для него внятную и знаменательную рѣчь, ходилъ съ нимъ по опустѣлому, тяжелому дому умершей тётки, смотрѣлъ свободно и смѣло разросшійся садъ помѣстья, при тишинѣ едва движущейся и какъ-бы замершей жизни, кто, наконецъ, провожалъ съ нимъ верхомъ Лизу, посѣтившую его уединенное жилище, и возвращался съ нимъ опять домой, при лунной ночи, переживая въ себѣ сладкое чувство новой привязанности, имъ овладѣвшее, тотъ уже не позабудетъ этихъ впечатлѣній. Томительно и отрадно ложатся они на сердце читателя, наполняя его въ одно и то же время грустью и наслажденіемъ. Есть мгновеніе въ романѣ, когда поэзія, окружающая образы Лизы и Лаврецкаго, достигаетъ своего апогея. Неожиданно разнесшійся слухъ о смерти жены Лаврецкаго открываетъ вдругъ и впервые нашей четѣ надежду на счастіе. Съ обычною боязнію, съ непобѣдимымъ сомнѣніемъ въ возможности его, съ тайнами упреками совѣсти, поминутно возстающими въ душѣ ея отъ каждаго самаго незначительнаго обстоятельства, начинаетъ Лиза привыкать къ этой мысли. Она еще вся поглощена борьбой между надеждой и опасеніями, не понимаетъ сама, что́ съ ней дѣлается, когда разъ застаетъ ее чудная лѣтняя ночь, Лаврецкій, прокрав-

шійся въ садъ, неожиданное свиданіе съ нимъ и первый, единственный поцѣлуй любви, сорванный съ ея устъ въ тишинѣ ночи, который отдается въ другомъ мѣстѣ города, у бѣднаго Лемма, вѣроятно, предчувствовавшаго свиданіе, юною и вдохновенною сонатой. Надо читать это описаніе въ романѣ, чтобы испытать его обаятельное и потрясающее дѣйствіе; но поцѣлуй, какъ и всѣ надежды четы, длится одно мгновеніе. Онъ какъ будто вызвалъ изъ гроба львицу Варвару Павловну, потому что вслѣдъ за тѣмъ она является въ маленькій городской домикъ Лаврецкаго и умоляетъ его о пощадѣ и прощеніи, въ которыхъ, видимо, нисколько не нуждается. Тогда всѣ разсчеты съ жизнію кончаются для Лизы, она рѣшительно порываетъ связь съ людьми, обществомъ, и убѣгаетъ въ монастырь, Лаврецкій тоже пропадаетъ, Богъ вѣсть куда, на долгое время. Чистая поэзія самоотреченія, омывавшая ихъ съ самаго появленія на сцену до того, что лишила воли, простора и движенія, теперь окончательно слилась въ безмятежную рѣку надъ ихъ головами. Мудрено ли, что новѣйшіе искатели идеаловъ рукоплещутъ этому покорному отреченію отъ радостей жизни и желали бы сдѣлать его даже закономъ для всѣхъ людей? Мы лучше хотимъ присоединиться къ тѣмъ чувствительнымъ, которые оплакиваютъ внѣшнюю судьбу и участь четы, хотя слезы наши будутъ пролиты столько же надъ несчастіями Лизы и Лаврецкаго, сколько надъ тѣмъ обстоятельствомъ, что только такою поэзіей и возможно было автору освѣтить ихъ симпатическіе образы.

Весьма замѣчательно, что и самъ авторъ, кажется, раздѣляетъ это сожалѣніе. Онъ относится къ главнымъ лицамъ своей повѣсти, по нашему мнѣнію, такъ свободно, какъ только возможно писателю относиться къ своему собственному произведенію. Конечно, онъ сочувствуетъ страданіямъ своихъ героевъ, болѣетъ вмѣстѣ съ ними всѣми ихъ болѣзнями, но при этомъ онъ не увлеченъ ими и постоянно сберегаетъ для себя право суда надъ ними. Это двойное отношеніе къ героямъ выражается у него мимолетными, едва уловимыми чертами, но вы чувствуете, что подъ роскошными поэтическими описаніями его течетъ еще какой-то другой источникъ, который не даетъ имъ переродиться въ болѣзненныя, идиллическія произрастенія распущенной фантазіи. Этотъ крѣпящій источникъ есть критическая способность автора, и она одинъ только разъ выступаетъ вполнѣ наружу, именно въ концѣ романа, когда Лаврецкій, съ лирическимъ воодушевленіемъ, благословляетъ молодое, свѣжее поколѣніе, поселившееся въ домѣ отсутствующей Лизы, на новую и лучшую жизнь. Для тѣхъ, которые умѣютъ понимать неписанное, источникъ этотъ слышенъ былъ гораздо ранѣе, чуть ли не съ самаго па-

чала романа. Упреки, какіе можно сдѣлать главнымъ дѣйствующимъ лицамъ романа, уже всѣ сдѣланы авторомъ, прежде читателя, въ собственной своей совѣсти. Стóитъ только внимательнѣе посмотрѣть, чтобъ открыть во множествѣ слѣды повѣряющей и обсуждающей мысли его. Иногда кажется даже, будто романъ написанъ съ цѣлію подтвердить старое замѣчаніе, что великія жертвы, приносимыя отдѣльными лицами ежедневно и по своему произволу, точно такъ же свидѣтельствуютъ о болѣзни общества, какъ и великія преступленія, слишкомъ часто повторяющіяся въ немъ. Могло ли это случиться, еслибъ авторъ не имѣлъ ничего въ виду, кромѣ простой передачи образовъ, представшихъ его воображенію? На физіономіяхъ Лизы и Лаврецкаго также, по временамъ, играютъ лучи какой-то другой мысли, чѣмъ ихъ собственная. Какъ ни обаятельно изображена Лиза, какимъ вниманіемъ, участіемъ и любовью ни окружаетъ ее авторъ, но чрезвычайная осторожность въ созданіи этого характера уже показываетъ заботливость автора не проговориться, а видимыя усилія его держаться на одной съ нимъ высотѣ тоже родились не безъ причины. Отъ превосходнаго образа Лизы, даже и теперь, послѣ тщательной его обработки, все-таки отдѣляется мысль, что зародышъ настоящей поэзіи, питающей сердце, заключается въ свободномъ обмѣнѣ чувствъ, подобно тому какъ условія общественнаго просвѣщенія заключаются въ обмѣнѣ мыслей. Авторъ глубоко сочувствуетъ Лизѣ, но какъ будто боится ея стремленій. Само собою разумѣется, что въ отношеніи Лаврецкаго онъ могъ высказаться опредѣленнѣе. Вотъ почему столько разъ проходитъ у него по всему разсказу о нашемъ героѣ легкое выраженіе осужденія и состраданія, столько разъ наводится читатель, тихо и незамѣтно, на строгій тонъ и приговоръ. При самомъ искреннемъ участіи къ лицу, въ умѣ читателя возникаютъ безпрестанно вопросы, и это именно потому, что самъ авторъ приступалъ къ изображенію лица съ такими же точно вопросами въ душѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и оберегаетъ своего Лаврецкаго; его видимо томитъ опасеніе, чтобы кто-нибудь не поднялъ голоса и не сказалъ: «довольно уже надумались мы о прошломъ, и выговорили всѣ свои жалобы, и оплакали его тлетворное дѣйствіе на себя и другихъ: пора или умирать вмѣстѣ съ нимъ, или оттолкнуть его отъ себя, какъ нѣкогда кіевляне отталкивали, на середину Днѣпра, въ быстрину рѣки, стараго бога своего, столько вѣковъ тупо и грозно стоявшаго передъ ними». Онъ торопится предупредить замѣчаніе, ослабить его дѣйствіе всѣми возможными поясненіями, и заботливость, съ которою придумываетъ онъ извиненія для Лаврецкаго, впадая даже въ преувеличеніе (вспомнимъ похвальбу Лаврецкаго собой и своимъ поколѣніемъ,

въ концѣ романа), свидѣтельствуетъ несомнѣнно, что возраженіями нельзя удивить его, и что они заранѣе чувствуемы были имъ въ глубинѣ собственной его мысли. Это двойственное отношеніе къ лицамъ, къ которому, впрочемъ, авторъ приведенъ былъ неизбѣжно свойствомъ выводимыхъ характеровъ и сущностью самаго повѣствованія, отразилось въ заглавіи романа. „Дворянское Гнѣздо“ звучитъ, кажется намъ, весьма иронически и заставляетъ ожидать если не сатиры, то, по крайней мѣрѣ, горькой драмы, взятой изъ нѣдръ извѣстнаго общественнаго круга, а между тѣмъ романъ, носящій такое зловѣщее названіе, весь исполненъ снисхожденія, нѣжной поэзіи и тихой жалобы. Въ *простыя* эпохи творчества, этого бы не могло никогда случиться, но не въ такой эпохѣ живетъ авторъ нашъ, и особенно, не изъ простого и яснаго настроенія, какъ было у предшественниковъ нашихъ, вышли люди, подпавшіе теперь художнической кисти его.

Остается еще третье важное лицо романа, и притомъ единственное, живущее всею полнотой жизни, смѣло идущее ко всѣмъ цѣлямъ своимъ, свободно и мастерски управляющее событіями, именно «львица» Варвара Павловна. Мы уже говорили о ней, но не можемъ удержаться еще отъ нѣсколькихъ словъ. Торжествующій образъ Варвары Павловны нарисованъ такъ ярко у автора, что почти выходитъ изъ рамы повѣствованія и противорѣчитъ общему его колориту, выдержанному въ томномъ и нѣжномъ полу-свѣтѣ. Существо, болѣе безобразное въ нравственномъ отношеніи и болѣе искушающее и раздражающее въ физическомъ смыслѣ—трудно и представить себѣ. Это порожденіе особеннаго рода сборной, такъ-сказать, цивилизаціи, которая по частямъ наплываетъ съ разныхъ сторонъ на человѣка, нисколько не заботясь о томъ, гдѣ она ляжетъ, на чемъ ляжетъ и какъ ляжетъ. Она только равно удаляетъ человѣка отъ народныхъ убѣжденій и отъ народныхъ предразсудковъ, отъ духовныхъ стремленій времени, и отъ его заблужденій, отъ хорошихъ и дурныхъ сторонъ общаго отечества, замѣщая все это понятіемъ о служеніи самому себѣ или даже потребностямъ своего организма, какъ у нашей львицы, подъ тѣмъ покровомъ щегольства и приличія, какія только нужны не для обузданія чужихъ страстей, а для лучшаго ихъ возбужденія, прикрытія и направленія. Эта цивилизація намъ хорошо извѣстна: мы почасту различаемъ ея признаки у себя дома, преимущественно въ такъ-называемыхъ избранныхъ кругахъ общества, и можно полагать, что есть не малое количество читательницъ, публично негодующихъ на львицу Варвару Павловну, и втайнѣ, можетъ-быть, безсознательно завидующихъ ея уму и способности наслаждаться жизнію, опрокидывая всѣ препят-

ствія на пути своемъ. Одно лицемѣріе еще связываетъ львицу Варвару Павловну съ гражданскимъ обществомъ; не будь лицемѣрія, она была бы такъ гола, такъ отвратительно свободна, какъ Отаитянка или жительница Сандвичевыхъ острововъ. Чему ей покоряться? Во всемъ мірѣ не существуетъ для нея какого-либо обязательнаго правила, такъ какъ внутри ея не существуетъ и признака какого-либо противорѣчія — все ясно и просто для нея, все побѣждено и покорено ею. Оттого силы для борьбы съ людьми въ пользу своихъ интересовъ, нерастраченныя на воспитаніе себя, у нея всегда на лицо и дѣйствуютъ неотразимо, открыто и побѣдоносно. Моралистъ и этнографъ одинаково задумаются надъ этимъ образомъ, который такъ полно представленъ г. Тургеневымъ. Но для львицъ, подобныхъ Варварѣ Павловнѣ, недостаточно родной почвы и отечества, гдѣ, по условіямъ жизни и образованія, сцена дѣйствія еще узка и должна довольствоваться партеромъ изъ небольшого числа знатоковъ и цѣнителей этого рода талантовъ. Вотъ почему «львицы» наши охотно бѣгутъ за границу, гдѣ арена для подвиговъ ихъ значительно расширяется, и гдѣ въ самыхъ разнородныхъ кругахъ могутъ онѣ найти полное пониманіе и полное признаніе всѣхъ своихъ доблестей. Столицы Европы наполнены этими героинями, увидѣвшими свѣтъ на родныхъ нашихъ берегахъ Клязьмы, Суры, Камы, иногда и далѣе, иногда въ бѣдномъ и нуждающемся семействѣ. Однакожъ и столицы Европы не въ силахъ, подъ часъ, отказать имъ въ удивленіи. Оно и понятно. Явленіе туземныхъ львицъ, европейскихъ Варваръ Павловнъ возникаетъ отъ заблужденія страстей, отъ извращенія мысли, отъ дѣйствія различныхъ ученій, обуревающихъ общество, наконецъ просто отъ жажды шума и извѣстности. Онѣ имѣютъ если не оправданіе, то, по крайней мѣрѣ, своего рода опредѣленіе. Ничего подобнаго нѣтъ въ настоящей, родной нашей Варварѣ Павловнѣ. Она можетъ похвастать, что никогда не поддавалась «гибельнымъ впечатлѣніямъ» отъ чего бы то ни было, что ни вредное чтеніе, ни опасное размышленіе не участвовали въ образованіи ея вкусовъ, что она такъ же мало обязана своимъ величіемъ увлеченію страсти, какъ и превратному понятію о независимости. Какъ же тутъ не удивиться? Варвара Павловна сама создала себя. Она есть точно такое же самородное, оригинальное явленіе русской жизни, какъ и антиподъ ея, благородная Лизавета Михайловна: ими выражаются два противоположные полюса одного и того же общественнаго развитія.

Ничто такъ не утверждаетъ въ этомъ убѣжденіи, какъ одно обстоятельство, равно приложимое къ обоимъ лицамъ: Варвара Павловна тоже не имѣла никакой подпоры внѣ себя для своего бѣднорожденнаго, хилаго нравственнаго чувства, какъ другая для стро-

гаго своего идеала. Есть на свѣтѣ множество характеровъ, которые нуждаются болѣе чѣмъ въ обоихъ правилахъ, составляющихъ достояніе всего человѣчества, для того, чтобы сберечь свое достоинство и укрѣпить въ себѣ нетвердыя понятія о чести. Имъ нужны еще бываютъ частныя правила разумнаго существованія, требованія, узаконенныя обычаемъ, примѣры, вошедшіе въ силу закона, словомъ— весь тотъ неписанный уставъ общежитія, какой обыкновенно выработывается самими народами въ своихъ нѣдрахъ, служитъ имъ лучшею характеристикой и составляетъ, можетъ-быть, высшее ихъ произведеніе: въ немъ различныя національности сознаютъ себя какъ нравственныя лица. Подобные кодексы есть у англичанъ, нѣмцевъ, французовъ, но особенно у первыхъ; благодаря этимъ кодексамъ, всѣ личности, кромѣ гражданской и религіозной связи, связываются еще во-едино и общимъ представленіемъ житейской морали, составляя, такимъ образомъ, великое духовное братство. Никто не можетъ нарушить его, подъ опасеніемъ сильнаго нареканія, и каждый членъ безсознательно стремится возвратить къ нему всякаго ослушника. На эти готовыя указанія долга и порядка именно и опираются люди, имѣвшіе несчастіе родиться безъ внутренней потребности къ воспитанію себя, и дѣйствительно, при бѣдности натуры, тутъ заключается единственное спасеніе для человѣка. Ничего подобнаго у насъ нѣтъ. Каждый человѣкъ у насъ есть единственный руководитель, оцѣнщикъ и судья своихъ поступковъ. Мы не можемъ согласиться другъ съ другомъ ни въ одномъ, самомъ простомъ и самомъ очевидномъ нравственномъ правилѣ, мы разнимся во взглядахъ на первоначальныя понятія, на азбуку, такъ-сказать, ученія о человѣкѣ. Представленія о дозволенномъ и недозволенномъ, въ различныхъ кругахъ нашего общества, до такой степени разнородны и противорѣчивы, что поступокъ, выставляемый на позоръ одною стороной, даетъ поводъ наивно похвастаться имъ другой сторонѣ. Все это называется свободой жизни. Многіе даже смотрятъ на самое явленіе какъ на весьма выгодное для общественнаго положенія, не связаннаго никакими путями, никакими узкими и тиранническими опредѣленіями обычая, и потому способнаго широко развиваться во всѣ стороны. Не знаемъ, такъ ли это, но, по крайней мѣрѣ, умноженіе лицъ, подобныхъ Варварѣ Павловнѣ, въ послѣднее время, и наглые примѣры откровеннаго заявленія своего безумія, безпрестанно встрѣчающіеся, несомнѣнно свидѣтельствуютъ, кажется, что намъ покамѣсть еще нечего гордиться этою свободой.

Какъ ни длинна статья наша, но рѣшаемся сдѣлать еще одно послѣднее замѣчаніе.

Говорятъ, что мы *молодой народъ*, и это правда, если принять

въ соображеніе недостаточное развитіе многихъ сторонъ общественнаго быта; но если судить по свойству нашихъ пороковъ и даже добродѣтелей, то мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, и очень старый народъ. Возьмите, напримѣръ, жизнь того класса, который выведенъ передъ нами въ „Дворянскомъ Гнѣздѣ". Развѣ порокъ не пріобрѣлъ тутъ изящества, тонины и замысловатости, совершенно чуждыхъ народамъ, дѣйствительно юнымъ? Но оставимъ отрицательную сторону и присмотримся только внимательнѣе къ лучшей, положительной сторонѣ нашего быта. Спрашивается: какое общество, только-что начинающее свое поприще, только-что вышедшее изъ дѣтства, способно чувствовать и переживать то горе, которымъ страдаютъ герои „Дворянскаго Гнѣзда?" Мы сомнѣваемся даже, чтобъ оно могло просто слѣдить за хитрою сѣтью разнородныхъ нравственныхъ требованій, которою опутаны мысль и воля честнѣйшихъ и лучшихъ людей, выведенныхъ передъ нами авторомъ. Нужно было обществу многое пережить на свѣтѣ, прежде чѣмъ успѣла образоваться въ немъ эта неугомонная повѣрка своихъ стремленій, это тяжелое созиданіе идеаловъ жизни на развалинахъ другихъ идеаловъ, данныхъ исторіей, это духовное скитанье, смѣемъ выразиться, изъ одного нравственнаго представленія въ другое, которое обнаруживается отчасти въ Лизѣ и уже такъ развилось въ Лаврецкомъ. Конечно, позволено будетъ сказать, что кругъ, гдѣ они родились, старъ, если не годами, то раннею, преждевременною опытностью: даже доблести его и самый героизмъ далеко не юношескіе, а скорѣе такого круга, который находится въ порѣ зрѣлости, уже граничащей съ утомленіемъ. Добродѣтели молодости всегда и проще, и менѣе подготовляются, и обнаруживаются свободнѣе. Исторія воспитанія Лаврецкаго, разсказанная авторомъ, поясняетъ намъ, отчего на молодыхъ физіономіяхъ могутъ показываться черты и признаки старчества. Если это такъ, то, во-первыхъ, ироническое названіе „Дворянскаго Гнѣзда", данное кругу, изъ котораго вышелъ Лаврецкій, само собою оправдывается, а во-вторыхъ, необходимость обновленія, упрощенія и освѣженія этого круга становится очевидна. Пророчествомъ близкаго обновленія кончается и самый романъ г. Тургенева: послѣднее слово его есть воззваніе къ молодому поколѣнію, являющемуся на смѣну стараго съ новою жизнью и новыми понятіями. Такъ и должно было кончить все это повѣствованіе: иначе оно вышло бы апотеозой немощи и страданія, подтвержденіемъ того анти-общественнаго правила, по которому нравственное достоинство никогда не должно имѣть въ жизни гордаго и смѣлаго шага, а всегда или падать, или влачиться за другими, какъ калѣка.

Да и не одному кругу Лизы, Лаврецкаго, Варвары Павловны необходимо, кажется, обновленіе, а всѣмъ классамъ общества, безъ исключенія котораго-либо изъ нихъ, и если мысль эта имѣетъ какую-либо долю истины, то писателямъ нашимъ предстоитъ важная роль въ обществѣ, потому что всякое дѣло нравственнаго свойства всегда было предчувствуемо ими ранѣе, чѣмъ другими, и въ минуту своего свершенія всегда находило ихъ за себя и въ переднихъ рядахъ. Невольно припоминается это теперь, когда встрѣчаются изъ писателей софисты, испытывающіе странное наслажденіе публично бичевать себя, взывая съ сокрушеннымъ сердцемъ: „мы ничего не сдѣлали, мы ни на что не способны, и благодать приходитъ къ намъ отъ тѣхъ, кто мало мыслитъ, ничему не учится и плохо видитъ!“ Особенно въ отношеніи къ нашему автору требованія и ожиданія публики могутъ и должны быть чрезвычайно строги и взыскательны.

Г-нъ Тургеневъ уступаетъ другимъ современнымъ нашимъ повѣствователямъ, пользующимся извѣстностью, въ нѣкоторыхъ качествахъ, а особенно въ качествѣ непосредственнаго, невольнаго творчества, овладѣвающаго предметами описанія съ-разу, по инстинкту и, такъ-сказать, по естественной потребности своей. Онъ долженъ думать и много думать, прежде чѣмъ обнаружится въ немъ какая-либо сторона создающей силы: такъ, по крайней мѣрѣ, намъ кажется изъ тщательнаго изученія его произведеній. Но въ замѣнъ, ни у одного изъ нашихъ повѣствователей нѣтъ такого чутья къ тончайшимъ поэтическимъ оттѣнкамъ жизни, такого остраго психическаго анализа и такого пониманія невидимыхъ струй и теченій общественной мысли, которыя пересѣкаютъ въ разныхъ направленіяхъ современный бытъ нашъ. Вотъ почему отъ него всегда можно ожидать именно того слова, которое на очереди, или которымъ занято большинство умовъ. Преимущество это, кромѣ таланта, условливается и обширностію горизонта, какимъ пользуется его мысль: оно отличаетъ даже многіе изъ прежнихъ его разсказовъ, стоящіе, по исполненію, ниже задачъ, набросанныхъ имъ для разрѣшенія. При такихъ качествахъ невозможно писателю смотрѣть на предметы постоянно съ одной точки зрѣнія или не видѣть, какъ приближается время ихъ измѣненія, и какъ возстаетъ за ними рядъ новыхъ явленій, имѣющихъ право требовать, чтобы поэтъ-этнографъ обратился къ нимъ лицомъ. До сихъ поръ г. Тургеневъ былъ избранный и непревосходимый лѣтописецъ *безвыходныхъ положеній*. Какъ ни удобны, для развязки потрясающей драмы, такъ-называемыя, „безвыходныя положенія“ вообще, но и для нихъ наступила пора преобразованія. Можно требовать теперь, по крайней мѣрѣ,

чтобы „безвыходныя положенія“ рождались изъ естественнаго теченія и развитія обстоятельствъ, изъ свободной воли самихъ лицъ, выбравшихъ себѣ дорогу посреди множества дорогъ, а не походили на стѣну, поставленную какою-то невидимою рукой поперекъ пути, на которую неизбѣжно наталкиваются всѣ проѣзжающіе и проходящіе, и подъ тѣнью которой умираютъ, не зная чтó имъ дѣлать. Настроеніе, родившее всѣ прежніе романы г. Тургенева, исчерпано послѣднимъ, „Дворянскимъ Гнѣздомъ“, кажется намъ, до капли. „Дворянскимъ Гнѣздомъ“ авторъ завершилъ всѣ старыя свои представленія, всѣ образы, тревожившіе душу его въ теченіи многихъ лѣтъ: онъ возвелъ ихъ, наконецъ, до полнаго выраженія и тѣмъ самымъ простился съ ними навсегда. Таково обычное дѣйствіе мастерскихъ произведеній на самого писателя. Мастерскимъ своимъ произведеніемъ авторъ окончательно снимаетъ съ себя многолѣтнюю работу и отгоняетъ прочь цѣпь мыслей и образовъ, деспотически владѣвшихъ его фантазіей до минуты ихъ всесторонняго осуществленія. Мастерское произведеніе есть желанный конецъ творческаго пути, съ которымъ забываются волненія и страданія дороги, вмѣстѣ со всѣми ея явленіями: память о нихъ есть уже достояніе исторіи и записокъ. Послѣ него, какъ послѣ мистическаго возрожденія, жизнь должна начинаться сызнова, и счастливъ тотъ художникъ, который, такимъ образомъ, можетъ становиться нѣсколько разъ духовно-юнымъ, чувствовать себя нѣсколько разъ безъ прошлаго и не замѣчать въ фантазіи своей ни малѣйшаго признака закоренѣлой привычки или застарѣлыхъ вкусовъ и наклонностей. Этого именно имѣемъ мы право и поводъ ожидать отъ г. Тургенева.

„Русскій Вѣстникъ“, 1859, № 16.

„ГРОЗА“ ОСТРОВСКАГО

и

КРИТИЧЕСКАЯ БУРЯ.

Отвѣтъ критику „Грозы“ въ журналѣ „Новое Время“.

Стоустая молва, какъ говорилось встарину, опередила вашу статью по поводу новой комедіи г. Островскаго: „Гроза“. Незадолго до появленія критической бури, какъ вы называете сами свою рецензію, разнеслись слухи, что туча скопляется на листкахъ новаго журнала вашего, отъ котораго мы уже теперь, имѣя въ рукахъ нѣсколько №№, можемъ ожидать много добра и пользы. Слухи не обманули публику. Журналъ вашъ родился очень почетно, при трескѣ и громѣ критическихъ залповъ. Съ другой стороны, всѣ слухи и толки оказались ниже дѣла. Они возвѣщали только ѣдкую критическую статью, но нисколько не намекали на настоящую цѣль ея — лишить г. Островскаго возможности дальнѣйшаго литературнаго существованія, превратить имя его въ пустой звукъ, сдѣлать изъ счастливаго и сильнаго дѣятеля нашего времени, жалкій призракъ безъ значенія, на подобіе тѣхъ отжившихъ писателей, присутствіе которыхъ уже не чувствуется людьми, которые уже почти не даютъ отъ себя тѣни, какъ сказочный Петеръ Шлемиль. Съ первыхъ же строкъ рецензіи большинству вашихъ читателей, а въ томъ числѣ и мнѣ, ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ отказаться отъ коренныхъ своихъ убѣжденій отъ признанныхъ эстетическихъ истинъ, отъ свидѣтельства чувствъ и, наконецъ, чуть-чуть не отъ разсудка. Рецензія говорила твердо, рѣшительно: читатель ясно распознавалъ приглашеніе обернуться назадъ, покаяться во всѣхъ своихъ прежде добытыхъ мнѣніяхъ, касательно истины и красоты художническихъ представленій, словомъ — торжественно отречься отъ всей прежней умственной жизни, какъ отъ навожденія лукаваго: vade retro, Satan! Гдѣ слышалась ему прежде живая, народная

рѣчь — тамъ рецензія совѣтовала ему воскликнуть вмѣстѣ съ нею: подборъ однихъ грамматическихъ искаженій; гдѣ чудился ему свѣжій источникъ поэзіи, тамъ она твердо рѣшала: грязное болото, подлежащее вѣдѣнію полиціи общественнаго здоровья; гдѣ, наконецъ, признавалъ онъ выраженіе глубокой психической игры чувствъ и мыслей, тамъ слѣдовало ему, по указанію рецензіи, видѣть только бѣснующееся животное, застигнутое въ минуту своего болѣзненнаго пароксизма. Безпрестанная угроза отнять г. Островскаго у публики безвозвратно и окончательно, особенно запутывала дѣло, увеличивая общее смущеніе. Такъ пробѣжали и мы двѣ статьи рецензіи, раздѣленныя довольно долгими промежутками времени, и каждый разъ со страхомъ въ сердцѣ: вотъ придется объявить себя человѣкомъ, коснѣвшимъ дотолѣ въ слѣпотѣ и невѣжествѣ! Перспектива, согласитесь, весьма не утѣшительная!...

Но, слава Богу, буря прошла благополучно. Все осталось по прежнему, какъ было, точно не появлялось никогда *бурной* рецензіи на страницахъ новаго журнала. Я даже принимаю смѣлость отъ имени почитателей таланта г. Островскаго дружески протянуть вамъ, автору рецензіи, руку — какъ будто вы никогда и не заподозрѣвали ихъ въ слабости обсуждающихъ способностей и въ извращенномъ состояніи ихъ вкуса. Скажу болѣе — они обязаны вамъ благодарностью. Рецензія обличила вполнѣ авторскій талантъ вашъ, если тутъ нужно было какое-либо обличеніе, и особенно тѣмъ, что умѣла связать нѣсколько дѣльныхъ и вѣрныхъ замѣтокъ съ совершенно ложнымъ, по нашему мнѣнію, основаніемъ и притомъ такъ плотно, что раздѣлить ихъ уже нѣтъ никакой возможности. Мысль относительно справедливая играетъ въ бурной рецензіи нѣчто похожее на роль красиваго контрфорса, поддерживающаго хилое зданіе, напоминая тѣ изящные контрфорсы готическихъ церквей, которые покрыты узорами, статуями, нишами и предназначены для того, чтобы отводить глаза зрителей отъ несостоятельности художника въ архитектурной механикѣ. Какой-то изъ современныхъ французскихъ писателей, имѣвшій, вѣроятно, причины быть недовольнымъ журналами, сказалъ про критику своего отечества, что ее можно сравнить съ болѣзнію — ракомъ, который, поселясь въ сердцѣ литературнаго произведенія, разъѣдаетъ его до тѣхъ поръ, пока произведеніе не разсыплется прахомъ. Особенность этой болѣзни, этого критическаго канцера, по мнѣнію французскаго автора, состоитъ въ томъ, что онъ прилипчивъ и ненасытенъ. Совершивъ свое дѣло истребленія на одномъ предметѣ, онъ переходитъ къ другому и подвергаетъ его одинаковой участи съ первымъ: такова уже натура критики — восклицаетъ оскорбленный французскій новеллистъ.

Мы живо помнимъ разительный примѣръ точно такого же дѣйствія критики и у насъ — именно въ извѣстномъ, ѣдкомъ и остроумномъ разборѣ комедіи г. Соллогуба „Чиновникъ“. Второй примѣръ такого же разрушительнаго характера критики собирались вы дать на произведеніяхъ г. Островскаго — но здѣсь, къ изумленію нашему, не произошло ничего ужаснаго. Предметъ, выбранный рецензіей въ жертву свою, оказывается столь крѣпкимъ, что жало ея притупляется тѣмъ болѣе, чѣмъ сильнѣе обнаруживается. Съ отчаянія, рецензія принимается мучить не самый предметъ, который стоитъ невредимъ, а собственно тѣнь предмета, его фантастическое и неправильное отраженіе. Отъ чего произошло это? Одно изъ двухъ — или рецензія недостаточно накопила гнѣва и ярости, и тогда ей слѣдуетъ удалиться во мракъ и уединеніе для лучшаго развитія въ себѣ смертоносныхъ элементовъ, или критика-ракъ вообще способна уничтожать только такія произведенія, которыя уже и безъ того лишены жизненной силы и въ себѣ самихъ носятъ свой смертный приговоръ....

Многое зависитъ также и отъ случая. Человѣкъ недоволенъ физіономіей театра въ день представленія новой пьесы; актриса играетъ нестерпимо фальшиво, публика хлопаетъ нестерпимо громко — вотъ уже настроеніе и готово. Бѣда еще увеличивается, если подлѣ критика усѣлся въ креслахъ джентльменъ, щеголевато одѣтый, который, позабывъ о своемъ костюмѣ и о палевыхъ своихъ перчаткахъ, находится въ неприличномъ состоянія восторга, оглушая сосѣда рукоплесканіями и криками браво—тогда не далекъ уже и окончательный приговоръ о пьесѣ, и о публикѣ. Все это случилось именно съ рецензентомъ „Грозы“. Слѣпому случаю не угодно было помѣстить возлѣ него джентльмена съ инымъ, болѣе аристократическимъ характеромъ, съ гордой и благородно-тупой физіономіей, съ похвальнымъ навыкомъ восторгаться комедіями и драмами, дѣйствіе которыхъ развивается посреди салоновъ, украшенныхъ медальонами по стѣнамъ, или въ крайнемъ случаѣ посреди чистенькихъ, кокетливыхъ и, какъ извѣстно, добродѣтельныхъ чердачковъ, населенныхъ лоретками. Рецензентъ имѣлъ бы удовольствіе слышать тогда, вмѣсто браво и рукоплесканій, презрительныя восклицанія въ родѣ — что это за языкъ, какіе это нравы и къ какому обществу принадлежатъ эти люди! Можетъ статься, ѣдкость перваго впечатлѣнія была бы ослаблена у рецензента этимъ сосѣдствомъ; одинокая, сосредоточенная мысль его не предалась бы тогда презрительному воспоминанію о „балаганѣ“, какъ о мѣстѣ, наиболѣе приличномъ такому роду сценическихъ представленій и такому роду сочувствій, и, можетъ статься, также позабылъ бы онъ упрекать цѣликомъ всю

массу публики въ грѣхѣ передъ „образованностью“ за ея увлеченіе: у него подъ бокомъ сидѣло бы прекрасное искупительное лицо, за достоинство котораго, какъ извѣстно, прощается многое цѣлымъ городамъ, а стало быть и литературамъ. Здѣсь, однако же, мы остановимся. Слова: „балаганъ“ и „образованность“, попадающіяся въ рецензіи, имѣютъ, посреди ея доводовъ и силлогизмовъ, особенный, чрезвычайно многозначительный смыслъ, который мы постараемся разобрать. Если не ошибаемся, они составляютъ даже краеугольный камень всей ея системы пониманія прекраснаго и безобразнаго въ искусствѣ, можетъ быть всего нравственнаго ученія ея. Съ представленіемъ о *„балаганѣ“* и *„образованности“*, кажется намъ, связывается у ней неразрывно то созерцаніе, плодомъ котораго было безоглядное осужденіе всей литературной дѣятельности г. Островскаго.

Итакъ, что́ такое балаганъ, и что́ такое образованность?

Мы имѣемъ смѣлость думать, что всякій серьёзный писатель обязанъ говорить чрезвычайно осторожно о „балаганѣ“, принимая слово это въ общемъ смыслѣ. Балаганъ имѣетъ такую длинную, почетную и благородную исторію, какой можетъ позавидовать любое театральное вѣдомство, какъ бы ни поражало оно роскошнѣйшими зданіями и невообразимо дорогой администраціей. Нѣтъ надобности напоминать при этомъ, что Мольеръ почерпнулъ въ балаганѣ не только свою язвительную веселость, но и множество лицъ, увѣковѣченныхъ имъ на сценѣ, также какъ нѣтъ надобности говорить и о близкомъ родствѣ, существующемъ между балаганомъ и Шекспиромъ. Горе вообще тому театру, который вышелъ не изъ балагана: онъ лишенъ лучшаго диплома на почетное существованіе. Всѣ исторіи нашей литературы единогласно утверждаютъ, что и русскій театръ также родился въ балаганѣ, по милости ярославскаго гражданина Волкова, но это просто лесть русскому театру. Русскій театръ никогда не *рождался*, а былъ устроенъ *сходно съ другими примѣрами сего рода*, говоря дѣловымъ языкомъ. Фраза о рожденіи выдумана для назиданія школъ, для удовлетворенія національной гордости и для удовольствія самихъ историковъ. Рожденіе сообщаетъ такіе характеристическіе признаки и особенности, которые никогда не сглаживаются, которые могутъ спутаться, захирѣть въ одномъ поколѣніи и неожиданно, въ полномъ блескѣ, отозваться въ другомъ. Рожденіе живуче. Недавно открыты въ физіономіяхъ теперешнихъ обитателей Прованса и Италіи типы кельтовъ, этрусковъ и другихъ національностей, которыхъ исторія съ легкой руки уже похоронила-было на-вѣкъ. Это рожденіе. Въ ярославскомъ театрѣ гражданина Волкова не было ни малѣйшаго слѣда неизмѣнныхъ типическихъ особенностей, налагаемыхъ рожденіемъ: онъ явился

безличнымъ и сохранилъ это качество, когда ревнители просвѣщенія, ужаснувшись мысли, что россійскому государству не достаетъ театра, воспользовались готовымъ фактомъ и перевели его въ Петербургъ, снабдивъ приличнымъ помѣщеніемъ. Они выписали изъ Ярославля русскій театръ, какъ прежде выписывали итальянскую комедію изъ Италіи. Съ тѣхъ поръ и до дня сего, русскій театръ, несмотря на пять-шесть образцовыхъ комедій и значительное число талантливыхъ исполнителей, продолжаетъ походить на всѣ возможные театры въ мірѣ (за исключеніемъ лучшаго изъ нихъ — китайскаго, по увѣренію Е. П. Ковалевскаго), отличаясь только сравнительно бѣднѣйшимъ и блѣднѣйшимъ репертуаромъ. Геніальные артисты, появляющіеся на нашей сценѣ, особенно способствуютъ къ тому, чтобъ выказать весь ужасъ этого столѣтняго, безличнаго существованія, въ которомъ и они пропадаютъ для потомства, какъ несвязанные ни съ какимъ народнымъ воспоминаніемъ.

Многимъ покажется дикимъ заключеніе, какое мы смѣемъ выводить изъ предыдущихъ соображеній. Мы принимаемъ именно дерзость выразить мнѣніе, что единственный способъ помочь бѣдѣ и вызвать русскій театръ къ настоящей жизни состоитъ въ томъ, чтобъ возвратить его изъ приличнаго помѣщенія опять къ балагану, изъ котораго онъ преждевременно былъ извлеченъ. Противникамъ этой мысли будетъ очень немудрено смѣшать наше представленіе о балаганѣ съ тѣми образчиками балагановъ, которые строятся въ городахъ о масляничную пору и заключаютъ въ себѣ столько же ума вообще и русскаго ума въ особенности, сколько тюлени, ученыя собаки и пляшущія нѣмки на канатахъ, обыкновенно тамъ показываемыя. Мы думаемъ о томъ балаганѣ, который пріютитъ русское драматическое искусство, оторвавъ его отъ поблеклыхъ кулисъ съ жидкими видами озеръ Италіи, замковъ Германіи, салоновъ Франціи, гдѣ оно отъ скуки предавалось всевозможнымъ оргіямъ и гдѣ совсѣмъ растерялось. При томъ же для русскаго драматическаго искусства близится настоящая минута рожденія: оргія тутъ уже неприлична, а, напротивъ, потребенъ родной и тихій кровъ. Полагаю, нѣтъ надобности доказывать, что русскій театръ приготовляется къ акту рожденья только теперь, на нашихъ глазахъ, а не создался какимъ-то чудомъ въ баснословныя времена гражданина Волкова. Лучшимъ свидѣтельствомъ въ пользу этой мысли служатъ постоянныя усилія избранныхъ драматическихъ писателей нашихъ оторваться отъ старыхъ преданій и выразить сущность и характерныя особенности русскаго драматическаго творчества въ рядѣ произведеній изъ общественной и народной нашей жизни, съ совершенно новыми сценическими пріемами, мотивами и эффектами. Это началось съ „Реви-

зора“ и комедій Гоголя. Но возникающая семья этихъ произведеній уже не можетъ быть подкинута на воспитаніе въ странный пансіонъ, гдѣ царствуетъ смѣшеніе всевозможныхъ направленій, которыя сводятся однакожъ на одну главную задачу: не давать укореняться серьёзно ни одному направленію въ умахъ, не нарушать общей безличной физіономіи, составляющей цѣль и славу заведенія, и допускать оригинальность только тогда, когда она уже выбилась въ пошлость. При такихъ условіяхъ каждое новое и свѣжее явленіе драматической литературы не только дѣлается сиротой и пришлецомъ въ этомъ мірѣ, но ему постоянно указываютъ на балаганъ, какъ на мѣсто, куда бы слѣдовало его сослать за гнусную фигуру, наводящую уныніе. И надо прибавить, что приговоры такого рода произносятъ не идіоты, а люди, весьма смышленные во всемъ другомъ, но только свыкшіеся съ порядкомъ дѣлъ, заведеннымъ по драматическому цеху. Вспомнимъ, напримѣръ, что въ Москвѣ очень умные и сценически весьма опытные люди объявляли „Горе отъ ума“ — пьесой балаганной, что въ Петербургѣ балаганной пьесой объявленъ былъ „Ревизоръ“, теперь опять въ Москвѣ многіе склонны думать, что произведеніе г. Островскаго балаганное и опять въ Петербургѣ нѣкоторые полагаютъ, что „Горькая Судьбина“ г. Писемскаго приличествуетъ балагану. И не у однихъ насъ свѣжесть, сила и самостоятельность возбуждали мысль о балаганѣ. Мармонтель объявилъ „Свадьбу Фигаро“ достойной балагана. Это, по крайней мѣрѣ, связываетъ нашихъ умныхъ людей съ однимъ изъ отцовъ французской критики, но они имѣютъ право еще и на бо́льшую честь. Они были и есть великими, хотя и безсознательными пророками будущаго значенія балагана, который для насъ, сознаемся откровенно, сдѣлался теперь представителемъ свободы творчества: мы призываемъ отъ всей души появленіе самостоятельнаго русскаго балагана, какъ лучшаго способа поддержать и укрѣпить возникающую драматическую литературу нашу.

Теперь объ образованности.

Страшно и подумать, сколько различныхъ представленій и мнѣній объ этомъ предметѣ существуетъ на бѣломъ свѣтѣ. Вотъ, напримѣръ, города наши дѣлятся на кварталы и части, но ихъ можно было бы раздѣлить еще на округи, по понятіямъ, какія связываются со словомъ образованность въ разныхъ концахъ ихъ. Согласитесь, что взглядъ на образованность, господствующій въ окрестностяхъ „Страстныхъ воротъ“ нисколько не похожъ на тотъ, который усвоенъ по тому же предмету людьми, обитающими близко отъ Сухаревой башни и т. д. Да что города? Вся Европа раздѣлена въ мнѣніяхъ своихъ по поводу смысла, какой заключается въ одномъ этомъ словѣ:

образованность. Народы, писанные трактаты и нарѣзныя пушки имѣютъ тамъ каждый свое собственное опредѣленіе образованности. Иногда кажется, что вся современная исторія есть не что иное, какъ диссертація о томъ же предметѣ: Кавуръ, папская энциклика и проч. — выступаютъ какъ тезисы или положенія огромнаго ученаго диспута о настоящей образованности. Не мало пролито и у насъ словъ, чернилъ и страстей по поводу того же спорнаго пункта. Да и теперь потрудитесь остановить на улицѣ перваго порядочнаго человѣка, сообщите ему свое собственное воззрѣніе на предметъ и потребуйте его откровеннаго мнѣнія. Черезъ часъ каждый изъ разговаривающихъ придетъ непремѣнно къ убѣжденію, что собесѣдникъ его нестерпимый человѣкъ и круглый невѣжда по важнѣйшему изъ человѣческихъ вопросовъ. Во избѣжаніе точно такого же непріятнаго исхода дѣла и для себя, мы принимаемъ слово образованность въ наиболѣе общемъ его смыслѣ, какъ понятіе о высшемъ развитіи человѣка посредствомъ науки, гражданственности, эстетическихъ идей и капитала, а затѣмъ уже спрашиваемъ, въ какомъ отношеніи должна находиться эта образованность къ купцу, бабѣ, мужику и вообще простому народу, не получившему вовсе или мало получившему красокъ и оттѣнковъ общей европейской цивилизаціи. По внутреннему смыслу разбираемой нами рецензіи она, кажется, склоняется къ мысли, что другихъ отношеній, кромѣ человѣколюбиваго состраданія, они не заслуживаютъ. Это дикій матеріалъ, годный на то, чтобъ доставить огромную авторскую славу грамотному человѣку, который съумѣетъ выставить все его безобразіе, всю несостоятельность его передъ идеями современной науки и очищенными понятіями о добрѣ и нравственности. Съ самой широкой точки зрѣнія — это, пожалуй, еще хорошій предметъ для почетнаго труда педагога, для воспитателя и проповѣдника здравыхъ идей, касательно семейнаго и гражданскаго существованія. Чего ожидать *образованной* мысли, морали и эстетикѣ отъ этого міра, который въ высшихъ своихъ представителяхъ — купцахъ — поражаетъ отсутствіемъ всякой человѣческой логики или изобрѣтеніемъ немыслимой логики въ родѣ той, какая царствуетъ въ сумасшедшихъ домахъ? Только тремя сторонами можетъ онъ соприкасаться съ образованнымъ міромъ: онъ обязанъ или возбуждать состраданіе, или производить смѣхъ, пополамъ съ отвращеніемъ, или выслушивать урокъ и заучивать его на память. Внѣ этого круга представленій — право и цѣль его существованія на землѣ неизъяснимы Когда онъ не извлекаетъ филантропической слезы, когда не порождаетъ смѣха или ужаса и когда не затверживаетъ наставленія — онъ становится необъяснимой загадкой, неразрѣшимымъ феноменомъ, составляющимъ отчаяніе мысли-

теля и администратора. Подходить къ этому міру съ какой-либо другой цѣлью, съ какой-либо другой мыслію, кромѣ состраданія, осмѣянія и поученія есть грѣхъ передъ образованностію. Отыскивать и обрѣтать въ немъ какія-либо качества, мысли и соображенія, способныя серьёзно занять образованный умъ (а это именно и дѣлаетъ г. Островскій, за-одно со всей школой современныхъ нашихъ писателей)—это уже преступленіе, если только не хилая выдумка, не произвольное *„сочиненіе“* нравственно-пустыхъ и потому фантазирующихъ авторовъ. Такъ ли?

Можетъ быть рецензія и права по-своему. Позволительно думать, что убѣжденія, подобныя тѣмъ, которыя мы старались изложить, нужны въ виду отчужденія и замкнутости, къ какимъ склоненъ весь громадный міръ простонародья и на что́ осужденъ онъ былъ доселѣ обстоятельствами. Мнѣнія, приведенныя нами, составляютъ рычагъ и двигатель этого міра, не лишеннаго способности движенія, но весьма расположеннаго довольствоваться самимъ собой. Они шевелятъ его, но здѣсь и кончается все ихъ значеніе: они далеко не творческій жезлъ, вызывающій къ жизни новыя силы и новыя явленія. Какъ механическое средство поднять мысль, разбудить нравственныя потребности въ народѣ, они могутъ имѣть своего рода важность; но знать сущность этой мысли и характеръ этихъ потребностей не ихъ дѣло. На сторонѣ *бурной* рецензіи есть одна доля правды, — и вся бѣда въ томъ, что она не подозрѣваетъ существованія другой и чуть-ли не самой существенной ея половины.

Изъ произведеній г. Островскаго оказывается, что у всего этого міра есть своего рода довольно обширная и весьма сложная цивилизація, которую надо знать даже для того, чтобъ бороться съ нею. Темнымъ сторонамъ ея быта у г. Островскаго спуска нѣтъ. Нравственное безобразіе остается у г. Островскаго всегда безобразіемъ, и въ этомъ отношеніи мудрено даже сыскать въ русской литературѣ человѣка, который бы сильнѣе и неутомимѣе бичевалъ дикія явленія выводимаго имъ общества. У насъ есть даже очень пространныя статьи объ этомъ видѣ его дѣятельности, гдѣ собраны и пояснены всѣ черты и оттѣнки необычайной картины извращенія понятій, загрубѣнія чувствъ, равнодушія къ добру и правдѣ, представленной имъ въ своихъ произведеніяхъ. Странное обвиненіе враговъ г. Островскаго, что онъ писалъ эту картину, не подозрѣвая всего ея безобразія или даже сочувствуя ему — мы оставляемъ безъ вниманія: обвиненіе само принадлежитъ къ предметамъ, достойнымъ войти въ ея рамку. Но кромѣ созданія типовъ, энергически выражающихъ относительную бѣдность моральнаго смысла въ томъ кругу, гдѣ они вращаются — у г. Островскаго есть еще другая, художническая

цѣль. Общимъ тономъ, выраженіемъ и содержаніемъ каждой своей комедіи (за весьма малыми исключеніями) онъ приводитъ читателя постоянно къ вопросу о тайнахъ русской народности, а иногда, въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ, даетъ возможность нащупать, такъ сказать, коренныя основы русскаго быта, черты его особеннаго пониманія правды и порядка и любимые мотивы его въ области поэзіи и творчества. Онъ за нихъ не заступается и никому ихъ не навязываетъ съ рекомендаціею: онъ заставляетъ ихъ чувствовать, и больше ничего, но въ томъ и тайная прелесть его созданій, какія бы лица тамъ ни были выводимы. — Иногда во всей его комедіи нѣтъ ни одного благороднаго, здравомыслящаго лица: хаосъ понятій и нелѣпица царствуютъ безгранично надъ всѣми дѣйствующими въ ней, безъ исключенія, и однакожъ по образамъ, которыми они выражаютъ свои нелѣпости, по полнотѣ и наивности безразсудства, по ироніи, какъ-будто сознающей ужасъ и недостоинство общаго нравственнаго положенія — видно, что въ нихъ живетъ и та сила, которая нужна для выхода на свѣтъ и полнаго перерожденія. Это не то, что испорченность и дикость провинціальнаго или чиновничьяго быта, которыя безпомощны и могутъ кончиться только съ концомъ расы, племени, ими вскормленныхъ. Честное существо тутъ не одинъ смѣхъ, а также и сила; съ ней еще могутъ ужиться всевозможныя надежды. Подъ рѣдкимъ изъ безобразныхъ выводимыхъ г. Островскимъ типовъ не подложена какая-либо этнографическая черта, заслуживающая полнаго, весьма серьёзнаго вниманія, а какъ часто моральная неблаговидность лица является результатомъ паденія, извращенія и обѣднѣнія коренной основы народнаго быта, переживающей эпоху своего разложенія!

У г. Островскаго безнадежна только старая, закоренѣлая грубость, да еще испорченность, оторванная отъ народа и тѣмъ самымъ лишенная уже послѣднихъ средствъ для спасенія своего, Липочка, Меричь, Харьковъ и т. д., и проч.

Всѣми этими особенностями, какъ г. Островскій, такъ и еще два-три писателя наши, не говорю превышаютъ (слово было бы крайне дерзко!), но рознятся съ Гоголемъ, открывая новую дорогу въ области творчества, указанную временемъ. Никогда не наступитъ пора перестать говорить о Гоголѣ, но пора перестать сравнивать его съ новѣйшими дѣятелями наступила теперь. За его дорогимъ и громкимъ именемъ начинаютъ уже скрываться мало-по-малу отсталые критики, указывающіе на него, какъ на альфу и омегу всего, что можно и должно предпринимать въ искусствѣ. Высоко-комическій и подъ-часъ глубоко страдающій, драматическій міръ Гоголя самостоятеленъ, оконченъ и замкнутъ въ самомъ себѣ до того,

что составляетъ нѣчто похожее на особенный народъ между народомъ. Никто не знаетъ — какъ онъ явился, куда и какимъ образомъ уйдетъ отъ насъ, а когда авторъ хотѣлъ отвѣчать за него на эти вопросы, то, на нашихъ глазахъ, запутался въ противорѣчіяхъ и недоразумѣніяхъ. Дѣло въ томъ, что весь этотъ міръ образуетъ чудную общину громадно-нелѣпыхъ типовъ, которые потеряли память о своемъ происхожденіи, которые всѣ принадлежатъ къ изгоямъ, выходцамъ или непомнящимъ родства, похожи еще на собратій, оставшихся за сценой дѣйствія, но живутъ только про себя и по собственнымъ своимъ законамъ *). Безъ сомнѣнія, Гоголь есть писатель глубоко народный, но онъ зналъ народъ въ ежедневномъ видѣ его и не видалъ народа съ его уединенной и завѣтной думой: міру Гоголя чужды и затаенныя стремленія народа, и шепотомъ передаваемыя вѣрованія, и тихія, нѣмыя впечатлѣнія, волнующія его душу. Міръ Гоголя связанъ съ средой, изъ которой вышелъ, только одной общей чертой. Имъ обоимъ свойственно отсутствіе логической послѣдовательности въ жизни, неспособность создать правильный выводъ изъ чего-либо видимаго и ощущаемаго (въ томъ и громадный комизмъ гоголевскихъ лицъ, по справедливому замѣчанію рецензіи), но міръ Гоголя безсмысленъ и безлогиченъ по своей странной природѣ, а міръ народной среды безсмысленъ и безлогиченъ, потому что принужденъ разсуждать не о томъ, о чемъ у него есть потребность мыслить и гдѣ онъ весьма замѣчательный діалектикъ и мыслитель. Это разница, которую не слѣдуетъ выпускать изъ вида. Простота гоголевской задачи и цѣли, можетъ быть, и помогла ему выстроить на нашей почвѣ то великолѣпное зданіе, оконченное во всѣхъ частяхъ своихъ, блестящее всѣми своими сторонами, ясное и спокойное, которое останется его памятникомъ; нынѣ это труднѣе. Задачи и цѣли сдѣлались сложнѣе, постройки тѣмъ самымъ сдѣлались менѣе соразмѣрны и менѣе непогрѣшительны. Все это естественно, какъ естественно и то, что любовь публики къ этимъ менѣе поражающимъ сооруженіямъ равняется любви, которую она питаетъ къ великолѣпному классическому памятнику, оставленному Гоголемъ. Попробуйте коснуться неуважительно къ главнымъ типамъ произведеній Гончарова, Островскаго, Тургенева, Писемскаго — далеко не такъ полнымъ, какъ типы Гоголя — вы встрѣтитесь непремѣнно съ равнодушіемъ и, пожалуй, съ негодованіемъ публики.

---

*) Понятно, что мы говоримъ о произведеніяхъ Гоголя изъ русскаго быта, а не изъ малороссійскаго, какъ Вечера на хуторѣ, Вій, Тарасъ Бульба, имѣющихъ совсѣмъ другой характеръ: разница, не вполнѣ замѣченная и опредѣленная нашей критикой.

Что это — слѣпота, увлеченіе, капризъ нашего читающаго міра? Нѣтъ — тутъ есть причина. Образы новѣйшихъ дѣятелей, уступая, можетъ быть, въ классической стройности прежнимъ образцамъ, захватываютъ гораздо болѣе матеріала изъ народной жизни, чѣмъ они; глазъ каждаго мыслящаго человѣка устремленъ не только на выводимыя лица, но и на далекую перспективу, открывающуюся за ними, а это въ свою очередь поясняется тѣмъ, что въ послѣднихъ произведеніяхъ уже яснѣе слышатся коренныя основы русскаго быта, его любимые мотивы въ области поэзіи, вмѣстѣ съ надеждами и стремленіями перерождающагося образованнаго общества. И сохрани насъ Богъ дѣлать изъ этого обстоятельства нѣчто подобное тріумфальной аркѣ для нашихъ современныхъ писателей: они только орудія въ рукахъ приспѣвшаго времени, между тѣмъ какъ Гоголь самъ создалъ свое время. Это разница неизмѣримая. Безъ Гоголя пришлось бы, можетъ быть, ждать еще цѣлое поколѣніе нынѣшняго литературнаго движенія, но оборачивать нашихъ писателей опять къ Гоголю, какъ дѣлаетъ рецензія по поводу г. Островскаго, или считать ихъ болѣе или менѣе талантливыми подражателями Гоголя, какъ другіе дѣлаютъ, есть просто одно изъ печальныхъ недоразумѣній.

Итакъ, по свидѣтельству современныхъ писателей нашихъ — можно приближаться къ простонародью и вообще къ разнымъ сословіямъ нашимъ съ чѣмъ нибудь-инымъ, кромѣ состраданія, осмѣянія и поученія, а именно съ намѣреніемъ открыть, изъ какихъ элементовъ слагается ихъ внутренній міръ. Вотъ эту общность народныхъ мыслей, убѣжденій и стремленій, достойныхъ глубокаго изученія, сосѣди наши нѣмцы, которымъ нельзя отказать въ прозваніи образованныхъ людей, обозначили мѣткимъ словомъ — народной *культуры*. Культура не есть образованность въ томъ смыслѣ, какой согласились мы придавать этому понятію, потому что можетъ существовать отдѣльно отъ нея, самостоятельнымъ образомъ, хотя для полнаго своего развитія нуждается въ ней, не менѣе высшихъ, правительствующихъ сословій. Вотъ почему просимъ тысячу разъ извиненія у ревнителей чистоты родного языка за вводъ небывалаго слова въ литературу. Сознаемся чистосердечно, что русскій писатель не имѣетъ права прибѣгать къ новымъ словамъ, потому что никогда не открываетъ новыхъ идей, но по крайней мѣрѣ нельзя запрещать ему пользоваться чужой мыслію, подъ предлогомъ, что въ родномъ діалектѣ для нея нѣтъ еще *имени*. Въ какомъ же отношеніи должна находиться образованность высшихъ сословій къ народной культурѣ? По мнѣнію лучшихъ европейскихъ умовъ, ей предстоитъ трудная задача разобрать нравственные элементы, изъ которыхъ состоитъ народная культура, очистить

ихъ отъ всего случайнаго, наноснаго, не выдерживающаго повѣрки и подъ конецъ слиться съ нею въ одно общее психическое, умственное и духовное настроеніе. Путь очень далекъ, какъ видите, но онъ уже намѣченъ. Со всѣхъ сторонъ принимаются за уясненіе и опредѣленіе тайной, безсознательной мысли какъ цѣлыхъ обществъ, такъ и простонародья, употребляя на это всѣ орудія образованности: статистику, этнографію, исторію и проч. Г. Островскій принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые у насъ для той же самой работы употребляютъ—искусство.

Если бы мы захотѣли указать примѣры глубокаго проникновенія этого автора въ психическую природу русскаго человѣка, то пришлось бы разбирать бо́льшую часть его произведеній, чего мы совсѣмъ не имѣемъ въ виду. Ограничимся покамѣстъ однимъ впечатлѣніемъ, которое постоянно выносится читателемъ изъ его комедій и драмъ. Міръ, изображаемый г. Островскимъ, узнается всего болѣе по отсутствію выдержанныхъ характеровъ, которые способны были бы довести до героизма какъ добродѣтель, такъ и порокъ. Въ мірѣ этомъ, какъ добродѣтель, такъ и порокъ не имѣютъ рѣзкихъ очертаній, опредѣленной и стоячей формы, способной разграничить ихъ на вѣкъ и сдѣлать, отдѣльно другъ отъ друга, символическими типами, которые могли бы сейчасъ перейти на полотно, въ видѣ аллегорическихъ фигуръ, допускаемыхъ живописью. Порокъ у г. Островскаго имѣетъ всѣ признаки нравственной распущенности, грубости и невѣжества, но видимо лишенъ средствъ окрѣпнуть до яснаго, положительнаго злодѣйства, гдѣ неумытный законъ, строгій критикъ и поверхностный писатель могли бы накинуться на него, какъ на опредѣленную имъ добычу. Взгляните хоть на Большова (въ комедіи: „Свои люди“), этого праотца всѣхъ купцовъ самодуровъ, изображенныхъ авторомъ впослѣдствіи. Ужъ этотъ ли не представлялъ всѣхъ задатковъ выдержанности съ его жаждой обмана, презрѣніемъ къ людямъ, семейнымъ деспотизмомъ и полнымъ отсутствіемъ всякаго моральнаго чувства. И что же онъ дѣлаетъ? Онъ погибаетъ, какъ ребенокъ, отъ безграничной довѣренности къ парню, лицемѣріе котораго хорошо видитъ, отъ дѣтской вѣры въ признательность облагодѣтельствованнаго имъ плута. Скажутъ—это только новый видъ самодурства и обыкновенной симпатіи между негодяями. Такъ — но только въ природѣ рускаго человѣка могутъ они выразиться подобнымъ забвеніемъ всякой осторожности, благоразумія и простого чувства самосохраненія. Съ другой стороны, и доблесть у г. Островскаго никакъ не возвышается до сознательнаго представленія себя, какъ доблести, до убѣжденія въ собственномъ своемъ величіи, которое помогло бы ей стать предъ людьми кичливо и на-

зойливо, напрашиваясь на ихъ удивленіе. Доблесть эта воплощается, то въ полусумасшедшемъ мѣщанинѣ, то въ горькомъ пьяницѣ (чтó же за это и вытерпѣлъ авторъ отъ критики), а иногда открывается въ самомъ ходу жизни и по движенію сердца у весьма простого и, можетъ быть, не безгрѣшнаго человѣка, да способна открыться, пожалуй, какъ будто старая рана, даже и у чистаго, несомнѣннаго порока. Къ міру, такъ своеобычно устроенному, само воспитаніе должно относиться иначе, чѣмъ ко всякому другому: воспитанію тутъ уже нельзя разсчитывать на отдѣльныя личности, приготовляемыя къ блестящему экзамену, который они и выдерживаютъ по всѣмъ предметамъ на вящшую свою славу. Здѣсь всякая такая личность опять упадетъ въ міръ послѣ экзамена и въ немъ затеряется. Онъ неспособенъ выслать изъ себя, такъ-называемыхъ, застрѣльщиковъ просвѣщенія, и можетъ двигаться впередъ только всей своей массой. Если воспитанію необходимы совсѣмъ другіе пріемы, чтобъ имѣть тутъ какое нибудь вліяніе, то критику — новый способъ пониманія предметовъ здѣсь еще необходимѣе. Комическая бѣда ниспадаетъ на неподготовленнаго критика, когда онъ очутится лицомъ къ лицу съ этимъ страннымъ міромъ, не имѣющимъ ясно выработанныхъ очертаній и гдѣ о многомъ надо догадываться. Въ порокѣ тутъ не встрѣчаетъ онъ хорошаго порока, который бы за себя постоялъ, а при доблести, сулящей, повидимому, удовлетвореніе всѣмъ его высоконравственнымъ требованіямъ оказывается, что эта доблесть принадлежитъ еще болѣе особеннымъ нравственнымъ представленіямъ сословія, чѣмъ лицу, ее выказавшему. Ни на одномъ явленіи этого міра нельзя остановиться и успокоиться. За исключеніемъ помертвѣлой дикости и лицъ, оторванныхъ отъ народа, еще не отыскавшихъ себѣ почвы—никого побранить нельзя въ сласть, такъ какъ никого отъ души и похвалить не приходится. Остается бранить или хвалить всѣхъ цѣликомъ или огуломъ, а это, какъ извѣстно, весьма неудовлетворительно.

Можно сказать и даже очень часто говорится: чтó нужды въ коренныхъ основахъ русскаго быта и во всѣхъ его картинахъ, когда онѣ противны моей душѣ и не отвѣчаютъ моимъ понятіямъ о добрѣ, истинѣ, морали? Очень хорошо, но откуда почерпнуты всѣ эти понятія? Увы, они почерпнуты тоже изъ идей какой-нибудь національности, успѣвшей развиться до того, что по нѣкоторымъ вопросамъ она уже выразила свою сущность, свой взглядъ на предметы нравственнаго міра. Понятія, которыми мы гордимся, принадлежатъ также народу, только чужому. Безъ какого-нибудь народа — жить нельзя. Это выборъ. Всякому предоставлена полная воля сочувствовать одному представленію добра и порядка бо-

лѣе, чѣмъ другому, но можно требовать, по крайней мѣрѣ, чтобъ человѣкъ одинаково вѣрно понималъ неумирающія, вѣчныя стихіи, которыя присутствуютъ во всѣхъ другихъ національностяхъ, заслуживающихъ это имя. Иначе и выборъ его будетъ случайный, непродуманный, произвольный выборъ. Къ сожалѣнію, бурная рецензія показала намъ удивительный примѣръ крайняго непониманія нравственныхъ стихій, заключенныхъ въ русской народности, своимъ разборомъ пьесы г. Островскаго: „Не въ свои сани не садись“ и главныхъ дѣйствующихъ лицъ ея, купеческой дочери Дуни и купеческаго сына— Бородкина.

Чего-чего только не наговорила она тутъ! Въ самомъ заглавіи, состоящемъ изъ пословицы, нашла она потаенный смыслъ, не дѣлающій большой чести народу, который выдумалъ пословицу, и автору, который ее привелъ. Рецензія говоритъ, что кромѣ хорошаго значенія, какъ предписанія не рядиться въ павлиныя перья и не браться за то, чего не понимаешь, пословица можетъ имѣть и дурное значеніе, какъ ограниченіе свободной воли человѣка, какъ помѣха законнымъ его стремленіямъ къ достиженію всего, что́ можетъ быть достигнуто въ гражданскомъ обществѣ. Рецензія склоняется къ мысли, что народъ и авторъ имѣли въ виду это послѣднее значеніе, когда первый составлялъ свою пословицу, а второй обработывалъ ее въ драматической формѣ. Боже мой! Да у пословицы есть еще третій и самый существенный смыслъ, именно такой: „Гордись сословіемъ, къ которому принадлежишь и не мѣняй своихъ саней, потому что они стóятъ всякихъ другихъ“. Мы утверждаемъ, что въ этой формѣ наша русская пословица можетъ сдѣлаться обще-европейской, общечеловѣческой и что отъ нея не откажутся ни одинъ порядочный народъ и ни одинъ порядочный авторъ. Затѣмъ рецензія переходитъ къ психическому разбору характера Дуни. Никогда еще не видали мы такого озлобленія при оцѣнкѣ выдуманнаго и воображаемаго лица, а между тѣмъ лицо это есть наивный образъ (наивность составляетъ рѣдкость въ нашей литературѣ) простой, ограниченной, влюбленной и потерявшейся дѣвушки. На чемъ основано право публично подвергать ее страшной казни за одинъ дѣвичій проступокъ и право не щадить для нея позорныхъ словъ и эпитетовъ? Право это усвоено рецензіей, какъ намъ кажется, только на одномъ основаніи: „Дуня ограниченна и притомъ она—купеческая дочка“. Болѣе мы ничего не видимъ. Будь она поблестящѣе, да побудь на паркетѣ зимъ пятокъ, мы бы ей и не то простили, а главное—не тѣмъ бы языкомъ заговорили о ней. Видимымъ, наружнымъ предлогомъ къ такому оскорбленію и къ такому терзанію бѣдной Дуни служитъ ея дурное поведеніе. Она

любила Бородкина, но кавалеристъ заслонилъ перваго любовника и увлекъ ее къ себѣ — почему не предположить, что пять кавалеристовъ одинъ за другимъ могли сдѣлать съ Дуней то же самое? Затѣмъ, воротясь изъ бѣговъ, прогнанная кавалеристомъ, искавшимъ только денегъ, она съ умиленіемъ и признательностію отдаетъ руку Бородкину, который не отступился отъ прежней своей любви и отъ своего намѣренія, даже и послѣ ея проступка — почему не предположить, что она точно также бросилась бы въ объятія первому, кто закричалъ бы съ улицы: „къ намъ, милости просимъ". На основаніи мысли, что Дуня слишкомъ скоро забыла Бородкина и потомъ слишкомъ скоро вспомнила о немъ, рецензія прямо называетъ ее распутной, нисколько не заботясь о томъ, что въ пьесѣ г. Островскаго настоящее основаніе есть именно любовь Бородкина и возникающая привязанность Дуни, прерванныя эпизодомъ съ кавалеристомъ, какъ внезапнымъ ураганомъ страсти и увлеченія. Да и стóитъ-ли безпокоиться о такой малости, когда простыя слова религіознаго отца Дуни, въ сущности выражающія мысль о нерушимости брачныхъ связей, истолкованы рецензіей какъ родительское пророчество о томъ, что дочери его будетъ по нраву всякій мужчина. Нельзя относиться болѣе изворотливымъ образомъ къ болѣе простому дѣлу, но такъ всегда именно и относится умъ, даже и замѣчательный, къ предметамъ изъ художественной и народной области, которые почему-либо ему совершенно чужды. Въ этомъ и мораль критической статьи, нами разбираемой.

Непониманіе обѣихъ сферъ, художественной и народной, оказывается особенно въ разборѣ личности Бородкина. Терзая образъ Дуни, рецензія выражала только мнѣніе, конечно не очень лестное для героини, но что же значитъ мнѣніе? У одного одно мнѣніе, у другого — другое и т. д. Могутъ найтись люди, которые назовутъ Дуню — праведницей. Мнѣніе капризно. Это господинъ, который никому не дастъ отчета, кромѣ *своей совѣсти*. Судиться съ мнѣніемъ невозможно — это все равно, что судиться съ погодой и съ желудкомъ своимъ, отъ которыхъ оно часто и ведетъ свое начало. Разбирая личность Бородкина, рецензія уже дошла до принциповъ, до основаній: тутъ дѣло становится серьёзнѣе. И какъ на зло, тутъ мы встрѣчаемся именно съ такими положеніями, которыя открываютъ намъ, что за странности могутъ подвернуться подъ перо, вообще остроумное, бойкое и смѣлое, если только оно ужъ слишкомъ много понадѣялось на свою абстрактную, отвлеченную и одностороннюю „образованность".

Бородкинъ, по мнѣнію рецензіи, есть представитель того круга людей, который живетъ въ полномъ невѣдѣніи моральныхъ на-

чалъ и относится совершенно безразлично къ нравственной красотѣ и къ нравственному уродству. Весь смыслъ круга употребляется на сочиненіе поговорокъ, которыя могли бы оправдать бѣдность его правилъ. Поговорка, напримѣръ — „со всякимъ грѣхъ бываетъ“, имѣющая, повидимому, примирительный характеръ, въ сущности есть только предлогъ освободить себя отъ оцѣнки всякаго грѣха. „Это поговорка — гласитъ рецензія — облегчающая матеріальную жизнь отъ всякихъ умственныхъ безпокойствъ, позволяющая смотрѣть сквозь пальцы на всякое зло, протягивать руку всякому мерзавцу и жениться на всякой распутной“. Прилагая добытый принципъ къ частному случаю, къ драмѣ г. Островскаго — рецензія утверждаетъ, что при возвращеніи Дуни къ отцу первая мысль всего этого круга была не о душевномъ ея состояніи, а о томъ, все ли у ней на мѣстѣ, цѣлы ли у ней руки и ноги? Успокоенный на счетъ физическаго ея положенія, Бородкинъ прерываетъ укорительный вопросъ ея отца: „кто же послѣ этого возьметъ тебя?“ восклицаніемъ: „я возьму-съ“. Тутъ нѣтъ тонкаго, великодушнаго и благороднаго чувства, какъ понимаютъ многіе легковѣрные люди; а есть выраженіе страшнаго равнодушія къ моральной сторонѣ дѣла и страшнаго непониманія его. Сама фраза: „я возьму-съ“—обличаетъ не порывъ душевный, а ужасающую дикость нравовъ: люди эти такими фразами берутъ за себя женъ, какъ вещи, какъ домашнюю утварь. Правда, фраза принадлежитъ къ неизбѣжнымъ идіомамъ русскаго языка, наравнѣ съ другой: „я выйду замужъ“, которую тоже можно упрекнуть въ дикости, потому что женщина, употребившая ее, тѣмъ самымъ какъ будто отрекается отъ своей личности и какъ-бы хоронится за другою, чуждой личностью. Сколько бы могъ я наговорить прекрасныхъ вещей, по этому поводу, если бы не стыдно было, читатель! Но что́ звучитъ совершенно невинно въ устахъ порядочнаго человѣка, то у Бородкина обличаетъ душу, зараженную безразличнымъ обращеніемъ съ цѣломудріемъ и распутствомъ, съ добродѣтелью и порокомъ. То же самое выказывается и въ непомѣрномъ снисхожденіи къ преступницѣ. Едва ступила она ногой въ домъ и едва отецъ ея принялся за свою обязанность наставленія и поученія, какъ у всѣхъ окружающихъ уже ясно становится расположеніе къ непростительному потворству и къ отпущенію ей грѣха: хоть бы помучили ее маленько, ради принципа, хоть бы на хлѣбъ и на воду посадили для доказательства того, что они понимаютъ глубину ея нравственнаго паденія. Вмѣсто этого, Бородкинъ еще предлагаетъ ей руку и сердце. Дѣло въ томъ, что подобныя явленія составляютъ принадлежность русскаго простонароднаго быта и повторяются безпрестанно не только въ ограниченной сферѣ домаш-

ней жизни, но и во всѣхъ другихъ, болѣе обширныхъ сферахъ: спросите у судей и у спеціалистовъ, имѣвшихъ случай разбирать уголовные процессы. Человѣкъ русскій скоръ на прощеніе. Что-жъ тутъ дѣлать? Черта эта можетъ не нравиться строгому моралисту, вызвать множество умныхъ замѣчаній и возраженій у администратора, но она покамѣстъ неизмѣнна — и вѣроятно еще долго продержится, несмотря на всѣхъ миссіонеровъ просвѣщенія, отряжаемыхъ къ простонародію въ образѣ чиновниковъ, педагоговъ, слѣдователей и въ менѣе выразительномъ образѣ правилъ, наставленій, предписаній и проч. Позволительно думать, что врядъ ли и можно привить когда-нибудь простонародью справедливую и благотворную ненависть къ преступнику. Ужасаться преступленія оно, конечно, способно, но питать спасительную злобу къ орудію преступленія — виновному, нисколько. Вотъ почему на всемъ пространствѣ нашей земли встрѣчаете вы повсюду одно и то же характеристическое явленіе: виновный, вытерпѣвъ тяжелое, а иногда и позорное наказаніе, становится въ глазахъ своихъ согражданъ точно такимъ же человѣкомъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ первый и лучшій изъ ихъ среды. Это мы и называемъ коренными основами народнаго быта. Надо сверхъ-естественное, почти невообразимое преступленіе для того, чтобы изъ человѣка вышелъ юридическій отверженецъ общества. Безъ этого вы можете проѣхать Россію вдоль и поперекъ и не встрѣтите никого, кого бы другіе считали отверженцемъ и кто бы самъ себя считалъ такимъ. Общество наказываетъ иногда слишкомъ строго, иногда несправедливо и капризно, но никакъ не можетъ вскормить въ себѣ презрѣнія и отвращенія къ подсудимому или наказанному. Вотъ эту психическую черту народные наши писатели, какъ г. Островскій и другіе, почувствовали весьма сильно — и на бѣду для себя отъ критики, какъ оказывается изъ разбора: „Не въ свои сани— не садись!“

Съ другой стороны, справедливо и то, что замѣчательная черта изъ народныхъ отношеній къ преступнику, при извращеніи быта, въ которомъ она родилась, можетъ сдѣлаться источникомъ довольно печальныхъ явленій: опираясь на общее снисхожденіе, человѣкъ уже не боится сдѣлаться преступникомъ. Поползновеніе къ плутовству и мошенничеству усиливается при извѣстной степени общественнаго растлѣнія, такъ какъ они уже наказываются только формальнымъ закономъ, не очень расторопнымъ вездѣ, а тѣмъ болѣе у насъ, вмѣсто того, чтобъ предварительно находить кару въ совѣсти самого человѣка и въ общественномъ мнѣніи, которое уже отъ привычки къ снисхожденію замолкло совсѣмъ. Отсюда является возможность образованія цѣлаго класса, зиждущаго существованіе свое на обманѣ;

но здѣсь извращенная народная черта встрѣчается опять съ неумолимымъ писателемъ въ родѣ г. Островскаго и подвергается разоблаченію и карѣ, которыхъ никакъ нельзя упрекнуть въ какомъ-либо послабленіи. При всемъ томъ писатель, исправляя безпощадно свою должность сатирика и комика, дѣлаетъ за-разъ два дѣла: онъ отдаетъ на позоръ выродившееся понятіе извѣстнаго быта и въ то же самое время чувствуетъ и заставляетъ чувствовать это понятіе въ первоначальной его истинѣ и блескѣ. Для него не скрыта сила того зерна, которое отъ времени, обстоятельствъ, неблагопріятной почвы разрѣшилось уродствомъ, вмѣсто правильнаго растенія, къ чему назначено оно было по природѣ своей. Такъ обращаются художники-писатели съ народными понятіями вмѣсто критиковъ, отсылающихъ ихъ, по первому поверхностному изслѣдованію, къ суду и наказанію.

Мимоходомъ сдѣлаемъ небольшую, но совершенно необходимую оговорку. Сохрани насъ Богъ отъ мысли ставить народность и образованность во враждебное отношеніе другъ къ другу и смотрѣть на нихъ, какъ на понятія противоположныя и взаимно исключающія себя! Напротивъ, мы убѣждены, что родство и одновременное развитіе ихъ составляетъ единственный признакъ дѣйствительнаго существованія общества. Вездѣ, гдѣ повстрѣчается чистая народность безъ примѣси возвышающихъ и облагороживающихъ общечеловѣческихъ идей, и вездѣ, гдѣ повстрѣчается образованность, довольствующаяся сама собой, безъ содѣйствія и вліянія народныхъ элементовъ—тамъ нѣтъ будущности для общества, и въ строгомъ смыслѣ слова можно сказать, что тамъ еще не началось историческое существованіе его. Рецензія, кажется, не вполнѣ убѣждена въ необходимости этого сродства обоихъ дѣятелей, и сама иногда представляетъ разительный примѣръ тѣхъ вредныхъ послѣдствій, какія рождаются для мысли, исключительно занятой только однимъ изъ нихъ. Рецензія на „Грозу“ Островскаго упрекаетъ народный бытъ въ отвратительной грубости нравовъ, происходящей отъ грубаго пониманія нравственныхъ идей, и сама грѣшитъ ужасающей *„деликатностью“*, происходящей отъ излишне тонкаго и условнаго представленія тѣхъ же самыхъ идей. Въ конечномъ результатѣ эта „деликатность“ страшнѣе, невыносимѣе любого проявленія дикой натуры. Женщина, намекаетъ рецензія, за нѣкоторые проступки и въ иныхъ случаяхъ не легко оправдывается передъ образованнымъ человѣкомъ. Вотъ собственныя слова рецензіи: „Бородкинъ беретъ Дуню, когда она воротилась отъ одного кавалериста, но мы увѣрены, что онъ поступилъ бы также благородно, если бы она воротилась отъ пятерыхъ. *Въ его понятіяхъ, въ его чувствахъ, въ его воззрѣніяхъ* на жизнь, на людей, на міръ, рѣшительно нѣтъ никакого признака, который

могъ бы остановить его и заставить задуматься". Признаемся, литературный періодъ этотъ, во всемъ непогрѣшительномъ изяществѣ своемъ, подѣйствовалъ на насъ болѣзненнѣе, чѣмъ любая, грубая и невѣжественная выходка Большова и ему подобныхъ. Мы хорошо знаемъ, что́ это *за понятія*, что́ это *за чувства* и *воззрѣнія*, которыя мѣшаютъ человѣку отдаться вполнѣ благородному чувству и принуждаютъ его встрѣчать виновную или обвиняемую женщину не съ рукой, протянутой для помощи, а съ рукой, вооруженной мелодраматическимъ кинжаломъ. Это старый „*point d'honneur*", позаимствованный нами изъ эпохи турнировъ, трубадуровъ и величавыхъ рыцарей. Съ тѣхъ поръ онъ значительно выродился въ Европѣ и дѣйствуетъ уже не убійствами, а публичнымъ судомъ, адвокатомъ, разсчитывающимъ на скандалъ, приговорами къ *séparation de corps et de biens* и газетой съ легкимъ циническимъ оттѣнкомъ, но мы изъ аристократическаго величія еще придерживаемся его въ томъ видѣ, какъ онъ жилъ въ за́мкахъ феодальныхъ бароновъ. Несмотря на свое происхожденіе изъ „образованныхъ" земель, онъ въ сущности привязанъ болѣе къ матеріальному воззрѣнію на предметы, чѣмъ всѣ дикіе взгляды Подхалюзина съ братіей. Онъ ничего не принимаетъ въ соображеніе и отвергаетъ даже возможность какого-либо разумнаго обсужденія дѣла, да онъ же произвелъ и то странное явленіе въ мірѣ образованности, по которому всякій ребенокъ, имѣвшій счастіе родиться мальчикомъ, *ipso facto*, тѣмъ самымъ рождается главой, повелителемъ и судьей женщины. Зачѣмъ навязывать не только Бородкину, но и кому-либо изъ насъ это заимствованіе, лишающее почвы и простора какъ чувство правды, такъ и чувство снисхожденія, и подсѣкающее у самаго корня всякое стремленіе возвыситься надъ оскорбленіемъ и забыть его? У всѣхъ народовъ, не исключая нашего, и у всѣхъ мужчинъ, не исключая наиболѣе гуманныхъ—поползновеніе къ грубой расправѣ съ преступной женщиной находится въ нравахъ и въ крови: зачѣмъ повышать расправу на степень идеальнаго закона, предписываемаго образованностью? Русскій міръ, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во многихъ другихъ, позволяетъ себѣ *бить* женщину; міръ образованный и доведенный до высокой степени тонины обращенія и деликатности — въ тѣхъ же случаяхъ довольствуется превращеніемъ женщины въ ужасъ и посрамленіе общества. Еще неизвѣстно — что́ лучше, но въ виду обѣихъ привычекъ позволительно спросить: не нуждается ли и современная образованность въ нѣкоторомъ очищеніи и исправленіи укоренившихся понятій, подобно тому, какъ нуждается въ томъ же и грубая народность, за которой мы, однакожъ, присматриваемъ гораздо строже?

Здѣсь и кончаемъ наши замѣтки, не дожидаясь третьей статьи рецензіи и дальнѣйшихъ ея выводовъ. По общему тону ея, можно навѣрное заключить, что въ новыхъ дополненіяхъ ея будетъ то же самое: нѣсколько лишнихъ ошибокъ, нѣсколько лишнихъ блестокъ остроумія, перемѣшанныхъ съ свѣжими доказательствами непониманія предмета и нежеланія понимать его — вотъ все, на что мы можемъ надѣяться отъ запоздавшей статьи, не считая тутъ позорнаго обращенія, какого ждутъ отъ нея, по прежнимъ примѣрамъ, всѣ лица превосходной драмы г. Островскаго. При этомъ странно было бы и распространяться много о новомъ пути, принятомъ творческой дѣятельностію этого писателя. Ограничимся короткой замѣткой. Не менѣе другихъ знаемъ мы нѣсколько важныхъ вопросовъ художническаго и чисто-психическаго свойства, всегда являющихся, когда рѣчь заходитъ о произведеніяхъ г. Островскаго, выданныхъ имъ до послѣдняго видоизмѣненія его творческихъ пріемовъ, но затрогивать ихъ мимоходомъ, на лету, мы считаемъ дѣломъ столько же невозможнымъ, сколько и неприличнымъ. Старый, любимый способъ г. Островскаго относиться къ лицамъ собственнаго созданія, особенно при послѣднемъ словѣ пьесы или при развязкѣ ея, уже возбуждалъ не разъ вниманіе критиковъ. Въ эти мгновенія, да и въ нѣкоторыя другія, наиболѣе важныя для общей идеи произведенія, лица и даже ходъ пьесы неожиданно останавливаются у него и повертываютъ совсѣмъ въ другую сторону, чѣмъ ту, куда шли отъ начала и открытія дѣйствія. Не говоримъ о менѣе важныхъ его созданіяхъ, тѣхъ, гдѣ онъ касался современныхъ гражданскихъ вопросовъ и гдѣ, впрочемъ, заключаются также превосходнѣйшія сцены, проливающія обильный свѣтъ на бытовую сторону чиновничьяго круга, но въ лучшихъ, народныхъ своихъ произведеніяхъ, онъ иногда неожиданно превращался изъ яснаго и глубокаго художника-этнографа въ учителя и пророка, уже предписывающаго вѣрить такому или другому внезапному измѣненію человѣческихъ дѣлъ и человѣческой природы. Само собою разумѣется, что при этомъ являлся у него намекъ на какую-то таинственную силу, не объясненную предварительно и требовавшую отъ зрителей и читателей вѣры на слово, какъ всѣ таинственныя, невѣдомыя и только подозрѣваемыя силы. Въ подобныхъ случаяхъ вмѣсто вѣры рождается обыкновенно сомнѣніе, многіе уже спрашивали себя — нѣтъ-ли тутъ добровольнаго отказа отъ собственныхъ началъ, отъ знанія, художническаго чутья и творческой силы и не замѣнены-ли они самонадѣяннымъ объясненіемъ, произвольной догадкой и слишкомъ смѣлымъ толкованіемъ. Все это подъ конецъ, именно съ „Воспитанницы“, уступило мѣсто роскошной поэтической обста-

новкѣ пьесъ, въ которой, какъ въ лучезарной атмосферѣ, движется многообразный русскій міръ во всей своей простотѣ и во всей своей истинѣ. Всякій согласится, что даже поверхностное объясненіе этого развитія одного изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ талантовъ требуетъ серьёзнаго изслѣдованія, особенно если вспомнимъ, что въ изслѣдованіе частію должна войти и оцѣнка живописнаго, многообразнаго языка, которымъ дѣйствующія лица комедій и драмъ г. Островскаго безсознательно выдаютъ затаенную сущность своей мысли и природы, — того языка, который рецензія объявляетъ съ-плеча механическимъ подборомъ испорченныхъ словъ и фразъ, подобранныхъ на улицахъ и въ *дурныхъ* слояхъ нашего общества!

Сказать по сущей правдѣ, мы бы не взялись за перо для опроверженія всѣхъ ея лаконическихъ приговоровъ, предоставляя это времени и публикѣ, которыя, между прочимъ сказать, пришли на помощь къ намъ очень скоро, если бы не желаніе выразить нѣсколько мыслей объ отношеніяхъ, долженствующихъ существовать между народностію и образованностію. Въ настоящую эпоху правильныя отношенія между ними составляютъ жизненный вопросъ всего нашего общества. Одно поставленіе вопроса, какъ бы оно ни было сдѣлано на-скоро или неискусно, можетъ имѣть своего рода пользу, напомнивъ о безотлагательной необходимости вѣрнаго и всесторонняго разрѣшенія его. Пренебрегая народностью, какъ мыслящимъ и самостоятельнымъ существомъ, легко удариться въ тотъ отвлеченный прогрессъ, который можетъ жить о-бокъ съ народомъ, пышно распускаться въ бумагахъ, журналахъ, вѣдомостяхъ, учрежденіяхъ и оставлять огромную массу людей безъ всякаго дѣла. Сколько мы видѣли такого рода любимыхъ „*чадъ*“ прогресса, доставлявшихъ неописанное наслажденіе своимъ опекунамъ и на которыя весь остальной міръ только глазѣлъ съ тупымъ любопытствомъ, а если, по необходимости, и приходилъ въ сношенія съ ними, то укрѣпляемый надеждой какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ нихъ. Задача образованности одна только и можетъ быть — *помогать* открытію и развитію всѣхъ нравственныхъ силъ народа для того, чтобы въ немъ и найти конецъ своему существованію, какъ отдѣльное и независимое понятіе. Народность есть гробъ образованности, куда послѣдняя нисходитъ для того, чтобы возродиться въ формѣ общей національной цивилизаціи. Этотъ прогрессъ смерти и возникновенія безпрестанно свершается надъ образованностію въ частностяхъ: вчера одно понятіе было исключительнымъ достояніемъ образованности; сегодня то же самое понятіе есть достояніе массъ, выражающее степень ихъ цивилизаціи. Человѣкъ ничего лучшаго на семъ свѣтѣ и пожелать не можетъ, какъ возможно скорѣйшаго при-

ближенія того времени, когда „образованность“ цѣликомъ, въ полномъ своемъ составѣ, съ искусствомъ, наукой, философскими формулами и проч. перестанетъ существовать въ горделивой самостоятельности, сама про себя, а сдѣлается выраженіемъ, словомъ, рѣчью и мыслію народности, предварительно ею разработанной и укрѣпленной. Рецензія, о которой такъ много толкуемъ, стоитъ не одна въ своей страстной, ревнивой любви къ образованности, мѣшающей ей видѣть и распознавать знаменательныя черты нравственнаго народнаго быта и ждать оттуда какого-либо добра: позади ея открывается нашему представленію рядъ честныхъ и благородныхъ людей, постоянно трепещущихъ за просвѣщеніе, добытое обществомъ съ такими жертвами и угрожаемое, по ихъ мнѣнію, съ двухъ противоположныхъ сторонъ: сверху—отъ классовъ, принявшихъ поверхностное, ложное образованіе и способныхъ удовлетвориться имъ окончательно; снизу, гдѣ оно презираемо, потому что неизвѣстно. Съ первымъ классомъ справляться легко: серьёзныхъ защитниковъ у него не было и нѣтъ. За то въ каждомъ намекѣ на дѣятельныя, независимыя силы, присутствующія во второмъ классѣ, уже слышится многимъ хвастовство невѣжества, собирающагося отнять существенное добро общества, въ которомъ заключается и вся его будущность — просвѣщеніе. Чувство въ основаніяхъ своихъ очень похвальное, но свѣтъ и истина не мѣшаютъ никакому чувству: бываетъ, что съ ними мнимые враги обращаются въ друзей. Такимъ же мнимымъ врагомъ дѣлаемся и мы передъ авторомъ рецензіи, разобранной нами откровенно, но съ полнымъ уваженіемъ къ его таланту, благородству побужденій и многообразнымъ средствамъ, лучшимъ доказательствомъ которыхъ служатъ политическія и общественныя статьи журнала „Наше Время“. Одна, по крайнему нашему разумѣнію, несправедливая рецензія не поколеблетъ ни нашего уваженія къ нему, ни нашей увѣренности въ его успѣхѣ...

„Библіотека для Чтенія“, 1860, № 3.

РУССКАЯ БЕЛЛЕТРИСТИКА

въ 1863 г.

Г-нъ ПОМЯЛОВСКІЙ.

Изъ ряда молодыхъ писателей отдѣлились два имени, на которыхъ преимущественно разсчитываютъ журналисты и которые успѣли обратить на себя вниманіе, если не публики, всегда неторопливой въ выраженіи своихъ привязанностей и предпочтеній, то по крайней мѣрѣ записныхъ рецензентовъ. Мы разумѣемъ гг. Помяловскаго и Успенскаго. Первый изъ нихъ, авторъ повѣстей: «Мѣщанское счастье", „Молотовъ" и двухъ очерковъ: „Зимній вечеръ въ бурсѣ" и „Бурсацкіе типы" — пользуется почти одинаковой почетной извѣстностью въ литературныхъ кругахъ съ г. Успенскимъ, хотя былъ менѣе его выставляемъ на-показъ критикой и присяжными оцѣнщиками художественныхъ произведеній. Въ ожиданіи времени, когда читающая русская публика подтвердитъ доброе мнѣніе, составившееся объ обоихъ молодыхъ дѣятеляхъ этихъ въ сословіи писателей, мы намѣрены сказать нѣсколько словъ о свойствѣ ихъ таланта и теперешнемъ его положеніи, и начинаемъ прямо съ г. Помяловскаго.

Литературная извѣстность нашего автора началась, если не ошибаемся, только со второй его повѣсти: „Молотовъ". Существенную сторону этого разсказа составляетъ его соціальный характеръ. Извѣстно, что авторъ очень оригинально начинаетъ свою повѣсть генеалогіей одного чиновничьяго семейства, зародышъ котораго онъ отыскалъ въ каморкѣ бѣднаго петербурскаго сапожника. Начиная съ этого предка или основателя фамиліи, онъ прослѣдилъ исторію дальнѣйшаго ея развитія до той минуты, когда, благодаря трудолюбію одной замѣчательной женщины и ея плодородію, фамилія очутилась въ связяхъ съ множествомъ чиновничьихъ фамилій и сама достигла идеала, едва мелькавшаго передъ глазами родоначальниковъ своихъ, — идеала почетнаго и безбѣднаго чиновничьяго существованія. Генеалогія эта, помноженная еще на генеалогію родственныхъ семействъ, достигаетъ,

наконецъ, послѣдняго представителя фамиліи, Игната Васильевича Дорогова, и представляетъ намъ эту суровую столоначальническую фигуру, у которой черты наслѣдственной грубости совмѣщались съ характеристическими отличіями подчиненнаго бюрократическаго сословія. Не надо забывать при этомъ, что родословная замѣчательной семьи не составляетъ у г. Помяловскаго одной только прибавки къ разсказу, роскошной, но несущественной его подробности, какъ у многихъ писавшихъ подобныя родословныя своихъ героевъ: въ „Молотовѣ" она есть сама повѣсть, зерно, изъ котораго растетъ ея интрига. Новый отпрыскъ того же генеалогическаго дерева, въ видѣ молодой пансіонски-воспитанной дѣвушки, Нади Дороговой, вызываетъ семейную драму. Глубоко-нѣжныя и вмѣстѣ патріархально-деспотическія отношенія отца къ дочери, умѣряемыя только невольнымъ страхомъ его передъ высшимъ развитіемъ — составляютъ завязку драмы. Между отцомъ и дочерью разрѣшается вопросъ о правѣ династа устроивать браки своихъ дѣтей для возвышенія фамиліи и о правѣ молодого поколѣнія распоряжаться собой и своимъ сердцемъ по призыву. Въ мукахъ страстной любви и неодолимой ненависти стараго начала къ новымъ, выростающимъ на одномъ съ нимъ корнѣ — готовится эта фамилія къ занятію обыкновеннаго мѣста въ средѣ нашего дворянства и къ разложенію въ общемъ его сословномъ и политическомъ характерѣ, такъ какъ трудъ образованія фамиліи для нея конченъ. Выходъ этотъ на свѣтъ общей цивилизаціи не можетъ обойтись безъ глубокихъ внутреннихъ потрясеній, и г. Помяловскій чрезвычайно патетически и вѣрно изображаетъ намъ борьбу въ нѣдрахъ этой разрушающейся фамиліи со всѣми трогательными, поучительными и ненавистными оттѣнками, какими отличаются семейныя драмы вообще.

Но не эта существенная сторона повѣсти обратила преимущественно вниманіе публики и не ей обязана она своимъ успѣхомъ. Если не ошибаемся, повѣсть была замѣчена, благодаря именно своимъ слабымъ сторонамъ; а подъ ними мы разумѣемъ изображеніе двухъ типовъ, порядочно избитыхъ — геніальнаго скептика, художника Михайла Михайловича Череванина, и его уже отстоявшагося, выносчиваго и жизнію умудреннаго друга, Молотова. Судя по заглавію повѣсти и по любви, съ которой рисуетъ авторъ первый изъ этихъ характеровъ, — онъ самъ соединялъ съ обоими типами великія надежды. Публика пошла за авторомъ. Она приняла живое участіе въ герояхъ, которые чрезвычайно ловко описывали самихъ себя другъ другу и читателю, которые очень искусно выражали различіе своихъ воззрѣній на жизнь и человѣка, и весьма умно выдерживали занимательный тезисъ о томъ, какъ слѣдуетъ понимать обще-

ство, свое призваніе въ средѣ его и свои отношенія къ его идеямъ и представленіямъ. Ясность образовъ, полученная этимъ путемъ, показалась большинству читателей настоящимъ творчествомъ, а старые обветшалые типы — оригинальными личностями. За разговорами ихъ, никому не пришло въ голову посмотрѣть, есть ли у нихъ живыя физіономіи. Любопытство этого рода совершенно необходимо для полноты впечатлѣнія, потому что блестящій разговоръ, не выводящій за собой характеристическихъ отличій и коренныхъ органическихъ примѣтъ на лицо, имъ занятое, можетъ быть иногда подлогомъ въ дѣлѣ искусства и замѣнять собой отсутствующее творчество.

Въ этомъ именно мы и упрекаемъ тины г. Помяловскаго. Они не имѣютъ рельефа, выпуклости и лишены свойствъ, по которымъ узнаются живые организмы, несмотря на всѣ капризныя продѣлки художника съ самимъ собой и съ другими, несмотря на то, что Молотовъ есть избранникъ Нади и представляетъ собой агента, разлагающаго всю ея фамилію. Оба они походятъ на тѣ плоскія игрушечныя фигуры, которыя раскрашиваются только съ одной стороны и такъ неумѣренно, что неспособны произвести ни малѣйшаго оптическаго обмана. Мы не беремъ въ счетъ ни величинъ фигуръ, ни свойства красокъ и кисти. Фигуры г. Помяловскаго расписаны, можно сказать, великолѣпно; кисть его занималась этимъ дѣломъ съ любовью и обнаружила много замѣчательныхъ соображеній, много ловкости и даже силы изобрѣтенія, но со всѣмъ тѣмъ Молотовъ и его скептическій другъ Череванинъ не надѣлены жизнію и остаются неподвижно фигурами, что́ бы съ ними ни дѣлалъ живописецъ. Откуда вышелъ на нихъ этотъ зарокъ — разбирать здѣсь въ подробности было бы слишкомъ длинно, а можно сказать то́лько, что какъ степенный Молотовъ, такъ и безпутный геній выросли у самого автора не изъ поэтическаго или художническаго созерцанія жизни, а изъ головы: это олицетворенныя понятія. Грѣхъ своего происхожденія они стараются искупить всѣми мѣрами, восходя иногда до лирическаго одушевленія въ предназначенныхъ имъ роляхъ и всегда отличаясь необычайно умнымъ ихъ исполненіемъ, но грѣхъ не смывается никакими усиліями. Онъ мѣшаетъ всему. Постоянное глумленіе художника, напримѣръ, сопряженное съ ѣдкой сердечной болью, сопровождаемое, по временамъ, неистовыми порывами каприза, гнѣва на другихъ и отвращенія къ самому себѣ, — есть, конечно, мотивъ очень вѣрный, но будучи соединенъ съ мертво-рожденнымъ типомъ, онъ теряетъ всю свою жизненность. Измѣненное свойство его доказывается всего болѣе балетнымъ блескомъ, который сопровождаетъ всѣ эти проблески тревожнаго сознанія у художника, а также и тѣмъ, что

проблески уживаются съ какимъ-то актерскимъ хвастовствомъ героя, съ пониманіемъ эффектности испытываемыхъ имъ положеній. Отъ Череванина вѣетъ комедіантомъ. Что касается до Молотова, то картина его одинокой и трудовой жизни, представленная имъ своей невѣстѣ, Надѣ, передъ свадьбой, до такой степени образуетъ смѣсь истиннаго чувства и фальшивыхъ нотъ, что происхожденіе этого типа отъ понятія становится несомнѣннымъ и что весь монологъ отчасти оправдываетъ отвращеніе Нади къ скромной мѣщанской жизни, какъ оно ни странно на лицѣ влюбленной дѣвушки, только-что отдавшейся своему жениху.

Мы нисколько, однако же, не желаемъ заслужить упрекъ въ одностороннемъ пуризмѣ и спѣшимъ тотчасъ же оговориться. Понятія могутъ быть положены въ основаніе замѣчательныхъ произведеній изящной литературы, если только творчески воплощены въ образы, а не просто олицетворены, какъ у нашего автора. Все дѣло въ томъ, какимъ путемъ явились понятія, даны ли они намъ жизнію, или придуманы нами помимо ея? Чтó такое знаменитѣйшіе типы современной нашей литературы — Обломовъ и Базаровъ, какъ не понятія, сдѣлавшіяся людьми подъ руками двухъ истинныхъ художниковъ. Эти понятія-типы нисколько не стыдятся и не могутъ стыдиться своего происхожденія отъ мышленія. Напротивъ, они безпрестанно и открыто намекаютъ сами объ источникѣ своего существованія. Кто, кромѣ типовъ-понятій, можетъ быть такъ безпощадно послѣдователенъ, кто, кромѣ ихъ, способенъ дѣйствовать съ такой однообразной, скажемъ—почти отчаянной вѣрностью своему направленію во всякую минуту жизни? Отъ нихъ уже нечего ожидать чего-либо похожаго на добродушную измѣну своимъ началамъ или на вѣтреную попытку освободиться отъ требованія своей природы хоть на мгновеніе, чтó такъ часто случается съ типами, взятыми изъ толпы, и сообщаетъ имъ прелесть, которая вызываетъ наше участіе и отворяетъ сердце для потворства всѣмъ ихъ заблужденіямъ. Самыя увлеченья Обломова и Базарова кажутся не болѣе, какъ припадками умопомѣшательства, за которые они отвѣчать не должны, да никогда и не увлекаются они всѣмъ существомъ своимъ: мысль автора служитъ имъ баластомъ и придерживаетъ къ мѣсту, откуда они поднялись. Происхожденію своему отъ понятій знаменитые типы эти обязаны и своимъ поразительнымъ сходствомъ: вѣдь извѣстно, что между самыми противоположными, исключительными понятіями существуетъ родственная связь. На этомъ основаніи и разнородные типы, вышедшіе изъ понятій, могутъ представлять, несмотря на противоположность свою, одно и то же лицо, только взятое въ двѣ различныя минуты своего развитія. Это именно мы видимъ на Обло-

мовѣ и Базаровѣ. Понятно, что, проводя такую мысль, мы подразумѣваемъ одну только нравственную ихъ сущность, а не физическую, которая сближеніямъ не подлежитъ, будучи формой, обусловливающей ихъ личную, типическую особенность. Обломовъ, переродившійся въ Базарова, долженъ былъ, конечно, измѣниться во внѣшнемъ видѣ, въ образѣ жизни и въ привычкахъ, но зерно, изъ котораго у одного растетъ непробудная душевная апатія, а у другого судорожная дѣятельность, неимѣющая никакой нравственной опоры, заложено одно и то же въ обѣихъ натурахъ. Оно знакомо намъ, какъ нельзя болѣе, какъ плодъ, данный свойствами нашего образованія, особенностями нашего развитія. Лишь только Обломовъ пробудился и раскрылъ свои тяжелые глаза — онъ долженъ былъ дѣйствовать не иначе, какъ Базаровъ; мягкая, податливая натура его, покуда онъ находился въ летаргическомъ состояніи, должна была преобразиться въ грубую, животную природу Базарова: на этомъ условіи Обломовъ только и могъ подняться на ноги. Такъ точно и Базаровъ, незнающій на свѣтѣ ничего святѣе запросовъ своей не вполнѣ просвѣтленной личности, — есть только Обломовъ, котораго расшевелили и который стеченіемъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ принужденъ думать и дѣлать что-нибудь. У нихъ одинаковый скептицизмъ по отношенію къ жизни; какъ Обломову все казалось невозможностью, такъ Базарову все кажется несостоятельнымъ. Гдѣ же и было нажить Обломову, въ пору его невозмутимой спячки, что-либо похожее на политическую вѣру, на нравственное правило или научное убѣжденіе? Онъ умеръ безъ всякаго содержанія; вотъ почему, когда онъ воскресъ, при иныхъ условіяхъ жизни, въ Базаровѣ—ему оставалось только сомнѣваться въ достоинствѣ и значеніи всего существующаго, да высоко цѣнить свою крѣпкую, живучую натуру. Цѣль его стремленій при этомъ не измѣнилась. Новымъ скептицизмомъ своимъ онъ достигалъ точно такого же душевнаго спокойствія, такой же невозмутимой чистоты совѣсти и твердости въ правилахъ, какими наслаждался и тогда, когда сидѣлъ въ комнаткѣ своего домика на Петербургской сторонѣ, между женой, дикимъ лакеемъ и кулебяками. Постарайтесь сквозь всю внѣшнюю, обманчивую дѣятельность Базарова пробиться до души его: вы увидите, что онъ спокоенъ совершенно по-Обломовски; житейскія страданія и духовная нужда окружающаго міра ему ни почёмъ. Онъ только презираетъ ихъ, вмѣсто того, чтобъ тихо соболѣзновать о нихъ, какъ дѣлалъ его великій предшественникъ. Прогрессъ времени! Оба они однакоже выше бѣдствій, стремленій, паденій и насущныхъ требованій человѣчества, и выше именно по причинѣ моральнаго своего ничтожества; они изобрѣли себѣ, каждый по-своему, умственное *утѣшеніе*, которое и

ограждаетъ ихъ отъ всякаго излишне-скорбнаго чувства къ ближнимъ. Разница между ними состоитъ въ томъ, что Базаровъ наслаждается сознаніемъ своего превосходства надъ людьми съ примѣсью злости и порывистыхъ страстей, объясняемыхъ преимущественно физіологическими причинами, а Обломовъ наслаждается этимъ сознаніемъ кротко, успѣвъ подчинить свои плотскіе и тоже весьма живые инстинкты заведенному семейному порядку. Собственно говоря, отцы и дѣти изображены въ литературѣ нашей не *однимъ* романомъ, чтó было бы не подъ силу и такому таланту, какъ г. Тургеневъ, а *двумя* замѣчательными романами, принадлежащими двумъ разнымъ художникамъ, ошибавшимся и касательно выводовъ, которые могутъ быть сдѣланы изъ основной идеи ихъ произведеній. Г-нъ Гончаровъ думалъ, что на смѣну Обломовыхъ идетъ поколѣніе практическихъ Штольцовъ,—между тѣмъ какъ настоящая смѣна явилась въ образѣ Базарова; г. Тургеневъ думалъ противопоставить Базаровымъ великаго и малаго рода ихъ менѣе развитыхъ отцовъ и забылъ, что истинный родоначальникъ всѣхъ Базаровыхъ есть Обломовъ, уже давно показанный нашему обществу. Отцы г. Тургенева, поэтому, кажутся и будутъ казаться подставными отцами, неимѣющими ни малѣйшей связи съ своимъ племенемъ, кромѣ акта рожденія, очень достаточнаго, разумѣется, для утвержденія правъ на фамилію, но мало достаточнаго для признанія духовнаго родства между членами ея. По крайней мѣрѣ для насъ слова: обломовщина и базаровщина, выражаютъ одно и то же представленіе, одну и ту же идею, представленную талантливыми авторами съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Это художественныя антиноміи. И такъ велико значеніе творческихъ типовъ, хотя бы и обязанныхъ своимъ происхожденіемъ понятію, что одно прозваніе ихъ открываетъ мгновенно длинную цѣпь идей и выясняетъ отвлеченную мысль до послѣднихъ ея подробностей. Это лучезарное дѣйствіе художественныхъ образовъ свойственно и нашимъ замѣчательнымъ близнецамъ — Обломову и Базарову. Просимъ извиненія у читателя за длинное отступленіе и возвращаемся къ нашему автору.

Для того, однако-же, чтобы типы-понятія достигали полноты содержанія и жизненности, необходимо одно условіе—для этого требуется именно, чтобъ сама мысль, которой они обязаны своимъ происхожденіемъ, родилась изъ непосредственнаго созерцанія общества, изъ проникновенія, такъ сказать, въ глубь его психическаго настроенія, изъ перехваченной тайны его существованія. Не то мы видимъ у г. Помяловскаго. Процессъ образованія его типовъ слѣдовалъ другому пути. Они прежде всего зародились въ головѣ автора, какъ предположенія, какъ возможности, которыя хотя прямо и не вытекаютъ изъ жизни, но и

не отрицаются ею положительно. Олицетворивъ эти предположенія и возможности, онъ пустилъ ихъ въ свѣтъ, гдѣ они значительно отличаются отъ другихъ существъ и производятъ довольно странное впечатлѣніе. Публика слѣдуетъ за ними съ какимъ-то страннымъ любопытствомъ, похожимъ на то, которое окружаетъ на улицѣ неизвѣстное лицо въ чуждомъ костюмѣ и съ признаками другой національности, инороднаго и далекаго происхожденія. Такое лицо можетъ даже возбудить участіе и ласковый пріемъ со стороны туземцевъ, благодаря тому, что вноситъ извѣстнаго рода новизну и разнообразіе въ обычное теченіе жизни, но представителемъ ихъ настоящихъ симпатій и склонностей никогда не сдѣлается. Можно даже показать исходную точку типовъ г. Помяловскаго еще ближе. Если не обманываетъ насъ догадка, то въ обоихъ типахъ своей повѣсти, авторъ намѣревался изобразить собственные идеалы разумнояснаго существованія съ одной стороны, а съ другой геніально-безпутнаго пробованія различныхъ мотивовъ жизни, которое является какъ потребность неудовлетвореннаго призванія къ дѣятельности. Но оба типа мало удались ему, именно потому, что задуманы уединенно, самопроизвольно, отчего ни „*порядочность*“ Молотова, ни „*своевольство*“ его друга не успѣли составить имъ яркихъ физіономій, не успѣли добыть имъ *природы*, такъ-сказать, а еще менѣе вывести на ихъ лица какое-либо отраженіе современной минуты, дѣйствительно переживаемой обществомъ. Все дѣло ограничилось тѣмъ, что они надѣлены нѣкотораго рода развязностью и умѣютъ скрывать очень ловко рутинные свои пріемы и идеи подъ новыми оборотами, которые обманываютъ глаза у большинства читателей, но не способны отвести ихъ у человѣка, нѣсколько искушеннаго въ распознаваніи выдуманныхъ типовъ отъ взятыхъ изъ среды общества. Если такъ долго остановились мы на повѣсти г. Помяловскаго, то именно изъ желанія воспрепятствовать накопленію подобныхъ сочиненныхъ образовъ, къ чему фаланга молодыхъ писателей, если не ошибаемся, оказываетъ видимую наклонность.

Два очерка изъ жизни бурсы, того же автора, къ которымъ теперь переходимъ, составляютъ, относительно выполненія, совершенную противоположность съ повѣстью. Здѣсь уже нѣтъ слабыхъ, невыдержанныхъ типовъ; наоборотъ, всѣ типы обоихъ очерковъ надѣлены такимъ яркимъ выраженіемъ, такой чудовищной энергіей, что заставляютъ, такъ сказать, сторониться передъ собой испуганную мысль читателя. Мы вполнѣ убѣждены, что ничего страшнѣе „Зимняго вечера въ бурсѣ“ и „Бурсацкихъ типовъ“ г. Помяловскаго —русская литература еще не производила. Если никакихъ признаковъ ужаса въ читающей нашей публикѣ не оказалось, послѣ ихъ

появленія, то мы объясняемъ это однимъ, весьма извѣстнымъ обстоятельствомъ: публика наша приходитъ въ ужасъ и отъ бездѣлицъ, но только тогда, когда что-либо страшное, по ея мнѣнію, сказано въ первый разъ. Затѣмъ уже, въ какой бы пропорціи ни росло обличеніе и разоблаченіе той или другой стороны жизни, тронутой однажды смѣлою рукой, она остается хладнокровной, разнясь въ этомъ съ другими читающими публиками, напримѣръ съ англійской, гдѣ разсказъ, подобный „Бусарцкимъ типамъ" г. Помяловскаго, произвелъ бы волненіе во всемъ обществѣ, даромъ, что сцена происшествій отнесена во второмъ нѣсколько назадъ отъ нынѣшняго времени. Мы удовольствовались тѣмъ, что съ отвращеніемъ и внутреннимъ содраганіемъ прочли эти кровавыя страницы, гдѣ въ нестерпимо-мрачной и вмѣстѣ чрезвычайно живой картинѣ рисуются неистовства учителей-изверговъ, которымъ достойно отвѣчаютъ невообразимыя неистовства подчиненныхъ, когда они предоставлены самимъ себѣ. Что касается до разсмотрѣнія выводовъ, на какіе неизбѣжно наводятъ большинство читателей страшные разсказы г. Помяловскаго, авторъ устранилъ эту работу, вѣроятно, не желая длить, по своей охотѣ, мучительные часы, испытанные за книгой, а между тѣмъ выводы показали бы, можетъ быть, что лоскомъ ужаса и эффектомъ нагроможденныхъ злодѣяній авторъ своихъ воспоминаній или своихъ представленій бурсацкой жизни старался прикрыть собственное неполное знаніе или пониманіе изображаемаго имъ предмета.

Мы назвали г. Помяловскаго — авторомъ своихъ воспоминаній или своихъ представленій бурсацкой жизни, потому что разсказы его принадлежатъ къ тому смѣшанному роду произведеній, которыя могутъ быть приняты за правдивыя записки очевидца, а вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря замашкамъ художническаго освѣщенія лицъ и искусственнаго распредѣленія частей, и за свободное созданіе писателя, превосходный образецъ такого рода произведеній данъ намъ въ „Запискахъ изъ Мертваго дома" г. Ѳ. Достоевскаго, этомъ романѣ, прикасающемся одной стороной къ лѣтописи, а другой—къ вымыслу. Намъ кажется, хотя мы можемъ и ошибаться, что „Мертвый Домъ" не остался безъ вліянія на выборъ предмета для разсказовъ у г. Помяловскаго. Самый родъ имѣетъ важныя неудобства: онъ болѣе значителенъ, чѣмъ простой фактъ и менѣе достовѣренъ, чѣмъ фактъ. Онъ не чистая истина, необходимая этнографу, статистику и администратору, да онъ и не свободное творчество, которымъ удовлетворяется фантазія читателя. Онъ въ одно время правдивъ и обманчивъ для всѣхъ требованій. Неудобства этого рода поправляются только глубочайшей опытностью въ дѣлѣ художническаго производства, какъ мы именно видимъ у г. Достоевскаго. „Мертвый

Домъ" его представляетъ рѣдкое сочетаніе голой истины, ослабленной литературною передачей ея, и артистическаго созданія, ограничиваемаго грубымъ фактомъ и безпощадной дѣйствительностію. Это не простое описаніе тюрьмы, это также не воспроизведеніе тюрьмы свободною кистью, а скорѣе художническій и философскій комментарій на нее. Благодаря этому качеству, мы видимъ, что свѣтлый лучъ искусствъ и даже поэзіи играетъ у г. Достоевскаго на стѣнахъ ужаснаго дома и пробивается внутрь его, оставляя его попрежнему домомъ печальнаго назначенія, не измѣняя его безобразной наружности и не разукрашивая фальшивымъ освѣщеніемъ. Чтó сдѣлалось у него съ домомъ, то сдѣлалось и съ людьми. Они остались злодѣями, каждый по-своему, но глубокій психическій анализъ уже объяснилъ и частію смягчилъ ихъ преступленія. Не то у г. Помяловскаго: преступленія всякаго рода у него снаружи, а пути, которыми шли люди къ преступленіямъ, скрыты.

Мы не говоримъ, чтобъ нужно было понять что-либо въ учителяхъ бурсы: они не заслуживаютъ психическаго разбора. Это люди отпѣтые. Каждый изъ нихъ столько же имѣетъ права на званіе безобразнаго злодѣя, сколько и на титло пошлаго негодяя. Но вотъ что возмутительно: жертвы свирѣпости и невѣжества, бурсаки—носятъ въ себѣ точно тѣ же начала дикой жестокости, звѣринаго плутовства и отчаяннаго непониманія всего, чтó только относится къ представленіямъ нравственнаго рода. Нѣтъ почти никакого различія между утѣсненными и утѣснителями въ этомъ странномъ мірѣ, исключая того, что первые еще отданы на жертву крайней бѣдности, заѣдающей нечистоты и мучительнаго голода, съ которымъ послѣдніе уже кое-какъ поборолись. Вотъ это положеніе обиженной стороны слѣдовало-бы уяснить, не ограничиваясь пошлой аксіомой, что таково обычное дѣйствіе испорченной среды надъ всякой натурой, какова бы она ни была сама по себѣ. Наравнѣ со всѣми пошлыми аксіомами, въ ней есть доля правды, но этой крошечной доли уже недостаточно для объясненія фактовъ, о которыхъ идетъ дѣло. Здѣсь не простая испорченность. Г. Помяловскій показываетъ, что злодѣйство воспитателей успѣло истребить въ воспитанникахъ всякое понятіе о добрѣ, успѣло вытравить душу ихъ, чувство и сознаніе человѣческаго происхожденія, до послѣдняго остатка. Послѣ такой операціи очень естественно, что для читателя одинаково становятся отвратительны и одинаково вызываютъ его презрѣніе какъ палачи, такъ и ихъ жертвы. Противъ этого чувства не въ состояніи бороться даже состраданье, порождаемое зрѣлищемъ невыносимыхъ мученій, которыя налагаются на цѣлое, беззащитное поколѣніе. Но нравственная природа каждаго читателя возмущается этой необходимостью питать

презрѣніе къ юношамъ и дѣтямъ, обреченнымъ на страданія всякаго рода. Она скорѣе подскажетъ ему мысль, что въ произведеніи автора есть какой-либо недоговоръ, или какая-нибудь ошибка, чѣмъ подчиниться всѣмъ требованіямъ разсказа безъ возраженія. Своимъ сухимъ, невыносимымъ безпристрастіемъ къ обѣимъ сторонамъ, авторъ возстановляетъ противъ себя совѣсть читателя и вызываетъ въ душѣ его такой вопросъ: не есть-ли это загадочное безпристрастіе — простое слѣдствіе поверхностныхъ отношеній самого писателя къ предмету изображенія? Не составляетъ-ли оно результатъ еще не вполнѣ конченнаго разбора и изслѣдованія задачи, не объясняется-ли оно проще и лучше слабостью наблюденія и размышленія, которыя при бо́льшемъ напряженіи, можетъ статься, открыли-бы живую нравственную струю во всѣхъ этихъ юныхъ канибалахъ, предоставленныхъ теперь единственно истязаніямъ начальниковъ, воровству другъ у друга и инстинктамъ взаимнаго поруганія и истребленія. Читатель готовъ пожертвовать авторомъ, чтобъ спасти честь угнетаемаго поколѣнія.

Ошибка или какое-то странное недоразумѣніе, дѣйствительно, существуютъ въ произведеніи г. Помяловскаго. Намъ кажется даже, что и самъ авторъ имѣлъ смутное представленіе о нихъ, когда въ концѣ второго очерка дѣлалъ оговорку, позволяющую считать изображенную имъ бурсу старой, уже почти несуществующей теперь бурсой. Принимаемъ замѣчаніе автора вполнѣ; но что изъ того? Требованія читателя остаются и при этомъ все тѣ же, не измѣняясь ни на волосъ отъ времени, въ которомъ помѣщенъ разсказъ. Мы, конечно, не имѣемъ претензіи знать настоящее положеніе дѣлъ въ прежде-бывшихъ или нынѣшнихъ бурсахъ лучше или полнѣе автора, но то знаемъ достовѣрно, что чудовищности, подобныя тѣмъ, какія собраны г. Помяловскимъ, никогда не жили и не будутъ жить безъ всякой помѣхи, безъ появленія противоборствующаго начала откуда-либо. Испоконъ вѣка, въ каждомъ обществѣ, будь то общество учениковъ или общество полноправныхъ гражданъ, существуютъ характеры, искупляющіе злодѣйство и невѣжество окружающихъ; совѣсти, если не совсѣмъ чистыя отъ грѣха, то, по крайней мѣрѣ, способныя возмущаться крайними свидѣтельствами звѣрства и подлости; наконецъ, мерцающіе проблески душевныхъ силъ, старающихся подняться выше обычая и позорнаго уровня, который имъ указанъ. Пусть всѣ эти явленія живутъ въ какой вамъ угодно тайнѣ, но они живутъ — и просмотрѣть ихъ значило-бы просмотрѣть именно самую существенную сторону дѣла. Это такъ вѣрно, что съ идеей закрытаго воспитательнаго заведенія, предполагая его даже обреченнымъ на самый тяжелый безконтрольный произволъ начальниковъ,

какой только можно представить себѣ, уже непремѣнно соединяется представленіе о неразрывныхъ дѣтскихъ дружбахъ, о безумныхъ самопожертвованіяхъ, являющихся отъ времени до времени изъ среды забитыхъ учениковъ для спасенія товарищей, о молодыхъ стойкихъ головахъ, которыхъ не сломитъ никакая сила, какъ только они сдѣлались представителями понятій о чести, сложенныхъ втихомолку самими школьниками. Педагогамъ закрытыхъ заведеній это должно быть хорошо извѣстно. Все это не просто случайности, а именно признаки самородныхъ нравственныхъ началъ, добытыхъ учениками помимо воспитателя и которыя служатъ имъ живой протестаціей противъ господствующаго порядка дѣлъ. Протестаціи эти выходятъ со стороны, неимѣющей никакого голоса въ совѣщаніяхъ о методахъ лучшаго воспитанія, и, однакожъ, образуютъ силу, уничтожающую безобразныя системы управленія, также точно, какъ они же составляютъ и отрадные признаки внутренней способности заведенія къ переформировкѣ и обновленію. Ничего подобнаго нѣтъ въ вертепѣ душевнаго растлѣнія, изображенномъ г. Помяловскимъ. Тамъ все позорно чисто-на-чисто, а между тѣмъ, очевидно, что съ отсутствіемъ всякихъ нравственныхъ зародышей, тиранство въ стѣнахъ школы можетъ бушевать на-просторѣ и сколько душѣ его угодно. У безпомощныхъ жертвъ его отнято послѣднее оружіе, которымъ они борятся со зломъ и притомъ такое, какое влагаетъ въ ихъ руки, такъ сказать, природа — человѣческое ихъ происхожденіе. И когда авторъ показываетъ намъ поколѣніе, въ полномъ и ужасающемъ смыслѣ обдѣленное всѣми средствами защиты, онъ становится виновенъ или передъ искусствомъ (ибо полное нравственное распутство безъ всякой силы, духовный идіотизмъ—врядъ ли можетъ сдѣлаться предметомъ искусства), или передъ самымъ поколѣніемъ, если онъ ошибся и обезчестилъ его ложнымъ свидѣтельствомъ. Конечно, ни того, ни другого вопроса г. Помяловскій не предчувствовалъ, когда принимался за свои очерки, но вотъ куда онъ былъ заведенъ, полагаясь только на природныя силы своего таланта и еще не успѣвъ сдѣлаться ихъ полнымъ распорядителемъ.

Заключеніе можно уже предвидѣть. Бурса г. Помяловскаго не способна ни къ чему похожему на преобразованіе, улучшеніе, обновленіе. Когда воспитатели и воспитанники составляютъ одну касту злодѣевъ и сообща участвуютъ въ заговорѣ противъ всего, что напоминаетъ моральную идею, способъ ихъ исправленія представляется только въ видѣ уничтоженія цѣлаго учрежденія, вмѣстѣ со всѣми его руководителями. Тутъ нечего и думать о реформахъ, потому что реформы производятся не иначе, какъ съ помощью и на основаніи здоровыхъ началъ, сбереженныхъ въ нѣдрахъ своихъ

самимъ обществомъ, требующимъ преобразованія. Гдѣ въ повсемѣстномъ растлѣніи не уцѣлѣли эти сѣмена новаго, лучшаго порядка вещей, тамъ нѣтъ и реформъ. Если въ такомъ печальномъ положеніи находится воспитательное заведеніе, то условіемъ и необходимостью прогресса становится не реформа, а просто искорененіе его цѣликомъ, со всѣмъ большимъ и малымъ его населеніемъ. Какъ опасно при этомъ сдѣлать ошибку въ оцѣнкѣ заведенія — не нужно и говорить. Самъ г. Помяловскій, при всей своей увѣренности, не рѣшился произнести окончательнаго приговора насчетъ позорной бурсы, имъ изображенной, потому что въ той же оговоркѣ, о которой мы уже упоминали, онъ даетъ предчувствовать возможность появленія новой, смягченной картины преобразованнаго бурсацкаго воспитанія. На чемъ же могло тутъ утвердиться преобразованіе и откуда оно возникло? Если реформа дѣйствительно удалась по какой бы то ни было мѣрѣ, то одно изъ двухъ: или основанія для нея, въ образѣ какихъ-либо нравственныхъ требованій, уже таились на мѣстѣ и намъ не показаны, или то была не реформа, а нашествіе новаго племени учениковъ и наставниковъ, которое повторило, въ маломъ видѣ, роль варваровъ относительно Западной Римской имперіи, упразднило всѣ старыя преданія и цѣли, и начало собою другое міросозерцаніе; но предполагать это, конечно, было странностью. Дилемма остается во всей своей силѣ и тяготѣетъ надъ малообдуманнымъ произведеніемъ автора.

Надо сказать откровенно: значительное количество „воспоминаній“, появляющихся теперь на страницахъ нашихъ журналовъ, и по бо́льшей части относящихся къ характеристикѣ учебныхъ заведеній, гдѣ протекла молодость ихъ авторовъ, страдаютъ тѣмъ самымъ тайнымъ порокомъ, который мы старались обнаружить въ произведеніи г. Помяловскаго. Достовѣрность ихъ показаній — не подлежитъ сомнѣнію, точно также какъ и родъ поученія, имъ свойственный, не можетъ быть отрицаемъ. Но рѣдкое изъ этихъ, болѣе или менѣе мрачныхъ „воспоминаній“ показываетъ сѣмена и корни высшаго развитія, будущаго прогресса, которые существовали въ школѣ рядомъ со всѣми злоупотребленіями ея и изъ которыхъ выросли ихъ собственное негодованіе, ихъ критическое отношеніе къ прошлому, ихъ спасительная протестація. Можно подумать, что лучшее пониманіе задачи воспитанія и обязанностей воспитателя получено ими случайно, изъ чужой руки, изъ прочитанной статьи, изъ общаго обличительнаго направленія времени, а не выросло вмѣстѣ съ ними еще на школьной скамьѣ и не находится въ связи съ чувствомъ справедливости и чувствомъ отвращенія къ тупому произволу, полученнымъ ими еще въ стѣнахъ описываемаго заведенія. Простое обли-

ченіе, не развлеченное никакими соображеніями, конечно представляетъ гораздо менѣе литературнаго труда для писателя, чѣмъ разборъ дѣла, но вѣдь оно — обоюдуострый мечъ, который наноситъ точно такіе же удары предмету своей ненависти, какъ и лицу, неловко имъ управляющему. Можетъ быть, этого рода соображенія пояснятъ передъ читателемъ причину нашей долгой остановки надъ разсказами г. Помяловскаго.

Намъ не нужно заявлять нашего искренняго уваженія къ таланту автора. Природная сила его обнаруживается точно также и въ разобранныхъ сейчасъ очеркахъ, какъ и въ повѣсти „Молотовъ". Есть что-то мужественное, энергическое и самоувѣренное въ его пріемахъ, обѣщающее здоровое и хорошее развитіе; притомъ же, у г. Помяловскаго нѣтъ и признака поползновеній къ завоеванію успѣха посредствомъ литературной спекуляціи на идеи, имѣющія ходъ, чтó составляетъ болѣзнь нашего времени. Врожденная сила его, однакоже, открывается именно только въ пріемахъ, а не въ исполненіи задачи: она еще не успѣла, какъ мы видѣли, овладѣть вполнѣ ни одной тэмой, которую задала себѣ. Въ сферѣ чистаго творчества, къ которой, безъ сомнѣнія, принадлежитъ „Молотовъ", и въ сферѣ непосредственнаго наблюденія жизни, куда могутъ быть отнесены „Очерки", она одинаково выхватила множество яркихъ подробностей жизни и миновала существенную сторону каждаго предмета. Это оттого, что она живетъ еще какъ сила непокоренная у автора, не направленная и несознавшая своего объема и нравственнаго характера. Она играетъ на поверхности всѣхъ явленій и не проникаетъ внутрь ихъ; она только тогда сдѣлается могущественнымъ орудіемъ въ рукахъ автора, когда онъ добудетъ себѣ опредѣленное „созерцаніе", чего мы покамѣстъ у него не замѣчаемъ. Извѣстно, однакоже, что созерцаніе приходитъ вмѣстѣ съ развитіемъ. Вотъ почему мы нисколько не сочувствуемъ укоренившимся привычкамъ нашей литературной критики, которая, послѣ каждаго созданія автора — произноситъ окончательный приговоръ его способностямъ, и потомъ передѣлываетъ свое сужденіе почти столько же разъ, сколько разъ встрѣчается съ новыми его произведеніями. Мы приняли за правило удерживаться отъ всего, чтó похоже на „послѣднее рѣшеніе", и возбранять себѣ легкомысленныя попытки — приготовлять для автора, въ самомъ пылу его литературной дѣятельности, критическія клейма и *этикеты*, когда такого рода хозяйничанье ничѣмъ еще и не оправдывается, и рецензентъ нисколько не держитъ разбираемаго имъ автора въ своихъ рукахъ, а, напротивъ, часто принужденъ бываетъ бѣжать за нимъ туда, куда тому вздумается. Глубоко вѣруя въ развитіе всякаго серьёзнаго таланта и признавая огром-

ное значеніе развитія въ жизни писателя, какъ относительно способности выразить нравственную его физіономію, такъ и относительно способности представить единственныя вѣрныя основанія для ея оцѣнки, мы ничего другого не имѣли въ виду, набрасывая эти замѣтки, кромѣ желанія именно этого развитія писателю, начинающему занимать видное мѣсто въ литературѣ. Для того, чтобъ чертить непреложный проектъ всей будущей его дѣятельности или заранѣе указывать ей пути, которыми она пойдетъ, у насъ нѣтъ ни пророческаго дара въ достаточной степени, ни достаточнаго запаса рѣшимости и самоувѣренности.

Г-нъ УСПЕНСКІЙ.

Небольшой томикъ разсказовъ г. Успенскаго, изданный въ 1861 г., привелъ намъ на память другой небольшой томикъ народныхъ разсказовъ, изданный лѣтъ 10 или 12 тому назадъ—именно: „Записки охотника", г. Тургенева. Различіе двухъ литературныхъ эпохъ нигдѣ, можетъ быть, такъ ясно не выражается, какъ въ этихъ книжкахъ, занимающихся почти однимъ и тѣмъ же предметомъ — жизнію простого народа посреди другихъ классовъ общества, болѣе или менѣе образованныхъ. Благодаря этимъ изданіямъ, мы можемъ теперь сличить отношенія писателей къ русскому народу въ концѣ 40-хъ годовъ съ отношеніями къ народу новаго литературнаго періода въ началѣ 60-хъ, и получить нѣсколько выводовъ, можетъ статься, не лишенныхъ своего рода значенія и занимательности.

Литературная эпоха, въ которую явились „Записки охотника", нисколько не стѣснялась въ своихъ сужденіяхъ о народѣ и служила, какъ извѣстно, ареной для весьма яростныхъ и совершенно безцеремонныхъ битвъ между различными мнѣніями о старинѣ, о древней цивилизаціи страны и о наслѣдіи, оставленномъ ими государству вообще. Такъ было, покуда народъ являлся какъ отвлеченное понятіе, какъ вопросъ науки; но лишь только литература выходила изъ круга философскихъ, историческихъ и политическихъ преній по его поводу и бралась за народъ, какъ за живое, нравственное лицо — дѣло измѣнялось совершенно. Самые сильные художническіе таланты того времени обнаруживали замѣчательную осторожность въ обращеніи съ нимъ и даже усвоили для этого особенные пріемы. За очень малыми и совершенно незначительными исключеніями, каждое изъ произведеній, гдѣ дѣло шло о воспроизведеніи быта и понятій народа — подчинялось какимъ-то тайнымъ законамъ приличія, воз-

никшимъ безгласно, но всѣми признаннымъ. Существованіе чего-то въ родѣ этикета, добровольно налагаемаго на себя тѣми, которые рѣшались вступить въ сферу народной жизни, чувствовалось постоянно. Въ чемъ заключались условія этого этикета и какія требованія содержали въ себѣ законы установленнаго приличія — опредѣлить съ точностію довольно трудно: они, напримѣръ, нисколько не исключали свободы сужденія и порицанія, не нарушали правъ писателя передавать безъ утайки всѣ возможныя комическія положенія, не возбраняли ему самаго кропотливаго и самаго мрачнаго анализа темныхъ сторонъ народнаго быта и предоставляли его произволу — бичевать порокъ, невѣжество, дикость нравовъ, и понятій вездѣ, гдѣ бы онъ ихъ ни встрѣчалъ. Кодексъ вѣжливости, гуманнаго общежитія по отношенію къ народу, кажется, заключался весь въ одномъ правилѣ—признавать за народомъ обладаніе своебычной мыслію и оригинальнымъ воззрѣніемъ на міръ. По этому пункту состоялось то молчаливое соглашеніе между писателями, которое объясняетъ общій характеръ ихъ произведеній. Правило это, разъ утвержденное, должно было устроить одинаково и всѣ пріемы авторовъ при приближеніи ихъ къ отдѣльнымъ личностямъ изъ народа, какими бы смѣшными или черными лицами, впрочемъ, они ни представлялись ихъ наблюденію. Задача состояла въ томъ, чтобъ отстранить народъ, взятый въ массѣ, отъ всякой отвѣтственности за эти личности: при самомъ безпощадномъ обличеніи дикости, звѣрскихъ и животныхъ страстей, правило требовало, чтобъ народъ цѣликомъ или одно изъ низшихъ сословій общества оставались постоянно въ сторонѣ и не были тронуты никакимъ обиднымъ подозрѣніемъ. За нимъ бережно сохранялась репутація силы и предположеніе о неизмѣримыхъ средствахъ обновленія, какія они способны найти въ самихъ себѣ при случаѣ. Что̀ бы кругомъ ихъ ни происходило и къ чему бы они ни подали сами повода, они уже оставались *безотвѣтственными* лицами, въ конституціонномъ смыслѣ эпитета. Эта утонченная вѣжливость писателей къ народу сообщила произведеніямъ минувшаго литературнаго періода особенный характеръ, еще мало оцѣненный изслѣдователями. Онъ лежитъ также точно на произведеніяхъ Островскаго, что̀ бы ни говорили объ ужасахъ его „темнаго царства“, какъ и на произведеніяхъ Писемскаго, что̀ бы ни толковали о хладнокровныхъ, безпощадно-реальныхъ отношеніяхъ этого автора къ предметамъ изображенія: онъ составлялъ отличительное качество произведеній покойнаго Кокорева, такъ мало оцѣненнаго при жизни и по смерти, и онъ же проникаетъ всѣ сцены „Записокъ охотника“, которыя въ свое время и подвергались за то обвиненію въ намѣреніи возвысить одно сословіе насчетъ всѣхъ дру-

гихъ. Тутъ еще надо замѣтить, что поэтическое созерцаніе русской природы и самой обстановки простого человѣка, свойственное имъ всѣмъ, замѣтное и у Писемскаго (см. „Питерщикъ“ и разсказъ о кликушѣ), весьма сильно развитое у Тургенева и введенное Островскимъ даже въ драму (смѣлость замысла и превосходные эффекты, добытые исполненіемъ его, извѣстны публикѣ) — было во многихъ случаяхъ смягчающимъ фондомъ для картинъ изъ народнаго быта. Поэзія при этомъ составляла еще родъ охраны, родъ щита, подъ которымъ бережно соблюдались всѣ права народа на симпатическое участіе общества, а иногда употреблялась какъ полупрозрачный вуаль, который не скрывалъ его недостатковъ, а только умѣрялъ ихъ рѣзкость. Всѣ эти пріемы и общее настроеніе писателей, откуда они вышли — подсказаны были не корыстнымъ разсчетомъ, часто встрѣчающимся въ иныхъ демократическихъ литературахъ, которыя на лести народнымъ массамъ и на придворной службѣ у толпы стараются упрочить свое вліяніе и пріобрѣсть силу, недостающую ихъ нравственнымъ основаніямъ. Здѣсь ничего подобнаго отъ массъ и отъ толпы ожидать нечего, а скорѣе можно было ожидать кое-чего, съ противоположной стороны. Причина появленія уклончивыхъ и, пожалуй, потворствующихъ отношеній къ народу была здѣсь совсѣмъ другая. Крѣпостное состояніе во всѣхъ его видахъ, начиная съ неусыпной опеки до безотчетнаго произвола, еще не покидало твердой своей позиціи, а между тѣмъ реформа крестьянскаго быта и общества вообще, которая должна была столкнуть враждебное установленіе съ мѣста, уже жила въ избранныхъ умахъ, прежде своего появленія въ законодательствѣ: эта, еще непризнанная, еще не воплотившаяся реформа, именно и подсказывала тонъ ласкающаго и возвышающаго обращенія съ народомъ, сдѣлавшійся обязательнымъ для всѣхъ писателей. Литература становилась адвокатомъ народа въ то самое время, какъ объявляла себя его живописцемъ, и это двойное призваніе уже исключало для нея возможность патріархально-свободнаго или дружески-фамильярнаго отношенія къ нему, да и вообще всякую безцеремонность въ пріемахъ.

Пришла-ли пора смѣяться надъ этимъ кодексомъ вѣжливости и надъ правилами добропорядочнаго поведенія въ обществѣ меньшихъ братій, — мы не знаемъ. Мы не убѣждены также, чтобы наклонность задавать себѣ трудъ истолкованія народной физіономіи, вмѣсто одной простой передачи ея примѣтъ, въ чемъ-либо походила на маркизскую утонченность обращенія, уважающую людей только за то, что имѣетъ съ ними дѣло. Люди того времени очень зорко смотрѣли другъ за другомъ. Осужденіе частныхъ излишествъ и погрѣшностей направленія производилось критикой съ замѣчательной

строгостью и въ эпоху его господства; она не оставалась молчаливой въ виду приторности или искусственнаго жара нѣкоторыхъ безталанныхъ произведеній, которыя хлопотали о народѣ для того, чтобъ связать съ нимъ свои литературные грѣхи и не затруднялась указывать въ нихъ отсутствіе истиннаго чувства, дѣльнаго пониманія предмета и при случаѣ очень ясно распознавала недостойную спекуляцію на общее расположеніе умовъ, какъ она ни хоропилась за похвальными стремленіями. Вѣроятно по этой причинѣ упреки, которые, по временамъ, раздаются нынѣ старому направленію, ограничиваются покамѣстъ отрицаніемъ возможности передать истину касательно народнаго быта съ помощью той манеры, которая была усвоена прежнимъ литературнымъ періодомъ. Черезъ десятокъ лѣтъ съ небольшимъ, намъ понадобилась уже *голая правда* на счетъ простого человѣка—ни болѣе, ни менѣе. Почему же и не такъ! Голая правда, безъ всякихъ прикрасъ, исканій по сторонамъ и оговорокъ, можетъ быть положена въ основаніе весьма плодотворной дѣятельности, только надо согласиться сперва, что̀ принимать за правду? Нагота правды уже будетъ стоять тогда внѣ спора.

Авторъ „Разсказовъ“ съ перваго же появленія своего въ литературѣ заявилъ себя врагомъ всякаго церемоніала и всѣхъ условій, которыя бы могли связать его дѣятельность. Онъ поставилъ себѣ задачей—изображеніе жизни не въ подобранныя, такъ-сказать, ея минуты, не въ чертахъ, глубоко скрытыхъ на днѣ ея, а какъ она мечется въ глаза сама собою. Никто лучше его не былъ приготовленъ къ этой задачѣ: его замѣчательная способность схватывать на-лету каждое явленіе, со всѣми мельчайшими подробностями, его спокойный юморъ и откровенная веселость, безъ напряженія и усилій поддержать ее, тотчасъ же отличили выгоднымъ образомъ его разсказы отъ другихъ произведеній въ этомъ родѣ. Кто не помнитъ и кто не смѣялся надъ картиной ожиданія сѣтлаго дня, ночью, на селѣ, у священника, надъ разсчетами обозничихъ съ содержателемъ постоялаго двора, который довелъ ихъ непривычнымъ *чифиремъ* почти до умопомѣшательства; надъ паническимъ ужасомъ, обуявшимъ цѣлый ямъ и всѣхъ проѣзжихъ по милости одного буяна, который умѣетъ владѣть голосомъ и кулаками, и т. д. Не всѣ анекдоты г. Успенскаго, однако же, смѣшны по содержанію; есть и такіе, которые, не переставая быть смѣшными, разоблачаютъ глубокое страданіе, или ужасающую испорченность. Смѣхъ умѣетъ вездѣ пристроиться у г. Успенскаго. Какъ ни мраченъ въ сущности портретъ бѣднаго дьячка, празднующаго крестины (см. разсказъ „Крестины“), комическій оттѣнокъ лежитъ на немъ въ той же мѣрѣ, какъ и на равнодушныхъ свидѣтеляхъ его безпомощнаго состоянія, какъ ни воз-

мутительно зрѣлище разврата, притѣсненій и дикой жестокости, распространяемыхъ кругомъ мірской крестьянской сходкой въ сообществѣ съ кабакомъ и цѣловальникомъ (см. разсказъ „Хорошее Житье"), комическій элементъ облекаетъ въ одинаковой степени орудія тиранніи и ихъ жертвы, не дѣлаясь нигдѣ ни гуще, ни слабѣе. Безразличіе юмора до такой степени составляетъ принадлежность таланта у г. Успенскаго, что тамъ, гдѣ онъ старается распредѣлить его болѣе справедливымъ образомъ, или вовсе обойтись безъ него, посвящая перо свое на изображеніе простого, трогательнаго анекдота, — онъ уже теряетъ рѣшительно все свое значеніе, какъ оригинальный писатель. Разсказъ переходитъ тогда въ очень обыкновенную, но тѣмъ не менѣе очень искусственную мелодраму, какъ это можно видѣть въ сценахъ: „Рекрутскій наборъ", помѣщенныхъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ". Другой недостатокъ нашего автора состоитъ въ томъ, что анекдоты его получаютъ иногда забавный характеръ, только достигая крайней степени неправдоподобія, эксцентричности, чему мы видимъ образцы въ разсказѣ: „Деревенская Газета", гдѣ чтеніе газеты мужиками представляетъ картину почти нечеловѣческаго безумія, что́ отчасти можно замѣтить и при разсчетѣ вышеупомянутыхъ обозначихъ. Къ этому мы присоединимъ еще одно замѣчаніе: авторъ иногда укорачиваетъ свои разсказы до-того, что они перестаютъ быть даже и анекдотами, а становятся передачей происшествія, начало и конецъ котораго утерялся неизвѣстно по какой причинѣ. Впрочемъ, послѣднее замѣчаніе касается уже только новѣйшихъ разсказовъ г. Успенскаго, и обстоятельство это мы изъясняемъ излишней поспѣшностію работы, заранѣе увѣренной въ достоинствѣ своего производства. Тамъ же, гдѣ юморъ автора не слабѣетъ подъ вліяніемъ постороннихъ соображеній матеріальнаго или нравственнаго рода — онъ спокойно, мѣрно, почти какъ физическое явленіе, распространяется на всѣхъ дѣйствующихъ и очень безстрастно кладетъ свою печать на разнородныя лица: правыхъ и виноватыхъ, плутовъ и обманутыхъ, которые еще не доросли до плутовъ, обидчиковъ и обиженныхъ, которые еще не успѣли сдѣлаться обидчиками въ свой чередъ. Все это уравненіе людей, нивеллировка ихъ производится не въ силу какой-либо злобной, мизантропической теоріи, а наоборотъ, въ честь веселаго божества — смѣха. Иначе и быть не могло: если между авторомъ и предметомъ изображенія нѣтъ никакой промежуточной, посредствующей мысли, явленія жизни уже питаютъ одно главное качество авторскаго таланта, которое и растетъ, на ихъ счетъ, въ ширь и глубь, безъ заботы о чемъ-либо, кромѣ своего существованія....

Въ такомъ видѣ явились упрощенныя отношенія къ народу и,

такъ называемая, голая правда на его счетъ. По выходѣ книжки „Разсказы“, г. Успенскій былъ объявленъ представителемъ новой литературной эпохи, лучше понимающей условія народнаго существованія и вѣрнѣе, независимѣе собирающейся передавать его черты и подробности. Мы помнимъ даже, что веселые разсказы г. Успенскаго были названы симптомами поворота литературы къ болѣе правильному и болѣе трезвому взгляду на крестьянское сословіе. Если все это правда, тогда авторъ можетъ считать себя очень счастливымъ человѣкомъ: никто не дѣлался представителемъ направленія и не способствовалъ литературному повороту такъ беззаботно и съ меньшими усиліями воображенія.

Это не значитъ, чтобъ мы не признавали или хотѣли заподозрить его репутацію какъ писателя, надѣленнаго въ замѣчательной степени талантомъ — подчинять вліянію смѣха всѣхъ самыхъ взыскательныхъ своихъ читателей. Конечно, никто не подумаетъ отрицать въ немъ рѣзвость и изобрѣтательность фантазіи, способной творить изъ окружающаго міра неожиданные, крайне-забавные узоры; никому также не придетъ въ голову сомнѣваться въ его умѣньи блюсти строгое подобіе истины и дѣйствительности при такихъ случаяхъ, которые у другого писателя непремѣнно возбудили бы недовѣріе. Онъ заставляетъ вѣрить тому, чтó утверждаетъ, и лучшимъ свидѣтельствомъ этого можетъ служить одно обстоятельство: еще никому не пришло на мысль справиться, на чемъ держится смѣхъ, производимый его разсказами, чѣмъ возбужденъ онъ и чтó остается послѣ него? Успѣхъ разсказовъ г. Успенскаго въ публикѣ, кромѣ ихъ прямыхъ достоинствъ, поясняется еще и условіями того времени, въ которое они стали появляться. Реформа крестьянскаго быта, со всѣми послѣдствіями для общества, уже близилась. Умы такъ были настроены къ неизбѣжному перевороту, что, еще не зная его сущности и содержанія, заранѣе пріучали себя, съ одной стороны, къ ограниченіямъ, которыя онъ долженъ принести, а съ другой стороны — къ правамъ и вольностямъ, которыми онъ долженъ былъ сопровождаться. Всѣ мы очень хорошо помнимъ это недавнее время, когда, не отказываясь вполнѣ отъ закоренѣлыхъ жизненныхъ своихъ привычекъ, — общество говорило объ уничтоженіи привилегій. Къ этому времени подоспѣло и понятіе о народѣ, какъ о нравственномъ лицѣ, съ которымъ слѣдуетъ обходиться просто, независимо, подвергая его безпощадному обличенію и дѣйствію суровой правды — наравнѣ со всѣми другими лицами и предметами общественнаго и государственнаго значенія. Иллюзіи, которыя окружали народъ, еще не вышедшій на свободу, становились, по мнѣнію общества, не нужны теперь, когда онъ уже находился на рубежѣ ея. Разсказы г. Успенскаго съ ихъ

безцеремонной расправой и обличеніемъ пороковъ и комическихъ сторонъ народнаго быта подходили, въ нѣкоторой степени, конечно безъ вѣдома ихъ автора, къ общему настроенію этого промежуточнаго времени, которое включило въ число своихъ обязанностей строгое изслѣдованіе недостатковъ вновь прибывающаго члена гражданскаго общества, неумытное правосудіе къ нему и неослабный за нимъ надзоръ, предоставляя и ему, въ его очередь, платить тою же монетой своимъ старшиммъ братьямъ, если пожелаетъ. Всего болѣе нравилось въ разсказахъ нашего автора отсутствіе того мистическаго существа, которое являлось у прежнихъ писателей подъ именемъ народа, стояло за всѣми ихъ комическими или безобразными лицами и какъ будто искупляло ихъ нелѣпости и ихъ преступленія однимъ своимъ присутствіемъ. По временамъ, отъ существа этого писатели отдѣляли живые и серьёзные образы, не вполнѣ высказывавшіе себя, но исполненные глубокихъ намековъ на жизнь и открывавшіе существованіе какого-то оригинальнаго ученья о человѣкѣ, что́ все раздражало любопытство читателя и мѣшало составленію рѣшительнаго приговора надъ народомъ. Въ разсказахъ г. Успенскаго — это таинственное существо было упразднено; народъ разбился на множество отдѣльныхъ личностей, болѣе или менѣе пошлыхъ, смѣшныхъ и карикатурныхъ: онъ сдѣлался яснѣе и понятнѣе, и сужденіе о немъ значительно облегчилось. И не одинъ произволъ сужденія выигрывалъ при этомъ: выигрывалъ и авторъ, имѣя дѣло съ лицами, за которыхъ ни съ кѣмъ не приходится считаться, которыя уже никѣмъ не поддержаны и, какъ подобаетъ *свободнымъ* гражданамъ, несутъ сами отвѣтственность за свои поступки. Что нужды, если эти составныя части народа, оторванныя отъ общей массы его и поставленныя отдѣльно, едва держатся на ногахъ, отличаясь безпомощно-нелѣпымъ или тупо-пассивнымъ характеромъ? Достаточно, что въ изображеніи ихъ нѣтъ ничего подложнаго, а что авторъ имѣетъ полное право при этомъ воздержаться отъ всякихъ выдумокъ, фантастическихъ предположеній или созданія идеаловъ, которымъ не вѣритъ — о томъ и говорить нечего. Мы находимъ всѣ резоны, заставившіе его искать физіономіи народнаго быта въ самомъ близкомъ отъ себя разстояніи — вполнѣ уважительными. Мы готовы слѣдовать за нимъ, куда угодно, и нисколько не прочь отъ явленій простонароднаго русскаго міра, взятыхъ по мелочи и безъ связи съ общимъ характеромъ сословія, особенно если передаются они съ такой неисчерпаемой веселостью, какъ у нашего автора. Литература должна была, рано или поздно, приняться за свободную разработку простого человѣка въ его бѣдной самостоятельности, когда всѣ угловатости и недостатки его природы откры-

ваются очень ясно. Безъ этого мы бы не имѣли разносторонняго изученія народной жизни и ея возможно-полной картины. Г-нъ Успенскій всегда будетъ заслуживать нашу благодарность за употребленіе своего увлекательнаго юмористическаго таланта на возсозданіе будничной, ежедневной стороны народа, со всѣми ея странностями и комическими элементами, свойственными, впрочемъ, въ разныхъ видахъ и формахъ—всѣмъ будничнымъ сторонамъ каждаго общества. Въ нашей литературѣ онъ занимаетъ почти такое же мѣсто, какое въ исторіи живописи занимаютъ Теньеръ, Остадъ и др. имъ подобные мастера, а это весьма почетное мѣсто.

Совсѣмъ другое говорятъ, однакоже, тѣ, которые называютъ способъ г. Успенскаго относиться къ своей задачѣ единственно правдивымъ или единственно вѣрнымъ способомъ, а картины, имъ созидаемыя, считаютъ *„голой правдой“*, которая выражаетъ все, чтó только можно выразить повѣстью о народѣ въ нынѣшнемъ его положеніи.

И, во-первыхъ, напрасно было бы искать чего-либо безъискусственнаго, наивнаго и несомнѣнно-иравдиваго тамъ, гдѣ замѣтно одно изъ капризнѣйшихъ свойствъ писателя — юморъ. Юморъ есть такой же условный пріемъ, какъ и другіе авторскіе пріемы и не менѣе ихъ способенъ вводить въ заблужденіе читателя насчетъ истины предмета. При болѣе внимательномъ анализѣ свойствъ юмора и его проявленій, легко открыть, что юморъ очень хорошо уживается съ системами, какъ ни противны ему, по наружности, всякаго рода мудрствованія, что онъ доступенъ, въ значительной степени, обольщеніямъ, какъ ни старается держаться около реальнаго міра, что онъ способенъ къ фантастическимъ поясненіямъ и иоклепамъ на міръ, ничуть не менѣе піитическаго или лирическаго воодушевленія, которыя любятъ освящать предметы собственной своей, иодставной, мыслію. Разница между ними состоитъ въ томъ, что увлеченія и ошибки юмора всѣ кроятся въ личности автора и нигдѣ болѣе: система, которой по-часту служитъ юморъ, обыкновенно вытекаетъ изъ незыблемой вѣры писателя въ первенство и господство комическихъ сторонъ жизни надъ всѣми другими; обольщенья, которыя заслоняютъ юмору правду и настоящее содержаніе явленій—происходятъ отъ врожденной наклонности автора къ нелѣпому и чудному въ жизни. Извѣстно, однакожъ, какъ легко эта наклонность, если за ней нѣтъ достаточнаго присмотра, превращается въ слѣпую страсть и доходитъ до преувеличенія каждаго положенія и каждой тэмы, до произвольнаго украшенія ихъ и до прибавки къ нимъ всего, чтó авторъ почерпнетъ въ собственной фантазіи. Все становится хорошо, чтó даетъ истокъ комической силѣ писателя, которая деспотически

управляетъ его талантомъ. Разумѣется, мы говоримъ о юморѣ безъ всякаго *идеальнаго* содержанія, безъ серьёзной мысли въ основаніи, именно такомъ, какимъ обладаетъ г. Успенскій. Простоты отношеній къ предметамъ тутъ искать нечего; контрактъ, состоявшійся между ними и авторомъ, не равномѣренъ; всѣ выгоды на сторонѣ послѣдняго, особенно если онъ въ самомъ себѣ не чувствуетъ потребности самоограниченія и умѣреннаго пользованія ими.

А что касается до голой правды насчетъ явленій, то юморъ, безъ серьёзной мысли въ основаніи, врядъ ли и можетъ простирать свои виды такъ далеко. Лица, выводимыя, напримѣръ, г. Успенскимъ, отличаются всѣ однимъ родовымъ признакомъ: они не имѣютъ впереди никакой возможности развитія и никогда не имѣли задатковъ развитія во всю жизнь. Читатель видитъ передъ собой странныя существа, которыя, очевидно, съ ранней молодости не слыхали ничего похожаго на здравую мысль, на практическое сужденіе, и не нажили себѣ сами и капли опыта, пріобрѣтаемаго, однакоже, и животными, въ значительной степени. Эти лица вполнѣ и по преимуществу *непомнящія родства*. Юморъ съ идеальнымъ оттѣнкомъ грѣшитъ часто противоположнымъ недостаткомъ. Комическія лица простонародья нерѣдко теряютъ у него и свои жизненныя примѣты отъ излишнихъ усилій олицетворить собой несостоятельную часть народныхъ воззрѣній на жизнь и обстановку, окружающую ее. Иногда также онъ съ нервической и непростительной робостью отступаетъ передъ изображеніемъ на-прямки дикости, невѣжества и суевѣрія, которыя несомнѣнно существуютъ, безъ всякой нравственной примѣси, въ низменныхъ сферахъ гражданскаго быта, также точно, какъ и на высотахъ его. За всѣмъ тѣмъ основной принципъ юмора этого рода—смотрѣть на комическія лица простонародья какъ на отраженіе въ извращенномъ видѣ, въ загрубѣлой и испорченной формѣ той самой мысли народа, которая у источника своего чиста и многозначительна—этотъ принципъ, кажется намъ, имѣетъ, гораздо болѣе средствъ подойти къ правдѣ, чѣмъ принципъ исканія ея по однимъ внѣшнимъ признакамъ, какъ бы ловко они ни группировались. Покуда формальный юморъ г. Успенскаго, очень чуткій ко всѣмъ неловкимъ, пустымъ или страннымъ движеніямъ предмета, занимается классами общества или лицами безъ историческаго прошлаго, безъ преданій и почвы—гимназистами и студентами, офицерами, выродившимися купцами и мѣщанами—юморъ его на своемъ мѣстѣ и выражаетъ ихъ съ необычайной мѣткостью и полнотою. Но когда тотъ же юморъ обращается къ народу—лица, которыя онъ вырываетъ изъ цѣлой массы его, еще очень забавны, но уже ничего не поясняютъ, даже самихъ себя. Они нелѣпы—вотъ ихъ единственный смыслъ,

единственное содержаніе и единственное значеніе. Глядя на нихъ, нельзя себѣ представить, чтобъ изъ соединенія подобныхъ нелѣпыхъ единицъ, хотя бы въ милліонномъ числѣ, могло составиться что-либо заслуживающее имя народа. Вдобавокъ, за ними еще и не видно ничего у г. Успенскаго, который, кажется, очень расположенъ думать, что ничего другого и нѣтъ за ними. Жаркія опроверженія этой ипотезы, которыя безпрестанно слышатся у насъ со стороны историковъ, этнографовъ, собирателей пѣсенъ и изслѣдователей народнаго быта, заставляютъ насъ, однакоже, скорѣе предполагать, что авторъ выразилъ собою справедливость французской поговорки, гласящей, что за деревьями можно иногда не увидать лѣса. Гдѣ же тутъ возвѣщенная голая правда и поводъ гордиться открытіемъ ея?

Кажется, самъ авторъ, по временамъ, испытываетъ нѣкотораго рода смущеніе и понимаетъ инстинктивно недостатокъ серьёзнаго элемента въ своемъ юморѣ. По крайней мѣрѣ мы этимъ обстоятельствомъ объясняемъ себѣ появленіе какъ мелодраматическихъ разсказовъ, о которыхъ упоминали, такъ и ряда позднѣйшихъ ихъ сценъ, отличающихся нѣкоторымъ сентиментальнымъ характеромъ и уже совершенно блѣдныхъ по замыслу и исполненію. Бѣдность замысла и исполненія все растетъ у г. Успенскаго съ каждымъ новымъ его произведеніемъ до того, что послѣднее изъ нихъ всегда бываетъ безцвѣтнѣе и слабѣе предыдущаго. Мы полагаемъ, что г. Успенскому пора остановиться на этомъ пути и подумать о способахъ обновленія своего таланта, видимо замирающаго въ одной пробитой имъ колеѣ, съ которой разстаться не можетъ. Грустно было бы предполагать, что этому оригинальному таланту, возбудившему столько симпатій въ публикѣ, суждено измельчаться и незамѣтно истощиться, капля по каплѣ, въ недодѣланныхъ отрывкахъ и въ дѣтскомъ лепетѣ такихъ сценъ, которыя едва ли чтó прибавляютъ къ своему заглавію. Никогда не возьмемъ мы на себя дерзости давать отъ своего имени какіе-либо совѣты писателю, знающему, вѣроятно, лучше насъ, чтó ему нужно дѣлать; но, переходя на сторону публики и становясь въ ряды ея, мы имѣемъ право возвысить голосъ для заявленія ея требованій. Масса читающей публики ожидаетъ отъ г. Успенскаго созданія *полнаго* комическаго типа, съ глубокимъ жизненнымъ содержаніемъ, какого бы свойства ни было оно: трогательное или ѣдкое, умиляющее или обнаруживающее испорченность человѣческой природы—все равно. Мысль объ осуществленіи подобнаго типа должна подѣйствовать спасительно на творческія силы самого автора, которымъ никакъ нельзя отказать въ значительномъ объемѣ и которыя при этомъ нашли бы работу, способную еще укрѣпить и возвысить ихъ.

Г-нъ ОСТРОВСКІЙ.

Мы, конечно, не будемъ излагать здѣсь содержанія новой драмы г. Островскаго [1]) вполнѣ, такъ какъ оно хорошо извѣстно петербургской публикѣ; но нѣсколько словъ о свойствѣ и сущности интриги, на которой держится драма, кажутся намъ необходимыми. Пьеса г. Островскаго показываетъ намъ мѣщанина, сберегающаго подъ грубой внѣшностію нѣжнѣйшее сердце, и пораженнаго страшною болѣзнью — болѣзнію Отелло — ревностью. Онъ женился на молодой женщинѣ, красавицѣ собой, изъ бѣдныхъ дворянъ, которая укрылась подъ его кровлею, потому что ей, вмѣстѣ съ сестрой, некуда было головы преклонить. Какъ истинный джентльменъ, мѣщанинъ Красновъ взялъ жену не для исполненія тяжкихъ работъ по дому и хозяйству, не для трудовой жизни въ семействѣ, а для того, чтобъ имѣть возлѣ себя изящное созданіе, любимое существо, которому можно было посвятить всѣ свои заботы. Онъ ссорился за нее со всей своей дикой и злобствующей родней, недовольной ея исключительнымъ, независимымъ положеніемъ, а также и съ меньшимъ братомъ — больнымъ мальчикомъ, который глубоко страдаетъ, видя ошибку боготворимаго имъ брата, и глубоко ненавидитъ обманщицу-сестру, нисколько недумающую о томъ, чтобъ внести счастіе въ домъ и сердце, гдѣ такъ просторно поселились. Жена Краснова остается, по сердцу, по своей природѣ и по ограниченному уму, дворянкой-приживалкой и въ мѣщанскомъ семействѣ: она мечтаетъ о сладостяхъ образованной жизни въ кругу барынь, ихъ сынковъ и дворни. Она считаетъ себя униженной своимъ бракомъ. Пріемы, образъ мыслей, способъ выраженія мужа — все ей противно. Ее тянетъ назадъ, и какъ только появился въ ихъ городѣ, проѣздомъ, молодой Бабаевъ, сынъ той барыни, у которой Краснова жила до замужства, всѣ прежнія воспоминанія ея раскрылись и она съ наслажденіемъ прильнула къ нему, возобновляя старую пріязнь, старыя связи и сношенія. Напрасно мужъ, уже начинающій волноваться, старается спасти ее и себя отъ бѣды, которая грозитъ ихъ дому. Столько же по наущенію сестры — типа разбитной и пошлой приживалки, сколько и по влеченію сердца, заглушающаго и ту малую долю соображенія, которая оставалась у нея, Краснова рѣшается обманывать мужа, усыпить его притворной любовью и выиграть время и способы для свиданія съ любезнымъ. Обманъ удался вполнѣ, но раздосадованная еще болѣе этимъ насиліемъ, сдѣланнымъ своей природѣ, Краснова тотчасъ же послѣ сцены фальшивой покор-

---

[1]) „Грѣхъ да бѣда на кого не живётъ“, драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

ности мужу и жаркихъ поцѣлуевъ, полученныхъ отъ него, убѣгаетъ къ Бабаеву. Когда братъ и родня Краснова открываютъ ему эту послѣднюю коварную продѣлку жены, онъ теряетъ сперва всякое пониманіе дѣла, ждетъ отъ нея, какъ милости, какого-либо оправданія и разражается проклятіями и угрозами, когда она проситъ позволенія—разойтись, признаваясь, что никогда не любила его. Извѣстіе о томъ, что прогнанная имъ въ кухню преступница собирается бѣжать снова—заставляетъ его кинуться за ней. Чрезъ нѣсколько мгновеній, онъ возвращается назадъ съ словами: „я убилъ ее, вяжите меня".

Какъ всѣ пьесы жизненнаго содержанія, новая пьеса г. Островскаго тотчасъ же и возбуждаетъ вопросъ—кто въ этой борьбѣ между двумя сторонами, кончившейся погибелью обѣихъ, правѣе другого? Мы сейчасъ скажемъ, какой отвѣтъ на этотъ запросъ заключается въ самой пьесѣ, но обязаны прежде всего упомянуть о томъ высокомъ художническомъ правосудіи, съ какимъ авторъ относится къ главнымъ дѣйствующимъ лицамъ своей драмы. Всѣ симпатіи его видимо на сторонѣ благороднаго мѣщанина Краснова; онъ бережетъ и поддерживаетъ его до конца пьесы, покидая его только въ послѣднее мгновеніе, въ минуту самовольной расправы, подсказанной неодолимою страстью. До тѣхъ поръ, всѣ поводы, объясняющіе убійство, которое близится съ каждой минутой, всѣ соображенія, способныя облегчить преступленіе и мѣру нареканія за него—тронуты мастерски. Къ числу подробностей искусной защиты принадлежатъ и всѣ тѣ черты, психическія откровенія, которыя обнаруживаютъ высокую природу будущаго преступника. Сцена, гдѣ, убаюканный притворными ласками жены, онъ обнажаетъ свою глубоко-любящую душу, всѣ сокровища своего сердца, не переставая быть естественнымъ, такъ сказать, и во всякомъ случаѣ очень мало развитымъ человѣкомъ—принадлежитъ къ числу образцовыхъ сценъ русской драмы вообще. Съ помощію усилій художника, закрывающаго мѣщанина Краснова всѣмъ своимъ талантомъ — права послѣдняго на жалость, снисхожденіе и участіе зрителей утверждены незыблемо. Весьма замѣчательно, что, несмотря на горячность защиты, въ ней нѣтъ ничего ухищреннаго, изворотливаго—ничего *адвокатскаго*. Самый осторожный адвокатъ, умѣвшій сохранить при дарѣ слова и проницательности ума еще и нѣкоторую *честность* мысли—что̀ такъ рѣдко бываетъ—не задумался бы пожертвовать выбранному герою лицомъ, съ которымъ у него завязалась тяжба и нравственное безобразіе котораго притомъ еще очевидно. Авторъ новой драмы также видитъ это безобразіе и никакого потворства относительно подсудимой, бывшей, по его мнѣнію, первою причиной всѣхъ несчастій, не обнаруживаетъ. Глубоко

испорченная тлетворной средой, въ которой жила съ малыхъ лѣтъ, жена Краснова стоитъ неизмѣримо ниже своего мужа въ каждый моментъ развивающейся пьесы, не говоря уже о томъ, что послѣ сцены притворной любви она уже становится внѣ возможности какого-либо съ нимъ сравненья. Но въ пониманіи художника—идея о правосудіи имѣетъ совсѣмъ другое значеніе и налагаетъ другія обязанности, чѣмъ въ пониманіи адвоката: художникъ, напримѣръ, не можетъ вѣрить въ полное, *абсолютное* преступленіе—безъ возраженій и оправданій. Какъ мало ни симпатизируетъ авторъ извращенной женщинѣ, имъ созданной, но, по чувству творческаго долга, такъ сказать, онъ не бросаетъ ее на произволъ судьбы, а, напротивъ, становится возлѣ нея и усиленно ищетъ всѣхъ „облегчающихъ обстоятельствъ", какія только могутъ быть найдены въ ея пользу. Процессъ ведется трогательно благороднымъ образомъ, какъ рѣдко ведутся процессы этого рода на нашей сценѣ. Послѣ возмутительной сцены вѣроломства, напримѣръ, о которой мы уже не разъ упоминали, жена Краснова, словно возненавидѣвъ себя, бросается къ Бабаеву, хотя и предчувствуетъ, что идетъ на гибель или, по крайней мѣрѣ, на страшную катастрофу. Ее гонитъ изъ дома потребность искупить свою измѣну чѣмъ-нибудь похожимъ на истинное изліяніе сердца и чувства. Такъ еще по инстинкту творчества авторъ сдѣлалъ Краснову ограниченной, простенькой женщиной, которая ничѣмъ не ограждена противъ искушеній своего бѣднаго, ничтожнаго воспитанія и находится подъ вліяніемъ откровенно-порочной и нахально-глупой сестры. И это еще не все. Художникъ намѣтилъ въ этомъ характерѣ и нѣсколько чертъ нравственнаго содержанія: она не вполнѣ обдѣлена всякимъ благороднымъ движеніемъ сердца. Онъ влагаетъ въ ея уста наивныя, почти цѣломудренныя мольбы къ любовнику о томъ, чтобъ связь ихъ не дала ему повода добиваться тѣхъ правъ, которыми она дарить уже никого не можетъ. Авторъ заставляетъ ее крѣпко держаться за эту мысль, какъ за единственный якорь, спасающій ея человѣческое достоинство, и когда мужъ, открывшій ея побѣгъ, убиваетъ несчастную при одной мысли о возможности вторичнаго побѣга — мы еще не знаемъ, была-ли она преступна въ томъ смыслѣ, какой даетъ ея поступку дикая родня Краснова, или преступленіе ея относится къ разряду чисто моральныхъ преступленій. Художникъ сдѣлалъ для бѣдной женщины все, что ему было предписано высшей справедливостью; онъ не остался передъ ней въ долгу—и такимъ образомъ мы имѣемъ всѣ данныя этого процесса въ поразительной истинѣ и въ безпристрастіи, на какое способенъ иногда болѣе всякаго образцоваго судьи истинный поэтъ.

Но здѣсь начинается наше смущеніе, смущеніе читателя или зри-

теля, когда, прослѣдивъ все развитіе драмы и переживъ въ себѣ всѣ ея волненія, они остаются одни наединѣ съ собой и начинаютъ думать объ окончательномъ судѣ и приговорѣ надъ дѣйствующими, который отъ нихъ требуется неуклонно. Матеріалы для приговора обработаны, можно сказать смѣло, превосходнѣйшимъ образомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они подсказываютъ такое рѣшеніе, которое уже послѣдній судья—читатель или зритель—принять не въ состояніи. По окончаніи драмы и въ тишинѣ наступившей повѣрки ея, тотъ и другой начинаютъ расходиться съ авторомъ въ мнѣніяхъ насчетъ характера, поводовъ и сущности борьбы, такъ мастерски изображенной имъ.

Мѣщанинъ Красновъ есть полный типъ джентльмена, мы уже сказали. Когда, передъ собраніемъ родныхъ, онъ исповѣдуетъ свою душевную тайну и объясняетъ, что жена ничѣмъ ему не обязана, а напротивъ — онъ самъ высоко цѣнитъ согласіе, данное ею на бракъ съ нимъ, и считаетъ себя за то въ неоплатномъ долгу передъ ней,— Красновъ возвышается до тонкости чувства и благородства помысловъ, которыя могли бы сдѣлать честь весьма развитому человѣку. Надо вспомнить, что рядомъ съ нимъ больной братъ его, мальчикъ Аѳоня, тоже съ горячимъ и весьма нѣжнымъ сердцемъ, требуетъ между прочимъ отъ Красновой благодарности хозяину и покорности семьѣ его, именно за кусокъ хлѣба, доставленный ей замужствомъ. Затѣмъ Красновъ видитъ холодность жены, но винитъ въ томъ собственную свою мужиковатость, обрекаетъ себя на терпѣніе, и всего ждетъ отъ времени и отъ своихъ усилій вынудить у ней подъ конецъ любовь и уваженіе къ себѣ. Это уже близко къ идеальному представленію своихъ обязанностей, конечно поразительному въ человѣкѣ, мало мыслившемъ вообще о предметахъ нравственнаго содержанія. Зритель находится въ изумленіи и спрашиваетъ себя: откуда вся эта сила, ненуждающаяся ни въ какомъ подготовленіи? Неужели одно дѣйствіе благодатной природы и какого-то вдохновенія способно безъ труда снять съ человѣка кору понятій, наложенную воспитаніемъ, примѣрами окружающей жизни и проч., и поставить его съ-разу на ряду съ высоко-развитыми людьми безъ вѣкового наслѣдства просвѣщенія и приносимыхъ имъ идей? Мы бы не удивились, если-бы авторъ отвѣчалъ „да“, и только перешли бы съ нимъ на новую точку зрѣнія, но Красновъ открываетъ самъ другую сторону дѣла и притомъ въ минуту страсти, разоблачающей его душу. Въ сценѣ катастрофы, на шопотъ уличенной и трепещущей жены, которая предлагаетъ ему разойтись, Красновъ восклицаетъ съ выраженіемъ негодованія: Какъ разойтись! Куда разойтись! Нѣтъ, врешь! А на комъ же я свою обиду возьму! и проч. Нѣсколько далѣе онъ еще

яснѣе выражаетъ свою мысль. При извѣстіи, что жена собирается на вторичный побѣгъ, онъ отстраняетъ толпу словами: „Прочь! Отъ мужа дорога только въ гробъ — никуда больше“. Слова эти поясняютъ многое. Такъ вотъ гдѣ крылась его сила, вотъ чѣмъ объясняется его долготерпѣніе и вотъ что́ связываетъ Краснова съ тѣмъ бытомъ, гдѣ онъ выросъ и отъ котораго не освободился, несмотря на личныя, несомнѣнно-высокія качества свои. Черта эта снимаетъ съ него весь идеальный блескъ, которымъ онъ началъ-было облекаться, дѣлаетъ его вполнѣ реальнымъ человѣкомъ, возвращаетъ его назадъ въ среду, изъ которой онъ хотѣлъ подняться, и принадлежитъ еще къ творческимъ подробностямъ пьесы, весьма обильной ими. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, черта эта уже вдругъ поднимаетъ всѣ права жены Краснова на снисхожденіе и ставитъ ее совершенно рядомъ съ человѣкомъ, ее убившимъ. Всякое благорасположеніе къ Краснову, если оно идетъ въ ущербъ его жертвѣ — становится невозможнымъ.

Надо сказать откровенно, Красновъ убилъ жену за собственную ошибку въ выборѣ жены. Краснова была ограниченна, пуста, извращена — это несомнѣнно, но она имѣла полное право быть такой безнаказанно, безотвѣтственно, потому что не сама устроила себѣ жизнь, понятія и воззрѣнія, а работали за нее многіе десятки лѣтъ бѣдность, ея семья и многое множество людей. Она отдала себя Краснову и не сдержала своего слова: это тяжкое обстоятельство, конечно, но еще надо знать, имѣлъ-ли самъ Красновъ основаніе вѣрить этому слову и не взялъ-ли его, понимая всю его цѣну. Изъ пьесы не видно, чтобъ Краснова до замужства обманывала жениха, старалась отвести ему глаза, притвориться передъ нимъ. Пьеса даже и не могла сказать этого, подъ опасеніемъ потерять все свое значеніе: серьёзная, жизненная драма превратилась бы тогда въ анекдотъ о томъ, какъ опасно дурачить мужа и какъ строго наказывается иногда женское плутовство. Стало-быть, Красновъ взялъ за себя бѣдную дворянку точно такой, какой она кажется передъ нами въ драмѣ, то-есть несомнѣнно пошлой, ограниченной и очевидно равнодушной къ нему. Если разъ допустить это предположеніе — а не допустить его нельзя — то Красновъ лишится въ силу его всякаго права требовать чего-либо отъ жены или взыскивать съ нея за что-либо. Да онъ и самъ открываетъ поводы къ браку, кончившемуся такъ несчастливо. Онъ взялъ эту женщину, увлеченный, во-первыхъ, ея красотою, а во-вторыхъ — „*ея образованностью*“, которыя вмѣстѣ должны были поправить, облагородить, освѣтить всю грубую обстановку его суровой, трудовой, матеріальной жизни. Красновъ поэтъ: въ женѣ онъ искалъ отдыха, недостающихъ ему эстетическихъ наслажденій, удовлетворенія без-

сознательной потребности къ изящнымъ ощущеніямъ; все это, казалось, придетъ къ нему, во-первыхъ, съ красотой, а во-вторыхъ — съ *образованностью* жены. Онъ ясно видѣлъ, что образованность эта соединяется у нея съ врожденнымъ, органическимъ отвращеніемъ къ быту, въ которомъ онъ вращается, къ цѣлямъ, которыя онъ преслѣдуетъ, и къ нему самому, — и все-таки взялъ жену — на рискъ. На что́ онъ надѣялся? Всего болѣе на силу своей привязанности, затѣмъ на воспитаніе, которое должна получить жена въ его домѣ, и потомъ на дѣйствіе привычки, какъ самъ говоритъ: все это не удалось, рискъ обманулъ, карта лопнула! И при всемъ своемъ благородствѣ, Красновъ поступилъ какъ самый обыкновенный понтеръ: онъ разорвалъ карту, несослужившую ему ожидаемой службы. Въ его оправданіе можно привести обстоятельство, что онъ одержимъ слѣпой, безграничной страстью къ этой несчастной женщинѣ, ничего непонимающей, нетронутой такими порывами сердца, которые были бы способны, кажется, смягчить звѣря: это правда. Но правда также и то, что за этимъ ничтожнымъ существомъ мы обязаны признать свободу не понимать высокихъ порывовъ страсти, отвѣчать равнодушіемъ на тонкіе оттѣнки чувства, ей недоступнаго, и представлять себѣ любовь гораздо проще и гораздо пошлѣе, хотя бы въ образѣ уличнаго волокитства, какъ здѣсь. Въ образованіи своей головы и своего сердца она была не вольна, какъ не вольна была въ своемъ, напримѣръ, ростѣ; но именно потому, что пришлась не по росту и цвѣту къ этому дому, бѣдная женщина и попадаетъ въ капканы, разставленные кругомъ нея. Родные Краснова, съ больнымъ его братомъ во главѣ, производятъ относительно ея нѣчто похожее на травлю. Они преслѣдуютъ ее за происхожденіе, за привилегированное существованіе въ домѣ, за раздѣлъ съ ними хозяйской любви, а Красновъ подъ конецъ убиваетъ ее за ограниченность воспитанія, за испорченность среды, въ которой она выросла, и за неспособность отвѣчать на его призывы — словомъ за то, чему она пособить была не въ силахъ. Мы не говоримъ, чтобъ, кромѣ этого, никакой другой вины за ней и не считалось: вины у нея были и даже очень тяжкія, но онѣ уже значительно ослабляются тѣмъ соображеніемъ, что будь Краснова формально чиста и невинна — какъ въ первый день свадьбы — погибель ея въ домѣ мужа все-таки пришла бы своимъ чередомъ. Преступленіе тутъ — печальная случайность; поводъ къ катастрофѣ нашелся бы и безъ него.

Мы совсѣмъ не желаемъ унизить Краснова или ослабить то участіе, которое онъ возбуждаетъ благородствомъ своихъ стремленій въ пьесѣ. Мы только хотимъ сказать, что авторъ не успѣваетъ водворить этотъ типъ въ воображеніи зрителя такъ легко и безпреко-

словно, какъ многіе другіе типы изъ народнаго быта, имъ созданные. Тому мѣшаетъ самое развитіе Краснова, успѣвшее измѣнить нравственную природу его только на-половину. Одной стороной своей Красновъ связанъ съ простонароднымъ бытомъ въ самыхъ крѣпкихъ вѣрованіяхъ его, какъ, напримѣръ, въ представленіи о патріархальной власти главы семейства, хотя на дѣлѣ и значительно смягченной имъ, а другой стороной онъ уже обращенъ къ городу и городской цивилизаціи, какъ ни тускло свѣтитъ она въ родномъ его гнѣздѣ. Вѣдь онъ не только женился на дворянкѣ, но еще пріобрѣлъ почти артистическіе вкусы, проявляющіеся въ стремленіи къ изяществу впечатлѣній, къ улучшеннымъ формамъ семейнаго быта. Красновъ, конечно, не идеальное лицо, созданное на основахъ чисто-народнаго представленія о красотѣ и морали, какъ нѣкоторыя другія лица того же художника, но онъ также и не живой образъ существа, которое можетъ возникнуть на русской землѣ изъ прикосновенія городской умягчающей цивилизаціи къ простому человѣку. Противорѣчивыя черты двухъ различныхъ воззрѣній на міръ въ немъ смѣшаны, но не слились, не переработались въ новую и цѣльную физіономію. Въ немъ есть двойственность, внутренній разладъ, а отсюда и всѣ невѣрные шаги его въ жизни, начиная со свадьбы и кончая убійствомъ жены. Можетъ быть, точно такимъ именно и хочетъ изобразить его авторъ, но этимъ не устраняется нисколько главный упрекъ, тяготѣющій надъ драмой. Жена Краснова — эта глубоко-ничтожная сама по себѣ женщина — мѣшаетъ, однакоже, Краснову достичь полнаго примиренія съ нравственнымъ чувствомъ зрителя, не позволяетъ ему вполнѣ оправдаться передъ нимъ, чего такъ легко достигаетъ Отелло, послѣ страшнаго убійства Дездемоны, и еще совершенно невинной, совершенно правой и чистой Дездемоны. Какая причина этой разницы? Отелло убилъ жену, потому что потерялъ *вѣру* въ нее, усомнился въ честности и благородствѣ ея души и, наконецъ, пришелъ, направляемый адскимъ заговоромъ, къ убѣжденію, что въ ней таится чудовище лжи и разврата. Ничего подобнаго съ Красновымъ не было. Онъ не терялъ вѣры въ жену, потому что никакой вѣры въ нее и не могъ имѣть; привычки, обычаи, наклонности дворянскаго быта на низшей его ступени были ему хорошо извѣстны; онъ только хотѣлъ взять изъ него, что́ ему надобно и оставить все остальное нетронутымъ: не успѣвъ въ этомъ, онъ выместилъ собственную свою неосмотрительность и ошибку на женѣ. Намъ могутъ сказать въ видѣ возраженія: „Хорошо вамъ педантически разсуждать о поводахъ къ преступленію съ свободной головой и спокойной совѣстью, не принимая въ счетъ одуряющаго дѣйствія страсти, которая держала въ когтяхъ

своихъ мѣщанина Краснова, когда онъ женился и когда онъ совершилъ преступленіе. Попробовали бы вы испытать, напримѣръ, что́ такое ревность для сердца, въ которое проникла эта страшная болѣзнь. Красновъ не воленъ былъ въ своей страсти, какъ Краснова не вольна была въ своей ограниченности и пошлости. Тутъ есть своего рода равенство. Она имѣла право жить, несмотря на легкомысліе свое, а мужъ имѣлъ право убить ее, основываясь на неудержимомъ порывѣ ревности". Къ сожалѣнію, мы не можемъ раздѣлять этого софизма, а особенно того потворства страсти вообще, которое завелось въ публикѣ съ голоса нашей и иностранной литературы. Можно подумать, что страсть имѣетъ полномочіе отпускать всѣ грѣхи, освящать всѣ проступки и измѣнять самый смыслъ ошибочнаго или невѣрнаго дѣянія. Въ литературныхъ нашихъ понятіяхъ страсть играетъ роль какого-то первосвященника, судящаго міръ на основаніи собственнаго кодекса, безъ вниманія и отношенія къ какимъ-либо требованіямъ нравственной природы человѣка. Самозванное владычество ея, однакоже, должно и можетъ быть ограничено. Вѣдь всякая страсть, хотя бы она называлась и ревностью, прежде своего появленія на свѣтъ въ видѣ разрушительной стихіи, долго еще воспитывается человѣкомъ въ тиши, и потому всегда носитъ отраженіе его характера, его наклонностей, тайныхъ думъ его, передуманныхъ имъ наединѣ съ собой и въ спокойномъ состояніи сердца. Какими бы послѣдствіями затѣмъ ни сопровождался взрывъ страсти, она уже неизбѣжно будетъ управляема тѣмъ духомъ и содержаніемъ, какіе усвоили себѣ, гораздо прежде ея, мысль и чувство человѣка. Такимъ образомъ, если дѣянія страсти въ иныхъ случаяхъ могутъ служить оправданіемъ для лица, то въ другихъ и болѣе многочисленныхъ случаяхъ, они составляютъ подавляющую улику, которая обнажаетъ всѣ тайные извивы его души, несостоятельный или предосудительный родъ его мысли. Способностью къ страстному проявленію воли можно доказывать силу харатера въ человѣкѣ, но не правоту его передъ собой, истиной и окружающими его людьми.

Кромѣ двухъ главныхъ характеровъ, на которыхъ мы остановились такъ долго, пьеса г. Островскаго еще наполнена оригинальными лицами, возбуждающими интересъ и вниманіе публики. Не говоримъ о Бабаевѣ, этомъ типѣ приличнаго и *порядочнаго* молодого человѣка, который готовъ принимать животные свои инстинкты за порожденіе высокой цивилизаціи и чуть не за глубокія мысли: г. Островскій прежде былъ тонкимъ живописцемъ подобныхъ *„надеждъ Россіи"*, воспитываемыхъ столичными улицами и канцеляріями. Нѣтъ надобности также распространяться о сестрѣ Красновой — увертливой и наивно-распутной Лукерьѣ Даниловнѣ.

Кажется, женщина эта отродясь не имѣла помысла, который былъ бы не дико-порочень по натурѣ своей. Только необыкновенный комическій талантъ автора могъ пересилить нравственное безобразіе этого лица и заставить смотрѣть на него съ любопытствомъ. Глубже ихъ всѣхъ задумано у автора лицо слѣпого дѣда Красновыхъ, старика Архипа. Намеки на этотъ характеръ встрѣчаются и въ прежнихъ его произведеніяхъ, также точно какъ можно найти въ нихъ и первообразы Бабаева и Лукерьи Даниловны; но мы, съ своей стороны, нисколько не противъ этихъ варьяцій одного и того же типа, потому что и сама жизнь содержитъ въ себѣ безчисленное множество подобныхъ видоизмѣненій одной родовой физіономіи. Старикъ Архипъ совершенно отрѣшился отъ міра, погруженъ весь въ религіозное созерцаніе и достигъ высшаго состоянія набожности — спокойно-лирическаго настроенія души, которая представляетъ себѣ весь свѣтъ только соединеніемъ Божьихъ чудесъ, благодати и любви. Разнохарактерные посѣтители нашихъ театровъ постоянно встрѣчаютъ и провожаютъ это лицо съ какимъ-то выраженіемъ благоговѣнія. Одна особенность въ положеніи Архипа заставляетъ читателя невольно задуматься. Старикъ Архипъ проходитъ величаво чрезъ всю пьесу, не оказывая никакого вліянія на людей, движущихся вокругъ него! Два раза только вмѣшивается онъ въ семейное дѣло, составляющее зерно драмы—одинъ разъ, способствуя примиренію жены съ мужемъ, а въ другой, изрекая строгій приговоръ внуку, когда тотъ становится убійцей. Вмѣшательство это, однакоже, чрезвычайно внѣшнее, особенно въ первомъ случаѣ, гдѣ оно имѣетъ характеръ чисто-посредническій. Затѣмъ, присутствіе подобнаго лица никѣмъ почти и не замѣчается; онъ живетъ между своими, между народомъ, какъ чужой. Лучи, собранные въ такомъ обиліи на его головѣ, не свѣтятся для ближнихъ, не расходятся по сторонамъ: примѣръ его никого не поучаетъ, слово его никого не воспитываетъ и вокругъ нѣтъ совѣсти, которая бы пришла къ нему за помощью. Это такъ вѣрно, что постоянный его спутникъ, больной внукъ Аѳоня, меньшой братъ Краснова, подобно всѣмъ прочимъ, ничего не пріобрѣтаетъ отъ долгихъ бесѣдъ съ изумительнымъ дѣдомъ. Впрочемъ, внукъ этотъ, болѣзненный мальчикъ Аѳоня, и самъ можетъ еще служить предметомъ размышленія и вопроса. Онъ представляетъ собой замѣчательное соединеніе нѣжнѣйшей любви къ брату и свирѣпой ненависти ко всему, въ чемъ тотъ полагаетъ добро и свой долгъ. Не одной только страстной заботой о счастіи брата болѣетъ его душа, — мальчикъ этотъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и величайшій консерваторъ въ мірѣ! Всѣ удары, наносимые достоинству его фамиліи, обычаямъ его родного дома и чести сословія, къ которому принадлежитъ онъ, чувствуются

имъ почти физически: они клонятъ его къ землѣ. Съ такимъ неутомимымъ, вѣчно пылающимъ сердцемъ, Аѳоня обреченъ на безсиліе, по милости упорной болѣзни, которая никогда не оставляетъ его: вся энергія этого характера, за неимѣніемъ настоящей жизненной дѣятельности—изливается такимъ образомъ въ жалобахъ, стонахъ и въ ребяческой злости, увеличивающей его страданія. Мальчикъ этотъ производитъ тяжкое впечатлѣніе. Авторъ не далъ ему простора, воздуха и силъ для того, чтобъ выразить себя вполнѣ и пріобрѣсти то значеніе, на которое онъ имѣлъ бы право, судя по задаткамъ и примѣтамъ его характера. Положивъ его на лежанку, сдѣлавъ немощнымъ существомъ, авторъ избавилъ себя отъ лишняго труда, но возбудилъ желаніе—видѣть другого Аѳоню, освобожденнаго отъ болѣзни, замѣнившаго свою теперешнюю однообразно-элегическую рѣчь мужественнымъ словомъ и поддерживающаго свои консервативные принципы открыто. Каковъ бы онъ тогда былъ? Впрочемъ, если такое желаніе неумѣстно, то первый виноватый въ этомъ, какъ и во всемъ, что̀ доселѣ говорили, есть самъ авторъ. Пьеса художническаго построенія и глубокаго жизненнаго содержанія всегда открываетъ для мысли читателя безчисленные пути во всѣ стороны. Мудрено ли, что мысль его по временамъ далеко уходитъ отъ точки своего отправленія. Совсѣмъ другое случается съ поверхностными, ложно-блестящими и бѣдными произведеніями: тѣ безплодны и нѣмы для всѣхъ. Что̀ могутъ они дать читателю, когда, по бо̀льшей части, не исполняютъ и того, что̀ обѣщано заглавіемъ, что̀ требуется самой цѣлью или задачей, публично выбранною и поставленною ими для себя!

Г-нъ Н. ЩЕДРИНЪ.

Н. Щедринъ извѣстенъ въ литературѣ нашей, какъ писатель-беллетристъ, посвятившій себя преимущественно объясненію явленій и вопросовъ общественнаго быта. Всѣ помнятъ его дебюты въ литературѣ: онъ открылъ тогда особенный родъ *дѣловой* беллетристики, который самъ же и довелъ потомъ до послѣдней степени возможнаго ему совершенства. Его „Губернскіе очерки“ доставили пресловутой Крутогорской губерніи и городу Крутогорску такую же почетную извѣстность, какой пользуются другія географическія мѣстности имперіи, существующія на картахъ. Эта грязная „Атлантида“ своего рода умѣла представить въ одно время данныя для административной повѣрки страны вообще, и для общественныхъ и нрав-

ственныхъ соображеній публики въ особенности. Съ тѣхъ поръ г. Щедринъ измѣнялъ рѣдко дѣловому своему направленію, которое такъ удалось ему при дебютѣ, и почти никогда не употреблялъ пера своего на описаніе чего-либо, лишеннаго строгаго гражданскаго характера, на какіе-либо пустяки, касающіеся судьбы частнаго, безвѣстнаго лица или исторіи сердца, движимаго интересами, которыхъ прямо нельзя связать съ интересами всего общества. Г-нъ Щедринъ не знаетъ такихъ случаевъ въ жизни, которые важны были бы однимъ своимъ нравственнымъ или художническимъ значеніемъ; онъ вполнѣ свободенъ отъ сочувствія къ эгоистическимъ радостямъ, надеждамъ и страданіямъ человѣка, самовольно проростающимъ иногда въ средѣ важныхъ стремленій и вопросовъ эпохи, безъ явнаго отношенія къ ней, какъ проростаютъ кустарники и деревья на каменныхъ сводахъ старыхъ построекъ, не спросясь никого. Все это даетъ дѣятельности г. Щедрина какой-то суровый характеръ, несмотря на откровенный его юморъ и на замѣчательную способность къ политической каррикатурѣ и къ „*шаржѣ*“ вообще. Правда, почти рядомъ съ оффиціальнымъ міромъ Крутогорской губерніи, г. Щедринъ вывелъ намъ другой міръ — міръ простонародья, и показалъ признаки умиленія, разсказывая намъ объ его религіозно-созерцательной жизни, наклонности къ поэтическимъ ощущеніямъ долгихъ, благочестивыхъ странствованій, объ его простотѣ въ перенесеніи золъ и нищеты и объ оригинальномъ способѣ его воззрѣній на призваніе человѣка, на отношенія къ людямъ, властямъ, учрежденіямъ; но такое отступленіе отъ дѣла, въ строгомъ смыслѣ слова, было одинъ только разъ въ его жизни. Г-нъ Щедринъ, кажется, первый усомнился въ истинѣ того рода поэзіи, которую открылъ за русскимъ человѣкомъ, и поспѣшилъ стряхнуть съ себя обаяніе сладкой, но не вѣрной мечты. Впрочемъ, можно допустить и другое объясненіе этому факту. Временное уклоненіе г. Щедрина отъ постоянной его манеры было, можетъ статься, только невольной данью, выплаченной имъ поэтическимъ элементамъ жизни, которые, не находя себѣ мѣста въ его обычной дѣятельности, должны были хоть разъ сказаться въ ней, и тѣмъ съ бо́льшей силой, чѣмъ рѣже имѣли случай обнаружить себя. Это явленіе случайное, особенность, поясняемая самодѣятельностію душевныхъ силъ, которыя творятъ еще и не такія чудеса съ людьми — но къ характеристикѣ писателя оно относиться не можетъ.

Съ той поры, однакоже, г. Щедринъ все строже оберегалъ себя отъ праздныхъ или недозволенныхъ порывовъ фантазіи, на-глухо запиралъ отъ нихъ свою мастерскую — и, надо сказать, все ближе подходилъ къ идеалу *дѣлового* беллетриста, какой можетъ соста-

вить себѣ отвлеченная теорія. Въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ, онъ простеръ наблюденіе за собой въ вышепоказанномъ смыслѣ почти до аскетизма. Одинъ томъ собранія его сочиненій, слѣдовавшихъ за „Губернскими очерками“ — „Сатиры въ прозѣ“ — недавно вышедшій и о которомъ мы намѣрены сказать здѣсь нѣсколько словъ, заключаетъ въ себѣ результатъ наблюденій автора надъ обществомъ, безпощадный и во многихъ случаяхъ очень мѣткій анализъ тайныхъ побужденій, которыя управляютъ мыслями, чувствами, поступками и жизнію обывателей Глупова — этого новаго географическаго пункта, открытаго г. Щедринымъ и отличающагося отъ другихъ такихъ же пунктовъ тѣмъ, что настоящихъ его границъ никто указать не можетъ. Прежде всего мы видимъ тутъ, что авторъ уже покинулъ форму правильнаго разсказа, которой онъ еще держался въ „Губернскихъ очеркахъ“, и изобрѣлъ для себя новую — именно форму повѣствовательныхъ размышленій. Оно и понятно: вѣдь настоящій разсказъ есть тоже своего рода недозволенное развлеченіе для человѣка, занимающагося дѣломъ, и не только развлеченіе, но, по требованіямъ отчета за всю свою постройку и по требованіямъ правомѣрнаго распредѣленія красокъ — онъ есть еще и стѣсненіе. Освободившись отъ тяжести и отвѣтственности обыкновеннаго разсказа, г. Щедринъ свободно предался анализу, оцѣнкѣ и олицетворенію тѣхъ элементовъ общества, которые онъ нашелъ въ немъ, когда новый моральный принципъ, подъ видомъ крестьянской, административной и общественной реформы, насильно вторгся въ средину его, спасая его и обнаруживая всѣ тайныя его болѣзни. Картина, представленная г. Щедринымъ, есть въ своемъ родѣ мастерская вещь и, какъ домашняя исторія общества, — можетъ быть противопоставлена газетной или оффиціальной исторіи нравственнаго положенія образованныхъ классовъ въ знаменитую эпоху перелома, хотя вопросъ — которая изъ этихъ исторій вѣрнѣе, остается вполнѣ нетронутымъ. Трудно и перечислить всѣ подробности Щедринскаго пониманія факта. Злоба потревоженныхъ глуповцевъ, умѣряемая только ихъ страхомъ и привычкой повиновенія, паническій ужасъ, побѣждаемый, въ свою очередь, тайной надеждой на возвращеніе прежнихъ временъ, лицемѣріе, старающееся спасти остатки погибающихъ порядковъ яростнымъ заявленіемъ своей готовности на ихъ преслѣдованіе, грубость, своекорыстіе и насиліе, чувствующія, какъ убѣгаетъ почва изъ-подъ ногъ ихъ и взывающія къ новому принципу и къ новой силѣ, въ одно и то же время, съ плачемъ и со скрежетомъ зубовъ, съ мольбой о спасеніи и съ проклятіями — тутъ все есть, даже и первые зачатки глуповскаго возрожденія въ формѣ молодыхъ администраторовъ, пропитанныхъ журнальными статейками

и отыскавшихъ въ своемъ чтеніи поводы кичиться передъ людьми и презирать цѣликомъ провинцію, за исключеніемъ ея вѣчно-милой „клубнички!“ Публика наша еще и не видала такого прямого, простого и яснаго способа относиться къ современности, но эта цѣльность воззрѣнія всего болѣе послужила г. Щедрину. Отсюда онъ получилъ свой особенный тонъ рѣчи, необычайную изобрѣтательность въ пріисканіи самаго живописнаго слова для своей мысли и вообще характеристическій стиль, чего нѣтъ ни у одного изъ его подражателей.

А подражателей у него было и есть много. Нѣкоторые изъ нихъ пріобрѣли даже очень крупную извѣстность; но мы не боимся впасть въ преувеличеніе, сказавъ, что ихъ произведенія походятъ на дѣтскій лепетъ передъ мрачно-живописнымъ и юмористически-горькимъ словомъ г. Щедрина. Одни изъ нихъ, недовольствуясь личнымъ опытомъ и наблюденіемъ, собирали злыя преданія цѣлой фамиліи или нѣсколькихъ фамилій и воплощали ихъ въ одномъ фантастическомъ лицѣ, которое получало отъ этого неестественно-преувеличенное выраженіе, но теряло человѣческій образъ. Другіе, а можетъ быть и тѣ же самые, награждали одного героя понятіями, суевѣріями, предразсудками и коварствами цѣлаго сословія и пускали его на свѣтъ — обременивъ собственной своей эрудиціей и дѣлами многихъ сотенъ людей и многихъ поколѣній. Тому же процессу созданія слѣдовали и новѣйшіе подражатели повѣствовательнаго анализа, впервые употребленнаго г. Щедринымъ для опредѣленія, по-своему, общественной совѣсти. Но — увы! — одна страница размышленій, указаній и выводовъ г. Щедрина, даже безъ всякаго признака потрясающаго анекдота, сильнѣе дѣйствуетъ на нервы человѣка, умѣющаго понимать слова, чѣмъ всѣ ихъ кропотливыя и даже талантливыя разысканія. Это оттого, что факты, какъ бы страшны ни были и какъ бы ни были ловко сгруппированы, еще не составляютъ всего на свѣтѣ: страшнѣе и важнѣе ихъ мысль, порождающая факты, а мыслію-то человѣка именно и занимается г. Щедринъ съ особенной любовію и съ особеннымъ искусствомъ. Впрочемъ, и это не оградило бы его отъ соперниковъ и не упрочило бы вполнѣ его торжества надъ ними. Можно подражать ему и даже превзойти его въ мастерствѣ добиваться отъ лицъ и событій самыхъ неожиданныхъ признаній. Но есть въ нашемъ авторѣ сторона, подъ которую уже нѣтъ никакой возможности поддѣлаться. Мы говоримъ о силѣ, искренности и достоинствѣ его одушевленія, которое слышится въ каждой его строкѣ. Г-нъ Щедринъ всегда принимается за свою работу, какъ фанатикъ этой самой работы. Благодаря этому качеству, онъ рѣшительно заслоняетъ собой всѣхъ другихъ беллетристовъ-изслѣдо-

вателей нашего быта, и въ произведеніяхъ его, пожалуй, можно все подвергать сомнѣнію, но сомнѣваться въ его одушевленіи или не испытывать вліянія его паѳоса на себѣ, кажется намъ дѣломъ совершенно невозможнымъ.

Крайне любопытно становится поэтому узнать поближе тѣ нравственные источники, изъ которыхъ рождается одушевленіе г. Щедрина, доставляющее ему такія преимущества передъ послѣдователями, окрашивающее его произведенія въ особенный цвѣтъ и сообщающее имъ такую рѣзкую физіономію. Сколько намъ кажется, въ основѣ его одушевленія нѣтъ опредѣленнаго, законченнаго, установившагося созерцанія, и едвали возможно связать происхожденіе его съ какимъ-либо глубоко продуманнымъ политическимъ или соціальнымъ ученіемъ. Намеки, которые существуютъ въ его произведеніяхъ, на то и другое, или противорѣчатъ другъ другу, или не имѣютъ тѣхъ признаковъ, по которымъ узнаются части обработанной системы непоколебимаго вѣрованія. По нашему мнѣнію, источникъ этого одушевленія кроется въ органическомъ, прирожденномъ и, стало быть, непреодолимомъ отвращеніи къ быту, изъ котораго выросъ самъ г. Щедринъ, со всѣмъ своимъ поколѣніемъ, и въ инстинктивной потребности — преслѣдовать его вездѣ, гдѣ бы онъ еще оказался на лицо. Для него онъ врагъ, еще болѣе чѣмъ матеріалъ литературной обработки или изслѣдованія. При этомъ, разумѣется, нечего ожидать, чтобъ авторъ вздумалъ заниматься судейскимъ разбирательствомъ недостатковъ и погрѣшностей описываемой эпохи или принялся за педантическое взвѣшиванье и обсужденіе ея сторонъ: одного общаго представленія ея, какъ мрачнаго факта, вызывающаго и оправдывающаго всякаго рода отрицаніе, тутъ уже достаточно. Что настроеніе подобнаго рода способно развить замѣчательныя творческія силы въ писателѣ — доказывается примѣромъ г. Щедрина. Мы уже говорили объ его тонѣ, манерѣ и ѣдкомъ юморѣ, но этого мало: настроеніе подсказало ему всѣ тѣ эпитеты, прозвища, опредѣленія, которыя возлагаются авторомъ, словно позорныя клейма, на образы, имъ выводимые, на порядокъ мыслей, имъ разбираемый. И здѣсь еще не кончается дѣло. Одушевленіе, полученное этимъ путемъ, уполномочиваетъ его на такую смѣлость языка и рѣчи, на такую откровенность и, во многихъ случаяхъ, на такой цинизмъ намековъ, какіе не были бы приняты публикой ни отъ кого другого: достоинство и сущность одушевленія покрываютъ здѣсь всѣ частности. Нельзя требовать отъ всякой натуры, чтобы она умѣла воздержаться отъ поползновенія дѣлать жертвы вокругъ себя, когда она стремится къ опредѣленной цѣли: г. Щедринъ и дѣлаетъ ихъ изъ всѣхъ предметовъ и явленій, которыя носятъ еще на себѣ мерцаніе ста-

раго, пережитаго и осужденнаго быта, причемъ, какъ часто бываетъ, молчаливость и безпомощное состояніе жертвъ еще способствуютъ къ развитію его мыслящихъ силъ и фантазіи. Понятно теперь, отчего любой изъ черныхъ князьковъ Африки позавидовалъ бы нашему автору въ умѣньи такъ позорить своихъ подвластныхъ, какъ иногда онъ позоритъ своихъ глупцевъ — это олицетвореніе отсталой части общества, которая вздыхаетъ по недавнимъ порядкамъ, а вмѣстѣ и той, которая занята отысканіемъ себѣ путей къ выходу на свѣтъ и держится еще между прошлымъ и будущимъ, не имѣя настоящаго, въ переносномъ смыслѣ слова.

Но одушевленіе, какія бы льготы оно ни давало писателю и какъ бы ни способствовало развитію всѣхъ качествъ его таланта, находитъ себѣ противодѣйствіе у читателя, если въ образованіи этой силы настолько же участвовали закоренѣлыя привычки ума, насколько и прямое наблюденіе жизни, если, наконецъ, для поддержки и питанія его необходимо во всякомъ случаѣ поспѣшное рѣшеніе, быстрый и окончательный приговоръ по всякому вопросу съ-разу. Явленія, забытыя при этомъ или дурно-истолкованныя, вымещаютъ сдѣланную имъ несправедливость тѣмъ, что предстаютъ уму читателя въ формѣ молчаливой оговорки и мысленной поправки, и это въ то самое время, когда онъ, повидимому, расположенъ безраздѣльно наслаждаться своимъ писателемъ. Мы полагаемъ, что нѣтъ человѣка, которой бы такъ понялъ „Сатиры въ прозѣ“, какъ они написаны, и обошелся бы безъ тайныхъ поправокъ и оговорокъ при чтеніи ихъ, а если есть добродушные люди, неиспытавшіе нужды ограждать чѣмъ-либо свое сужденіе при этомъ, то они не выразумѣли г. Щедрина и приняли за достовѣрное указаніе, за результатъ наблюденія и обобщенія явленій многое изъ того, что́ порождено у г. Щедрина единственно складомъ литературной рѣчи и капризной игрой его юмора. Молчаливая оговорка, тайная, умственная поправка отдѣляются сами собой изъ увлекательныхъ страницъ названной нами книги, вмѣстѣ и на ряду съ ея содержаніемъ, съ ея мыслями и образами, составляя какъ-бы ихъ естественное дополненіе и необходимую принадлежность. Даже черты глубокаго анализа, не рѣдко попадающіяся въ ней, получаютъ право гражданства въ умѣ читателя только съ помощію тайной оговорки или поправки: черты эти, по-часту, выходятъ у г. Щедрина изъ своего скромнаго званія замѣтокъ, облекаются имъ въ образы и начинаютъ жить неестественной, хотя и курьёзной жизнію, выдавая себя за главныхъ агентовъ и двигателей общества. Оговорка возвращаетъ ихъ на свое мѣсто и за одинъ разъ производитъ два дѣла: спасаетъ истину представленія и миритъ читателя съ авторомъ. Такимъ образомъ,

самостоятельность и достоинство обоихъ, благодаря мысленной поправкѣ, соблюдены вполнѣ.

Можно спросить, почему авторъ предоставилъ читателю додѣлывать свои произведенія и заниматься той работой, которая лежала на немъ самомъ; но отвѣтъ ясенъ: дѣловой беллетристъ всегда можетъ удовлетворить одному какому-либо требованію за-разъ, какъ, напримѣръ, требованію публичнаго обнаженія грязныхъ или опасныхъ путей жизни, но отвѣчать многоразличнымъ потребностямъ общественной мысли и настоящему ея содержанію уже не въ силахъ. Истинно дѣловой беллетристъ, будь онъ прозаикъ, или стихотворецъ, или драматургъ (а дѣловыхъ стихотворцевъ и драматурговъ развелось у насъ тоже не мало)—принужденъ выбирать для своей обработки только самые простые жизненные факты, очевидные и ясные для всѣхъ глазъ, съ однимъ выраженіемъ, неспособнымъ мѣняться и, такъ сказать. съ одной окаменѣлой миной, особенно удобной для наблюденія по своей неподвижности. Какъ только предметъ получилъ движеніе или по своей природѣ не можетъ оставаться всегда въ одинакомъ, мертвенномъ положеніи, а напротивъ, обнаруживаетъ, хоть въ слабой степени, игру жизни, признаки свободы и способности къ видоизмѣненіямъ—онъ уже превосходитъ творческія силы дѣлового беллетриста и ускользаетъ отъ его глаза, если не весь, то доброй и иногда существенной своей частью. Это такъ вѣрно, что г. Щедринъ, обладающій несомнѣнными художническими способностями, всегда употребляетъ ихъ въ дѣло тамъ, гдѣ желаетъ достичь нѣкоторой полноты изображенія, и очень часто перестаетъ быть дѣловымъ писателемъ, не замѣчая того и несмотря на все свое желаніе оставаться въ лонѣ направленія, которому посвятилъ себя и которому далъ нерушимые свои обѣты. Онъ становится тогда менѣе рѣзокъ и своебыченъ, предчувствуетъ возраженія и видимо принимаетъ свои мѣры противъ нихъ: презрительная рѣчь и поносящій юморъ текутъ менѣе изобильными струями; но онъ тотчасъ же получаетъ обратно энергическіе пріемы, крутое слово, ослѣпляющія краски, какъ только представляется неудержимый соблазнъ изобразить предметъ съ одной его выпуклой, простой и, такъ сказать, нагло-очевидной стороны. Низшая порода дѣловыхъ беллетристовъ—pur sang своего рода, лишенная всѣхъ художническихъ средствъ, одушевленія, таланта и мыслительности г. Щедрина, и не подозрѣваетъ въ немъ этой способности мѣняться. Она уже никогда не испытываетъ поползновеній возвыситься надъ своей тэмой, чтобъ имѣть возможность оглядѣть ее цѣликомъ и со всей ея обстановкой. Поэтому всѣ сложныя явленія жизни, образовавшіяся изъ разнородныхъ, многочисленныхъ и противоположныхъ другъ другу элементовъ, доступны для

нея только на одномъ условіи—на условіи разложить ихъ на составныя части и потомъ заняться каждой такой частію особо. Этотъ механическій способъ справляться съ задачей, предстоящей писателю—одинъ только и находится въ распоряженіи дѣловой беллетристики, потому что примирить разнородныя качества и примѣты явленія въ одномъ живомъ образѣ, въ одномъ живомъ представленіи его способно только свободное художническое созерцаніе. Къ тому же, дѣловая беллетристика оказывается постоянно глухой и слѣпой къ промежуточнымъ, смѣемъ такъ выразиться, явленіямъ жизни, къ характерамъ, которые стоятъ посерединѣ крайнихъ типовъ, къ образамъ, идеямъ, стремленіямъ, въ которыхъ спутаны родовыя черты противоположныхъ физіономій, ученій и инстинктовъ, а между тѣмъ эти промежуточныя явленія составляютъ всегда труднѣйшую часть созданія, также какъ они составляютъ и настоящую стихію общежитія. По способности подмѣчать эти промежуточныя явленія и выводить ихъ на сцену, опредѣляется даже достоинство писателя въ другихъ странахъ. Мы говоримъ это совсѣмъ не изъ ребяческаго презрѣнія къ дѣловой беллетристикѣ, заслуги которой, по указанію грубыхъ, вопіющихъ сторонъ общественнаго быта нашего, никогда не могутъ быть забыты. Мы свидѣтельствуемъ только фактъ, что, по существу самаго дѣла, какъ бы ни были относительно полезны ея розысканія, цѣпки и мѣтки ея выводы—произведенія, внушенныя ею, не способны лечь въ основаніе какого-либо созерцанія и дать вѣрные матеріалы для окончательнаго приговора по какому бы то ни было, нѣсколько сложному вопросу жизни и мысли.

Но есть эпохи, всего болѣе нуждающіяся въ дѣловой беллетристикѣ и кромѣ ея почти ничего болѣе не требующія для удовлетворенія своей жажды къ самопознанію:—это такъ. Правы-ли онѣ или не правы—здѣсь не мѣсто разсуждать,—довольно, что онѣ есть. Доказательствомъ тому служитъ самъ г. Щедринъ, — и множество другихъ романистовъ, поэтовъ, даже историковъ, которые, конечно, его не стоятъ. По нашему мнѣнію, ничто такъ не свидѣтельствуетъ въ пользу предположеній, что всѣ они, и преимущественно г. Щедринъ, отвѣчаютъ именно требованіямъ своей эпохи, какъ это добровольное служеніе публики ихъ цѣлямъ, какъ радушное исполненіе за нихъ литературнаго *урока* со стороны читателей. Относительно нашего автора, напримѣръ, читающая публика ведетъ себя чрезвычайно добросовѣстно: она безпрестанно поясняетъ слова автора, мысленно вводитъ ихъ въ мѣру, какъ намъ неоднократно случалось замѣчать, провѣряетъ ихъ всѣми извѣстными ей явленіями и очень часто находитъ возможность не отчаяваться тамъ, гдѣ для г. Щедрина начинается непробудная ночь. Все это не мѣшаетъ публикѣ, по

справедливости, любить писателя, который даетъ ей случай помѣстить очень приличнымъ и удобнымъ образомъ всю массу свѣдѣній, положительнаго или отрицательнаго свойства, накопленныхъ ею самой съ теченіемъ времени. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, кажется намъ, авторъ даже самъ разсчитываетъ на пособіе съ этой стороны—именно во всѣхъ тѣхъ, когда, окончательно покидая разсказъ, онъ предается вполнѣ одному сатирическому своему одушевленію и выражаетъ его посредствомъ бойкихъ, мѣткихъ и парадоксальныхъ размышленій. Блюстителемъ фактовъ, оправдывающихъ или ограничивающихъ его настроеніе, становится тогда читатель, и каждый изъ насъ долженъ хорошо помнить ту работу мысли и анализа, которую задавалъ ему г. Щедринъ этими мѣстами своей книги. Мы нисколько не намѣрены изучать по ней всю любопытную исторію отношеній, существующихъ между дѣловымъ беллетристомъ и его публикой неизбѣжно, или пересчитывать разные роды обязательныхъ повинностей, требуемыхъ первымъ отъ послѣдней: одинъ примѣръ уяснитъ достаточно наши слова. Возьмемъ для него хоть драматическую сценку: „Погоня за счастьемъ". Тутъ являются уморительнѣйшіе искатели ново-открытыхъ мѣстъ „мировыхъ посредниковъ" съ извѣстнымъ жалованьемъ, и безобразнѣйшій губернаторъ, всѣмъ знакомый Зубатовъ, который предоставляетъ двѣ вакансіи, находящіяся въ его распоряженіи—Тамберлику и Кальцоляри: такъ называютъ самихъ себя два франта, цвѣтъ и надежда Глупова, изъ любимыхъ собесѣдниковъ г-жи Зубатовой. Трудно и вообразить себѣ что-либо забавнѣе этой милой сценки; но для того, чтобъ имѣть возможность наслаждаться всѣми ея подробностями, читателю совершенно необходимо устранить изъ дѣла вопросъ о происхожденіи мировыхъ посредниковъ, а также поправить отчасти, несогласное съ исторіей, отсутствіе всякаго приличія и декорума въ соискателяхъ этихъ мѣстъ. Тогда уже онъ можетъ свободно отдаться юмору автора, ибо важнѣйшая задача—спасеніе весьма существенной стороны факта—произведена имъ самимъ заранѣе. Мы бы не удивились, если бы тотъ же авторъ, который написалъ превосходную сценку, пришелъ къ убѣжденію, что мировой институтъ нашъ грѣшитъ излишними претензіями на независимость, которыя опасны для правильнаго хода самаго дѣла, ему порученнаго, и въ другой статьѣ выразилъ бы мнѣніе о необходимости подчинить его строгому контролю администраціи. Дѣловая беллетристика другого способа овладѣть нѣсколькими сторонами предмета, какъ мы уже сказали, не имѣетъ. Впрочемъ (и на этомъ мы особенно настаиваемъ) не всѣ образы, факты и представленія, заключающіеся въ новой книгѣ г. Щедрина, нуждаются въ подобной операціи со стороны читателя. Есть между ними такія, которыя носятъ прикосновеніе художни-

ческой руки, и отвѣчаютъ сами на всѣ вопросы, порождаемые ихъ сущностью и смысломъ. Къ нимъ мы причисляемъ превосходные типы новыхъ либераловъ, превратившихся мгновенно изъ грубыхъ, животныхъ натуръ въ лучезарныхъ исповѣдниковъ свободы (статья: „Къ читателю"), фигуры ораторовъ и публицистовъ, возникшихъ по провинціямъ вслѣдствіе начальническаго извѣщенія о томъ, что дозволено мыслить и требуются гражданскія добродѣтели (статья: „Скрежетъ зубовный"), и т. д. Комическая сила, проявляющаяся какъ въ очеркѣ этихъ лицъ и ихъ раскраскѣ, такъ и въ изъясненіи поводовъ, управляющихъ ими, одолѣла тутъ всѣ возраженія, и черезъ нихъ г. Щедринъ тотчасъ же вступаетъ въ права художника, которыя собственно сводятся на одну привилегію: созданія его еще могутъ быть опровергаемы (хоть это дѣло и не легкое!), но не иначе, какъ цѣликомъ, въ основной ихъ мысли, и уже никакихъ оговорокъ, поправокъ, снисхожденій и уступокъ не допускаютъ.

Гораздо менѣе нуждается въ нихъ читатель и тогда, когда передъ нимъ развивается въ статьѣ одно изъ самыхъ простыхъ, грубо-ясныхъ и убѣдительныхъ явленій, какъ, напримѣръ, насиліе, случай административной испорченности или яркая черта изъ исторіи крѣпостного быта. Всякая работа мысли и эстетическаго чувства тутъ умолкаетъ, подавляемая тяжестью одного матеріальнаго факта, который лежитъ гнетомъ надъ духовными способностями читателя. По отношенію къ крѣпостному праву онъ можетъ дать полное свое согласіе даже и плохому автору, если тотъ добросовѣстно принялся за изображеніе его остатковъ или его подвиговъ, съ цѣлью очистить отъ нихъ общество, не говвря уже о такомъ ратоборцѣ крѣпостного права, каковъ г. Щедринъ, который разоблачилъ неимовѣрныя психическія движенія, тайну невѣроятныхъ мыслей и желаній, какія способно было возбуждать безнравственное учрежденіе въ людяхъ. Другой сборникъ, обѣщанный намъ г. Щедринымъ, — „Невинные разсказы"—вѣроятно будетъ заключать истинно-поразительныя сцены и картины изъ темной сферы старо-помѣщичьяго быта, которыя разбросаны были по журналамъ. Замѣтки наши, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ придутся и къ нимъ; оговорка, можетъ быть, и тутъ пріютилась и исполняетъ свою обычную службу автору, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ гдѣ-либо, разумѣется. Одушевленіе, которое у г. Щедрина покрываетъ всевозможныя уклоненія и выноситъ его всегда торжествующимъ и правымъ, несмотря ни на какія погрѣшности противъ жизни, совпадало при появленіи разсказовъ изъ крѣпостного быта съ общественными потребностями, съ борьбой всего развитаго противъ признаннаго и нестерпимаго зла. Нужна была побѣда во что бы то ни стало и,—надо сказать, г. Щед-

ринъ бился доблестно за побѣду, какъ немногіе. Намъ гораздо труднѣе понять, отчего теперь, по окончаніи дѣла, въ недавнихъ, послѣднихъ своихъ произведеніяхъ, онъ снова возвращается къ упраздненному крѣпостному праву, даже къ преждебывшимъ формамъ его, и возвращается не какъ строгій историкъ, а опять съ жаромъ и пыломъ бойца и сатирика. Онъ созидаетъ страшные психическіе этюды, уже безъ ясной общественной цѣли, да и безъ претензіи на художническое достоинство. Этюды эти производятъ впечатлѣніе „посмертныхъ сочиненій“,—и даже самая страстность благороднаго одушевленія уже не производитъ на читателя прежняго дѣйствія: ему все кажется, что это старое, подержанное одушевленіе, оставшееся у г. Щедрина въ экономіи отъ прошлой эпохи. Мы никакъ не хотимъ вѣрить, чтобъ воображеніе и творческія силы г. Щедрина уже не могли и жить безъ крѣпкихъ толчковъ, которые доставлялъ имъ отошедшій порядокъ (а это замѣчается у многихъ его послѣдователей), чтобъ прелесть раздраженія, сообщаемаго очень простыми явленіями добраго стараго времени, сдѣлалась для него необходимостью. Наоборотъ, мы искренно убѣждены, что онъ обратится къ „невиннымъ“ разсказамъ настоящаго времени, хотя явленія новой эпохи значительно посложнѣе предшествующихъ, не такъ легко уловляются и исчерпываются, да и не всегда позволяютъ замѣнить себя однимъ одушевленіемъ, какъ бы оно ни было благородно въ сущности. Содѣйствіе публики, вызываемое его юморомъ, наблюдательностію и талантомъ, конечно, не измѣнитъ ему и теперь; но не слѣдуетъ, можетъ быть, упускать изъ вида и того, что внутренняя правда мысли и изображенія должна цѣниться писателемъ, по крайней мѣрѣ, столько же, сколько и превосходныя средства изложенія, которыми онъ обладаетъ.

ГРАФЪ Л. Н. ТОЛСТОЙ.

I.

Недавно мы имѣли случай говорить объ одномъ изъ представителей дѣловой беллетристики, Н. Щедринѣ, и замѣтить, что онъ до излишества предается искушенію растолковывать читателю каждое явленіе и каждый приводимый имъ фактъ съ одной постоянной точки зрѣнія, на которой онъ незыблемо утвердился. Иначе поступаетъ писатель, имѣющій подобную же любимую, неподвижную точку зрѣнія, но обладающій сильными художническими средствами. У гр. Л. Н.

Толстого есть своя постоянная, предвзятая идея, какъ увидимъ ниже, но способы проводить эту идею въ литературу, относиться къ ней и выражать ее до того разнятся съ обыкновенными пріемами дѣловой беллетристики, что искать какой-либо солидарности или родственности между двумя родами литературнаго производства было бы совершенно напраснымъ дѣломъ.

Съ именемъ Толстого (Л. Н.) связывается представленіе о писателѣ, который обладаетъ даромъ чрезвычайно тонкаго анализа помысловъ и душевныхъ движеній человѣка и который употребляетъ этотъ даръ на преслѣдованіе всего того, что́ ему кажется искусственнымъ, ложнымъ и условнымъ въ *цивилизованномъ* обществѣ. Сомнѣніе относительно искренности и достоинства бо́льшей части побужденій и чувствъ, такъ-называемаго, образованнаго человѣка на Руси, вмѣстѣ съ искусствомъ передать нравственные кризисы, которые навѣщаютъ его постоянно — составляетъ отличительную черту въ творчествѣ нашего автора. Еще въ первыхъ своихъ произведеніяхъ: „Дѣтствѣ и Отрочествѣ“ — Толстой уже былъ психологомъ и скептикомъ; онъ уже и тогда показалъ публикѣ, до чего можетъ идти острый психическій анализъ, опирающійся на сомнѣніи въ человѣческой природѣ, которая испорчена прикосновеніемъ цивилизаціи. Взрослые, уже кончившіе полный курсъ извращенья своихъ естественныхъ чувствъ и наклонностей, и молодые ихъ отпрыски, только еще начинающіе эту науку извращенья—одинаково подпали его изслѣдованіямъ, разумѣется—въ мѣру успѣховъ, полученныхъ ими на поприщѣ скрытности, лицемѣрной сдержанности и разладицы между настоящимъ чувствомъ и чувствомъ выражаемымъ. Онъ проникалъ, не разбирая пола и возраста, до дна тѣхъ кокетливыхъ и наружно-благообразныхъ душевныхъ порывовъ человѣка, которые прикрываютъ другой, тайный міръ его ощущеній и мыслей, исполненный страшилищъ или, по крайней мѣрѣ, каррикатуръ и пародій на то, что́ вышло къ свѣту, на фразу, идею, слезу, и проч. Тогда еще публика не угадала настоящихъ поводовъ автора къ этому разоблаченію, да и онъ самъ врядъ ли ясно сознавалъ ихъ, слѣдуя только инстинктивно побужденіямъ своего таланта. Безъ всякаго дальновиднаго разсчета или намѣренія, онъ и скрылъ ихъ — выдвинувъ на первый планъ жизни богатаго, дворянскаго дома, проникнутую чувствомъ семейности, живыя, милыя лица дѣтей и подростковъ, которымъ ихъ почтенные родные служатъ какъ-бы массивной, оттѣняющей рамой, и окруживъ еще всю эту картину разнообразными явленіями природы, сценами народнаго и домашняго быта. И впослѣдствіи анализъ Толстого никогда не выражался сухо, самъ для себя или при помощи нарочно приготовленныхъ для него типовъ

(за исключеніемъ одного или двухъ неудачныхъ соображеній въ родѣ „Люцерна“): наоборотъ, анализъ его всего болѣе нуждается въ полной жизни, хорошо растетъ только промежъ разнообразія формъ, въ средѣ свободныхъ людскихъ отношеній и при оригинальныхъ личностяхъ, раздражающихъ и вызывающихъ его. Онъ тогда прививается къ нимъ съ цѣпкостью ліаны, но надо было нѣсколько времени для того, чтобъ настоящія свойства этого анализа уяснились какъ самому автору, такъ и его читателямъ. Только въ послѣднее время, Толстой самъ откровенно выдалъ себя за скептика и гонителя не только *русской* цивилизаціи, но и разслабляющей, причудливой, многотребовательной и запутывающей цивилизаціи вообще.

Какой идеалъ общественнаго развитія желалъ бы онъ поставить на мѣсто заподозриваемаго и отвергаемаго имъ развитія—этого авторъ не сказалъ, и не только не сказалъ, но нигдѣ не видно, чтобъ онъ присоединился и къ тому, что́ говорили по этому поводу тѣ литературныя партіи наши, которыя гордятся обладаніемъ подобныхъ идеаловъ. Художническое его чувство, вмѣстѣ съ привычкой къ сомнѣнію и анализу, не позволили ему остановиться ни на одной изъ существующихъ программъ лучшаго развитія, такъ какъ и составить свою собственную. Надо сказать, что эта привычка къ сомнѣнію и анализу воспитала въ немъ самомъ капризную и заносчиво-оригинальную мысль, которая уже не сноситъ какого бы то ни было самаго законнаго посягательства на свою свободу, представляйся оно хоть въ формѣ дознаннаго историческаго закона, или въ формѣ несомнѣннаго, многолѣтняго опыта или, наконецъ, въ видѣ лучезарнаго художническаго произведенія. Мысль эта начинаетъ тотчасъ же работать по-своему надъ ними, не освѣдомляясь о прежде бывшихъ путяхъ изслѣдованія, всегда отыскивая свой собственный, одной ей принадлежащій, и часто кончая тѣмъ, что теряетъ изъ вида самый предметъ анализа со всѣми его реальными свойствами и уже разлагаетъ себя самоё. Нѣкоторыя страницы „Ясной-Поляны“ (возьмите хоть статью: „Воспитаніе и образованіе“ въ іюльской книжкѣ, 1862) могутъ подтвердить наши слова. Въ этихъ случаяхъ капризно-оригинальная и независимая мысль эта становится похожа на станокъ, приведенный въ движеніе сильной паровой машиной, но лишенный матеріала производства: шумъ, стукъ, напряженная дѣятельность тутъ существуютъ, какъ и при настоящей работѣ, но станокъ собственно занятъ ускореніемъ своей порчи. Отсутствіе „*идеала цивилизаціи*“ не оставляетъ, однакоже, у Толстого пустого мѣста. Настоящій, опредѣленный идеалъ замѣщается у него, какъ уже было замѣчено прежде насъ—страстнымъ влеченіемъ къ простотѣ, естественности, силѣ и правдивости непосредствен-

ныхъ явленій жизни. Душа его отдана всему, что́ еще не выдѣлилось вполнѣ изъ природнаго состоянія, изъ оковъ матеріи и изъ фатализма исторіи, всему, что́ развивается безсознательно, покоряясь, съ одной стороны, врожденнымъ, и стало быть, искреннимъ побужденіямъ своего организма, а съ другой—удовлетворяя духовную свою природу только тѣми нравственными представленіями, только той наукой, поэзіей и философіей, которыя сложились въ теченіи вѣковъ, невѣдомымъ образомъ и сами собой, вокругъ человѣка, какъ различные пласты его родной почвы. Здѣсь только и истина для Толстого. Въ этомъ влеченіи кроются и источники его постоянной, предвзятой идеи, управляющей всей художественной его дѣятельностію.

Но идея объ естественности и природѣ, какъ критеріумахъ истины, не новость въ русской литературѣ, даже просто въ образованномъ нашемъ обществѣ,—только они понимали ея различно. Русская литература всегда относилась къ ней чрезвычайно отвлеченно, что́ можно видѣть, напримѣръ, изъ геніальнаго очерка Пушкина—„Цыгане", гдѣ Алеко есть воображаемое лицо, не принадлежащее никакой странѣ и олицетворяющее, подобно Манфреду, права гордой, непокорной мысли, гдѣ сами цыгане возведены лирическимъ вдохновеніемъ до идеала свободнаго, бродящаго племени, мало отвѣчающаго дѣйствительности. Но для Пушкина такъ и надо было, потому что задача его состояла не въ изображеніи извѣстнаго быта или извѣстнаго развитія, а только въ поэтическомъ воспроизведеніи одного изъ тѣхъ отчаянныхъ порывовъ души, которыми могли быть одержимы усталые и обманутые люди современной ему эпохи. По такимъ же или однороднымъ причинамъ идея эта выражается отвлеченно и въ дѣятельности Лермонтова. Всѣ его Мцыри, демоны—дикіе и своевольные характеры, находящіе только въ самихъ себѣ законы для своего образа дѣйствій, очень прилично связаны съ бытомъ и преданіями Кавказа, но выражаютъ совсѣмъ не дѣйствительный Кавказъ, а политико-философское содержаніе авторской фантазіи, силу и сущность извѣстнаго поэтическаго созерцанія. Фантазія Пушкина и Лермонтова, какъ хотите, связана съ дѣйствительностію и можетъ быть принята за ея отраженіе, но только въ томъ смыслѣ, что сама есть произведеніе своей нервически-раздражительной и безпомощной эпохи, отъ нея отродилась. Что касается до общества, то идея эта, подхваченная у Руссо, осуществлялась у насъ разными курьёзными личностями не иначе, какъ въ циническихъ продѣлкахъ, ползаніи на четверенькахъ и тому подобныхъ упражненіяхъ, причемъ, однакоже, личности не забывали своихъ политическихъ правъ, управляли людьми и безчинствовали надъ

пими, по крайней мѣрѣ, столько же, сколько и надъ собой. Возвращаясь къ литературной судьбѣ идеи, мы находимъ, что у Толстого она впервые низведена въ реальный міръ и отъ реальнаго міра уже получила всѣ черты и краски, посредствомъ которыхъ выражается писателемъ. Воплощеніе идеи у Толстого разнообразно, но постоянно и безпрерывно. Идея глядитъ отовсюду въ его произведеніяхъ. Она уполномочиваетъ его живописать природу, мятель, напримѣръ, какъ дѣйствующее лицо, и смѣло говорить о впечатлѣніяхъ дерева, подсѣкаемаго топоромъ и о вереницѣ мыслей и представленій, которыя носятся въ замирающемъ мозгу человѣка, раненаго на смерть; она подсказываетъ его поэтическія отступленія и его философскія размышленія о жизни и морали; она стоитъ невидимо за всѣми видами и формами его творчества и составляетъ именно тотъ ключъ, который необходимъ для разбора и правильнаго ихъ пониманія. Мы потворимъ только сказанное, если прибавимъ, что Толстой въ ней и почерпаетъ силу для того остраго разложенія самыхъ тонкихъ душевныхъ ощущеній, которое насъ удивляетъ въ его картинахъ изъ семейнаго и общественнаго быта.

Мы поставлены въ необходимость сказать при этомъ нѣсколько словъ и о педагогической дѣятельности Толстого, такъ какъ, по нашему мнѣнію, она есть ни болѣе, ни менѣе, какъ новый видъ его художническаго творчества. Разница можетъ состоять въ томъ, что страстное исканіе естественныхъ силъ и свѣжихъ зародышей ума и чувства перенесены здѣсь на практическую почву, на живое лицо изъ обширной области фантазіи, въ которой подвизались доселѣ. Толстой относится къ ребенку своей знаменитой школы съ тѣми же требованіями, какъ къ воображаемымъ лицамъ своихъ произведеній и къ окружающему міру вообще. Онъ и за учительскимъ столомъ такой же психологъ, зоркій наблюдатель и фантастическій адептъ своей вѣры въ красоту и истину всего прирожденнаго, какъ и за письменнымъ. Матеріалъ для работы измѣнился, но сама работа не измѣнилась — только анализъ его пріобрѣлъ уже положительный характеръ вмѣсто прежняго отрицательнаго. Анализъ Толстого уже не обличаетъ ребенка: онъ прославляетъ его. Иначе и быть не могло. Крестьянскій мальчикъ уже тѣмъ самымъ, что принадлежалъ къ простому, неиспорченному быту, становился *дитей правды* въ его глазахъ. Ни общество, ни литература наша, конечно, никогда не забудутъ великихъ педагогическихъ заслугъ Толстого по открытію цѣлаго міра богатой, внутренней жизни дѣтей, міра, существованіе котораго только предчувствовалось до него немногими. Онъ проникъ въ самые скрытные уголки этого міра и вѣроятно не одинъ разъ придется всякому учителю и наставнику, понимающему свое призваніе,

справляться съ открытіями Толстого для того, чтобъ провѣрить свои планы образованія и уяснить многія загадочныя проявленія дѣтской воли и души. Но логическія послѣдствія чисто художническихъ отношеній къ школѣ часто приводятъ къ сомнѣнію въ достоинствѣ послѣднихъ какъ средствъ и орудій педагогіи.

Намъ совершенно понятно, напримѣръ, отчего Толстой такъ рѣшительно и безпощадно преслѣдуетъ въ своемъ журналѣ всякую мысль о *„воспитаніи“* человѣка со стороны школы. Воспитаніе, по его опредѣленію, есть насильственное привитіе мнѣній, привычекъ ума и понятій одного взрослаго лица къ другому, слабѣйшему и беззащитному, на что́ никто не имѣетъ права, хотя собственно воспитаніе должно бы пониматься какъ прямой, неизбѣжный результатъ духовнаго общенія между тѣмъ и другимъ. Но съ обычной точки зрѣнія Толстого на значеніе и достоинство непосредственныхъ явленій онъ совершенно правъ. Какая передача моральныхъ представленій, отвлеченныхъ идей и понятій можетъ быть допущена тамъ, гдѣ самъ мальчикъ, по происхожденію своему, есть вполнѣ нормальное существо, чистое и поэтическое отраженіе реальной, жизненной истины. Его, наоборотъ, слѣдуетъ беречь отъ внушеній ложной, несостоятельной цивилизаціи, а не подчинять ея сомнительному кодексу и не только беречь, но изучать ростки его собственной мысли, способные привести къ открытію условныхъ, противоестественныхъ, слабыхъ сторонъ въ самыхъ началахъ образованности. По этой теоріи, не только воспитаніе есть порча ребенка, который, благодаря ему, принимаетъ въ себя, вмѣстѣ съ пошлыми убѣжденіями своего наставника, ошибки и заблужденія исторіи, предразсудки и безсмыслицы цѣлаго общества (мы бы сказали вообще грѣхи человѣчества, если бы не боялись исказить мысль Толстого преувеличеніемъ ея), но переходя къ образованію—оказывается, что и простая передача науки подчинена нормальному существу—крестьянскому мальчику. Она находитъ свои границы уже не въ себѣ, а въ своемъ ученикѣ и должна остановиться тотчасъ, какъ посягаетъ на лучшее его достояніе,—какъ начинаетъ переработывать его натуру. Знаніе не обязательно для всѣхъ, какъ, напримѣръ, вѣра. Прежде чѣмъ навязывать науку ученику, надо еще освѣдомиться, какую онъ науку хочетъ и насколько ее хочетъ или, другими словами, надо узнать насколько онъ, по совѣсти, можетъ принять работу чужой мысли, упражнявшейся задолго до него, безъ его вѣдома и нисколько не имѣя въ виду его свойствъ и потребностей. Главная задача народнаго образованія заключается по этой, чисто-художнической теоріи въ томъ, чтобъ сдѣлать мальчика свѣдущимъ и не лишить его ни силы, ни простоты, ни ясности его врожденныхъ представленій, чтобъ выве-

сти знаніе изъ городовъ въ поля и деревни и при этомъ сохранить имъ всѣ тѣ качества, которыми они отличаются отъ цивилизованнаго общества и его превосходятъ.

Границы нашей статьи не позволяютъ намъ отдаться разбору всѣхъ этихъ противопоставленій, всѣхъ этихъ антиномій, которыя такъ подробно и мастерски, въ діалектическомъ смыслѣ, развиты самимъ Толстымъ въ его журналѣ; но что они не могутъ составлять цѣлей педагогіи, какъ науки, это, кажется, очевидно само собою. Это скорѣе тэмы для свободнаго творчества въ области литературы и въ сферѣ преподаванія. Нѣсколько основныхъ правилъ, конечно, приведены и нашимъ авторомъ въ видѣ руководства, какъ, напримѣръ, правило о необходимости полной свободы для ученика относительно учителя и полной подчиненности учителя указаніямъ нравственной природы своихъ воспитанниковъ, но это правило, какъ и всѣ другія того же рода, требуютъ въ примѣненіи къ дѣлу спеціальныхъ, художническихъ способностей. Одного размышленія, правильнаго пониманія и добросовѣстности, обусловливающихъ хорошое примѣненіе научныхъ правилъ—для нихъ уже недостаточно. Лучшимъ свидѣтельствомъ, что успѣхъ школы, построенной на такихъ основаніяхъ, всегда будетъ зависѣть отъ лица и творческихъ силъ ея основателя, точь-въ-точь какъ достоинство литературнаго произведенія исключительно зависитъ отъ художническихъ средствъ самого писателя—служитъ „Ясная-Поляна“ Толстого. Въ этой знаменитой школѣ полная свобода, предоставленная ученикамъ, нисколько не разрослась въ анархію, безпутное баловство. Основатель ея находитъ причину явленій въ чувствѣ мѣры, свойственной дѣтямъ вообще и дѣтямъ этой мѣстности въ особенности; мы имѣемъ полное право думать, что явленіе это есть результатъ тѣхъ особенныхъ пріемовъ творчества, которые участвовали въ созиданіи школы, безъ которыхъ немыслимо ея существованіе въ нынѣшнемъ своемъ видѣ, и которыхъ невозможно требовать отъ каждаго распорядителя народнаго училища. Впрочемъ, остается еще вопросъ—возможно ли даже и художнику-педагогу сохранить во всей цѣлости предписанія поэтической теоріи народнаго образованія, созданной Толстымъ? Самъ авторъ ея не вполнѣ вѣренъ ей. Несмотря на отвращеніе его къ попыткамъ прививать воспитанникамъ собственныя свои духовныя наклонности—кто не замѣтитъ, что въ школѣ его преимущественно были развиты способы дѣйствовать на воображеніе и фантазію учениковъ? „Ясная-Поляна“ сдѣлалась, можетъ быть, безъ вѣдома учредителя, питомникомъ *натуральныхъ* поэтовъ; она тотчасъ же наполнилась чрезвычайно милыми сочинителями разныхъ возрастовъ, дѣти сочиняютъ въ запуски у Толстого—и это очень хорошо: ни-

что такъ не приводитъ къ уваженію себя, какъ созданный талантъ или какъ увѣренность въ обладаніи особенной способности, а уваженіе къ себѣ крестьянскому мальчику необходимо и для того, чтобъ заставить другихъ уважать себя. Но Толстой слишкомъ далеко заходитъ въ радости видѣть, какъ просто и легко школа его производитъ великихъ писателей. По поводу произведенія одного изъ своихъ малолѣтнихъ поэтовъ (разсказа: Солдаткино житье), дѣйствительно отличающагося прелестью свѣжаго, только-что возникающаго наблюденія, вспомоществуемаго при этомъ воспоминаніемъ пѣсенныхъ и сказочныхъ мотивовъ, онъ написалъ въ „Ясной-Полянѣ“ статью, заглавіе которой уже выражаетъ все ея содержаніе. Вотъ оно: „Кому у кого учиться писать — крестьянскимъ ли ребятамъ у насъ, или намъ у крестьянскихъ ребятъ“ (Я. П. 1862, сентябрь). Это не капризъ діалектика, не шутка и не преднамѣренный софизмъ: авторъ дѣйствительно убѣжденъ, что литература должна быть сведена на то наивное подсматриваніе ближайшихъ явленій, какимъ всегда отличаются умные и даровитые мальчики. Указывая на нѣкоторые страницы „Солдаткина житья“, онъ отъ души восклицаетъ: „ничего подобнаго я не встрѣчалъ въ русской литературѣ“, какъ прежде отъ души говорилъ о превосходствѣ своего Ѳомки передъ Гёте (стр. 39 и 47). Толстой не хочетъ знать, что литераторъ и не долженъ такъ писать, что на порядочной литературѣ лежитъ обязанность не только передавать явленія съ извѣстной теплотой и живостью, но еще отыскивать, какое мѣсто они занимаютъ въ ряду другихъ явленій и какъ относятся къ высшему идеальному представленію ихъ самихъ, къ своему нравственному и просвѣтленному типу. Если бы дозволено было приходить къ заключеніямъ объ убѣжденіяхъ автора на основаніи аналогіи и сближенія, то естественнымъ выводомъ изъ всего сказаннаго было бы, что для Толстого сага, или народная легенда, можетъ замѣнить исторію, пѣсня, складываемая общими силами народа,—личное творчество, примѣта и пословица—всю пытливую разработку вопросовъ естественной исторіи и философіи. Туда, по крайней мѣрѣ, ведетъ напряженное исканіе простоты, природныхъ истинъ, которая можетъ составить и силу писателя, и источникъ его неоправдываемыхъ увлеченій.

Послѣ этихъ замѣчаній намъ уже гораздо легче будетъ распознать настоящій смыслъ повѣсти „Казаки“, собственно и вызвавшей ихъ. Спѣшимъ прибавить, однакоже, что на какую бы точку зрѣнія ни становилась критика, по отношенію къ этому произведенію Толстого, она должна будетъ признать его капитальнымъ произведеніемъ русской литературы, наравнѣ съ наиболѣе знаменитыми романами послѣдняго десятилѣтія.

II.

Если постоянная идея графа Толстого хорошо выражается всѣми видами его дѣятельности, то уже въ романѣ „Казаки“ она обнаружилась съ такой поэтической силой и въ такой изумительной художнической формѣ, что способна покорить себѣ самый холодный и осторожный умъ. Любимая мысль автора нашла себѣ воплощеніе въ неоспоримомъ историческомъ фактѣ, въ славянской общинѣ, очень реально существующей на русской почвѣ и, можно сказать, исчерпала всѣ характерныя и поэтическія особенности, ее отличающія. Десятки статей этнографическаго содержанія врядъ ли могли бы дать болѣе подробное, отчетливое и яркое изображеніе одного оригинальнаго уголка нашей земли, гдѣ всѣ условія человѣческаго существованія далеко не походятъ на тѣ, которыя образованный міръ считаетъ необходимыми для нравственнаго достоинства и благополучія лица. Развѣ только очень умный путешественникъ, надѣленный еще артистической воспріимчивостію, способенъ былъ бы начертать нѣчто приближающееся къ картинѣ, данной намъ гр. Толстымъ. Благодаря роману, мы имѣемъ передъ собой пограничную казацкую станицу 1852 года, связанную съ отечествомъ только языкомъ, смутнымъ чувствомъ одного общаго происхожденія, да спеціальной своей службой—огражденіемъ русской земли отъ сосѣднихъ горныхъ племенъ, съ которыми она ведетъ вѣчную борьбу на жизнь и смерть. Вдвойнѣ защищенная отъ всякаго посторонняго вліянія какъ этимъ назначеніемъ, разъ навсегда утвержденнымъ, такъ и старообрядческимъ толкомъ, котораго придерживается, казацкая станица покоится на самобытныхъ автономическихъ началахъ, которыя принесла съ собой изъ первоначальной своей родины. Всѣ начала эти, вмѣстѣ взятыя, породили однакоже весьма несложное политическое тѣло, съ едва-едва намѣченными чертами гражданскаго устройства, чтó, при изумительномъ плодородіи почвы, при раздольѣ и просторѣ кавказскаго предгорья, при постоянной войнѣ и опасности—позволяетъ каждому изъ членовъ общины развиваться, такъ-сказать, физически и нравственно въ мѣру всей своей природы. Есть, однакоже, крѣпкій обручъ, который сдерживаетъ разнородныя лица общины въ одной кучкѣ и ограничиваетъ ихъ свободу, не позволяя имъ разлетѣться врозь—обручъ этотъ образуется изъ неподвижныхъ нравовъ и обычаевъ станицы, заговоренныхъ отъ всякаго измѣненія, не испытавшихъ никогда дѣйствія разлагающей мысли, а потому и огражденныхъ отъ тайнаго хода умственныхъ революцій, которыми вызываются нововведенія. Станица цѣльна во всемъ своемъ составѣ и вѣрна себѣ въ каждой своей

подробности. Въ такой-то міръ естественности и первоначальнаго гражданскаго развитія, о которыхъ исторія европейскихъ государствъ еще сохраняетъ нѣкоторое воспоминаніе, вводитъ насъ гр. Толстой своей повѣстью. И, конечно, ни одинъ изъ тѣхъ обильныхъ родниковъ поэзіи, которыми подобный міръ силы, молодости и искренности всегда бываетъ исполненъ—не позабытъ нашимъ авторомъ. Поэзія составляетъ основной грунтъ всей его картины.

Переходя отъ общаго впечатлѣнія, производимаго картиною свободной казацкой общины, къ главнымъ дѣйствующимъ лицамъ романа, мы встрѣчаемся съ весьма занимательнымъ эстетическимъ вопросомъ, который былъ уже предметомъ многихъ споровъ и разрѣшается гр. Толстымъ съ такимъ мастерствомъ и съ такой убѣдительностію, что наслажденіе его произведеніемъ удвоивается именно отъ этого обстоятельства. Можетъ быть, никто изъ нашихъ писателей такъ горячо не исповѣдуетъ эстетическаго догмата, что предметъ и лицо могутъ быть поэтическими помимо и даже на-зло всѣмъ моральнымъ, философскимъ и политическимъ опредѣленіямъ ихъ. Гр. Толстой никогда не справляется о нравственной сущности типа, какъ скоро типъ этотъ оригиналенъ и поэтиченъ: онъ, нисколько не колеблясь, возвышаетъ его на ту степень, на которой, по художническимъ соображеніямъ, ему слѣдуетъ стоять. Вопросъ заключается въ томъ: это возвышеніе и возвеличеніе лица, съ сомнительнымъ нравственнымъ характеромъ, не составляетъ ли преднамѣреннаго оскорбленія чувству приличія и понятіямъ, выработаннымъ опытомъ и размышленіемъ о достоинствѣ и назначеніи человѣка? Вопросъ этотъ разрѣшается гр. Толстымъ на практикѣ, въ сферѣ созданія и притомъ (кажется намъ) окончательно. По смыслу, который заключается въ выведенныхъ имъ лицахъ, оказывается, что все дѣло—въ полнотѣ и цѣльности типа, каковъ бы онъ ни былъ. Тогда онъ становится, такъ-сказать, открытымъ на всѣ стороны, можетъ быть судимъ и приговариваемъ, на основаніи различныхъ схемъ, взглядовъ, теорій—къ чему угодно, дѣлается въ одно время поученіемъ, пугаломъ или идеаломъ по произволу каждаго. Онъ служитъ всѣмъ своимъ содержаніемъ чувству и размышленію, искусству и обществу. Нравственный смыслъ весь въ его полнотѣ. Онъ лишается нравственнаго смысла только по милости утайки, недоговореннаго слова или извращенной, произвольно перетолкованной черты.

Замѣчанія эти легко провѣрить на главныхъ типахъ романа. Въ одномъ изъ нихъ, казакѣ Ерошкѣ, Толстой показалъ намъ образчикъ славянскаго лазарони, съ тѣми своеобычными чертами, которыми онъ отличается отъ итальянскаго своего собрата. Казакъ Ерошка погруженъ въ самое наивное, откровенное и вмѣстѣ серьёзное служеніе

своимъ порокамъ, животнымъ инстинктамъ и страстямъ. Онъ сохраняетъ при этомъ, однако же, беззлобныя отношенія къ людямъ, какое-то философское довольство собой и какую-то, тоже философскую, терпимость относительно всего, чтó живетъ на Кавказѣ, рядомъ съ нимъ — звѣрей, птицъ и горцевъ. Ерошка еще философъ и потому, что обладаетъ цѣлымъ кодексомъ жизненныхъ правилъ и воззрѣній, нелѣпости и моральнаго безобразія которыхъ нисколько не подозрѣваетъ. Онъ даже страдаетъ, когда не вѣруютъ въ его чудовищные афоризмы, а подпивши — и плачетъ, если одна изъ продѣлокъ, основанныхъ на этомъ кодексѣ, ему не удалась. Комизмъ этого лица, какъ ни сообщителенъ и ни увлекателенъ, не успѣваетъ, однако же, ни на минуту вытѣснить изъ головы читателя мысль, что для гражданскаго развитія общества необходимо, прежде всего, уничтоженіе въ народѣ тѣхъ условій, которыя производятъ подобныя лица. Это то, чтó мы называемъ полнымъ типомъ. Столь же полный типъ представляетъ и другой казакъ, герой повѣсти, Лукашка. Что онъ есть превосходное выраженіе разбойничества особаго вида, узаконеннаго и направленнаго къ государственнымъ цѣлямъ — это нисколько не скрыто и не задѣлано авторомъ. Художникъ вполнѣ сознавалъ, что чѣмъ вѣрнѣе передаетъ онъ образъ удальца станицы, тѣмъ яснѣе обнаружится для всѣхъ мѣсто, какое занимаетъ Лукашка въ степеняхъ гражданскаго и историческаго развитія общественности.

Вотъ почему гр. Толстой съ спокойной совѣстью, съ неподражаемымъ искусствомъ и съ едва сдерживаемымъ удивленіемъ передаетъ намъ свободу и красоту всѣхъ движеній Лукашки, его хвастовство своей силой, молодостью, здоровьемъ, его дѣтское щегольство своей рѣшимостію ставить жизнь противъ перваго каприза, который придетъ въ голову, и его неудержимые порывы въ ту сторону, гдѣ есть добыча, удовлетвореніе страсти, торжество самолюбія. Это тотъ же Ерошка, но молодой и дѣйствующій, и оба превосходные типа эти дополняютъ одинъ другого въ романѣ, показывая въ то же время, между какого рода удалыми и комическими лицами захвачена и вращается жизнь казацкой станицы. Не менѣе поэтическаго и художническаго таланта употребилъ Толстой и на созданіе лица Маріанны, невѣсты Лукашки и неожиданной возлюбленной заѣзжаго и романтическаго юнкера Оленина, который на нѣкоторое время мутитъ и спутываетъ отношенія казацкой четы. Маріанна исполнена граціи, но и тутъ художникъ никого не обманулъ, никого не ввелъ въ заблужденіе. Маріанна вся состоитъ изъ граціи женщины, созрѣвшей для мужа и ожидающей его. У ней, въ моральномъ смыслѣ, нѣтъ никакой покрышки, никакого наряда. Она вся наружѣ, такъ-сказать — и опирается на свою природу: опора еще

такъ крѣпка, что порождаетъ въ ней какое-то дикое самодовольство и смѣлый, вызывающій взглядъ, съ которымъ не всегда управляется и Лукашка. Не забыты авторомъ, относительно мастерской отдѣлки, и второстепенныя, менѣе яркія лица повѣсти — этотъ отецъ Лукашки, казакъ-офицеръ, носящій свои эполеты и дворянское званіе уморительно неловко и простодушно, и всѣ эти матери, жены, сестры, осужденныя обычаями станицы на вѣчную тяжелую, домашнюю работу, пока повелители ихъ служатъ или пьянствуютъ, но которыя несутъ свое бремя съ такимъ же достоинствомъ, какъ тѣ свое оружіе. Общее впечатлѣніе, рождаемое картиной станичнаго быта, походитъ на то, которое испытываетъ человѣкъ, входя въ дремучій, еще не тронутый и могущественный лѣсъ. Вѣдь и лѣсъ можетъ свидѣтельствовать объ отсутствіи человѣческой производительности, о бѣдности средствъ общественныхъ, низкомъ состояніи культуры въ населеніи, его окружающемъ, но отъ этого онъ не перестанетъ казаться менѣе великолѣпенъ, грандіозенъ самъ по себѣ. Ошибку сдѣлалъ бы только тотъ, кто бы принялъ одну поэзію явленія за неопровержимое доказательство его правъ на вѣковѣчное существованіе или за единственное мѣрило его нравственнаго, общественнаго и политическаго достоинства. Поэзія знаетъ только себя и ей нѣтъ никакого дѣла до всѣхъ другихъ правдъ, которыя могутъ существовать одновременно съ нею, по отношенію къ избранному ею предмету.

А Оленинъ, отъ имени котораго разсказывается вся повѣсть, который самъ участвуетъ въ ней, довольно страннымъ, трогательнымъ и комическимъ образомъ, бѣдный, колеблющійся, идеализирующій юнкеръ Оленинъ именно и сдѣлалъ эту ошибку: онъ принялъ поэтическій смыслъ станичнаго быта за единственный смыслъ, какой ему присущъ. Онъ одинаково увѣровалъ въ прелесть его свободной жизни и въ его невѣжество и глухоту по отношенію къ представленіямъ нравственнаго рода, въ его энергію, красоту и во всѣ пороки, ихъ сопровождающіе, въ откровенность, патріархальную простоту его взаимныхъ отношеній и въ наглый цинизмъ, который онѣ часто ведутъ за собой и т. д. Казачій бытъ, переданный имъ съ такой истиной, теплотой и, можно сказать, добросовѣстностію — повредилъ его сужденіе. Онъ спуталъ окончательно его понятія. Оленинъ растерялся въ поэзіи станичнаго житья, какъ мальчикъ, котораго неожиданно ввели въ театральную залу на большое волшебное представленіе, и который тутъ же и потерялъ всякую жизненную, реальную мѣрку для того, чтобъ мало-мальски трезво судить о чудесахъ, представшихъ его глазамъ.

Вопреки мнѣнію, установившемуся объ Оленинѣ въ публикѣ,

мы считаемъ характеръ этотъ столь же глубоко задуманнымъ и превосходно изображеннымъ, какъ и всѣ другія лица и части замѣчательнаго романа гр. Толстого. Правда, это типъ уже отжившій и перешедшій въ исторію, но вокругъ корней его, на нашихъ глазахъ, поднялись ростки, которые и оправдываютъ всякую новую остановку критики на ихъ родоначальникѣ. Требованіями драматической развязки и художническихъ цѣлей самаго романа, гр. Толстой долженъ былъ противопоставить реальному міру выведенныхъ имъ казаковъ цивилизованнаго русскаго человѣка, съ условіемъ, конечно, чтобъ этотъ цивилизованный русскій человѣкъ былъ такъ же реаленъ, такъ же взятъ былъ изъ дѣйствительности и современнаго развитія, какъ и его соотечественники низшаго, непосредственнаго быта. Отдѣлаться при этомъ отвлеченными типами, въ родѣ Алеко, Печорина и проч., тутъ уже не представлялось бы возможности,—во-первыхъ потому, что они внесли бы разладицу въ общій тонъ и характеръ романа, а во-вторыхъ—потому, что они противны вообще натурѣ художническаго созерцанія, свойственнаго Толстому. На комъ же онъ остановился? Можетъ быть, самая поучительная сторона романа въ томъ и заключается, что авторъ не могъ найти въ образованномъ обществѣ настоящаго представителя русской цивилизаціи, такого, который показалъ бы, какъ народный духъ и народные элементы соединяются съ высокимъ нравственнымъ, политическимъ и научнымъ воспитаніемъ. Писатель, искавшій всю жизнь, съ самаго начала своего поприща, жизненной правды — принужденъ былъ вывесть передъ нами, для составленія художническаго контраста, вмѣсто лица, мало-мальски отвѣчающаго идеѣ цивилизованнаго русскаго человѣка, — Оленина. Оленинъ только боленъ цивилизаціей; она успѣла разбить его первоначальную, довольно страстную и порывистую натуру, да такъ и оставила его въ лежачемъ положеніи, безъ средствъ подняться на ноги, потому что трудъ возстановленія себя, требуемый ею, былъ уже ему не подъ силу. Оленинъ пріѣхалъ на Кавказъ лечиться нравственно отъ цивилизаціи, пріобрѣсть однимъ цѣлебнымъ курсомъ все, недодѣланное ею, подобно тому, какъ другіе туда же ѣдутъ за облегченіемъ отъ физическихъ недуговъ, нажитыхъ извращенной жизнію. Нельзя сказать, чтобъ цивилизація обездолила Оленина совершенно: она дала ему спасительное безпокойство ума и чувства, много благородныхъ стремленій, но не показала ему никакой серьёзной цѣли существованія и лишила средствъ къ достиженію чего-либо основательнаго, такъ какъ всего этого онъ отъ нея и не требовалъ. Оленинъ имѣлъ несчастіе, еще и доселѣ грозящее многимъ — принять за настоящія цѣли образованія всю ту нарядную, тщеславную, суетную и легкомысленную

жизнь богатыхъ классовъ, которая въ годы его молодости была особенно развита. Едва ступилъ онъ ногой на Кавказъ, какъ всей душой потянулся къ величію его природы, а всего болѣе къ его свободнымъ обитателямъ, къ ясности всѣхъ ихъ мыслей, очевидности и доступности всѣхъ ихъ цѣлей. Такъ и должно было случиться съ человѣкомъ, который не предохраненъ ни отъ какихъ соблазновъ истинной, народной цивилизаціей. Нѣмецкіе и преимущественно англійскіе путешественники дали намъ множество трогательныхъ, поэтическихъ описаній первобытныхъ племенъ, встрѣченныхъ ими въ разныхъ концахъ свѣта; по какъ горячо ни сочувствовали они ихъ быту, какъ пламенно ни защищали ихъ отъ презрѣнія и равнодушія европейскихъ народовъ — ни одному изъ нихъ не приходила въ голову попытка упразднить въ себѣ свою собственную, народную цивилизацію. Напротивъ, они торжественно и съ достоинствомъ берегли передъ низшими племенами высокую, образовательную мысль своего отечества. Не то было съ Оленинымъ. Влюбившись въ Маріанну, что́ не подлежитъ разбору, такъ какъ любовь и страсть часто имѣютъ основаніе въ недоступныхъ психическихъ тайнахъ, Оленинъ пожелалъ еще сдѣлаться казакомъ, уничтожить въ себѣ зачатки нравственныхъ началъ и всю духовную жизнь, уже завязанную въ немъ полученнымъ образованіемъ, какова бы она ни была. Въ моральномъ смыслѣ это было равносильно тому же ползанію на четверенькахъ, тому же смѣшному пребыванію въ натурѣ, на манеръ адамитовъ, какое пробовали осуществить нѣкоторые наши философы изъ помѣщиковъ XVIII-го столѣтія, слишкомъ начитавшіеся и недовольно понявшіе Руссо. И когда, послѣ героической смерти Лукашки въ рукопашномъ бою съ засадой горцевъ, Маріанна съ ненавистью отвергаетъ постылую любовь Оленина, бѣдный юнкеръ уѣзжаетъ, сопутствуемый презрѣніемъ всей станицы, не исключая и друга своего Ерошки, сожалѣніе котораго тоже довольно подозрительнаго свойства. И Оленинъ вполнѣ заслужилъ эти проводы своей распущенностію, отсутствіемъ нравственной силы, которую могло бы ему доставить только дѣльное образованіе, если бы оно у него было. Этой силѣ подчинилась бы и станица, потому что, если она презираетъ всѣхъ, кого видитъ у себя изъ русскаго міра — солдатъ и чиновниковъ — то презираетъ по одной причинѣ: она не чувствуетъ въ нихъ самобытнаго характера и воли, а считаетъ ихъ только представителями извѣстныхъ распорядковъ. Изъ всѣхъ народовъ она уважаетъ одинъ, именно тотъ, съ которымъ ведетъ истребительную войну, и уважаетъ за способность его хорошо ненавидѣть и жить по-своему. Какъ истое славянское племя, она этому народу и подражаетъ въ лицѣ своихъ щеголей, перенимающихъ наряды и пріемы

знаменитѣйшихъ джигитовъ; дѣло даже не ограничивается только львами и денди станицы. Уже и понятія ауловъ, вмѣстѣ съ ихъ языкомъ, успѣли перейти въ нее, и малороссійскій говоръ казаковъ почти также испещренъ иностранными словами, какъ нашъ русскій разговорный языкъ. Эта глубоко-вѣрная черта подмѣчена тѣмъ же Оленинымъ, который оказался такимъ несостоятельнымъ лицомъ передъ „станицей", во-первыхъ, и передъ „образованностью", во-вторыхъ. Она напоминаетъ намъ, что Оленинъ, будучи запутаннымъ и шаткимъ характеромъ вообще, есть въ то же время самый зоркій наблюдатель жизни, самый воспріимчивый человѣкъ къ поэтическимъ оттѣнкамъ предметовъ и самый тонкій психологъ, по отношенію къ себѣ и другимъ. Противорѣчія, удивительно обрисовывающія его натуру и свойства его воспитанія!

Въ такомъ-то поэтическомъ и художественномъ видѣ является постоянная идея гр. Толстого въ романѣ, написанномъ, если не ошибаемся, лѣтъ десять тому назадъ. Какъ бы вы ни относились къ этой идеѣ, къ какимъ бы соображеніямъ и выводамъ она васъ ни приводила, но произведеніе, на ней основанное, благодаря участію настоящихъ творческихъ силъ въ его созданіи — остается все-таки образцовымъ по строгой вѣрности изображеній, по истинѣ и теплотѣ колорита, по свѣжести, красотѣ и вмѣстѣ реальности всѣхъ своихъ подробностей. Мы уже замѣтили, что искусство выбираетъ для себя предметы совершенно независимо отъ существующихъ мнѣній, относительно ихъ достоинства или ихъ недостатковъ, но оно уже никогда не лжетъ. Тотъ еще не понялъ романа, кто не почувствовалъ въ главныхъ дѣйствующихъ лицахъ его, пересчитанныхъ нами выше, удивительнаго сочетанія поэзіи съ самой жестокой, изобличающей правдой. То же сочетаніе, возможное единственно художникамъ, слышится и въ передачѣ обычаевъ, нравовъ, образа жизни и хода дѣлъ въ станицѣ. Они не составляютъ у гр. Толстого отдѣльныхъ описаній, но вплетены въ самую жизнь, имъ изображаемую, и текутъ вмѣстѣ съ нею, ни разу не отдѣляясь отъ нея: такъ искусство усвоиваетъ себѣ данныя этнографическаго свойства, возвращая ихъ дѣйствительности, изъ которой они обыкновенно отрываются наукой для болѣе удобнаго изслѣдованія. Впрочемъ, въ романѣ есть страницы, завоевывающія себѣ, такъ сказать, вниманіе и сужденіе читателя по силѣ поэзіи и правды, которая вѣетъ отъ нихъ. Врядъ ли сыщется воображеніе, которое не было бы поражено описаніемъ ночи въ „секретѣ", на берегу Терека, въ его камышахъ, съ переплывающимъ для добычи черкесомъ, фигурой молчаливаго горца, пришедшаго къ казакамъ выкупить тѣло убитаго брата, отчаяннымъ боемъ въ засадѣ, вѣнчающимъ пору собиранія винограда

и длинныхъ кутежей молодежи на улицахъ станицы, и многими другими сценами. Нельзя забыть, говоря о качествахъ этого романа, развитія его драмы: исторія отношеній Оленина къ станицѣ, Лукашкѣ и его невѣстѣ, этого страннаго соперничества между совѣстливой, повѣряющей себя личностію и коварствомъ и самоувѣренностію людей естественнаго быта, ведена съ постоянно возрастающимъ вдохновеніемъ, которому отвѣчаетъ постоянно возрастающій интересъ положенія. Мы удерживаемъ за романомъ право называться капитальнымъ произведеніемъ нашей литературы. Можетъ быть, онъ еще важенъ и тѣмъ, что поможетъ сохранить истинныя преданія искусства и творчества въ эпоху, когда послѣднимъ грозитъ опасность загрубѣть и выродиться отъ попытокъ миновать ихъ въ беллетристикѣ и достичь убѣдительности, на-зло имъ и безъ ихъ помощи.

Но послѣднее слово относительно произведенія гр. Толстого всетаки должно указать на полное отрицаніе естественнаго, непосредственнаго быта, какое заключается въ самомъ романѣ, несмотря на всю его прелесть, и къ какому приведенъ былъ авторъ, помимо своей воли, можетъ быть единственно тѣмъ, что̀ дѣлаетъ его замѣчательнымъ писателемъ,—вѣрностью избранному предмету, художническимъ исполненіемъ своей задачи. Мы не говоримъ о попыткахъ насильственнаго усвоенія простоты и безъискусственности патріархальнаго существованія: тѣ положительно и очень хорошо осуждены имъ въ лицѣ Оленина; но и первобытная община, возвеличенная его поэтическимъ описаніемъ, также осуждена уже однимъ тѣмъ, что выведена на-свѣтъ въ полномъ своемъ образѣ. Онъ самъ привелъ всѣ черты, указанія и подробности, которыя могутъ служить данными для процесса противъ общины, въ защиту морали, цивилизаціи, высшаго гражданскаго развитія. Мы не можемъ принять на себя труда, который былъ бы, впрочемъ, и лишній—перебрать всѣ такія черты, указанія и подробности; но достаточно будетъ упомянуть объ одной особенности, бросающейся въ глаза и подрывающей все значеніе станицы, какъ примѣра: станица не имѣетъ будущности; она временное явленіе, долженствующее съ развитіемъ мира и гражданственности на Кавказѣ уничтожиться со всѣми своими поэтическими отличіями и характерными чертами и, конечно, всякій, понимающій благо и призваніе своего отечества, не усомниться сказать, что чѣмъ скорѣе, для достиженія вышеозначенныхъ результатовъ, пойдетъ она къ концу своему, тѣмъ лучше.

Въ заключеніе — справедливость требуетъ замѣтить, что гр. Толстой не составляетъ, въ нашей литературѣ, отдѣльнаго, исключительнаго явленія. Вся мыслящая часть нашего общества занята ис-

каніемъ простоты, естественности, новыхъ мѣръ для опредѣленія нравственнаго достоинства человѣка и новыхъ способовъ воспитывать его политически и граждански. Литература собственно ничего другого и не дѣлаетъ: это такъ же вѣрно для ученой, политической и экономической литературы, какъ и для искусства и беллетристики. Подобное же движеніе замѣчается и въ современныхъ европейскихъ литературахъ, но у нихъ есть и коренное, громадное отличіе отъ того, что́ происходитъ у насъ. Тамъ люди ищутъ между народомъ и въ молчаливыхъ классахъ общества свѣжихъ родниковъ чувства и жизненныхъ откровеній, съ цѣлью внести здоровые соки въ свою утвердившуюся цивилизацію, которой, что́ бы они ни говорили въ порывѣ гнѣва и нетерпѣнія, никогда и ни на что ни промѣняютъ. Мы ищемъ другого: мы ищемъ, нѣтъ ли гдѣ у насъ, въ основныхъ слояхъ населенія, цѣльной, полной культуры, способной отвѣчать на всѣ законные запросы человѣка и общества и съ-разу помѣстить насъ въ средѣ совсѣмъ готовой, народной цивилизаціи. Исканіе европейскихъ литературъ выходитъ изъ заботы поддержать существующее зданіе на-вѣки въ первоначальной красотѣ, новизнѣ и свѣжести; наше исканіе есть еще странствованіе въ пустынѣ за обиталищемъ, которое, по мнѣнію писателей, и завоевывать не надо, которое насъ ждетъ совсѣмъ устроенное для того, чтобы успокоить всѣ наши требованія и стремленія. Идеалы простыхъ, естественныхъ и прочныхъ развитій смѣняются у насъ въ литературѣ одинъ другимъ, выказывая пламенную вѣру своихъ авторовъ, а иногда и высокія художническія ихъ достоинства. Покидая гр. Толстого съ великой благодарностію за все, что́ онъ далъ намъ испытать своимъ разсказомъ, мы встрѣчаемся съ другимъ авторомъ, также очень даровитымъ и исполненнымъ, въ высокой степени, энергіи и лирическаго паѳоса, что́ всегда служитъ признакомъ существованія у писателя замѣчательныхъ производительныхъ силъ. Мы говоримъ о г-жѣ Кохановской, недавно издавшей два тома своихъ повѣстей. У нея есть тоже свое „спасительное слово“, свое представленіе о началахъ, обусловливающихъ появленіе истинно-народнаго, мощнаго развитія и свои высокіе примѣры, въ которыхъ начала эти воплотились, но критика наша отнеслась къ идеаламъ автора только съ намеками, болѣе или менѣе оскорбительными, и не подвергла ихъ разбору, котораго они, сами по себѣ и по способу ихъ изложенія, далеко превышающему обычный уровень приличія и достоинства, казалось бы, вполнѣ заслуживали.

Г-жа КОХАНОВСКАЯ.

I.

Нѣтъ ничего легче, какъ снять со всѣхъ типовъ и изображеній г-жи Кохановской каррикатурную маску и представить ихъ на изнанку, въ уродливомъ видѣ. Писатели, обнаружившіе способность глубоко уважать и страстно любить тотъ міръ, который изображаютъ, всегда первые и подвергаются этому позору. Въ настоящемъ случаѣ незавидная работа извращенія типовъ и описаній, противопоставленія свѣтлымъ образамъ писателя страшныхъ образовъ, съ нихъ же и снятыхъ, значительно облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что идеалы г-жи Кохановской помѣщены совсѣмъ не тамъ, гдѣ литература и публика привыкли ихъ видѣть и снисходительно терпѣть. У насъ есть своего рода „*гето*“ для идеаловъ, кварталы, предоставленные для ихъ постояннаго „*мѣстожительства*“, процвѣтанія и нарожденія. Никто не удивится, напримѣръ, если они покажутся со стороны народа, въ нѣдрахъ крестьянскаго и купеческаго сословія, за которыми преимущественно и усвоено право производить ихъ, или если они сформировались на противоположномъ концѣ, на почвѣ высшаго общественнаго и духовнаго развитія: тогда критика и публика занимаются только вопросомъ — отвѣчаютъ ли сами идеалы высотѣ своего происхожденія? Но, кромѣ этихъ двухъ пунктовъ, отведенныхъ русскимъ идеаламъ, добрая часть публики не можетъ себѣ и представить возможности ихъ появленія гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, а еще менѣе, какъ у г-жи Кохановской, во всѣхъ мѣстахъ и во всѣхъ слояхъ общества, не исключая канцелярскаго и старопомѣщичьяго. Извѣстно, что г-жа Кохановская начинаетъ съ той точки, на которой остановился Гоголь: она ищетъ крѣпкаго, физически и нравственно мощнаго русскаго человѣка, и въ этомъ смыслѣ можетъ назваться продолжателемъ Гоголя, исполняя и доканчивая его предсмертную программу: показать міру глубину и величіе русской души, удивить его новымъ и необычайнымъ типомъ. Матеріаловъ для этого типа, недодѣланнаго или покинутаго Гоголемъ, г-жа Кохановская ищетъ въ твердости религіозныхъ убѣжденій, въ преданности свѣтлымъ преданіямъ родной поэзіи и въ нравственныхъ самостоятельно выработанныхъ началахъ провинціальнаго быта нашего, который поэтому и становится у нея питомникомъ и разсадникомъ многочисленной семьи крѣпкихъ, изумительно-мощныхъ людей. Народъ собственно остается тутъ въ сторонѣ: отъ него отбираются только самыя видныя черты ха-

рактера, самыя яркія качества его духовной природы, и вмѣстѣ съ творческой поэзіей, имъ созданной, разлагаются на весь міръ, безъ разбора состояній, воспитаній, привычекъ и направленій. Все становится народомъ. У г-жи Кохановской есть мѣщане и мѣщанки, способные выносить огромную массу бѣды и горя, не покривившись на сторону, и есть мелкопомѣстные дворяне, не уступающіе имъ въ терпѣніи и стойкости. Мѣщанинъ Кирила Петровъ и помѣщикъ Алексѣй Леонтьевичъ повѣсти „Гайка“ — родные братья по духу, пріемамъ и образу мыслей. Такъ и вездѣ. Холеная дочка богатаго помѣщика и бѣдная горожанка, воспитанная подъ тиранническою опекой матери — одинаково отличаются у г-жи Кохановской ясностію и веселіемъ духа, одинаково заражены страстію къ русской пѣснѣ, къ русской пляскѣ, къ формамъ русскаго общежитія, которыя вгоняютъ ихъ, такъ-сказать, въ ростъ героинь народной фантазіи и роднятъ до того, что даютъ имъ почти одно и то же лицо. Идеалы г-жи Кохановской могутъ даже рости подъ сѣнію присутственныхъ мѣстъ, какъ, напримѣръ — этотъ чудный канцеляристъ или подсудокъ „Черный“, въ которомъ весь народъ уважалъ природнаго поэта, слагателя и импровизатора пѣсенъ и который, сверхъ того, былъ поэтомъ и по глубинѣ чувства, нѣжности сердца и готовности къ самопожертвованію. Да и не только бѣдный подсудокъ, отдавшій жизнь, чтобъ спасти утопавшую лошадь, находитъ себѣ мѣсто въ пантеонѣ г-жи Кохановской, но тамъ высится также и изображеніе помѣщика екатерининскихъ временъ, со всѣмъ его барствомъ, самоуправствомъ и самопоклоненіемъ. Печать мощной русской природы, которая лежитъ на немъ, провела его туда ко всѣмъ другимъ обывателямъ этого пантеона.

Вообще надо сказать, что г-жа Кохановская мало заботится о дурной или сомнительной репутаціи, какая лежитъ на нѣкоторыхъ классахъ нашего общества и на нѣкоторыхъ эпохахъ нашей исторіи. Она останавливается только съ ироніей и нескрываемымъ презрѣніемъ предъ подражательной „образованностію“ столичныхъ людей, передъ холоднымъ изяществомъ ихъ манеръ, передъ условной моралью и началами ихъ спокойнаго, приличнаго и, въ сущности, не очень честнаго общежитія, которыми они силятся замѣнить крѣпкія основанія народнаго быта, утвержденныя на вѣрѣ, преданіи и поэзіи. За исключеніемъ этого отдѣла людей — у г-жи Кохановской нѣтъ никого на Руси, кто былъ бы лишенъ правъ на поэтическое существованіе. Даже комическія, каррикатурныя лица ея повѣстей, какъ, напримѣръ, рябой неповоротливый коммиссаръ повѣсти „Послѣ обѣда въ гостяхъ“, всегда могутъ надѣяться на симпатичное слово и всепрощеніе за одну способность увлекаться нѣкоторыми чертами

русской жизни. Довольно того, что въ душѣ человѣка есть отзвукъ на религіозныя и поэтическія представленія народа—онъ уже тѣмъ самымъ попадаетъ въ славное воинство г-жи Кохановской, гдѣ и рядовые освѣщены блескомъ стоящихъ около нихъ идеальныхъ личностей. Такъ или иначе, но авторъ уже найдетъ способъ показать, какую нравственную силу даетъ каждому такому лицу одна его чуткость къ основнымъ началамъ народнаго существованія, и какая способность терпѣть, прощать и блюсти себя отъ дурныхъ искушеній развивается въ немъ, по милости одного этого обстоятельства. Правда, г-жа Кохановская преимущественно обращаетъ вниманіе на торжественную, праздничную сторону, такъ-сказать, человѣческаго существованія и почти всегда упускаетъ изъ вида ту сторону, которая открывается въ сношеніяхъ людей съ посторонними, въ ихъ способахъ добывать себѣ положеніе и средства жизни, во взглядѣ ихъ на условія своего ремесла, своего занятія, и на ближайшую обстановку того и другого. Мы не знаемъ, напримѣръ, что́ думалъ поэтическій канцеляристъ о своей службѣ въ провинціальномъ судѣ, и еще менѣе знаемъ, какъ относился благородный прикащикъ Кирила Петровъ къ купеческимъ порядкамъ, на которыхъ выросъ, уже не говоря о великодушномъ коммиссарѣ, полтора года терпѣвшемъ презрѣніе страстно любимой жены. Тутъ вопросъ — вносилъ ли онъ что-нибудь изъ своего стоицизма и въ исполненіе своихъ коммиссій—рождается самъ собою. Да и психическая работа г-жи Кохановской не всегда исчерпываетъ свой предметъ, какъ будто пугаясь нѣкоторыхъ вопросовъ. Можно спросить, напримѣръ, дѣйствительно ли всемогущій помѣщикъ повѣсти: „Изъ провинціальной галереи портретовъ“, Гаврила Михайловичъ, былъ убѣжденъ, что на его сторонѣ стоитъ и божескій законъ, такъ глубоко имъ уважаемый, когда онъ отдавался съ наслажденіемъ своей страсти безгранично властвовать надъ окружающими, да и относительно чудной дочки его, Анны Гавриловны, сохранившей до гроба привязанность и благорасположеніе къ молодости—еще не устранено вполнѣ сомнѣніе: было ли превосходное качество это слѣдствіемъ ея чисто-народнаго воспитанія, или его можно считать результатомъ того благодѣтельнаго эгоизма, который заставляетъ людей, прожившихъ весь свой вѣкъ въ достаткѣ и почетѣ, искать и собирать вокругъ себя одни счастливыя лица. Мы покажемъ далѣе, что по свойству своей задачи и по роду своихъ произведеній, г-жа Кохановская имѣла полное право обойти всѣ эти и имъ подобные вопросы, но тѣмъ не менѣе они еще могутъ сдѣлаться очень приличными тэмами для критики, не сочувствующей идеаламъ автора, и замѣнить выгоднымъ образомъ опроверженіе этихъ идеаловъ посредствомъ карри-

катуры или напоминовенія всѣхъ позорныхъ дѣяній, злоупотребленій и пошлостей, которыя когда-либо встрѣчались въ провинціальномъ, народномъ и общественномъ бытѣ нашемъ.

Но что за дѣло г-жѣ Кохановской до болѣе или менѣе основательныхъ требованій: она имѣетъ страстныхъ поклонниковъ, которыхъ пріобрѣла совсѣмъ не даромъ. Мысль, лежащая въ основаніи ея произведеній—обольстительна сама по себѣ для народнаго чувства, а поэтическая обработка мысли еще придаетъ ей силы. Формы романа или повѣсти, установленныя нашей литературной эпохой, почти уже и не могутъ вмѣстить въ своихъ рамахъ переростающія ихъ лица, каковы идеальныя лица г-жи Кохановской; кромѣ обыкновенныхъ средствъ романа или повѣсти, тутъ требуются еще другіе способы для передачи особеннаго значенія ея героевъ, которые столько же живые люди, сколько и пямятники народной доблести. Въ чемъ состоитъ главная задача романа и повѣсти, внѣшніе пріемы которыхъ усвоены и нашимъ авторомъ? Всего болѣе, кажется, въ томъ, чтобъ показать, какія отношенія существуютъ между дѣйствующими ихъ лицами и всѣми сторонами общественнаго развитія той или другой страны въ данную минуту, разобрать всю ту поучительную исторію, когда, движимые особенными, личными побужденіями (интрига или басня романа), они встрѣчаются съ укоренившимися, историческими порядками, съ разнообразнымъ міромъ воззрѣній и началъ, видоизмѣняютъ его и принимаютъ сами его воздѣйствіе на себя. Но такой романъ или повѣсть на половину безсильны передъ лицами, которыя единственно заняты развитіемъ собственныхъ началъ, хотя бы то было развитіе великолѣпное, которымъ незнакомы, по опыту, взгляды, стремленія и страданія другой половины общества и которыя не встрѣчаютъ ни отъ кого никакихъ возраженій и препятствій противъ своей попытки сдѣлаться *примѣрами* жизни. Такимъ лицамъ не достаетъ связей, сношеній, движенія, нужнаго роману; у нихъ нѣтъ обмѣна чувствъ, интересовъ, мыслей съ людьми иначе настроенными, они лишены воспитанія, доставляемаго честной враждой и неожиданными столкновеніями, словомъ — они живутъ совсѣмъ не той жизнію, которая можетъ быть исчерпана записками, біографіей, романомъ, а той величавой и уединенной жизнію, для которой уже потребна эпопея. Вотъ почему и у г-жи Кохановской сами собою образовались эпическіе пріемы въ изображеніи идеаловъ, на ряду съ романическими, да и они еще переходятъ въ пламенный диѳирамбъ, когда дѣло коснется до тѣхъ религіозныхъ и поэтическихъ элементовъ, которыми вскормлены ея герои. Не то, чтобы автору не доставало прямого наблюденія жизни; наоборотъ, даромъ наблюденія онъ обладаетъ въ замѣчательной степени, какъ

показываютъ многія тонкія черты и подробности его описаній, но поэтическое настроеніе автора безпрестанно перебиваетъ ему дорогу. Оттого главныя дѣйствующія лица маленькихъ эпопей г-жи Кохановской всѣ написаны немного *выше* человѣческаго роста и по духу своему очень родственны съ типами сказочныхъ богатырей, къ которымъ вообще клонятся, какъ дерево къ близкому источнику. Обиліе фантазіи и чувства составляетъ даже мученіе автора: онъ никогда не знаетъ, додѣлано ли любимое его лицо, не можетъ оторваться отъ него и покидаетъ его только тогда, когда всѣ черты образа доведены до гиперболическаго выраженія, а нравственный его характеръ собранъ весь, какъ въ фокусъ, въ одинъ неимовѣрный и баснословный поступокъ. Кирила Петровъ измучиваетъ себя и виновную жену до послѣдней степени нравственнаго изнеможенія — и вдругъ, цѣликомъ и разомъ, даетъ ей полное прощеніе. Для сознанія себя непреклонно твердымъ и честнымъ человѣкомъ, Гаврилу Михайловичу необходимо высѣчь зятя, осчастлививщаго и озолотившаго его старость, за похищеніе дочери, на что́ и зять — точно съ такимъ же непреклоннымъ характеромъ — соглашается, какъ на полный подвигъ доблести. Анна Михайловна, можетъ быть, еще сильнѣе постаралась выразить крѣпость своей физической и нравственной природы. Неожиданныя муки родовъ застали ее на семейномъ пиру и въ средѣ русской пляски, которую она все-таки доканчиваетъ, черезъ нѣсколько часовъ, въ томъ же блестящемъ костюмѣ, какой носила до родовъ, и начиная пляску съ того же стиха и темпа, на какомъ ее покинула. По выраженію поэта, тутъ все „растетъ и рвется вонъ изъ мѣры“. Пламенный энтузіазмъ слышится у автора и во всѣхъ превосходныхъ его описаніяхъ природы, нравовъ и обычаевъ, жизненныхъ порядковъ провинціальнаго быта, и часто съ необычайной силой прорывается наружу, накопляя въ одномъ мѣстѣ громаду красокъ и подробностей. Иногда кажется, что описаніе кончено, что оно достигло крайняго предѣла своего, и съ удивленіемъ видишь, какъ неисчерпаемая фантазія автора продолжаетъ работать неустанно, отыскиваетъ новые матеріалы и трудится до тѣхъ поръ, пока, выбившись изъ силъ, самъ поэтъ начинаетъ, повидимому, замѣчать, что излишнее напряженіе творчества уже стало выводить тяжелыя, вычурныя подробности, грозящія изуродовать весь красивый, первоначальный планъ его постройки.

Но въ средѣ этой жарко-расписанной и лучезарной обстановки, между этими болѣе или менѣе колоссальными личностями, г-жа Кохановская обыкновенно помѣщаетъ или простодушный отрывокъ изъ старыхъ преданій, или маленькую, трогательную домашнюю исторійку, которыя и даютъ всему реальный смыслъ, всѣхъ привязываютъ

къ землѣ и непремѣнно вводятъ въ мѣрку дѣйствительной жизни. Мастерство г-жи Кохановской обнаруживается особенно въ томъ, что эпическія лица ея повѣстей совершенно свободно вращаются въ тѣсной и убогой рамѣ очень обыкновеннаго событія, разумѣется, до минуты поэтическихъ экстазовъ, часто ихъ посѣщающихъ. Весьма замѣчательно при этомъ и другое обстоятельство. Изображенія ея, взятыя отдѣльно, кажутся громадными, а поставленныя на свое мѣсто и приведенныя въ движеніе теченіемъ разсказа, тотчасъ понижаются въ уровень со скромной жизнію, облегающей ихъ со всѣхъ сторонъ. Явленіе объясняется очень просто. Г-жа Кохановская умѣетъ съ неподражаемымъ искусствомъ ввести въ самыя волшебныя, неимовѣрныя картины русской жизни множество неотразимо-вѣрныхъ подробностей и принудить читателя, такимъ образомъ, согласиться на признаніе всей картины цѣликомъ за истину, со всѣми частями ея. Искусство это переходитъ иногда просто въ дипломатическую уловку. Такъ, въ лучшей своей повѣсти: „Послѣ обѣда въ гостяхъ“ (изображеніе жизни и продѣлокъ бѣдной, трудовой и вмѣстѣ рѣзвой и душевно-цѣломудренной молодежи уѣзднаго городка достигаетъ здѣсь идилліи, не уступающей, по глубинѣ своего смысла, старосвѣтскимъ помѣщикамъ Гоголя) — г-жа Кохановская скрывается за разсказчицей, прелестной, бодрой и живой старушкой, Любовью Архиповной, которую притомъ и выводитъ на сцену чрезвычайно ловко. А скрывается она за тѣмъ, чтобъ Любовь Архиповна сообщила оттѣнокъ простодушія, наивности и безхитростности той части разсказа, гдѣ вводныя лица усильно и чрезвычайно подробно обработаны авторомъ въ смыслѣ идеаловъ. Мы не будемъ разбирать многихъ другихъ художническихъ и нехудожническихъ пріемовъ г-жи Кохановской, посредствомъ которыхъ она миритъ свое поэтическое созерцаніе съ насущной истиной; скажемъ только, что всѣ героическіе характеры ея такъ или иначе, но непремѣнно замкнуты въ кругъ дѣйствительности русской жизни, и всемѣрно стараются доказать своимъ жаркимъ участіемъ въ самыхъ обыкновенныхъ ея явленіяхъ, что они именно ею порождены, а не пламеннымъ воображеніемъ поэта. Но не это постоянное столкновеніе двухъ различныхъ внушеній, — восторженной мысли автора и суровой правды реальнаго міра, не эти постоянныя сдѣлки между ними — даютъ прелесть и значеніе произведеніямъ г-жи Кохановской, а именно тѣ маленькія, обыкновенныя семейныя драмы, которыя покоряютъ себѣ натуру горделивыхъ типовъ ея и сдерживаютъ ихъ, насколько могутъ, въ должныхъ границахъ. Если припомнить, къ какимъ глубокимъ психическимъ разъясненіямъ даютъ поводъ эти простыя и трогательныя исторіи (примѣромъ можетъ служить превосходный

анализъ тайныхъ, молчаливыхъ страданій старухи-матери, воеводши Павлихи, въ повѣсти „Гайка“), если припомнить также, что г-жа Кохановская почти во всѣхъ своихъ повѣстяхъ, безъ исключенія, умѣетъ нѣсколько разъ вдругъ ударить по всѣмъ струнамъ человѣческаго сердца съ силой, вызывающей невольно слезу у читателя — то понятно, какого рода искупленіе составляютъ онѣ для спорныхъ или преувеличенныхъ образовъ. Благодаря тѣмъ же простымъ исторіямъ, можно даже придти къ заключенію, что всѣ нравственные великаны и богатыри г-жи Кохановской созданы совсѣмъ не для того, чтобы величаться или кичливо выситься надъ жизнію, а, напротивъ, призваны сослужить ей простую, домашнюю службу: какъ новаго рода миѳическіе Атласы, они поднимаютъ на свои плечи и высоко держатъ на показъ народно-провинціальный русскій бытъ со всѣми его преданіями, вѣрованіями, обычаями, со всей его поэзіей, въ чемъ и состояла прямая цѣль и задача автора.

II.

Дѣйствительно, присмотрѣвшись ближе, легко замѣтить, что у г-жи Кохановской разсказъ имѣетъ въ виду не одну драму и лица, въ ней участвующія, по столько же, если не болѣе, и бытъ, который породилъ ихъ. Хотя мѣсто дѣйствія всѣхъ ея повѣстей — преимущественно должно искать въ Малороссіи, но она возводитъ коренныя начала ея жизни въ такія общія опредѣленія, что они становятся годны и для всего русскаго племени. Въ чемъ же заключается особенность и сущность ея отношеній къ народно-провинціальному быту нашему? Прежде всего—кажется намъ—въ желаніи освободить этотъ бытъ отъ недоумѣнья и постояннаго страха за себя, которые нагнаны были на него презрительнымъ обращеніемъ литературы, неумолкаемыми окриками, выговорами и насмѣшкой, сыпавшимися на него съ незапамятныхъ временъ. Конечно, и прежде г-жи Кохановской были люди, которые обращались съ нимъ гуманно и снисходительно въ своихъ описаніяхъ, но безъ оговорокъ дѣло почти никогда не обходилось; г-жа Кохановская первая подошла къ провинціальному быту, тождественному съ народнымъ въ ея глазахъ — со страстной любовью, съ явнымъ намѣреніемъ почерпнуть въ немъ не только вдохновеніе, но и житейскую мудрость. Въ задачѣ ея нѣтъ ничего пошлаго, филантропическаго: совсѣмъ не изъ жалости старается она помочь народно-провинціальному быту сбросить съ себя то состояніе запутанности, въ которое онъ былъ поверженъ необычайной строгостію *„образованныхъ“* классовъ, а изъ

удивленія къ основамъ его духовной жизни. Всѣми своими созданіями, всѣмъ смысломъ своихъ разсказовъ она усиливается извлечь множество душъ изъ-подъ грознаго суда „столичной образованности“, передъ которымъ онѣ привыкли нѣмѣть въ ужасѣ, снять съ нихъ опасеніе за неисполненные уроки современной науки и дѣтскій трепетъ въ виду трудныхъ и многосложныхъ ея задачъ. Она объясняетъ имъ, что они сами сохранили отъ прошлыхъ временъ и исторіи элементы просвѣщенія, нравственности и мощи, которые могутъ быть противопоставлены всему тиранническому законодательству чуждой имъ цивилизаціи. Отсюда собственное одушевленіе автора, и что-то въ родѣ реформаторской мысли, которая отражается на всѣхъ его лицахъ и даже на драмахъ. Они не только лица или драмы, а ученіе; они подаютъ голосъ протеста и намекаютъ на особенное содержаніе, когда, повидимому, занимаются только своимъ дѣломъ. Нѣтъ никакой надобности разузнавать, что́ собственно возвѣщается этимъ голосомъ, и еще менѣе надобности разрушать цѣлое поэтическое созданіе для того, чтобъ опредѣлить съ точностію, имѣетъ-ли оно поползновеніе разрѣшить всю задачу русскаго существованія или нѣтъ, и насколько достовѣрно предположеніе, что оно желало бы противопоставить философскимъ и научнымъ опредѣленіямъ всѣхъ жизненныхъ явленій—религіозныя и наглядныя; разнообразному искусству и сложнымъ эстетическимъ потребностямъ развитыхъ обществъ—народную поэзію; исканію лучшихъ гражданскихъ и политическихъ формъ—покойную ссылку на избранныя преданія своей исторіи. Можетъ быть съ нѣкоторыми усиліями и отыщется нѣчто подобное въ намекахъ той или другой повѣсти г-жи Кохановской, но что за дѣло? Важность совсѣмъ не въ этомъ, а въ томъ, что цѣлый, многочисленный классъ народа началъ говорить и *чувствовать* себя — устами и сердцемъ своего поэта. Общество заслышало еще одинъ свободный и благородный голосъ — вотъ что важно. Черезъ посредство г-жи Кохановской провинціальному быту возвращена вѣра въ самого себя и право открыто исповѣдовать ее. Послѣ долгой репутаціи отсталости и безумія, весь этотъ міръ осмысленъ повѣстію г-жи Кохановской: его радости, печали, привычки и воззрѣнія — все освѣтилось лучомъ поэзіи и пріобрѣло знаменательное выраженіе. Можно сказать, что онъ проснулся въ нашей литературѣ прямо къ торжеству, къ какому-то свѣтлому и праздничному дню своего возстановленія: не только духовная сторона его существованія получила высокую оцѣнку, но и во всей его житейской обстановкѣ отыскана мысль, которой прежде нигдѣ у него не находили. Церкви и домики его городовъ, скромныя рамки его домашней жизни, уголки его садиковъ, дворовъ и огородовъ, не говоря уже о природѣ —

все выросло и выступило впередъ, требуя себѣ почетнаго мѣста въ картинѣ русской жизни. Г-жа Кохановская, впрочемъ, не ограничилась настоящимъ, современнымъ бытомъ народно-провинціальнаго населенія: ей не страшна и отдѣльная исторія каждаго класса; она свободно и смѣло обращаетъ глаза къ прошедшему всѣхъ сословій, даже и такому, какъ помѣщичье, которое обременено тяжестью упрековъ, гнѣва и негодованія моралистовъ. Она и тамъ видитъ высокіе самостоятельные характеры, заслуживающіе удивленія, она и тамъ видитъ силу народныхъ началъ, пробивающихся сквозь дикія формы существованія, и очевидно думаетъ, что „столичная образованность", желая измѣнить эти формы — подорвала самыя начала. Такимъ образомъ и прошедшее возвращено народно-провинціальному быту: онъ можетъ гордиться и своимъ прошедшимъ, также точно какъ собою и всѣмъ, что къ нему принадлежитъ.

Можно спросить, конечно, не миражъ ли все это, нѣтъ ли тутъ поэтическаго обмана, который тѣмъ сильнѣе, чѣмъ далѣе уходитъ отъ дѣйствительности, такъ-какъ успѣхи описываемыхъ классовъ въ сферѣ реальнаго, практическаго міра, на поприщѣ гражданственности и общежитія, всѣ на лицо и далеко не соотвѣтствуютъ обѣщаніямъ, какія даютъ руководящія ихъ начала, разрѣшаясь по большей части весьма бѣднымъ итогомъ. Мы обязаны сказать, что миражи подобнаго рода есть тоже великая сила и необходимое орудіе при воспитаніи народа: они перестаютъ быть чѣмъ-то отвлеченнымъ, несуществующимъ, призрачнымъ. Когда мы видимъ, что съ помощью ихъ нѣмцы, французы, англичане возвышаютъ народное сознаніе до такой степени, что каждый человѣкъ въ государствѣ начинаетъ понимать свою національность, какъ первенствующую, избранную національность земного шара, то, ближе разсматривая дѣло, легко увидать, что тутъ нѣтъ никакого обмана, ни съ какой стороны. Миражъ становится истиной или, по крайней мѣрѣ, орудіемъ истины, какъ только способствуетъ укрѣпленію и развитію настоящихъ, коренныхъ началъ народнаго существованія. Въ этомъ смыслѣ легко оправдаться и г-жѣ Кохановской отъ всѣхъ упрековъ въ излишнемъ благорасположеніи къ своему предмету. Мы смотримъ на произведенія г-жи Кохановской какъ на задачу поднять, средствами поэзіи и художническаго разсказа, *народный духъ* страны и, само собой разумѣется, раздѣляемъ мнѣніе, что при этомъ всякаго рода истины могутъ быть отстранены отъ участія въ опредѣленіи явленій, кромѣ тѣхъ, которыя прямо ведутъ къ предположенной цѣли.

Точно такого же рода задачи породили въ Европѣ извѣстныя произведенія Ауербаха, Фрейтага, миссъ Эллiотъ и др., въ которыхъ авторы эти изображаютъ тихую, трогательную, благородную жизнь

скромныхъ сословій своихъ родинъ, съ цѣлью ободрить первыя и внушить имъ довѣріе къ нравственнымъ своимъ силамъ. Задачи эти возникли не изъ счастливой находки или догадки отдѣльнаго лица: въ нихъ была настоятельная общественная потребность съ тѣхъ поръ, какъ узнали, что для полнаго развитія государства необходимо ввести въ его исторію всѣ тѣ сословія, которыя доселѣ играли въ ней страдательную роль, задерживая или даже искривляя правильный ходъ ея. Изъ всѣхъ способовъ перемѣнить эту страдательную роль на дѣйствующую и вліятельную забытъ былъ одинъ и надежнѣйшій — внушить отсталымъ сословіямъ убѣжденіе, что они имѣютъ сказать отъ себя весьма важное, нужное слово, что у нихъ есть капиталъ въ умѣ, взглядахъ и понятіяхъ, который можно предъявить съ гордостію и для котораго можно требовать вниманія и уваженія. Вѣдь одинъ только бытъ, высоко оцѣнивающій себя, всегда и пріобрѣтаетъ вліяніе на исторію страны, и только такой, который настоятельно требуетъ себѣ мѣста въ исторіи—его и получаетъ. Для школы, къ которой принадлежитъ г-жа Кохановская, истина эта, надо правду сказать, открылась ранѣе другихъ. Конечно, старый методъ подвигать къ „*прогрессу*“ замедлившія сословія—пристыженіемъ и понужденіемъ ихъ, былъ отвергнутъ школой съ перваго появленія своего; но она, кажется, не очень высокаго мнѣнія и о лекарствѣ противъ неподвижности темныхъ классовъ общества, заключающемся во всеобщей грамотности, разведеніи школъ, расположеніи учителей, обязательномъ ученіи и т. д. Всѣ усилія свои школа обратила въ другую сторону, на то именно, чтобъ узнать — нѣтъ ли въ нижнихъ слояхъ общества, паче чаянія, такихъ высокихъ задатковъ нравственнаго развитія, которые бы позволили имъ открыто уважать себя, нѣтъ ли тамъ еще неподозрѣваемыхъ духовныхъ силъ и орудій, важность которыхъ стóитъ только объяснить заслоненному населенію, чтобъ съ-разу выдвинуть его впередъ и поставить въ уровень съ привилегированными агентами современной нашей исторіи. Ученіе это открыло путь множеству самыхъ благопріятныхъ для народа изысканій и еще большему количеству самыхъ блестящихъ надеждъ и великолѣпныхъ обѣщаній. Не все въ этомъ трудѣ, продолжающемся и донынѣ, подтвердилось на опытѣ, практической повѣркой, но онъ дѣйствительно указалъ на существованіе въ отечествѣ нашемъ важнаго историческаго матеріала, которымъ пренебрегать болѣе нѣтъ возможности. Участь своей школы должна раздѣлить г-жа Кохановская. Все, чтó есть въ ея произведеніяхъ неосновательно-реформаторскаго, все, чтó относится у нея къ поэтическому увлеченію принципомъ, а не къ самому дѣлу, будетъ устранено даже первыми зачатками оригинальной политической дѣятель-

ности тѣхъ самыхъ классовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, когда они приступятъ къ этой дѣятельности; но имя г-жи Кохановской, какъ жаркаго адвоката народно-провинціальнаго быта, извлекшаго художнически изъ молчаливой среды его столько трогательныхъ и поучительныхъ разсказовъ — всегда останется однимъ изъ весьма почетныхъ и вмѣстѣ горячо-любимыхъ именъ. Намъ кажется, что восторженныя описанія г-жи Кохановской какъ самаго этого быта, такъ и мощнаго человѣка, имъ порождаемаго, должны открыть для того и другого новую эру жизни и новый видъ художническаго воспроизведенія въ литературѣ. Повѣсть нашего автора—это только простое свидѣтельство объ ихъ появленіи на сцену, то, что́ французы называютъ: „acte de présence"—удостовѣреніе въ своемъ прибытіи къ мѣсту. Если народно-провинціальный бытъ и мощный человѣкъ его не ограничатся однимъ этимъ актомъ, то надо ожидать, что благородное правило нашего автора—провиниться скорѣе изобиліемъ красокъ и поэтическимъ умноженіемъ качествъ предмета, чѣмъ какого-либо рода недоговоромъ и умолчаніемъ—окажется совершенно ненужнымъ. Только тогда весь нынѣшній міръ повѣстей г-жи Кохановской удостовѣритъ общество въ дѣйствительномъ своемъ существованіи, въ способности къ развитію и въ нравственной силѣ своей природы, когда доростетъ до того, что сдѣлается доступенъ для строгаго, серьёзнаго, хотя и симпатическаго романа, который могъ бы показать, не задумываясь, всѣ стороны своего предмета, передать его цѣликомъ съ его слабостями и съ его добродѣтелями, и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружить борьбу этого міра, какъ внутри себя, такъ и съ другими гнетущими его сферами жизни, изъ одной задачи — ослабить и уничтожить первыя и дать возможный просторъ вторымъ.

Г-нъ ПИСЕМСКІЙ.

Мы принуждены начать отчетъ нашъ о новомъ и замѣчательномъ произведеніи г. Писемскаго [1]) — нѣсколькими строгими словами, и вотъ по какому поводу. Обиліе таланта и разнообразныхъ творческихъ силъ, употребленныхъ въ дѣло авторомъ при созданіи своего романа, не соотвѣтствуетъ результатамъ, какихъ можно было ожидать отъ нихъ, не даютъ всего, что́ обыкновенно получается при обдуманномъ ихъ употребленіи. Главная причина этого относительнаго безсилія

---

[1]) „Взбаламученное море"—въ „Русскомъ Вѣстникѣ", 1863 г., № 3—8.

весьма могущественныхъ орудій творчества кроется, по нашему мнѣнію, въ томъ, что романъ г. Писемскаго не имѣетъ, такъ сказать, береговъ, не замкнутъ въ необходимыя и естественныя свои границы. Задача, которую поставилъ себѣ авторъ, не испугала его своей обширностью, количествомъ разнообразныхъ свѣдѣній, необходимыхъ при ея исполненіи, и трудностію политическаго и этнографическаго анализа, ею вызываемаго. Онъ взялся именно изобразить послѣднее 20-ти-лѣтіе современной нашей исторіи и всѣ тѣ элементы порчи, анархіи, легкомыслія и бойкаго невѣжества, которыя оказались въ обществѣ, когда оно потрясено было до основанія моральнымъ и матеріальнымъ кризисомъ, неожиданно посѣтившимъ его. Положимъ, однакоже, что задача такого рода подъ силу роману вообще; ясно, что овладѣть ею онъ можетъ только на условіи—отыскать ей рамки, сжать богатое ея содержаніе въ одно драматическое, глубоко-поучительное событіе и, умаливъ въ объемѣ, такъ-сказать, приписать его къ анекдоту. Романъ не можетъ иначе передавать цѣлыя эпохи развитія, какъ посредствомъ анекдота или случая, вырваннаго изъ сплошной массы происшествій. Онъ оказывается даже несостоятельнымъ употребить въ дѣло два равносильныхъ, одинаково важныхъ историческихъ анекдота, которые такъ легко укладываются въ жизни, и присужденъ всегда къ одной постоянной работѣ — заниматься, въ виду гораздо болѣе пышной картины, исключительно однимъ бѣднымъ частнымъ случаемъ, наполняя его только отличительными чертами времени, оживляя его духомъ и главной мыслію эпохи. Правда, что подъ искусной рукой поэта такой бѣдный случай иногда лучше выражаетъ развитіе даннаго историческаго момента и его моральное значеніе, чѣмъ иное ученое изслѣдованіе, но это уже относится къ тѣмъ свойствамъ и качествамъ поэзіи, посредствомъ которыхъ она, не покидая своей сферы, становится помощницей науки. Г-нъ Писемскій не хотѣлъ подчиниться этой роли романиста при исполненіи своей задачи: онъ сдѣлалъ прямо современную эпоху предметомъ своего разсказа, какъ показываетъ и само заглавіе его. А изъ этого вышло, что современная эпоха присуждена у него составлять интригу романа, что главнымъ дѣйствующимъ лицомъ оказывается непосредственно та же современная эпоха, а ходъ и развитіе романа должны уже считаться равносильными и тожественными съ самымъ ходомъ и развитіемъ нашей исторіи. Болѣе крупной ошибки нельзя было и сдѣлать.

Мы очень хорошо знемъ, что въ романѣ есть частное событіе, которое даетъ возможность всѣмъ дѣйствующимъ его персонажамъ сходиться какъ на общеизвѣстномъ сборномъ пунктѣ для того, чтобъ показать себя въ публикѣ: иначе пришлось бы искать ихъ по до-

мамъ, каждаго въ своемъ уголкѣ, и заняться ихъ отдѣльными біографіями. Обойтись совсѣмъ безъ частнаго случая при разсказѣ — не было возможности, но все дѣло въ вопросѣ: дорожитъ ли авторъ настоящимъ содержаніемъ своего произведенія? Для г. Писемскаго оно видимо дѣло не существенное, почти второстепенное, и всю свою важность получаетъ только отъ того, что служитъ полезнымъ сообщникомъ при достиженіи другой, тайной цѣли. Это обнаруживается и въ поверхностномъ его развитіи, и во вводѣ эпизодовъ, не имѣющихъ къ нему почти никакого отношенія (семейная драма Бакланова и исторія преступленій откупа представляютъ двѣ различныя, едва связанныя интриги въ романѣ), а особенно въ томъ, что нельзя указать, которое изъ лицъ или происшествій должно считаться главнымъ и основнымъ—Баклановъ ли и его связи съ Софи Линевой, исторія ли многочисленныхъ похожденій этой женщины, или, наконецъ, картина общаго нравственнаго потрясенія, выбившаго каждаго человѣка изъ его привычной, житейской и умственной колеи. Такъ какъ „*содержаній*“ въ романѣ очень много, то естественно, что ни одно не оставляетъ въ немъ глубокаго слѣда, а всѣ несутся передъ читателями, словно какое-нибудь „*перекати-поле*“ вдоль необозримой дороги. Для того, чтобы поспѣть за всѣми тэмами своего разсказа, которые ему одинаково дороги, авторъ принужденъ былъ распоряжаться людьми и обстоятельствами крайне самовластно, иногда съ пренебреженіемъ многихъ немаловажныхъ условій русской жизни. Люди у него собираются въ группы, разбѣгаются по сторонамъ и наконецъ изводятся съ калейдоскопической быстротой и легкостію; время для совершенія разнообразнѣйшихъ физическихъ и нравственныхъ превращеній вовсе имъ не отпущено, или отпущено съ необычайной скупостію. *Разсѣченіе узловъ* возведено въ правило, принципъ, и производится въ огромныхъ размѣрахъ. Баклановъ два раза садится въ *чужую* карету и уѣзжаетъ, такимъ образомъ, одинъ разъ отъ надоѣвшаго ему семейства, а въ другой разъ прямо за границу — безъ дальнѣйшихъ формальностей. Авторъ является наконецъ даже самъ, собственною персоной на сцену, и—подъ видомъ изложенія личныхъ своихъ ощущеній—принимается исподтишка связывать части своего романа, завершая этимъ *tour-de-force* рядъ точно такихъ же, очень ловкихъ изворотовъ, которыми старался собрать, въ другихъ случаяхъ, разрозненные его члены. Необходимаго единства авторъ такъ-таки и не добылъ для романа, потому что пытаться цѣликомъ и огуломъ перенести движеніе какой-либо эпохи въ разсказъ—значитъ именно разсказа-то и не получить. Это было естественнымъ послѣдствіемъ первоначальной ошибки автора, которая повлекла за собой и другія, не менѣе важныя.

Но при этомъ никакъ не слѣдуетъ забывать, что ошибка, сейчасъ указанная, сдѣлана весьма сильнымъ талантомъ. Поэтому и поправка ошибки въ романѣ и способы, употребляемые авторомъ для избѣжанія ея неминуемыхъ результатовъ и для сокрытія ея слѣдовъ—точно также должны носить слѣды замѣчательнаго, первокласснаго литературнаго дарованія. Это именно и обнаруживается съ первыхъ же сценъ и картинъ, которымъ тутъ предназначено замѣнить съ лихвой недостатокъ правильнаго развитія драмы и частнаго событія. Сколько въ сценахъ и картинахъ этихъ встрѣчается типическихъ личностей, взятыхъ изъ разныхъ слоевъ общества, сколько юмора, комизма и одушевленія, не всегда даже умѣющаго и владѣть собою! Особенно хороши тѣ лица и положенія, которыя могли быть переданы безъ психическаго анализа и которыя до того жизненны, очевидны въ своей пошлости или своей оригинальности, что дѣлаютъ попытку дополнять ихъ какимъ-либо изслѣдованіемъ — совершенно неумѣстною. Вообще рѣдко авторъ нашъ бываетъ такъ силенъ, какъ въ то время, когда у него дѣло говоритъ само за себя и когда онъ освобожденъ отъ необходимости разбирать его и помогать ему выказаться. Въ какихъ поясненіяхъ нуждается, напримѣръ, фигура Іоны-циника? Она проста и типична до того, что все ея прошедшее и вся внутренняя жизнь открываются съ-разу, при первомъ словѣ. Образцовый кадетъ Басаргинъ, способный приколотить любовницу для внушенія ей почтительнаго страха, напакостить благодѣтелю, и къ тому же сдѣлавшій себѣ цѣлью жизни — исканіе денегъ, причемъ не пренебрежено и литературное обличеніе, какъ одинъ изъ видовъ атаки на чужіе карманы—тоже простъ и не требуетъ разъясненій. Онъ собственной персоной исповѣдуетъ всего себя, до послѣдняго помышленія. Незачѣмъ было также автору много рыться въ душѣ человѣческой и заботиться о тонкихъ оттѣнкахъ чувства и мысли, когда онъ рисовалъ управляющихъ, которые тотчасъ послѣ полученія петербургкой почты превращались изъ простыхъ, всѣмъ понятныхъ звѣрей въ баснословныя существа на половину животной и на половину человѣческой природы, или когда онъ набрасывалъ широкой своей кистью портретъ модной и образованной дамы, служащей проводникомъ для тайныхъ сдѣлокъ главнаго лица въ губерніи съ своими подчиненными, или когда еще выводилъ передъ нами двухъ гимназистовъ-прогрессистовъ, глубоко презирающихъ своего отца, знаменитаго откупщика, за необразованность, неумѣнье жить по-барски и фальшивую поддѣлку комнатъ подъ золото, дубъ и мраморъ, вмѣсто того, чтобъ имѣть все это на-чистоту, и проч., и проч. Всѣхъ сценъ, лицъ и положеній съ такимъ яснымъ смысломъ и выдающихъ нравственную сущность свою прямо, цѣликомъ, безъ остатка—

мы, разумѣется, пересчитывать не будемъ: ихъ очень много въ романѣ. Къ числу подобныхъ же, вполнѣ откровенныхъ и вполнѣ убѣдительныхъ, картинъ принадлежатъ почти сплошь всѣ картины изъ крестьянскаго быта, а также и большая часть картинъ, вырванныхъ изъ глуши провинціальной жизни. Комическіе типы, съ легкой примѣсью *шаржа* или каррикатуры, которые тутъ собраны, не отличаются, конечно, особенной новостью, свѣжестью, глубиной содержанія: это ветераны, уже довольно послужившіе на вѣку своемъ въ другомъ видѣ и при другой обстановкѣ, какъ г. Писемскому лично, такъ и юмористическому народному нашему роману вообще; но пока жизнь не замѣнила ихъ комическими типами съ инымъ выраженіемъ, пока комическая маска не получила отъ времени другихъ очертаній въ средѣ крестьянскаго и провинціальнаго быта—старые, нѣсколько подержанные типы, исполняютъ свое дѣло въ романѣ автора съ прежней энергіей, обычнымъ упорствомъ самообличенія и обычной серьёзностью при выкидываніи самыхъ уморительныхъ и необычайныхъ штукъ. Все это несетъ свое оправданіе, свою исторію и все свое нравственное добро при себѣ: усомниться въ каждой такой личности нѣтъ никакой возможности. Вотъ почему лучшія, увлекательнѣйшія и наиболѣе яркія главы романа именно тѣ, которыя преимущественно имъ посвящены.

Если бы подобными типами, характерами, очерками и сценами исчерпывалась задача автора — выразить физіономію одного, еще очень недавняго историческаго мгновенія нашей жизни, то, несмотря на явное пренебреженіе къ развитію интриги романа—авторъ благополучно достигъ бы своей цѣли; но, къ сожалѣнію, они не составляютъ даже и ступеней къ разрѣшенію задачи. Въ чемъ заключалась ея сущность? Авторъ весьма ясно выразилъ свое пониманіе дѣла. Для него характеристическая черта заключается въ быстромъ переходѣ общества къ основаніямъ, которыя оно болѣе прославляло, чѣмъ вполнѣ уразумѣвало, причемъ неожиданность самаго перехода разрѣшилась анархіей въ умахъ, также точно, какъ и во всѣхъ отношеніяхъ людей между собою. Оно—такъ, но при этомъ необходима одна оговорка. Малая общественная подготовка всѣхъ сферъ въ государствѣ помѣшала совершить этотъ переходъ стройно, правильно, предварительно намѣченнымъ и хорошо осмотрѣннымъ путемъ: кто же будетъ сомнѣваться въ этомъ? Но переходъ совершенъ такъ, какъ только онъ и могъ совершиться. Общество двигалось по законамъ, какіе успѣло нажить себѣ, по указаніямъ, какія могло почерпнуть въ своемъ собственномъ опытѣ, осуществляя только то, что́ было заготовлено въ его сознаніи или въ его мысли, употребляя средства и орудія, какія оно способно было пріискать и оцѣнить. Съ этой точки зрѣнія путь

его имѣетъ видъ совершенно правильный, послѣдовательный и логическій. Поразительныя аномаліи, странныя, необычайныя, чудовищныя и комическія явленія легко могутъ встрѣтиться на немъ, но онѣ должны только составлять примѣты этого самаго пути и заслонять его собой не имѣютъ права, подъ опасеніемъ потерять добрую долю собственнаго своего значенія. Вотъ почему опредѣленіе двигающихъ законовъ эпохи, поясненіе силъ, управлявшихъ ея ходомъ, именно и составляютъ настоящее содержаніе всякой исторіи, какимъ бы способомъ она ни писалась, посредствомъ-ли романическаго комментарія, употребляющаго въ дѣло частное событіе и фантастическія лица, или посредствомъ прямого изложенія ея событій и характера ея дѣятелей. Г-нъ Писемскій взялся за дѣло нѣсколько иначе: исторія эпохи передается имъ съ помощью противопоставленія фактовъ изъ двухъ міровъ, раздѣленныхъ принципами, съ помощью контрастовъ, взятыхъ съ двухъ концовъ различныхъ направленій, и сведенныхъ вмѣстѣ наиболѣе рѣзкими своими углами. Прежній и новый бытъ обрисовываются у него, по большей части, этими противопоставленіями, и, надо сказать, обрисовываются такъ эффектно, какъ только можно было ожидать отъ извѣстной его способности воспроизведенія натуры. Казалось бы, тутъ дѣло должно говорить само за себя болѣе чѣмъ когда-либо, но выходитъ, что оно тутъ говоритъ не совсѣмъ внятно и не все, что́ ему можно сказать. Оно умалчиваетъ именно о процессѣ, которымъ слѣдовала жизнь при переходѣ изъ одного направленія въ другое, а между тѣмъ этотъ процессъ важнѣе, поучительнѣе и любопытнѣе самыхъ его результатовъ, которые только и показываются читателю. Когда скрытъ путь жизненныхъ явленій и ничего не извѣстно объ ихъ воспитаніи и развитіи, кромѣ того, что́ случайно и мелькомъ говоритъ самъ авторъ отъ своего лица, явленія еще могутъ быть забавны, занимательны, живописны; но восходить отъ нихъ къ заключенію о самой средѣ, ихъ породившей, не всегда возможно и притомъ составляетъ *рискъ*, которому не слѣдуетъ подвергать читателя.

Замѣчанія наши вполнѣ прилагаются ко многимъ вводнымъ лицамъ романа, видимо созданнымъ для передачи той или другой черты современности, того или другого взгляда на эпоху. Это своего рода толмачи и драгоманы, состоящіе на службѣ при авторѣ, но и кромѣ нихъ наши замѣчанія еще пригодны и для главныхъ дѣйствующихъ персонажей романа. Сильный толчокъ, который былъ данъ временемъ установившемуся порядку дѣлъ и направилъ его въ другую сторону, разумѣется, долженъ былъ отозваться и на каждомъ отдѣльномъ существованіи: онъ отозвался повсемѣстной ломкой принциповъ, убѣжденій и старыхъ воззрѣній. Начались изумительныя,

чудовищныя превращенія людей. Г-нъ Писемскій не могъ упустить случая—представить крупныя черты колоссальной метаморфозы и конечно намъ, живымъ свидѣтелямъ зрѣлища, нельзя читать безъ смѣха мастерскія сцены романа, въ которыхъ часто одно и то же лицо противопоставляется самому себѣ, отвергаетъ себя въ прошедшемъ, какъ глупца, и не замѣчаетъ, какъ остается имъ, повернувшись своимъ существомъ къ настоящему. Ничтожество и пошлость современныхъ характеровъ выступаютъ очень ярко, благодаря уликѣ, саркастически и безпощадно сближающей недавніе, такъ сказать, еще не остывшіе періоды ихъ жизни. При томъ же, всякая ступень, по которой восходитъ человѣкъ къ нравственному растлѣнію — поражаетъ въ описаніяхъ автора сочностію и густотой своихъ красокъ, иногда наложенныхъ черезъ мѣру, и на каждой такой ступени обреченное лицо вдобавокъ еще задерживается лишнюю минуту для того, чтобъ чего-либо не утаило передъ читателемъ изъ своего позора и смѣшной уродливости. Казалось бы, опять всѣ данныя для окончательнаго приговора надъ типами здѣсь собраны и самый приговоръ облегченъ какъ нельзя болѣе, и однакоже читатель приступаетъ къ нему съ нѣкоторымъ опасеніемъ, потому что процессу этому видимо недостаетъ еще одной, послѣдней справки—психическаго свидѣтельства, подтверждающаго возможность всѣхъ тѣхъ безчинствъ, которыя данное лицо производитъ надъ самимъ собою. А между тѣмъ г. Писемскій особенно скупъ на свидѣтельства такого рода. Вотъ почему нѣкоторая часть его типовъ не имѣетъ, такъ сказать, нравственной перспективы въ романѣ: она живетъ безъ внутренней жизни и безъ душевнаго *секрета*, который составляетъ болѣе существенную, важную часть человѣка, чѣмъ даже его дѣянія. Всѣ усилія автора употреблены на то, чтобы тотъ или другой характеръ достигали высшей степени комической выразительности, какая только имъ возможна, а о мѣстѣ, которое послѣ того они займутъ въ нравственномъ мірѣ и о психической ихъ достовѣрности ему нѣтъ дѣла. Часто отъ нихъ остается одинъ голый поступокъ, почти всегда переданный чрезвычайно забавно и съ замѣчательной силой юмористическаго одушевленія; но тайный путь, которымъ проходила мысль человѣка до своего проявленія въ чудовищномъ или безобразномъ фактѣ, но исторія души, которая въ себѣ выносила этотъ фактъ за-долго до рожденія его на свѣтъ, тѣ или намѣчены вскользь, или заключены въ одну бѣглую замѣтку автора, имѣющую видъ подписи подъ картиной. Какъ мало помогаютъ дѣлу такія добавленія, даже когда они вѣрны и не подлежатъ возраженію, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, одно обстоятельство: нѣкоторыя сцены и образы романа не для всѣхъ имѣютъ тотъ смыслъ, какой хотѣлъ бы при-

знать за ними самъ авторъ, могутъ быть перетолковываемы на зло его личнымъ объясненіямъ и способны порождать цѣпь самыхъ плачевныхъ недоразумѣній. Оно и естественно: благодаря своей односторонности, они видимы не со всѣхъ точекъ зрѣнія, а съ одной, исключительно авторской. Стóитъ не попасть на эту точку, чтó легко, если человѣкъ не увлеченъ достоинствомъ комическаго изображенія, и смыслъ этихъ сценъ и óбразовъ на половину пропадаетъ изъ глазъ.

Къ числу крупныхъ недоразумѣній, порожденныхъ недостаточнымъ развитіемъ моральной стороны предметовъ, принадлежитъ, по нашему мнѣнію, взведенное на автора обвиненіе въ непониманіи великаго значенія протеста, которымъ нѣкоторыя эпохи спасаютъ иногда нравственную свою сущность. Оно возникло особенно по поводу сценъ изъ студенческой жизни стараго московскаго университета и презрительнаго будто бы обращенія автора съ мыслію, царствовавшей въ стѣнахъ его и у порога — въ сходкахъ и сборныхъ пунктахъ, какъ, напримѣръ, въ „Британіи". Никакого умышленнаго оскорбленія ихъ мы тутъ не видимъ, а видимъ, что здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, лица и предметы лишены своей настоящей, духовной, такъ сказать, родословной. Въ ней нуждаются, наравнѣ съ ними, и многія другія явленія, гораздо попроще и погрубѣе ихъ — убійства и преступленія откупа, напримѣръ (чтобъ не ходить далеко), явленія, довольствующіяся самой незначительной долей причинъ и поводовъ въ романѣ. Объ отрицаніи или непониманіи авторомъ важности серьёзнаго общественнаго протеста тутъ не можетъ быть и рѣчи. На чемъ бы установилась его литературная дѣятельность, если бы въ основѣ ея не было идеи о борьбѣ съ темными сторонами нашего быта? какъ бы могъ онъ сдѣлаться безъ нея тѣмъ благороднымъ комикомъ и юмористомъ, какимъ его знаетъ публика? Нельзя даже себѣ и представить отвлеченнымъ образомъ существованія мало-мальски развитаго общества безъ протеста, а также и писателя, сколько-нибудь талантливаго, безъ пониманія этой силы. Оба они употребляютъ протестъ какъ орудіе для устраненія всего, чтó вредно или противно, по ихъ мнѣнію, нравственнымъ и матеріальнымъ основамъ народной жизни. Въ грубомъ, неразвитомъ видѣ протестъ существуетъ даже и у обществъ, только-что начинающихъ слагаться: имъ они спасаютъ себя отъ преждевременной смерти и инстиктивно цѣлятъ раны еще неокрѣпшаго своего организма. Общества, вполнѣ установившіяся, уже вводятъ протестъ въ самый механизмъ управленія страной, дѣлаютъ его государственною силой, столь же необходимой, какъ и другія силы, и вообще считаютъ его наравнѣ съ обязательными

правилами и установленіями залогомъ своего развитія и преуспѣянія въ будущемъ. Этой ли азбуки современнаго политическаго ученія не зналъ г. Писемскій, къ ея ли основнымъ положеніямъ онъ оказался преступно-глухъ и враждебенъ? Нѣтъ, онъ не оскорблялъ никакого великаго принципа, передавая въ образахъ то, что у нихъ слыло въ концѣ прошлаго десятилѣтія за серьёзный протестъ и что въ сущности было только отчаяннымъ его исканіемъ, на основаніи уже сознанной мысли о его необходимости и значеніи. Г-нъ Писемскій начинаетъ свою исторію нашего домашняго протеста съ той поры, когда, по стеченію обстоятельствъ, общественному мнѣнію пришлось прямо и опредѣленно выразить все то, что существовало въ русскомъ мірѣ на степени надежды, стремленія и пожеланія, когда вмѣстѣ съ попытками сдѣлать изъ нихъ содержаніе законодательныхъ мѣръ, превратить ихъ въ общественныя руководящія идеи, явилась и простая игра въ орудія, пріемы и внѣшніе аттрибуты протеста. Игра не составляла принадлежности одной какой-либо партіи; ею занимались всѣ отъ мала до велика, представляя зрѣлище неустанной бѣготни за наиболѣе рѣзкимъ словомъ, за самымъ оглушительнымъ ударомъ по больному тѣлу общественнаго организма или по всему строю жизни; наконецъ за такой отвлеченной теоріей, которая бы оставляла между собой и условіями настоящаго времени и положенія — для бо́льшаго пристыженія ихъ — неизмѣримое и неоглядное пространство. Не менѣе другого извѣстно было нашему автору, что передовые люди всѣхъ толковъ тотчасъ же покидали эти упражненія, какъ только приходилось имъ сказать что-либо практическое, дѣльное, близко подходящее къ духу и характеру настоящаго протеста, но масса ихъ послѣдователей всегда продолжала одну и ту же игру. Странно было бы, если бы въ эпоху литературнаго анализа и разбора всѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагалась у насъ общественная мысль, только для одного изъ нихъ сдѣлано было исключеніе, только одно явленіе объявлено было неподлежащимъ изслѣдованію и неприкосновеннымъ. Попытка наложить такого рода запрещеніе, если бы она и существовала, уничтожилась бы успѣхомъ новаго романа г. Писемскаго въ публикѣ, которая при этомъ вполнѣ сохранила свою европейскую репутацію публики, страстно и ужъ черезъчуръ безкорыстно любящей *самообличеніе*.

Правда, что г. Писемскій отнесся къ этому явленію скорѣе какъ полемикъ, чѣмъ какъ художникъ или мыслитель. Кто-жъ будетъ требовать отъ полемики, чего она никогда почти въ виду не имѣетъ—глубокаго проникновенія въ сущность предмета, знакомства съ тонкими струями и извивами мысли, окрашивающими поступки человѣка? Довольно, если полемическій романъ остроуменъ,

если положенія въ немъ отличаются искреннимъ, увлекательнымъ комизмомъ, а подробности жизни уловлены съ оригинальной цѣпкостію и веселостію. Все это несомнѣнно заключается въ романѣ г. Писемскаго. Картина всеобщей игры орудіями протеста, при неимѣніи истиннаго его содержанія, набросана у автора сценами и очерками, но чрезвычайно бойко и широко, со смѣлостію кисти, отличающей вообще весь романъ. За этими очерками свѣтится даже и мысль, служащая какъ-бы осью, на которой вращается вся картина. Мысль эта выражается въ постоянныхъ намекахъ на то особенное свойство упомянутый игры, по которому она всѣмъ доступна и почти не требуетъ ни особеннаго искусства, ни особенно твердыхъ и испытанныхъ характеровъ. По толкованію автора, ею могутъ заниматься, б-бокъ другъ съ другомъ, люди несомнѣнно остроумные и даровитые, и люди несомнѣнно тупые и бездарные, благородныя сердца, отвѣчающія за себя, и ничтожныя натуры, пользующіяся выгодами игры только до времени, безкорыстные энтузіасты и дальновидные господа, разсчитывающіе на хорошій процентъ отъ своихъ упражненій. Она не возвышаетъ природу человѣка, какъ то дѣлаетъ, неотразимо и несомнѣнно, настоящій, серьёзный протестъ съ человѣкомъ. Авторъ кончаетъ свою, такъ сказать, живописную полемику съ этимъ безжизненнымъ подобіемъ протеста, завидѣвъ катастрофу, которая застаетъ его. Фейерверкъ потухаетъ у него въ бурѣ и непогодѣ, поднявшихся внезапно—и, чтó же далѣе? Далѣе обыкновенная исторія: люди расходятся, и никому не можетъ придти охота вспоминать неудавшіеся его узоры или разбирать матеріалы. изъ которыхъ онъ былъ составленъ, кромѣ развѣ записного изслѣдователя: мысль всѣхъ цѣликомъ и тотчасъ же обращается къ задачамъ и трудамъ слѣдующаго дня. Нѣчто подобное долженъ, кажется, испытывать и читатель на послѣдней страницѣ новаго и, скажемъ еще разъ, очень талантливаго произведенія г. Писемскаго. Съ послѣднимъ своимъ словомъ романъ весь и кончается въ умѣ читателя.

„Спб. Вѣд.“ Январь-Ноябрь, 1873 г.

ЧАЕВЪ и ГР. А. К. ТОЛСТОЙ

въ 1866 г.

„Димитрій Самозванецъ“ и „Смерть Іоанна Грознаго“.

Многое измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ русская историческая драма вышла впервые въ свѣтъ съ „Борисомъ Годуновымъ“ Пушкина. Она представляется теперь уже не плодомъ геніальнаго *прозрѣнія* въ народную жизнь — поверхъ писанной исторіи и утвержденнаго ея текста, какъ у Пушкина, не результатомъ болѣе или менѣе удачныхъ догадокъ, перемѣшанныхъ съ болѣе или менѣе мечтательными и фантастическими представленіями, какъ у писателей, слѣдовавшихъ за нимъ, но чѣмъ-то въ родѣ новой исторической науки, только обработанной не по пріемамъ ученаго спеціалиста, а художественнымъ способомъ. Современная историческая русская драма получила этотъ характеръ, благодаря, во-первыхъ, тому, что писатели наши почувствовали за историческими лицами и событіями присутствіе доселѣ еще неизвѣстнаго дѣятеля — именно народной культуры, и обратили на него все свое вниманіе; а во-вторыхъ, тому, что драма наша уже служитъ, кромѣ осуществленія своихъ ближайшихъ цѣлей и задачъ, еще и средствомъ для выраженія весьма серьёзныхъ историческихъ взглядовъ на былыя эпохи и ихъ главныхъ представителей. Это произошло естественно, вслѣдствіе успѣха вообще исторической науки у насъ, и вслѣдствіе тѣхъ требованій, которыя началó дѣлать само общество подъ вліяніемъ какъ этого успѣха, такъ и подъ вліяніемъ новыхъ формъ нашей современной гражданской жизни. Въ произведеніяхъ, заглавіе которыхъ мы привели выше, начала новой исторической драмы, указанныя нами, отражаются весьма ощутительно, а этого, не принимая даже въ разсчетъ весьма значительнаго успѣха, полученнаго ими въ публикѣ, уже совершенно достаточно, чтобъ вызвать попытку къ ихъ оцѣнкѣ и опредѣленію ихъ достоинствъ.

Какъ представители новаго направленія въ исторической драмѣ, г. Чаевъ и гр. Толстой могутъ быть поставлены рядомъ съ име-

нами г. Островскаго и покойнаго Мея, но характеръ послѣднихъ, какъ авторовъ, болѣе или менѣе указанъ критикой, которую первые только еще ожидаютъ для себя. Попытаемся исполнить этотъ долгъ передъ ними добросовѣстно и съ полнымъ уваженіемъ къ ихъ замѣчательному таланту.

I.

Мы начнемъ съ драматической хроники г. Чаева: „Димитрій Самозванецъ". Извѣстно, что у г. Чаева драма составляетъ только новый преображенный видъ лѣтописнаго сказанія, которое въ ней находитъ себѣ дополненіе и толкованіе. Никакъ нельзя сказать, чтобъ лѣтописное сказаніе служило г. Чаеву чѣмъ-либо въ родѣ веселой и беззаботной прогулки, представляло ему нѣчто похожее на *partie de plaisir* въ область исторіи, гдѣ талантъ писателя предвидитъ заранѣе возможность порѣзвиться на просторѣ, какъ именно понимаютъ нѣкоторые подражатели г. Чаева свои занятія лѣтописью; напротивъ, для него это совсѣмъ не прогулка, а скорѣе благочестивое странствованіе, паломничество своего рода къ міру преданій и сказаній, причемъ онъ старается удалить отъ себя всѣ постороннія мысли, воспрещаетъ себѣ судъ надъ явленіями и боится, какъ искушенія, всякаго проблеска личнаго ощущенія и фантазіи. Отсюда, какъ достоинства, такъ и его недостатки, хотя надо замѣтить, что мастерски обработанный народный языкъ и разсчетливое употребленіе остатковъ старой, доселѣ сохранившейся въ народѣ культуры, посредствомъ которыхъ онъ создаетъ свои сцены, уже доказываютъ, вмѣстѣ съ подборомъ и изобрѣтеніемъ ихъ обстановки, что полнаго отреченія отъ авторства и творчества тутъ быть не можетъ. Въ этомъ смыслѣ, г. Чаевъ является намъ вѣрнымъ слугой преданія; онъ ему же отдаетъ все свое добро, живя одной его жизнію и хоронясь за нимъ отъ всякаго значенія, или заслуженной чести. Такимъ образомъ построилъ онъ именно довольно выразительный типъ самозванца. Это самозванецъ вполнѣ *лѣтописный*, и обработка его, какъ типа, еще ярче выказала все то, что лѣтопись и сказаніе, а за ними долгое время и исторія, хотѣли сдѣлать изъ образа лже-царя, имѣя при этомъ въ виду не столько дѣйствительность, сколько поученіе потомкамъ, оправданіе народа и общей политической безнравственности, отличавшей эпоху появленія Лже-Димитрія на сцену исторіи. Каждый народъ имѣетъ свои историческія представленія, которыя замѣняютъ ему то, что въ наукѣ называется идеями, принципами.

Русская земля видѣла, немного спустя послѣ самозванца, другое и такое же нарушеніе всѣхъ народныхъ понятій о приличіи, достоинствъ и условій гражданской и обыденной жизни, какое изображаетъ намъ г. Чаевъ въ поведеніи и пріемахъ Лже-Димитрія па московскомъ престолѣ. Точно также этикетъ своего рода, предназначенный къ тому, чтобъ отчасти покрывать, а отчасти смягчать порывы страстей и животныхъ наклонностей, былъ отброшенъ тогда въ сторону и они приглашены были показаться на-голо; точно также глубочайшее пренебреженіе къ застарѣлымъ обычаямъ страны и ко всему, что она считала въ нравственномъ мірѣ за доблестное, законное и неизмѣнное, выказалось тогда съ неменьшей энергіей и откровенностію, чѣмъ при Димитріѣ, но въ эту позднѣйшую, сравнительно недавнюю эпоху, даже на дикихъ вспышкахъ, даже на пирахъ и оргіяхъ, на посрамленіи всѣхъ уставовъ принятаго дотолѣ общежитія все-таки лежала еще печать государственнаго замысла. Разгулъ разгуломъ, своевольство своевольствомъ, но они въ то же самое время были и политическими мѣрами, входили въ систему предположеннаго отрицанія всѣхъ порядковъ старины и существующаго быта, а потому и требовали точно такихъ же предварительныхъ соображеній, предвидѣнія, всѣхъ возможностей и заготовленной охраны, какъ и любое другое установленіе. Не даромъ же по рвенію людей на службѣ Бахусу или хмѣльному Ивашкѣ судилась тогда и твердость ихъ въ новыхъ принципахъ. Ничего подобнаго не замѣтили у Лже-Димитрія, и именно это-то различіе между ломкою существующихъ порядковъ при самозванцѣ и такою же ломкою въ другую, послѣдовавшую эпоху, старается намъ выяснить драма г. Чаева. Лже-Димитрій публично бражничаетъ и дурачится, совсѣмъ и не подозрѣвая, что кто-либо кругомъ найдетъ это неприличнымъ его сану; ему кажется, по объясненію г. Чаева, что корысть и людское легковѣріе, которыя возвели его на престолъ, выдержатъ не только эту пробу безъ труда, но и кое-что покрупнѣе, напримѣръ, присутствіе католическаго элемента въ русскихъ церковныхъ дѣлахъ. Надо отдать справедливость нашему автору: всѣ наиболѣе яркіе, наиболѣе убѣдительные признаки самозванства Димитрія разработаны имъ съ особеннымъ тщаніемъ и выставлены имъ согласно лѣтописному сказанію, какъ выраженію народныхъ воззрѣній, въ полномъ свѣтѣ. Въ числѣ ихъ лучшимъ психическимъ признакомъ, особенно хорошо подтверждающимъ плебейское происхожденіе Димитрія, мы считаемъ намекъ на убѣжденіе, въ немъ зародившееся, что съ достиженіемъ престола для него кончился трудъ и наступила пора безграничнаго наслажденія властію, перемѣшаннаго только съ легкой работой устраненія недовольныхъ. На днѣ души его

живетъ ничтожная мысль, приравнивающая Димитрія къ любому проходимцу, мысль, которую онъ отчасти и выражаетъ, что не стоило бы добиваться и царства, если бы вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя было дать, безъ особыхъ заботъ и подготовки, просторъ своей природѣ, если бы нельзя было пожить на распашку, потѣшиться всѣмъ существомъ своимъ. Какія бы за тѣмъ ни выражалъ онъ планы на возвеличеніе Россіи въ будущемъ, какъ бы ни геніальничалъ передъ людьми, вы чувствуете, вслѣдствіе психическаго комментарія г. Чаева, что московскій престолъ есть конецъ, а не начало его дѣятельности. Повторяемъ—въ смыслѣ колоссальнаго обманщика, имѣющаго мало себѣ примѣровъ въ исторіи—очеркъ Димитрія, сдѣланный г. Чаевымъ, можетъ назваться вполнѣ достигающимъ своей цѣли. Конечно, *взбалмашность* самозванца, такъ крупно обозначенная сказаніемъ, которое дѣлаетъ ее родовой чертой его характера, также не позабыта въ этомъ очеркѣ и не только не забыта, но на ней авторъ нашъ построилъ наиболѣе эффектныя свои сцены, пренебрегая иногда и правдоподобіемъ, какъ въ сценѣ исповѣдника или изобличителя, который, несмотря на нѣмецкую и польскую стражу Димитрія, пробрался на верхъ во внутреннія его комнаты и, саморучно выгнанный оттуда самозванцемъ, привелъ его къ такому оскорбленію Шуйскаго, которое рѣшило участь лже-царя въ умѣ послѣдняго. У самозванца г. Чаева есть смѣлыя, великодушныя, необыкновенныя идеи, но нѣтъ логическихъ идей. Правда, мы должны сдѣлать здѣсь небольшую оговорку. Такъ какъ черта эта оказалась чрезвычайно плодотворной, то г. Чаевъ иногда злоупотребляетъ ею. Димитрій и въ спокойномъ состояніи почти не можетъ возвѣстить у него мѣры и мысли, чтобъ не окончить ихъ тутъ же противоположной мѣрой и мыслію или по крайней мѣрѣ не измѣнить ихъ первоначальнаго смысла; повторяющаяся черта пріучаетъ читателя думать, что Димитрій былъ не въ состояніи вести рѣчи иначе, какъ подъ условіемъ придти къ неизбѣжному заключенію, уничтожающему ея начало и основанія. Это мы называемъ злоупотребленіемъ черты, хотя бы именно отъ этого злоупотребленія само выраженіе лица и становилось явственнѣе для нѣкоторыхъ глазъ. Также точно, уступая г. Чаеву право строго слѣдовать при обрисовкѣ характера за тѣми источниками, которые онъ выбралъ для себя, мы не можемъ, однакожъ, не остановиться въ недоумѣніи, когда онъ изъ любви къ сказанію измѣняетъ его, то-есть дѣлается болѣе лѣтописнымъ, чѣмъ сама лѣтопись, *plus royaliste que le roi*, по французской поговоркѣ. Такъ, Димитрій у него самъ сознаетъ себя, въ минуты уединенія и раздумья, похитителемъ престола, самъ подтверждаетъ обвиненія современниковъ, припоминая другую безвѣстную и темную сторону

жизни (сцена передъ смертію), творитъ исповѣдь, о которой совершенно умалчиваетъ сказаніе, передающее, напротивъ, что Лже-Димитрій не сдѣлалъ никакого яснаго признанія, даже подъ ножами и пищалями убійцъ. Конечно, сценическій эффектъ, проистекающій изъ этой бесѣды обманщика съ собственной совѣстію, вполнѣ дозволителенъ (онъ же способствуетъ притомъ и къ успокоенію нравственнаго чувства зрителя, показывая въ обреченной жертвѣ нарушителя моральныхъ законовъ, а въ приближающемся злодѣйствѣ толпы— нѣкоторое подобіе правомѣрной кары); но г. Чаевъ, такъ берегущій чистоту сказанія отъ примѣси фантазіи, кажется намъ, уже не имѣлъ права воспользоваться этимъ эффектомъ. Для такого же эффекта онъ измѣнилъ обычнымъ своимъ условіямъ созданія, и еще одинъ разъ, именно тогда, когда вложилъ въ уста Басманову двусмысленныя слова, похожія на раскаяніе въ измѣнѣ Годунову и на признаніе своей ошибки относительно Димитрія. Басмановъ погубилъ благодѣтеля своего, Годунова, и положилъ жизнь за Димитрія—преданіе больше ничего не говоритъ и ничего не знаетъ о его мнѣніяхъ и воззрѣніяхъ: больше ничего не слѣдовало бы знать и драмѣ, которая отказалась отъ свободы изобрѣтенія и отъ построенія психическихъ типовъ, помимо указаній этого преданія. Какъ бы то ни было, но изъ данныхъ лѣтописнаго, общепринятаго разсказа, г. Чаеву удалось создать довольно полный, живой и выразительный образъ самозванца, что́ послѣ Пушкина можетъ быть почтено за немаловажное доказательство силы и таланта.

Совсѣмъ въ иномъ видѣ является намъ попытка г. Чаева объяснить, по тому же принятому лѣтописному разсказу, и весь ходъ самозванца къ престолу, силы, возносившія его со слѣпотой феноменальныхъ явленій къ вѣнцу Ивана IV и съ такой же слѣпотой его опрокинувшія, когда онъ уже возсѣлъ на него. Здѣсь автора нашего покидаетъ всякаго рода художническая самодѣятельность. Драма его вездѣ останавливается тамъ, гдѣ останавливаетя преданіе, но въ замѣнъ сохраняетъ всѣ его противорѣчія и недоразумѣнія, безъ дальнѣйшаго поэтическаго и психическаго разъясненія ихъ, какъ будто одно ихъ происхожденіе изъ преданія отвѣчаетъ на все, и все другое дѣлаетъ лишнимъ. Рѣдко гдѣ можно встрѣтить такое самостоятельное, такое твердое, почти надменное существованіе всѣхъ темныхъ, спорныхъ и загадочныхъ вопросовъ исторіи, какъ именно въ драмѣ-хроникѣ г. Чаева. Онъ не только не пытается разрѣшить ихъ творческой мыслію, а, напротивъ, старается узаконить ихъ и оградить отъ объясненій съ помощію сценъ, въ которыхъ заключаетъ ихъ, какъ въ надежную твердыню, отъ всякихъ сомнѣній. Каждая изъ такихъ сценъ есть однакоже сама по себѣ загадка или ведетъ

къ ряду загадокъ, во всякомъ случаѣ остающихся неразрѣшенными. Если бы всю исторію Лже-Димитрія можно было съузить до народнаго бунта, возникшаго по ревности къ благочестію и изъ ненависти къ полякамъ, бунта, въ которомъ и самозванный московскій князь потерялъ свою жизнь—драмѣ г. Чаева было бы не въ примѣръ легче двигаться и развиваться, но здѣсь дѣло идетъ о великой исторической тяжбѣ, гдѣ всѣ обвинители ровно столько же виноваты, сколько и обвиняемые, и гдѣ самый предметъ тяжбы возникъ по милости всего народа, всего московскаго царства. Тутъ уже художественной драмѣ не предстоитъ никакой возможности цѣпляться за одни доводы сказанія, за одинъ оффиціальный историческій разсказъ о событіи, который по необходимости долженъ былъ настолько же принять въ себя свидѣтельства несомнѣнной истины, насколько и всю ложь тогдашнихъ партій. Между тѣмъ г. Чаевъ не дополняетъ эти старые доводы, собранные лѣтописью въ пользу совершившагося факта, ни однимъ новымъ доводомъ отъ себя, почерпнутымъ въ глубинѣ свободнаго творческаго созерцанія исторіи, какъ имѣлъ бы право ожидать читатель отъ произведенія фантазіи и искусства. Послѣ драмы его, все остается по прежнему на своихъ мѣстахъ, съ тѣмъ же загадочнымъ и тупымъ выраженіемъ, какое имѣетъ обыкновенно необработанный матеріалъ или голое свидѣтельство. Кромѣ характера самозванца и еще московско-польскаго общества, съ нимъ прибывшаго и очерченнаго чрезвычайно бойко, въ ней нѣтъ уголка и явленія, которые были бы освѣщены лучомъ поэзіи; нѣтъ и признака смѣлаго проникновенія въ дѣла и жизнь эпохи. Воздержность передъ сказаніемъ дурного, въ художественномъ смыслѣ, рода свела драму до простой *иллюстраціи* лѣтописи. Въ добровольной кабалѣ своей, драма идетъ за нею шагъ за шагомъ, расписывая по-своему ея сведенный текстъ и дорожитъ этимъ подчиненнымъ положеніемъ и этимъ упражненіемъ, какъ лучшимъ своимъ достояніемъ. Такъ, подобострастныя отношенія въ искусствѣ даже и передъ сказаніемъ не остаются безъ вредныхъ послѣдствій....

Мѣсто недостающаго въ драмѣ творческаго элемента заступаетъ элементъ, совершенно противоположный ему у г. Чаева, а именно адвокатскій и казуистическій. Иначе и не могло быть при желаніи объяснить благовиднымъ образомъ все то, что́ благовиднымъ образомъ не объясняется. Самое лучшее, чего можно ожидать въ литературномъ отношеніи отъ произведенія, которое приняло подъ свою защиту народное преступленіе или даже массу народныхъ преступленій, будетъ состоять въ ловкости, съ какой оно покажетъ, что всѣ лица, принимавшія участіе въ ходѣ событій, въ темномъ историческомъ дѣлѣ—были и правы и виноваты въ одно и то же время, что они могутъ

подвергнуться строгому осужденію съ одной точки зрѣнія и получить отпущеніе не съ другой (это всегда возможно и ничего необычайнаго не представляетъ), а съ той же самой, какъ и первая. Это гораздо труднѣе, но въ своей адвокатской защитѣ эпохи, защитѣ, получившей форму драмы, г. Чаевъ преодолѣлъ трудность. У него нѣтъ и подозрѣнія, что основы народныхъ преступленій могутъ корениться въ испорченности массъ, въ ихъ слѣпотѣ или тайныхъ разсчетахъ; напротивъ, у него—всѣ основы преступленій или почтенны сами по себѣ, или имѣютъ за себя много облегчающихъ и поясняющихъ обстоятельствъ, хотя сами преступленія и выставлены въ настоящемъ видѣ, безъ послабленія и утайки. Какъ народъ, такъ и отдѣльныя лица, играютъ здѣсь своими клятвами, потеряли совѣсть, сдѣлали коварство и вѣроломство обычнымъ своимъ упражненіемъ, но они всѣ имѣютъ у г. Чаева достаточныя причины играть клятвами, являться безсовѣстными и коварными на сценѣ исторіи. Г-нъ Чаевъ самъ сторонникъ этихъ достаточныхъ причинъ, хотя печально и съ ужасомъ смотритъ на ихъ историческія послѣдствія. Кто сомнѣвается, что опасенія за чистоту вѣры, за цѣлость старыхъ обычаевъ и вообще за строй русской жизни, угрожаемой польскимъ вліяніемъ, не играли значительной роли въ судьбѣ, постигшей Димитрія, но у г. Чаева они играютъ еще и другую роль: они убѣляютъ самыхъ черныхъ людей и самыя неистовыя страсти. За ними, какъ за непроницаемымъ покровомъ уже и не видна та смѣсь плутовства, политическихъ злодѣяній, дикихъ порывовъ толпы и ненасытной алчности руководителей движенія, которая окружала самозванца съ самаго его появленія на русской землѣ и проводила его до пушки, разсѣявшей его прахъ по вѣтру. Даже Шуйскій — этотъ первый губитель земли, завѣдомо-ложно присягнувшій обманщику и тѣмъ открывшій ему путь въ Кремль—и тотъ не забытъ въ общей амнистіи, которую распространяетъ г. Чаевъ на агентовъ смутнаго времени, т-е. на *восторжествовавшую* его партію. И не только не забытъ Шуйскій — но онъ еще возвеличенъ какимъ-то позднимъ, небывалымъ обличеніемъ лже-царя въ боярской думѣ. Впрочемъ, это, послѣ Басманова, самый смутный, неудачный и ложный характеръ изъ всей драмы: въ лицѣ тогдашняго Шуйскаго, г. Чаевъ видимо щадилъ лицо будущаго правителя Россіи. Не выведя на сцену ни одного изъ іерарховъ, ни особенно царицы Марѳы, авторъ спасъ себя отъ задачи показать въ приличномъ свѣтѣ ихъ отношенія къ эпохѣ. Достаточно уже и того, что стрѣльцы и народъ московскій, распоряжающіеся престоломъ, еще и не зная хорошенько, какъ оказывается изъ ихъ предсмертныхъ разспросовъ Димитрія, кто на немъ сидитъ и кого они совлекаютъ съ него—прикрыты тѣмъ же почтен-

пымъ знаменемъ законности, огражденія народныхъ началъ и благочестія, которое послѣ нихъ будетъ служить еще для той же цѣли предательствамъ и злодѣйствамъ всѣхъ возможныхъ родовъ. Ихъ слѣпая ярость, нарушеніе крестныхъ цѣлованій и даже церковнаго таинства получаютъ, такимъ образомъ, благовидную наружность. Вообще оказывается, что русскій міръ можетъ спокойно смотрѣть на тогдашній московскій переворотъ; у всѣхъ, которые обагрили кровью дворецъ, Кремль и городъ, въ то время были *добрые* поводы; конечно, они заслуживаютъ названія преступниковъ, но это преступники случайные, преступники съ одной внѣшней, формальной, юридической точки зрѣнія; настоящіе, нравственные преступники, были только самозванецъ съ его поляками и патерами, и драма, которая такъ благодушно разрѣшаетъ вопросъ, просто кончается безвѣстнымъ выстрѣломъ, положившимъ Лже-Димитрія замертво.... Правда, въ замѣнъ того благодушная драма уже не несетъ за собой никакого строгаго и дѣльнаго историческаго поученія, но объ этомъ авторъ ея и не заботится....

Говоря вообще, намъ кажется, что искусство, сущность котораго всегда состояла въ открытіи поэтической или психической правды явленій, тогда только отнесется правильно къ эпохѣ самозванца, когда найдетъ возможность стать на равную ногу съ преданіемъ, и если не помимо его, то параллельно съ нимъ вести собственное свое творческое дѣло. Безъ этого условія, искусство, не имѣющее средствъ, подобно наукѣ, оставлять вопросы не разрѣшенными или въ полу-свѣтѣ до другого, болѣе удобнаго времени, обязанное всегда прямо, положительно и тотчасъ же высказывать свои заключенія — будетъ постоянно вращаться между крайнимъ потворствомъ съ одной стороны, напраслиной или даже клеветой съ другой. Выхода ему тутъ нѣтъ — выходъ является только тогда, когда искусство прямо начинаетъ съ того общественнаго порядка, въ которомъ зародился историческій фактъ, который его выносилъ и пустилъ по свѣту. Все дѣло въ твердомъ, разумномъ и независимомъ взглядѣ на этотъ единственный источникъ необманывающихъ заключеній. Тогда и любой фактъ, какъ бы онъ ни былъ загадоченъ, смутенъ и сложенъ, войдетъ вмѣстѣ со всѣми толкованіями его, записанными его современниками, просто и естественно въ художническую картину, какъ одна изъ составныхъ ея частей. Родоначальниковъ „смутнаго нашего времени“ — найти не трудно. Потеря нравственныхъ основъ въ народѣ, слѣдовавшая за общей измѣной бояръ, внезапное упраздненіе престола, оставленнаго въ добычу дерзкимъ искательствамъ, предварительное истребленіе наличныхъ того времени интеллектуальныхъ силъ и мыслящихъ головъ, произве-

денное въ обширныхъ размѣрахъ Иваномъ IV и Годуновымъ, наконецъ, возникновеніе на мѣсто государственныхъ интересовъ — преимущественно личныхъ и сословныхъ, и яростная сшибка ихъ на просторѣ безначалія, которое они же и стараются сберечь, какъ можно долѣе для своей выгоды — вотъ ступени, по которымъ самозванецъ восходилъ на Красное Крыльцо, и по которымъ мгновенно сошелъ съ него. Кто бы онъ тамъ ни былъ, искусству въ сущности до этого мало дѣла; свободному его взгляду онъ не можетъ иначе явиться, какъ самозванцемъ: очевиднымъ по факту и поступку, если его считать Лже-Димитріемъ; нравственнымъ самозванцемъ, если его такимъ не считать, а вспомнить только, какое непониманіе своей задачи и своего народа, какое легкомысліе и презрѣніе относительно русскаго міра онъ принесъ съ собой на престолъ. Самозванецъ порожденъ средой — вполнѣ расшатавшагося общества, въ буквальномъ и переносномъ значеніи слова, и самъ есть олицетворенный обманъ, довершившій повсемѣстную государственную испорченность, безъ которой онъ и немыслимъ. При такомъ или подобномъ воззрѣніи на эпоху, а другого, кажется намъ, искусство и не можетъ имѣть, если желаетъ обрѣсти твердыя основанія для ея уразумѣнія — одна ловкая и въ сущности почтенная *иллюстрація* лѣтописнаго разсказа въ формѣ драматическаго представленія можетъ показаться ниже задачи, которая предстояла автору въ двойномъ званіи его художника и историческаго судьи.

Но сказавъ все то, что мы имѣли сказать о драмѣ г. Чаева, тѣмъ съ бо́льшей охотой возвращаемся къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ ея частямъ и къ общему мягкому, симпатическому и вмѣстѣ достойному характеру драмы, который составляетъ ея неотразимую прелесть. Надо прибавить еще и слѣдующее: въ этой иллюстраціи лѣтописи есть нѣсколько рисунковъ превосходнѣйшаго изобрѣтенія. Такова, напримѣръ, картина безпутнаго, скоморошескаго бала, даннаго самозванцемъ наканунѣ того самаго майскаго утра, которое видѣло его паденіе и смерть. Вообще столкновеніе на московской почвѣ польской блестящей цивилизаціи, откровенно, хотя и цвѣтисто обнажающей свои пороки, съ боярской сосредоточенностію и смеканіемъ дѣла про себя, вездѣ очерчено у г. Чаева мастерски. На послѣднемъ балѣ Лже-Димитрія, эти два противоположные міра, сведенные насильно обстоятельствами, и не желающіе выпустить другъ друга изъ своихъ рукъ, рождаютъ трагическій эффектъ, дѣйствіе котораго еще увеличивается бушеваніемъ оргіи, безуміемъ самозванца, непоколебимою самонадѣянностію поляковъ, возростающей смѣлостью заговорщиковъ и недоумѣніемъ русскихъ боярынь, сбиваемыхъ точно также съ ногъ, какъ и съ толку, всѣмъ, что́ около нихъ происхо-

дитъ... Извѣстно также, что русскія лица въ драмѣ г. Чаева говорятъ изумительнымъ по простотѣ и по своей живописности народнымъ языкомъ. Только немногіе изъ нашихъ писателей обладаютъ въ такой мѣрѣ, какъ г. Чаевъ, тайной — обнаруживать состояніе мысли у человѣка и движенія его души формой самой фразы, которую онъ при этомъ говоритъ. Лаконизмъ этихъ реченій, оборотовъ, по временамъ даже восклицаній, выражая впечатлѣнія минуты у того или другого лица, вмѣстѣ съ тѣмъ исполненъ біографическихъ и психическихъ намековъ. Въ сценѣ торжественнаго пріема польскихъ пословъ, тоже принадлежащей къ наилучшимъ сценамъ драмы, самозванецъ вступаетъ въ преніе съ нахальными представителями Рѣчи - Посполитой, и, разъяренный ихъ презрительными отвѣтами, чуть-чуть не бросаетъ въ нихъ скипертомъ съ высоты своего престола, но кончаетъ столкновеніе, по своему обычаю, ласковымъ приглашеніемъ ихъ къ своему столу. Шуйскій, свидѣтель сцены, произноситъ только, по окончаніи ея, одно слово: „потѣха!“ и его совершенно достаточно, чтобъ открыть читателю все презрѣніе стараго царедворца, посѣдѣлаго на дворцовомъ этикетѣ, къ несчастному проходимцу. Много у г. Чаева и цѣлыхъ драматическихъ мѣстъ, изложенныхъ съ изумительной скромностью народнаго языка, достающаго однакожъ на выраженіе всякаго чувства и представленія.

Къ этому мастерству передавать сочетаніемъ народныхъ фразъ тончайшіе оттѣнки мысли слѣдуетъ еще присоединить обиліе этнографическихъ данныхъ, строго-вѣрную стародавнюю обстановку, въ которой вращается весь міръ, выводимый г. Чаевымъ. Изъ сочетанія этихъ качествъ рождается тотъ родъ обаянія, который одинаково подчиняетъ драмѣ г. Чаева и публику и людей, относящихся къ ней съ какими-либо критическими вопросами.

II.

Драма графа А. К. Толстого: „Смерть Іоанна Грознаго“ — составляетъ, по характеру своему, довольно яркую противоположность съ драмой г. Чаева. Сколько въ послѣдней сдержанности, простоты, умѣреннаго (чтобъ не сказать болѣе) употребленія вымысла, столько, наоборотъ, драма гр. Толстого отличается полнымъ просторомъ, даннымъ фантазіи, развязностію своихъ пріемовъ и огромной долей изобрѣтенія, положенной въ ея основаніе. Мы имѣемъ здѣсь примѣръ обработки обязательнаго историческаго матеріала свободнымъ художникомъ, который свободою творчества столько же дорожитъ, сколько и самымъ предметомъ своего изображенія, но

вмѣстѣ съ тѣмъ примѣръ этотъ и открываетъ намъ возможность сказать нѣсколько словъ объ отношеніяхъ, какія должны существовать между вымысломъ и положительнымъ свидѣтельствомъ лѣтописи. Извѣстно, что въ дѣлѣ искусства, передающаго историческія данныя, труднѣйшая задача для художника состоитъ именно въ томъ, чтобъ отыскать правильныя отношенія между фантазіей и выбранной имъ исторической тэмой. Только тогда, когда, въ глубинѣ своего духа художникъ открылъ законы, которыми ограждается, при сліяніи этихъ двухъ разнородныхъ элементовъ, самостоятельность и достоинство каждаго изъ нихъ, когда нашелъ мѣру и, такъ сказать, *ритмъ*, управляющіе ихъ совмѣстнымъ ходомъ и развитіемъ — тогда только и можетъ явиться стройное произведеніе, одинаково удовлетворяющее достоинству науки и требованіямъ поэзіи. Любопытно посмотрѣть — какъ разрѣшена эта трудная задача въ замѣчательной драмѣ гр. Толстого.

Лицо Ивана Васильевича Грознаго, являющееся тутъ на первомъ планѣ, представляется въ нашъ вѣкъ лицомъ, конечно, не менѣе загадочнымъ, чѣмъ самозванецъ, хотя и въ другомъ отношеніи. Сколько уже было у насъ попытокъ объяснить правдоподобнымъ образомъ причины кровавыхъ инстинктовъ этой души, сойти въ эту ночь внутренняго человѣческаго существованія и распознать состояніе мысли, сознанія и совѣсти у человѣка, постоянно и страстно занятаго губительствомъ. Извѣстно, что нѣкоторые изъ нашихъ историковъ-психіатровъ видѣли въ Грозномъ суроваго дѣльца, преслѣдующаго государственныя цѣли съ жестокостію и хладнокровіемъ теоретика, для котораго успѣхъ системы важнѣе человѣческихъ жизней и страданій; извѣстно, что другіе открывали въ немъ, наоборотъ, черты дикой, распущенной натуры, которая, кромѣ удовлетворенія своихъ извращенныхъ наклонностей, не имѣла никакого другого плана и замысла и достигла, благодаря потворству всего окружающаго, до чудовищныхъ поползновеній. И доселѣ съ именемъ Грознаго открывается обширное поле для догадокъ и предположеній всякаго рода. Фантазіи поэта и романиста есть гдѣ разгуляться въ виду почти непостижимой теперь выдержки Грознаго въ одномъ и томъ же неослабно-звѣрскомъ настроеніи. Онъ представляетъ для фантазіи ихъ безграничное плаваніе, какъ-бы просторъ открытаго и свободнаго моря. Въ это море гипотезъ именно и пустился гр. Толстой, съ распущенными парусами, съ отвагой и удальствомъ, какимъ уже можно было удивляться и въ его романѣ: „Князь Серебряный“. Они не покинули его и въ драмѣ, но здѣсь онъ все-таки достигъ берега, а не потерялся безслѣдно, какъ тогда.

Сколько мы понимаемъ, царь московскій Иванъ Грозный пред-

ставился фантазіи гр. Толстого, какъ человѣкъ, неутомимо занятый *повѣркою своей власти*, безпрестанной пробой ея силы и положенія, безпокойными, ѣдкими сомнѣніями — не понизилась ли она и не потерпѣла ли какого ущерба въ своемъ существѣ. Съ этимъ представленіемъ соединилось у него еще представленіе человѣка, поѣдаемаго мучительной, никогда вполнѣ неудовлетворенной жаждой — заставить чувствовать свою власть на возможно бо́льшемъ пространствѣ и безъ различія положеній всякому существованію — самому видному и самому безвѣстному въ государствѣ. Этотъ типъ, возникшій передъ фантазіей автора, и разработанъ имъ въ драмѣ съ великимъ увлеченіемъ, не оставившимъ мѣста для какихъ-либо соображеній другого рода. Все сводится, примыкаетъ и пригибается къ этому типу. Драму открываетъ совѣщаніе бояръ: Иванъ предоставилъ имъ выбрать изъ среды своей достойнѣйшаго для занятія престола, отъ котораго онъ самъ, по невзгодамъ государства и по тяжкимъ грѣхамъ своимъ, рѣшился отказаться. Въ слѣдующей за тѣмъ сценѣ, Грозный уже и поджидаетъ новоизбраннаго съ царскимъ облаченіемъ на-готовѣ, любопытствуя знать, кого бояре считаютъ и кто самъ себя признаетъ способнымъ стать съ нимъ рядомъ. Бояре однакоже выдерживаютъ *пробу:* дума падаетъ на колѣни, молитъ простить ей ослушничество и сохранить свой скипетръ. Эти начальныя сцены уже хорошо обрисовываютъ задуманный типъ, на котораго все болѣе и болѣе, по мѣрѣ развитія драмы, накладываются краски, и который все болѣе и болѣе растетъ, такъ сказать, въ одну сторону, достигая сильнаго сценическаго эффекта этимъ постепеннымъ возрастаніемъ на глазахъ зрителя. Помѣшательство на идеѣ власти проявляется все крупнѣе: кажется и народъ, и бояре сдѣлали все, чтобъ успокоить властителя; они лежатъ передъ нимъ во прахѣ и все-таки не убѣждаютъ его; вы слышите въ драмѣ, какъ грозный властитель все еще думаетъ про себя: „они не хорошо лежатъ, они недостаточно откровенно лежатъ, они по-бунтовщичьи лежатъ“. Надо отдать справедливость автору, что, обрисовывая фигуру Ивана, онъ не измѣнилъ своему собственному представленію ея ни одной ложной, нетвердой или мягкой чертой. Вскорѣ, вы уже отдѣляете Грознаго отъ драмы и, усвоивая мысль и сужденіе о немъ автора, начинаете думать, что страшное губительство Новгорода, Пскова, многихъ безвѣстныхъ селъ и цѣлой массы безвѣстныхъ людей, а также и самое учрежденіе опричины, были у него совсѣмъ не дѣломъ государственнаго или личнаго разсчета, даже не дѣломъ дикой вспышки кровожадной и избалованной натуры, а просто должны быть признаваемы за прямые результаты его намѣренія перенести тяжесть царской кары съ боярскихъ

и почетныхъ головъ на весь народъ, дать почувствовать и ему острее ея жала, заставить и его трепетать передъ собой, какъ толпу придворныхъ, наконецъ охватить все земство и *осязательно*, посредствомъ своихъ клевретовъ, напоминать каждому человѣку въ государствѣ о власти, распоряжающейся жизнію, имуществомъ и честію людей на землѣ. Множество подробностей въ драмѣ прямо указываютъ на такое заключеніе, и страшное лицо Грознаго обрисовывается поэтому столько же самымъ содержаніемъ пьесы и съ подробностями, сколько и тѣми намеками, какіе въ ней заключаются, что́ еще способствуетъ къ укорененію въ памяти читателя этого зловѣщаго типа, за которымъ, по слѣдамъ автора, и собственное его воображеніе не мало поработало.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Иванъ Грозный, такимъ образомъ понятый и такъ ярко очерченный, несетъ съ собой значительное историческое поученіе, котораго недостаетъ драмѣ г. Чаева. Мы однакоже весьма склонны думать, основываясь на самой односторонности этого эффектнаго изображенія, что поученіе, въ умѣ автора „Смерть Грознаго", было заготовлено ранѣе самого ядра драмы, что послѣдняя скорѣе возникла изъ поучительныхъ цѣлей, чѣмъ изъ прямого созерцанія эпохи и исторіи. Оттого и впечатлѣнія, возбуждаемыя драмой — сродни тѣмъ, которыя получаются при слушаніи искусной ораторской рѣчи или жаркой, патетической проповѣди. Все это не помѣшало самому лицу Ивана IV въ драмѣ достичь трагическаго выраженія, и породить изъ себя и вокругъ себя много драматическихъ положеній, много сильныхъ и потрясающихъ эффектовъ.

Въ доказательство всего этого мы ссылаемся на превосходныя сцены четвертаго дѣйствія, когда, подъ впечатлѣніемъ страшнаго знаменія на небѣ, чувства близящейся кончины своей, и ужаса, наведеннаго Баторіемъ, Иванъ становится на колѣни передъ трепещущими боярами своими, моля ихъ о прощеніи *обидъ*, приказываетъ заключить миръ съ Баторіемъ на какихъ бы ни было условіяхъ, явно предаетъ свое государство и велитъ посламъ переносить даже побои отъ враговъ — и все это для того, чтобъ, обманывая людей и Бога, имѣть возможность посмотрѣть на самого себя, какъ на жертву:

«Боже всемогущій!
Ты своего помазанника видишь —
Достаточно-ль униженъ онъ теперь!

Если бы авторъ создалъ одну такую сцену, и тогда бы мы увидѣли въ немъ замѣчательный драматическій талантъ; но, какъ

сказано, у него ихъ цѣлый рядъ, вполнѣ доказывающій силу и средства его поэтической фантазіи.

Не всякое, однакоже, лицо, способно выдержать смѣлую игру фантазіи такъ счастливо, какъ Иванъ Грозный. Благодаря тому, что лицо это весьма крѣпко стоитъ въ нашей исторіи и носитъ въ ней весьма многозначительную, сильно обозначенную физіономію, фантазія уже не въ силахъ измѣнить ея коренного выраженія, и, какъ бы прихотлива ни была, уже должна по неволѣ ограничиться только ея освѣщеніемъ. Иначе можетъ случиться, при своевольствѣ фантазіи, съ лицами, очертанія которыхъ въ исторіи не столь ясны и рѣзки. Въ драмѣ гр. Толстого, напримѣръ, есть одинъ характеръ, несправедливо и безжалостно погубленный его фантазіею, которая предоставила себѣ право располагать лицами и даже историческими вопросами по нуждамъ минуты, не справляясь, какія имена носятъ первыя, или какое содержаніе заключаютъ въ себѣ вторые. Этотъ погубленный характеръ есть именно Борисъ Годуновъ, все изображеніе котораго представляетъ одинъ сплошной *наговоръ*, совершенно свободно и мѣстами какъ-то добродушно развиваемый фантазіею, безъ всякаго подозрѣнія о послѣдствіяхъ своей работы. Мы рѣдко гдѣ видѣли примѣръ такого полнаго разрыва съ историческимъ матеріаломъ, какъ тутъ, но нигдѣ такъ ясно и не обнаруживалась для насъ внутренняя несостоятельность того начала, которое произвело этотъ разрывъ. Нѣтъ — не все дозволено фантазіи въ области искусства, и особенно не дозволено ей понимать себя, какъ безграничную власть, распоряжающуюся исторіей народа безъ отвѣта и ограниченія, лишь бы послѣдняя служила къ уснащенію ея красками или къ доставленію наибольшей пышности ея рисункамъ и планамъ. Послѣдствія такого пониманія фантазіи довольно извѣстны намъ изъ произведеній французскихъ драматическихъ писателей: рѣдкій изъ нихъ, принимаясь за перо, не облачается вдругъ, по отношенію къ исторіи, въ роль и мантію императорскаго прокурора, и не почитаетъ за свой долгъ оказаться всесвѣтнымъ обвинителемъ, передѣлать всѣ старые приговоры къ вящшему ущербу обвиняемыхъ или заподозрѣнныхъ лицъ. Это уже фантазія безъ началъ, которая ищетъ орудій и средствъ подѣйствовать на публику вездѣ, и въ такихъ мѣстахъ, куда бы ей не слѣдовало спускаться. Для такой именно фантазіи—усиленіе всѣхъ обвиненій становится условіемъ существованія; возведеніе каждаго подозрѣнія въ несомнѣнную улику—единственнымъ средствомъ успѣха; находчивость въ изобрѣтеніи позорныхъ или сомнительныхъ побужденій у человѣка—признанной цѣлью, на которую она возлагаетъ лучшія свои надежды. Нельзя отличаться болѣе несправедливымъ и

жестокимъ характеромъ, но это уже въ сущности и не фантазія: это только ея подобіе, болѣзненный или испорченный ея видъ. Какъ только писатель истощается въ усиліяхъ выразиться громче, разительнѣе, смѣлѣе, чѣмъ самое крупное, полновѣсное слово историческаго свидѣтельства — онъ уже обнаруживаетъ признаки фантазіи, отклонившейся отъ своего первоначальнаго, чистаго и свѣтлаго типа. Конечно, и въ этомъ состояніи она можетъ имѣть великодушныя цѣли, весьма почтенныя и благовидныя намѣренія, но настоящая ея роль уже кончена. Ей уже никогда не быть живымъ поясненіемъ природы вещей, и откровеніемъ характеровъ, а главное ей уже не быть тѣмъ, чѣмъ искони вѣковъ считалась поэзія у всѣхъ народовъ міра, и чѣмъ она будетъ всегда считаться во всѣхъ обществахъ, именно высшей справедливостію для людей и событій на землѣ и ихъ послѣднимъ, настоящимъ опредѣленіемъ.

Мы настоятельно заявляемъ, что весьма далеки отъ мысли прилагать все здѣсь сказанное прямо къ драмѣ гр. Толстого, но не скроемъ и того, что лицо Бориса Годунова, имъ созданное, подало намъ именно поводъ къ этимъ соображеніямъ. Разсмотримъ его нѣсколько ближе, такъ какъ, кромѣ всего другого, оно еще составляетъ противоположный полюсъ съ Иваномъ, и между ними собственно вращается вся драма нашего автора. Извѣстно, что Борисъ Годуновъ, память котораго отягощена въ русской исторіи однимъ мрачнымъ преступленіемъ, уже не разъ считался поэтому способнымъ на мрачныя дѣла всякаго рода. Выводъ этотъ, крайне нелогичный, вѣроятно встрѣтилъ бы протестъ даже и при юридическомъ изслѣдованіи дѣла, но въ искусствѣ, которое питаетъ врожденное отвращеніе ко всякому подобію софизма, которое боится, какъ начала своей погибели—всякаго признака парадокса или діалектическаго изворота — такой выводъ и немыслимъ. Однакожъ, авторъ драмы допустилъ его, и, какъ кажется, единственно изъ желанія доставить просторъ своей пылкой фантазіи, не терпящей стѣсненій. Между тѣмъ, разсчетъ оказался невѣрнымъ; фантазія, противозаконно высвобожденная отъ всѣхъ ограничивающихъ ея условій, потеряла свою творческую силу именно тогда, когда всего болѣе надѣялась на ея развитіе. Образъ Годунова ей не удался. Напрасно авторъ драмы дѣлаетъ Бориса, еще за-долго до углицкаго происшествія, цареубійцей, *изводчикомъ* самого Ивана IV, напрасно влагаетъ ему коварнѣйшіе замыслы на будущее время, тогда какъ въ будущемъ могла еще занимать его только мысль о своемъ самосохраненіи, а темныя предсказанія волхвовъ должны были казаться не болѣе, какъ дьявольскимъ навожденіемъ; напрасно также пускаетъ онъ его въ дома заговорщиковъ какъ разъ, когда

нужно предупредить послѣднее ихъ рѣшеніе, отворяетъ передъ нимъ всѣ двери, дѣлаетъ его Протеемъ, невидимкой, вездѣсущимъ и проч. Борисъ не выходитъ все-таки изъ состоянія *не-бытія*. Это — никто. Въ этомъ безсиліи талантливаго автора вызвать къ жизни одно изъ важнѣйшихъ лицъ своей драмы, мы видимъ справедливое возмездіе за допущеніе одного вышеупомянутаго нелогическаго вывода. Когда кончается драма, призракъ, носящій въ ней историческое имя Годунова, разсѣевается какъ дымъ и еще полнѣе, чѣмъ дымъ, ибо послѣдній все-таки не пропадаетъ въ общей экономіи природы, между тѣмъ какъ ложное созданіе уничтожается цѣликомъ все, безъ остатка. Написавъ это, мы вспомнили однакожъ о возможности оговорки — остается отъ него еще поученіе. Дѣйствительно, мы можемъ почерпнуть и здѣсь своего рода поученіе, именно слѣдующее: опасность для фантазіи, никогда не повѣряющей себя, преимущественно состоитъ въ томъ, что, для изображенія преступника во всей его наготѣ, она обыкновенно собираетъ *много* преступленій, для изображенія громадности какого-либо явленія — ей нужно *много* эффектовъ и разнородныхъ событій; для изображенія души, помраченной страстями — она любитъ перечислять въ ней *много* черныхъ мыслей, между тѣмъ какъ настоящій матеріалъ творчества гораздо проще. Фантазія, сознающая законы производства, укрощенная ими и потому дѣйствующая на воображеніе читателя съ необычной силой соединенныхъ качествъ мысли и поэзіи — выбираетъ одно преступленіе, довольствуется мгновеніемъ въ исторіи и въ жизни людей, ловитъ совѣсть человѣка въ одномъ опредѣленномъ состояніи, но разработываетъ всѣ эти явленія съ такимъ предчувствіемъ всего ихъ содержанія, что легко даетъ просвѣтъ на ихъ прошедшее и будущее. Это второй законъ для творческой фантазіи, который долженъ быть поставленъ рядомъ съ первымъ, возвышающимъ ее на степень судьи людскихъ дѣлъ и побужденій, возстановителя всѣхъ правъ и карателя злыхъ помысловъ, даже и тѣхъ, которые никому, кромѣ совѣсти человѣка, неизвѣстны. Право отлученія преступниковъ принадлежитъ въ такой сильной степени искусству, что оно и должно пользоваться имъ чрезвычайно бережно.

Самая блестящая сторона новаго произведенія гр. Толстого есть, безъ сомнѣнія, сценическая. Мы еще не встрѣчали въ русской литературѣ такого ловкаго, мастерского и вмѣстѣ бойкаго приложенія обычныхъ формъ западной европейской драмы къ русскому міру, его исторіи, преданіямъ и быту. То, что составляетъ еще для нѣкоторыхъ вопросъ, который можно выразить такъ: укладывается ли въ эту форму вполнѣ покойно и удобно все обычное содержаніе русской жизни — не составляетъ для гр. Толстого никакого вопроса. Онъ

произвелъ настоящую, современную, блестящую сценическую драму изъ матеріаловъ и изъ данныхъ, которыхъ надо было сперва подчинить нѣсколько чуждой имъ формѣ. Онъ не сдѣлалъ при этомъ никакой уступки національнымъ матеріаламъ и даннымъ; онъ не нарушилъ для нихъ преданій и уставовъ современной европейской драмы, и хотя его „Дѣйствія“—не раздѣлены на „Явленія“, какъ обыкновенно тамъ принято, а развиваются сплошь, но духъ, пріемы и разсчеты эффектныхъ сценическихъ представленій нашего вѣка—усвоены и осуществлены съ изумительной сноровкой въ его драмѣ. Это—драма, совсѣмъ готовая для любого европейскаго театра, несмотря на свое чисто-русское содержаніе. Отсюда и причина, вмѣстѣ съ другими, разумѣется, ея громаднаго успѣха въ средѣ русскихъ читателей; значительная доля рукоплесканій, встрѣтившихъ драму, кажется намъ, относится именно къ этому качеству ея, которое прежде всего поразило большинство нашего образованнаго общества. Мы также признаемъ всю его важность и только желали бы напомнить автору объ опасности, какая можетъ предстоять для правды самаго представленія русской жизни отъ слишкомъ рѣшительнаго, смѣлаго и безогляднаго ввода ея въ порядокъ идей, въ свойство задачъ и намѣреній, не совсѣмъ обычныхъ для нея. Уже и теперь на нѣкоторыхъ мотивахъ и на нѣкоторыхъ эффектахъ его драмы лежитъ, хотя еще и легкій, но однакоже не трудно распознаваемый *чужевидный* оттѣнокъ. Утерявъ часть своего народнаго облика, они въ замѣнъ пріобрѣли потрясающій сценическій характеръ — мѣна эта со стороны ея выгодности для произведенія можетъ быть различно понимаема. Кто, напримѣръ, не будетъ пораженъ послѣдней сценой драмы, когда Годуновъ преднамѣренно умерщвляетъ ослабѣлаго Грознаго пахальнымъ взглядомъ и дерзкимъ словомъ, и когда вслѣдъ за тѣмъ влетаетъ, по ошибкѣ, толпа скомороховъ въ палату, возглашая шутовскую пѣсню? Врожденная наклонность европейской драмы устроивать нагляднымъ образомъ позорную кару для порочнаго существованія, избѣгшаго ее при своей жизни, здѣсь сквозитъ весьма замѣтно, но весьма замѣтно также, что потрясающая и очень талантливая сцена задумана, не спросясь съ русскимъ духомъ и русской жизнью вообще. Можно распознать и въ схимникѣ гр. Толстого, прожившемъ 30 лѣтъ въ замурованной кельѣ, безъ всякаго сообщенія съ людьми, не слыхавшимъ во весь этотъ періодъ времени ни объ одномъ событіи на землѣ и помнящемъ однако всѣ событія своей молодости со всѣми ихъ подробностями — можно распознать и въ немъ лукавое подставное лицо, которымъ авторы западныхъ драмъ любятъ обыкновенно пристыжать нелюбимыя историческія эпохи и ихъ главныхъ дѣятелей. Не менѣе видный эффектъ

производитъ у гр. Толстого и цѣлая школа или лучше цѣлый факультетъ волхвовъ, которые не только добросовѣстно занимаются *наукой* звѣздочетства, но, какъ истинные ученые, ревностно оберегаютъ честь ея, повторяя только то, что наука имъ указываетъ, и останавливаясь тамъ, гдѣ она молчитъ. Фантазія автора, очевидно, отдѣлилась при этомъ отъ русской почвы до совершенной потери ея изъ вида, но драма пріобрѣла въ замѣнъ еще новыя, раздражающія краски. Всѣ эти черты и вліянія иного строя мыслей, другого, чужого порядка представленій — вскорѣ однакоже пропадаютъ для читателя въ живомъ, сильно ускоренномъ, уносящемъ и уносящемся ходѣ драмы, которой они служатъ какъ-бы возбудительнымъ средствомъ. Занимательность ея все растетъ, не ослабѣвая ни на минуту, поглощая все вниманіе читателя и не оставляя ему времени подумать о томъ, изъ какого источника вытекли нѣкоторыя изъ тѣхъ сильныхъ впечатлѣній, которыми наполнена его душа. Только уже по прошествіи извѣстнаго срока обнаруживается для него, что многодѣятельная, неутомимая фантазія въ нѣкоторыхъ случаяхъ работала у гр. Толстого и тогда, когда никакого основанія и матеріала для работы у ней не было. Нѣтъ сомнѣнія, что задача поэтической фантазіи заключается въ пріумноженіи жизни, въ призывѣ къ полному существованію всѣхъ зародышей, которые существуютъ тайно въ ея нѣдрахъ, но также несомнѣнно, что зародышей этихъ фантазія сама производить не можетъ, и, гдѣ ихъ нѣтъ, выдумывать или раздувать обманчивыя ихъ подобія не имѣетъ никакого права. Это третій законъ творчества, дополняющій первые два, приведенные выше.

Со всѣмъ тѣмъ необходимо замѣтить, что ошибки автора также точно обнаруживаютъ замѣчательный талантъ, какъ и созданное имъ лицо Ивана Грознаго, какъ и вся эта драма съ ея смѣлой и оригинальной постройкой. Средства, находящіяся въ распоряженіи гр. Толстого, весьма обширны. Мы выскажемъ наше искреннее убѣжденіе, когда заявимъ, что, по изобрѣтательности въ подробностяхъ, по предчувствію драматическихъ положеній и по способности вести неуклонно, безъ всякаго колебанія и запинки все содержаніе, весь матеріалъ пьесы, къ наиболѣе эффектному концу — врядъ-ли кто другой обладаетъ у насъ въ такой сильной степени, какъ гр. Толстой, всѣми задатками для созданія вполнѣ сценической драмы изъ данныхъ русской исторіи. Ему нужно только одолѣть собственную свою фантазію, сдѣлаться ея господиномъ и удвоить ея силу и дѣйствіе, подчинивъ строгому воспитанію мысли, опирающейся на законы творчества и на исторію, поясненную народными бытовыми началами. Самый стихъ его открываетъ ему путь къ большому и пре-

восходному сценическому успѣху. Вообще нѣсколько блѣдный и слабый въ народныхъ сценахъ и въ мѣстахъ, гдѣ требуется простая, реальная истина, стихъ этотъ становится гибкимъ, поэтическимъ, художественно-пышнымъ тамъ, гдѣ дѣйствіе начинаетъ расширяться и усложняться. Правда, и тутъ встрѣчаются у автора, какъ и вездѣ, увлеченія и неровности: иногда поэтическій оттѣнокъ рѣчи слышится не совсѣмъ на своемъ мѣстѣ, иногда его недостаетъ тамъ, гдѣ слѣдовало бы его ожидать, но во всякомъ случаѣ, по своей выдѣлкѣ и бойкой развязности, онъ можетъ и долженъ доставить гр. Толстому весьма сильное орудіе для дѣйствія на публику со сцены. Въ подтвержденіе нашихъ словъ укажемъ, между многими другими мѣстами, хоть на великолѣпную передачу въ стихахъ одного мѣста изъ дерзкаго, вызывающаго письма Курбскаго къ Ивану IV (1-е Дѣйст.); это переложеніе, выслушанное со сцены, конечно, произведетъ большее впечатлѣніе на публику, чѣмъ произвелъ бы самый оригиналъ, тамъ же прочитанный. Таковы условія сценическаго искусства. Маска и котурна никогда, въ скрытомъ видѣ, не переставали въ немъ существовать, употребляются подъ другими формами и теперь, какъ прежде, и, можно думать, будутъ употребляться всегда. Не малую бы заслугу оказала русская драма дѣлу образованія народнаго, если бы воспользовалась и этими условіями сценическаго искусства для передачи массамъ народнымъ, въ яркихъ картинахъ, ихъ прошлую историческую жизнь, которую они теперь безсознательно чувствуютъ въ себѣ, но которую не могутъ повѣрить умомъ и размышленіемъ, благодаря тому, что рѣдко видятъ ее передъ собою въ отраженіи искусства. Такая услуга, невозможная безъ строгаго пониманія своей задачи, могла бы быть оказана драматическимъ писателемъ, поприще котораго отличается ясными признаками постояннаго развитія и совершенствованія, и который поэтому легко поднимется на высоту, указываемую ему критикой и собственнымъ его талантомъ.

„Вѣстникъ Европы“, 1866, мартъ.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ

въ романѣ И. С. Тургенева: „Дымъ“.

И. С. Тургеневъ не измѣнилъ своему литературному призванію и въ новомъ произведеніи, о которомъ собираемся говорить. Какъ прежде въ „Рудинѣ“, „Дворянскомъ Гнѣздѣ“, „Отцахъ и Дѣтяхъ“, такъ и нынѣ, онъ выводитъ передъ нами явленія и характеры изъ современной русской жизни, важные не по одному своему психическому или поэтическому значенію, но вмѣстѣ и потому, что они помогаютъ распознать мѣсто, гдѣ въ данную минуту обрѣтается наше общество, и мысль, которою оно занято передъ намѣткой послѣдующаго своего шага. Самая участь новаго романа въ публикѣ, вѣроятно, будетъ походить на участь многихъ старыхъ произведеній Тургенева: понятый одними, какъ выраженіе личныхъ антипатій автора къ извѣстнымъ людямъ и партіямъ, привѣтствуемый другими, какъ горькое разоблаченіе домашнихъ нашихъ язвъ,—новый романъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, скоро перейдетъ въ общественное сознаніе, какъ художническая картина, не искавшая ни указать на кого-либо, ни кого-либо оскорблять, еще менѣе исцѣлять болѣзненные организмы, существующіе въ обществѣ, а только исполнившая настоящую свою задачу: олицетворить въ искусствѣ извѣстное историческое мгновеніе, переживаемое обществомъ. Покуда состоится, однакожъ, такой приговоръ (а онъ состоялся же по другимъ произведеніямъ Тургенева, возбуждавшимъ, въ свое время, немалыя пренія), новый романъ нашего автора, конечно, не будетъ имѣть недостатка въ укоризнахъ, упрекахъ и осужденіи. Можно уже предвидѣть, по нѣкоторымъ начаткамъ, самыя вины, которыя укажутся автору гласно и путемъ *приватнаго дознанія:* романъ, скажутъ, наговорилъ много лишняго на тайныя стремленія и пожеланія нѣкоторыхъ литературныхъ партій нашихъ; романъ утаилъ весьма существенныя стороны общаго нашего развитія; романъ не представилъ намъ ни свѣтлаго лица, ни отраднаго явленія, которыя вознаграждали бы насъ за муку созерцанія его мрачной картины, и, наконецъ, точка зрѣнія романа противна и недостойна знаменитаго писателя, который по милости ея утерялъ

всякую патріотическую стыдливость въ своихъ изображеніяхъ. Главные пункты великаго процесса, ожидающаго, по всѣмъ вѣроятіямъ, нашего автора, уже помѣчены и теперь съ должной ясностью, но какъ бы они искусно и тщательно ни были разработаны впослѣдствіи публичными и приватными обвинителями, все-таки останется еще весьма трудный вопросъ, грозящій уничтоженіемъ всей аргументаціи преслѣдователей. Имъ придется отвѣчать именно на вопросъ— слышится ли въ романѣ біеніе той жизни, которою мы окружены, переливаются ли въ немъ тѣ самыя краски, которыя по-одиночкѣ поражали на каждомъ шагу нашъ собственный глазъ, но которыхъ мы собрать въ картину никакъ не могли, не будучи художниками. Намъ сдается, что не всякій, даже заклятый противникъ романа, рѣшится, въ виду его, отвѣчать на вопросъ отрицательно; но чего не бываетъ на свѣтѣ?! Можетъ найтись толпа, готовая и на этотъ смѣлый шагъ, особенно, если она будетъ состоять изъ людей, не получившихъ литературнаго образованія, съ одной стороны, и изъ такихъ, съ другой, которые судятъ о достоинствѣ произведенія по глубинѣ „всемірной скорби"—Weltschmerz—встрѣчаемой у дѣйствующихъ лицъ съ самаго появленія ихъ на свѣтъ, и по жгучести „всемірной ироніи"—Weltironie—на какую они способны. Ничего не будетъ удивительнаго, если отрицаніе подобнаго рода прошумитъ и въ какомъ-нибудь уголкѣ журнальнаго міра; но для насъ, по крайней мѣрѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что произведеніе Тургенева, еще до окончанія любопытнаго процесса, превратится, для большинства читающей и образованной публики, какъ именно это случилось съ романомъ „Отцы и дѣти"—въ историческій документъ, свидѣтельствующій о современной намъ эпохѣ столько же, сколько и всякіе другіе, оффиціальные и неоффиціальные документы, намъ доселѣ извѣстные.

Съ этой точки зрѣнія мы и намѣрены разобрать повѣсть „Дымъ", прибавивъ ко всему сказанному, что она имѣетъ значеніе весьма серьёзнаго документа еще и по другому качеству, кромѣ живописи нравовъ и понятій, а именно, по необычайной искренности своего изложенія, по характеру душевной исповѣди и твердаго убѣжденія, который сообщенъ ей авторомъ. Такіе документы особенно цѣнны для изслѣдователей извѣстныхъ эпохъ и культуръ.

Уже вскорѣ послѣ появленія романа въ печати замѣчено было, что часть его, посвященная анализу русскихъ направленій, изображенію нравовъ, характеристикѣ лицъ и партій, желающихъ дать свою окраску, сообщить свой духъ всему строю насущной нашей жизни, написана бойчѣе, рѣзче, энергичнѣе, чѣмъ все, что въ этомъ родѣ написано доселѣ Тургеневымъ. Онъ такъ пріучилъ читателей къ

тонкимъ чертамъ, мягкимъ очеркамъ, къ лукавой и веселой шуткѣ, когда ему приходилось смѣяться надъ людьми, къ изящному выбору подробностей, когда онъ рисовалъ ихъ нравственную пустоту, что многіе не узнали любимаго своего автора въ нынѣшнемъ сатирикѣ и писателѣ, высказывающемъ всѣ свои впечатлѣнія прямо и на чистоту. Нѣкоторые даже спрашивали: что́ съ нимъ сдѣлалось?— Съ нимъ ничего не сдѣлалось, кромѣ того, что на него низошла минута, часто являющаяся въ жизни замѣчательныхъ общественныхъ дѣятелей, когда потребность быть искреннимъ и откровеннымъ превозмогаетъ у нихъ всѣ другія соображенія. Такія минуты хорошо знакомы были Пушкину, Гоголю, Руссо, Гёте и многимъ другимъ писателямъ, и приходъ ихъ обыкновенно совпадаетъ еще съ какимъ-либо, болѣе или менѣе, важнымъ событіемъ внутренней жизни тѣхъ лицъ. Относительно Тургенева слѣдуетъ прибавить, что къ такой внутренней, субъективной правдивости мысли и рѣчи призывало уже его, кромѣ многаго другого, и самое положеніе дѣлъ и умовъ въ Россіи. Никогда еще, можетъ быть, не чувствовалась у насъ такъ полно и сознательно крайняя необходимость для каждаго человѣка, уважающаго свое дѣло и призваніе, занять то самое мѣсто, которое, въ ряду другихъ, онъ *долженъ* занять. Тургеневъ только подчинился условіямъ своего времени, когда выбралъ себѣ *„мѣсто“*, обнаруживающее его нравственныя влеченія, и сдѣлалъ притомъ свой выборъ прямо, откровенно, безъ наглости вызова и безъ низости лицемѣрныхъ оговорокъ. То, что́ нѣкоторые расположены считать у него непривычнымъ и отчасти непристойнымъ хлопаніемъ сатирическаго бича, есть не болѣе, какъ его разсчетъ съ своимъ прошлымъ; то, что́ инымъ кажется нападками, личностями, даже пасквилями, есть не болѣе, какъ старая, давно сдѣланная повѣрка зрѣлища, котораго онъ долго самъ былъ свидѣтелемъ.

Тургеневъ, въ новомъ романѣ, сводитъ правдивый итогъ впечатлѣній за послѣднее время своей многосторонней жизни, и мы думаемъ, что послѣ этой работы образъ его нисколько не уступитъ въ нравственномъ значеніи тому симпатическому образу, который сложился въ большинствѣ публики на основаніи прежнихъ его произведеній. Если вспомнить притомъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ отступился, ради истины, отъ обычныхъ художническихъ пріемовъ своихъ, на успѣхъ которыхъ всегда могъ положиться, то уваженіе наше къ новому проявленію его дѣятельности должно еще увеличиться. Единственно изъ потребности выразить вполнѣ свое мнѣніе, рѣшился онъ освѣтить яркими, скажемъ, багровыми полосами свѣта, грубо и прямо кинутыми на уродливую сторону выводимыхъ лицъ— нѣкоторыя сцены своего романа, которыя могъ бы легко окаймить

полу-прозрачной атмосферой, поглощающей добрую часть настоящаго выраженія физіономій. Свидѣтелями его новой „манеры“ остаются знаменитая сцена пикника на террасѣ Баденскаго замка, вечеръ у Ратмировой, засѣданіе у Губарева, и проч. Все это написано имъ непосредственно съ натуры, какъ случалось ему писать прежде только въ видѣ исключенія. Онъ понасиловалъ обычныя свойства своего таланта для того, чтобъ сознательно не упустить рѣзкія черты жизненной правды, какъ она ему представилась. Критика ли, общество ли не замѣтятъ этого явленія?

Но искренности еще мало для писателя. Это не такой флагъ, который во всякомъ случаѣ покрывалъ бы товаръ или упрочивалъ ему вѣрный сбытъ. Какъ ни почтенно это качество само по себѣ, все его нравственное значеніе зависитъ отъ того, чему оно служитъ проводникомъ. Достоинство и важность содержанія — вотъ что́ требуется еще отъ искренности. Посмотримъ же, что́ говоритъ намъ у Тургенева поэтическая завязка романа, обработанная вездѣ, гдѣ являются человѣческія сердца, человѣческія страсти и душевная борьба, совершенно иначе, чѣмъ полемическая сторона повѣсти, а именно — съ неимовѣрной тониной анализа, съ жаромъ и вниманіемъ юношескаго пера, и что́ говоритъ само созерцаніе романа, представителемъ котораго служитъ второстепенное лицо, нѣкто Потугинъ, играющій тутъ роль древняго хора и, подобно ему, ведущій рѣчь отчасти за себя, весьма часто за автора и постоянно, неуклонно за литературную партію, олицетвореніемъ которой онъ и долженъ считаться?

Потугинъ — представитель извѣстнаго созерцанія, Потугинъ — олицетвореніе литературной партіи! Да какъ же это можетъ статься? Посмотрите — есть ли въ немъ что-либо отвѣчающее понятію о главѣ и руководителѣ школы или какого-либо распространеннаго ученія? Гдѣ же у него величіе представителя, самоувѣренность наставника, всѣми признаннаго, наслажденіе самимъ собой, какъ это бываетъ у людей, вознесенныхъ надъ собратами? Развѣ мы не видимъ, что это робкій, сосредоточенный въ себѣ полу-семинаристъ, полу-разночинецъ, который, большею частью, скромно молчитъ, а, вступая въ разговоръ съ другими, страшно конфузится при началѣ? Намъ знакома отчасти и его жизнь. Онъ дозволилъ себѣ однажды поползновеніе — правда, также робко, застѣнчиво, какъ все, что́ онъ дѣлаетъ — возвести изъ низменной сферы, гдѣ онъ влачитъ свое существованіе, молящіе глаза кверху и помѣстить самое глубокое чувство своего сердца на голову высоко стоявшей надъ нимъ женщины. Что же вышло? Онъ платится за одно это поползновеніе годами покорныхъ и неоцѣненныхъ услугъ, цѣлымъ рядомъ безро-

потныхъ, молчаливыхъ и нескончаемыхъ жертвъ. Какой же это представитель, что́ въ немъ напоминаетъ „вождя оппозиціи“ или „премьера“ господствующей партіи, и какъ могъ Тургеневъ именно въ уста подобнаго человѣка вложить всѣ самыя меткія, бойкія, горячія сатирическія выходки, часть которыхъ, можетъ быть, и не износится никогда паціентами, ихъ вызвавшими?

Поступивъ такимъ образомъ, Тургеневъ, однакожъ, по нашему мнѣнію, обнаружилъ именно весь художническій свой инстинктъ. Потугинъ — отчаянный „*западникъ*“, продолжающій лучшія преданія нашей литературы 40-хъ годовъ. Онъ дѣлаетъ это въ эпоху реакціи противъ нихъ, въ то время, когда люди озлобились противъ вѣковѣчнаго, нескончаемаго ученія, на которое присуждались этой литературой, и противъ послушничества, неизбѣжно съ нимъ сопряженнаго. Носить одно прозваніе ученика европейской жизни и цивилизаціи всю жизнь, на безсрочное и неопредѣленное время, сдѣлалось уже не въ моготу русскому образованному міру. Неодолимая жажда повышенія, выхода въ иное, болѣе высшее и почетное званіе, на какихъ бы то ни было основаніяхъ и резонахъ, почувствовалась всѣмъ обществомъ съ-разу. Движеніе имѣло, какъ всякое соціальное движеніе, свою законную причину и свою долю необходимости. Оно было вызвано отчасти надменностью, нестерпимымъ самохвальствомъ ближайшихъ нашихъ учителей изъ нѣмецкой братіи, которая и не скрывала своего презрѣнія къ обществу, опекаемому имъ на всѣхъ пунктахъ. Сюда присоединилось еще и вліяніе кровной ненависти Европы къ государству, которое никогда не жило съ ней общей жизнью, вошло, какъ проходимецъ, въ ея составъ, помимо ея воли и гаданій, и располагаетъ остаться на своемъ мѣстѣ, не слушая ругательствъ и проклятій. Потугинъ умалчиваетъ о всѣхъ этихъ вызывающихъ причинахъ, обращая только вниманіе на полученные результаты движенія. Скромность во всякомъ случаѣ не похвальная, но представители партій всегда такъ дѣлаютъ. О правѣ ихъ такъ дѣлать мы скажемъ нѣсколько словъ впослѣдствіи. Можетъ быть, Потугинъ даже неясно и сознаетъ прямые источники свершившагося переворота: они заслонены для него послѣдующимъ развитіемъ дѣла. Онъ ясно видитъ только, что ученики, возставшіе противъ своихъ менторовъ, у нихъ же и выучились настоящимъ пріемамъ возстанія — низверженію мѣшающихъ почему-либо авторитетовъ, искусной діалектикѣ, логическому анализу и полемикѣ. Передъ нимъ также проходили и тѣ формулы, которыя торжествующее возстаніе, уже увѣренное въ своемъ успѣхѣ, придумывало одну за другою, какъ оправданіе поднятого ею знамени и какъ доказательство своей способности замѣнить обветшалыя теоріи

прежнихъ учителей общества свѣжими и новыми положеніями. Первоначально формулы эти носили всѣ признаки поспѣшности: онѣ были отчасти матеріальнаго, отчасти сантиментальнаго содержанія и скоро пали, покинутыя всѣми. Трудно было и сохраниться положеніямъ, напримѣръ, въ родѣ: „мы всѣхъ шапками закидаемъ", „земля наша обильна, и потому мы ни въ комѣ и ни въ чемъ не нуждаемся", или, наконецъ, такому афоризму; „исторія наша написана не кровью людской, какъ другія, а слезами народа, и мы заслуживаемъ быть учителями человѣчества по смиренію, терпѣнію и выносливости, которыя отличаютъ наше племя". Афоризмами подобнаго рода, теперь уже окончательно преданными забвенію, пробавляются еще нѣкоторые изъ прежнихъ бойцовъ, оставшихся на аренѣ, состарѣвшихся и повторяющихъ эффектную тэму своей молодости, но вліянія они не имѣютъ никакого. Гораздо болѣе посчастливилось другой формулѣ, найденной тоже въ жару поголовнаго возстанія на европейское вліяніе. Ее можно выразить въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: „Въ русскомъ народѣ заключается такое богатство духа и разума, что отъ него и должно ожидать основаній, на которыхъ слѣдуетъ утвердить просвѣщеніе вообще: тотъ только и достоинъ носить званіе учителя, кто чувствуетъ въ самомъ себѣ мудрость народа и способенъ сообщить нѣкоторыя черты ея". На этомъ афоризмѣ Потугинъ и остановился: съ нимъ онъ только и воюетъ. Для того, чтобъ нѣсколько оправдать или, лучше — пояснить его злобную рѣчь, вспомнимъ, что, вскорѣ послѣ обрѣтенія вышеупомянутой формулы, произошло торжество неописанное, баснословное, устроилось пированіе общее, шумъ котораго продолжается доселѣ, да и не скоро еще кончится. Съ тѣхъ поръ люди европейской школы и европейскихъ воззрѣній, хотя бы они всѣми силами души отвергали наглость иноземнаго господства надъ русскимъ обществомъ, подъ предлогомъ науки, хотя бы горячо любили тотъ самый народъ, во имя котораго раздавались многочисленныя *„отлученія"* — всѣ эти люди, говоримъ, были отодвинуты на задній планъ. Шумъ торжества, праздновавшаго возстановленіе — resorgimento — „народнаго духа", заглушалъ всѣ ихъ слова, оправданія и предостереженія. Напрасно утверждали они, что пріемы для воспитанія и полученія плодовъ цивилизаціи одни и тѣ же у всѣхъ европейскихъ народовъ; имъ отвѣчали, что только Фамусовъ умѣлъ *принанять* для своей дочери вторую мать въ m-me Розье, но что образованіе и способы образованія народъ, имѣющій цѣлые вѣка своей обычной культуры, создаетъ самъ или, по крайней мѣрѣ, призванъ создать. „Западники" умолкли и разошлись по сторонамъ; партія была разсѣяна; члены ея, очутившіеся на различныхъ по-

прищахъ общественной дѣятельности, принялись, по мѣрѣ силъ и по мѣрѣ способовъ, предоставленныхъ имъ, работать на пользу просвѣщенія и развитія въ отечествѣ. Вліяніе ихъ чувствовалось вездѣ, самихъ ихъ не было видно: они отказались отъ шума и отъ имени. Какая же была возможность автору выбрать эффектнаго представителя для разбитой партіи? Гдѣ бы онъ нашелъ въ ней блестящаго *„реномиста“*, какъ величаютъ нѣмцы человѣка, живущаго рукоплесканіями и способнаго собирать вокругъ себя толпу поклонниковъ съ грохотомъ, трескомъ и оваціями; гдѣ бы онъ взялъ въ уничтоженной партіи ту смѣсь непогрѣшимости патентованнаго муллы, толкующаго законъ хитрости, діалектика, сбивающаго съ толку своихъ противниковъ, и искуснаго дипломата, вывертывающагося изъ всѣхъ затрудненій — которую торжествующіе литературные кружки любятъ осуществлять въ своихъ представителяхъ? Ему оставалось заявить, при посредствѣ искусства, что основная мысль европофиловъ нисколько не умерла на Руси, но что она живетъ преимущественно въ мыслящихъ людяхъ, много видѣвшихъ на своемъ вѣку, сильно испытанныхъ жизнію, богатыхъ опытомъ и наблюденіемъ. И вотъ какимъ образомъ случилось, что представителемъ нѣкогда знаменитаго кружка западниковъ явился, послѣ Бѣлинскаго и Грановскаго, скромный, безвѣстный, ничѣмъ себя не заявившій, но глубоко-убѣжденный полу-семинаристъ и полу-разночинецъ.

Пойдемъ на встрѣчу вопросовъ, возникающихъ отовсюду по поводу романа. Зачѣмъ было Тургеневу поднимать старый споръ, кончившійся благополучно, хотя и очень недавно — со времени редакціонныхъ коммиссій, если не ошибаемся — полнымъ примиреніемъ обѣихъ партій, къ великому удовольствію образованной публики? Извѣстно, что торжествующая сторона съ тѣхъ поръ признала возможнымъ допустить необходимость примиренія „народной мудрости“ съ европейскимъ смысломъ и обще-человѣческими началами, а бывшіе противники ея, взамѣнъ этой любезности, признали настоятельную потребность совѣщаться во многихъ случаяхъ съ привычками, убѣжденіями и представленіями народныхъ массъ. Чего же лучше желать? Если отъ времени до времени и являются у насъ отголоски прошлой, еще недавней борьбы, если тамъ и сямъ какой-нибудь ревнитель народности броситъ грязью въ почтенное имя уже замолкшаго дѣятеля западной партіи, если, наоборотъ, какой-либо неумѣренный „западникъ“ разразится внезапно хулою на свѣтлыя личности, дорогія не одному кругу ихъ знакомыхъ и друзей — то это ничего не доказываетъ. Генеральная баталія уже кончилась на всѣхъ пунктахъ; досадныя перестрѣлки, нарушающія общее затишье, исходятъ отъ прежнихъ *сорви-головъ*, которыхъ годы не могли укро-

тить, и которые продолжаютъ, не будучи въ состояніи успокоиться, обмѣниваться ударами уже отъ одного своего имени и на свой страхъ. Такъ зачѣмъ же было — повторяемъ вопросъ — воскрешать въ романѣ 1867 года духъ, пріемы, сущность полемики 40-хъ годовъ и снова начинать битву, но теперь уже передъ пустыми лагерями и съ двойной опасностью: во-первыхъ, прослыть врагомъ спокойствія и порядка, съ такимъ трудомъ водворенныхъ, а во-вторыхъ, имѣть подобіе писателя, подогрѣвающаго свое произведеніе ѣдкими воспоминаніями прошлаго — на манеръ нашихъ романистовъ и драматурговъ, обращающихся за тѣмъ же къ упраздненному крѣпостному праву?

Мы позволяемъ себѣ, однакожъ, думать совсѣмъ наоборотъ, что настояла полная, совершенная необходимость поднять снова старый, забытый споръ, и что Тургеневъ, выдвинувъ его теперь впередъ при самомъ началѣ романа, какъ будто онъ никогда не разрѣшался или разрѣшился преждевременно, тѣмъ самымъ показалъ глубокое пониманіе, вѣрное художническое чутье современныхъ задачъ.

Потугинъ, въ одну изъ минутъ своего злобнаго вдохновенія, объявилъ, что онъ тогда только признаетъ за русскимъ обществомъ способность къ творчеству и самодѣятельности, когда оно изобрѣтетъ *зерносушилку*, совершенно необходимую ему и ненужную въ Европѣ. Но что это за вызовъ? Пишущій эти строки самъ видѣлъ на Волгѣ образецъ доморощенной зерносушилки, который, правду сказать, имѣлъ еще довольно аляповатый видъ, но съ годами и опытомъ, вѣроятно, получитъ болѣе стройную форму и всѣ нужныя качества для исполненія своего предназначенія. Нѣтъ ничего мудренаго русскому человѣку выдумать зерносушилку, особенно съ помощью американскихъ образцовъ того же инструмента. Зерносушилка будетъ нами сочинена, безъ участія Европы — въ томъ нѣтъ сомнѣнія: не труднѣе же она коноводки, амосовскихъ печей и прочаго, что́ русскій человѣкъ сочинилъ вполнѣ уединенно и независимо. Напрасно Потугинъ не предложилъ другихъ условій для своего публичнаго покаянія и не сдѣлалъ, напримѣръ, вызова русскому образованному обществу сочинить, безъ содѣйствія европейской цивилизаціи, что-либо похожее на публичные и домашніе нравы, т.-е. что-либо, заслуживающее названія нравовъ въ человѣческомъ смыслѣ. Онъ могъ бы также задать и другую тэму обществу, напримѣръ, изобрѣсть, безъ употребленія въ дѣло европейской мысли и европейскаго развитія, что-либо похожее на жизненные руководящіе *идеалы* личнаго и семейнаго существованія, которые достойны были бы признанія и, въ то же время, способными оказались устроить разумно внутренній бытъ людей, складъ ихъ мыслей и самый способъ выраженія — языкъ

ихъ сношеній между собою. Если бы пріобрѣтеніе всего этого зависѣло отъ восторженнаго и — прибавимъ — вполнѣ законнаго поклоненія доблестямъ избранныхъ русскихъ людей, которые засвидѣтельствованы исторіей, или отъ невольнаго удивленія къ силѣ народнаго дара, создавшаго громадное государство, имѣющее не менѣе громадную будущность передъ собой, или отъ поразительныхъ примѣровъ дѣятельной жизни нашего великаго племени, вѣрующаго въ себя и никогда не унывающаго, — то зачатки достойныхъ нравовъ и благородныхъ жизненныхъ идеаловъ оказались бы повсемѣстно. Но именно очевидное, изумляющее отсутствіе тѣхъ и другихъ, за малыми исключеніями, почти во всѣхъ слояхъ общества, во всѣхъ обычныхъ отправленіяхъ публичной жизни нашей, даже иногда въ лицахъ, одушевленныхъ горячимъ желаніемъ добра, и въ такихъ, которые, повидимому, обладаютъ высокимъ свѣтскимъ образованіемъ—ясно свидѣтельствуетъ, что обыкновенныхъ нынѣшнихъ уроковъ нашихъ намъ еще мало, и что мы лишены какого-то весьма важнаго двигателя развитія и образованности. Когда романъ Тургенева представляетъ намъ живые образцы нѣкоторыхъ существующихъ теперь нравовъ и понятій на Руси, онъ обнаруживаетъ только пустоту, оставленную между нами и этимъ отсутствующимъ двигателемъ. Значеніе его особенно понижается послѣ разсказа о томъ, какъ выразилась чистая самодѣятельность русской жизни и, вдобавокъ, на высшихъ ея ступеняхъ? Съ одной стороны, это великолѣпный Губаревъ со своей командой изъ нигилистовъ и соціалистовъ низшаго порядка; съ другой — „благоухающій“ генералъ Ратмировъ со своими сослуживцами и ровесниками, готовыми ринуться на всѣ уже существующія завоеванія гражданственности и порядка. Каковы они съ виду и въ своихъ бесѣдахъ, читатель можетъ увидать въ созданіи Тургенева. Картина, имъ написанная, становится еще мрачнѣе при мысли, что обѣ партіи стараются, каждая съ своей стороны, овладѣть вліяніемъ, получить мысль и нравственное воспитаніе общества въ свое распоряженіе, и что между ними обѣими ничего нѣтъ, кромѣ кликовъ празднества, все еще продолжающагося, по случаю побѣды „народнаго духа“ надъ его отрицателями.

Можно попытаться, однакожъ, взять Потугина съ другой стороны и ослабить его желчную аргументацію, показавъ, что, въ сущности, она не имѣетъ цѣли и направлена на борьбу съ призраками. Потугинъ стоитъ за сближеніе съ Европой, а кто же не видитъ, что наше сближеніе съ Европой только увеличилось за послѣднее время, что мы никогда не переставали изучать всѣ ея распорядки, а теперь болѣе, чѣмъ когда-либо. Проповѣдуя необходимость общенія съ ней въ духѣ и разумѣ, Потугинъ, по французской пословицѣ,

занимается ломаніемъ отворенной двери. Мы по уши стоимъ въ европейской цивилизаціи! Развѣ не ей приписывали у насъ появленіе самого нигилизма, хотя Европа ни въ какомъ случаѣ отвѣчать за него не можетъ, такъ какъ онъ есть собственно произведеніе невѣжественныхъ отношеній къ ея серьёзнымъ соціальнымъ ученіямъ и весьма солидному реалистическому направленію въ наукахъ. Но, кромѣ того, чего мы не перенимали и не перенимаемъ у нея доселѣ? Развѣ не переводимъ мы и не издаемъ каждый день произведеній ея знаменитыхъ мыслителей, ученыхъ, моралистовъ, и проч., что́ даетъ намъ возможность наслаждаться всѣми ихъ положеніями и страстно принимать ихъ къ сердцу? Переходя къ низшему порядку явленій, спрашиваемъ: есть ли въ Европѣ какое-нибудь общественное увеселеніе, какая-нибудь народившаяся мода, какая-нибудь свѣтлая идея, хоть, напримѣръ, идея о вводѣ героинь *demi-monde*'а въ жизнь высшихъ и среднихъ круговъ общества,— которыя не нашли бы тотчасъ отголоска и повторенія на нашей почвѣ? Съ достовѣрностью можно сказать, что нѣтъ мѣры, выдуманной на западѣ для устройства толпы по извѣстному порядку и на извѣстный образецъ, нѣтъ бойкой статьи и искусной ораторской рѣчи, закрѣпляющихъ что-либо въ готовую форму, съ которыхъ, при самомъ ихъ появленіи, не были бы сняты у насъ вѣрные списки для домашняго употребленія, при случаѣ. Можно идти и еще далѣе въ вопросахъ. Трудно сомнѣваться, напримѣръ, въ томъ, чтобъ успѣхъ какого-либо предпріимчиваго человѣка во Франціи или гдѣ въ другомъ мѣстѣ, смѣло расталкивающаго людей кругомъ себя и опрокидывающаго, для достиженія однѣхъ собственныхъ цѣлей, всѣ ихъ вѣрованія, лучшія надежды и стремленія—не заставлялъ нѣкоторыя головы мечтать и здѣсь о такомъ же успѣхѣ. Наконецъ, тѣсный, неразрывный союзъ нашъ съ Европой подтверждается и явленіями, въ высшей степени необычайными. Развѣ мы не знаемъ людей, до того породнившихся со всѣми взглядами сосѣдняго намъ запада, что они его глазами смотрятъ и на Россію, осуждая ея усилія къ сохраненію себя въ цѣлости и единствѣ, потому что и сосѣдъ не одобряетъ этихъ усилій, не считаетъ нужными мѣръ, принимаемыхъ для возвышенія и укрѣпленія русской національности, потому что и сосѣдъ не считаетъ ихъ особенно полезными и желательными. Какого же еще бо́льшаго сближенія съ Европой нужно Потугину, и съ чего дозволилъ ему почтенный авторъ, создавшій этотъ замѣчательный типъ, распространяться о необходимости любовныхъ отношеній къ западу, когда они уже достигаютъ иногда степени, близкой къ самозабвенію и экстазу, и подчасъ напоминаютъ дѣтскую игру „въ гуси-летѣли“, когда ребенокъ, повто-

ряя движенія руки своего партнёра, поднимаетъ палецъ даже и на его слова: „собаки летѣли“!?

Да, мы находимъ, что Литвиновъ слабо отвѣчалъ Потугину, когда, въ видахъ охлажденія его восторга къ иноземнымъ чудесамъ развитія и къ матеріаламъ для нашего подражанія, существующимъ въ Европѣ, указалъ ему только на игорные дома и на толпу *кокодесокъ*, французскихъ остроумцевъ и нашихъ князей и дворянъ, ихъ окружающую. Благодаря слабости возраженій, можно подумать, будто Литвиновъ считаетъ игорные дома единственнымъ пятномъ Европы: отсюда такой выводъ, что если Пруссія и Бельгія согласятся, напримѣръ, закрыть ихъ на своихъ территоріяхъ, то никакого пятна на Европѣ уже не останется болѣе. Нѣтъ, у ней есть пятна покрупнѣе и притомъ такія, которыя служатъ признаками серьёзныхъ болѣзней, и отъ которыхъ она силится освободиться со всѣми муками страдающаго организма. Но, можетъ статься—и это всего вѣрнѣе, что Литвиновъ, предлагая слабое свое возраженіе, невольно чувствовалъ, что собесѣдникъ его говоритъ не о той Европѣ, которой мы подражаемъ, а о той, которую мало видимъ и почти не знаемъ. Боже мой! Какая же это малоизвѣстная намъ Европа, намъ, исколесившимъ ее во всѣхъ направленіяхъ и изучившимъ ее болѣе своей родины? Да вотъ та самая, на которую авторъ романа только и указываетъ своимъ читателямъ черезъ посредство Потугина. Отличіе ея отъ видимой нами Европы состоитъ въ томъ, что, посреди множества отрицательныхъ, часто возмутительныхъ явленій своего быта, иногда подъ гнетомъ грубаго давленія матеріальной силы, еще далеко не устраненной ею, иногда въ пылу національныхъ увлеченій, подвигающихъ ее на вопіющія несправедливости—она занята устройствомъ человѣческой личности, ближайшей среды, ее окружающей, и возвышеніемъ духовной природы человѣка вообще. Нашимъ туристамъ по Европѣ (да и однимъ ли туристамъ?) кажется, что знаменитые ея университеты, богатѣйшая литература и музеи, сохраняющіе геніальныя произведенія искусствъ, направлены къ тому, чтобы украшать жизнь, и безъ того достаточно красивую, избранныхъ классовъ, или производить какъ можно болѣе ораторовъ, депутатовъ, профессоровъ, ученыхъ и писателей, между тѣмъ какъ они служатъ орудіемъ у той малоизвѣстной намъ Европы, о которой говоримъ—поднять мысль самаго послѣдняго человѣка въ государствѣ. Генрихъ IV, по свидѣтельству, впрочемъ, крайне подозрительному своихъ современниковъ, опредѣлялъ назначеніе внутренней и внѣшней политики Франціи единственно цѣлью—доставить каждому изъ его подданныхъ возможность имѣть по

праздникамъ „курицу“ на своемъ столѣ. Съ тѣхъ поръ, кромѣ этой „курицы“, вошедшей въ программы всѣхъ партій и всѣхъ европейскихъ правительствъ, малоизвѣстная намъ Европа нашла и другое назначеніе для политики государствъ. Главной ея задачей она поставляетъ точное, общедоступное опредѣленіе идей нравственности, добра и красоты, и такое распространеніе ихъ, которое помогло бы самому скромному и темному существованію выйти изъ сферы животныхъ инстинктовъ, воспитать въ себѣ чувства справедливости, благорасположенія и состраданія къ другимъ, понять важность разумныхъ отношеній между людьми и, наконецъ, получить способность къ прозрѣнію „*идеаловъ*“ единичнаго, семейнаго и общественнаго существованія. Послѣдняя часть задачи, не во гнѣвъ будь сказано нашимъ реалистамъ, считается при этомъ и самой важной, существенной ея частью. Насколько успѣла эта вполовину скрытая отъ насъ Европа—осуществить свою неписанную, нигдѣ не заявленную, но, тѣмъ не менѣе, страстно исполняемую программу—составляетъ опять другой вопросъ, хотя признаки таинственной работы, ею производимой, обнаруживаются уже и для глазъ, мало различающихъ предметы, которые имъ сначала не указаны. Появленіе у насъ такихъ энтузіастовъ иноземщины, какъ Потугинъ, объясняется именно тѣмъ, что они успѣли прозрѣть эту, а не другую какую-либо Европу; да подъ ея же вліяніемъ написанъ и разбираемый нами романъ, чему достаточнымъ подтвержденіемъ служитъ исторія Ирины Ратмировой и Литвинова, вся направленная къ тому, чтобы показать, какъ складывается жизнь, даже на высшихъ ступеняхъ общества, если она лишена прозрѣнія и творчества *идеаловъ* и ихъ поддержки. На этой исторіи мы теперь и остановимся.

Это весьма любопытная и поучительная исторія. Прежде всего выступаетъ въ ней впередъ одно изъ самыхъ зрѣлыхъ созданій Тургенева, образъ героини любовнаго романа, ею же и завязаннаго, Ирины Ратмировой. Что́ это за женщина? Трудно себѣ представить болѣе скудный запасъ предметовъ для мышленія въ образованной женщинѣ, при болѣе благородной натурѣ и при болѣе ослѣпительныхъ качествахъ тѣла. За-то Ирина и опирается единственно на свой смѣлый, честный и откровенный характеръ, который, однакожъ, не можетъ дать ей, несмотря на всѣ благороднѣйшіе порывы ея души, ничего, кромѣ сознанія своего превосходства передъ другими, да пустыхъ наслажденій гордости и мести. Большая часть прежнихъ героинь Тургенева были, по-своему, мыслящія головы (вспомнимъ Асю, Лизу „Дворянскаго Гнѣзда“), даже глубоко-мыслящія головы, и читатели, конечно, не забыли

того обаянія, которое онѣ производили вообще на публику, благодаря столько же ихъ женственной граціи, сколько и выраженію своеобычной идеи, игравшей на ихъ физіономіяхъ. Послѣдней черты мы именно и не можемъ уловить въ образѣ Ирины. Она осталась такой, какой вышла изъ рукъ благодатной природы, показавшей къ ней истинно-материнскую щедрость: ни семья, ни общество, ни жизнь ничего ей не дали сверхъ того, и сама она ничего не пріобрѣла. Рѣдко случалось намъ въ литературѣ нашей встрѣчать такое поразительное изображеніе томленій одного страстнаго сердца по какой-то лучшей жизни, къ которой, однакожъ, оно совершенно неспособно. Не пожалѣлъ же авторъ и труда для того, чтобъ достойнымъ образомъ обрисовать этотъ типъ съ двойнымъ его характеромъ, способнымъ дать высокое понятіе о природныхъ, естественныхъ силахъ почвы, его породившей, и въ то же время обнаружить всю безпомощность ея образованія и недостатокъ воздуха для самаго существованія подобныхъ типовъ.

Ирина презираетъ и ненавидитъ окружающій ее міръ, который вознесъ ее, однакожъ, на высшую ступень благосостоянія, почестей и довольства. Никакой благодарности она не чувствуетъ къ нему, и по одной причинѣ. Онъ нѣмъ и молчаливъ передъ нею, какъ могила. Чѣмъ болѣе даетъ онъ ей изъ того, чтó только можетъ дать—средствъ, денегъ, комфорта, тѣмъ настоятельнѣе становятся ея требованія, взятыя изъ другого порядка идей, и на которыя окружающій ее міръ можетъ отвѣчать только вопросомъ: „да чего же ей надобно еще?“ И вопросъ этотъ, во всей его оскорбительной наглости, именно и предлагается ей постоянно, ежедневно, нѣмымъ, но несомнѣннымъ образомъ, всѣми, ее окружающими. У нихъ нѣтъ средствъ представить себѣ даже мысленно ея положеніе. Душевный голодъ, ее поѣдающій, кажется имъ просто темной, загадочной болѣзнью женскаго организма; но для Ирины муки этой болѣзни тѣмъ ощутительнѣе, что она ясно сознаетъ — почти физически чувствуетъ въ себѣ присутствіе всѣхъ качествъ ума и сердца, которыя обыкновенно спасаютъ отъ нея людей. Неожиданная встрѣча въ Баденѣ съ Литвиновымъ, прежнимъ своимъ женихомъ, давно покинутымъ ею, съ-разу возбуждаетъ въ ней предчувствіе, что въ этомъ случайномъ обстоятельствѣ заключается для нея единственный послѣдній исходъ изъ того состоянія духовнаго сиротства, въ которомъ она находится. Съ невыразимой нѣжностью прильнула она къ воображаемому своему спасителю, Литвинову, и въ награду за первое слово сочувствія, за одинъ призракъ настоящей, полной жизни, за одно обладаніе человѣческимъ обликомъ, отъ котораго она уже отвыкла, Ирина отдается ему вся, со своей честью, со своимъ име-

немъ и со своей будущностью. Но сдѣлавъ это, она останавливается. Литвиновъ, пожертвовавшій ей невѣстой и цѣлымъ, уже опредѣленнымъ строемъ жизни, продолжаетъ опрометчивую свою игру и требуетъ у нея разрыва съ міромъ, бѣгства и вѣчныхъ связей съ собой. Разница между ними обнаруживается тотчасъ: покуда онъ бродитъ во тьмѣ, она уже умѣетъ трезво распознать, сквозь весь чадъ и облако неподдѣльной страсти, голую истину: ей невозможно покинуть мѣста, къ которому она прикована всѣми своими привычками; она способна пожертвовать жизнью, оказать примѣры героической рѣшимости, бороться съ судьбой до послѣдняго издыханія, но только на своемъ, на одномъ — презираемомъ мѣстѣ — и нигдѣ болѣе!

На что́ же сводятся послѣ того сношенія Ирины съ Литвиновымъ? Она прямо высказала свой взглядъ на нихъ, ужаснувшій Литвинова, когда предложила ему остаться другомъ ея сердца безъ дальнѣйшихъ условій. Спрашивается: какую же помощь, въ концѣ-концовъ, оказываютъ Иринѣ всѣ силы, способности и преимущества, которыми осыпала ее природа безъ разсчета и бережливости? Дѣло въ томъ, что какъ бы ни велики были дары природы, всегда отыщутся въ нравственномъ существѣ человѣка сторонніе и темные уголки, куда не запала ни одна крупинка этихъ даровъ. Всѣ такіе закоулки внутренняго нашего міра уже очищаются мыслью, вѣяніемъ идей, существующихъ въ обществѣ, собственною работою человѣка надъ собой. Самыми великими цѣлителями этихъ душевныхъ тайныхъ недуговъ признаны повсемѣстно жизненные идеалы. Гдѣ ихъ нѣтъ, гдѣ они не могутъ народиться, гдѣ, вмѣсто нихъ или подъ ихъ именемъ, являются уродливыя исчадія испорченной и сластолюбивой фантазіи — тамъ нѣтъ и свѣтлыхъ личностей. Спасеніе человѣка зависитъ отъ нихъ. Ирина представляетъ разительный примѣръ благородной натуры, лишенной даже предчувствія той единственной силы, которая могла бы дать содержаніе ея жизни. Она вся состоитъ изъ стремленій, чаяній и прозрѣній, которыя никакъ не могутъ сложиться въ мысль и правило. По милости этого отсутствія жизненнаго идеала, она лишена и всякаго оружія для борьбы съ собой, хотя необычайная зоркость сознанія и совѣсти, отличающая ее, помогаетъ ей ясно видѣть всю нравственную свою безпомощность. Такимъ образомъ, несмотря на всѣ богатства своего сердца и своей природы вообще, она ничѣмъ не связана съ душевнымъ міромъ. Самый простой, скромный, незатѣйливый жизненный идеалъ помогъ бы ей освободиться, по крайней мѣрѣ, отъ слѣпой привязанности къ внѣшнимъ изысканнымъ формамъ существованія, чего она теперь не въ состояніи сдѣлать при всемъ своемъ умѣ и характерѣ. Нельзя забыть одной сцены романа, когда передъ пер-

вымъ своимъ выѣздомъ на балъ въ Москвѣ, рѣшившимъ ея судьбу, Ирина берется за конецъ вѣтки, украшавшей ея молодую голову, и ждетъ только слова Литвинова, чтобъ сорвать ее и отказаться отъ вечера. Въ эту минуту она лучше своего пламеннаго обожателя, тогда еще студента, прозрѣвала будущность и чувствовала, что дѣлаетъ выборъ между простой жизнью, озаряемой любовью и мыслью, и жизнью въ шумѣ и блескѣ пустыхъ призраковъ; но Литвиновъ не сказалъ ожидаемаго слова, и она ринулась въ потокъ, который принесъ ее въ объятія Ратмирова. Этой превосходной сценѣ можно противопоставить только другую въ концѣ романа, когда спустя нѣсколько лѣтъ и передъ тѣмъ же Литвиновымъ, успѣвшимъ поумнѣть съ тѣхъ поръ, но все еще много уступающимъ ей въ пониманіи вещей и положенія, Ирина плачетъ искренними слезами любви, раздирая и топча ногами великолѣпныя кружева, съ которыми, однакожъ, разстаться не можетъ. Имѣй эта женщина возможность обрѣсти, съ какой-либо стороны, свѣтлое представленіе жизни, руководящій и обязательный нравственный идеалъ, она, можетъ быть, не сдѣлалась бы непремѣнно Литвиновой, но не была бы и Ратмировой, а главное, не прошла бы всего того, что́ ей пришлось пройти!

Послѣ всего сказаннаго рождается, самъ собою, вопросъ — откуда же беретъ Ирина ту власть надъ людьми, то неодолимое обаяніе, которое захватило Литвинова тотчасъ, какъ онъ подпалъ снова подъ дѣйствіе этой чарующей силы, которое разбило въ прахъ всѣ его мудрыя предначертанія, и не только разбило ихъ, но заставило его измѣнить еще самымъ священнымъ обязанностямъ, превратило его почти въ лжеца и обманщика. Вмѣстѣ съ Литвиновымъ, конечно, только безъ горестныхъ послѣдствій, имъ испытанныхъ — обаянію этому невольно подчиняется и самъ читатель романа. Одна красота, какъ бы превосходна ни была она изображена писателемъ, не имѣетъ средствъ согласить всѣ мнѣнія и сообщить всѣмъ, или, по крайней мѣрѣ, значительному большинству читателей одно и то же ощущеніе, потому что пониманіе и представленіе физической красоты разнообразны до безконечности. Въ Иринѣ подчиняющее начало есть духъ независимый, который отвѣчаетъ протестомъ и горькимъ обличіемъ на то, чему она сама уже покорилась; это неумолкаемый гнѣвъ благороднаго сердца противъ пошлости и ничтожества, часто обращенный на себя, не заговариваемый ни лестью, ни подкупомъ, ни коварными оправданіями самолюбія. Приближаясь къ Иринѣ, люди испытываютъ такое же чувство, какъ при встрѣчѣ съ опасностью. Отъ этого чувства не былъ свободенъ и Литвиновъ, завязывая съ ней вторичное знакомство, какъ никогда не былъ свободенъ отъ него и мужъ ея. Вообще, надо сказать, что все созда-

ніе этого образа изумительно по своей цѣлостности: нигдѣ нельзя найти въ немъ спайки, которая указала бы мѣсто, гдѣ произошло механическое сближеніе двойного характера, его отличающаго. Процессъ его созданія напоминаетъ почти химическій процессъ, когда изъ соединенія различныхъ минераловъ получается какъ-бы новый, самостоятельный минералъ. Тайна такого производства образовъ уже утеряна съ Пушкина и его школы, послѣднимъ представителемъ которой остается, вмѣстѣ съ И. А. Гончаровымъ, и авторъ романа. Какъ бы то ни было, но Ирина, благодаря художническому воспроизведенію типа, выражаетъ уже не одно какое-либо частное лицо, выхваченное изъ жизни, говоритъ не за себя только, но дѣлается выраженіемъ и олицетвореніемъ цѣлаго строя жизни въ извѣстномъ отдѣлѣ общества.

Не менѣе важенъ и любопытенъ, въ смыслѣ изъясненія нѣкоторыхъ сторонъ современной нашей исторіи, и характеръ Литвинова. Къ нему одному Ирина подошла простой, любящей, отчасти даже молящей женщиной, и этого было довольно, чтобы раскрыть прежнія раны его сердца. Да это еще бы ничего. Приближенія ея достаточно было, чтобы уничтожить всѣ здоровыя жизненныя начала и правила, выработанныя имъ съ такимъ трудомъ дома и за границей. Онъ мгновенно сдѣлался тѣмъ, чѣмъ мы его видимъ. Очевидно—честный, строгій къ себѣ и размышляющій Литвиновъ принадлежитъ къ числу русскихъ людей, которыхъ всегда можно застать *въ расплохъ*. Воспоминаніе о первой любви еще плохо объясняетъ въ немъ ту невыразимую степень увлеченія, какой онъ поддался: все-таки по ней прошелъ уже долгій промежутокъ времени, занятый серьёзнымъ трудомъ, что́ должно было умѣрить ея ходъ. Ничего этого не случилось, и намъ остается предполагать въ увлеченіи Литвинова, съ-разу достигающемъ послѣднихъ границъ возможнаго, какое-либо особенное психическое свойство, общее ему со многими изъ его соотечественниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, герой этотъ напоминаетъ намъ тѣхъ спокойныхъ, часто весьма здравомыслящихъ нашихъ людей, которые необъяснимымъ образомъ оказываются замѣшанными въ планы и предпріятія, противорѣчащія ихъ настоящему характеру, образу мыслей и привычкамъ сужденія. Сколько такихъ примѣровъ непонятнаго, противоестественнаго увлеченія представила намъ современная наша исторія за послѣднее время! Разъ обнаружившееся или возникшее чувство любви ведетъ Литвинова, по первому призыву, мимо всѣхъ существующихъ дорогъ. Онъ долженъ достигнуть геркулесовыхъ столбовъ нелѣпости (бѣгство съ Ириной въ Италію, безъ всякой матеріальной возможности къ тому), прежде чѣмъ остановился, да

и то не онъ останавливается, а его покидаетъ въ послѣдній часъ сама Ирина, какъ было сказано. Можно было бы объяснить его поведеніе слѣпой страстью, но и слѣпая страсть имѣетъ еще свою логику, свое представленіе лучшаго исхода для себя. Въ Литвиновѣ это уже не просто слѣпая страсть, а съ примѣсью психическаго порока, свойственнаго нашему „образованному“ міру. Разъ попавъ на стезю безумія, Литвиновъ долженъ изжить безуміе до конца. Прежде чѣмъ онъ увидитъ передъ собой зіяющую пустоту, предѣлъ всякаго реальнаго существованія и всякой возможности жизни — лихорадка его не покидаетъ. Только тогда онъ падаетъ и исцѣляется.

Что касается до нравственной сущности этого лица, помимо черты, упоминаемой нами, то всѣ соображенія о его „индифферентизмѣ“, о неприличной воздержности его слова при встрѣчѣ съ противными ему мнѣніями и дѣлами, и прочее въ томъ же родѣ, кажутся намъ лишенными достаточныхъ основаній. Литвиновъ просто — зритель въ комедіи, разыгрываемой губаревской и ратмировской партіей въ Баденѣ. У него есть свое важное дѣло, какъ ему кажется, а у кого есть что-либо похожее на дѣло, тотъ неохотно расточаетъ себя и свою мысль по сторонамъ и на побочныя дѣла. Онъ сосредоточенъ въ себѣ и молчаливъ, какъ человѣкъ, имѣющій свой запасъ наблюденій и свою ношу матеріаловъ опыта и науки, которые нужно еще помѣстить достойнымъ образомъ. Въ такомъ настроеніи онъ слушаетъ и горячую рѣчь Потугина. Авторъ романа, очевидно, имѣлъ въ виду представить знакомое намъ лицо, русскаго человѣка, приготовляющагося къ какой-то задачѣ, повидимому, весьма твердо намѣченной имъ для себя, который пріобрѣлъ даже всѣ внѣшнія очертанія серьёзнаго и порядочнаго человѣка, достигнувъ уже и пониманія условій дѣльнаго существованія на землѣ. Съ обычнымъ своимъ тактомъ авторъ не говоритъ только, что́ выйдетъ изъ всего этого добра. Онъ ограничивается указаніемъ въ Литвиновѣ человѣка, такъ сказать, разнородныхъ *возможностей*, и совсѣмъ умалчиваетъ о его вѣрованіяхъ, политическихъ убѣжденіяхъ и проч., потому что все это должно развиться у него съ началомъ жизненнаго труда, когда только и развиваются всѣ вѣрованія и убѣжденія, достойныя вниманія. А затѣмъ авторъ разсказываетъ намъ печальную исторію погибели, или, по крайней мѣрѣ, остановки дальнѣйшаго развитія своего героя. Въ самую послѣднюю минуту — въ двѣнадцатый часъ — долгаго европейскаго искуса, пройденнаго Литвиновымъ, онъ забываетъ все, къ чему готовился, поворачиваетъ совсѣмъ въ другую сторону и уносится за тридевять земель отъ всѣхъ своихъ цѣлей и намѣреній. Это ли наговоръ и напраслина, взведенная на русскій бытъ, да еще эпохи 1862 года, и за это ли

необходимо нужно мстить Литвинову униженіемъ, преслѣдованіемъ и нареканіями?

Такъ намѣчены характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ романа, и между этими-то характерами завязывается драма, перипетіи которой прослѣжены авторомъ съ подробностію и художнической выдержкой, вынуждающими признаніе у самыхъ строгихъ его судей. Ирина Ратмирова и Литвиновъ идутъ другъ на друга не просто быстрыми шагами: это каждый разъ смертельныя встрѣчи, оставляющія послѣ себя изумленіе съ обѣихъ сторонъ и вопросъ — какая сила выноситъ ихъ изъ бѣды? И несмотря на это, несмотря на самыя рѣшительныя доказательства взаимной страсти, сойтись дѣйствительно другъ съ другомъ они не могутъ. Авторъ не пропустилъ безъ вниманія ни одной изъ тѣхъ нравственныхъ препонъ, которыя образуютъ бездну между ними, и картина ихъ безплодныхъ усилій къ настоящему сближенію, помимо раздѣляющей ихъ бездны, выходитъ у него такъ жизненна и вѣрна, что неразрѣшимый вопросъ, составляющій ея содержаніе, волнуетъ читателя, какъ будто онъ былъ его собственный. Когда не удались имъ всѣ попытки отыскать связь, которая не уничтожала бы возможности существованія для одного изъ нихъ, или не приводила къ вѣрной гибели обоихъ — они, измученные и полуживые, расходятся въ разныя стороны, и каждое лицо возвращается опять въ свою сферу, откуда недавно вынесъ его слѣпой случай. Море, кипѣвшее такъ бурно сейчасъ, затягивается снова невозмутимой тишиной. Никакихъ признаковъ или остатковъ кораблекрушенія на немъ не видно. Въ голову приходитъ мысль — да полно и было ли тутъ что-либо похожее на крушеніе?! Романъ кончился, достигнувъ всѣхъ своихъ цѣлей. Перенесите исторію, разсказанную имъ, изъ любовной сферы въ другую общественную сферу — это будетъ исторія множества явленій соціальнаго порядка, происходившихъ на нашихъ глазахъ, исторія проектовъ, предпріятій, начинаній, родившихся изъ тѣхъ же побужденій и случайностей, которыя управляли Ириной и Литвиновымъ, представлявшихъ такую же незаконную помѣсь, рядъ такихъ же усилій до чего-либо договориться, и также разлетѣвшихся „дымомъ“, при первыхъ попыткахъ ихъ осуществленія.

Но мы не можемъ разстаться съ романомъ, не сказавъ еще одного и послѣдняго слова.

Изъ всѣхъ сужденій, возникшихъ по поводу „Дыма“, наибольшаго вниманія заслуживаетъ то, которое называетъ романъ не вполнѣ справедливымъ. Въ основаніе этого мнѣнія положены слѣдующія соображенія. Авторъ, взявшійся за изображеніе нравственнаго быта нашего, представляетъ одну только сторону его, менѣе важную, и за-

былъ о другой, существенной сторонѣ его, которая одна только надлежащимъ образомъ его и выражаетъ. Пускай не отговаривается онъ тѣмъ, что имѣлъ въ виду положеніе дѣлъ и умовъ въ 1862 году, когда много задачъ, теперь поднятыхъ русской жизнью, много великихъ начинаній, теперь приводимыхъ въ исполненіе ею, еще не стояли на-очереди. Пониманіе этой серьёзной стороны общественнаго быта нашего должно было, все-таки, сказаться въ духѣ и настроеніи романа, но оно тамъ не сказалось. Романъ несправедливъ и потому, что въ своей характеристикѣ лицъ и партій умалчиваетъ о важныхъ заслугахъ обществу, сдѣланныхъ нѣкоторыми изъ нихъ, и поддается искушенію представлять ихъ на основаніи уже обветшалыхъ воззрѣній на ихъ дѣло. Затѣмъ, въ романѣ есть черты, позволяющія думать, что авторъ заподозрѣваетъ даже духовную сущность русскаго народа, его силы и способности, умѣвшія создать, однакожъ, наше громадное государство. Вообще, на послѣднемъ произведеніи Тургенева лежитъ отпечатокъ того отрицанія, которое можно назвать *заграничнымъ* отрицаніемъ русской жизни и которое разнится съ домашнимъ, туземнымъ ея отрицаніемъ тѣмъ, что боится малѣйшей живой и свѣжей черты, такъ какъ всякая подобная черта уже не укладывается въ отвлеченное, мертвое, закостенѣлое представленіе русскихъ порядковъ и должна быть устраняема имъ, для собственнаго его спасенія, всѣми силами и средствами.

Мы не умалили, кажется, смысла возраженій, на которыя намекали уже и въ началѣ статьи. Теперь приходится къ слову разобрать ихъ подробнѣе. Допустимъ, что они всѣ, безъ исключенія, справедливы и вѣрны, но остается еще узнать — возможно ли было автору, памятуя вышеприведенныя наставленія, написать не только художнически - полемическій романъ, какъ онъ это сдѣлалъ, но выразить просто какое-нибудь личное мнѣніе о вопросѣ нашего внутренняго строя, не прибѣгая, при этомъ, къ формѣ застольнаго *спича*, обязаннаго помянуть добромъ всѣхъ присутствующихъ. По горячности и искренности, съ какими написано произведеніе, можно почти безошибочно заключить, что авторъ, создавая его, имѣлъ въ виду сказать *нужное* слово, по его мнѣнію, для нашей эпохи. — Найдутся, конечно, люди, которые ни этого и никакого другого слова не согласятся признать нужнымъ, какъ только оно отвлекаетъ вниманіе публики отъ нихъ самихъ; но мы можемъ противопоставить имъ другую массу людей, считающихъ романъ автора не только замѣчательнымъ литературнымъ произведеніемъ, но и благороднымъ дѣломъ, сдѣланнымъ въ самую настоящую, потребную минуту. Какъ же дѣлаются всѣ такія дѣла? Отличались ли они когда-либо тѣмъ

родомъ отвлеченнаго безпристрастія, который требуется точнымъ смысломъ возраженій, сейчасъ приведенныхъ. Любопытно было бы ознакомиться хоть съ однимъ примѣромъ такого воображаемаго безпристрастія, когда у писателя или вообще у публичнаго дѣятеля зародилось намѣреніе отвѣчать, по мѣрѣ своихъ силъ, призыву общества и помочь ему въ сознаніи своихъ случайныхъ, преходящихъ или хроническихъ, застарѣлыхъ болѣзней. Не думаемъ, чтобы скоро могъ отыскаться примѣръ сухого, невозмутимаго безпристрастія при такихъ условіяхъ, да оно просто и несовмѣстно, по нашему крайнему разумѣнію, ни съ какой, мало-мальски серьёзной задачей мысли. Покуда мысль эта вся покорена стремленіемъ достичь общеполезной цѣли, она не можетъ глазѣть по сторонамъ, привѣтливо раскланиваться съ явленіями жизни, стоящими на ея дорогѣ, какъ бы они знакомы ни были ей: она оставляетъ ихъ всѣ на своихъ мѣстахъ, безъ вниманія, торопясь исполнить свое главное призваніе. Если явленія эти дѣйствительно обладаютъ нравственной силой и имѣютъ будущность, они найдутъ себѣ свой путь рядомъ, о-бокъ съ движеніемъ посторонней имъ мысли, и въ своемъ родѣ будутъ неизбѣжно поступать точно также, какъ и она. Это законъ существованія для стойкихъ идей и сильныхъ убѣжденій, и трудно представить себѣ, какія благопріятныя послѣдствія могли бы выйти изъ ограниченія или поправки закона условіями мечтательнаго безпристрастія — развѣ только онъ предназначался бы въ новомъ своемъ видѣ на то, чтобы ослабить энергію дѣятелей и лишить ихъ на полудорогѣ силъ для достиженія своихъ цѣлей. Абсолютное безпристрастіе есть достояніе и принадлежность однихъ только правительствъ — только отъ правительствъ и можно ожидать его и требовать; да и то, уравновѣшивающее дѣйствіе органовъ государственной власти обнаруживается тогда, когда частныя стремленія вполнѣ высказались и опредѣлились, безъ утайки, какъ и безъ потаенныхъ сдѣлокъ между собою и подозрительныхъ соглашеній. Вообще, различныя направленія тѣмъ честнѣе и тѣмъ болѣе пріобрѣтаютъ значенія, чѣмъ ярче отдѣляются отъ другихъ смежныхъ съ ними. Въ природѣ ихъ, такъ сказать, лежитъ уже потребность жертвовать всѣми пунктами соглашенія съ противниками, какими только пожертвовать можно, да и къ оставшимся затѣмъ они приближаются еще нехотя и съ большими предосторожностями. Это не значитъ распаденіе общества на враждебные лагери, потому что у всѣхъ дѣльныхъ направленій есть всегда одно связующее начало — благо и сохраненіе страны, которое въ извѣстныя великія минуты ея исторіи и заставляетъ ихъ всѣхъ говорить однимъ и тѣмъ же голосомъ. Но безъ перечисленныхъ теперь условій частной дѣятель-

ности, общество обращается въ безличную смѣсь элементовъ, топкую, неспособную ничего выдержать и обыкновенно заваливаемую чѣмъ ни попало, когда кому-либо приходится на ней строиться. Нужды нѣтъ, если писатель самъ въ глубинѣ своей совѣсти почувствуетъ несправедливость, сдѣланную имъ въ пылу работы: она ему простится и благоразумнѣйшими изъ его противниковъ, если помогла обнаружить свойство и сущность его мысли. Обидчиковъ и обиженныхъ разсудитъ затѣмъ общественное мнѣніе, время и свидѣтельство — неумытное свидѣтельство самихъ обстоятельствъ, окончательно подтверждающихъ или опровергающихъ всякое обвиненіе: это судьи надежные.

До какой степени несостоятельно въ литературномъ дѣлѣ требованіе отрѣшенной отъ жизни, мелкой справедливости праздныхъ или равнодушныхъ людей—можно составить понятіе, позволивъ себѣ весьма небольшое усиліе фантазіи. Пусть вообразитъ кто-нибудь, хоть на одно мгновеніе, романъ нашего автора въ той формѣ, которую онъ непремѣнно получилъ бы, еслибъ написанъ былъ по рецепту этой справедливости. Чтó, если бы каждое изъ его рѣзкихъ, мѣткихъ и горячихъ опредѣленій нашей современности сопровождалось вѣжливой оговоркой, на половину уничтожающей смыслъ и значеніе прежде-сказаннаго? Чтó, если бы, рядомъ съ картиной безобразнаго явленія въ томъ или другомъ кругу общества, предложено было читателю и посильное утѣшеніе въ противоположномъ примѣрѣ, тамъ же отысканномъ, или, наконецъ — если бы подъ каждымъ указаніемъ романа обрѣтался приличный комментарій, предупреждающій опасность недоразумѣній и принятія кѣмъ-либо на свой счетъ дурного намека, не ему адрессованнаго? Справедливость была бы полная, авторъ избавился бы навѣрное отъ всякаго нареканія, но чтó сталось бы съ его романомъ? Вмѣсто художнической картины, тревожащей теперь нашу мысль и воображеніе, мы имѣли бы подобіе пансіоннаго минуэта, гдѣ всѣ сходятся и расходятся по рисунку, никогда не задѣвая другъ друга. А между тѣмъ, въ словахъ возражателей слышится, отчасти, нѣчто подобное такому требованію справедливости, конечно, не обнаруживающему въ нихъ ни громаднаго политическаго смысла, ни особенно глубокаго пониманія условій творчества.

Чтó же касается до предположенія, что авторъ потерялъ чутье разнообразныхъ задачъ, за которыми трудится современное наше общество, что онъ не видитъ и лишенъ возможности видѣть восходъ солнца, которое начинаетъ прогонять тѣни прежняго застоя и возбуждать повсюду новую жизнь, что онъ глухъ къ голосу замѣчательныхъ людей, вынесенныхъ впередъ движеніемъ проснув-

шихся общественныхъ силъ — то мы оставляемъ предположеніе это на совѣсти тѣхъ, кому оно принадлежитъ. Намъ кажется наоборотъ, что единственная и исключительная причина созданія романа можетъ быть отыскана именно только въ страхѣ за судьбу многочисленныхъ элементовъ развитія, существующихъ въ нашей странѣ. Романъ ихъ хорошо знаетъ, потому что всѣмъ своимъ содержаніемъ и общимъ тономъ изложенія направленъ противъ настоящихъ, дѣйствительныхъ помѣхъ, которыми усѣянъ ихъ нынѣшній путь. Правда, избѣгая пошлости, онъ не перечисляетъ доблестныхъ пріобрѣтеній послѣдняго времени, но онъ только ихъ и имѣетъ въ виду, когда показываетъ дикія силы, еще тѣснящіяся и гарцующія вокругъ молодыхъ зачатковъ нашего развитія, когда говоритъ о всемъ томъ, что́, по его мнѣнію, отводитъ глаза кажущимся достоинствомъ и величіемъ представленій отъ прямыхъ условій этого развитія. Въ томъ и положительная сторона романа, которую такъ напрасно ищутъ его цѣнители. Никогда произведенія подобнаго рода не писались и не пишутся для возбужденія циническаго хохота надъ всѣмъ строемъ народной жизни: надо умѣть различать, сквозь художническую форму ихъ, ту степень пониманія настоящихъ нуждъ этой жизни и благорасположенія къ ней, которую они несомнѣнно заключаютъ въ себѣ.

„Вѣстникъ Европы“, 1867, іюнь.

„ВОЙНА И МИРЪ“.

РОМАНЪ ГР. Л. Н. ТОЛСТОГО.

Историческіе и эстетическіе вопросы.

I.

Мы основываемъ право свое говорить о новомъ, еще не оконченномъ произведеніи гр. Л. Н. Толстого, во-первыхъ, на громадномъ его успѣхѣ въ публикѣ, что̀ ставитъ его въ ряды явленій, вызывающихъ изслѣдованіе, а во-вторыхъ, на самомъ богатствѣ и полнотѣ содержанія трехъ вышедшихъ теперь частей романа [1]), которые обнаружили вполнѣ весь замыселъ автора и всѣ его цѣли, вмѣстѣ съ изумительнымъ талантомъ осуществленія и достиженія ихъ. Мы не боимся сказать парадоксъ, если выразимъ мнѣніе, что и при меньшемъ развитіи творческихъ силъ и художническихъ способностей, историческій романъ изъ эпохи, столь близкой къ современному обществу, возбудилъ бы напряженное вниманіе публики. Почтенный авторъ очень хорошо зналъ, что затронетъ еще свѣжія воспоминанія своихъ современниковъ и отвѣтитъ многимъ ихъ потребностямъ и тайнымъ симпатіямъ, когда положитъ въ основу своего романа характеристику нашего высшаго общества и главныхъ политическихъ дѣятелей эпохи Александра I-го, съ нескрываемой цѣлію построить эту характеристику на разоблачающемъ свидѣтельствѣ преданій, слуховъ, народнаго говора и записокъ очевидцевъ. Трудъ предстоялъ ему не маловажный, но за то въ высшей степени благодарный. Онъ приступилъ къ нему, какъ оказывается изъ послѣдствій, съ твердымъ убѣжденіемъ, что есть возможность разрѣшить многосложную выбранную имъ тэму въ обычныхъ условіяхъ романа, и доставить ей этимъ путемъ весь тотъ литературный успѣхъ, весь тотъ радушный пріемъ, который она, по своей своевременности и жгучей занимательности, встрѣтила бы вездѣ, гдѣ бы ни появилась.

---

[1]) Четвертая и послѣдняя часть обѣщана въ непродолжительномъ времени.

Уже въ смѣломъ тонѣ первыхъ картинъ романа, которыя были напечатаны съ годъ тому назадъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и тогда же возбудили общее вниманіе, заключалось нѣчто похожее на заявленіе автора о своемъ призваніи подарить публику произведеніемъ, которое, не переставая быть романомъ, было бы въ то же время исторіей культуры по отношенію къ одной части нашего общества, политической и соціальной нашей исторіей, въ началѣ текущаго столѣтія вообще, и которое могло бы представить изъ себя любопытное и рѣдкое соединеніе олицетворенныхъ и драматизированныхъ документовъ съ поэзіей и фантазіей свободнаго вымысла. Все, что́ было тогда предвѣщаніемъ, явилось теперь дѣломъ рѣшеннымъ—и рѣшеннымъ, надо сказать, съ изумительной ловкостію. Не только авторъ нигдѣ не обнаружилъ сомнѣнія и колебанія передъ обширностію и исполнимостію выбранной задачи, но онъ словно растетъ въ виду затрудненій, ею представляемыхъ, творческія силы его словно напрягаются съ приближеніемъ къ нѣкоторымъ опаснымъ мѣстамъ, гдѣ связь романа съ исторіей держится на волоскѣ. Разбивъ все содержаніе задачи на множество сценъ и отдѣльныхъ картинъ, онъ разрѣшаетъ ее, такимъ образомъ, по частямъ, повидимому, безъ всякаго остатка,—кромѣ того, который подъ сцены и картины не подходитъ; но о важности этого историческаго остатка, не попавшаго у него въ передѣлку, мы поговоримъ далѣе. Теперь намъ нужно только знать, что мы имѣемъ передъ собою громадную композицію, изображающую состояніе умовъ и нравовъ въ передовомъ сословіи „новой Россіи“, передающую въ главныхъ чертахъ великія событія, потрясавшія тогдашній европейскій міръ, рисующую физіономіи русскихъ и иностранныхъ государственныхъ людей той эпохи и связанную съ частными, домашними дѣлами двухъ-трехъ аристократическихъ нашихъ семей, которыя высылаютъ на это позорище нѣсколько членовъ изъ своей среды!

Всѣхъ болѣе посчастливилось при этомъ молодому князю Болконскому, адъютанту Кутузова, страдающему пустотой жизни и семейнымъ горемъ, славолюбивому и серьёзному по характеру. Передъ нимъ развивается вся быстрая и несчастная наша заграничная кампанія 1805—7 годовъ со всѣми трагическими и поэтическими своими сторонами; да, кромѣ того, онъ видитъ всю обстановку главнокомандующаго и часть чопорнаго австрійскаго двора и гофкригсрата. Къ нему приходятъ *позироваться* императоръ Францъ, Кутузовъ, а нѣсколько позднѣе Сперанскій, Аракчеевъ и проч., хотя портреты съ нихъ, и прибавимъ—чрезвычайно эффектные—снимаетъ уже самъ авторъ. Каждое изъ этихъ и другихъ лицъ является на сеансъ со своей крупной физіономической чертой, оты-

сканной въ немъ отчасти исторіей, отчасти анекдотомъ, всего болѣе анекдотомъ. Второе мѣсто за Болконскимъ занимаетъ молодой графъ Безухой, вялый, но добродушный и симпатичный человѣкъ, передъ которымъ масонскія ложи того времени развиваютъ всѣ свои тайные помыслы и цѣли въ замѣчательномъ порядкѣ и въ строгой послѣдовательности, какъ будто онѣ приготовлялись къ этому дѣлу издавна. Ослѣпительная сторона романа именно и заключается въ естественности и простотѣ, съ какими онъ низводитъ міровыя событія и крупныя явленія общественной жизни до уровня и горизонта зрѣнія всякаго выбраннаго имъ свидѣтеля. Великолѣпная картина Тильзитскаго свиданія, напримѣръ, вращается у него, какъ на природной оси своей, около юнкера или корнета, графа Ростова, ощущенія котораго, по этому поводу, составляютъ какъ-бы продолженіе самой сцены и необходимый къ ней комментарій. Безъ всякаго признака насилованія жизни и обычнаго ея хода, романъ учреждаетъ постоянную связь между любовными и другими похожденіями своихъ лицъ и Кутузовымъ, Багратіономъ, между историческими фактами громаднаго значенія, Шёнграбеномъ, Аустерлицомъ, и треволненіями московскаго аристократическаго кружка, будничный строй котораго они не въ состояніи одолѣть, какъ не въ состояніи одолѣть и вѣчныхъ стремленій человѣческаго сердца къ любви, дѣятельности, наслажденію.

Ничто не даетъ такого подобія дѣйствительности, и ничто такъ не замѣняетъ собою пониманія ея, какъ эти сопоставленія, особенно если ими распоряжается и пользуется необыкновенный талантъ, какъ именно здѣсь случилось. Благодаря имъ—читателю кажется, будто *духъ времени*, открытіе и опредѣленіе котораго стóитъ такихъ трудовъ изслѣдователямъ историческихъ эпохъ, воплощается на страницахъ романа, какъ индійскій Вишну, легко и свободно, безчисленное количество разъ. Изъ признательности за это ощущеніе духа времени устанавливаются на первыхъ же порахъ между читателемъ и романомъ самыя дружескія, пріятныя отношенія, которыя еще растутъ и укрѣпляются, когда обнаруживается, что превосходныя сцены, рисующія необыкновенно живо и выпукло вѣчное противорѣчіе интересовъ частнаго лица съ интересами и замыслами государства, освѣщены одинаково у автора лучомъ скептической, анализирующей мысли, долго обращавшейся, по всѣмъ признакамъ, въ средѣ записокъ, преданій, всего того, чтó французы называютъ „*маленькой*“ исторіей. Съ помощію этой исторіи романъ получаетъ обширныя права: въ немъ также громко раздаются замирающіе призывы къ жизни, справедливости и состраданію несчастныхъ личностей, гибнущихъ въ водоворотѣ событій, какъ и гулъ разрушаю-

щихся при этомъ плановъ государственной политики; въ немъ судьба частнаго лица, его ошибки, заблужденія, несостоятельность и ограниченность пріобрѣтаютъ такую же важность, какъ и соотвѣтствующія имъ и съ ними уравненныя явленія того же порядка въ руководителяхъ эпохи. Исторія страны и общества мѣшается съ чертами и подробностями, о которыхъ всякій можетъ судить по собственному, нажитому опыту, по собственнымъ своимъ наблюденіямъ и воспоминаніямъ, сколько ихъ состоитъ у него на-лицо. Углаживая этимъ способомъ дорогу къ уразумѣнію и представленію себѣ недавней, нѣкогда столь шумной эпохи, замѣчательный романъ дѣлаетъ еще нѣчто болѣе для современной читающей публики: по ловкому устраненію изъ картины всѣхъ спорныхъ вопросовъ, касающихся историческихъ лицъ и фактовъ, по смѣлымъ очеркамъ тѣхъ и другихъ, по точности, яркости и опредѣленности всѣхъ своихъ описаній и всѣхъ своихъ приговоровъ, романъ превращаетъ ее, читающую нашу публику, въ собственныхъ ея глазахъ и въ глубинѣ сознанія изъ близкаго наслѣдника эпохи, въ дальнее нелицепріятное потомство со всѣми выгодами и преимуществами, такому потомству принадлежащими.

Это самый лучшій и щедрый даръ романа. Чтó можетъ сравниться съ сладостнымъ ощущеніемъ—оказаться потомствомъ въ отношеніи людей, жившихъ 50—60 лѣтъ тому назадъ? Мы разумѣемъ — оказаться потомствомъ не въ смыслѣ позднѣйшаго рожденія, а въ смыслѣ признаннаго и единственнаго рѣшителя всѣхъ ихъ споровъ. Какое наслажденіе сознать себя внезапно этимъ потомствомъ и получить неожиданно его права, какъ будто вся предварительная работа по опредѣленію и характеристикѣ людей и событій уже кончена до насъ; всѣ документы для ихъ классификаціи собраны и взвѣшены; недоразумѣнія, наговоры, ошибочныя воззрѣнія оцѣнены по достоинству; страсти, стремленія и интересы новаго времени, всегда судящаго о ближайшихъ своихъ предшественникахъ по собственнымъ своимъ нуждамъ—устранены изъ оцѣнки—и мы можемъ уже смѣло развивать одну черту въ обликѣ историческаго дѣятеля, какую выберемъ, и одну подробность въ историческомъ событіи, какая встрѣтится—не опасаясь извратить ихъ пониманіе и представленіе у нашихъ современниковъ. Съ этимъ гордымъ ощущеніемъ нашего неожиданнаго производства въ потомство ничего сравнить нельзя, по его ѣдко-пріятному вкусу: бѣднякъ, которому объясняютъ, въ минуту его обычнаго дневного труда, о великомъ наслѣдствѣ, упавшемъ къ ногамъ его, откуда-то, чуть не съ неба — еще не то испытываетъ. Наслѣдство не даетъ ему возможности знать того, чего онъ не знаетъ, между тѣмъ какъ читатель, возведенный прихотью

случая въ званіе читателя-потомка, вдругъ получаетъ то, что́ никогда не приходитъ внезапно—готовое знаніе! Правда, что знаніе это не принадлежитъ къ числу того научнаго добра, котораго ни тать не похититъ, ни тля не истребитъ, но сладостное ощущеніе отъ этого не менѣе сладостно. Оно сообщается даже очень трезвымъ умамъ, и надо много осторожности, чтобъ ему не поддаться: такъ велико обаятельное дѣйствіе знаменитаго романа, къ разбору котораго, т.-е. первыхъ трехъ частей, послѣ этихъ общихъ положеній, мы и приступаемъ теперь.

Но разобрать его или даже просто передать его содержаніе—дѣло не совсѣмъ легкое. Мысль рецензента, который захотѣлъ бы прослѣдить это сложное произведеніе во всѣхъ его явныхъ и тайныхъ ходахъ, должна непремѣнно спутаться въ виду громаднаго склада разнообразнѣйшихъ происшествій, здѣсь открывающихся, передъ неисчислимой толпой лицъ, мелькающихъ одно за другимъ, и при непрерывномъ движеніи разсказа, который выводитъ явленія всякаго рода на столько времени, на сколько нужно, чтобъ они высказали свое содержаніе, стираетъ ихъ затѣмъ тотчасъ съ картины и вызываетъ ихъ снова, послѣ болѣе или менѣе долгаго промежутка, но когда они пріобрѣли уже другія формы и обновились. Лучшимъ свидѣтельствомъ многосложности всей этой постройки можетъ служить то обстоятельство, что только съ половины третьяго тома завязывается нѣчто похожее на узелъ романической интриги, что только съ этого мѣста обнаруживается, кого должно считать главными дѣйствующими лицами романа. Лица эти, въ числѣ трехъ, состоятъ изъ тяжелаго, но гуманно-развитаго молодого Безухаго—типъ, похожій на Обломова, если Обломова сдѣлать безмѣрнымъ богачемъ и побочнымъ сыномъ одного изъ Екатерининскихъ орловъ,—и изъ поэтической графини-ребенка, Наташи Ростовой, не получившей ни малѣйшаго нравственнаго образованія въ дому, подверженной всѣмъ искушеніямъ собственнаго своего организма и безпокойной мысли, что́ заставляло ее, еще съ дѣтства, влюбляться направо и налѣво, и наконецъ, понудило измѣнить признанному своему жениху кн. Болконскому въ пользу красиваго, бездушнаго и развратнаго кн. Курагина. Послѣднее и самое важное лицо этой свѣтской тріады есть молодой кн. Болконской, о которомъ было упомянуто и прежде. Это—именно то строгое, серьёзное лицо, которое должно торжественно вынести на себѣ идею романа изъ хаоса его подробностей, оправдать автора за выборъ мѣста дѣйствія и за выборъ содержанія, дать всему смыслъ и значеніе. Такія лица обыкновенно обработываются авторами съ великимъ тщаніемъ. Что́ представляетъ для насъ кн. Болконской, а также оба его товарища по завязкѣ

романа, мы будемъ говорить, когда образы ихъ дорисуются четвертымъ томомъ произведенія. Теперь мы повторимъ снова, что въ качествѣ главныхъ героевъ и двигателей разсказа они являются только въ половинѣ третьяго тома. Что же было до того?

До того было, по истинѣ, великолѣпное зрѣлище! Передъ нами развивалась огромная діорама, исполненная красокъ, свѣта, темныхъ массъ вооруженнаго народа и выдѣляющихся на ней образовъ. Мы переходили изъ дипломатическихъ салоновъ фрейлины Шереръ къ фешіонебельнымъ оргіямъ гвардейскихъ офицеровъ; оттуда въ московское общество, гдѣ присутствовали при послѣднихъ часахъ умирающаго туза, стараго графа Безухаго, отца одного изъ героевъ романа, величаваго и какъ-то грознаго въ самой предсмертной агоніи. Мы видѣли тутъ картину алчности наслѣдниковъ и низкія продѣлки, чуть-ли не министра, стараго кн. Курагина, достойныя самаго мелкаго, отпѣтаго чиновника, который ищетъ гдѣ-либо подцѣпить фортуну для пристроенія своего безобразнаго потомства. Съ порога умирающаго туза мы вступали въ мирный, но шумный домъ Ростовыхъ, населенный молодежью, и гдѣ глава его, старый графъ Ростовъ—одинъ изъ столповъ англійскаго клуба — считаетъ своей обязанностію воспитывать дѣтей посредствомъ безконечныхъ праздниковъ, что́, во-первыхъ, разоряетъ его, а во-вторыхъ, образуетъ Наташу Ростову въ то существо, которое потомъ такъ печально разоблачаетъ себя. По дорогѣ мы встрѣчали типъ старушки Друбецкой, изъ обѣднѣвшаго княжескаго дома, которая пристроиваетъ достойнаго своего сына, съ такимъ развитіемъ энергіи, практическаго смысла, душевной гибкости и готовности на всякую полезную измѣну, что ихъ было бы достаточно для изумленія міра какимъ-либо политическимъ преступленіемъ, — будь старушка на другой дорогѣ. Да и кругомъ старушки роятся и кишатъ разнообразные типы, каждый съ крупной, родовой чертой, которая такъ и готова развиться въ оригинальную физіономію, но до нихъ-ли? Мы несемся все впередъ. Вотъ мы въ деревнѣ стараго, суроваго князя Болконскаго, отца другого героя романа, и попадаемъ въ атмосферу вельможнаго самодурства, уже не имѣющаго ничего общаго съ распущенностію московской жизни. Весь домъ въ трепетѣ и порядкѣ. Князь ведетъ записки своей жизни, работаетъ у токарнаго станка, изучаетъ наполеоновскія кампаніи, учитъ запуганную свою дочь, княжну Марію, математикѣ, весь исполненъ судорожной дѣятельности въ своемъ кабинетѣ, откуда почти не выходитъ, но откуда видитъ и знаетъ все, что́ дѣлается у него въ палатахъ, а по старымъ связямъ и прежней службѣ—и все, что́ дѣлается въ администраціи. Ни тѣхъ, ни другую онъ не щадитъ, увѣренный въ не-

погрѣшимости своей и создавшій себѣ, въ-замѣнъ полнаго отсутствія религіи—религію благоговѣнія и поклоненія передъ собственной особой. На нашихъ глазахъ происходили тонкія, сдержанныя, но полныя смысла и чувства сцены свиданія между насмѣшливымъ старикомъ и сыномъ его княземъ Андреемъ, который, на пути къ дѣйствующей арміи, завезъ къ нему свою беременную и постылую жену. Но едва успѣли мы всмотрѣться въ эти отношенія двухъ оригинально самостоятельныхъ характеровъ, какъ очутились въ самомъ центрѣ русской заграничной арміи и на поляхъ заграничныхъ битвъ нашихъ 1805—7-го годовъ.

Одна за другой начинаютъ тогда проходить передъ нами картины движенія русскихъ войскъ, ихъ сшибокъ съ непріятелемъ, безпорядочнаго отступленія еще прежде, и отчаянныхъ усилій, послѣ всякаго пораженія, сформироваться снова въ одно цѣлое, только-что разбитое и раздробленное на безпомощныя части. Мастерство автора изображать сцены военнаго быта достигаетъ своего апогея. Планы сраженій и картины мѣстностей, гдѣ они происходятъ — бросаются отчетливо въ глаза, какъ гравюры англійскихъ кипсековъ, главные моменты битвъ высятся надъ всѣми подробностями, которыя къ нимъ и примыкаютъ, какъ къ сборнымъ пунктамъ своимъ. Ни съ чѣмъ не можетъ сравниться описаніе того мгновенія, когда Багратіонъ ведетъ два батальона на колонну непріятеля, поднимающуюся на встрѣчу имъ изъ лощины у Шёнграбена, и когда обѣ массы сшибаются и пропадаютъ въ огнѣ и дымѣ, также точно, какъ ни съ чѣмъ сравнить нельзя описанія туманнаго утра въ день Аустерлицкаго сраженія, предчувствій и томленій войска наканунѣ, общаго смятенія, когда первые лучи дня показали близость непріятеля и освѣтили мгновенный погромъ русской арміи. Даже и въ этихъ картинахъ, исполненныхъ блеска — есть еще страницы, выдающіяся изъ всѣхъ по особенному развитію мастерства—изображать живьемъ общее чувство громадной массы народа и каждое личное чувство, на немъ выросшее, какъ на своей родной почвѣ, имъ пропитанное, но сохраняющее особенности характеровъ и натуръ, его переживающихъ: таковы картины бѣгущаго и разстроеннаго обоза, который въ ужасѣ и паническомъ страхѣ потерялъ не только всякое понятіе о дисциплинѣ, но и понятіе о самыхъ простыхъ условіяхъ самосохраненія; такова картина перехода нашихъ войскъ черезъ мостъ подъ Энсомъ, когда наступающія баттареи непріятеля грозятъ ихъ настигнуть, и еще болѣе переходъ черезъ плотину Аугеста подъ Аустерлицомъ, когда вся сила непріятельской артиллеріи устремлена на этотъ пунктъ и мететъ столпившихся на немъ людей и лошадей, какъ пыль... И

опять въ средѣ всего этого движенія мелькаетъ передъ нами многое-множество типовъ военнаго сословія, смѣло тронутыхъ и тотчасъ же покинутыхъ, но они уже идутъ теперь въ перемежку съ силуэтами и очерками историческихъ лицъ, Кутузова и его канцеляріи, императора Франца и его обстановки въ Ольмюцѣ, императора Александра на смотру и въ битвѣ и т. д. Рядомъ съ ними мы встрѣчаемъ уже знакомыхъ намъ молодыхъ людей изъ московскаго и петербургскаго общественныхъ круговъ. Ко всѣмъ предметамъ, вызывающимъ наше участіе и любопытство, присоединяется новый: мы наблюдаемъ, какія стороны въ характерѣ каждаго изъ нихъ вызываются его соприкосновеніемъ съ міровыми событіями, съ борьбой за существованіе, съ близостію гибели; какъ каждая изъ этихъ головъ встрѣчаетъ историческій вихрь, несущійся надъ нею, куда склоняется и чтó она думаетъ въ это время. Мы видимъ раненаго Ростова, бѣгущаго отъ сабли французскаго драгуна, и кн. Болконскаго, за-мертво оставленнаго на полѣ Аустерлица; но и тотъ и другой успѣваютъ сообщить намъ часть своихъ ощущеній въ роковыя минуты, когда они принадлежали одинаково и жизни, и смерти. Усталые, почти изнеможенные отъ разнообразныхъ впечатлѣній, мы достигаемъ, наконецъ, великолѣпнаго описанія Тильзитскаго свиданія, которому, словно въ видѣ комментарія, предпослано изображеніе тифознаго госпиталя съ русскими ранеными, отъ которыхъ отказались доктора и начальство, а нѣсколько ранѣе изображеніе гнилого дипломата Билибина, подсмѣивающагося надъ *„православнымъ“* (какъ онъ называетъ русское войско), въ его затѣѣ бороться съ исполиномъ вѣка. Миръ заключенъ. Все обращается къ старой, родимой пошлости; только молодой Болконскій, потерявшій въ промежутокъ между Аустерлицомъ и Тильзитомъ жену и излечившійся отъ энтузіазма къ Наполеону, сближается, изъ жажды дѣятельности, съ звѣздами тогдашней администраціи, которыя и роняютъ передъ нимъ нѣсколько изъ своихъ колеблющихся и сомнительныхъ лучей, да наоборотъ, другъ его, молодой Безухой, женится, самъ не знавъ кáкъ, на княжнѣ Курагиной — распутницѣ по природѣ, и ищетъ отрады, занятія и успокоенія въ напряженномъ религіозномъ чувствѣ и въ обществѣ масоновъ, которые съ полушутовской, съ полусектаторской миной посвящаютъ его и насъ во всѣ свои таинства, обряды и ученія... Остановимся здѣсь и спросимъ: не великолѣпное-ли зрѣлище все это, въ самомъ дѣлѣ, отъ начала и до конца?

Да, но покуда оно происходило, романъ, въ прямомъ значеніи слова, не двигался съ мѣста, или, если двигался, то съ неимовѣрной апатіей и медленностію. Большое колесо романической машины

еле-еле мѣняло свое положеніе, не приводя въ дѣйствіе настоящаго рычага, нужнаго для дѣла, а только заставляя играть съ непостижимой быстротой маленькія колеса, занятыя чужой, посторонней работой. Большимъ колесомъ въ романѣ мы ничего другого считать не можемъ, кромѣ его завязки и, соединенной съ нею неразрывно, основной мысли созданія. Завязки ничѣмъ замѣнить нельзя, ни даже картинами политическаго и соціальнаго содержанія, хотя бы и занимательными въ высшей степени. Можно полагать, что не намъ однимъ приходилось, послѣ упоительныхъ впечатлѣній романа, спрашивать: да гдѣ же онъ самъ, романъ этотъ, куда онъ дѣвалъ свое настоящее дѣло—развитіе частнаго происшествія, свою „фабулу" и „интригу", потому что безъ нихъ, чѣмъ бы романъ ни занимался, онъ все будетъ казаться *празднымъ* романомъ, которому чужды его собственные и настоящіе интересы. Нѣтъ сомнѣнія, что къ завязкѣ романа, другими словами, къ его основной мысли можно привлечь какія угодно явленія жизни и исторіи, но подъ однимъ условіемъ, чтобъ послѣднія не заслоняли первыхъ, не выказывали себя во весь свой ростъ, во всю свою ширину, во всей своей сущности. Иначе побѣда будетъ всегда на сторонѣ ихъ, а эта побѣда—гораздо болѣе вредная, чѣмъ полезная самому произведенію. Конечно, нѣтъ печальнѣе зрѣлища, какъ наблюдать усилія автора понизить серьёзный характеръ историческихъ и соціальныхъ данныхъ, облегчить ихъ отъ присущей имъ мысли—для того, чтобъ они стояли вровень съ его собственнымъ замысломъ и не слишкомъ стыдили его своимъ присутствіемъ; но, съ другой стороны, есть что-то похожее на измѣну, когда романъ живетъ, такъ сказать, внѣ своего дома. Опасность для него, какъ и для всякаго нравственнаго существованія, начинается съ той минуты, когда онъ отказывается отъ своего истиннаго призванія и перестаетъ узнавать его. Не трудно доказать математически, на основаніи законовъ перспективы, что во всякомъ романѣ великіе историческіе факты должны стоять на второмъ планѣ: только тогда и розможно представить ихъ въ нѣкоторой полнотѣ и цѣлости. Удаленіе ихъ отъ мѣста, которое должны занимать исключительно главныя дѣйствующія лица произведенія, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и условіе ихъ сходства съ дѣйствительной исторіей. Сходство это будетъ нарушаться тѣмъ болѣе, чѣмъ ближе авторъ подвинетъ ихъ къ первому плану, отрывая отъ фонда своей картины, гдѣ они пользовались всѣмъ нужнымъ имъ просторомъ. Можетъ случиться, что они, достигнувъ крайней точки этого передвиженія, предстанутъ читателю не съ полнымъ выраженіемъ своего содержанія, а только тѣми, немногими сторонами, которыя остались у нихъ отъ похода и которыя, подпавъ дѣйствію сильнаго, случайнаго или даже искус-

ственнаго освѣщенія—ярко и выпукло разрослись въ неномѣрную и фальшивую величину. Самое худшее при этомъ то, что настоящіе и законные обладатели перваго плана въ романѣ—его герои и связанное съ ними событіе вытѣсняются этимъ нашествіемъ сильнаго элемента, съ которымъ борьба невозможна. Романъ чахнетъ, какъ растительность страны, потоптанный ногами и конями завоевательнаго племени, ее посѣтившаго. Мы не говоримъ, чтобъ именно это случилось съ романомъ Л. Толстого—нѣтъ: онъ еще держитъ историческую часть его на приличномъ, хотя уже и опасномъ, разстояніи отъ своихъ героевъ, онъ бережетъ послѣднихъ, съ неимовѣрнымъ тщаніемъ, отъ излишне рискованныхъ столкновеній съ могущественнымъ историческимъ элементомъ, готовымъ ихъ поглотить, но уже общее положеніе дѣлъ отражается на нихъ неблагопріятно. Героямъ своимъ и частному событію онъ отводитъ столько пространства, свѣта и воздуха, сколько нужно единственно для поддержанія ихъ существованія. Этотъ скудный паекъ, этотъ *le strict nécessaire* предоставленной имъ жизни, при роскоши и богатствѣ обстановки всего прочаго—дѣйствуетъ неблагопріятно на читателя, который, подъ конецъ, догадывается, что существенный недостатокъ всего созданія, несмотря на его сложность, обиліе картинъ, блескъ и изящество—есть недостатокъ *романическаго развитія*.

Романъ не двигается, сказали мы, но—кромѣ того еще—ни одинъ характеръ, ни одно почти положеніе въ немъ не развиваются вплоть до половины третьяго тома. Они только мѣняются, показываютъ новыя стороны, съ каждымъ поворотомъ картины, когда она ихъ захватываетъ, но не развиваются. Иначе и быть не могло. Остановить движеніе сценъ въ пользу разъясненія чьей-либо физіономіи или ближайшаго осмотра психической перемѣны въ человѣкѣ—нѣтъ возможности при толпѣ образовъ и массѣ событій, ожидающихъ своей очереди, чтобы попасть въ картину. Приближающаяся сцена беретъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ своихъ уже совсѣмъ готовыми къ появленію на подмосткахъ, и мы узнаемъ о новыхъ чертахъ, ими пріобрѣтенныхъ, и о новыхъ событіяхъ, измѣнившихъ ихъ внутренній міръ и настроеніе, только тогда, когда авторъ дѣлаетъ повѣрку своего персонала, съ тѣмъ глубокимъ анализомъ, который ему свойственъ. При зарожденіи и ходѣ измѣненій, какимъ подверглись знакомые типы и обстоятельства въ промежутокъ между сценами, читатель не присутствовалъ; измѣненія свершились всѣ въ тайникѣ авторскаго воображенія, куда никто не былъ допущенъ. Мы видимъ лица и образы, когда процессъ превращенія надъ ними уже законченъ,—самаго процесса мы не знаемъ. Правда, что всѣ превращенія эти имѣютъ достаточныя основанія и вышли изъ наме-

ковъ и указаній, какія уже заключались и прежде въ характерахъ и предметахъ; нигдѣ не видно яркихъ противорѣчій, какъ нигдѣ не видно ничего произвольнаго и самовластнаго въ придаточныхъ чертахъ; можно было всегда ожидать именно этого хода дѣлъ и этого новаго выраженія физіономіи; но роковая необходимость измѣненій, испытанныхъ тѣми и другими, ничѣмъ не доказана. Да если бы и не было никакой связи между старымъ и новымъ выраженіемъ ихъ—дѣло обошлось бы и безъ нея. Блестящая сцена, исполненная эффекта, психическаго анализа, превосходныхъ красокъ — тотчасъ искупила бы неожиданность или искусственность какого-либо оттѣнка, тотчасъ заставила бы позабыть обо всемъ, что́ есть сомнительнаго и неоправданнаго въ его происхожденіи. Мы не будемъ перебирать снова горячихъ страницъ замѣчательнаго романа для убѣжденія нашихъ читателей, что много лицъ—оба Болконскіе, напримѣръ, Безухой, Наташа, княжна Марія Болконская и проч.—нажили, въ промежутокъ между первымъ, вторымъ или третьимъ своимъ появленіемъ въ романѣ, существенныя физіологическія и нравственныя черты, объясненіе которыхъ должно только искать въ нѣмомъ дѣйствіи времени, протекшаго отъ одного періода ихъ развитія до другого. Также точно и событія показываются намъ только тогда, когда они шумно текутъ уже въ новомъ прорытомъ ими руслѣ, а работа, которую они свершали, при измѣненіи своего теченія, одолѣвая препятствія и уничтожая препоны, по бо́льшей части, произошла, имѣя свидѣтелемъ опять одно безгласное время. Чѣмъ другимъ можно объяснить, напримѣръ, что распутная жена Пьера Безухаго изъ завѣдомо пустой и глупой женщины пріобрѣтаетъ репутацію необычайнаго ума и является вдругъ средоточіемъ свѣтской интеллигенціи, предсѣдательницей салона, куда съѣзжаются слушать, учиться и блестѣть развитіемъ. Вообще *внѣ* романа происходитъ почти столько же переворотовъ, сколько и въ самомъ романѣ. Ни разу читатель, правда, не поставляется въ необходимость отвергнуть какую-либо подробность, какъ совершенно невозможную, но не столь часто, какъ слѣдовало бы, доходитъ онъ и до убѣжденія, что ничего другого и не могло случиться, кромѣ того, что́ случилось. Вмѣсто такого убѣжденія, авторъ вырываетъ у своей публики тотъ родъ полу-согласія, неохотнаго подтвержденія, который на языкѣ политики выражается формулой—*признаніе совершившагося факта*. Фактъ узаконяется этимъ признаніемъ, но оно оставляетъ возможность каждому изъ судей думать про себя, что фактъ могъ бы и не явиться на свѣтъ, пожалуй, въ той формѣ, въ какой явился. Таково обыкновенно дѣйствіе произведеній, страдающихъ, вслѣдствіе особеннаго характера ихъ постройки, недостаткомъ романическаго развитія.

Мы не скрываемъ отъ себя, что въ отвѣтъ на всѣ эти требованія могутъ сказать: да кому какое дѣло до вашего развитія, когда романъ и въ той формѣ, какая ему дана, достигаетъ всѣхъ своихъ цѣлей и намѣреній. Характеры и съ помощію отдѣльныхъ сценъ пріобрѣтаютъ типическое выраженіе, что́, въ сущности, только и важно. Картина эпохи, даже и разбитая на множество этюдовъ, тѣмъ не менѣе есть полная картина, сообщающая каждому одно нераздѣльное и неотразимое впечатлѣніе своей истины. Притомъ же, изображенія автора облечены въ такую ткань поэзіи, рисуются съ такимъ участіемъ драматическаго элемента, тонкаго анализа, широкихъ пріемовъ мыслителя и художника, что думать тутъ о развитіи можетъ только человѣкъ, нечувствительный къ этимъ качествамъ. Можетъ быть даже, что трудъ развитія помѣшалъ бы здѣсь свободному проявленію творчества, можетъ быть даже, что само требованіе развитія принадлежитъ къ числу орудій старой *эстетической рутины,* которая не въ силахъ понять новыхъ формъ созданія, возникающихъ у писателя вмѣстѣ съ новыми задачами. Какое развитіе способно замѣнить намъ, хоть, напримѣръ, двѣ, по-истинѣ, чарующія сцены, два особенно замѣчательныхъ перла изъ множества перловъ, разсыпанныхъ въ романѣ? Мы говоримъ о двухъ сценахъ изъ эпохи пребыванія полу-разоренныхъ Ростовыхъ въ деревнѣ. Въ первой изъ нихъ, Наташа Ростова, мучимая самымъ избыткомъ физическихъ и нравственныхъ силъ, является на охоту за волками, переживаетъ всѣ ея ощущенія и проводитъ часть вечера въ домѣ простяка-помѣщика Илагина, угощающаго ее всѣмъ богатствомъ своего еще не тронутаго русскаго житья-бытья, дворней, составляющей одно лицо съ барномъ, балалайкой, которая странно потрясаетъ образованный слухъ гостей, и, наконецъ, своей русской пѣснію, которая вызываетъ у нихъ слезы. Въ другой сценѣ, та же Наташа Ростова устраиваетъ переодѣваніе на масляницѣ и, захвативъ переряженныхъ подругъ, горничныхъ, встрѣчныхъ и поперечныхъ, въ бѣшеной скачкѣ на тройкахъ, мчится ночью, при лунѣ, мимо лѣса, вдоль снѣжной пустыни, къ своей родственницѣ и сосѣдкѣ по имѣнію. Тутъ и безъ развитія отразилась вся русская природа, вмѣстѣ съ упоительными народными, племенными потѣхами и мотивами, которые лучше всѣхъ другихъ заглушаютъ, обманываютъ, цѣлятъ страданія даже и *образованной* русской души. Какое развитіе способно довести писателя и до этой поэзіи и до этихъ откровеній, оно, которое, по сущности своей, вмѣсто историческихъ, политическихъ и бытовыхъ картинъ, предпочитаетъ долгое, чахлое занятіе помыслами двухъ-трехъ лицъ, томительное изображеніе пере-

воротовъ ихъ внутренняго міра и возмутительное оправданіе ихъ эгоистическаго самозаключенія въ самихъ себѣ!

Какъ бы, въ сущности, ни казались намъ эти и подобныя имъ возраженія несправедливыми въ настоящемъ вопросѣ, мы умѣемъ цѣнить все, чтó подъ ними таится законныхъ требованій на дѣльность и серьёзность художественныхъ изображеній, на участіе искусства въ разрѣшеніи и объясненіи задачъ, вопросовъ и чаяній нашего времени. Но такъ-ли вѣрно предположеніе, что въ романѣ исторія и частные характеры достигли всей необходимой полноты и ясности даже и безъ развитія — это другой вопросъ. Врядъ-ли новое произведеніе гр. Толстого докажетъ возможность обойтись, въ виду другихъ важныхъ задачъ, безъ исполненія какого-либо условія дѣльной художнической работы. Скорѣе наоборотъ: оно докажетъ необходимость соблюденія всѣхъ условій ея и невозможность жертвовать ими, ни подъ какимъ предлогомъ, даже самымъ благовиднымъ. Такъ, оставаясь при нашемъ мнѣніи, мы думаемъ, что недостатокъ развитія повліялъ неблагопріятно даже на историческую и бытовую сторону его произведенія, къ которымъ теперь и переходимъ.

Что касается до исторической части, то мы намѣрены развить здѣсь нѣсколько подробнѣе положенія, высказанныя нами въ началѣ статьи. Какое бы мѣсто историческая сторона ни занимала въ романѣ — первое, послѣднее или серединное, она подчиняется точно тѣмъ же законамъ художническаго существованія, какъ и вымыселъ: она должна доказать свое право выражать то, чтó выражаетъ. Извѣстно, что весь историческій отдѣлъ романа гр. Толстого построенъ на документахъ и свидѣтельствахъ, такъ-называемой *маленькой исторіи*, безъ которой, спѣшимъ прибавить, чуть-ли и возможно появленіе настоящей, наукообразной исторіи. Трудамъ Шлоссера, Ранке, Гервинуса и проч. предшествовало, конечно, множество нескромныхъ откровеній, частныхъ разоблаченій, тайныхъ записокъ — словомъ, вся работа „маленькой“ исторіи, на которую они часто и ссылаются, и которая тогда только и входитъ съ особенный почетъ, когда въ извѣстномъ обществѣ обнаруживается потребность самоопредѣленія. До тѣхъ поръ общество очень хорошо удовлетворяется оффиціальной, условно-учебной и легендарной исторіей; но съ первыми проблесками критической мысли, желающей провѣрить настоящее время прошлымъ временемъ — услуги „маленькой“ исторіи неоцѣненны и принимаются съ великой, вполнѣ заслуженной благодарностію. Она помогаетъ низводить политическихъ дѣятелей съ тѣхъ туманныхъ высотъ, гдѣ они невозмутимо жили дотолѣ, какъ боги Олимпа, въ ряды человѣчества, и дѣлаетъ еще болѣе. Устраняя ореолы и лучи, приданные имъ суевѣріемъ или политическимъ раз-

счетомъ, она помогаетъ различать ихъ настоящую физіономію и находить въ ней черты, общія людямъ ихъ вѣка. И этимъ еще не ограничиваются ея услуги: она обнаруживаетъ въ великихъ историческихъ событіяхъ присутствіе и вліяніе силъ и причинъ, дѣйствующихъ и теперь, на глазахъ всѣхъ, что́ способствуетъ политическому воспитанію людей. Отсюда и успѣхъ въ публикѣ тѣхъ, впрочемъ, почтенныхъ изданій, которыя сдѣлались у насъ о́рганами этой „маленькой“ исторіи, да также, отчасти, и успѣхъ книги гр. Толстого, на ней построенной и обнаруживающей большую въ ней начитанность автора. Но при этомъ онъ уже не могъ избѣжать весьма неблагопріятнаго обстоятельства для своей задачи, не существующаго у сборниковъ и изданій, ею занимающихся. Тѣ оставляютъ всѣ документы свои, за очень малыми исключеніями, открытыми вопросами, терпѣливо ожидая приближеніе будущей, настоящей и наукообразной исторіи, которая должна ихъ порѣшить, и если дѣлаютъ иногда попытки утвердить за документами своими извѣстный смыслъ, то попытки эти принадлежатъ обыкновенно не къ самой существенной и даже не къ самой блестящей сторонѣ изданій. Авторъ романа поставленъ въ иное положеніе. Гр. Толстой, напримѣръ, вездѣ говоритъ утвердительно — и долженъ такъ говорить, и говорить иначе не можетъ. Малѣйшее сомнѣніе передъ документомъ было бы здѣсь упраздненіемъ самаго романа, или лучше — его исторической части. Вездѣ и всегда должно слышаться отъ художественнаго произведенія твердое, рѣшительное, смѣлое слово, ибо тамъ, гдѣ рѣчь происходитъ на языкѣ *образовъ* — малѣйшее колебаніе должно внести смуту и неясность въ образы, что́ равняется уничтоженію, нѣмотѣ, погибели самой рѣчи. Изъ этого выходитъ, что „маленькая“ исторія, положенная въ основу о́бразовъ, вдругъ заявляетъ горделивую претензію раздавать окончательные приговоры лицамъ и событіямъ, какъ будто вся сущность предметовъ исчерпана ею вполнѣ. Судъ свершается, такимъ образомъ, не совсѣмъ законнымъ, компетентнымъ судьей, и чѣмъ рѣшительнѣе, эффектнѣе его опредѣленія черезъ посредство картинъ и образовъ, тѣмъ болѣе обнаруживается его самозванство. И добро бы убѣжденія и воззрѣнія этого судьи слагались на основаніи всѣхъ документовъ, уже находящихся въ его обладаніи, но условія романа не позволяютъ ему заняться даже и нѣсколько полнымъ разборомъ своего дѣла. Романъ принуждаетъ его, вслѣдствіе внутренняго своего распорядка, вслѣдствіе необходимой для себя экономіи, ограничиться всего чаще одной чертой, одной скудной чертой, чтобы, раздувъ и распространивъ ее до неимовѣрныхъ границъ, онъ — этотъ непризванный судья, — могъ въ ней одной заключить и всѣ основанія, поводы и причины своего

приговора людямъ и событіямъ. Такимъ образомъ, „маленькая“ исторія, сдѣлавшись романомъ, рѣшаетъ вопросъ о личности Кутузова, на основаніи нѣкоторыхъ словъ, сказанныхъ имъ тамъ-и-сямъ, и на основаніи мины, взятой имъ при томъ и другомъ случаѣ; вопросъ о личности Сперанскаго — на основаніи его искусственнаго смѣха и программы, устроенной имъ для разговоровъ за столомъ; вопросъ о проигрышѣ битвы подъ Аустерлицомъ — на основаніи вліянія молодыхъ генераловъ-любимцевъ, окружавшихъ императора Александра, и измѣны своему долгу у остальныхъ, что́ стоило бы разъясненія.... и т. д. Развитія и здѣсь недостаетъ, какъ недостаетъ его въ завязкѣ романа; сцены всегда поразительно отчетливы относительно той минуты, которую изображаютъ, а многое изъ того, что́ должно оправдать ихъ появленіе, лежитъ опять внѣ романа, въ пустомъ и глухомъ пространствѣ между сценами. Обстоятельство это тѣмъ печальнѣе, что чрезвычайно мѣткія, живыя замѣтки и соображенія автора заставляютъ думать, что онъ самъ гораздо болѣе знаетъ о всякомъ дѣлѣ, чѣмъ его лица и картины. За то, когда „маленькая“ исторія удаляется на задній планъ — возникаютъ картины безусловнаго мастерства, обличающія въ авторѣ необычный талантъ военнаго писателя и художника-историка. Таковы (мы уже имѣли случай сказать объ этомъ) изображенія военныхъ массъ, представляемыхъ намъ, какъ единое, громадное существо, живущее своей особенной жизнію, имѣющее свои страсти, симпатіи, даже мыслящее и по-своему возражающее на ошибочныя или невѣрныя распоряженія; таковы всѣ изображенія канцелярій, штабовъ, австрійскаго тупого, узко-эгоистическаго пониманія вопросовъ и явленій, что́ отражается на каждомъ лицѣ его двора, носящемъ печать упорной неспособности, но подъ-конецъ всегда выигрывающей партію; таковы особенно изображенія пыла, катастрофъ и волненій битвъ, и проч., и проч.

Бытовой отдѣлъ романа возбуждаетъ вопросъ не менѣе важный, чѣмъ тотъ, о которомъ говорили сейчасъ, при изслѣдованіи политическаго отдѣла. Эта часть, заключающая въ себѣ олицетвореніе нравовъ, понятій и вообще культуры высшаго нашего общества въ началѣ текущаго столѣтія, развивается довольно полно, широко и свободно, благодаря нѣсколькимъ типамъ, бросающимъ, несмотря на свой характеръ силуэтовъ и эскизовъ, нѣсколько яркихъ лучей на все сословіе, къ которому они принадлежатъ. Здѣсь уже не найдетъ себѣ мѣста тотъ укоръ въ прославленіи дикости и невѣжества, который дѣлали автору нѣкоторые критики, за лучшій, образцовый его романъ: „Казаки“. Здѣсь, наоборотъ, мы находимся въ средѣ утонченнѣйшей цивилизаціи, пресыщены изяществомъ фигуръ,

свойственнымъ даже и не совсѣмъ виднымъ фигурамъ, французскимъ діалектомъ и неустаннымъ анализомъ автора, который объясняетъ намъ настоящій смыслъ почти каждаго движенія выводимыхъ имъ лицъ, каждаго ихъ взгляда, слова и костюма, потому что въ этомъ своеобычномъ мірѣ люди выражаютъ свое нравственное содержаніе гораздо болѣе неуловимыми знаками, намеками, бездѣлицами всякаго рода, чѣмъ простой человѣческой рѣчью, поступкомъ или естественной игрой своей физіономіи. Надо запастись особеннымъ *ключомъ*, чтобъ понимать ихъ сношенія между собою, надо быть посвященнымъ въ таинственное значеніе гіероглифовъ, которыми они обмѣниваются, чтобъ угадывать ихъ настоящія мысли и намѣренія. Авторъ принадлежитъ къ числу посвященныхъ. Онъ владѣетъ знаніемъ ихъ языка и употребляетъ его на то, чтобъ открыть подъ всѣми формами свѣтскости бездну легкомыслія, ничтожества, коварства, иногда совершенно грубыхъ, дикихъ и свирѣпыхъ поползновеній. Всего замѣчательнѣе одно обстоятельство. Лица этого круга состоятъ словно подъ какимъ-то зарокомъ, присудившимъ ихъ къ тяжелой карѣ — никогда не достигать ни одного изъ своихъ предположеній, плановъ и стремленій. Точно гонимые неизвѣстной враждебной силой, они пробѣгаютъ мимо цѣлей, которыя сами же и поставили для себя, и если достигаютъ чего-либо, то всегда не того, чего ожидали. Исключенія касаются только самыхъ ничтожныхъ, пошлыхъ замысловъ и разсчетовъ: все, что посерьёзнѣе, никому изъ нихъ не уступаетъ себя. Можно подумать, слѣдя за мастерскимъ изображеніемъ этой среды у нашего автора, что для людей ея существуетъ особо приставленная къ нимъ Немезида, которая поражаетъ ихъ безсиліемъ на полу-дорогѣ ко всякому предпріятію и постоянно оставляетъ въ ихъ рукахъ пыль и прахъ, вмѣсто искомаго и желаннаго добра. Ничего не удается имъ, и все валится изъ ихъ рукъ. Даже чувство и мысль, самыя простыя и общечеловѣческія, въ ограниченномъ значеніи эпитета, или приносятъ не тѣ плоды, какіе отъ нихъ обыкновенно получаются, или разрѣшаются, по прошествіи нѣкотораго времени, въ нѣчто похожее на свою пародію и каррикатуру. Молодой Пьеръ Безухой, способный понимать добро и нравственное достоинство, женится на свѣтской Лизѣ, столь же расиутной, сколько и глупой по природѣ. Кн. Болконскій, со всѣми задатками серьёзнаго ума и развитія, выбираетъ въ жены — добренькую и пустенькую свѣтскую куколку, которая составляетъ несчастіе его жизни, хотя онъ и не имѣетъ причинъ на нее жаловаться; сестра его, княжна Марія, спасается отъ ига деспотическихъ замашекъ отца и постоянно-уединенной деревенской жизни въ теплое и свѣтлое религіозное чувство, которое кончается свя-

зями съ бродягами-святошами и т. д. Такъ настойчиво возвращается въ романѣ эта плачевная исторія съ лучшими людьми описываемаго общества, что подъ-конецъ, при всякой картинѣ, гдѣ-либо зачинающейся юной и свѣжей жизни, при всякомъ разсказѣ объ отрадномъ явленіи, обѣщающемъ серьёзный или поучительный исходъ, читателя беретъ страхъ и сомнѣніе: вотъ, вотъ и они обманутъ всѣ надежды, измѣнятъ добровольно своему содержанію и поворотятъ въ непроходимые пески пустоты и пошлости, гдѣ и пропадутъ. И читатель почти никогда не ошибается; они дѣйствительно туда поворачиваютъ и тамъ пропадаютъ. Но, спрашивается, какая же безпощадная рука, и за какіе грѣхи, отяготѣла надъ всей этой средой... Что такое случилось? Повидимому, ничего особеннаго не случилось. Общество невозмутимо живетъ на томъ же крѣпостномъ правѣ, какъ и его предки; Екатерининскіе заемные банки открыты для него также, какъ и прежде; двери къ пріобрѣтенію фортуны и къ разоренію себя на службѣ точно также стоятъ на распашку, пропуская всѣхъ, у кого есть право па проходъ черезъ нихъ; наконецъ, никакихъ новыхъ дѣятелей, перебивающихъ дорогу, портящихъ ему жизнь и путающихъ его соображенія, въ романѣ графа Л. Н. Толстого вовсе не показано. Отчего же, однако, общество это, еще въ концѣ прошлаго столѣтія вѣрившее въ себя безгранично, отличавшееся крѣпостью своего состава и легко справлявшееся съ жизнію, — теперь, по свидѣтельству автора, никакъ не можетъ устроить ее по своему желанію, распалось на круги, почти презирающіе другъ друга, и поражено безсиліемъ, которое лучшимъ людямъ его мѣшаетъ даже и опредѣлить какъ самихъ себя, такъ и ясныя цѣли для духовной дѣятельности. Подумайте, что между 1796 и 1805 годомъ, когда начинается романъ Толстого, протекло только девять лѣтъ! Какъ могла совершиться въ такой незначительный промежутокъ времени такая сильная перемѣна?

Невольно и само собою представляется мысли читателя предположеніе, что романъ, пожалуй, ошибся въ одномъ изъ двухъ: или онъ просмотрѣлъ, оставивъ безъ надежнаго представителя, какое-то новое, могущественное начало, появившееся въ русской жизни и успѣвшее, въ теченіе 10 — 15 лѣтъ, незамѣтно подорвать вѣру общества въ основанія, на которыхъ оно жило спокойно дотолѣ; или картина несостоятельности этого общества въ первое десятилѣтіе нашего столѣтія и особенно нравственныхъ страданій его, преимущественно выражаемыхъ лицомъ князя Андрея Болконскаго, сильно преувеличена и составляетъ нѣкотораго рода анахронизмъ. Мы думаемъ, съ своей стороны, что романъ отчасти заслужилъ этотъ упрекъ не по одному изъ этихъ пунктовъ, а по обоимъ вмѣстѣ.

Намъ не приходится учить такого мастера и художника, какъ гр. Толстой, по профессіи романиста; поэтому мы и позволяемъ себѣ выразить только скромное сожалѣніе объ отсутствіи въ его книгѣ всякого намека на тѣ начала, прямо исшедшія отъ правительства описываемой эпохи, которыя, между многими другими послѣдствіями своими, имѣли и то, что предоставили высшее наше общество суетливымъ хлопотамъ по отысканію настоящаго смысла современныхъ явленій и всего броженія разстроенной силы, нѣкогда видѣвшей ясно свое призваніе, а теперь принужденной гоняться за призваніемъ по всѣмъ лабиринтамъ соціальныхъ, мистическихъ и всяческихъ ученій. Начала эти и прежде были знакомы многимъ на Руси, но они пріобрѣли угрожающій видъ только съ той минуты, когда къ нимъ склонилось правительство, отъ котораго всегда зависѣла и всегда будетъ зависѣть у насъ участь передовыхъ классовъ общества. Опредѣлить этотъ новый, дѣйствующій принципъ, конечно, можно; но опредѣленіе его потребовало бы долгаго развитія, между тѣмъ, какъ онъ весьма хорошо объясняется разницей воззрѣній, существовавшихъ у правительства и высшаго общества на ихъ общаго врага Наполеона I. И то, и другое, съ малыми перерывами, употребили первыя пятнадцать лѣтъ столѣтія на энергическую борьбу съ безцеремоннымъ завоевателемъ. Не разъ борьба эта служила и патріотической связью между ними, также точно, какъ она же роднила часто и всѣ слои населенія имперіи въ одномъ чувствѣ народной чести, національнаго достоинства. Императоръ французовъ былъ символомъ брани по ту сторону Нѣмана, но онъ устроивалъ миръ и патріотическое общеніе интересовъ внутри Россіи. Со всѣмъ тѣмъ, правительство и высшее общество подразумѣвали нѣчто иное, когда единогласно называли Наполеона „возмутителемъ спокойствія Европы“, „нарушителемъ общихъ правъ“, и т. д. Подъ покровомъ одинаково выражавшагося негодованія, а въ главные моменты борьбы — и одинаковой ненависти, таилось у правительства и высшаго общества, вплоть до 1812 года, различное пониманіе своихъ словъ. Правительство, какъ и слѣдуетъ всякой законной и сильной власти, оскорблялось преимущественно у Наполеона его системой попиранія всѣхъ основаній—прежней политической исторіи, его презрѣніемъ къ самымъ старымъ монархіямъ въ Европѣ, его игрой престолами и трактатами, всѣми признанными; но оно не имѣло ничего противъ новаго строя государственной и общественной жизни, котораго онъ былъ представителемъ. Правительство Александра I относилось не только не враждебно, но дружелюбно, къ принципамъ, унаслѣдованнымъ Наполеономъ отъ французской революціи и имъ водворяемымъ посредствомъ новыхъ династій въ Европѣ. Оно нисколько не думало бо-

роться съ такими основаніями, каковы: равенство всѣхъ гражданъ передъ судомъ, свобода личности, отрицаніе сословныхъ привилегій, право каждаго на всякую степень въ государствѣ, подъ условіемъ труда и способности, и проч. Совсѣмъ наоборотъ, оно думало усвоить ихъ себѣ и положить въ программу собственной своей дѣятельности, со включеніемъ, какъ кажется, и принципа совѣщательныхъ собраній, который никогда не отвергался французскимъ императоромъ, а только заслонялся имъ своей, увѣнчанной славой, особой. Въ такихъ границахъ вращалась вражда къ Наполеону въ правительственныхъ сферахъ той эпохи. Она, во всякомъ случаѣ, оставляла еще мѣсто другимъ соображеніямъ, даже сочувствію, какъ видимъ изъ попытокъ сближенія съ нимъ...

Совсѣмъ другой видъ имѣла вражда высшаго нашего общества къ Наполеону: она была полная, безъ оговорокъ и уступокъ. Въ императорѣ французовъ общество это ненавидѣло отчасти и нарушеніе принципа легитимизма, въ чемъ совершенно сходилось съ правительствомъ, но оно ненавидѣло и тотъ строй, порядокъ жизни, который Наполеономъ олицетворялся. По инстинкту страха и самосохраненія, общество относилось съ величайшимъ отвращеніемъ точно также къ Наполеону-завоевателю, какъ и къ Наполеону, узаконяющему гражданское наслѣдіе новой европейской исторіи. Наполеонъ-идея былъ для него столь же противенъ, какъ и Наполеонъ-солдатъ. Подъ мыслію объ опасности для отечества разумѣлось у многихъ, вмѣстѣ съ возможнымъ политическимъ униженіемъ Россіи, и мысль о заразѣ вольнодумными реформами, которыхъ правительство, съ своей стороны, тогда еще нисколько не боялось. Вообще, подражаніе французамъ, на которое такъ жаловался гр. Ростопчинъ, было крайне поверхностное въ обществѣ и ограничивалось ничтожными предметами, конечно, не стоившими жаркихъ филиппикъ этого оригинальнаго патріота. Общество, въ сущности, хотѣло жить по старому.

Когда явились первыя административныя реформы царствованія Александра, онѣ возбудили, какъ извѣстно, ропотъ и сомнѣніе не только въ публикѣ, но и въ нѣкоторой части самой администраціи, имѣвшей причины бояться ихъ духа. Оппозиція не смѣла возвысить голоса внутри имперіи, но она выместила это стѣсненіе на Наполеонѣ, какъ на тайномъ родоначальникѣ всѣхъ русскихъ реформъ. Въ крикахъ общественныхъ кружковъ, такъ хорошо переданныхъ авторомъ при описаніи салона фрейлины Шереръ, противъ Наполеона сказывалось еще и раздраженіе по поводу домашнихъ нашихъ дѣлъ, по поводу реформъ, только-что показавшихся на политическомъ горизонтѣ, и направленіе которыхъ можно было уже предвидѣть. Наполеонъ собиралъ дань гнѣва, слѣдовавшую ему по всѣмъ пра-

вамъ, и служилъ проводникомъ оппозиціонной мысли, которую не смѣли послать по настоящему ея адресу. Между общественными и правительственными сферами существовало, такимъ образомъ, въ скрытомъ видѣ—довольно сильное разногласіе. Для самой администраціи — оно не было серьёзной помѣхой на избранномъ ею пути, но оно пошатнуло общество, оставшееся безъ опоры и повергло его въ то состояніе безпокойства, растерянности, недоумѣнія и безсилія, которое описываетъ авторъ, и которое, обыкновенно, сопровождаетъ первое дѣйствіе новаго начала въ жизни на старыя и отходящія. Вотъ почему мы и выразили сожалѣніе, что авторъ не обратилъ на него вниманія, а показалъ одни результаты его вліянія. Внезапный переворотъ, свершившійся въ высшихъ слояхъ общества, остался, такимъ образомъ, безъ должнаго поясненія; одно историческое звено выкинуто изъ дѣла, и только посильное размышленіе читателя успѣваетъ найти его, работая уже, такъ - сказать, за полѣнившагося автора. И въ самомъ дѣлѣ, почти не понятно, какъ могъ авторъ освободить себя отъ необходимости показать рядомъ со своимъ обществомъ присутствіе элемента *разночинцевъ*, получавшаго все бо́льшее и бо́льшее значеніе въ жизни. Два великіе разночинца, Сперанскій и Аракчеевъ, стояли у кормила правленія и не только не дѣлали усилій скрыть свое бѣдное происхожденіе, но гордились имъ и заставляли другихъ чувствовать его, при случаѣ. Дѣти этого новаго, народившагося сословія должны были пробить ряды высшаго дворянства во всѣхъ направленіяхъ; но покамѣстъ въ формѣ самостоятельнаго чиновничества, начинающаго сознавать свою силу, новое сословіе уже распоряжалось матеріальнымъ положеніемъ, дѣлами, а часто вліяніемъ и способностями высоко-поставленныхъ лицъ. Изъ него были уже губернаторы, судьи, секретари разныхъ правительственныхъ мѣстъ и проч. На первыхъ порахъ, оружіемъ этой демократіи, скрытой подъ чинами и мундирами, которыми она добывала себѣ значеніе, было лихоимство, притѣсненіе, нажива. Въ театрахъ нашихъ публика еще продолжала смѣяться надъ подъячими и крючкотворцами, думая, что она осмѣиваетъ современные пороки и злоупотребленія, а между тѣмъ въ дѣйствительности, вмѣсто ихъ, существовалъ или начиналъ свое существованіе могущественный и по внѣшнему своему виду весьма приличный классъ людей, который заставлялъ склоняться передъ собой, не покидая своего скромнаго положенія, весьма гордыя головы. Невозможно представить себѣ, чтобъ высшіе круги, изображаемые авторомъ, ничего не знали объ этомъ элементѣ, не чувствовали его вліянія, и не обращали на него ни малѣйшаго вниманія. Чрезвычайно подозрительно это общество *чистѣйшей крови*—pur sang — успѣвшее укрыться отъ историческаго явленія, начинавшаго проникать почти во всѣ отправленія

публичной жизни. Изъ видовъ даже простого, художническаго разсчета, можно бы пожелать ему нѣкоторой примѣси сравнительно грубаго, жесткаго и оригинальнаго элемента. Онъ помогъ бы растворить нѣсколько эту атмосферу исключительно графскихъ и княжескихъ интересовъ, выдѣленныхъ, по забывчивости автора, изъ круга другихъ, равносильныхъ имъ интересовъ. По крайней мѣрѣ, присутствіе въ романѣ новой, отчасти злобной и завистливой, но самоувѣренной и здоровой силы—дало бы возможность читателю отдохнуть нѣсколько отъ постоянно условнаго, иногда манернаго изящества великосвѣтской картины, которую авторъ держитъ передъ его глазами. Мы далеки отъ мысли находить въ этой картинѣ положительное сходство съ рисунками старыхъ севрскихъ саксонскихъ фарфоровъ (vieux-Sèvres, vieux-Saxe), но не можемъ не сказать, что подчасъ она невольно напоминаетъ ихъ. Возвращаемся назадъ.

Конечно, были и энтузіасты Наполеона въ этомъ недовольномъ обществѣ, обожавшемъ однако же своего императора, какъ всѣ его обожали, за молодость, красоту, мягкость сердца и умѣренность въ пользованіи своими правами. Авторъ показываетъ намъ такихъ энтузіастовъ Наполеона, положившихъ въ основаніе своихъ протестовъ противъ тогдашней жизни нѣчто подобное соображеніямъ высшаго порядка, въ двухъ лицахъ: въ Пьерѣ Безухомъ и молодомъ князѣ Андреѣ Болконскомъ. О нихъ обоихъ, но всего болѣе о кн. Болконскомъ, можно сказать, что они, по роду своихъ убѣжденій, только номинально принадлежали къ тому обществу, гдѣ судьба привела имъ родиться. Особенно послѣдній—истинный герой романа гр. Толстого — сколько можно судить по бѣглымъ и еще неконченнымъ очеркамъ этого лица — является намъ человѣкомъ того же самаго закала и направленія, какъ и молодые совѣтники императора Александра I, которыми онъ окружалъ себя, при началѣ царствованія. Та же увѣренность въ себѣ, та же смѣлость въ планахъ и предначертаніяхъ, построенныхъ, безъ участія опыта, на одной собственной, ничѣмъ непровѣренной мысли, то же гуманное, благородное отношеніе къ низшимъ слоямъ общества, при чувствѣ своего превосходства надъ ними, и, наконецъ, то же презрѣніе къ русской жизни, не удовлетворявшей ни въ какой мѣрѣ политическимъ идеаламъ, которые носились передъ ихъ глазами. Только Андрей Болконскій не испыталъ блестящей и почотной участи своихъ двойниковъ; оттого недовольство его жизнію и порядкомъ вещей уже связано съ огорченіями и разочарованіями собственной его жизни, какъ и понятно въ безвѣстной единицѣ, пропадающей между рядами окружающей его публики. Со всѣмъ тѣмъ, всякій разъ, какъ онъ выходитъ изъ рядовъ этихъ, онъ носитъ на себѣ печать и обликъ празднаго министра, неузнаннаго, природнаго совѣтника короны. Въ

томъ, кажется, и заключается трагическая сторона его жизни, что онъ *не узнанъ*, и когда онъ говоритъ съ отчаяніемъ о невозможности какого-либо общественнаго труда на Руси, то уже мы знаемъ, что подъ настоящимъ трудомъ онъ подразумѣваетъ только тотъ, который совершается на высшихъ постахъ въ государствѣ — и никакой болѣе.

Это — честолюбецъ, но томящійся вмѣстѣ съ тѣмъ и по доброй, прочной славѣ полезнаго гражданина. Его-то и выбралъ авторъ представителемъ того недовольства, которое, въ отличіе отъ пошлой, слѣпой и корыстной оппозиціи большинства, основывалось на пониманіи истинныхъ условій политическаго развитія обществъ. Здѣсь и встрѣчаемся мы отчасти съ преувеличеніемъ, отчасти съ анахронизмомъ, о которыхъ говорили. Кн. Андрей Болконскій вноситъ въ свою критику текущихъ дѣлъ и вообще въ свои воззрѣнія на современниковъ идеи и представленія, составившіяся о нихъ въ *наше* время. Онъ имѣетъ даръ предвидѣнія, дошедшій къ нему, какъ наслѣдство, безъ труда, и способность стоять выше своего вѣка, полученную весьма дешево. Онъ думаетъ и судитъ разумно, но не разумомъ своей эпохи, а другимъ, позднѣйшимъ, который ему открытъ благожелательнымъ авторомъ. Онъ умѣлъ счистить съ себя всѣ искреннія, но скучныя и досадныя черты современника той эпохи, о которой говоритъ, и въ средѣ которой живетъ. Онъ не можетъ увлекаться, не можетъ стоять подъ вліяніемъ какой-либо замѣчательной личности своего времени, потому что уже знаетъ біографическія подробности и анекдоты о каждой изъ нихъ, собранныя на-дняхъ. Ошибокъ онъ тоже не дѣлаетъ, кромѣ тѣхъ, какія дѣлаютъ и источники, откуда онъ почерпнулъ свою сверхъ-естественную проницательность. Намъ не нужно лучшихъ доказательствъ его знакомства съ работами и изысканіями послѣдняго времени, какъ то обстоятельство, что онъ стыдится своихъ занятій въ коммиссіи составленія законовъ, куда онъ попалъ нечаянно начальникомъ отдѣленія. Сослуживцы его, которымъ нельзя отказать въ знаніи и умѣ, поняли невозможность простого переложенія французскаго кодекса на русскіе нравы только послѣ ряда неудачныхъ опытовъ, но Болконскій понялъ это съ-разу,—потому что превосходитъ ихъ вдохновеннымъ прозрѣніемъ мнѣній, обращающихся *нынѣ* въ исторической литературѣ. Вообще, ему приходятъ въ голову сужденія, которыя современнику эпохи Александра I никогда бы не пришли; но Болконской современникъ особенный, такой, которому открыто все то, чтó узнано позднѣе. Мысль его живетъ не съ ровесниками по времени, а съ нынѣшними дилеттантами по части новой исторіи Россіи, и отъ нихъ онъ заимствуетъ свой скептицизмъ, свою холод-

ность и трезвость относительно правительственныхъ мѣръ и явленій, изумлявшихъ и волновавшихъ всѣхъ тѣхъ бѣдныхъ людей, которые имѣли несчастіе принадлежать только своему вѣку. Мы даже думаемъ, что роль общественнаго критика, извѣрившагося въ оффиціальныя зачинанія всякаго рода, отзывается у него еще анахронизмомъ. Извѣстно, что только въ 1815—16 годахъ, послѣ трехлѣтней заграничной кампаніи, показалась у насъ партія молодыхъ людей, нашедшихъ жизнь въ Россіи невыразимо пустой и праздной, въ сравненіи съ шумомъ, который сопровождалъ движеніе народовъ передъ тѣмъ, и въ сравненіи съ общественными явленіями, которыя возникли на европейской почвѣ вслѣдъ за нимъ. Только тогда впервые зародился у насъ тотъ безусловный скептицизмъ по отношенію къ способности и доброй волѣ администраціи отвѣчать на нужды и потребности общества. До тѣхъ поръ врядъ-ли и можно себѣ представить человѣка, равнодушно и величаво относящагося къ такимъ фактамъ и мѣрамъ, какъ возникновеніе государственнаго совѣта, обѣщаніе публичной отчетности по финансовымъ дѣламъ имперіи, учрежденіе новыхъ народныхъ школъ и университетовъ, правила объ обращеніи крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы, указы объ экзаменахъ на извѣстные чины и проч. и проч. По крайней мѣрѣ, исторія не предполагаетъ возможности такихъ отношеній между правительствомъ и обществомъ въ ту эпоху; но Болконскій, который знаетъ гораздо позднѣйшія идеи, могъ знать и ту, которая была къ нему сравнительно ближе, и воспользоваться ею, какъ и всѣми прочими. Такимъ представляется намъ, покамѣстъ, герой романа въ качествѣ передового человѣка своей эпохи: о благородномъ его характерѣ, глубинѣ психическаго настроенія и трогательной роли въ жизни—будетъ говорено впослѣдствіи.

Мы останавливаемся здѣсь, не желая и не имѣя права дѣлать какой-либо окончательный выводъ изъ нашихъ словъ, до появленія четвертаго и послѣдняго тома замѣчательнаго романа гр. Толстого. Тамъ должна объясниться вполнѣ основная мысль произведенія, картина русскаго быта въ первую половину эпохи Александра, и заключиться зрѣлищемъ самыхъ высокихъ, торжественныхъ ея мгновеній, которыя окончательно обнаружатъ все содержаніе завязки романа и ея положеніе относительно исторіи. Нѣтъ сомнѣнія, что намъ придется еще многимъ восхищаться въ этомъ, нетерпѣливо ожидаемомъ томѣ и по многому предлагать вопросы; но мы сдѣлаемъ это съ той же откровенностію и съ тѣмъ же глубокимъ уваженіемъ къ необычайно-талантливому автору и къ его произведенію, составляющему эпоху въ исторіи русской беллетристики.

„Вѣстн. Евр.“ 1868, февраль.

ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО
РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДРАМЫ

„Царь Ѳедоръ Ивановичъ“ трагедія графа А. К. Толстого.

Изъ многочисленныхъ способовъ относиться къ русской исторіи и къ русскому народу, графъ А. К. Толстой выбралъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ, который уже доставилъ почетный успѣхъ первой его трагедіи: „Смерть Іоанна Грознаго“, и который также точно и теперь возбуждаетъ общее сочувствіе къ новой исторической драмѣ его: „Царь Ѳедоръ Ивановичъ“. О ней-то именно мы и будемъ говорить здѣсь, считая посильный разборъ ея дѣломъ не совсѣмъ безполезнымъ, въ виду того обстоятельства, что одобреніе многочисленной образованной публики обѣихъ нашихъ столицъ можетъ, пожалуй, узаконить въ литературѣ и нѣкоторые недостатки того оригинальнаго способа обращенія съ историческими эпохами и ихъ представителями, который усвоенъ авторомъ и поддерживается имъ съ большимъ драматическимъ и поэтическимъ талантомъ.

Способъ этотъ, какъ извѣстно, заключается въ томъ, чтобы положить въ основаніе трагедіи одинъ полный психическій этюдъ главнаго дѣйствующаго ея лица и сдѣлать изъ всѣхъ явленій, изъ всего ея содержанія, только подробности этого самаго психическаго очерка или этюда. Такимъ образомъ создана была первая трагедія графа Толстого, въ которой анализъ характера Ивана Грознаго составляетъ настоящую мысль и цѣль произведенія. Читателямъ нашимъ не нужно напоминать, сколько драматической изобрѣтательности, поэтическихъ красокъ и счастливыхъ сценическихъ эффектовъ употребилъ въ дѣло графъ Толстой за этою обрисовкой царя Ивана Васильевича, какъ онъ представлялся его воображенію. Самый способъ такого производства драмы не новъ; въ извѣстной мѣрѣ онъ употребляется всѣми драматургами безъ исключенія, но у графа Толстого онъ становится единственнымъ и исключитель-

нымъ способомъ созданія, поглощающимъ всѣ его соображенія и не оставляющимъ мѣста въ драмѣ для другихъ ея условій. Новая трагедія автора есть опять психическій очеркъ царя Ѳедора Ивановича, но проведенный, какъ намъ кажется, еще съ большею обдуманностью, съ большею широтой кисти и съ бо́льшимъ мастерствомъ относительно обстановки портрета, чѣмъ даже великолѣпный очеркъ царя Ивана. Работа автору предстояла тутъ сложная и трудная.

Какъ бы ни казалась громадна личность Грознаго въ сравненіи съ личностью его духовно-немощнаго сына Ѳедора, все же должно сказать, что психическая разработка Ивана IV, какъ типа, гораздо легче чѣмъ всякаго другого, менѣе выразительнаго характера. Въ нашей исторіи и въ народномъ сознаніи онъ представляется соединеніемъ множества пороковъ и отрицательныхъ качествъ, достигшихъ тѣхъ необычайныхъ размѣровъ, когда они становятся доступны всѣмъ глазамъ и самому низменному пониманію. По простотѣ матеріаловъ, которые могутъ быть употреблены при его изображеніи и которые не требуютъ особеннаго разбора, онъ даже составляетъ кладъ для второстепенныхъ писателей. Неистовыя страсти во всѣхъ своихъ видахъ, кровожадные порывы звѣря, пользующаго безграничнымъ просторомъ, дикое самоуслажденіе и коварное лицемѣріе, играющія своими жертвами, всѣ эти черты и другія имъ подобныя принадлежатъ къ разряду грубыхъ психическихъ элементовъ, легко понимаемыхъ и легко передаваемыхъ, именно вслѣдствіе ихъ грубой ясности, простоты и ощутительности. Вдобавокъ, личность Ивана IV, по богатству своего мрачнаго содержанія, имѣетъ еще и то преимущество, что уже не можетъ пострадать ни отъ какого наговора, что нѣтъ на свѣтѣ такого чудовищнаго предположенія, которое не могло бы найдти въ ней надлежащаго мѣста, съ которымъ бы она не уживалась свободно. Работа за подобнымъ характеромъ есть работа въ высшей степени благодарная, предметъ освобождаетъ автора отъ всякой отвѣтственности, безъ труда и исканія даетъ ему отличныя краски и принимаетъ на себя заботу о занимательности, оригинальности и потрясающемъ дѣйствіи на читателей. Само собою разумѣется, что если за такую работу принимается значительный литературный талантъ, то, при поэтическомъ вдохновеніи и при способности къ творчеству, характеръ Ивана IV откроетъ ему огромное поле для фантазіи, психическаго анализа и трагическихъ эффектовъ, какъ это мы дѣйствительно и видимъ въ первомъ произведеніи графа Толстого.

Совсѣмъ другое дѣло предстояло съ характеромъ царя Ѳедора Ивановича. Здѣсь надо было почти цѣликомъ изобрѣсти, такъ-сказать, его образъ, сохраняя отъ преданія одни только внѣшнія

очертанія портрета. Такъ именно и поступилъ авторъ. Исторія показываетъ намъ Ѳедора царемъ-причетникомъ, отдавшимъ царство Годунову и замкнувшимся въ сферѣ церковныхъ обязанностей да потѣхъ, какія могла давать ему жизнь между дворцовою челядью и населеніемъ, окружавшимъ тогда монастыри и церкви. На этомъ скудномъ и далеко не трагическомъ матеріалѣ авторъ создалъ типъ Ѳедора, замѣчательный по своему внутреннему смыслу. Онъ сдѣлалъ изъ него больного, неспособнаго къ труду и ограниченнаго человѣка, но съ такими сокровищами сердца, съ такимъ обиліемъ любви къ людямъ и съ такой ангельскою простотой воззрѣнія на себя и другихъ, что этотъ немощный правитель часто возвышается до пониманія характеровъ и до рѣшеній, превосходящихъ мудростію все, что́ около него подаетъ голосъ и совѣтъ. Трагизмъ его положенія заключается въ безсиліи его физической и нравственной природы, при самыхъ благородныхъ инстинктахъ и пожеланіяхъ.

Замѣчательно, что царь Ѳедоръ второй трагедіи графа Толстого служитъ какъ-бы оправданіемъ своего грознаго отца, не пощаженнаго авторомъ въ первой его драмѣ. Злобный міръ, въ которомъ Ѳедору пришлось жить и дѣйствовать, видимо нуждается въ желѣзной рукѣ для своего успокоенія и для того, чтобы не дать ему расползтись врозь. Онъ теряется самъ, когда не чувствуетъ власти и воли, способныхъ валить головы и водворять порядокъ при содѣйствіи палача. Ѳедоръ былъ не отъ этого міра, да и не отъ какого міра вообще. Это не только правитель невозможный, это и человѣкъ невозможный: такъ все въ немъ или выше, или ниже обыкновенныхъ условій человѣческаго существованія.

Насколько потерпѣлъ при такой характеристикѣ Ѳедора настоящій историческій матеріалъ, говорить не нужно. Тутъ собственно не въ немъ и дѣло, а въ созданіи типа подъ покровомъ общеизвѣстнаго историческаго имени. Ни Иванъ IV первой трагедіи автора, ни Ѳедоръ второй, ни другія лица обѣихъ нисколько не внушаютъ, кажется намъ, убѣжденія въ ихъ исторической правдѣ и достовѣрности. Относительно Ѳедора это положеніе очевидно и само собою бросается въ глаза; относительно Ивана IV оно не такъ ясно, благодаря тѣмъ крупнымъ, рѣзкимъ чертамъ его образа, которыя признаются за нимъ и исторіей; но пусть вспомнятъ поклонники этого созданія графа Толстого, готовые отстаивать сходство написаннаго имъ портрета съ историческимъ оригиналомъ, что у автора Грозный не имѣетъ никакой политической программы, никакого повода къ жестокостямъ, кромѣ дикой силы, никакой идеи за душой, кромѣ служенія своимъ звѣрскимъ похотямъ. Съ точки настоящаго исто-

рическаго созданія, такой Иванъ едва ли и мыслимъ. Вообще, по нашему крайнему разумѣнію, мы думаемъ, что превосходные очерки Ивана IV и Ѳедора суть совершенно свободныя, независимыя созданія графа Толстого, выражающія, конечно, извѣстную эпоху, но не самихъ себя, какъ историческихъ лицъ. Мы идемъ еще далѣе и просто скажемъ, что они столь же свободныя созданія, какъ, напримѣръ, король Лиръ или Гамлетъ, и если гораздо болѣе принадлежатъ русской исторіи, чѣмъ тѣ англійской или датской, то благодаря одному обстоятельству: никакая другая жизнь, кромѣ старой русской, не могла бы навѣять автору подобныхъ образовъ, ни изъ какой другой не могъ бы онъ почерпнуть такого содержанія и такихъ красокъ для своихъ созданій.

Въ этомъ и вся сущность дѣла. Настоящая историческая часть трагедій вся ограничивается одною этою чертой, но она именно и утверждаетъ за ними право носить усвоенное ими названіе историческихъ трагедій. По милости одной только косвенной связи съ русскимъ бытомъ, психическіе этюды графа Толстого заключаютъ въ себѣ и все свое оправданіе: значеніе ихъ, какъ живыхъ свидѣтельствъ извѣстнаго времени и народнаго духа, не подлежитъ сомнѣнію. Не даромъ же европейская публика, еще недавно, по одному изъ нихъ старалась составить себѣ представленіе о свойствахъ русскаго національнаго характера и общежитія, не даромъ также наша образованная публика сильно интересуется ими, находя въ нихъ намеки и указанія, нелишнія и для нашего времени. Въ образахъ графа Толстого вообще есть сторона, прямо обращенная къ его современникамъ, есть очень внятное намѣреніе сообщить имъ полезный нравственный урокъ. Это уже лежитъ въ свойствахъ самого таланта его. По нашему мнѣнію, графъ Толстой тогда только и обнаруживаетъ вполнѣ свою авторскую силу и свои средства, когда дѣлается поэтомъ-моралистомъ, то-есть когда находитъ подъ своимъ перомъ философскую, соціальную или политическую тэму и отдается дидактическому, проповѣдническому творчеству, которое процвѣтаетъ у насъ болѣе, чѣмъ какой-либо другой видъ творчества и имѣетъ весьма сильныхъ, замѣчательно-талантливыхъ представителей.

Но откровеніе русской жизни и кончается у графа Толстого съ психическими этюдами; за ними способность проникновенія въ свой предметъ какъ будто покидаетъ его. Сосредоточивая всѣ усилія на обрисовкѣ одного или двухъ характеровъ, онъ словно освобождаетъ себя отъ обязанности заниматься долго всѣмъ остальнымъ міромъ, окружающимъ его героевъ. Для него міръ этотъ, видимо, составляетъ только орудіе, съ помощію котораго онъ извлекаетъ на свѣтъ всѣ нужныя ему черты и подробности у господствующихъ типовъ;

другого и самостоятельнаго значенія онъ ему не даетъ. Правда, весь этотъ многолюдный міръ изображенъ весьма прилично: бояре говорятъ согласно съ тѣмъ что́ говорится о нихъ въ лѣтописяхъ; не менѣе правильно и прилично своему званію выражается и дѣйствуетъ гусляръ, воинъ, монахъ, купецъ, мужикъ (множество мужиковъ поступаютъ рѣшительно такъ, какъ отъ нихъ ожидать слѣдуетъ), и со всѣмъ тѣмъ, въ общемъ строѣ произведенія, они составляютъ несчастную, обдѣленную и безличную толпу, осужденную быть грунтомъ картины, на которомъ выведены одна или двѣ главныя фигуры. Во всей этой толпѣ нѣтъ единицы, которая вырвалась бы изъ ряда обычныхъ (рутинныхъ) изображеній русскаго люда старыхъ временъ и оказалась бы, по одному какому-либу пріему или слову, оригинальною личностію, способною освѣтить внезапно древній бытъ и свойство тѣхъ никѣмъ незаписанныхъ думъ, какія онъ могъ думать про себя. Вся энергія творчества, а съ ней и отгадка психическихъ тайнъ, безъ остатка истощается у графа Толстого на немногія передовыя личности; благодатная искра поэтическаго прозрѣнія тухнетъ тотчасъ, какъ онъ отвернулся отъ нихъ. А между тѣмъ, для литературныхъ цѣлей и особенно для русской исторической трагедіи, міръ, пренебреженный авторомъ, имѣетъ первостепенную важность, и отсутствіе его, или замѣщеніе этого міра обычными, рутинными изображеніями его, не можетъ обойтись безъ какого-либо важнаго ущерба для самого созданія.

Оно отчасти такъ и случилось съ трагедіей „Царь Ѳедоръ Ивановичъ“.

Можно возразить: какая бѣда въ томъ, что второстепенныя лица занимаютъ въ произведеніи тѣ же мѣста, какъ и въ жизни, и служатъ, опять какъ въ самой жизни, страдательными исполнителями замысловъ и плановъ, не ими задуманныхъ. Бѣда, однакоже, оказывается несомнѣнно. Весь этотъ міръ олицетворенныхъ сословныхъ рубрикъ и наименованій ни на что́ не способенъ кромѣ поддакиванія, смѣемъ такъ выразиться, общеизвѣстному историческому факту, излагаемому въ трагедіи. Онъ ничего не можетъ произвести самостоятельнаго или такого, чего бы вы не ожидали. Общеизвѣстность всѣхъ его отвѣтовъ, движеній и помышленій способна приводить въ отчаяніе. Онъ дисциплинированъ въ высшей степени. Конечно, вся эта выправка составляетъ неоцѣненное качество въ лицахъ, обязанныхъ составлять живописныя группы около героевъ или употребляемыхъ на то, чтобы различными и довольно хитрыми способами выманивать у тѣхъ же героевъ тайны ихъ характеровъ, проблески ихъ нравственной природы и затѣмъ, покончивъ эту работу, свершать надъ ними извѣстную кару, по предписанію исто-

ріи, — но зрѣлище выправки иногда кончается досадой на податливость людей, отличающихся ею. Правда, что графъ Толстой умѣетъ еще мастерски справляться съ этимъ образцово-послушнымъ персоналомъ своихъ трагедій: онъ у него очень дружно работаетъ за производствомъ тѣхъ замѣчательныхъ сценъ, гдѣ рисуются настоящіе типы, нужные автору, и работаетъ какъ будто за собственнымъ дѣломъ. Какія услуги оказалъ онъ автору, напримѣръ, при постройкѣ всего превосходнаго акта трагедіи, въ которомъ Ѳедоръ старается примирить Годунова съ Иваномъ Шуйскимъ и ведетъ по этому поводу бесѣду съ духовенствомъ и народомъ, допущеннымъ во дворецъ! Начиная съ владыки Діонисія, отцовъ Варлаама, Іова и кончая старикомъ-купцомъ Курюковымъ и кулачнымъ бойцомъ Микитой Голубемъ, всѣ здѣсь заняты одною заботой — разоблачить добродушную, ребячески-чистую, дѣтски-робкую и безсильную натуру Ѳедора, сохраняя видъ, что говорятъ ему о собственныхъ своихъ нуждахъ и интересахъ. Ловкость ихъ вѣнчается полнымъ успѣхомъ: сцена можетъ назваться образцовою по множеству превосходныхъ психическихъ чертъ, открытыхъ и выведенныхъ ими наружу у оригинальнаго преемника царя Ивана Васильевича. Конечно, если бы дѣло трагедіи могло ограничиваться выставкой одного или двухъ великолѣпныхъ портретовъ, — ничего лучшаго и желать бы нельзя, но въ трагедіи необходимы еще движенія и катастрофы, производимыя столкновеніемъ различныхъ противоположныхъ началъ и личныхъ страстныхъ домогательствъ, которыя на эти начала опираются.

Здѣсь и встрѣчается первое затрудненіе. Извѣстно, что движеніе въ трагедіи находится въ прямой зависимости отъ яркихъ оригинальныхъ типовъ, созданныхъ ею: они только и способны осуществить это первое и главное условіе драматическаго произведенія. Тамъ, гдѣ нѣтъ такихъ типовъ, нѣтъ и движенія; тамъ, гдѣ вся честь обладанія типомъ принадлежитъ одной сторонѣ, а на другой стоятъ или избитыя физіономіи изъ историческихъ учебниковъ, или народъ, представленный сплошь и коллективно въ отвлеченныхъ чертахъ, съ одними родовыми своими признаками и безличными общими фигурами, въ родѣ князя-лихача, купца-старожила и пр., тамъ трагедія останавливается и замираетъ неизбѣжно.

Мы не говоримъ, чтобы новая трагедія графа Толстого была вовсе лишена трагическаго элемента и движенія, но они въ ней такого рода, который не соотвѣтствуетъ уже замѣчательному драматическому таланту самого автора. Движенія и перипетіи ея не настоящія, а, такъ сказать, подставныя, и вотъ почему. Когда дѣйствующія лица, по своему положенію и содержанію, не въ состоя-

ніи породить изъ самихъ себя поучительнаго столкновенія и нравственной борьбы, остается одно: прибѣгнуть къ постороннему средству для того, чтобы довести произведеніе до желаемаго конца. Это постороннее средство есть голый историческій фактъ; на него и возлагается обязанность закончить трагедію и произвести потрясающій эффектъ, котораго она сама, по внутреннему своему безсилію, добиться не можетъ. Развязка трагедіи оказывается чужою развязкой, потому чужою, что отъ драмы мы ждемъ совсѣмъ не повторенія историческаго урока, а указанія, какимъ образомъ извѣстное историческое событіе лежало какъ зародышъ въ большинствѣ нравственныхъ типовъ, существовавшихъ въ его время. Драма просто не дѣлаетъ своего дѣла, когда укрывается за голымъ историческимъ фактомъ, какъ бы онъ ни былъ занимателенъ и страшенъ самъ по себѣ, да и тутъ еще она часто не достигаетъ своей цѣли—увлечь или поразить зрителя жалостію или ужасомъ. Безъ историческихъ разъясненій, невозможныхъ въ драмѣ, и безъ типовъ, которые бы замѣняли это разъясненіе, историческая катастрофа необходимо является на сцену только своею внѣшнею стороной, въ грубой, необдѣланной формѣ, мало способной пробудить мысль и сердце зрителя; она является просто какъ свалка, какъ губительство, какъ дикое злодѣйство сверху или снизу, и часто какъ позоръ для всѣхъ участниковъ въ ней безъ исключенія. Такимъ образомъ и самыя жгучія, кровавыя страницы исторіи идутъ еще не въ прокъ драмѣ, страдающей ничтожествомъ своихъ второстепенныхъ дѣятелей.

Драматическая несостоятельность многочисленныхъ дѣйствующихъ лицъ, выводимыхъ, по необходимости, историческою русскою трагедіей на сцену, и связанная съ этимъ вялость ея хода, кажется намъ, чувствуется и самими авторами драматическихъ произведеній. Чѣмъ другимъ, кромѣ собственнаго ихъ сознанія въ слабости выраженія и содержанія своихъ созданій, можно объяснить почти общее всѣмъ имъ стараніе осмыслить, облагородить, изукрасить выбранный ими предметъ, его завязку и прикосновенныхъ къ ней лицъ всѣми возможными, искусственными и произвольными, способами, взамѣнъ способовъ, не открытыхъ въ жизни изображаемой эпохи. Отсюда, по нашему мнѣнію, ведетъ свое начало употребленіе яркихъ, эффектныхъ мотивовъ и случаевъ, чуждыхъ міру, къ которому они привиты; отсюда также, мы полагаемъ, появленіе шекспиризма, шиллеризма, романтизма и пр. въ русской трагедіи; изъ того же источника въ нѣкоторыхъ случаяхъ является даже усвоеніе мелодраматическихъ пріемовъ современнаго европейскаго искусства. Кто близко знакомъ съ русскими историческими трагедіями, тотъ не будетъ со-

мнѣваться въ дѣйствительномъ существованіи такихъ позаимствованій, а главное, тотъ не будетъ и очень строго осуждать ихъ: все же они составляютъ поправку и украшеніе для трагедіи, планъ которой безъ нихъ предсталъ бы во всей своей сухости и бѣдности. Исключенія есть, но ихъ немного, а притомъ и въ самыхъ исключеніяхъ черты нами указанныя еще находятъ себѣ мѣсто.

Онѣ нашли себѣ мѣсто и въ новой трагедіи графа Толстого, хотя, можетъ быть, еще и по другимъ причинамъ, кромѣ указанныхъ нами. Если не ошибаемся, то въ очевидномъ стремленіи нашего автора къ изукрашенію русской жизни поэтическими и бытовыми сокровищами, которыя попадаются въ литературахъ западныхъ народовъ, много участвуетъ своеобычная эстетическая теорія. Явное намѣреніе вводить лучшія черты и подробности чужой цивилизаціи въ народный русскій бытъ при всякомъ удобномъ случаѣ доказываетъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ эстетическимъ воззрѣніемъ, съ системой и теоріей; нельзя не замѣтить, что подобнаго рода патріотическое усвоеніе чужого добра никакъ не можетъ назваться совершенно безплоднымъ; благодаря ему, трагедія, взятая изъ старой русской жизни, легко допускается въ члены европейской литературной семьи, дается пониманію своихъ и иностранныхъ читателей, безъ чувства и знанія почвы, на которой развилась. Это также служитъ своего рода сближенію между людьми, хотя, разумѣется, вѣрность и правдивость теоріи отъ этого не дѣлается очевиднѣй. Но въ чемъ же заключается сущность ея?

Сколько позволительно догадываться по косвеннымъ намекамъ, заключающимся въ произведеніяхъ графа Толстого, сущность теоріи состоитъ изъ слѣдующаго положенія. Все, что мы называемъ Шекспировскимъ, Шиллеровскимъ, романтическимъ, идеальнымъ и т. д. способами пониманія и изображенія предметовъ, зиждется на одной и той же основѣ, на природѣ человѣка и на присущихъ ему многоразличныхъ духовныхъ и физіологическихъ способностяхъ. Не будь въ человѣкѣ элементовъ для извѣстнаго практическаго настроенія, не было бы и этого настроенія. Способы эти, будучи разъ указаны, принадлежатъ уже одинаково всему міру, такъ какъ явленія, которыя они разоблачаютъ, суть явленія общечеловѣческія, и нѣтъ народа, нѣтъ эпохи, кромѣ народовъ одичавшихъ и эпохъ варварства, гдѣ бы подобныя явленія не могли быть открыты и воспроизведены искусствомъ. Заключеніе очевидно: русская историческая драма употребляетъ мотивы и формы шекспиризма, шиллеризма и пр. на такомъ же вполнѣ разумномъ и законномъ основаніи, на какомъ употребляетъ ихъ англійская, нѣмецкая и всякая другая драма.

Нѣтъ ничего утѣшительнѣе и благообразнѣе этой теоріи. Зачѣмъ намъ, въ самомъ дѣлѣ, отказываться отъ пріобрѣтеній въ области художническаго міра, свободнаго творчества и мысли, сдѣланныхъ другими? Будемъ думать, что все великое, умиляющее и ужасающее ихъ литературъ можетъ быть точно также великимъ, трогательнымъ и поразительнымъ нашихъ созданій. Все дѣло заключается здѣсь въ томъ, чтобы для употребленія этихъ испробованныхъ и дѣйствительно ослѣпляющихъ пріемовъ, найти на нашей почвѣ своеобычную форму, которая бы отвѣчала особеннымъ условіямъ русскаго быта, характера и развитія нашей страны въ различныя ея эпохи. Но здѣсь именно и встрѣчается новое затрудненіе: такой формы найти *нельзя*. Все, что́ намъ выдавали и выдаютъ за такую форму наши драматическіе писатели, сопряжено неизбѣжно или съ пріостановленіемъ на время естественнаго развитія образовъ и событій въ ихъ произведеніяхъ, для того, чтобы дать проходъ поэтической вспышкѣ, часто прекрасной по себѣ, но чужевиднаго и спутывающаго характера, или связано съ надѣленіемъ русской жизни такимъ великолѣпнымъ, но непривычнымъ ей украшеніемъ, что она чахнетъ въ своей драгоцѣнной обновѣ. Причина понятна: въ старомъ русскомъ мірѣ все общечеловѣческое до такой степени проросло національными элементами, хорошими и дурными, положительнаго и отрицательнаго свойства, что не можетъ быть извлечено иначе на свѣтъ, какъ вмѣстѣ съ ними, а представленное въ отвлеченной чистотѣ мысли и поэзіи, или въ формѣ, занятой у чужихъ образцовъ, всегда будетъ отзываться чѣмъ-то въ родѣ неоправданной затѣи художника.

Произведенія графа Толстого тоже не избѣгли вполнѣ этихъ неизбѣжныхъ послѣдствій привитія иностранныхъ мотивовъ къ русской жизни, и въ доказательство мы рѣшаемся передать читателю, вслѣдъ за авторомъ, ходъ и содержаніе капитальной сцены изъ его трагедіи „Ѳедоръ Ивановичъ“, той сцены, на которой основана ея завязка. Въ третьемъ актѣ драмы представлено именно развитіе боярскаго заговора, имѣющаго цѣлью уничтожить вліяніе Годунова на царя, заставивъ послѣдняго, по бывшимъ уже примѣрамъ, развестись съ безплодною своею женой, царицей Ириной, сестрой Годунова, и взять другую супругу, изъ менѣе враждебной и не столь ненавистной фамиліи.

Чего казалось бы лучше быстроты, живости, неожиданности эффектовъ и яркости красокъ, которыми отличаются эти сцены, а между тѣмъ выходитъ такъ, что по мѣрѣ развитія ихъ зритель, не вполнѣ забывшій въ какой народъ, вѣкъ и въ какое общество онъ перенесенъ, теряетъ подъ собой почву. Дѣло вотъ въ чемъ. Оппозиціонная партія, задумавшая погубить Годунова, составляетъ чело-

битную къ царю, указывающую ему на необходимость развода съ Ириной. Всѣ члены партіи ее подписываютъ, а въ томъ числѣ и предводитель партіи, доблестный Иванъ Петровичъ Шуйскій, который находитъ, впрочемъ, что это дѣло не совсѣмъ чистое, и надѣется еще на сдѣлку съ Годуновымъ. Любопытно, что этотъ мужъ совѣта, соперникъ Бориса, и великій гражданинъ, прикладываетъ руку, вмѣстѣ со всѣми друзьями своими, къ рѣшительному, государственному акту, въ которомъ имя будущей супруги Ѳедора еще не найдено и замѣнено пустымъ мѣстомъ, для вписки его, когда отыщется. Одна эта черта сообщаетъ всему предпріятію видъ легкомысленнаго, недодуманнаго дѣла, мало достойнаго серьёзныхъ людей, которые за него принялись. Чѣмъ далѣе развивается событіе, съ тою неимовѣрную драматическою бойкостью, какая ему сообщена, тѣмъ все страннѣе и невѣроятнѣе становится оно по отношенію къ русскому міру. Ночью, предъ разсвѣтомъ, заговорщики, въ полномъ составѣ, спускаются въ садъ, окружающій палаты Шуйскаго, заслышавъ въ немъ шумъ: нѣсколько минутъ предъ тѣмъ въ немъ происходило ночное, любовное свиданіе между молодымъ княземъ Шаховскимъ и княжной Мстиславскою, а теперь является купецъ Красильниковъ съ извѣстіемъ о новой измѣнѣ Годунова, захватывающаго сторонниковъ Шуйскаго, несмотря на клятву жить съ нимъ въ мирѣ. Пораженный изумленіемъ, князь Иванъ уходитъ во дворецъ требовать отчета у царя и Годунова, а оставшіеся на мѣстѣ заговорщики, пользуясь его отсутствіемъ, внезапно отыскиваютъ царственную невѣсту, имъ недостающую, именно княжну Мстиславскую, и одинъ изъ нихъ, Головинъ, тутъ же въ саду, ночью, изъ поясной чернильницы, вписываетъ украдкой ея имя въ челобитную и тѣмъ безвозвратно порѣшаетъ все дѣло.

Кажется, не можетъ быть разнорѣчія въ сужденіяхъ объ этой блестящей и вмѣстѣ неимовѣрной сценѣ. Ясно, что предъ нами не тѣ искушенные въ крамолѣ и интригахъ люди, которыхъ такъ боялся царь Иванъ Васильевичъ, и которые такъ оправдали его подозрѣнія спустя нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти, а какое-то подобіе вѣтреныхъ фрондеровъ, на манеръ Сенъ-Марса и т. п. Продолжаемъ разсказъ. Крутой поворотъ, данный всему дѣлу Головинымъ, встрѣчаетъ, разумѣется, достойнаго возражателя въ молодомъ князѣ Шаховскомъ, едва успѣвшемъ скрыться за деревьями, когда нагрянули въ садъ непрошенные гости. Заслышавъ теперь о намѣреніи ихъ отнять у него невѣсту, Мстиславскую, онъ выступаетъ на сцену и начинаетъ яростную борьбу съ своими злодѣями, завершаемую тѣмъ, что онъ вырываетъ бумагу изъ рукъ оплошавшаго Головина и убѣгаетъ съ ней во дворецъ. Это можетъ назваться спра-

ведливымъ наказаніемъ заговорщикамъ, которые собираются для важныхъ совѣщаній ночью въ саду, огражденномъ такими калитками и заборчиками, которые миновать легко. Но чрезъ мѣру бойкое драматическое изложеніе и тутъ еще не кончается, оно продолжается и въ четвертомъ дѣйствіи. Всѣ входы и выходы Шаховскаго необыкновенны. Онъ насильно вырывается изъ дома Шуйскаго и насильно врывается въ Кремлевскій дворецъ, мимо стражи, которая преслѣдуетъ его съ крикомъ: хватайте вора. Достигнувъ комнаты Ѳедора, онъ бросается въ ноги къ Иринѣ, моля не разлучать его со Мстиславскою и подавая челобитную, такъ ловко имъ похищенную. Только теперь, пробѣжавъ бумагу, царь Ѳедоръ теряетъ, наконецъ, терпѣніе, выходитъ изъ себя и приказываетъ заключить по тюрьмамъ всѣхъ подписавшихъ ее, не исключая и нѣжно-любимаго, оберегаемаго и уважаемаго имъ Ивана Шуйскаго: это значило, при рѣшительности Годунова, осудить ихъ на вѣрную смерть. Всего изумительнѣе слѣдующее затѣмъ: оказывается, что Шаховской, передавая челобитную, не предполагалъ особенно важныхъ послѣдствій для ея составителей. Рожденный и воспитанный въ Россіи XVI столѣтія, онъ приходитъ въ ужасъ отъ неожиданнаго оборота, какой приняло его извѣстіе о заговорѣ, нить котораго онъ указалъ. Ему думалось, что послѣдствіемъ его доноса будетъ только возвращеніе ему Мстиславской, а замыселъ противъ государева дома и спокойствія пройдетъ безслѣдно, разнесется облакомъ по небу. И ничто такъ полно не рисуетъ иноземное, чужое происхожденіе этой фигуры, какъ ея изумленіе и отчаяніе, когда дѣло пошло обычнымъ и настоящимъ своимъ ходомъ.

Мы хотѣли остановиться на этихъ двухъ примѣрахъ, но мастерство примѣненія къ русской драмѣ чуждыхъ ей литературныхъ замашекъ достигаетъ своего высшаго апогея только въ пятомъ актѣ и въ послѣднихъ его сценахъ, а потому рѣшаемся присоединить къ нимъ еще третій. Здѣсь авторъ завершаетъ трагедію Шекспировскимъ способомъ, по которому, на исходѣ драмы, событія слѣдуютъ съ неимовѣрною быстротой, одно за другимъ и часто перегоняя другъ друга, для того, чтобы мгновенно распутать сложную развязку драмы и принести съ собой окончательный приговоръ всѣмъ дѣйствующимъ ея лицамъ. Такъ поступилъ и графъ Толстой; но Шекспировскій способъ не только закончилъ у него драму, но и упразднилъ ее, поставивъ себя на мѣсто многоразличныхъ условій русской жизни и родовыхъ ея отличій.

Вторая, послѣдняя половина пятаго акта свершается уже на площади. Царь Ѳедоръ выходитъ отъ обѣдни съ заключительною молитвой на устахъ, обращенною къ грозному отцу своему, чтобъ

онъ ниспослалъ ему мудрость сдѣлаться сильнымъ и способнымъ государемъ. Молитва эта, произнесенная на колѣняхъ, должна, конечно, пониматься, какъ тихая умственная молитва; послѣ нея царь Ѳедоръ, остановленный на дорогѣ ко дворцу княжной Мстиславскою, которая проситъ о помилованіи ея дяди, Ивана Шуйскаго, приказываетъ освободить его изъ тюрьмы со всѣми его родичами, и отсюда начинается быстрый ходъ развязки. Одинъ за другимъ являются на площадь гонцы съ вѣстями о роковыхъ событіяхъ, подготовленныхъ частію Годуновымъ, частію случаемъ. Они сообщаютъ Ѳедору попеременно извѣстія о томъ, какъ князь Иванъ Шуйскій удавился въ тюрьмѣ, а князь Шаховской, вздумавшій освободить его силой изъ тюрьмы, застрѣленъ; что въ Угличѣ царевичъ Димитрій зарѣзался, что крымскій ханъ, поднявшійся на Москву, уже въ Серпуховѣ и чрезъ нѣсколько часовъ обложитъ городъ. На той же площади, предъ народомъ, царь Ѳедоръ переживаетъ мучительнымъ и вмѣстѣ жалкимъ образомъ многоразличныя душевныя состоянія, начиная со слѣпой ярости до горькихъ слезъ и сознанія себя безпомощнымъ человѣкомъ. На площади же принимаются и политическія мѣры, долженствующія отвѣчать событіямъ. Василій Шуйскій посылается на слѣдствіе въ Угличъ; врагъ Годунова, князь Мстиславскій, назначается главнымъ воеводой для отраженія хана, и самъ Борисъ, подсказывающій эти рѣшенія, идетъ подъ его начало простымъ ратникомъ, къ великому умиленію царя. Историческій фейерверкъ горитъ великолѣпно; при его блескѣ и освѣщеніи, предметы, ихъ свойства и очертанія измѣняются значительно; но что́ за бѣда! Пускай трудно допустить возможность быстрой импровизаціи въ государственныхъ дѣлахъ старой Руси, отличавшейся, наоборотъ, по свидѣтельству всѣхъ памятниковъ, чрезвычайно медленнымъ, осторожнымъ и разсчитаннымъ ихъ веденіемъ, что́ составляло всегда силу Москвы; пускай всякія назначенія на должности проходили въ ней чрезъ долгія справки въ приказахъ и разрядныхъ книгахъ; пускай посылка Василія Шуйскаго въ Угличъ на слѣдствіе, тотчасъ послѣ вѣсти объ убіеніи Царевича, безъ всякаго предварительнаго соглашенія съ коварнымъ царедворцемъ о направленіи дѣла, очень невыгодна для послѣдняго, давая ему видъ нѣмого, трусливаго и ничтожнаго орудія въ рукахъ Бориса — что́ за дѣло! На первомъ планѣ у автора стоитъ громадный сценическій эффектъ, и онъ достигается съ неизбѣжными пожертвованіями бытовой и исторической стороны предмета, о которыхъ много сожалѣть не сто́итъ. Для произведенія того же самаго эффекта, царица Ирина бросается предъ Ѳедоромъ на колѣни, посреди площади, моля его за Шуйскихъ и нарушая всѣ наши представленія о строгомъ церемоніалѣ, который сопровождалъ каждый шагъ женщины

изъ царскаго дома; для него же, для этого эффекта, оруженосецъ приноситъ самому Годунову воинскіе доспѣхи на площадь, и онъ публично, какъ истый рыцарь, облекается въ нихъ, идя на брань съ ханомъ. Требованія того же эффекта заставили автора отдать на площадную выставку всю задушевную исторію Ѳедора, мѣсто развитія которой, по правдѣ, должно бы находиться въ теремѣ, въ образной, въ двухъ стѣнахъ, между близкими и довѣренными людьми. Безпощадный эффектъ успѣлъ не только нравственно обнажить Ѳедора передъ толпой, но и снять съ него принадлежности его сана. Покинутый всѣми (царедворцы и народъ спѣшатъ за Годуновымъ), Ѳедоръ остается одинъ на площади съ Ириной и нищею братіей; окруженный этою свитой, онъ возвращается во дворецъ и предъ нею произноситъ свое трогательное восклицаніе:

Боже, Боже!
За что́ меня поставилъ Ты царемъ!

Но довольно примѣровъ. Остановимся здѣсь и зададимъ себѣ вопросъ: точно ли мы правы, высказывая всѣ эти замѣчанія и сомнѣнія относительно пріемовъ, усвоенныхъ какъ графомъ Толстымъ, такъ и другими нашими писателями, занимавшимися русскою историческою драмой? Можетъ-быть, безъ способовъ, такъ охотно употребляемыхъ ими и которые мы теперь подвергаемъ разбору, невозможно и построеніе драмы, если только не ограничиваться при ея созданіи повтореніемъ лѣтописныхъ сказаній въ діалогической формѣ, или не выдать за образецъ старой русской цивилизаціи и культуры копію съ нынѣшняго крестьянскаго и, частію, купеческаго быта. Несомнѣнно, что способы, такъ затрудняющіе насъ, одни даютъ полный просторъ фантазіи, художническому творчеству, разнообразнымъ изліяніямъ поэтическаго чувства, они же вдобавокъ сообщаютъ произведенію возвышенный тонъ, который довлѣетъ предмету, связанному съ исторіей страны, и поднимаютъ самый умъ и представленіе читателя на высоту его. Отрицать эти способы не значитъ ли отвергать необходимыя условія драматическаго искусства, какъ искусства, и косвенно сознаваться, что русская жизнь, которая съ ними не уживается, тѣмъ самымъ лишена возможности дать изъ себя содержаніе для художественной исторической трагедіи вообще?

Возраженіе было бы сильно, еслибъ отвѣчало на нашу мысль; но оно не отвѣчаетъ ей. Нѣтъ, дѣло здѣсь идетъ не объ отрицаніи тѣхъ могущественныхъ, поэтическихъ средствъ, съ помощію которыхъ создавались великія драматическія произведенія у всѣхъ народовъ, а о слѣдующемъ простомъ и, кажется, очевидномъ положеніи. Какъ ни превосходны эти общепризнанныя средства сами по

себѣ, но безъ участія другихъ, равносильныхъ имъ орудій производства, они еще могутъ быть употреблены на сообщеніе красивой формы, внѣшняго величія и кажущагося значенія предметамъ и лицамъ, оставляя въ сторонѣ ихъ внутреннее, коренное и дѣйствительное содержаніе. Мы хотѣли только показать, какъ опасно, увѣровавъ въ неотразимую силу этихъ способовъ, предоставить имъ однимъ всю работу въ производствѣ драмы. Тогда возникаетъ игра поэтическими средствами, часто гибельная для настоящей задачи автора и часто мѣшающая ему даже въ самомъ важномъ дѣлѣ, въ честномъ и правильномъ осуществленіи основной мысли своего произведенія.

Посмотримъ на драму графа Толстого и съ этой стороны. Основная мысль трагедіи графа Толстого несомнѣнно заключается въ борьбѣ за власть или, что́ все равно, за обладаніе царемъ Ѳедоромъ двухъ политическихъ системъ, представителями которыхъ служатъ, съ одной стороны, употребляя новѣйшіе термины, благородный *консерваторъ* князь Иванъ Шуйскій, а съ другой смѣлый, честолюбивый и умный *реформаторъ* Борисъ Годуновъ. Князь Иванъ Шуйскій негодуетъ на новизны временщика, отяготительныя для всѣхъ классовъ и дерзкія по отношенію къ боярству, которое онѣ грозятъ унизить, ослабляя чинный строй и заведенный порядокъ управленія и налагая руку па многіе старые обычаи и учрежденія. Онъ высказываетъ свое отвращеніе къ крутымъ мѣрамъ и властолюбивымъ захватамъ Бориса, помимо правилъ и установленнаго хода дѣлъ, высказываетъ не вполнѣ отчетливо, но политическая его роль тѣмъ не менѣе очевидна. Подробнѣе излагаетъ свои воззрѣнія Борисъ Годуновъ въ прекрасномъ монологѣ пятаго акта (сцена свиданія съ сестрой-царицей): онъ признаетъ старыя основы государства не довольно твердыми для того, чтобы вынести возрастаніе и расширеніе царства, которыхъ желалъ бы для него, и ищетъ создать для новой Руси болѣе надежныя опоры и болѣе вѣрные источники силы и развитія. Лучшее, счастливѣйшее содержаніе для исторической драмы трудно себѣ и представить: ходъ поучительной борьбы между направленіями, вѣчно возникающими и борящимися на свѣтѣ, сшибка страстей и личныхъ интересовъ, которую она всегда вызываетъ за собой,—все это должно было явиться у автора вмѣстѣ съ идеей произведенія.

Оставалось уловить спеціальный, такъ-сказать, характеръ и подробности этого драматическаго столкновенія; но для того, чтобъ оно имѣло реальный видъ, свойственный историческому дѣлу, необходимо было связать его съ живыми типами. Въ области искус-

ства одни только типы сообщаютъ достовѣрность какъ содержанію произведенія, такъ даже и историческому факту, если онъ составляетъ часть содержанія. Къ сожалѣнію, и князь Шуйскій, и Борисъ Годуновъ выражаютъ великолѣпно у автора драмы свои противоположныя качества,—одинъ—исходя изъ понятія о себѣ, какъ о честномъ, родовитомъ бояринѣ, другой—понимая свое назначеніе въ русской исторіи, но до типовъ, въ настоящемъ смыслѣ слова, они не выросли и не выросли вслѣдствіе, именно, слишкомъ большого великолѣпія своихъ признаній и откровеній.

Чего ждетъ читатель отъ образа благороднаго консерватора тѣхъ временъ? Не нужно быть ни поэтомъ, ни художникомъ для того, чтобъ отвѣчать на этотъ вопросъ. Мы ждемъ въ подобномъ лицѣ отраженія всѣхъ тѣхъ увлекательныхъ сторонъ русскаго быта, за которыя люди клали свои головы и готовы были жертвовать не только своимъ существованіемъ, но и существованіемъ своихъ семей и родовъ. Намъ необходимо видѣть въ немъ примѣръ, какъ люди этого порядка жили на основаніи собственныхъ началъ, по какимъ соображеніямъ считали они свои убѣжденія залогомъ народнаго единства и величія и какъ относились къ закоренѣлому невѣжеству, дикимъ страстямъ и коварнымъ, предательскимъ замысламъ, которые собирались, завѣдомо для исторіи, подъ знаменемъ этихъ же самыхъ началъ. Ничего подобнаго мы не узнаемъ отъ князя Ивана Шуйскаго, представленнаго графомъ Толстымъ. Вмѣсто отвѣта на эти запросы, мы имѣемъ тутъ откровенія совсѣмъ другого рода. Князь Иванъ Шуйскій является рыцаремъ съ такими идеально-высокими качествами души, что они мѣшаютъ ему быть главой партіи и, особенно, не дозволяютъ нести на себѣ обязанности вожака недовольныхъ умовъ. Онъ такъ чувствителенъ къ обаянію теплаго женскаго слова (царицы Ирины во II-мъ актѣ), къ проявленію прямого душевнаго благородства (царя Ѳедора), такъ безоруженъ, когда взываютъ къ его чести и честному слову, что подъ первымъ впечатлѣніемъ два раза жертвуетъ умиленію своимъ дѣломъ, собою и многочисленными своими сторонниками. Особенно *религія честнаго слова*, ему навязанная, можетъ дать справедливый поводъ къ возраженіямъ и, конечно, не съ цѣлью умалить въ чемъ-либо нравственное величіе нашихъ предковъ. У нихъ, и кромѣ нея, остается еще много высокихъ качествъ: они умѣли терпѣть страшныя казни и не смиряться предъ палачами; они представляютъ намъ образцы сильныхъ, закаленныхъ характеровъ, отстаивавшихъ всякое дѣло, доблестное или крамольное, хорошее или дурное, до послѣдней крайности, всѣми наличными силами; но служить отвлеченному принципу,

безплотной идеѣ, въ родѣ понятія о святости чести или честнаго слова, они не могли уже потому, что имѣли весьма реальное представленіе объ этихъ отвлеченностяхъ. Честь заключалась для нихъ въ сбереженіи своего родового положенія и унаслѣдованныхъ общественныхъ правъ, такъ какъ безчестіе состояло въ потерѣ настоящаго своего мѣста между людьми. Все это графъ Толстой знаетъ, конечно, лучше насъ; но желаніе приравнять знаменитыхъ русскихъ людей къ знаменитостямъ западной цивилизаціи, по всѣмъ пунктамъ нравственной доблести, такъ сильно у него, что онъ не усомнился внушить Ѳедору мысль допытаться истины у Шуйскаго, затронувъ щекотливость его чести, и не усомнился показать московскаго боярина, для совѣсти котораго честное слово обязательнѣе цѣлованія креста и иконы. Князь Шуйскій сознается во всѣхъ своихъ замыслахъ и измѣнахъ противъ Ѳедора, какъ только царь объявляетъ, что одного слова его достаточно для уничтоженія существующихъ на него доносовъ и подозрѣній.

Черта превосходная, и мы по праву можемъ любоваться ею, какъ и многими другими, находимыми въ Иванѣ Шуйскомъ, но что изъ того? Чѣмъ великолѣпнѣе черты, подаренныя ему авторомъ, тѣмъ болѣе удаляется онъ отъ типическаго выраженія, котораго мы ищемъ въ одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ противниковъ Борисовой системы; но все же участь князя Шуйскаго въ трагедіи еще лучше участи его врага и убійцы, Годунова, этого безмѣрнаго честолюбца, находящаго оправданіе для всѣхъ своихъ преступныхъ надеждъ и посягательствъ въ идеѣ преобразованія государства, которая наполняетъ его душу.

Какія требованія возникаютъ сами собой при появленіи подобнаго образа въ драмѣ? Прежде всего намъ необходимо видѣть родовую черту, которая отдѣляетъ Бориса Годунова, во-первыхъ, отъ реформаторовъ другихъ странъ, а во-вторыхъ отъ преобразователей, являвшихся въ русской землѣ до него, каковъ Иванъ Грозный, и тѣхъ, которые являлись послѣ него, каковы, напримѣръ, Никонъ или Петръ Великій. Эта родовая черта важна особенно тѣмъ, что одна она и способна составить для Бориса нравственную физіономію, не похожую ни на какую другую въ мірѣ, а потомъ она же только и могла бы указать свойство, сущность и характеръ преобразовательныхъ идей, возможныхъ въ его время [1]). Но этой черты мы не имѣемъ такъ же

[1]) Эта черта, напримѣръ, не допустила бы въ лицѣ Бориса ни малѣйшаго оттѣнка, который бы напоминалъ собой старый типъ кардинала Ришелье, съ его министерскими замашками, угрозами покинуть дѣла и манерой побѣждать упорство короля, показывая вдали массу бумагъ и дѣлъ, его ожидающихъ, что все, будучи усвоено Годуновымъ,

точно, какъ не имѣемъ и другихъ необходимыхъ подробностей для типическаго лица. Мы не боимся провиниться въ излишней требовательности, если скажемъ, что желали бы видѣть, какъ государственная мысль Годунова устроила его понятія, складъ ума, жизненную обстановку. Никто также, полагаемъ, не откажетъ намъ въ правѣ искать въ образѣ Бориса указанія, насколько Борисъ еще принадлежалъ старому міру и насколько онъ изъ него выдѣлился. Въ трагедіи нашего автора всѣмъ этимъ требованіямъ, конечно, не превышающимъ его силъ, предназначенъ удовлетворять одинъ монологъ Бориса при бесѣдѣ его съ сестрой-царицей, о которомъ мы уже говорили. Монологъ превосходенъ, но онъ не отвѣчаетъ ни на что, потому что въ поэтической своей общности могъ бы быть произнесенъ каждымъ нововводителемъ изъ какой угодно эпохи и страны, разумѣется, съ измѣненіемъ нѣкоторыхъ историческихъ подробностей. Весьма мало обрисовываютъ также личность Годунова и его крутыя мѣры, злодѣйская рѣшимость, коварные способы достиженія своихъ цѣлей, очень горячо и бойко изображенные авторомъ; какъ все другое, и они не подвигаютъ образа, потому что на нихъ не видно печати Борисова характера. Всѣ они такого рода, что могутъ принадлежать одинаково человѣку съ государственнымъ умомъ и человѣку въ сущности пошлому, злодѣю по природѣ своей и злодѣю по стеченію обстоятельствъ, реформатору въ душѣ и гонителю всякаго движенія. Что же выходитъ при этихъ условіяхъ изъ всей поэтической работы графа Толстого, весьма цѣнной по краскамъ, широтѣ и бойкости кисти?

Выходитъ слѣдующее: такъ какъ оба представителя противоположныхъ направленій, и Шуйскій и Годуновъ, написаны въ одной манерѣ, то они и становятся похожи другъ на друга, какъ братья. Они говорятъ различное, дѣйствуютъ въ противоположномъ смыслѣ, но общность ихъ происхожденія изъ поэтической работы, чуждающейся реальной стороны предметовъ и образовъ, роднитъ ихъ между собою до поразительнаго сходства. Актеръ, который проникся ролью Шуйскаго, весьма легко, и не измѣняя тона, можетъ перемѣнить ее на роль Годунова: вдумываться въ особенности этихъ характеровъ, въ жизненныя черты, обыкновенно раздѣляющія людей, тутъ не предстоитъ надобности. Таковыхъ собственно нѣтъ, а есть пышное, великолѣпное олицетвореніе понятій о томъ, или другомъ характерѣ, причемъ олицетвореніе уже не носитъ на себѣ, по обыкновенію, никакихъ признаковъ жизни или натуры. Понятно, что

дѣлаетъ изъ послѣдняго, конечно противъ воли и намѣреній самого автора, эффектную фигуру, перенесенную въ Московское царство изъ какого-то другого порядка жизни и существованія.

близнецы, созданные авторомъ, не могли, несмотря на весь талантъ его, дать какое-либо реальное дѣло и содержаніе для трагедіи. Не откуда было явиться, не за что было держаться реальному изображенію исторической борьбы между началами при такихъ представителяхъ ея, которые едва-едва сохраняютъ на себѣ окраску жизни и движутся въ сферѣ существованія, для нихъ нарочно придуманной авторомъ. По неволѣ приходилось создавать искусственную завязку и при этомъ руководиться выборомъ такого изображенія борьбы двухъ политическихъ теченій, которое, по живости, образности и эффектности своей, заставило бы читателей позабыть о противорѣчіяхъ съ условіями старинной русской жизни. Къ этому именно и приведенъ былъ неизбѣжно авторъ, какъ мы старались указать то выше.

Кончаемъ нашъ разборъ трагедіи однимъ и необходимымъ замѣчаніемъ. Мы нисколько не думаемъ отказывать графу Толстому въ вѣрномъ *историческомъ чувствѣ*, которое, по нашему мнѣнію, гораздо важнѣе для производства драмы, чѣмъ даже выборъ или глубокое знаніе историческаго факта, назначеннаго составлять ея содержаніе. Всѣ признаки историческаго чутья у него несомнѣнны и очевидны — но автору недостаетъ только выдержки для того, чтобъ оно сдѣлалось источникомъ его вдохновенія при созданіи всѣхъ другихъ подробностей драмы и, главное — всѣхъ другихъ образовъ, которые единственно изъ него и могутъ получить нужную имъ жизнь, правдивость и достовѣрность.

„Рус. Вѣстн.“ 1868, іюль.

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ТОМА.

3 vol. 20.00

88-B11296

GETTY RESEARCH INSTITUTE
3 3125 01640 0927

Bo
4 K